This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 507.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1221
1-16

ОБРАЗОВАН

АПРѢЛЬ

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1908 годъ.

Цѣна за годъ 7 руб. съ перес., на полгода—3 р. 50 к.

Содержаніе № 4.

		стран.
1.	Послѣдніе дни Рѣпникова. Разсказъ **В. Башкина** (окончаніе)	1— 20
	*** Стихотвореніе **Ѳ. Сологуба**	21
3.	Романсъ. Стихотвореніе **Як. Година**	22
4.	Старецъ. Разсказъ **М. Розенкнопа**	23— 40
5.	Егорій. Стихотвореніе **А. Толстого**	41
6.	Кофейни. Стихотвореніе **Ѳ. Шипулинскаго**	42
7.	Сила. Повѣсть **Бориса Лазаревскаго** (продолженіе)	43— 65
8.	*** Стихотвореніе **Ѳ. Сологуба**	66
9.	Дитя свѣта. Повѣсть **Я. Корчака**. перев, съ польскаго *А. Виленской* (продолженіе)	67—104
10.	Праздникъ. Стихотвореніе **Кривича**	105
11.	Молодая смерть. Стихотвореніе **А. С. Грина**	106
12.	Бремя жизни. Романъ **Ф. Голлендера**, перев. съ нѣмецк. *З. Журавской* (окончаніе)	107—156
13.	Народное просвѣщеніе и бюрократія послѣ 1861 г. **А. Ершова**	1— 39
14.	Общественныя работы въ Петербургѣ 1906—1907 гг. **С. Петрова**	40— 72
15.	Эстетизмъ и эротика **Н. Абрамовича**	73—108
16.	Изъ пережитого **Г. Алексинскаго**	109—132
17.	Что такое воля и цѣль личности? **К. Вейдемюллера**	133—156
18.	Государственная Дума и рабочій вопросъ **Д. Зайцева**	1— 15
19.	Книга о Новомъ Театрѣ **А. Луначарскаго**	16— 39

См. стр. 3.

Digitized by Google

XVII. 1908

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№. 4.

Харьковская Губернская Библиотека
Устрь
№ 4.
1941 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1908.

Digitized by Google

L
PSlav 507.5 (1908/4)

17-го Апрѣля.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

		Стран.
1.	Послѣдніе дни Рѣпникова. Разсказъ **В. Башкина** (окончаніе)	1— 20
2.	* * * Стихотвореніе **Ѳ. Сологуба**	21
3.	Романсъ. Стихотвореніе **Як. Година**	22
4	Старецъ. Разсказъ **М. Розенкнопа**	23— 40
5.	Егорій. Стихотвореніе **А. Толстого**	41
6.	Кофейни. Стихотвореніе **Ѳ. Шипулинскаго**	42
7.	Сила. Повѣсть **Бориса Лазаревскаго** (продолженіе)	43— 65
8.	* * * Стихотвореніе **Ѳ. Сологуба**	66
9.	Дитя свѣта. Повѣсть **Я. Корчака**, перев. съ польскаго *А. Виленской* (продолженіе)	67—104
10.	Праздникъ. Стихотвореніе **Кривича**	105
11.	Молодая смерть. Стихотвореніе **А. С. Грина**	106
12.	Бремя жизни. Романъ **Ф. Голлендера**, перев. съ нѣмецк. *З. Журавской* (окончаніе)	107—156

13.	Народное просвѣщеніе и бюрократія послѣ 1861 г. **А. Ершова**	1— 39
14.	Общественныя работы въ Петербургѣ въ 1906—1907 гг. **С. Петрова**	40— 72
15.	Эстетизмъ и эротика **Н. Абрамовича**	73—108
16.	Изъ пережитого **Г. Алексинскаго**	109—132
17.	Что такое воля и цѣль личности? **К. Вейдемюллера**	133—156

18.	Государственная Дума и рабочій вопросъ **Д. Зайцева**	1— 15
19.	Книга о Новомъ Театрѣ **А. Луначарскаго**	16— 39
20.	*ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.* Сатиры и нимфы **В. Львова**	40— 53
21.	Среди журналовъ **В. М—ча**	54— 63

Digitized by Google

СТРАН.

22. *ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.* Бюрократическія предначертанія **Л. Клейнборта** . . . 64— 84

23. *КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.* 1. Осипъ Дымовъ. Земля цвѣтетъ. **Н. Я. А—вича.** 2. Сборникъ Т-ва „Знаніе" (XX). **Его же.** 3. Б. П. Никоновъ. Въ стѣнахъ гимназіи. **Л. Клейнборта.** 4. Мих. Лемке. Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ". **М. Ольминскаго.** 5. А. И. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. **П. Б.** 6. К. А. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. **М. Ольминскаго.** 7. А. Мюллеръ. Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. **Д. Зайцева.** 8. А. С. Шоръ. Основныя проблемы теоріи политической экономіи. **Его же.** 9. Очерки всеобщей исторіи. **В. Николаева.** 10. Б. Спекторскій. Очерки по философіи общественныхъ наукъ **М. В.** 11. Гр. А. К. Толстой. Его время, жизнь и сочиненія **А. Налимова.** 12. В. И. Чарнолускій. Къ школьной реформѣ. **Л. К.** 13. М. Новорусскій. Земля и ея жизнь. **В. Величкиной.** Новыя книги поступившія въ редакцію . . . . . 85—115

24. Объявленія.

Digitized by Google

Харьковская губернская библиотека

Послѣдніе дни Рѣпникова.

Разсказъ В. Башкина.

(Окончаніе).

IX.

По одному взгляду за окно можно было убѣдиться, какъ окрѣпъ за ночь морозъ. Бѣловатая, чуть-чуть блестѣвшая муть застыла и неподвижно висѣла въ словно падающемъ на землю воздухѣ. Сосны съ тяжелыми хлопьями снѣга на опущенныхъ книзу вѣткахъ казались задушенными морозомъ, потерявшими послѣднюю надежду и переставшими дышать. Блѣдное голубое небо со стеклянымъ оттѣнкомъ холодно сверкало, и на окнахъ сосѣднихъ дачъ бѣлыми лучами играло неторопливое зимнее солнце.

Рѣпниковъ умывался. Жгла холодная колодезная вода. Руки посинѣли и заныли въ суставахъ. Долго вытирался, плотно прижимая къ лицу мохнатое полотенце. Смотрѣлъ въ окно.

Поскрипывали бревна дачи, и съ дороги доносилось неясное гудѣнье. Всматривался въ морозную муть внимательными глазами. Создавалось впечатлѣніе, что къ дачѣ подползло огромное, тяжелое чудовище, обхватило ее ледяными лапами и прижало къ широкой, жесткой груди. Напрягается, чтобы поднять и унести въ лѣсъ.

Онъ поморщился. Холодная дрожь пробѣжала по клѣточкамъ мозга. Застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы, поднялъ воротникъ и, потирая руки, быстро заходилъ.

На кухнѣ переливали воду, и шумъ широко-падающей струи пробудилъ во всемъ тѣлѣ острое ощущеніе холода. Къ плечамъ прикоснулись ледяные пальцы и сжимали мускулы. Коченѣли ноги.

Все время ходилъ. Шаталась одна изъ половицъ и мѣшала думать. Покрытыя снѣжными узорами окна сіяли матовой бѣлизной, и ихъ неживой блескъ причинялъ болѣзненное безпокойство.

Digitized by Google

Что это было за безпокойство — хотѣлось понять и не удавалось. Остановишься, подползаетъ, ломитъ вѣки. Странное чувство въ мозгу, точно онъ сжимается, ворочается и пробуетъ спрятаться.

Можетъ быть, крови мало. Нечѣмъ согрѣться тѣлу. Перестать на нѣкоторое время ходить и думать, не бороться. Тогда, пожалуй, то, что за дачей, придвинется вплотную, прижметъ его къ себѣ, сломаетъ грудную клѣтку, возьметъ дрожащую душу, какъ нужную добычу и унесетъ на холодъ.

Развѣ попробовать умереть вотъ сейчасъ, въ эту минуту? Вѣдь ему все равно.

Рѣпниковъ закашлялся.

Присѣлъ. Глаза расширились. Ждалъ, задерживая дыханье. Жадно стучало сердце, тревожилось, мучилось. Просило какъ-нибудь иначе, не такъ больно. Тѣло покрывалось потомъ и волоса прилипали къ вискамъ. Взглядъ блуждалъ, остановился на диванѣ съ несвѣжимъ чехломъ, откинутымъ за спинку, на очкахъ, заботливо положенныхъ Анной Федотовной на газету, которую она читала и не дочитала.

Надо только поскорѣе, пока не мѣшаютъ.

Маленькой, теплой точкой становилась Марина, игрушечнымъ домикомъ казался университетъ, умолкалъ хохотъ Бѣлопольскаго.

Ну, страшно, что ли?

Глаза не соглашались, что не страшно и искали, за что ухватиться. И сердце было точно чужимъ страдающимъ сердцемъ, которое приходилось тянуть за собой насильно. Шептало, что хорошо бы обождать одну минуту, сдѣлать послѣдній глубокій вздохъ. Торопилось съ ударами и наполняло всю грудную клѣтку. А глаза уже прицѣпились къ очкамъ Анны Федотовны. Войдетъ, чтобы дочитать газету, застанетъ мертвымъ сына. Встревожится. Потекутъ по щекамъ старухины слезы Будетъ смотрѣть, какъ обмываютъ холодное, закоченѣвшее, потерявшее стыдъ, тѣло.

Дай дочитать матери газету. Не кради у нея спокойныхъ часовъ. Ты любишь свою мать? Знаю, что любишь.

Мерзлый комокъ растаялъ въ горлѣ. Свободнѣе стало. Грудь вздохнула. Отошелъ кто-то отъ Рѣпникова. Плечи высвободились изъ ледяныхъ тисковъ. Ребра сдѣлались упругими и неломкими.

Нахлынули въ пустоту думы. Сначала осторожно заглянула одна. Вернулась къ дожидавшимся, извѣстила ихъ, что можно. Побѣжали разомъ всѣ, какъ мальчики изъ школы по окончаніи уроковъ. Рѣзвились, будто играли въ снѣжки.

— Ты любишь свою мать, Рѣпниковъ?

— Ты хочешь честно жить, Рѣпниковъ?

Digitized by Google

— Ты хорошо умрешь, Рѣпниковъ, безъ гнѣва и ненависти, умрешь, какъ вѣрный сынъ земли, отдавъ ей при послѣднемъ вздохѣ сокровища своего ума и чувства, которыхъ не умѣлъ использовать!

Сердце торжествовало и ударъ за ударомъ посылало въ мозгъ теплые, ласковые вопросы. Любовно и нѣжно трепетало тѣло.

Какъ въ веселой уличной толпѣ былъ Рѣпниковъ.

— А вѣдь я могу поправиться. Стоитъ только захотѣть. Въ самомъ дѣлѣ. Заняться мнѣ этимъ, что ли?

И онъ сладко выпрямился, вытянулъ руки надъ головой, точно долго сидѣлъ надъ утомительной и нудной работой.

„Умирать... Нѣтъ... Еще погодимъ... Есть еще порохъ въ пороховницахъ". Забарабанилъ пальцами по выгнутой колесомъ груди. Началъ напѣвать оперную арію. Мысленно поднялся по университетской лѣстницѣ и пошутилъ съ товарищами.

Милое земное привѣтливо мелькнуло ему изъ очковъ, положенныхъ на газету. Онъ сѣлъ рядомъ съ ними, конфузливо улыбнулся, высоко заправилъ чехолъ, вспомнивъ укоры матери, что не умѣетъ сидѣть на диванѣ. Поморщился на матовыя оконныя пятна. Тѣнь толстаго ствола сосны вырисовалась на крайнемъ окнѣ, и въ верхнихъ квадратахъ переплета рамы плавно качались ея бархатныя синія вѣтки.

Изъ корридора тянуло легкимъ угарнымъ дымкомъ. Сырой, непріятный запахъ щекоталъ ноздри. Но Рѣпниковъ не сердился.

Онъ любитъ свою мать и больше не будетъ мѣшать ея старымъ заботамъ, морщинистымъ и жесткимъ, какъ покрытыя мозолями рабочія руки. Вдыхалъ щекочущій дымокъ съ дѣтской радостью. Снисходительно улыбался.

Это жизнь. Это приходитъ жизнь.

И становилось до того хорошо и весело, что хотѣлось, чтобы въ комнату на самомъ дѣлѣ вошло что-нибудь вродѣ Астры—лохматое и ласковое; зарыть руку въ его курчавую, теплую шерсть и задуматься. Положить ногу на ногу поудобнѣе, закурить папиросу, смѣяться всему, быть близкимъ каждому живому существу.

И если войдетъ Марина Николаевна, указать ей мѣсто рядомъ съ собой, разсказать, какъ онъ разсердился на ея письмо и пустилъ летѣть его мотыльками вмѣстѣ съ веселыми листьями.

И если фамильярно хлопнетъ по плечу штабсъ-капитанъ Бѣлопольскій, Данинъ мужъ, поглядѣть на его пушистые,

Digitized by Google

серьезные усы и на яркіе, бѣлые зубы, которые еще бѣлѣе отъ здоровыхъ губъ, и сказать ему только одно слово:

— Батенька.

И если безшумно приблизится тихая, темная тѣнь женщины съ золотымъ вѣнчикомъ вокругъ головы и остановитъ на немъ скорбные, жалѣющіе глаза, напоминающіе о ея возлюбленномъ сынѣ, отвѣтить ей печальнымъ, но яснымъ взглядомъ:

— У меня есть старая мать, которая вѣритъ въ тебя, и я знаю много другихъ матерей, которыя тоже вѣрятъ.

Это приходитъ жизнь.

Рука зарывается въ спутанную, курчавую шерсть. Рѣпниковъ задумался. Конечно, онъ напишетъ Маринѣ о своихъ новыхъ настроеніяхъ, непремѣнно напишетъ, съѣздитъ къ Бѣлопольскимъ подъ конвоемъ мамаши посмотрѣть на Даниныхъ дѣтей, будетъ читать книги для диссертаціи.

Мозгъ у него свѣжій, и маленькія, чуткія клѣточки радостно вздрагиваютъ въ предчувствіи работы.

А жуки-могильщики... Ихъ нѣтъ вовсе. Они уползли на гніющіе трупы, кладутъ крошечныя бѣлыя яички и шевелятъ тонкими усиками.

Когда-нибудь и онъ будетъ трупомъ. Но не теперь.

X.

— Кашне-то лучше подвяжи. Не умѣешь. Давай, я.

И Анна Федотовна положила мѣховое пальто Рѣпникова, которое держала въ рукахъ, на сундукъ. Подошла близко къ сыну и заботливо подвязала ему горло фуляровымъ платкомъ. Рисунокъ ея пухлыхъ губъ принялъ ворчливое выраженіе. Подавая шубу, она не удержалась, чтобы не сказать:

— Не ѣздилъ бы, Петръ. Простудишься. Смотри: только поотпустило, а ты ужъ радъ стараться.

Рѣпниковъ молчалъ и медленно застегивалъ пальто. Большія, туго-пришитыя пуговицы съ трудомъ проходили въ петли. Усталъ и присѣлъ на сундукъ отдышаться.

— Видишь?

Анна Федотовна съ укоризной покачала головой.

— Дѣла твои и обождать могутъ.

Отъ испытующаго взгляда матери трусливо заворочилось сердце. Пожалуй, отдохнуть бы еще съ недѣлю. Мелькнуло темное предчувствіе чего-то нехорошаго. Опять почувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ.

Не понравилось.

Digitized by Google

Чего слѣдитъ за нимъ? Взрослый, кажется. А умретъ, такъ и дѣло съ концомъ.

Рѣпниковъ всталъ. У двери отрывисто обернулся.

— Что вы въ самомъ дѣлѣ хотите отъ меня? Сидѣть дома и отъ тоски съ ума сходить. Большое удовольствіе, нечего сказать.

И недовольными глазами пояснилъ онъ, какую глупость она ему предлагаетъ. Анна Федотовна скрестила руки на груди и напустила на себя показное безразличіе. Молча поцѣловались.

Рѣпниковъ шелъ къ станціи и смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Уныніе находило на него и думалось, что лучше никуда не ѣздить и сидѣть дома. И не недѣлю, а всегда сидѣть: сегодня, завтра, будущій годъ.

„Не такъ-то легко возвращаться въ жизнь"...—усмѣхнулся онъ про себя и упрямо шагалъ подъ тоскливыя предупреждавшія о неизвѣстной опасности думы. Сѣрыя, неясныя картины зарождались въ мозгу. Чья-то безучастная смерть, чьи-то скучныя слезы. Слышится вздохъ, и никому нѣтъ дѣла до того, что умеръ больной.

„И мнѣ тоже нѣтъ дѣла"...—твердилъ Рѣпниковъ.

Пусть сердце бьется, пока можетъ биться; ноги ходятъ, голова думаетъ. А тамъ до остального далеко. Свалишься, уберутъ тебя. Достаточно съ собой повозился. Надоѣло. Будь, что будетъ. Онъ на все готовъ. И если надо давать отчетъ о своей земной жизни, дастъ. Скажетъ, что сердце билось, ноги ходили. Истрепалось сердце, и онъ умеръ. Больше ни слова не прибавитъ.

Сѣлъ въ вагонъ. И думалось о тѣхъ многихъ, которые уже умерли. И мертвые были ближе живыхъ, понятнѣе и дороже.

Рѣпниковъ вспоминалъ о безчисленныхъ казняхъ, объ убійствахъ на погромахъ, о мужикахъ и бабахъ, ходившихъ съ дрекольемъ на солдатъ, о французахъ, замерзшихъ въ 12-году, объ одиноко умиравшихъ старикахъ. Теплое розовое тѣло вздергивалось на висѣлицу. Въ ветхую рясу кутался худенькій французикъ. Держась за раненый животъ, бѣжала по полю баба. И разные глаза и руки мелькали передъ Рѣпниковымъ. Тонкія, синія жилки на нѣжномъ, какъ кожица персика, женскомъ тѣлѣ.

Умирали—удивлялся имъ Рѣпниковъ.

Яркія кофты и платки бабъ зарябили, загорѣлыя жилистыя шеи мужиковъ, красныя рубахи, прилипшія къ потному коричневому тѣлу. Шумъ и крики... „Постоимъ, ребята". „Постоимъ". И потомъ разгоряченныя лошадиныя морды и подъ копытами топчется полный ужаса и крови круглый

Digitized by Google

живой глазъ, еще кричащій: „Постоимъ, ребята". Обнаженная изуродованная баба съ мѣшковатыми пустыми грудями, выкормившими десятокъ дѣтей, лежитъ, свѣсивъ ноги въ канаву.

Отомстить за нихъ. Собрать остатокъ силъ, напречься на одинъ день. За худенькаго, молоденькаго французика, который плакалъ отъ мороза и до крови искусалъ свои тонкія, блѣдныя губы.

Вздрагивалъ вагонъ и быстрымъ шумомъ своимъ, стремящимся все впередъ и впередъ, помогалъ возникновенію новыхъ образовъ, захватывалъ подъ суетливыя грохочащія колеса, рвалъ на клочки и пѣлъ грозную пѣсню смерти.

„Надо объяснить человѣчеству" — думалъ Рѣпниковъ. Пальцы сжимались, стремясь удержать что-то ускользающее. Въ воображеніи вставала громадная трибуна, съ которой онъ будетъ говорить людямъ о несправедливомъ Богѣ, о жестокихъ правительствахъ, о необходимости возстанья противъ смерти-побѣдительницы. Постоимъ, ребята?—Постоимъ.

Остановиться... только остановиться и принять рѣшеніе. Гордымъ и смѣлымъ, раздвигающимъ суету, войти въ жизнь и покрыть своимъ голосомъ всѣ другіе голоса, чтобы привлечь общее вниманіе. Напѣвы колесъ вцѣпятся въ новыя слова, завертятъ ихъ, будутъ бросать кверху и книзу, разорвутъ на клочки.

Простоимъ, ребята?—Постоимъ.

Такъ будутъ кричать разорванныя, умирающія слова, и снова сольются въ грозный призывъ къ возстанью. И призывъ этотъ—бѣлая прекрасная птица—стрѣлой взовьется къ небу, стрѣлой упадетъ на колѣни Бога и алой кровью обрызгаетъ золотой Божій престолъ. И капли крови прожгутъ Божьи одежды и одежды ангеловъ. И ангелы скажутъ:

— Намъ больно.

И потомъ еще скажутъ:

— Мы не знали, что такая горячая кровь у людей.

Рѣпниковъ думалъ о казненныхъ недавно, объ умершихъ давно. Удивлялся круглому кровавому глазу, искусаннымъ губамъ солдата великой арміи, пустымъ мѣшкамъ грудей и нѣжнымъ розовымъ рукамъ, покрывшимся на холодѣ разсвѣта синими крапинками.

Сталъ пересчитывать.

Цезарь убитъ. Наполеонъ умеръ въ изгнаніи. Каляевъ повѣшенъ. Пушкина нѣтъ оттого, что онъ родился въ восемнадцатомъ столѣтіи. Его бы, Рѣпникова, тоже не было если бъ онъ родился сто лѣтъ назадъ. Ходилъ бы тогда въ смѣшномъ цилиндрѣ, не зналъ бы о русско-японской войнѣ, былъ бы славянофиломъ или западникомъ. А Марина

Digitized by Google

говорила бы кому-нибудь другому о томъ, что надо жить. Теперь говорила.

Холодокъ пробѣжалъ по Рѣпникову. Онъ не хотѣлъ другого, кому бы пришлось отдать сегодняшнее біеніе сердца, думы о бабахъ въ пестрыхъ платкахъ, заботы Анны Федотовны и маленькія ручки Марины.

Но вѣдь это будетъ... впереди—черезъ сто, двѣсти лѣтъ.

Ахъ, пускай.

Все чужое—впереди. Чужія пьесы въ театрахъ, новый рѣжущій глазъ, стиль домовъ, незнакомыя бороды будущихъ профессоровъ, газеты, которыхъ никогда не увидитъ и не прочтетъ Марина. А теперь все свое до самой послѣдней мелочи.

XI.

Замедлилось движеніе поѣзда. Вмѣсто сверкавшихъ на солнцѣ полей и бархатно-зеленыхъ сосновыхъ лѣсовъ, дѣловито кланявшихся другъ другу,—замелькали безконечные заборы, склады дровъ и каменнаго угля, многоэтажные дома, одиноко стоявшіе среди пустырей, и занесенныя снѣгомъ могилы стараго кладбища.

Рѣпниковъ пошелъ пѣшкомъ. Отсталъ отъ толпы. Надо было подумать зародившіяся въ поѣздѣ думы. Рѣшить, что-же ему дѣлать. Безъ окончательнаго рѣшенія онъ не хотѣлъ идти ни къ Маринѣ, ни къ университетскимъ товарищамъ. Можетъ быть, Марина ему теперь и не нужна вовсе. Почемъ знать?

Стало тоскливо. Въ каменной шумливой громадѣ среди бѣгущихъ куда-то людей, среди конокъ, автомобилей и магазиновъ, среди окрикивающихъ извозчиковъ и газетчиковъ, поспѣшно сующихъ вчетверо сложенные газетные листы въ наскоро-протянутыя руки, Рѣпниковъ казался себѣ выкинутымъ изъ суетливаго, людского потока. Жизнь неслась мимо него, не обращая вниманія на полу-живые сѣрые глаза, безнадежно стремившіеся не отставать отъ другихъ глазъ. Она показывала ему свою широкую равнодушную спину.

Ага... не нуженъ тебѣ больше...

Скрипнула злоба въ душѣ, оцарапала нѣжныя, грустныя думы.

Рѣпниковъ остановился передъ яркими отъ полировки нахально-сверкавшими зеркалами, выставленными на витринѣ богатаго магазина. Какъ они горды и самоувѣрены! Какъ лѣзутъ на глаза, крича о своемъ правѣ на высокія комнаты съ лѣпнымъ потолкомъ и позолоченной мебелью.

Оглядѣлъ въ одномъ изъ нихъ свою фигуру и словно чувствовалъ презрительную гримасу дорогого стекла. По-

Digitized by Google

жалъ плечами. Сѣрые заиндивѣвшіе усы, съ обдерганными кончиками, мутные, серьезные глаза, остроконечная барашсовая шапка.

— Ну, куда такой, какъ я?

И опять скрипнула злоба.

Приложенная къ борту пальто рука опустилась и сжалась въ кулакъ. Рѣпниковъ осмотрѣлся: не слѣдитъ ли за нимъ кто-нибудь изъ публики. Заслонилъ себя спиной и погрозилъ кулакомъ зеркальному магазину.

Разбить бы... ахъ... разбить самое нахальное зеркало за то, что оно брезгаетъ отражать его мерлушковую шапку, которую купила Анна Федотовна за одиннадцать рублей и съ которой до сихъ поръ она бережно стряхиваетъ снѣгъ.

Разбить бы и потомъ, какъ заяцъ бѣжитъ отъ собаки, бѣжать отъ прохожихъ: отъ лавочниковъ, городовыхъ и мальчишекъ.

Дать пощечину жизни, той жизни, что любитъ сытыхъ, самодовольныхъ, нахальныхъ и богатыхъ. Нарочно стать сумасшедшимъ.

Но оборвался гнѣвъ, и стало стыдно.

Пылающая кровь окрасила щеки. Часто билось сердце. Онъ торопился уйти куда-нибудь отъ великолѣпной улицы, знавшей его молодымъ и веселымъ и теперь отказывавшейся отъ знакомства и близости.

Скоро усталъ. Остановился передохнуть.

Какъ онъ боленъ... какъ серьезно боленъ. Вотъ уже нѣтъ силъ не только для ненависти, а даже для простого передвиженія. И пальто такое тяжелое, путающее ноги, точно въ него вложенъ свинецъ. Во всемъ тѣлѣ больные остатки жизни, изнемогающіе отъ утомленья и требующіе отдыха во что бы то ни стало, хотя бы на уличной панели, подъ чужими, равнодушными и безразлично-удивленными взорами.

Лечь вотъ такъ... головой подъ водосточную трубу, руки подложить подъ голову, носками калошъ упереться въ тумбу, смотрѣть на калоши и ботинки, смотрѣть и ни о чемъ рѣшительно не думать.

Сначала примѣриться, а потомъ лечь.

Больная полевая мышка ползетъ черезъ дорогу. Ее покидаютъ послѣднія силы. Давитъ тоска. Но она все-таки ползетъ. Сваливается въ колею. Отдыхаетъ. Дѣлаетъ еще усиліе. Послѣдній короткій вздохъ, оборвалась маленькая тоска. Худенькое сѣрое тѣльце съ вылѣзшей шерстью вытягивается и остается лежать среди родныхъ запаховъ земли и травы. Налетитъ вѣтеръ, понюхаетъ ее и побѣжитъ дальше по какимъ-то нужнымъ дѣламъ. И бѣленькія ромашки смо-

Digitized by Google

трятъ ему вслѣдъ и задумчиво киваютъ ясными дѣтскими головками, удивляясь, какъ много дѣлъ у большого дяди вѣтра.

У человѣка нѣтъ такой простой и поэтической смерти. Человѣкъ—разумное существо. Если онъ боленъ, онъ лежитъ дома въ кровати, лежитъ безъ любимаго дѣла съ одними мучительными сомнѣніями.

Рѣпниковъ смотрѣлъ на то мѣсто панели, гдѣ предполагалъ улечься. Кое-кто изъ прохожихъ остановился. Думали, что онъ потерялъ деньги. Мальчишка въ парусиновомъ передникѣ и желтыхъ кожаныхъ рукавицахъ шмыгнулъ мимо. Оглянулся. Свистнулъ въ два пальца, похлопалъ себя по бокамъ и побѣжалъ.

— Ишь, чортъ, какого стрекача задалъ, словно стибрилъ что,—не то позавидовалъ мальчугану, не то просто встрянулся отъ долгаго сидѣнья на козлахъ старенькій извозчикъ съ рѣденькой козлиной бороденкой. — Садитесь, баринъ. Подвезу.

Подтянулъ возжи и зачмокалъ губами.

Сивая исхудавшая лошадь выжидательно повернула морду къ Рѣпникову, взглянула на него гноящимся глазомъ и зашаталась, какъ пьяная.

— Ишь, и она застоялась. Садись, баринъ. Дорого не возьмемъ.

У Рѣпникова не было силъ ни отказываться, ни соглашаться. Извозчикъ подъѣхалъ ближе и отстегнулъ полость саней. „Не надо", хотѣлъ сказать Рѣпниковъ. Потомъ подумалъ, что лошадь никуда не годится. Подошелъ къ саннямъ и сѣлъ. Назвать улицу, гдѣ живетъ Марина, что ли? Мутно мелькали знакомыя ворота и темная лѣстница. Нѣтъ, не стоитъ. Не о чемъ говорить тамъ.

Онъ съежился. Холодно что-то. Ѣхать бы скорѣе.

— Куда прикажете?

Извозчикъ держалъ кнутъ наготовѣ и ждалъ.

— А, все равно.

— На кладбище. Къ вокзалу.

Сумерки наплывали на городъ. Лѣниво падали большія снѣжныя хлопья. Обдавало сырымъ туманомъ. Пухлый снѣгъ облѣплялъ глаза, падалъ на носъ и щеки и холодными струйками сползалъ на шею. Рѣпниковъ запряталъ руки въ карманы пальто, терся подбородкомъ о крючокъ воротника и старался сидѣть прямо. Смотрѣлъ на спину извозчика и лошадиный задъ. Находило забытье, и онъ закрывалъ вѣки и дремалъ. Потомъ вспоминалъ, что ѣдетъ на кладбище къ вокзалу, что придется слѣзать съ саней и доставать кошелекъ. Холодно дѣлалось. Глубже прятались руки.

Хорошо, что попалась плохая лошадь.

Digitized by Google

Наконецъ, въѣхали въ ворота кладбища. Уже стемнѣло, и желтыя мутныя пятна фонарей разомъ разбѣжались по городу.

Попросилъ остановиться у дряхлой, несчастной на видъ часовни. Старичокъ-извозчикъ ухмыльнулся и кулакомъ потеръ носъ. Похлопалъ рукавицей объ руковицу. Снялъ шапку и медлительно перекрестился.

Рѣпниковъ вошелъ въ часовню. Унылыми, скучными взглядами встрѣтили его спящія иконы, спросили: зачѣмъ онъ ихъ потревожилъ, обидѣлись, что не отвѣчаетъ, и опять задремали. Не зналъ, что дѣлать, и озирался по сторонамъ. Увидѣлъ, какъ сырой, темный холодъ жмется къ стѣнамъ.

Купилъ тоненькую желтую свѣчку, чувствуя, что совершаетъ убогій поступокъ, помялъ ее въ рукахъ. Потомъ зажегъ объ лампадку, поставилъ передъ образомъ Божьей Матери и, извиняясь, прошепталъ:

— Не нужно Тебѣ. Самъ знаю. Да вотъ...

Подумалъ, что и попа передъ смертью, можетъ быть, приметъ. И не отдавая отчета, опустился на колѣни, уперся лбомъ о холодный полъ и провелъ такъ около пяти минутъ.

Вздохнулъ.

Что бы сказала маменька, увидя его здѣсь? Испугалась или только удивилась?

Жалобно горѣли худенькія восковыя свѣчки, напоминавшія трупики истощенныхъ дѣтей у полевыхъ мышекъ. Это люди ей—Богородицѣ... Тихой женщинѣ?

Серьезно взглянулъ на ея печальный ликъ и объяснилъ:

— Больше у меня ничего нѣтъ.

При выходѣ видѣлъ, какъ темная синяя тѣнь протянулась по озаренному снѣгу, нахлобучила высокую остроконечную шапку и подняла воротникъ.

Мелкой трусцой побѣжала лошаденка. Впереди блестѣла стеклянная крыша вокзала.

Рѣпниковъ думалъ:

Если у него спросятъ отчетъ о земной жизни, онъ готовъ. Скажетъ, что сердце билось, пока могло биться. И еще скажетъ, что поставилъ маленькую, убогую свѣчку въ часовнѣ. А потомъ помолчитъ и самъ задастъ вопросъ:

— А молоденькіе французскіе солдатики въ двѣнадцатомъ году?

Такъ болѣла мысль Рѣпникова.

XII.

Ночью была безсонница.

Рѣпниковъ лежалъ на спинѣ, касаясь затылкомъ желѣзнаго переплета кровати. Темная восковая желтизна тѣла

Digitized by Google

выпукло вырисовывалась на свѣжихъ старательно взбитыхъ подушкахъ. Полосатый пледъ съ длинными кистями сползалъ съ колѣнъ. Рѣпниковъ видѣлъ, что пледъ скоро очутится на полу, но лежалъ, не двигаясь. Смотрѣлъ на свою тѣнь, большую и унылую, хрипло откашливался и ждалъ, когда пробьютъ часы.

Рядомъ въ столовой заворочалось старое колесо въ часовомъ механизмѣ. Раздались два свистящіе удара, и было слышно, какъ поднялась гиря.

„Умру я скоро. Вотъ что"...—подумалъ Рѣпниковъ.

„Большая новость"...—иронически усмѣхнулся онъ про себя, но удержался насмѣхаться дальше, почувствовалъ, какъ неумѣстны злобныя шутки. Вздрогнули брови. На лбу собралась складка. Онъ натянулъ пледъ и обхватилъ колѣна руками.

Коротко, быстро и громко стучало сердце. Тѣло покрывалось потомъ, и тонкое бѣлье льнуло къ липкой, клейкой кожѣ. Хрипы въ груди каждый разъ казались неожиданными и черезчуръ громкими. Они пугали и наводили на мысль, что въ грудной клѣткѣ, не прерываясь ни на одно мгновенье, идетъ таинственная разрушительная работа, роются глухіе подкопы, умный, чуткій врагъ осаждаетъ сердце и учитываетъ всѣ рѣпниковскія ошибки, и эту безсонную ночь тоже.

Рѣпниковъ насторожился, приложилъ ладонь подъ мышку. Кажется, жаръ? Да, жаръ. Повертѣлъ въ рукахъ термометръ. Но раздумалъ и отложилъ въ сторону.

Онъ не тушилъ свѣчу и лежалъ съ открытыми глазами, расширенными и глубокими отъ мучительнаго ожиданья. Думалось, что при свѣтѣ, пока онъ еще не заснулъ, разрушительная работа въ организмѣ будетъ вестись медленнѣе и осторожнѣе. У врага не хватитъ дерзости на быстрые, грубые толчки, и онъ на время притихнетъ. Въ воображеньи рисовалась далекая, суровая ночь, осажденная крѣпость и яркіе сторожевые огни. Защитники знаютъ, что конецъ неизбѣженъ. Но они хотятъ оставить врагу однѣ жалкія развалины. Думалъ объ этомъ Рѣпниковъ, и липкій потъ покрывалъ ноги, спину и грудь. Думалъ и смотрѣлъ на свою унылую и большую тѣнь.

Потомъ пришло новое соображеніе: притвориться, будто онъ ничего не замѣчаетъ, безпечностью обмануть бдительность неизвѣстнаго врага. Привсталъ, дунулъ на огонь и закрылъ глаза. Лежалъ чутко и настороженно, стараясь, чтобы не было слышно дыханья. Попрежнему хрипѣло въ груди. Комокъ перекатывался въ горлѣ и вызывалъ тошноту. Рѣпниковъ давился мокротой.

Digitized by Google

Нѣтъ! не обманешь. Шевельнулъ пальцами ноги, точно предупреждалъ о своемъ пробужденіи. Обождалъ съ минуту. Открылъ глаза.

Отъ оконныхъ рамъ на стѣну и кровать падали изломанныя полосы луннаго свѣта. Чувствовалась особенная жизнь ночи, вкрадчивая и внимательная, поднимающаяся съ полу и осторожно окружающая кровать, гдѣ лежитъ и дышитъ больной человѣкъ,—погибающая крѣпость, осажденная ужасами и тайнами. Видитъ, какъ горятъ сторожевые огни. Знаетъ, что достанутся однѣ развалины, и не торопится.

Рѣпниковъ отбросилъ одѣяло и прислушался.

„Неужели это Ты... Огромный, неизвѣстный Богъ? Не можетъ быть".

Отрицательно покачалъ головой. Опять улегся и заложилъ руки за шею. Откинулъ кверху рубашку, чтобы остыть.

Прохладный воздухъ пилъ липкій потъ. Дрожало колѣнко лѣвой ноги. Думалось, что никакого Бога нѣтъ, что сіяетъ круглая луна въ небѣ, прядетъ ясную, серебристую пряжу, бросаетъ ее въ черные міровые просторы и шевелитъ старыми губами, шепча себѣ подъ носъ, что нѣтъ Бога.

Онъ ушелъ... Да... да... да... Онъ ушелъ. Усталъ и умеръ. Всемогущій, Онъ могъ умереть. Долженъ былъ умереть.

Старая луна обо всемъ знаетъ. Спокойно шевелятся ея губы, медленно ходитъ веретено. Безшумно падаетъ серебристая пряжа. Наполняетъ работой долгую, пустую ночь.

Зачѣмъ жить, если есть Богъ? Такъ просто тогда довѣриться ему, сказать: „Возьми меня". Зачѣмъ жить, когда безконечную гирлянду изъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ сердецъ можно сплести на Его голову, плечи и руки? Когда въ багрянецъ и пурпуръ кровью можно окрасить одежды Его? И такъ немного сказать:

— Въ руки Твои, Господи, передаю духъ мой.

Рѣпниковъ облокотился на подушки, уставился на окно и долго смотрѣлъ на прозрачный лунный свѣтъ.

— Ну, чѣмъ я виноватъ передъ Тобой? Скажи, чѣмъ? Слышишь?

Горькая обида жгла и вызывала слезы. Ждалъ слезъ. Думалъ, что онѣ обидятъ еще больше. Помогутъ доказать, что онъ обижается на самомъ дѣлѣ.

— Не вѣрю въ Тебя! Сомнѣваюсь! Такъ какой вѣры хочешь Ты? Такой.

Сѣлъ, спустилъ съ кровати голыя непріятно-легкія ноги и широко, тѣсно сжавъ пальцы, нѣсколько разъ перекрестился.

Въ головѣ промелькнуло:

— „Измучаюсь я совсѣмъ"...

Digitized by Google

Отступало внимательное и вкрадчивое. И тайна ночи представлялась больной фантазіей. Устали и притупились чувства. Но мозгъ еще вздрагивалъ. И хотѣлось имѣть совершенный слухъ, острые глаза, тонкое осязаніе, чтобы ими, какъ ланцетами, вскрыть тайну. Мысль стремилась въ надзвѣздныя пространства. Потомъ вернулась и ничего не сказала.

„Значитъ, надо... Что надо? Какъ звѣрю"... Не находилось словъ для опредѣленій. Опустился на подушку. Да, какъ звѣрю...

Опять долгое время лежалъ, но уже притихшій и равнодушный. Сами собою сомкнулись вѣки. Чуть-чуть кололи рѣсницы. Въ мозгу зарождался медленный отвѣтъ на то, что ему дѣлать.

Сначала вспомнился трупикъ полевой мыши, голый хвостикъ и лапка у острой мордочки. И составилась первая мысль, которую онъ не оспаривалъ:

„Не унижаться ни излишней покорностью, ни ненужной бранью. Родился безъ согласія. Умираю—тоже. Да".

Прислушался къ хрипу въ груди и подошла вторая мысль и, какъ послѣдующее звено, сплелась съ первой:

„Уйти изъ дому въ лѣсъ, подальше отъ жилья. Не человѣкъ и не быть человѣкомъ. Отказаться отъ формы, чтобы была голая суть".

На секунду Рѣпниковъ прервалъ размышленія. Не понравилась словесная оболочка этой мысли. Лучше бы покороче. Но боялся отвлекаться. Оставилъ ее такую, какая есть. Въ горячемъ мозгу выковалось третье звено, тяжелое и гулкое.

Улыбнулся. До сихъ поръ мозгъ, какъ кузница. Горнъ пылаетъ, будто въ самый разгаръ работы. Изъ-за улыбки чуть было не опустилъ послѣдняго кольца. Сдѣлалъ движеніе пальцами, представилъ, что поймалъ его на указательный и держитъ около ногтя.

„Остаться глазъ на глазъ съ природой. Замкнуться въ цѣлое. Потушить сторожевые огни. Отдѣльности не надо".

Рѣпниковъ положилъ руки на грудь. Создавалъ уютъ для того, что болѣло и хрипѣло въ немъ. Успокаивалъ будущій послѣдній вздохъ. Урезонивалъ отдѣльное, еще полное страха и готовое къ сопротивленію.

Боялся ссоры и новыхъ думъ.

Принялъ спокойную позу и приготовился спать. Вызвалъ воображеніемъ темное синее небо, приблизилъ его къ лицу и окутался его складками. Звѣзды замигали и обогрѣли рѣсницы. Теплыя, мягкія волны ходили въ душѣ. Отъ хриповъ и мокроты, отъ кашля, отъ тѣлеснаго изнеможенія онъ

Digitized by Google

уходилъ въ сказочный синій міръ. Мѣсяцъ мерцалъ, какъ китайскій бумажный фонарь. Мягко ласкали лицо пахучія смолистыя вѣтки. Чувствовалось приближеніе сна, сладко замирали вѣки. А мысли превращались въ чужой, посторонній голосъ, говорившій около изголовья:

„Да... да... войти въ цѣлое и замкнуться въ немъ. Отдѣльное существованіе—бунтъ и поэтому лишено гармоніи".

И замыкалось цѣлое, сладко и бездумно замыкалось. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды кружились въ волшебномъ танцѣ. Солнце говорило:—Я кую золотыя латы юношамъ и дѣвушкамъ и бросаю ихъ на землю. Пусть сами выбираютъ, какія кому придутся въ пору. Другой одѣнетъ не по росту. Смѣшно такъ. Самъ маленькій, а латы большія... Идти не можетъ, ползаетъ...—Рѣпниковъ остановилъ солнце:

— Возьми мои золотыя латы, золотой шлемъ и золотой мечъ. Они сдѣланы изъ картона.

И до утра снился Рѣпникову этотъ веселый сонъ.

XIII.

—Крушеніе поѣздовъ, мамаша, часто бываетъ и по такой причинѣ. По правиламъ съ машиниста берутъ штрафъ, разъ поѣздъ запаздываетъ. И вотъ, подходя къ конечной станціи, чтобы наверстать...

Рѣпниковъ закашлялся. Поднесъ къ губамъ скомканный платокъ, развернулъ его и, заслонивъ столикомъ, чтобы не видѣла Анна Федотовна, сталъ разсматривать густую кровавую мокроту. Сложилъ и сунулъ за подушку, прикрывъ газетнымъ листомъ, откуда только-что читалъ матери про крушеніе экспресса.

— ...потерянное время, послѣдніе переходы машинистъ дѣлаетъ со сногсшибательной скоростью. Понятное дѣло, не всегда проходитъ благополучно и...

Опять остановился. Показалось, что недалеко звякнули бубенчики, что у калитки зафыркала лошадь. Вотъ... Астра завозилась въ будкѣ.

— Кто-то ѣдетъ, мамаша. Посмотрите: не къ намъ ли?

Привсталъ на локтяхъ. Астра гремѣла цѣпью и возбужденно лаяла. Въ окнѣ промелькнула темная тѣнь.

— Выйдите, мамаша, и прикройте дверь. А то еще кто по женской части.

Рѣпниковъ говорилъ все это глухимъ, неживымъ голосомъ, который чувствовалъ самъ. Оправилъ обшлага на рукавахъ и по подбородокъ ушелъ въ одѣяла. Отчетливо обозначились длинныя, худыя ноги и вплотную приставленныя одна къ другой некрасивыя, большія ступни.

Digitized by Google

„Марина"...—догадался онъ по первымъ привѣтствіямъ и вопросамъ.—Вотъ остынете и посмотрите, каковъ онъ,—говорила Анна Федотовна. Понизила звукъ и прибавила:—Очень плохъ. — Слышно было, какъ Марина вѣшала ротонду и переспросила:

— Очень плохъ по-вашему? Спокоенъ? Да?

Смѣшанное чувство поднялось въ груди Рѣпникова. Пріѣздъ Марины не обрадовалъ его острыми и пряными думами, какъ ея прежніе пріѣзды. Слегка затѣнилось спокойное настроеніе. Жаль было чего-то похороненнаго, милаго, что покорно уходило изъ души. „А какъ она плакать будетъ... Лишнее... Зачѣмъ?"

Марина Николаевна вошла, широко распахнувъ дверь, странно раскинула руки и тонкими ноздрями жадно вбирала воздухъ. Волосы были собраны въ новую высокую прическу. На груди блестѣла золотая стрѣлка брошки. Они застыдились чего-то, смотрѣли другъ на друга и молчали. Марина опустилась на стулъ, гдѣ только-что сидѣла Анна Федотовна, закрыла глаза и застыла въ изнеможеніи.

— Не такъ серьезно еще, какъ вы думаете,—отвернувшись къ стѣнѣ, сказалъ Рѣпниковъ.—Осложненіе процесса. Ѣздилъ въ городъ и простудился.

Тѣнь отъ высокой прически Марины съ короткими завитками отдѣльныхъ волосковъ грустно покачивалась на обояхъ и отвлекала вниманіе.

— Легъ, чтобы успокоить мамашу.

Марина задвигалась и грузно упала на полъ. Вздрагивала. Потомъ локти ея были на кровати у ногъ Рѣпникова. Спрятала лицо въ его колѣни. Опускались и поднимались крутыя, округлыя плечи; живое и прекрасное тѣло хотѣло высвободиться изъ туго-натянутой темной шерстяной ткани. Голова уходила въ одѣяло. Обнажилась шея. Глаза Рѣпникова остановились на бархоткѣ. Отъ частаго дыханія узкая ленточка поднялась кверху и сдавила трепетавшее горло. Оборвалась пуговица у воротника. Скатилась на полъ.

Марина Николаевна поднялась и медленно застегивала открывшійся лифъ. Воротникъ пришпилила булавкой. Слезы стекали по щекамъ, но она ихъ не замѣчала.

— Знаю, какъ несерьезно. И сами вы знаете. Зачѣмъ я не согласилась стать вашей женой... тогда... въ прошломъ году? Что я надѣлала? что надѣлала?

Отошла къ окну и чужими, незрячими глазами смотрѣла въ мутный садъ. Высокая задорная прическа съ черепаховыми гребенками въ шиньонѣ тянула изъ Рѣпникова тягучія думы. И были эти думы о томъ, что не надо хрустальныхъ взрагивающихъ капелекъ, обжигавшихъ обидой и

Digitized by Google

горечью сильное, молодое тѣло, не надо больного и закупоренной комнаты. Рѣпниковъ наклонился и водилъ по полу рукой.

— Вотъ ваша пуговка, Марина.

Она не отвѣчала. И спустя минуту онъ видѣлъ, какъ ея руки въ отчаяньи вынимали шпильки и гребенки изъ волосъ. Косы упали на спину пепельно-серебристыми извивающимися змѣйками. Тонкіе, торопливые пальцы расплетали веселые жгутики косъ, и волосы разсыпались. Высоко поднималась грудь Марины.

— На югъ бы вамъ...—вырвалось у нея.—Хочешь? и я съ тобой.

Отрицательно покачалъ головой.

И печально, но ясно думалось ему, что онъ не можетъ взять бойкихъ, серебристыхъ змѣекъ, прижать ихъ къ своему тѣлу, ощущать мягкій, теплый шелкъ. Поздно. Не обманешь себя все равно. А крошекъ счастья онъ не хочетъ. Умираетъ ручной звѣрь, даетъ себя гладить и глядитъ умными глазами. Но въ послѣднюю минуту уйдетъ къ своему.

— Вотъ что, другъ...

И Рѣпниковъ жалобно и просительно улыбнулся.

Марина переставила стулъ и сѣла къ изголовью. Положила голову на подушку. Совсѣмъ близкимъ стали ихъ лица. Въ губахъ отъ близости любимыхъ чужихъ губъ пробѣгалъ тревожный, сладкій трепетъ и, волнуясь, замиралъ. Смѣшивались знойныя дыханія.

— Тяжело тебѣ?—спросила Марина.

— Нѣтъ...—тихо отвѣтилъ Рѣпниковъ, взялъ пальцами локонъ ея волосъ и провелъ имъ по своему лицу.

Подумалъ и прибавилъ:

— Совсѣмъ нѣтъ.

Капризно, какъ у ребенка, дрогнули губы Марины. Она отодвинулась, и въ прерывистомъ дыханьи появились горькія, обиженныя нотки. Нѣсколько слезинокъ скатилось на подушку, и онѣ растеклись темными пятнами.

— Не любишь ты меня. Ты всегда чужой. И раньше, и теперь.

Также близки были ихъ лица, но эта близость больше Рѣпникова не волновала. Безпокоилъ знойный атласный воздухъ, порывисто выходившій изъ вздрагивавшихъ ноздрей Марины.

— Прости меня. Я сама не знаю, что дѣлаю.

Марина встала, движеніемъ головы откинула назадъ волосы и поднесла руку къ подбородку. Задумалась.

— А мнѣ жить, жить? Боже мой!

Спрашивала у него или себѣ задавала вопросъ? Полу-

Digitized by Google

закрыла глаза. Тоненькими, бѣличьими зубками впилась въ мизинецъ.

Стремительно волновалась грудь, и казалось, что видно, какъ трепещетъ сердце.

И потомъ ясный голосъ пришелъ, и, глубоко вздохнувъ, она сказала:

— Уходишь... Прощай!

Рѣпниковъ лежалъ на широкихъ подушкахъ. Плечи и спина ушли въ нихъ. Держался за грудь руками, удерживая кашель, и давился. Да... онъ уходитъ. И долго и мучительно кашлялъ. И потомъ виноватыми, ручными глазами смотрѣлъ на Марину.

„Надѣну пальто...—думалъ онъ,—и поплетусь. Силъ хватитъ.

А тамъ, гдѣ-нибудь подъ соснами, обхвачу колѣна руками и опущу на нихъ голову. Буду сидѣть, не двигаясь. И никто не увидитъ, какъ превращусь въ трупъ. Найдутъ одинъ голый фактъ, свалятъ его на телѣгу, но это уже не Рѣпниковъ, нѣтъ, не Рѣпниковъ".

Видѣлъ, что Марина смотритъ на кончикъ укушеннаго мизинца и выдавливаетъ капельку крови. Задумались сжатыя въ трубку губы. Верхняя чуть-чуть шевелится, точно всматривается. Нельзя такъ больно любить. Опоздала немного. Вотъ, если бы раньше. А теперь услышитъ, какъ привезутъ его неподвижнаго и окоченѣвшаго, станетъ думать, зачѣмъ и куда уходилъ въ морозную ночь. Свои страданія перенесетъ на него. Сядетъ въ комнатѣ на кресло, упрется локтемъ въ колѣни.

И опять укуситъ мизинецъ, выдавитъ капельку крови, а потомъ распуститъ пышные, прекрасные волосы и съ болью вырветъ изъ груди:

— А мнѣ жить? Зачѣмъ жить?

Спина почувствовала подъ собой маленькій жесткій предметъ. Пошаркалъ рукой подъ рубашкой. Маленькая круглая пуговка. Подбросилъ ее на ладони. Скатилась и упала.

„Милая и чужая"...—хотѣлось сказать ему про Марину. И чтобы послѣ того, какъ онъ скажетъ эти слова, она догадалась и ушла, потому что говорить больше нечего.

Рѣпниковъ подумалъ и тихо сказалъ, точно звалъ Марину къ себѣ:

— Милая.

„Чужая" не прибавилъ.

Она не отозвалась. Вѣрно, не слышала. Поднялъ глаза. У изголовья ея не было. Приподнялся. Сидитъ у окна и плачетъ, на колѣняхъ—скомканный батистовый платокъ. И глаза большіе, блестящіе отъ соленой влаги.

Digitized by Google

Безшумно опустился на подушки, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и согнулъ ноги. И больше не думалъ о ней. Слушалъ только, какъ стучитъ маятникъ въ сосѣдней комнатѣ и какъ на кухнѣ рубятъ мясо.

XIV.

Около полуночи Рѣпниковъ безшумно поднялся съ кровати, пошелъ въ сѣни и попробовалъ приподнять дверной крюкъ. Сдерживалъ дыханіе и осторожно чиркалъ спичками. Боялся, чтобы не проснулась Анна Федотовна. Проснется и лежи еще два или три дня, смотри на потолокъ и жди новаго случая. Пожалуй, станетъ еще караулить.

Съ легкимъ скрипомъ открылась наружная дверь. Снѣгъ сверкнулъ синеватымъ серебромъ, холодокъ кольнулъ щеки. Пахнуло свѣжестью и ясной ночной тишиной. Принесъ съ вѣшалки пальто, надѣлъ одинъ рукавъ и подумалъ: не пойти ли въ свою комнату написать объяснительную записку? Рѣшилъ, что не стоитъ. Онъ—не самоубійца, и объяснять нечего. Просто уходитъ, не дѣлая надъ собой никакого насилія.

Просунулъ ноги въ калоши и сталъ мысленно доказывать себѣ, что повинуется инстинкту. Какъ умирающій звѣрь, стремится уйти подальше отъ жилья.

Не застегнувшись, вышелъ на крыльцо. Въ верхушкахъ сосенъ стоялъ длинный двурогій мѣсяцъ. Темныя бархатныя вѣтки сіяли безчисленными бриллiантами. Щелкнула и упала тяжелая шишка. Тонкія серебристыя паутинки трепетали въ воздухѣ. И когда падала шишка, раздвинулись.

Сталъ застегивать верхъ пальто. Въ головѣ мелькнуло, что смѣшно бояться простуды, когда идетъ умирать. Все-таки застегнулся. Опасался, что вдругъ передумаетъ и вернется домой. Будетъ еще упрекать себя.

Вотъ окно мамашиной спальни. Плотная бѣлая занавѣска не даетъ ничего разглядѣть. Спокойный, уютный свѣтъ—и только.

Приподнялся на цыпочки и усами коснулся до холоднаго заиндивѣвшаго стекла.

— Я ухожу, маменька.

И не оглядываясь, пошелъ. Поскрипывалъ снѣгъ подъ ногами и чуялись удаляющіеся шаги посторонняго. Калитка примерзла и не поддавалась. Открылъ ее съ трудомъ и присѣлъ на скамейку отдышаться. Неслышно появилась Астра, блеснула желтыми глазами и ткнулась въ колѣни. Потрепалъ ее за ушами.

Ночь, разодѣтая въ серебряныя кружева, спокойно и глубоко дышала. Вѣтеръ коснулся пылающаго лица, обжегся

Digitized by Google

и съ недовольнымъ шумомъ промчался дальше. Рѣпниковъ шелъ, не торопясь. Астра шагала рядомъ. Потомъ отстала. Подняла голову, виляла хвостомъ и смотрѣла вслѣдъ.

Мѣсяцъ озарялъ сосны снизу. По зернистому слоистому снѣгу мягко круглились четкія синія тѣни. Плавно качались мохнатыя вѣтки, казались теплыми и ласковыми. Манило присѣсть и задуматься. Снять шапку и освѣжить голову. А потомъ упереться подбородкомъ о согнутыя колѣни и безъ горечи ждать. Закрыть глаза и ни о чемъ не думать.

Строенія кончались. Дорога сдѣлала заворотъ и вышла на снѣжное поле. Открылся свѣтлый, сіяющій просторъ. Свѣжѣли щеки. Идти было легко, какъ на крыльяхъ. Глаза смѣялись снѣжинкамъ, приставшимъ къ завиткамъ барашковаго воротника. Дыханіе обрывало серебристыя паутинки, Оборветъ одна и потянетъ за собой другую.

Рѣпниковъ ждалъ нудныхъ, тоскливыхъ думъ и готовился съ ними бороться. Началъ уставать. Уменьшилъ шагъ. На секунду мозгъ затѣнило сомнѣніе. Но не разобрался въ немъ. Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Остановился.

„А что, если я сумасшедшій?..“

Махнулъ рукой. Это теперь неинтересно и неважно. И сразу успокоился. Снова заскрипѣлъ снѣгъ подъ ногами. Неподалеку темнѣлъ лѣсъ. Мѣсяцъ стоялъ надъ нимъ. Было спокойно и ясно.

Цѣлое должно замкнуться. Только и всего. Слѣдствіе устало бороться съ причиной, не желаетъ ждать больше и идетъ покориться. Маленькій бунтъ конченъ во вселенной. Зоветъ инстинктъ.

Онъ повелъ ноздрями и вобралъ въ себя воздухъ, провѣряя, не ошибается ли. Лѣсъ обступалъ полукругомъ, дѣлалъ обходъ справа и слѣва. Санная колея сверкала въ сторонѣ отъ дороги между соснами. Очевидно, здѣсь ѣздятъ за дровами.

Рѣпниковъ свернулъ.

Въ мѣсячномъ сіяніи въ просвѣтахъ между стволами серебрился снѣгъ. Но глаза уже перестали наблюдать за красотой ночи. Выбирали подходящее мѣсто. И Рѣпниковъ думаетъ, что нѣтъ сына Анны Федотовны, нѣтъ жениха Марины Николаевны, нѣтъ преподавателя петербургскаго университета, а есть уходящій, отъ чьихъ шаговъ на пушистомъ снѣгу остаются послѣдніе слѣды.

Вотъ, можно и присѣсть. Кстати и усталъ онъ. Шелъ около двухъ часовъ.

Прыгнулъ къ деревьямъ, по колѣна погрузился въ мелкій глубокій снѣгъ, потянулся руками къ стволу старой ели и застылъ, ожидая, когда успокоится бьющееся сердце.

Digitized by Google

Потомъ наклонился, попробовалъ утоптать себѣ сидѣнье, горстями откидывалъ снѣгъ. Пошатнулся отъ слабости.

И вдругъ охватила предсмертная тоска.

— Что это я, какъ бродяга, какъ старый песъ.

Наслѣдственность, вторая наслѣдственность тянетъ въ комнаты, къ образамъ, подъ одѣяло.

— Ну, что я надѣлалъ?

Рѣпниковъ стоялъ и смотрѣлъ въ ноги, зарытыя въ снѣгъ. Пожалуй, не дойдетъ до дому, свалится. Ну, что онъ надѣлалъ?

Запрыгалъ къ дорогѣ, въ отчаяньи взмахивая руками. Чувствовалъ, что зря, что все равно нехватитъ силъ. Но хоть бы добраться до перваго строенья. Хоть бы только до поля, подальше отъ лѣса.

Съ хрипомъ и свистомъ вырывалось дыханье. Липкій потъ покрывалъ тѣло. Сердце билось и вырастало. Стремительно высвобождалось отъ вцѣпившихся когтей.

Нѣтъ, не можетъ, не можетъ! Срывалъ пуговицы съ петель. Въ сторону отбросилъ кашне.

Опять бѣжалъ. Скинулъ пальто и бѣжалъ.

Теплое вырывалось изъ горла, давило. Острыя когти вонзились въ сердце. Прыгнулъ черезъ канаву, захлебнулся въ крови. Пытался удержать руками, оттолкнуть обратно. Потомъ безсильно замеръ. Потекло оно, теплое, красное.

Какъ это, какъ? Успѣть бы только.

— Въ руки Твои, Господи...

Рухнулъ и корчился въ снѣжномъ сугробѣ. Привсталъ и снова свалился. Широко раскинулъ руки. Ужасъ сталъ огромнымъ, не могъ умѣститься въ тѣсной, впалой груди, расширилъ ее и вырвался на свободу.

Digitized by Google

* * *

Ландышъ вдали отъ ручья,—
Сердце твое томится и вянетъ.
Знай, дитя, что улыбка твоя
Не обманетъ.

Позднихъ цвѣтовъ ароматъ,
Лѣса осеннія краски,
Грустятъ улыбки, и грустятъ
Свѣтлые глазки.

Отнята отъ раздолья морей,
Морская царевна на сушѣ,
Душа твоя,—свѣта свѣтлѣй,—
Изранена о грубыя души.

Ѳедоръ Сологубъ.

Digitized by Google

Романсъ.

(Слова для музыки).

Сирень склонилась на окно;
Глядитъ въ окно.
Въ вечернемъ воздухѣ темно,
Совсѣмъ темно.

Я бросилъ родину свою,
Семью свою,
И здѣсь — отчаянье таю,
Въ чужомъ краю.

Кто муку лаской облегчитъ,
Кто облегчитъ?
Когда душа моя болитъ,
Въ тоскѣ болитъ?

Кто склонитъ голову свою
На грудь мою?
Я здѣсь — отчаянье таю
Въ чужомъ краю.

Быть можетъ, я забытъ давно,
Забытъ давно?
Ночь подошла, глядитъ въ окно,
Глядитъ въ окно.

Яковъ Годинъ.

Digitized by Google

Харьковская губернская библиотека

Старецъ.

Разсказъ **М. Розенкнопа.**

I.

Измученный длиннымъ лѣтнимъ днемъ и безсонными ночами, подавленный неподвижными и тяжелыми, какъ скалы, томительными, какъ лѣтній зной, думами, я искалъ забвенія и покоя. Я думалъ о загадочныхъ и жестокихъ судьбахъ моего народа, о молодости, молодости, не знающей, о беззащитныхъ, незаслуженныхъ судорогахъ старости, о большихъ порывахъ людей и о маленькихъ, позорныхъ дѣлахъ ихъ, о вѣчныхъ и тщетныхъ поискахъ человѣка, о безнадежной, страшной растерянности его на землѣ.

Я думалъ: чѣмъ искупитъ будущій человѣкъ тысячи погибшихъ жизней нашихъ, чѣмъ вознаградитъ насъ, что дастъ взамѣнъ? Я думалъ: легче ли неизжитымъ, замученнымъ жизнямъ отъ того, что за ними придетъ здоровая, счастливая жизнь? Легче ли темной ночи отъ того, что за нею разсвѣтъ идетъ, или судорожной агоніи отъ того, что за нею — спокойная и неподвижная смерть?

Я думалъ о многомъ. И безотрадны, какъ голыя поля, и безысходны, какъ незнакомая глушь, были мои думы. И мнѣ захотѣлось уйти отъ нихъ, отъ самого себя, отъ чьего-то большого насмѣшливаго бреда, который заслонилъ жизнь, и хоть на мигъ одинъ, легко и счастливо потонуть въ сонной грезѣ, въ покоѣ обманчивой иллюзіи. Мнѣ захотѣлось безпечнаго, обо всемъ забывшаго смѣха, счастливой и веселой игры мускуловъ на ясныхъ, не исковерканныхъ мукой и злобой молодыхъ лицахъ, спокойно догорающей старости.

Я долго блуждалъ по шумнымъ, гулко и невнятно ревущимъ улицамъ большого города. Но думы мои, большія, ядовитыя мухи, были со мной и не утихали. Онѣ тяжелой тучей давили голову, мрачнымъ туманомъ стояли предъ глазами, разливались тоской въ окружающемъ. И сквозь

Digitized by Google

туманъ я различалъ лица съ знакомыми, проклятыми чертами: узнавалъ своихъ. И среди множества другихъ людей, большихъ и спокойныхъ, увѣренно и бодро дѣлающихъ свое человѣческое дѣло, они мнѣ казались маленькими, безъ дѣла мечущимися, безпокойно-суетливыми, спасающимися отъ близкой погони съ застывшимъ ужасомъ смерти въ глазахъ. А когда среди нихъ лица освѣщались улыбкой, вдругъ вспыхивали и загорались смѣхомъ, и раздавался бодрый, безъ дрожащихъ нотокъ, говоръ, мнѣ становилось страшно. Мнѣ казалось, что эти люди пляшутъ на канатѣ, на длинномъ, тонкомъ, протянутомъ надъ пропастью канатѣ, который вотъ-вотъ оборвется. И оттого они такъ непонятно и жутко смѣются, и оттого такъ торопливо-веселы.

Садилось солнце. Огромной цвѣтущей розой оно плыло на горизонтѣ, и мечтательно любуясь собою, вглядывалось въ міръ, какъ въ зеркало. Потомъ томно и устало удалилось и скрылось. И точно привлеченныя этимъ видѣніемъ въ человѣческій міръ, какъ мечты съ дальнихъ полей, съ безвѣстныхъ равнинъ безшумно слетѣлись задумчивыя лѣтнія сумерки. Онѣ окутали городъ голубой, сѣрѣющей тканью, согнали зной съ людей и съ предметовъ и повѣяли легкой сказкой и покоемъ. Но мнѣ онѣ забвенія не принесли. Мнѣ чудилось, что гдѣ-то надъ городомъ, тутъ близко, стоитъ вѣчный спутникъ человѣка, великій невѣдомый страхъ, и щурится, и ждетъ, пока стемнѣетъ. Мнѣ чудилось, что это онъ ткетъ сѣрѣющую ткань, все густѣющую, все плотнѣе облегающую людей, чтобы потомъ сразмаху вѣрнѣе броситься на нихъ. Замедлялись движенія, говоръ и шумъ тонули и утихали, лица становились темнѣе и таинственнѣе, будто люди уже смутно угадывали его присутствіе, услышали осторожный шорохъ его ногъ. И я бѣжалъ отъ кротко мерцающихъ сумерекъ, какъ отъ яркаго солнечнаго свѣта, бѣжалъ отъ самого себя, отъ своихъ думъ, большихъ ядовитыхъ мухъ, отъ чьего-то большого насмѣшливаго бреда и искалъ забвенія и покоя.

II.

На бульварѣ было празднично, весело и шумно. Шли длинныя аллеи рядомъ, дружески, будто держась за руки, а въ нихъ живыми, игривыми и пестрыми потоками носились люди. Какъ души, были тѣла ихъ, облеченныя въ легкія лѣтнія ткани и двигались они въ воздухѣ плавно, свободно и покойно, напоминая рыбъ въ ихъ любимой, родной стихіи. Рождались шутки, отзванивали бубенцами и утихали. Вспыхивали и угасали остроты. Игриво прыгали и катились, какъ живые мячики, маленькія, легкія и круглыя

Digitized by Google

слова. И не было между ними тяжелыхъ, объемистыхъ, съ зіяющими глубинами, тѣхъ, что навѣки зажегъ ужасъ жизни черными, неугасимыми огнями.

Съ эстрады носилась музыка. Отдѣляясь воздушными каскадами, звуки удало и порывисто прыгали по бульвару, барахтались, кувыркались, обнимались и расходились. Смѣшивались съ людьми, обгоняли ихъ и преслѣдовали, подмывали руки и ноги, неудержимо толкали все тѣло въ плясъ и были похожи на хоръ странствующихъ цыганъ, забывшихъ о прошедшемъ, не знающихъ будущаго, отдающихъ всѣ жизненные запасы радостно захватывающему мгновенію. Иногда звуки расходились тихіе и задумчивые по бульвару, плавно и волнообразно двигаясь, и медленно уводили людей въ незнакомую тихую даль, какъ корабль, постепенно удалящійся отъ береговъ. Временами они горячимъ дыханіемъ наполняли бульваръ и рѣяли, какъ бѣлоснѣжныя бабочки, навѣвая широкіе, свѣтлые сны, безконечный полевой просторъ, солнце, зной и блескъ лѣтняго дня.

Высоко надъ бульваромъ на длинной и тонкой проволочной сѣти висѣли электрическіе фонари, и задумчиво, и безпрерывно, какъ невиданные пауки, ткали тонкую, блѣдно-голубую паутину, окутывая ею и людей, и бульваръ, и рѣющіе звуки музыки. Далеко внизу темнѣло огромное и занятое собой море. А сверху обтянутое темно-синимъ бархатомъ, освѣщенное миріадами кроткихъ огней, глядѣло далекое небо. И было непонятно: оттого ли небо убралось по-праздничному, что людямъ на землѣ было покойно и весело, или люди праздновали оттого, что небо такъ участливо и милостиво глядѣло на нихъ, такъ добродушно и мягко улыбалось и мигало маріадами своихъ кроткихъ, мечтательныхъ глазъ.

Я втерся въ самую гущу толпы. Мнѣ захотѣлось потеряться въ живомъ вихрѣ людей, залить острую боль своихъ ощущеній свѣжимъ моремъ чужихъ, растворить свою глубокую тоску въ легкомъ роѣ незнакомо сладостныхъ чужихъ чувствованій. Но чѣмъ свѣтлѣе и веселѣе становилось кругомъ, тѣмъ темнѣе и безысходнѣе становилась моя тоска. Чѣмъ выше я хотѣлъ прыгнуть надъ собой, тѣмъ глубже погружался въ себя. Я хотѣлъ застыть глазами на пляшущемъ бульварѣ, замереть душой на радостномъ мгновеніи, но не могъ: за свѣтлымъ ликующимъ бульваромъ были длинныя, вытянутыя, какъ трупы, тоскующія въ темнотѣ, улицы, а сзади этого, ярко зажженнаго момента въ не закрывавшейся еще глубинѣ времени, крались траурныя процессіи безъ начала и конца съ мускулами, кричащими отъ муки и боли, съ недоумѣло остывшими старцами, съ невин-

Digitized by Google

ной вѣчной улыбкой дѣтей, съ неслышнымъ, безкровнымъ, бѣлымъ шопотомъ женщинъ. А моментъ, не народившійся, былъ загадоченъ и теменъ и пугалъ неизвѣстностью.

Все чаще попадались близкія лица, съ знакомыми и проклятыми чертами, освѣщенныя смѣхомъ, переливающіяся радостью. Но я не вѣрилъ ни ихъ радости, ни смѣху, потому что недавнее было такъ недавно, а каждый будущій мигъ, необезпеченный висѣлъ, какъ скала, и грозилъ. Они знали это, потому что не могли не знать, потому что это сознаніе лежало неподвижнымъ камнемъ въ каждой головѣ и давило черепъ. И опять жуткая догадка обняла меня судорогой. Я догадался, что всѣ эти люди, какъ я, пришли искать забвенія, убѣгая отъ хмурой толпы воспоминаній въ прошломъ, отъ палача—будущаго, скрытаго въ темнотѣ. Я догадался, что смѣхъ ихъ—судороги заглушенныхъ рыданій, громкихъ, безутѣшныхъ рыданій, а радость—замаскированная безысходная тоска, глубокая, неудалимая. И стало понятно, отчего они такъ безсмысленно топчутся на одномъ мѣстѣ, такъ неестественно и напряженно веселятся, такъ не во-время и безъ праздника празднуютъ. И отъ этого стало страшно, какъ отъ смѣющейся маски клоуна, подъ которой каждый мускулъ лица дрожитъ отъ горя и обиды. И выросли мои думы. Черными птицами съ хищными клювами, расправивъ крылья, онѣ окружили меня густой каркающей стаей и не утихали.

Бульваръ все больше пьянѣлъ и, опьянѣвъ, падалъ съ ногъ, сгибаясь на бокъ, склоняясь боковыми аллеями къ морю. Одна за другой онѣ карабкались все дальше отъ легкомысленно-веселящагося, кудряваго бульвара, не знающаго глубокихъ думъ, тѣхъ думъ, что силятся охватить всю жизнь съ ея началомъ и концомъ, съ великой радостью рожденія, съ великой тоской исчезновенія и шли къ старому многодумному морю за помощью и облегченіемъ.

Въ одну изъ аллей, въ крайнюю, въ ту, которая ближе всѣхъ подошла къ морю и остановилась надъ обрывомъ въ нерѣшительности, я пришелъ чужой и одинокій, окруженный роемъ думъ, какъ неусыпными стражниками. Натолкнулся на скамейку, будто кѣмъ-то нечаянно забытую, и опустился на нее. Здѣсь было совершенно темно. Только кое-гдѣ по землѣ, точно случайно залетѣвшія брызги хмѣльнаго бульвара, напоеннаго электричествомъ, дрожали блѣдные, тоненькіе лоскутки свѣта. Отъ музыки доносились сюда только смутные отголоски. Они тихо и одиноко бродили здѣсь, перекликиваясь и ища другъ друга. Далеко внизу, подъ ногами, лежало море. Оно не спало, а притворялось. Должно быть, замышляло что-то: крадучись, еле замѣтно,

Digitized by Google

оно уходило въ темную даль, подбиралось къ горизонту и подымалось на небо. Соблазнилось ли оно темно-синимъ бархатомъ неба, или хотѣло узнать, о чемъ ему такъ долго и настойчиво подмигивали звѣзды. Бродячіе, осторожные, тоже крадущіеся огни, то тутъ, то тамъ подсвѣчивали ему. Но, когда я пристальнѣе вглядѣлся въ эти огни, я убѣдился, что они заняты только собой, чѣмъ-то совершенно особеннымъ, таинственнымъ и важнымъ. Это были безпокойные, ищущіе глаза, но не человѣческіе, а чьи-то чужіе, и искали они въ вѣчно и подозрительно замкнутомъ въ себѣ морѣ что-то огромное, какое то неумѣщающееся въ человѣческомъ сознаніи содержаніе: можетъ быть, навѣки потерянную загадку бытія, можетъ быть, невѣдомо куда запрятанный смыслъ мірозданія. Хотѣлось вѣрить въ эту иллюзію, какъ въ дѣйствительность. И отъ этой вѣры становилось и радостно, и жутко. Радовало сознаніе, что человѣкъ не одинокъ въ своихъ поискахъ, что вмѣстѣ съ нимъ еще кто-то, можетъ быть, болѣе могучій, болѣе счастливый. А жутью вѣяло отъ таинственной близости незнакомыхъ существъ, рожденныхъ и живущихъ въ какихъ-то мистическихъ глубинахъ, вѣчно скрытыхъ отъ человѣка.

Я долго и сосредоточенно смотрѣлъ на море. Маленькій, измученный человѣкъ, съ нѣсколькими десятками лѣтъ жизни за собой, я какъ-то исчезалъ и таялъ предъ необъятнымъ, забывшимъ счетъ своимъ годамъ, сѣдымъ моремъ. И поэтому оно меня постепенно отвлекало отъ себя и какъ бы тихо всасывало. Потомъ наступилъ мигъ, странный и спутанный. Душа будто отошла отъ тѣла, сохраняя, однако, связь съ нимъ, и стала на грани другого міра. Это не было сномъ, потому что я чувствовалъ и сознавалъ надъ собой пьяное, возбужденное дыханіе бульвара, а внизу море. Но это не было и явью, такъ какъ то, что меня мучило, хотя не ушло, однако, перестало мучить. И еще потому не было похоже на явь, что я сталъ различать на морѣ такія странныя и причудливыя вещи и явленія, которыхъ человѣческій глазъ въ бодрствующемъ состояніи никогда не видитъ. Это былъ мертвый мигъ, умершій на лету, остановившійся и остывшій. И вмѣстѣ съ нимъ остыли и не двигались и думы мои съ расправленными крыльями, и воспоминанія въ прошедшемъ, и угрожающая безызвѣстность въ будущемъ. Остылъ и я самъ, слившись въ мертвенной неподвижности со скамьей, окружающими скалами, берегомъ моря. А витающіе въ аллеѣ смутные отголоски, ищущіе другъ друга, не будили мертваго застоя, а наоборотъ, какъ-то прикрывали его, убаюкивая и углубляя...

Digitized by Google

III.

— Спишь?

Я вздрогнулъ и обернулся. Голосъ былъ тихій, еле слышный. И мнѣ показалось, что кошмаръ, мой незримый спутникъ, будилъ меня изъ-за деревьевъ, чтобы нарушить мой мгновенный покой.

— Спалъ?

Вопросъ повторился. Теперь я его ясно услышалъ сбоку и повернулъ туда голову. На концѣ длинной скамьи, на которой я находился, неподвижно сидѣла маленькая, темная фигура, облокотившись на колѣняхъ, подперевъ голову руками, чуть-чуть повернувшись въ мою сторону. Не знаю, была-ли она тамъ до моего прихода и я ея не замѣтилъ, или потомъ присѣла.

— Нѣтъ, не спалъ,—отвѣтилъ я. Почему-то мнѣ стало не по себѣ отъ этой темной и неподвижной фигуры, а, въ особенности, отъ ея тихаго таинственнаго, напоминающаго громкій шопотъ голоса.

— А думалъ? — также тихо и таинственно донеслось до меня.

Фигура продолжала оставаться неподвижной, и поэтому казалось, что она говоритъ не со мной, а съ кѣмъ-то другимъ въ окутывавшей ее темнотѣ.

— Да,—отвѣтилъ я и въ невольномъ, безотчетномъ страхѣ подавилъ въ себѣ желаніе придвинуться и узнать, съ кѣмъ говорю.

— Должно быть, еврей?

Фигура, оставаясь въ той же позѣ, сняла только одну руку и глядѣла на меня одной половиной лица, будто косясь. Тамъ, гдѣ долженъ быть подбородокъ, забѣлѣлъ въ темнотѣ, будто развернутый, носовой платокъ, а выше его, гдѣ должно было быть ухо, болтался еще одинъ такой же свернутый платокъ. Я догадался, что это борода и одинъ изъ пейсовъ и понялъ, что предо мной сѣдой старецъ-еврей. И оттого, что безвѣстность перестала томить, я облегченно громко отвѣтилъ:

— Да, я еврей.

— Хе, я такъ и полагалъ.—Сказалъ, будто думая вслухъ, и сѣлъ прямо, продолжая коситься на меня.

— Почему же?—спросилъ я, заинтересованный увѣренностью его голоса и словъ.

— Потому что думаютъ теперь только евреи.

— Только евреи?

— Да, больше всѣхъ. И думаютъ особенно: въ одиночку—вотъ, какъ ты.

— Вы полагаете?

Digitized by Google

— Оно такъ и есть... Когда люди думаютъ въ одиночку?

— Когда?

— Когда общее положеніе всѣмъ одинаково ясно. Тогда не зачѣмъ дѣлиться...

По движенію я понялъ, что онъ одну руку положилъ на спинку скамьи и, повернувъ голову, устремился на меня. Будто двѣ чашечки повисшей въ воздухѣ воды глянули на меня изъ темноты. Я хотя и понялъ, что это глаза, но ихъ блескъ былъ такой странный и необычный, что они вселяли какую-то жуть, смѣшанную съ робостью. И чтобы не молчать, я спросилъ:

— А положеніе, вы думаете, ясно?

— Хе, ясно ли? Очень ясно. Каждому. И каждый думаетъ, но никто не додумывается до главнаго.

Загадочно ударилъ на послѣднемъ словѣ и приблизился ко мнѣ. Я увидѣлъ большіе глаза, будто выпившіе все лицо, и подумалъ, что такими расширенными глазами смотритъ на міръ только человѣкъ, долго блуждавшій въ темнотѣ и сразу увидѣвшій широкій, ясный свѣтъ. Изъ нихъ глядѣлъ кто-то молодой, увѣренный и спокойный, какъ день. Но лицо было обычно-старое, морщинистое, умирающее. И родилось представленіе о юношѣ, для чего-то одѣвшемъ маску старости. И отъ этого холодная, подозрительная жуть, какъ липкой водой, окатила тѣло. Я отвелъ глаза и спросилъ невольно робко и тихо:

— Но что же оно, это главное?

Онъ не отвѣтилъ. Глядѣлъ молча куда-то мимо меня на горизонтъ и, должно быть, не видѣлъ и не слышалъ меня. Я тоже повернулся туда. Тамъ, низко надъ горизонтомъ, почти въ уровень съ нами, участливо глядя на насъ и какъ-бы порываясь къ намъ, дрожала маленькая золотая звѣзда, такъ же безысходно томясь въ сѣтяхъ невѣдомой судьбы, какъ мы. Я посмотрѣлъ на своего собесѣдника и опять холодная дрожь змѣйкой скользнула по тѣлу. Его пара остановившихся и будто остывшихъ глазъ меня пугала и смущала. И я снова спросилъ нарочно громко, чтобы разсѣять жуткое молчаніе:

— Такъ что же оно, это главное?

— Га. Это главное... что же оно, это главное?—заговорилъ онъ задумчиво еще въ чаду своихъ собственныхъ мыслей, не сводя глазъ съ горизонта и указывая на звѣзду:— Вонъ она, можетъ быть, тоже главнаго не знаетъ и оттого такъ томится и дрожитъ.—Опять умолкъ, но я уже досадливо надвигался на него.

— Но вы вѣдь знаете, такъ говорите же, говорите, въ чемъ оно... что жъ оно?

Digitized by Google

Онъ придвинулся совсѣмъ близко ко мнѣ и, таинственно заглядывая въ лицо, растянуто сказалъ:

— Главное въ томъ, чтобы узнать волю пославшаго насъ, чтобы узнать миссію... Каждая вещь должна знать свою миссію. И мы, евреи, должны знать нашу... Миссію всѣхъ насъ евреевъ—на землѣ. Вотъ въ чемъ главное..

И, промолчавъ, прибавилъ: —Думалъ ли кто о ней?

Весь удушливый черный угаръ безсонныхъ ночей, всѣ невыразимыя муки безплодныхъ исканій, весь ужасъ жизни, развернутый, сверкающій и голый, вызванные этимъ вопросомъ, какъ скрытый электрическій токъ, вдругъ столпились вокругъ меня и сдавили. Думы хищныя, жестокія опять стали долбить голову до ощущенія острой невыносимой физической боли. Старикъ меня уже больше не пугалъ, а наоборотъ, ободрялъ и обнадеживалъ, потому что его глаза, увѣренные, расширенные и блестящіе, мнѣ казалось, видѣли все во всѣхъ глубинахъ, на всѣхъ высотахъ, все, чего я не видѣлъ на днѣ. И я зналъ, что въ этотъ моментъ меня-бы не пугалъ и самъ рокъ, если бы я очутился съ нимъ лицомъ къ лицу въ этой темной аллеѣ. И судорожно ощупывая руками въ темнотѣ холодныя, маленькія руки старика, я заговорилъ. И слова торопились другъ за другомъ, задыхались въ собственной жарѣ, были переполненныя и безсвязныя, какъ разорванный крикъ.

— Да, да, я думалъ, я думалъ, я много думалъ... О миссіи... Нѣтъ, нѣтъ, не то... Не о ней... Я не знаю, есть ли она... Ничего не знаю... Темно кругомъ, какъ въ колодцѣ... Не могу разбирать... Я путаюсь... Лежу съ завязанными глазами и меня бьютъ... Кругомъ все бьютъ... Слышу только удары... Не знаю, за что, къ чему. Вотъ вы все знаете, все понимаете, говорите же... Кто бы вы ни были, говорите, потому что я измученный человѣкъ, потому что я лежу, потому что я ищу чего-нибудь, чтобы ухватиться... Говорите же, говорите!

Кротко и грустно усмѣхнулся и тихо заговорилъ.

— И я созданъ человѣкомъ, но поднялся надъ нимъ въ огненной колесницѣ, какъ Илья. И тогда только увидѣлъ и понялъ нашего творца... И ты его увидишь. Да, и поймешь свою миссію, нашу великую и печальную еврейскую миссію на землѣ, потому что я слышу страданіе въ твоемъ голосѣ. Но долго еще будешь страдать, охъ, долго, потому что ты молодъ, ты еще въ темной и страшной утробѣ кита. Молись неустанно, молись, пока Богъ не освободитъ тебя. Тогда, только тогда ты увидишь настоящій свѣтъ и широко раскроешь закрытые глаза...

Было что-то пророческое въ его словахъ, что-то грѣю-

Digitized by Google

щее и ласкающее, какъ солнечное утро. Острая боль ощущеній притуплялась. Думы присмирѣли и улеглись, какъ бы въ ожиданіи. Какой-то теплый, таинственный туманъ, какой-то трепетъ новой, незнакомой мнѣ жизни, не мечущейся впотьмахъ, а спокойно и увѣренно идущей къ своей счастливой и ясной цѣли, будто исходили изъ старика и все больше и больше окутывали меня. Я приблизился къ нему, все еще неподвижно устремленному на далекую звѣзду, и тихо, какъ во снѣ, боясь что-то нарушить, что-то разбудить, спросилъ:

— Изъ утробы кита... Какой же это китъ?

Опять страдальчески и мягко усмѣхнулся.

— Хе, хе, страшный китъ, великій, какъ міръ. Люди его міромъ называютъ. Іона, пророкъ Іона, лежалъ въ китѣ и долго молился, пока Богъ не освободилъ его. Это великій символъ, котораго люди не понимаютъ. Это великій символъ. Іона зналъ, что онъ въ китѣ и рвался оттуда, а люди вотъ не знаютъ, гдѣ они. Путаются и барахтаются во внутренностяхъ... его же внутренностяхъ, и, хе-хе, и называютъ это жизнью. Имъ надо выйти изъ кита, молодой человѣкъ, чтобы понять, что это былъ китъ. Имъ надо порвать его внутренности, пробить толстую кожу, хотя бы головой, чтобы увидѣть свѣтлое, свободное пространство, чтобы услышать и понять явный голосъ Бога.

Я ждалъ молча, въ волненіи замирая, какъ передъ счастливой встрѣчей. Мнѣ мучительно хотѣлось видѣть хоть какой-нибудь просвѣтъ въ обволакивавшей меня темнотѣ и почему-то вѣрилось, что этотъ загадочный старикъ мнѣ его укажетъ. Я чувствовалъ, что въ головѣ его струится ясная и спокойная мысль и зналъ, что она, какъ бьющая вода, не можетъ остановиться, пока не найдетъ своего русла, своего слова. И напряженно смотрѣлъ на него, не спрашивая. И дѣйствительно черезъ минуту опять услышалъ его голосъ, тихій и таинственный, напоминающій громкій шопотъ:

— Да, надо прожить цѣлую человѣческую жизнь, надо изжить ее всю, всю изжить или порвать, надо сжечь ее въ очистительномъ огнѣ... да, сжечь, чтобы можно было ясно видѣть... Моисею Богъ показался за горящимъ терновымъ кустомъ. Ага!.. что это за горящій кустъ такой, спрошу тебя... Это кустъ, который долженъ былъ сжечь всю его человѣческую жизнь, прежде чѣмъ онъ предстанетъ предъ Богомъ. Богъ сказалъ ему еще: сбрось обувь съ ногъ твоихъ. Это что значитъ? Это значитъ: сбрось то, на чемъ еще остались пылинки земли, на которой ты живешь. Это тоже символы, великіе символы. Божественная мысль всегда приходитъ къ людямъ укутанная, мягкая, чтобы не обжигала.

Digitized by Google

И я понялъ грозное значеніе ихъ только тогда, когда отъ жизни ничего не осталось... ничего...

Старикъ откинулся на спинку скамьи, устремившись головой въ море. Тамъ все еще бродили чьи-то ищущіе, безпокойные глаза, но ужъ очень медленно и вяло, будто усталые. Онъ снова заговорилъ тихо и задумчиво, прямо глядя предъ собою. И было похоже на то, будто говорилъ не со мною, но о чемъ-то, повѣствовалъ огромному, распластанному у ногъ, какъ спокойное, сытое животное, морю.

— Со дня рожденія я началъ путаться во внутренностяхъ кита... Такъ и путался съ каждымъ шагомъ все глубже, все глубже. Съ каждымъ новымъ днемъ новая нить меня привязывала, новая нить... Къ жизни, къ землѣ. И каждую новую нить я тянулъ, хе, хе, для чего? Чтобы за нею тянуть другую. Вотъ такъ и выросла громадная, толстая сѣть и совсѣмъ заслонила отъ меня небо, совсѣмъ заслонила.

Хотѣлось что-то спросить, но старикъ былъ далекъ отъ меня, и вопросъ, уже свернувшійся, чтобы облечься въ слова, остался голымъ, растворился и исчезъ. А онъ продолжалъ говорить попрежнему тихо и задумчиво, не мнѣ, а себѣ:

— Въ дѣтствѣ я бѣгалъ за блестящими пуговицами и золотыми перьями, въ юности мечталъ о почетной и богатой жизни, въ молодости думалъ о женщинѣ, а потомъ... Потомъ заботился о дѣтяхъ и о дѣлахъ. Такъ спалъ до тѣхъ поръ, пока сразу не нахлынулъ очистительный огонь и не сжегъ все, все до послѣдней нити. А когда нити эти рвались, я смѣялся... Ну, это надо понимать... Когда рвались эти нити, я смѣялся... Почему? Потому что уже чувствовалъ великое освобожденіе. Когда били колья въ голову жены, я считалъ удары и смѣялся... Хе, хе, хе, разъ, два, три... разъ, два, три... Была у меня внучка, маленькая черненькая дѣвочка. Ее выбросили... Такъ вотъ взяли и выбросили изъ окна. И пока она падала, я считалъ секунды, семь ихъ помню. Очень таки длинныхъ и мучительныхъ, но и очень, очень-таки радостныхъ. Да, считалъ секунды и тоже смѣялся, еще больше смѣялся. Потому что это рвалась моя послѣдняя нить, маленькая бархатная нить... Это былъ большой смѣхъ, большой. А потомъ, когда остался одинъ, совсѣмъ одинъ, я сразу увидѣлъ...

— Увидѣли?

— Пространство... Свѣтлое, свободное пространство. Въ немъ, какъ огонь, была начертана миссія... наша, наша миссія, молодой человѣкъ!..

Аллея дрогнула и старикъ прервался: музыка ухнула порывисто и громко, какъ живая, и смолкла. Казалось, что

Digitized by Google

она долго стояла гдѣ-то здѣсь, въ темной аллеѣ, отъ кого-то пряталась, но тотъ нашелъ ее, нащупалъ, и она вскрикнула и опять скрылась. По скалѣ надъ самымъ обрывомъ что-то метнулось: не то человѣкъ, не то тѣнь. Въ глубинѣ аллеи зародился любовный шопотъ, теплый и живой, и умеръ.

Я прижался къ старику и шепталъ жадно и тихо, какъ во снѣ:

— Дальше, дальше... Говорите же о миссіи, говорите.

Близко около меня опять повисли бѣлая борода и одинъ изъ пейсовъ старика. Онъ снова глядѣлъ на горизонтъ и растянуто, нараспѣвъ говорилъ. И голосъ его теперь сталъ громче и глубже:

— Наша миссія, молодой человѣкъ, — быть топливомъ для огромной печи, которую называютъ землею. Мы должны вытопить эту печь, чтобы въ ней стало тепло и хорошо. Мы должны сжечь нашу плоть и кровь, чтобы жить потомъ въ вѣчномъ легкомъ парѣ. Нѣтъ блаженства безъ страданій, нѣтъ раскаянія безъ прегрѣшенія. Нѣтъ добра безъ зла. Зло всегда раньше, а потомъ добро. Въ началѣ былъ хаосъ. Что такое хаосъ? Я скажу: зло, потому что зло уменьшаетъ и хаосъ уменьшаетъ... Старайся понять это... Хаосъ развѣ не поглощаетъ множества, образуя единое? Это ночь. Было множество и стало одно: тьма. Изъ хаоса родился день. Что такое день? Я скажу: добро, потому что добро множитъ и день множитъ. Изъ единаго дѣлаетъ множество. Но зло проявляется только въ дѣйствіяхъ, а дѣйствіямъ нуженъ объектъ. Вотъ, тутъ-то мы подошли къ главному. Этотъ объектъ—мы, евреи. Эту трагическую, святую роль Богъ возложилъ на насъ, на свой избранный, возлюбленный народъ. Мы должны страдать, заставлять грѣшить другихъ, чтобы потомъ вызвать раскаяніе. Наши страданія родятъ добро. Объ этомъ и намекаетъ пророкъ въ своихъ непонятныхъ и странныхъ словахъ: въ крови твоей ты будешь жить. Да, въ своей крови мы должны жить. Мы должны сгорѣть всѣ до послѣдняго, и тогда народится Мессія. Это опять-таки символъ. Мессія—это будущій человѣкъ. Онъ будетъ добръ, потому что пройдетъ черезъ глубокое зло. Онъ будетъ вѣчно и безповоротно каяться, потому что извѣдаетъ тяжкіе и позорные грѣхи...

Мы оба молчали, каждый погруженный въ свои думы, но, казалось, одна струя уносила насъ. Онъ сидѣлъ опять, облокотившись на колѣняхъ, подперевъ голову руками, а я возлѣ него въ какомъ-то угарѣ. Снова что-то метнулось внизу по скалѣ: не то человѣкъ, не то тѣнь. Снова въ глубинѣ аллеи народился теплый и живой любовный шопотъ

Digitized by Google

и растаялъ. На морѣ бродячіе огни остановились далеко на горизонтѣ. И чудилось, что они что-то нашли тамъ очень важное и нужное и поэтому такъ внимательно и сосредоточенно всматривались. И вдругъ, какъ бы продолжая думать вслухъ, охваченный невольнымъ, порывистымъ экстазомъ, подмываемый теплымъ опьяняющимъ вихремъ мыслей и чувствъ, боясь что-то разсѣять, что-то спугнуть, я вцѣпился въ его руку и, потрясая ее, страстнымъ, глубокимъ шопотомъ спросилъ:

— Но что же надо дѣлать?.. Что надо дѣлать намъ, живымъ?

Онъ снялъ одну руку съ лица и, косясь, долго и сосредоточенно смотрѣлъ на меня. Потомъ вдругъ поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Я увидѣлъ его ноги въ дырявыхъ, заплатанныхъ сапогахъ не далеко отъ скамьи въ лоскуткѣ дрожащаго свѣта и услышалъ его голосъ: „подойди".

Я, повинуясь какой-то спокойной и властной силѣ, которая чувствовалась въ его словахъ, пребывая въ какомъ-то непонятномъ чаду, медленно поднялся и подошелъ къ нему. Онъ склонился лицомъ ко мнѣ такъ, что оно попало въ тонкую мерцающую пыль струившагося изъ-за деревьевъ электричества и шепнулъ: „видишь".

Я всмотрѣлся, увидѣлъ и понялъ. Ужасъ и благоговѣніе, ужасъ отъ мысли о человѣческой жестокости, благоговѣніе предъ величіемъ человѣческой души сплелись и сразу облили меня двумя далекими струями: остро-холодной и томительно-жаркой. То, что я считалъ раньше въ темнотѣ только старческими морщинами на его лицѣ, теперь, при слабомъ свѣтѣ, оказалось глубокими шрамами, запекшимися язвами, вздутыми синяками, покрывшими все лицо, выступавшими изъ-подъ бороды и пейсовъ. Среди нихъ, какъ маякъ среди темныхъ и тревожныхъ валовъ, одиноко и спокойно блестѣли большіе, будто неумѣщающіеся въ орбитахъ глаза. И опять мелькнула прежняя догадка, но болѣе ярко и осязательно; кто-то молодой и цвѣтущій одѣлъ уродливую маску, чтобы скрыть себя. Цѣлый міръ легендъ, таинственныя, счастливыя встрѣчи боговъ и полубоговъ съ людьми, тихою вереницей проносились въ головѣ. Глубокое мистическое настроеніе овладѣло мной и нѣсколько минутъ держало душу въ какомъ-то счастливомъ, никогда не испытанномъ мной, возвышенномъ состояніи. Не помню, какъ старикъ опять оказался на скамьѣ, и какъ я самъ очутился возлѣ него. Я очнулся только, когда опять услышалъ его голосъ надъ самымъ ухомъ:

— Эти язвы остались единственными отъ всей моей

Digitized by Google

жизни. Я ихъ Богу моему принесу и скажу: смотри, Боже мой, какъ я горѣлъ, пока сгорѣлъ. Я говорилъ убійцамъ объ убитыхъ, и они били меня, я призывалъ грѣшниковъ къ покаянію, а они бросали меня на камни. Но я дѣлалъ свое дѣло, выполнялъ твое великое указаніе, и голосъ мой остался съ ними и не угаснетъ, потому что онъ твой божественный голосъ. И ты добивайся священнаго сожженія,— вотъ твое дѣло.—Онъ вдругъ нѣжно и мягко схватилъ меня за руку:—Пусть остающіеся не перестанутъ говорить объ ушедшихъ. Если тебя будутъ бить, ты смѣйся, смѣйся святымъ смѣхомъ: передъ нимъ люди болѣе безсильны, чѣмъ передъ пушечными выстрѣлами. Гори, пока сгоришь, а за тобой придутъ другіе и такъ до тѣхъ поръ, пока не переполнится человѣческая душа преступленіями и не наступитъ раскаяніе. Человѣческое слово, душой окропленное, никогда не пропадетъ, никогда. Оно, какъ птичка маленькая, незамѣтная птичка. Чирикаетъ птичка гдѣ-то надъ самой головой, чирикаетъ, и никто ея не слушаетъ и не замѣчаетъ. Но она чирикаетъ долго, чирикаетъ упорно, пока не повернется человѣческая голова и скажетъ: а вѣдь тутъ все птичка чирикаетъ, о чемъ это она? И задумается. А вотъ это то и надо. Надо, чтобы люди думали, потому что въ думахъ—Богъ. Много уже я разбудилъ преступныхъ душъ. Теперь вонъ по ночамъ они безпокойно бродятъ и мучаются, и думаютъ. Это въ мукахъ и думахъ добро нарождается. Есть слово одно у меня, большое слово. Я его постоянно твержу, и ты его тверди, молодой человѣкъ! Это слово: помнишь, помнишь, помнишь?

— Помнишь, помнишь, помнишь!—шепталъ я механически за старикомъ. Душу клонило ко сну, мягкому, утѣшительному сну. Тихій и свѣтлый туманъ виталъ надо мною, все больше и больше разворачиваясь. Мнѣ стало казаться, что это не старикъ предо мной, а я самъ сижу и говорю, говорю кому-то, гдѣ-то около себя, гдѣ-то въ себѣ.

— Тверди это слово неусыпно убійцѣ. Будь живымъ, несмолкаемымъ, кричащимъ набатомъ. Да, живымъ, неугасаемымъ напоминаніемъ. И радуйся, радуйся, радуйся глубокой радостью, потому что ты исполняешь волю пославшаго тебя.

— Волю пославшаго тебя, — повторилъ я, какъ эхо, за старикомъ.

Онъ выставилъ палецъ впередъ и затѣмъ торжественно и важно традиціоннымъ напѣвомъ, которымъ евреи читаютъ пророковъ:

— И будетъ въ тотъ день, говоритъ пророкъ, и Богъ со-

Digitized by Google

беретъ всѣ народы со всей земли и спроситъ ихъ: что вы сдѣлали съ сыномъ моимъ, съ Яковомъ?

Опустилъ руки на мое плечо и закончилъ таинственно и многозначительно:

— Это самъ Богъ дополнитъ нашу миссію, завершитъ ее. Это будетъ великое и послѣднее напоминаніе.

И порывисто вдругъ схватилъ меня за плечо, повернулъ въ сторону бульвара, и, протянувъ другую руку въ ту же сторону, горячо и взволнованно закричалъ:

— И тѣмъ говори, что не время теперь веселиться. Говори имъ, что они не то дѣлаютъ, не то. Пусть кричатъ, какъ трубы, пусть звонятъ колоколами о томъ, что недавно совершилось. Иначе сѣра и тускла, какъ ночь... Такъ и скажи имъ, какъ ночь, будетъ ихъ жизнь, и никогда не узнать имъ истинной, божественной радости.

Онъ отвернулся отъ бульвара, низко опустилъ голову, сложилъ руки между колѣнями и тихо и скорбно закачался:

— Богъ мой, Богъ мой. Зачѣмъ ты меня одного лишь озарилъ свѣтомъ, когда кругомъ одни только слѣпцы?.. Только слѣпцы бродятъ...

И долго потомъ молчалъ и качался.

Аллея опять вздрогнула: музыка будто прыснула со смѣху, долго сдержаннаго. Прыснула бубенцами, тарелками, многими густыми мѣдными голосами и умолкла. По аллеѣ неслышно и задумчиво, колыхая тьму, прошли два силуэта и бросили: „поздно“.

Старикъ вдругъ заторопился и поднялся.

— Пойду!—бросилъ онъ будто про себя.

— Куда?—тихо и безразлично спросилъ я.

— Туда... Тамъ много, очень много преступныхъ душъ. Раскаяніе имъ нужно!...

И указалъ рукой внизъ, на темные сонные корпуса построекъ.

Я увидѣлъ опять въ лоскуткѣ свѣта изорванныя, болтающіяся полы его длиннаго сюртука и сонный, неподвижный, нѣкоторое время тупо-безразлично слѣдилъ за ними. Но вдругъ, очнувшись, вскочилъ со скамьи и бросился за старикомъ, простирая руки въ темноту:

— Стойте, стойте! Какъ же съ евреемъ?... Стойте!... Онъ совершенно исчезнетъ, совершенно? Со всѣми своими воспоминаніями, со своимъ прошлымъ. настоящимъ и будущимъ, со своми мечтами и тысячелѣтними надеждами?!

Онъ остановился въ темнотѣ, какъ болѣе сгущенный комъ ея, и я услышалъ сначала его усмѣшку, мягкую, жалѣющую, и потомъ слова:

— Хе, хе. Развѣ сахаръ, растворенный въ водѣ, не су-

Digitized by Google

ществуетъ, или лучъ свѣта, поглощенный тьмой, не свѣтитъ? Мессія будетъ евреемъ, молодой человѣкъ, потому что онъ созданъ будетъ изъ еврейскихъ страданій. Вкусъ будущаго человѣка будетъ еврей. Еврей будетъ добромъ, а добро будетъ евреемъ.

И пророчески-вдохновенно закончилъ:

— И будетъ въ тотъ день, и всѣ народы заговорятъ на одномъ нарѣчіи и признаютъ одного Бога...

И прибавилъ важно и глубокомысленно, перемѣнилъ тонъ и приблизившись ко мнѣ на шагъ:

— Этимъ нарѣчіемъ будемъ еврейское нарѣчіе, этимъ Богомъ будетъ еврейскій Богъ... Такъ-то, молодой человѣкъ... Ну, прощай: лѣтняя ночь коротка.

Сказалъ и скрылся, промелькнувъ еще нѣсколько разъ въ разорванныхъ и дрожащихъ лоскуткахъ свѣта. Такъ какъ никого больше не было, казалось, что послѣднія слова пророчески произнесъ кто-то, еще не родившійся, скрытый въ темнотѣ. Я долго стоялъ и смотрѣлъ внизъ. Потомъ повернулся, подошелъ къ скамьѣ и опустился на нее.

IV.

Въ безбрежномъ океанѣ, не знающемъ начала своего, забывшемъ о концѣ, въ темную ночь два сѣдыхъ вала встрѣтились. Одинъ, блуждая, ползъ медленно и вяло съ сѣвера, гдѣ долго томился на мертвой и холодной глубинѣ, среди слѣпыхъ, безысходно-тоскующихъ въ вѣчной темнотѣ береговъ. Другой шелъ увѣренно и бодро съ юга, открытаго, свѣтлаго края, покорно и ясно смотрящаго въ глаза вѣчнаго Бога своего. Онъ несъ въ дыханіи своемъ мучительный солнечный зной и, обдавъ имъ встрѣчный валъ, опять скрылся и затерялся въ безбрежномъ океанѣ, не знающемъ начала своего, забывшемъ о концѣ.

Такъ думалъ я, продолжая неподвижно сидѣть на скамейкѣ, о моей таинственной встрѣчѣ съ исчезнувшимъ старикомъ. Что-то осталось отъ него и туманно заблестѣло предо мной. Кто-то неясно поманилъ меня лучомъ въ темнотѣ, кто брешь пробилъ въ стѣнѣ и смутно указалъ на исходъ. Старикъ увлекъ меня, но не умомъ и логикой, а чѣмъ-то другимъ, болѣе властнымъ, исходящимъ изъ него. Онъ меня облилъ величавымъ фосфорическимъ блескомъ, онъ зажегъ мою душу игривымъ, сверкающимъ фейерверкомъ своей души. И въ голосѣ его, и въ глазахъ, и въ многоопытныхъ сѣдинахъ мнѣ почуялся трепетъ раскрывающейся правды. И чѣмъ больше я вдумывался въ его слова, чѣмъ глубже раскрывался ихъ смыслъ, тѣмъ яснѣе и прав-

Digitized by Google

дивѣе они казались мнѣ. Оттого ли, что я такъ долго томился и жаждалъ, оттого ли, что человѣческая душа въ своихъ вѣчныхъ мучительныхъ поискахъ слишкомъ цѣпка, но я чувствовалъ, что мракъ постепенно рѣдѣетъ, и новая вѣра, суровая вѣра, единственно-правдивая, единственно-непоколебимая разворачивается, всасывая меня все дальше въ глубь свою. Мнѣ казалось, что я прошелъ сквозь густой, темный боръ, насыщенный жуткими и загадочными шорохами и шумами, и остановился предъ ясной поляной, полной явныхъ, громкихъ голосовъ, родившихъ смутное эхо въ бору. Я думалъ о моемъ народѣ, о его длинномъ, судорожномъ пути. И сквозь тьму вѣковъ я видѣлъ его проходящимъ свѣтильникомъ. факеломъ, горящимъ своимъ собственнымъ огнемъ. И этотъ путь кричалъ ясно и ярко о жестокой правдѣ, о правдѣ старика. Я думалъ о жизни моего народа и видѣлъ растянутую кровавую ленту предъ глазами. И эта лента ясно и ярко кричала о жестокой правдѣ, о правдѣ старика. Я думалъ... И въ головѣ, все вытѣсняя, все объясняя, извивалась тяжелой змѣей одна несмолкаемая фраза: наша миссія—быть топливомъ для огромной печи, которую люди называютъ землей.

И вѣрилось, что самъ грозный Богъ, въ образѣ старца, пришелъ ко мнѣ, измученному, изстрадавшему человѣку, чтобы открыть страшную истину, вѣчно скрытую отъ людей. Мрачно сверкалъ ликъ этой истины, суровымъ холодомъ вѣялось отъ нея. Но неожиданная радость открытія, неожиданный конецъ длиннаго безысходно-томительнаго пути исканій, изгнали изъ души страхъ предъ ней и смягчали суровый холодъ ея, чужой и далекій. Я сталъ медленно приближаться, и постепенно раскрывалась даль, новая захватывающая. Шли мгновенія глубокія, какъ колодцы, и красиво-игривыя, какъ водопады. Я все глубже уходилъ въ нихъ, и они меня поглощали. Все больше терялъ себя, забывая и свою жизнь, и свое прошедшее, и свое настоящее. Будущее становилось настоящимъ. Время не дѣлилось больше на части, слилось въ одно, и чужое казалось своимъ. Я выросталъ и дѣлался огромнымъ, будто слитый изъ всѣхъ людей. Началъ чувствовать страданія всѣхъ и блаженство всѣхъ. Незнакомая гордость, стихійная мощь наливали душу, наполняли бездну. Стали улыбаться, затуманенныя далью, угрюмыя муки, замигали безплотно и безвредно висѣлицы, кротко и заманчиво закивалъ блѣдный огонь страданій...

Я долго еще думалъ въ счастливомъ чаду. Въ тишинѣ ночи крѣпли силы, выростали крылья, зрѣла готовность. На душу сходили великій покой и тишина, та тишина и покой, которые нависли надъ хаосомъ въ первый день міро-

Digitized by Google

зданія, прежде чѣмъ было произнесено могучее, всеобъемлющее слово: да будетъ!

Задумчиво и тихо бродили отголоски музыки и пѣли, баюкая, и искали другъ друга по длинной аллеѣ. Успокоилось и улеглось, закрывъ глаза, море и уснуло: бродячихъ огней больше не было на немъ. Величественно и спокойно неслась лѣтняя ночь надъ бездной океана, надъ усталой и заснувшей громадой города, надъ веселящимся бульваромъ и надо мной, сжавшимся на скамьѣ, маленькой песчинкой земли . . . . . .

V.

Разсвѣтало. Какой-то юный богатырь, всю ночь крѣпко спавшій между небомъ и землей, послѣ счастливаго сна вытягивался, выпрямлялся и, лѣниво шурясь и моргая, раскрывалъ голубые глаза. Море тоже лѣниво поворачивалось со сна, медленно снимало съ себя темное покрывало, которымъ прикрылось на ночь, и свѣтлѣло. На бульварѣ уже никого не было. Валялось много разбросанныхъ и растоптанныхъ цвѣтовъ. Съ далекими, остывшими думами, величаво-молчаливыя стояли статуи. Горѣло два электрическихъ фонаря, и свѣтъ ихъ былъ мутный и невѣрный. И они казались двумя одинокими пріятелями-пьяницами, поздно замѣшкавшимся на хмѣльномъ пиру. За бульваромъ стояли сонныя зданія города, затянувшіяся легкой голубѣющей фатой предутреннихъ сумерекъ, будто защищались отъ какихъ-то назойливыхъ мухъ, тревожащихъ сонъ.

Я поднялся со скамьи и сталъ медленно направляться вверхъ въ городъ. И съ каждымъ шагомъ я отдалялся будто на неизмѣримыя разстоянія отъ того, чѣмъ жилъ и былъ счастливъ прошедшую ночь. Будто оторвался я отъ красивой панорамы, въ которую долго смотрѣлъ. Крѣпкій, смутный чадъ, какъ отъ винныхъ паровъ, сталъ выходить изъ головы, и вмѣстѣ съ нимъ начали уноситься и лѣтняя ночь, и старикъ, и новая вѣра, и счастливый покой. Я былъ въ состояніи вышедшаго изъ теплой, ласкающей ванны на холодный воздухъ. Теплая, ласкающая вода стекала съ меня капля за каплей. А когда послѣдняя капля стекла, я опять почувствовалъ себя голымъ и озябшимъ среди жгучаго холода, со своей безысходной тоской, со своей страшной, безпомощной растерянностью. Мнѣ показалось, что призрачная лѣтняя ночь меня обманула, что старика не было, что его вѣра — одинъ изъ утѣшительныхъ обмановъ, которые люди создали въ минуту великаго отчаянія.

— Надо сжечь свою плоть и кровь, чтобы жить потомъ въ вѣчномъ легкомъ парѣ.

Digitized by Google

Кто-то правый и явный хохоталъ во мнѣ дико и злобно, потрясая всѣ внутренности. Это былъ красный голосъ моей крови, живой и трепещущій. Это былъ голодный, жадный ревъ плоти, требующій жизни и счастья. И все, что утѣшительно и обманчиво создавали отчаяніе и надежда, распадалось отъ этихъ голосовъ, какъ отъ раздраженнаго грома. И въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, мелькая, выросъ предо мной тихій образъ будущаго человѣка. Въ голубой дали онъ виталъ, какъ нарождающійся день, съ взоромъ, какъ небо, чистымъ и незатуманеннымъ, съ кроткой улыбкой блаженства на устахъ. Выплылъ изъ-за дали и привѣтливо закивалъ мнѣ головой. И мнѣ захотѣлось крикнуть ему: ты не правъ! Но я не зналъ, въ чемъ винить его, какъ и не зналъ, въ чемъ моя вина. И тогда мнѣ захотѣлось крикнуть кому-то другому, далекому, крикнуть на всю предразсвѣтную тишину: выбрось меня изъ страшной и темной утробы кита и укажи свѣтлое, свободное пространство. Но я безсильно сдавилъ въ себѣ этотъ крикъ, потому что зналъ, что небо молчитъ съ тѣхъ поръ, какъ оно повисло надъ землей, тысячелѣтіями углубляясь въ свое молчаніе.

Юный богатырь совсѣмъ проснулся, выпрямился, широко раскрылъ свѣтлые глаза, удало и размашисто зашагалъ и шумно засуетился: опять наступилъ длинный, томительно однообразный лѣтній день. Опять развернулась земля широкой, карабкающейся въ безконечность черепахой. И я опять почувствовалъ, что тону въ этомъ свѣтломъ лѣтнемъ днѣ, на этой безсмысленно-обширной землѣ, какъ въ мрачной, бездонной пучинѣ, гдѣ крики глухо замираютъ безъ отвѣтовъ, а муки и сомнѣнія не находятъ исхода. И опять я бѣжалъ отъ людей къ людямъ, изъ улицы въ улицу, изъ одной алчно раскрытой пасти въ другую и искалъ забвенія и покоя. И со мною были думы мои, черныя птицы съ хищными клювами, и не утихали..

Digitized by Google

Егорій.

(Волчій пастырь).

Въ полѣ голодномъ
Страшно и скучно,
Вѣтеръ холодный,
Свищетъ докучно.

Крадется ночью
Стая бирючья;
Сѣрые клочья,
Лапы—что крючья.

Сядутъ въ бурьянѣ,
Молча завоютъ;
Землю въ курганѣ
Лапами роютъ.

Пастырь Егорій
Спитъ подъ землею.
Горькое горе,
Время ночное!

Глянулъ изъ ямы,
Бурый, лохматый;
Двинулъ плечами
Ржавыя латы.

Прянулъ на волка;
Въ степь поскакали.
Съ воемъ, въ потемкахъ
Мясо искали.

Мѣсяцъ изъ тучи
Глянулъ рогами,
Пастырь бирючій
Лязгнулъ зубами.

Горькое горе
Въ полѣ томится.
Ищетъ Егорій,
Чѣмъ поживиться.

Крестится странникъ,
Ставъ на курганѣ.
Носится всадникъ
Въ черномъ бурьянѣ.

Алексѣй Н. Толстой.

Digitized by Google

Кофейни.

Бездомныхъ людныя кофейни
Къ себѣ манятъ по вечерамъ,—
Уютны, какъ очагъ семейный,
Освѣщены, какъ Божій храмъ.

Идутъ столы гирляндой длинной
И грозди скученныхъ головъ,
И разговоровъ рой пчелиный
Жжужитъ и вьется у столовъ.

Виситъ клубами дымъ табачный,
И бѣлыхъ лампъ поблекшій свѣтъ—
Какъ у постели новобрачной
Увядшій свадебный букетъ.

Смѣется кто-то. Звонъ стекляный.
Тамъ двое спорятъ горячо.
Тамъ кто-то грустный, полу-пьяный
Припалъ къ сосѣду на плечо.

И чей-то шопотъ, чьи-то взгляды
И затуманенная рѣчь,
И женщинъ свѣтлые наряды,
И бѣлизна открытыхъ плечъ.

Ихъ взоры жгутъ нѣмымъ томленьемъ,
Въ словахъ ихъ—музыка стиховъ,
И отравляетъ вожделѣньемъ
Ихъ запахъ—тѣла и духовъ.

И яркій свѣтъ, и шумъ улейный,
И хмѣль, и душный ароматъ
Бездомныхъ въ людныя кофейни
По вечерамъ къ себѣ манятъ.

Ѳ. Шипулинскій.

Digitized by Google

Сила.

Повѣсть **Бор. Лазаревскаго.**

(Окончаніе).

X.

Никого не было дома. Вѣра Николаевна и Надя повели именинника Колю и Сережу смотрѣть на парадъ войскамъ. Такъ было обѣщано.

Цвѣтковъ наслаждался тишиною. Онъ уже давно не хандрилъ и сегодня его не пугало даже и то, что придутъ обѣдать Любарскій и невѣдомый Корсаковъ.

Не по-петербургскому ярко свѣтило солнце и красивыми пятнами играло на паркетѣ. Во всемъ домѣ было чисто и свѣжо, какъ бываетъ только утромъ до завтрака. Спальню только-что убрали и тамъ еще оставалась открытой форточка.

Вдругъ весь домъ задрожалъ. Съ Петропавловской крѣпости начался салютъ. Выстрѣлы бухали то сильнѣе, то слабѣе.

Дз... дзз... звенѣли оконныя стекла. Черезъ пять минутъ громъ умолкъ и была слышна, гдѣ-то далеко, музыка.

Къ часу дня вернулись всѣ. Именинникъ отъ холода былъ весь розовый. Коротко остриженый, съ торчащими ушами, въ новой матросской курточкѣ, онъ все время улыбался. Сережа такой же, только покрѣпче на видъ. Вѣра Николаевна и Надя веселыя, беззаботныя.

Послѣ завтрака Цвѣтковъ усѣлся въ кабинетѣ на диванѣ, съ новымъ нѣмецкимъ научнымъ томомъ, разрѣзалъ еще пахнувшія типографской краской и холодомъ страницы и наслаждался. Немного мѣшали крики дѣтей и шумъ новаго игрушечнаго паровоза (изъ игрушекъ Коля признавалъ только паровозы), но время до обѣда прошло незамѣтно.

Съ трехъ часовъ въ столовой начались приготовленія. На закуску, вмѣсто обычной королевской селедки, были

Digitized by Google

поданы: пироги, бѣлорыбья жирная тешка, маринованные грибки, скумбрія въ томатѣ, три десятка устрицъ и даже водка, пиво и вино, которыхъ Цвѣтковъ принципіально не позволялъ держать въ домѣ.

Въ началѣ пятаго пришли Любарскій и Корсаковъ,— коренастый, бритый человѣкъ, лѣтъ тридцати, скромный, одѣтый въ плохонькую пиджачную пару.

И мальчики, и Надя, и Вѣра Николаевна очень имъ обрадовались.

— Ну, что, принесли книгъ?

— Принесъ, цѣлую библіотеку и даже чуть рукъ не отморозилъ.

Любарскій нагнулся надъ стуломъ и началъ развязывать пакетъ.

— Вотъ вамъ, Надежда Ивановна, три тома Гамсуна. Какъ только прочтете, сейчасъ же влюбитесь. Вотъ моя чепуха. Это „Максъ и Морицъ" имениннику Колѣ, это приключеніе Гуливера—его брату, а это „Афродита" Пьера Луиса, которой кажется, никому нельзя читать,—весьма безнравственный романъ, хотя, если хотите, историческій.

„Началось"—подумалъ Цвѣтковъ.—„Что это еще за Пьеръ Луисъ? Вѣроятно, вродѣ Мопассана"...

— Какія глупости,—сказала Вѣра Николаевна,—ну, Надѣ нельзя читать, а я непремѣнно прочту...

— А мнѣ можно поглядѣть?—спросилъ Цвѣтковъ и заставилъ себя улыбнуться.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Цвѣтковъ отнесъ томъ Пьера Луиса къ себѣ въ кабинетъ, положилъ его на полку и вернулся въ гостиную. Корсаковъ сидѣлъ и молчалъ. Глаза у него были грустные. Кожа на лицѣ дряблая—не то отъ пьянства, не то отъ грима. Голосъ хриплый, но съ ласковыми нотками.

Вѣра Николаевна начала его разспрашивать, гдѣ онъ служитъ и что вообще дѣлаетъ.

— Видите, я служилъ въ провинціи въ большой драматической труппѣ, публика меня любила, а дирекція ходу не давала... Ну, бросился въ столицу, тоже въ драму... Здѣсь эта стилизація, кривлянье, а я бытовикъ. Опять бросилъ. Теперь служу въ казначействѣ, а вожусь больше съ литераторами. Сейчасъ снова на сцену тянетъ, только никуда не примутъ. Вездѣ нужно роль понимать по-режиссеру, а я всегда понимаю ее по-своему. Однимъ словомъ, я очень храбръ, но мало тактиченъ...

Надя съ блестящими глазами слѣдила за каждымъ движеніемъ Любарскаго, который строилъ Колѣ и Сережѣ домикъ изъ картъ.

Digitized by Google

Поговорили еще и пошли въ столовую. Надя сѣла возлѣ Любарскаго.

Цвѣтковъ мысленно хотѣлъ рѣшить вопросъ, произошло ли это по волѣ беллетриста, или по волѣ Нади, но ничего не рѣшилъ. Онъ опять принужденно улыбнулся и сказалъ:

— Ну-съ, господа, а насчетъ водки я угощать не умѣю, распоряжайтесь сами, я не пьющій.

— Это мы сумѣемъ,—отвѣтилъ Любарскій и налилъ по рюмкѣ себѣ и Корсакову.

Коля и Сережа набросились на закуску, имъ особенно понравились устрицы, которыхъ они видѣли въ первый разъ. Коля съѣлъ еще три куска жирной тешки, потомъ два пирожка съ капустой, но, какъ и всегда, мальчики не хотѣли ѣсть супу.

Корсаковъ уже выпилъ третью рюмку, и лицо его стало другимъ: порозовѣли щеки, заблестѣли глаза.

Послѣ жаркого Любарскій налилъ ему большую рюмку мадеры, налилъ онъ вина и Надѣ и Вѣрѣ Николаевнѣ, а къ себѣ придвинулъ пиво.

Цвѣтковъ ѣлъ молча и только хмуро поглядывалъ.

Потомъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Тебѣ, Вѣра, совсѣмъ не полезно пить вино, вѣдь ты же знаешь свое сердце. Ну, разболится голова... Что жъ хорошаго?

— Мнѣ кажется, что ты не правъ. Во-первыхъ, я пью вино такъ рѣдко, что повредить оно мнѣ не можетъ, а во-вторыхъ, я взрослый человѣкъ...

— Ну, хорошо.

Надя посмотрѣла на Цвѣткова, улыбнулась и выпила свою рюмку до дна.

Онъ опустилъ голову и подумалъ: „Всю жизнь мнѣ хотѣлось, чтобы моя семья и всѣ близкіе мнѣ люди были необыкновенными, чистыми и хорошими, а они—самые обыкновенные, и я самый обыкновенный... Не стоитъ жить на этомъ свѣтѣ, если пошлость и обыденщина сильнѣе всѣхъ усилій воли... Хоть бы скорѣе обѣдъ кончался... Интеллигентные люди, а „справляютъ“ какіе-то именины, именно справляютъ“..,

Наконецъ, подали пломбиръ. Взрослые взяли по крохотному кусочку, а Коля и Сережа съѣли по двѣ порціи.

Корсаковъ выпилъ еще большую рюмку вина и совсѣмъ ожилъ. Надя повела глазами, наклонилась къ Любарскому и прошептала:

— Ну, слушайте, ну, голубчикъ, ну, попросите его, чтобы онъ изобразилъ, ну, пожалуйста...

— Подождите. Все будетъ...

Digitized by Google

Задымились папиросы. Загремѣли стулья. Голоса стали веселѣе. Всѣ перешли въ гостиную и снова сѣли. Одинъ Корсаковъ остался стоять у двери.

Всѣ чего-то ждали.

Любарскій поднялъ голову и сказалъ:

— Ну, Мишенька, покажи имъ что-нибудь изъ твоего репертуара. Напой жаждущихъ. Сдѣлай, „похороны генерала".

Корсаковъ чуть постучалъ нижней частью ладони сначала въ одну половинку двери, потомъ въ другую. Послышался низкій басовый гулъ, похожій на звукъ турецкаго барабана.

— Хорошо, только, господа, вотъ вамъ совѣтъ: чтобы получилась иллюзія, не смотрите на меня, лучше даже закройте глаза. Я начну съ самаго выноса и затѣмъ процессія двинется по улицѣ...

Глаза Корсакова заблестѣли, но онъ сейчасъ же повернулся къ слушателямъ спиной.

Цвѣтковъ, съ любопытствомъ, наблюдалъ за каждымъ его движеніемъ.

И вдругъ всѣ услыхали надтреснутый, хриплый, точно звучащій на морозѣ, крикъ:

— Ша—аай... На кра—улъ!..

Сейчасъ же, гдѣ-то за фигурой Карсакова, медленно и стройно военный оркестръ заигралъ „Коль славенъ".

Слышно было даже, какъ выдѣлялись корнетъ-а-пистоны и, все повышая звукъ, точно выговаривали: „Сі-і-онѣ"...

Охнули басы, и мотивъ начался снова.

Корсаковъ вдругъ перебѣжалъ къ окну, однимъ движеніемъ успѣлъ послюнить большой палецъ правой руки и приложилъ его къ стеклу. Передавая послѣдніе аккорды, онъ медленно сталъ вести пальцемъ внизъ и сейчасъ же стало слышно, какъ гудитъ турецкій барабанъ.

— Кноо-гипъ...

Корсаковъ спрятался за дверь.

Всѣ думали, что представленіе кончилось, но изъ столовой вдругъ послышался мощный бархатный голосъ протодіакона:

— И о услышаніи святаго евангелія Господа Бога мо-о-лимъ...

Стройно и печально отвѣтилъ хоръ:

— Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилууй.

Еще нѣсколько возгласовъ. Еще пѣніе. И старческій, кроткій голосъ читаетъ:

— Во время оно, рече Господь ко пришедшимъ къ нему

Digitized by Google

іудеомъ: аминь, аминь, глаголю вамъ, грядетъ часъ, въ онъ же вси сущіе во гробѣхъ...

Старческій голосъ раздается то внятнѣе, то совсѣмъ ничего нельзя разобрать, какъ будто его относитъ вѣтромъ въ другую сторону.

— Слава тебѣ, Господи, сла-а-ва тебѣ...

— Ряды—вздвой,—вопитъ уже другой хриплый голосъ.

Потомъ еще какая-то команда, и мягко, и грустно началъ оркестръ погребальный маршъ. Отчетливо бухаетъ въ дверь турецкій барабанъ. Въ интервалахъ слышно, какъ ступаютъ по снѣгу множество ногъ и шуршатъ колеса орудій...

Корсаковъ вышелъ изъ-за дверей весь красный, и застѣнчиво улыбался.

Цвѣтковъ вскочилъ со стула, замоталъ головой и сказалъ:

— Это поразительно!.. Я слышалъ одного иммитатора, но тамъ все было шаржировано, грубо... Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы одинъ и тотъ-же человѣкъ, только при помощи собственныхъ губъ, оконнаго стекла и двери могъ художественно-вѣрно передать такое море звуковъ...

Надя, съ удивленно-поднятыми бровями, захлебываясь, выговорила:

— Мы утромъ были на парадѣ и тамъ точно такъ командовали офицеры. Это удивительно... А когда вотъ вы читали, какъ священникъ, такъ мнѣ даже показалось, будто пахнетъ ладаномъ.

— А вы знаете, что онъ одинъ можетъ кричать „ура" такъ, какъ будто реветъ цѣлая толпа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ,—сказалъ Любарскій.

Корсаковъ испуганно оглянулся.

— Ради Бога, только сегодня этого не нужно. Во-первыхъ, у меня послѣ этой штуки потомъ два дня будетъ болѣть горло, а во-вторыхъ, здѣсь нѣтъ соотвѣтствующаго резонанса, а я ни для друга, ни для отца родного не стану изображать ничего того, что хоть на іоту не выйдетъ такъ, какъ оно выходитъ въ дѣйствительной жизни.

— Ну, хорошо. А ты вотъ меня изобрази, чтобы они увидѣли, какой я пигмей въ этой области въ сравненіи съ тобой.

— Это можно. Только дай мнѣ свое пенснэ.

Любарскій подалъ. Корсаковъ на минуту спрятался въ столовую и вышелъ оттуда, улыбаясь и потирая руки съ какими-то книгами въ рукахъ. Какъ будто машинально онъ поправилъ пенснэ и заговорилъ голосомъ Любарскаго:

— Принесъ цѣлую библіотеку и даже чуть рукъ не отморозилъ. Вотъ вамъ, Надежда Ивановна, три тома Гамсуна...

Надя завизжала отъ восторга. Цвѣтковъ всталъ и захо-

Digitized by Google

дилъ. Коля и Сережа сидѣли, какъ загипнотизированные, съ широко раскрытыми глазами. Вѣра Николаевна вздохнула и сказала:

— Знаете, такая способность—это особый даръ. И вотъ мнѣ кажется, что какъ немного композиторовъ, такъ немного и такихъ людей, какъ вы. Вѣдь это не иммитація, а глубокое знаніе психологіи и командующаго офицера, и батюшки, который въ десятитысячный разъ читаетъ евангеліе...

Корсаковъ печально улыбнулся.

— Такой даръ, съ которымъ ни на одной службѣ нельзя оставаться, ибо невольно да и представишь какое-нибудь превосходительство... И на сценѣ служить нельзя, ибо васъ въ шута гороховаго переименуютъ. Только и можно, что водку пить, тогда „ура" выходитъ ярче.

Замолчали.

— Нужно ему дать передохнуть,—сказалъ Любарскій.— Давайте, Надюша, мы съ вами пока въ лапки поиграемъ.

Цвѣтковъ вдругъ забылъ о Корсаковѣ и покраснѣлъ. Въ головѣ пробѣжало: „Второй разъ въ жизни ее видитъ и уже „Надюша". Какое онъ имѣетъ право? Нахалъ!.. А ты какое имѣешь право? Любарскій хоть родственникъ, а ты?.."

Потомъ Корсаковъ спеціально для Коли и Сережи изобразилъ, какъ идетъ паровозъ и какъ храпитъ въ вагонѣ спящая еврейка.

Онъ вдругъ умолкъ, махнулъ рукой и сказалъ:

— Довольно...

И всѣ почувствовали, что больше не слѣдуетъ его просить изображать людей, какъ нельзя просить пѣвца, съ великолѣпнымъ голосомъ, безконечно пѣть на bis.

Любарскій сѣлъ противъ Нади. Ихъ колѣни почти прикасались. И когда она не успѣвала выдернуть своихъ полудѣтскихъ рукъ, онъ билъ по нимъ изо всей силы. У Нади уже были на глазахъ слезы, но она смѣялась и кричала:

— Еще, еще... Подождите, подождите, теперь я васъ...

„Это отвратительно, это отвратительно", думалъ Цвѣтковъ. А Вѣра Николаевна улыбалась и говорила:

— Ты, Надя, его хорошенько, хорошенько...

Время проходило незамѣтно. Скоро подали чай. Корсаковъ выпилъ три стакана и попросилъ еще. Любарскій подливалъ ему огромныя порціи рому. Цвѣтковъ смотрѣлъ съ ужасомъ, но молчалъ.

За ужиномъ Корсаковъ опьянѣлъ и ударился въ лирическій тонъ. Онъ говорилъ, что тѣмъ, кто искренно и больше всего любитъ искусство, не слѣдуетъ жить, ибо лучше умереть отъ собственной руки, чѣмъ въ больницѣ или подъ заборомъ. Говорилъ, что въ глазахъ толпы ху-

Digitized by Google

дожникъ всегда менѣе интересенъ, чѣмъ сапожникъ, что одна сотая процента людей найдется среди интеллигенціи, реагирующихъ на художественное творчество...

Надя смотрѣла на него широко-раскрытыми глазами. Вѣра Николаевна и Цвѣтковъ молчали, точно обвиняемые. Любарскій спокойно ѣлъ, а потомъ сказалъ:

— Ты, Мишенька, немного заврался. Умирать тебѣ подъ заборомъ не придется. Я зарабатываю рублей триста, а то и больше въ мѣсяцъ и на насъ двоихъ хватитъ... А если ты любишь смотрѣть въ рюмочку, такъ это самое любятъ не одни геніи и никакой процентъ здѣсь ни при чемъ...

Колѣ и Сережѣ въ первый разъ позволили такъ долго не ложиться спать. Они внимательно слушали, что говорятъ взрослые, но ѣли плохо. У Коли горѣли уши и на щекахъ выступили красныя пятна.

— Ну, пора и честь знать,—сказалъ Любарскій и всталъ изъ-за стола.

Въ передней еще долго прощались. Любарскій поцѣловалъ руку и Вѣрѣ Николаевнѣ, и Надѣ.

— Приходите же непремѣнно еще и надолго не откладывайте.

— Придемъ, придемъ.

Когда дверь хлопнула, Цвѣтковъ вздохнулъ и сказалъ:

— Слава тебѣ, Господи... Справили именины!.. А барышнямъ все же рукъ цѣловать не принято.

Представленіе Корсакова, и какая-то неуловимая близость между Надей и Любарскимъ произвели на него сильное впечатлѣніе. Болѣлъ каждый нервъ и ныло въ вискахъ. Казалось, что вся квартира провоняла пирогами съ капустой. Уже не хотѣлось говорить ни съ кѣмъ. Не хотѣлось даже поцѣловать на ночь Колю и Сережу. И почему-то думалось, что никогда не будетъ окончена „Исторія движенія русской общественной мысли въ XIX вѣкѣ“...

Мучила изжога.

Цвѣтковъ заперся въ кабинетѣ, быстро раздѣлся и легъ въ постель.

XI.

— Ты, Вѣра, совсѣмъ, совсѣмъ обыкновенный человѣкъ, тебя можетъ привести въ восторгъ изображеніе военной музыки на губахъ... О Надѣ и говорить нечего: глупенькая самочка, которой достаточно показать палецъ, чтобы она завизжала отъ радости. Это обидно, это очень обидно... Чѣмъ же вы обѣ отличаетесь тогда отъ Коли и Сережи, у которыхъ еще не сформировались мозги?

Цвѣтковъ замолчалъ, пробѣжалъ два раза по кабинету,

Digitized by Google

остановился и вопросительно посмотрѣлъ на сильно похудѣвшее, блѣдное лицо жены. Она чуть нахмурилась и спокойно отвѣтила:

— Ну, хорошо, пусть мы будемъ самыя обыкновенныя, только я не за этимъ пришла въ кабинетъ... Видишь, ты спалъ до девяти часовъ, а мы съ Надей... Послушай, Коля заболѣлъ. У него почти сорокъ градусовъ жару... Ночью была сильная рвота. Онъ ужъ цѣлыхъ три дня былъ какой-то невеселый, только вчера разошелся... Нужно послать за докторомъ...

— И вы обѣ до сихъ поръ молчали?

— Но вѣдь ты же съ утра заперся на ключъ и передалъ черезъ прислугу, чтобы къ тебѣ никто не входилъ...

Цвѣтковъ дернулъ плечомъ, отворилъ дверь и скорымъ шагомъ пошелъ въ дѣтскую. Коля лежалъ въ своей кроваткѣ весь красный и горячій. Чуть пріоткрылъ мутные глазки и снова опустилъ вѣки, съ длинными, какъ у матери, рѣсницами.

Шторы были опущены. Воздухъ казался спертымъ и кислымъ. Возлѣ Колиной постели сидѣла Надя. Выраженіе ея личика было скорбное и растерянное.

Двѣ пряди волосъ сбились на лобъ. Она посмотрѣла на Цвѣткова, встала и тихо сказала:

— Нужно доктора.

— Конечно, нужно. Это можно было сдѣлать и безъ меня, рано утромъ...

— Вѣрочка боялась, что вы разсердитесь...

— Что-жъ, я звѣрь, съ которымъ и говорить нельзя?.. Мальчонокъ мой милый, что съ тобой?..

Коля ничего не отвѣтилъ, только снова приподнялъ и опустилъ рѣсницы.

Цвѣтковъ пошелъ обратно въ кабинетъ и по дорогѣ бормоталъ:

— Напичкали всякой дрянью, какими-то маринадами, устрицами, пирогами, а теперь удивляются... И зачѣмъ было выходить замужъ?.. Тоже матерью называется, а сама дудаетъ, о чемъ угодно, только не о дѣтяхъ...

Сережа сидѣлъ въ столовой, сопѣлъ и рисовалъ на большомъ листѣ бумаги корову съ очень длинными рогами. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца и снова нагнулся и засопѣлъ.

Цвѣткову не пришло въ голову, что и самъ онъ сидѣлъ за столомъ и видѣлъ, что и въ какомъ количествѣ ѣлъ Коля.

Черезъ часъ пришелъ докторъ, угреватый, лысѣющій человѣкъ въ очкахъ съ черепаховой оправой. Онъ измѣрилъ у Коли температуру и пошутилъ съ нимъ тѣми фразами,

Digitized by Google

которыя говорились въ дѣтствѣ и Цвѣткову, и его отцу. Докторъ задалъ Вѣрѣ Николаевнѣ еще нѣсколько вопросовъ и пошелъ въ кабинетъ писать рецептъ.

— Ну, вотъ,—заговорилъ онъ, помахивая бумажкой,—это каломель, пусть приметъ одинъ порошочекъ—и все пройдетъ. У дѣтей температура всегда подымается необыкновенно быстро, особенно при желудочныхъ заболѣваніяхъ, но пугаться этого явленія не слѣдуетъ. Только теперь поить чаемъ его нельзя, и ничего кислаго, ни въ какомъ случаѣ, тоже нельзя, а если онъ будетъ очень просить пить, дайте обыкновенной провареной водицы...

Докторъ ловко спряталъ пятирублевый золотой и раскланялся.

И какъ вчера въ домѣ было весело, такъ сегодня вдругъ стало печально. За обѣдомъ всѣ молчали. Надя хлебнула двѣ ложки супу и снова ушла въ дѣтскую.

Къ пяти часамъ Колѣ стало легче, только слабость была очень большая. Личико пожелтѣло и казалось длиннѣе. Цвѣтковъ поцѣловалъ его въ голову и успокоился. Очень было пріятно, что сегодня, до самаго вечера, можно будетъ работать. Онъ снова заперся въ кабинетѣ.

И на самомъ дѣлѣ въ этотъ вечеръ мысли и выводы, факты и лица рисовались особенно ясно. Это всегда случалось послѣ нѣсколькихъ дней бездѣлья или послѣ того, какъ неожиданныя обстоятельства не позволяли читать и писать хоть нѣсколько часовъ, но тогда именно, когда особенно тянуло къ работѣ.

Когда рука устала, онъ положилъ перо и откинулся на спинку кресла. Вдругъ пришло въ голову:

„И въ политикѣ, и въ искусствахъ, и въ наукѣ, какъ и въ религіи, есть одинъ общій законъ: „аще кто любитъ отца или мать больше меня, нѣсть достоинъ меня“... Конечно, и сына и жену и вообще женщину... И это абсолютно вѣрно. Большое и важное можетъ сдѣлать только тотъ, кто для своей работы забудетъ все личное, все дорогое ему одному... Или, или... Вотъ какъ у революціонеровъ... Я не знаю себя, но знаю навѣрное, что добьюсь того, чего хочу. Нужно страшную, непобѣдимую силу, чтобы я свернулъ съ дороги“...

Цвѣтковъ удивился, когда снова вышелъ въ столовую и увидѣлъ, что уже одиннадцать часовъ вечера. Самоваръ остылъ. Чашки и стаканы стояли чистыми. И ножъ возлѣ вазочки съ масломъ былъ такой же блестящій, какимъ его подали.

Въ спальнѣ, на кровати Вѣры Николаевны, спалъ Сережа, раздѣтый и укрытый одѣяломъ.

Digitized by Google

Въ дѣтской надъ постелькой Коли склонились двѣ женскихъ фигуры. Ихъ спины были чуть освѣщены лампочкой, а лицъ не было видно, но Цвѣтковъ угадалъ, что и жена, и Надя въ глубокомъ отчаяніи и имъ обѣимъ кажется, что мальчикъ непремѣнно умретъ.

— Что съ нимъ?—шопотомъ спросилъ Цвѣтковъ.

— Опять сорокъ и пять десятыхъ... — тихо отвѣтила Вѣра Николаевна.

— Такъ отчего же ты мнѣ не сказала?

— Ты заперся...

Возразить было нечего...

Коля вдругъ повернулъ головку.

— Папа... Папа... паровозъ... паровозъ... уйди... уйди... Сейчасъ поѣдетъ...

Цвѣткову вдругъ стало жарко и страшно. Онъ постарался овладѣть собой и, насколько могъ, спокойно произнесъ:

— Вѣрочка, пойди ко мнѣ.

Вышли въ столовую, но здѣсь минуты двѣ молчали.

— Я съѣзжу за докторомъ,—сказалъ Цвѣтковъ.

— Какъ хочешь...

Черезъ часъ снова былъ докторъ. Онъ велѣлъ дать Колѣ еще одинъ порошокъ каломеля и положить на голову пузырь со льдомъ. Насчетъ діагноза онъ сказалъ, что до утра нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

И сейчасъ же попрощался.

Ночь прошла тяжело. Очень долго не спали. Говорить о Колиной болѣзни было больно, а трогать отвлеченныя темы не хотѣлось. Цвѣтковъ уже работать не могъ. Въ мягкихъ туфляхъ онъ мотался изъ столовой въ кабинетъ и обратно.

Надя сидѣла въ гостиной на диванѣ и читала Гамсуна. Вѣра Николаевна не хотѣла отойти отъ Коли, хотя онъ уснулъ. Когда она перемѣнила на его лбу пузырь, было слышно, какъ пересыпаются льдинки.

Цвѣтковъ рѣшилъ не спать до тѣхъ поръ, пока у Коли не начнетъ спадать температура. Ноги уже устали. Онъ легъ въ кабинетѣ на кровать. Тишина казалась страшной. Мысль о возможной смерти сына мучила мозгъ. Онъ уже не думалъ, что для него дороже—наука или жена и дѣти. Было только одно большое желаніе—какъ можно скорѣе подѣлиться своимъ горемъ съ кѣмъ-нибудь чуткимъ и близкимъ.

Но Вѣра Николаевна ни на минуту не выходила изъ дѣтской, съ Надей же онъ твердо рѣшилъ не заговаривать первымъ. Онъ уже давно чувствовалъ къ ней какую-то

Digitized by Google

затаенную ненависть, въ которой до сихъ поръ неловко было сознаться самому себѣ. Но теперь думалось: „Этакое животное, усѣлась и читаетъ беллетристику, и какъ ни въ чемъ не бывало“... Но, если бы его кто-нибудь спросилъ, что должна дѣлать Надя, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить.

„А вѣдь какой она святой мнѣ казалась, какой красавицей,—плыло въ мозгахъ,—а теперь видно, что она только кукла, а если и человѣкъ, то врядъ ли болѣе развитой, чѣмъ горничная Саша. Вся жизнь состоитъ изъ противорѣчій... Что вчера представлялось огромной цѣнностью, то сегодня не стоитъ ломанаго гроша. Вся жизнь состоитъ изъ противорѣчій... Смерть гораздо честнѣе, ибо въ ней нѣтъ лжи, совсѣмъ, ни капельки“...

Страхъ и тоска перешли въ усталость и апатію, а потомъ въ огромное желаніе отдыха. Цвѣтковъ совсѣмъ незамѣтно сталъ дремать и крѣпко заснулъ, не раздѣваясь.

Воротничокъ давилъ горло. Грезилось страшное и непонятное: хоронили Вѣру Николаевну... Пѣли дьячки... Потомъ пришла въ ночной кофточкѣ Надя, прижалась своей горячей грудью къ его груди и такъ крѣпко обняла руками за шею, что онъ вдругъ сталъ задыхаться, но это ощущеніе давало огромное наслажденіе и не хотѣлось отъ него освободиться...

Настоящая Надя смотрѣла въ книгу, но не читала, а плакала, ей казалось, что Коля не выживетъ. Потомъ вспомнилась институтская подруга Оля Семенова, которая умерла отъ дифтерита. И вдругъ пришло въ голову, что Оля сейчасъ, въ видѣ призрака, стоитъ за спиною. Она едва не крикнула, но сдѣлала надъ собою усиліе, медленно поднялась со стула, ушла, легла на постель и незамѣтно уснула.

Вѣра Николаевна не задремала до самаго утра и когда Цвѣтковъ увидѣлъ ее съ красными, опухшими, какъ у больной трахомой, вѣками, ему стало невыносимо стыдно...

XII.

Докторъ сказалъ, что у Коли почти навѣрное брюшной, такъ называемый, амбулаторный тифъ и, хотя болѣзнь эта не заразительна, но все же лучше переселить Сережу въ другую комнату. Но Цвѣткову казалось, что докторъ ошибается. Температура понизилась. Коля не бредилъ, но молчалъ и въ его потускнѣвшихъ глазахъ чувствовалось странное, неземное равнодушіе. Его ручки и ножки въ двое сутокъ исхудали и пожелтѣли.

„Какъ отрокъ на картинѣ Нестерова... Только бы не умеръ, только бы не умеръ“...—думалъ Цвѣтковъ и сдерживался, чтобы не заплакать.

Digitized by Google

Сережа не понималъ опасности и даже радовался, что будетъ спать съ отцомъ въ кабинетѣ:

— Хи... какъ въ вагонѣ...

Предоставленный самому себѣ, онъ ходилъ по комнатамъ и не зналъ, чѣмъ заняться. Никто не читалъ ему нотацій и ничего не запрещалъ.

Это было ново и пріятно.

Вѣра Николаевна тоже похудѣла, подъ глазами у нея легли черные круги, а вѣки припухли еще сильнѣе. Цвѣтковъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ и все уговаривалъ лечь и заснуть.

— Ну, не хочу я. Понимаешь, не хочу...

Коля пошевелился и сдѣлалъ едва замѣтное движеніе губами.

— Проситъ пить,—шопотомъ сказала Вѣра Николаевна и взяла стаканъ съ перевареной водой. Коля жадно сдѣлалъ нѣсколько глотковъ изъ чайной ложечки. Его головка снова опустилась на подушку.

„Какъ это Вѣра угадала, что Коля хочетъ пить, вѣдь ни одного звука не было слышно. Я бы не угадалъ этого никогда,—думалъ Цвѣтковъ.—Конечно, Любарскій нахалъ и непріятный человѣкъ, но онъ былъ правъ, что женщины способны чувствовать инстинктомъ такіе моменты, въ которыхъ при помощи научныхъ данныхъ не разобраться... Не правъ онъ только въ томъ, будто культурный человѣкъ можетъ сильнѣе увлечься женщиной, живущей однимъ чутьемъ, чѣмъ женщиной образованной. Это не такъ. Одного чутья мало. У Вѣры и чутье и знанія, а Надя руководствуется одними инстинктами и поэтому Вѣра всегда будетъ неизмѣримо выше, а ея вліяніе и на дѣтей, и на меня неизмѣримо сильнѣе“.

Цвѣтковъ всталъ и на цыпочкахъ вышелъ.

Надя сидѣла въ столовой въ той же позѣ, низко опустивъ голову надъ романомъ Гамсуна. Она машинально поправила упавшую на лобъ прядь волосъ и продолжала читать. Ея уши и щеки горѣли.

„Ишь-ты, въ домѣ такое несчастье, а она вся ушла въ исторію какой-то, можетъ быть, никогда не существовавшей, любви“. И въ душѣ Цвѣткова вдругъ повернулась огромная, мало понятная ему самому злость къ дѣвушкѣ, которая еще нѣсколько дней назадъ такъ нравилась.

Думалось, что сегодня будетъ легче, чѣмъ вчера и позавчера, но вышло тяжелѣе. Нервы ожидали отдыха, но все кругомъ только тревожило. О работѣ нечего было и думать. И весь день прошелъ нелѣпо.

Вечеромъ Цвѣтковъ не могъ припомнить, обѣдалъ онъ сегодня или не обѣдалъ.

Digitized by Google

Въ девять часовъ въ кабинетѣ, на диванѣ, уложили спать Сережу, и теперь здѣсь нельзя было курить.

Позже вошла Вѣра Николаевна и сказала:

— Сегодня температура у него, слава Богу, не поднялась... Меня смѣнила Надя. Вотъ теперь только я почувствовала, какъ устала. Охъ... немного полежу на твоей кровати.

Цвѣтковъ отошелъ къ печкѣ, оперся о нее и заложилъ руки за спину. Тишина казалась страшной. На душѣ вырастала непонятная, но глубокая увѣренность, что въ этомъ домѣ скоро запахнетъ ладаномъ и густой басъ діакона будетъ выводить ектенію съ заупокойными моленіями, какъ это дѣлалъ Корсаковъ. Захотѣлось услышать человѣческій голосъ. Цвѣтковъ хотѣлъ спросить жену, ѣла ли она сегодня что-нибудь, но когда посмотрѣлъ въ ея сторону, то увидѣлъ, что Вѣра Николаевна крѣпко спитъ.

Онъ надѣлъ мягкія туфли, взялъ нѣсколько папиросъ, книгу Пьера Луиса, которую принесъ Любарскій, и вышелъ въ столовую. Здѣсь было также тихо, пусто и особенно жутко. Громко чикали часы. Цвѣтковъ положилъ книгу на буфетъ и такими-же неслышными шагами прошелъ въ дѣтскую.

Затянутая зеленой матеріей электрическая лампочка едва пропускала свѣтъ. Возлѣ кроватки Коли, неяснымъ пятномъ, виднѣлась фигура Нади въ бѣлой кофточкѣ. Ея лицо казалось черезчуръ блѣднымъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ было два часа назадъ. Нельзя было разобрать, открыты или закрыты ея казавшіеся теперь темными и большими глаза.

Цвѣтковъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, остановился и тревожнымъ шопотомъ спросилъ:

— Ну, что?

— Спитъ...

— Вѣра тоже уснула.

— Ну, слава Богу, бѣдная, она очень измучилась...

Помолчали. Цвѣтковъ глубоко вздохнулъ и снова заговорилъ шопотомъ:

— Знаете, въ домѣ такъ тихо, что будетъ слышенъ каждый шорохъ. Пойдемте въ столовую. Мнѣ хочется поговорить...

— Хорошо. Идите. Я сейчасъ...

Въ столовой Надя опустилась на диванъ, согнулась и приложила къ глазамъ скомканный носовой платокъ.

Цвѣтковъ сѣлъ рядомъ и спросилъ:

— Почему вы закрылись?

— Посл... послѣ темноты больно смотрѣть.

Она отняла платокъ. Ея глаза сами собой прищури-

Digitized by Google

лись. Изъ-подъ рѣсницъ выкатились двѣ крупныхъ слезы, блеснули при свѣтѣ электричества и упали къ ней на колѣни.

Цвѣтковъ взволновался.

— Надя, голубчикъ, что съ вами?

— Такъ. Тяжело...

— Милая, славная Надя. Я никакъ не думалъ, что вы способны такъ глубоко чувствовать чужое горе.

Она высморкалась, вздохнула и заговорила полушопотомъ:

— Нѣтъ, я не славная. Мнѣ жаль не только Вѣру, васъ и Колю, но мнѣ жаль... Скажите, вотъ вы ученый, зачѣмъ такъ устроенъ свѣтъ, что всегда страдаетъ невинный? Вотъ вы уже много прожили, много сдѣлали и васъ судьба не обижаетъ. А Коля просуществовалъ только семь лѣтъ, повезли его въ Ялту къ морю, которое ему такъ понравилось и... болѣлъ почти все лѣто. Поправился. Вернулись въ Петербургъ. Радовался мальчикъ, ждалъ своихъ именинъ, одинъ только день пожилъ, какъ хотѣлъ, и вотъ теперь уже расплачивается... Сережа такъ же провелъ время, а ему хоть бы что. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ жизни и большого, и маленькаго человѣка на каждомъ шагу— несправедливость. На каждомъ шагу... Скажите, почему это такъ?

— Я самъ не знаю.

Цвѣтковъ помолчалъ.

— Простите меня, Надюша, простите. Я васъ считалъ тупой и холодной, а вы вонъ какъ чувствуете и надъ какими вопросами думаете...

— Нѣтъ. Я дѣйствительно тупая. И сегодня задумалась о серьезномъ, кажется, въ первый разъ и не сама по себѣ. Это Колина болѣзнь навела меня на такія мысли и еще книга Гамсуна—тамъ тоже люди страдаютъ, ужасъ какъ, и все неизвѣстно, зачѣмъ и за что... Убивать себя глупо, но и жить не по своей, а по чьей-то огромной и безпощадной волѣ—тоже глупо.

Цвѣтковъ посмотрѣлъ въ ея заплаканные, полные тоски, глаза и ему казалось, что все это говоритъ не та Надя, которая способна на зло выпить рюмку вина или хохотать до истерики, увидѣвъ, какъ изображаетъ какой-то проходимецъ профессора Багрѣева, а совсѣмъ другая, прекраснѣйшая, чуткая дѣвушка.

Замолчали. Прислушались. Все было попрежнему тихо. Раздавалось дыханіе спавшихъ Вѣры Николаевны и мальчиковъ. Звонко отбивали секунды часы.

Цвѣтковъ взялъ Надю за руку и сказалъ:

Digitized by Google

— Съ утра у меня было невыносимое состояніе, а теперь, послѣ вашихъ словъ, легче. Точно вы передали мнѣ часть той огромной и хорошей силы, которая живетъ въ вашей душѣ. Надя, прекрасная...

Совсѣмъ незамѣтно для себя, онъ обнялъ ее за талію такъ, что вся ладонь прикоснулась къ маленькой, горячей груди. Приблизилъ ея лицо и прижался къ ея губамъ своими, вдругъ пересохшими, горячими.

Надя слабо освободилась и, немного задыхаясь, прошептала:

— Я рада, если вамъ хорошо... Только я пойду въ дѣтскую. Онъ можетъ проснуться.

Цвѣтковъ остался. И радость, и отвращеніе къ самому себѣ сплелись въ его сердцѣ. Было стыдно, что огромное наслажденіе явилось именно тогда, когда жена и сынъ страдали. Хотѣлось лечь на диванъ ничкомъ и больно укусить свою собственную руку, чтобы мозгъ хоть на секунду пересталъ анализировать и обнажать правду.

Въ головѣ настойчиво плавала одна мысль: „Я люблю Надю... тогда, шестого, я мучился, когда видѣлъ, что Любарскій сидитъ слишкомъ близко возлѣ нея. Я люблю... Я самъ отъ себя скрывалъ, самъ себѣ лгалъ". Какъ будто желая убѣжать, онъ всталъ и быстрыми шагами прошелъ въ кабинетъ. И Вѣра Николаевна, и Сережа спали также крѣпко.

Цвѣтковъ снова вернулся въ столовую, машинально взялъ съ буфета книгу Пьера Луиса, нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ, закурилъ папиросу и сѣлъ.

Часы пробили два.

„Почему такъ быстро прошло время?—подумалъ онъ.—Это хорошо, что Вѣра не проснулась... Пусть отдохнетъ... Какъ же такъ? Вѣдь я ее не разлюбилъ. Я знаю ей цѣну, знаю, какая она прекрасная мать, я прожилъ съ ней девять лѣтъ, я преклоняюсь передъ ней. И вдругъ это огромное, сильное, какъ стихія, влеченіе къ дѣвушкѣ, которую я знаю всего три мѣсяца. Какъ же такъ? Научная работа останавливается... Хоть на нѣсколько минутъ, но я вдругъ забылъ о томъ, что Коля можетъ умереть... Что же это?. Сумасшествіе?.."

Чтобы отвлечь свое вниманіе отъ самого себя, онъ перевернулъ нѣсколько страницъ въ книгѣ Пьера Луиса и увидѣлъ, что одно мѣсто обведено краснымъ карандашомъ. Должно быть, это сдѣлалъ Любарскій. Тамъ было написано:

„Одиссей блуждалъ, однажды, на охотѣ у подножья Дельфійскихъ горъ, какъ вдругъ онъ встрѣтилъ по дорогѣ двухъ дѣвъ, державшихъ другъ дружку за руки. У одной были волосы—какъ фіалки, прозрачные глаза и влажныя уста; она сказала ему: „Меня зовутъ Арета". У другой были слабыя

Digitized by Google

вѣки, тонкія руки и нѣжныя перси, она сказала ему: „Я зовусь Трифея“. И обѣ вмѣстѣ продолжали: „Выбери одну изъ насъ“. Но хитроумный Одиссей благоразумно отвѣчалъ: „Какъ я могу выбрать? Вы неотдѣлимы одна отъ другой. Глаза, которые увидѣли только одну изъ васъ безъ другой, уловили бы лишь безплотную тѣнь. Подобно тому, какъ искренняя добродѣтель не отказывается отъ вѣчныхъ радостей, доставляемыхъ ей сладострастіемъ, такъ и эта слабость была бы плоха безъ нѣкотораго величія души. Я послѣдую за вами обѣими. Ведите меня.“

Едва онъ кончилъ, какъ оба видѣнія слились—и Одиссей увидѣлъ, что онъ говорилъ съ великой богиней Афродитой“.

XIII.

Онъ закрылъ книгу. Стало непріятно и мысли побѣжали неровно.

„Еще три мѣсяца назадъ я бы посмѣялся надъ этой басней, а теперь мнѣ хочется плакать... И въ душѣ такая тревога, какъ у ребенка, который долго шелъ по лѣсу въ полной увѣренности, что знаетъ дорогу. Но вотъ уже вечерѣетъ, онъ нѣсколько разъ оглядывается и начинаетъ понимать, что дорога эта ведетъ совсѣмъ не домой—такъ говорятъ глаза, а сердце подсказываетъ, что ночь наступитъ раньше, чѣмъ явятся новыя силы, которыя помогутъ выйти изъ лѣсу...

Что дѣлать? Весьма возможно, что этотъ страхъ есть слѣдствіе нервнаго переутомленія. Пусть такъ. Но я знаю навѣрное, что и тогда, когда совсѣмъ успокоюсь, я не сумѣю отвѣтить себѣ на цѣлый рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему эта книга такъ долго лежала у меня въ кабинетѣ, но взялъ я ее только сегодня? Почему я открылъ ее только послѣ того, какъ поцѣловалъ Надю? Почему я прежде всего увидѣлъ эти строки, а не другія? Почему эту книгу принесъ именно Любарскій, котораго я терпѣть не могу? Почему?..“

Цвѣтковъ уже забылъ, что это мѣсто въ книгѣ Пьера Луиса было обведено краснымъ карандашомъ.

Паника увеличивалась. Онъ всталъ и, неслышными шагами, быстро заходилъ по комнатѣ.

Въ кабинетѣ проснулся Сережа и плаксиво попросилъ пить. Цвѣтковъ быстро налилъ изъ графина воды и принесъ ему. Мальчикъ, не раскрывая глазъ, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, что-то пробормоталъ, вздохнулъ и опять легъ.

Вѣра Николаевна зашевелилась и сѣла на кровати.

— Который часъ?

Digitized by Google

— Третій. Да ты спи. Возлѣ него Надя, — отвѣтилъ Цвѣтковъ.

— Ледъ въ пузырѣ перемѣнили?

— Не знаю.

— Ну, вотъ видишь... Ахъ... Я думала, что еще нѣтъ двѣнадцати.

— Ну, сходи, посмотри и ложись опять. Вѣдь тебѣ нужны силы, откуда-же онѣ возьмутся, если ты не будешь щадить себя?.. Такъ же нельзя...

Ночь проходила тревожно. Цвѣтковъ легъ только въ седьмомъ часу утра. Засыпая, онъ думалъ: „Завтра Колѣ, навѣрное, будетъ легче. И самъ я разберусь въ своей сладкой бѣдѣ... Возможно, что и болѣзнь, и приходъ Любарскаго, все это случилось для того, чтобы у меня открылись глаза“...

Сережа проснулся въ девять часовъ, сѣлъ на постели и позвалъ:

— Па-па...

Цвѣтковъ не услыхалъ.

— Па-по-чка. Я хочу уже вставать. Папуля...

Вошла Вѣра Николаевна и быстро его одѣла.

Сережа выбѣжалъ и сильно хлопнулъ дверью. Цвѣтковъ поднялъ голову и увидалъ жену.

— Ты уже встала?

— Ну да. Десятый часъ. Не въ этомъ дѣло... Послушай, у Коли температура не понизилась ни на одну десятую. Пошлемъ за докторомъ. Голубчикъ, пошлемъ. Мнѣ страшно...

— Ну, конечно, отправь сейчасъ-же Сашу съ запиской. Я буду готовъ въ одну минуту.

Цвѣтковъ быстро надѣлъ брюки, всунулъ ноги въ туфли и закурилъ папиросу. Вчерашній поцѣлуй вспомнился только на секунду. Пришло въ голову, что сегодня Коля непремѣнно умретъ. Такъ дрожали руки, что трудно было застегнуть пуговицы на жилетѣ. Коля лежалъ безъ сознанія, но съ открытыми мутными глазками. Губы у него обсохли. Руки и ноги исхудали еще сильнѣе. Пахло прѣлымъ тѣломъ и туалетнымъ уксусомъ, которымъ освѣжали воздухъ.

Сережа стоялъ возлѣ кроватки брата. Личико у него было печальное, печальное. Надя возилась возлѣ таза со льдомъ и даже не обернулась. Цвѣтковъ нагнулся надъ Колей. Мальчикъ пошевелилъ головой, нѣсколько разъ открылъ ротъ и забормоталъ:

— Вотъ ѣхали, ѣхали... Уже увидимъ, увидимъ... Я не хочу ужинать, не хочу...

— Мама, что это онъ говоритъ?—шопотомъ и съ ужасомъ въ голосѣ спросилъ Сережа.

— Это онъ бредитъ. Иди, голубчикъ, отсюда, ему не

Digitized by Google

хорошо, когда много людей. Надюша, напой Сережу чаемъ. Иди, милый.

Черезъ полчаса пришелъ докторъ. Онъ поздоровался съ Цвѣтковымъ и нѣсколько минутъ отогрѣвался въ гостиной. Прислонившись къ печкѣ, докторъ потеръ руку объ руку и сказалъ:

— Удивительное вчера было засѣданіе въ нашемъ знаменитомъ парламентѣ. Что они тамъ перебѣсились, что ли? Хоть бы скорѣе разъѣзжались на каникулы.

Цвѣтковъ промолчалъ и подумалъ: „Какъ онъ можетъ говорить о какомъ-то засѣданіи, когда здѣсь умираетъ ребенокъ, къ которому его позвали?..“

Докторъ вынулъ и зажегъ папиросу, сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ, положилъ ее недокуренной въ пепельницу и медленно пошелъ въ дѣтскую.

Вѣра Николаевна и Надя съ тревогой слѣдили за каждымъ его движеніемъ и за малѣйшимъ измѣненіемъ лица. Докторъ какъ будто чувствовалъ это и пряталъ всѣ свои соображенія. Въ гостиной онъ сказалъ Цвѣткову:

— Сейчасъ положеніе больного очень серьезно. Все можетъ быть, но, судя по нѣкоторымъ объективнымъ даннымъ, есть надежда на хорошій исходъ. Кризиса въ этой болѣзни нѣтъ и тянется она четыре-пять недѣль. Леченія тоже почти нѣтъ. Я вижу, вы мною недовольны, но это же повторитъ вамъ всякій врачъ. Уходъ, діета, хорошія гигіеническія условія... и тогда больше вѣроятія, что все окончится благополучно... До свиданія. Завтра я еще заѣду.

Парадная дверь захлопнулась.

Вѣра Николаевна ушла въ гостиную, сѣла на диванъ и заплакала. Цвѣтковъ лѣвой рукой обнялъ ее за талію, а правой тихо гладилъ по головѣ. Онъ хотѣлъ сказать ей что-нибудь хорошее, бодрящее и не находилось такихъ словъ. У самого давило горло и чесалось въ носу.

— Оставь меня одну, мнѣ будетъ легче. Я хочу успокоиться,—сказала Вѣра Николаевна.

Цвѣтковъ поднялся и ушелъ въ кабинетъ. Здѣсь горничная Саша наскоро убирала постели. Она оправила подушки, обернулась, замигала, какъ-то по-обезьяньи глазами, и не смѣло выговорила:

— Охъ, баринъ, бѣда...

— Какая бѣда?—сердито спросилъ Цвѣтковъ.

— Охъ, да и сказать страшно. Я со стола убирала, только притронулась къ абажуру, хотѣла стереть пыль, а электрическая лампочка какъ выстрѣлитъ и лопнула, а я за нее и не бралась...

— Ну, такъ скажите швейцару, чтобы принесъ запасную.

Digitized by Google

— Охъ, какъ изъ ружья ударило... Только я не черезъ это испужалась, а не къ добру стекло лопается, да и не горѣла она... Баринъ, миленькій, не къ добру... Непремѣнно въ этомъ домѣ покойникъ будетъ...

Цвѣтковъ поднялъ и опустилъ голову.

— Вы дура или нѣтъ?

— Охъ, не знаю...

— Ну, такъ убирайтесь вонъ... Сегодня не нужно убирать. И такъ ладно...

Пріятно было остаться одному. Онъ легъ на кровать.

Цвѣтковъ не вѣрилъ въ примѣты, но ему тоже казалось, что въ квартирѣ уже есть какой то невидимый и неумолимый палачъ, который только медлитъ, но непремѣнно сдѣлаетъ свое несправедливое и страшное дѣло. Ясно представлялось, какъ принесутъ маленькій бѣлый гробикъ. Какъ запоютъ „вѣчную память" и всѣ станутъ на колѣни. А потомъ на улицѣ, передъ подъѣздомъ, священникъ будетъ читать евангеліе такимъ голосомъ, какъ это изображалъ Корсаковъ.

Мелькнула нелѣпая мысль,—что болѣзнь и смерть накликалъ именно Корсаковъ, котораго, неизвѣстно зачѣмъ, привелъ Любарскій,—но сейчасъ же и улетѣла.

Стало неловко...

XIV.

Еще три дня тягучихъ, трудно выносимыхъ. Ничего не извѣстно... Умретъ Коля или выздоровѣетъ? Пришелъ конецъ семьѣ или это тоже болѣзнь, а потомъ наступитъ выздоровленіе? Ничего не извѣстно... И одна только радость у Цвѣткова—глядѣть, какъ Надя ухаживаетъ за Колей, какъ она причесывается, какъ ѣстъ. А у себя въ кабинетѣ думать о ней.

Вѣры какъ будто и въ домѣ нѣтъ. Совершенно ясно чувствуется, что теперь для нея меньше всѣхъ и меньше всего интересенъ мужъ...

Въ среду у Коли начала спадать температура, а въ четвергъ докторъ сказалъ, что всякая опасность миновала и, съ этого дня, въ домѣ всѣ заговорили громче и лица сдѣлались свѣтлѣе.

Цвѣтковъ снова началъ рыться въ книгахъ, а по вечерамъ пробовалъ продолжать сочиненіе. Дѣло подвигалось, но не такъ гладко, какъ прежде. Исписавъ страницу, онъ вставалъ и начиналъ ходить и думать о Надѣ.

Иногда хотѣлось рѣшить вопросъ: почему до сихъ поръ не уходитъ изъ головы мысль, что здѣсь, въ его квартирѣ,

Digitized by Google

все-таки вѣетъ смерть и что скоро въ этихъ комнатахъ непремѣнно будутъ пѣть священники и принесутъ гробъ?..

Но сейчасъ же самъ собою приходилъ отвѣтъ, что все это результатъ издерганныхъ нервовъ, которые наболѣли отъ безсонныхъ ночей и отъ страха за Колю и отъ сладкаго ужаса послѣ нехорошаго своей остротою поцѣлуя.

— Значитъ, все просто, естественно и понятно,—говорилъ самъ себѣ вслухъ Цвѣтковъ и снова садился за письменный столъ.

Сережа тоже повеселѣлъ. Онъ придумалъ себѣ новое занятіе: послѣ каждаго звонка бѣжать и отворять парадную дверь. И теперь это было хорошо, потому что и Вѣра Николаевна, и Надя и горничная Саша всегда были заняты.

Иногда Колѣ казалось, что онъ уже совсѣмъ здоровъ и можетъ встать. Онъ садился на постели и капризно требовалъ, чтобы его одѣли, но быстро утомлялся и ложился снова блѣдный, худенькій.

Докторъ утѣшалъ тѣмъ, что послѣ брюшного тифа и взрослые, и дѣти обыкновенно очень поправляются. Мать и Надя продолжали дежурить возлѣ него каждую ночь, а потомъ днемъ попеременно ложились спать.

Въ одну изъ ночей Колѣ стало какъ будто хуже.

Надя возилась возлѣ него одна и не задремала ни на минутку. Утромъ ей пришлось два раза сходить въ аптеку. За обѣдомъ она сидѣла совсѣмъ измученная, но казалась Цвѣткову необыкновенно красивой, и почти святой. Она отказалась отъ третьяго блюда, ушла въ темную гостиную, легла на диванъ и сейчасъ же крѣпко заснула.

Вѣра Николаевна была возлѣ Коли. Сережа сидѣлъ въ кабинетѣ и перелистывалъ „Жизнь животныхъ“ Брема.

Цвѣтковъ въ мягкихъ туфляхъ ходилъ взадъ и впередъ по столовой. Онъ слышалъ мѣрное дыханіе Нади въ слѣдующей комнатѣ. Тянуло туда войти и посмотрѣть на нее. Чтобы не пустить себя, онъ прислонился къ окну и сталъ глядѣть на улицу.

Видно было, какъ на противоположномъ тротуарѣ, остановился какой-то господинъ и хотѣлъ закурить папиросу. Онъ уже истратилъ нѣсколько спичекъ. Должно быть, на улицѣ дулъ сильный вѣтеръ.

„Если слѣдующей спичкой онъ закуритъ, — подумалъ Цвѣтковъ,—значитъ, нужно, чтобы я вошелъ въ гостиную“.

Спичка вспыхнула, и вслѣдъ за нею затлѣлся красный огонекъ папиросы. Темная фигура человѣка повернулась и быстро зашагала впередъ.

Цвѣтковъ вошелъ въ гостиную. Здѣсь было темно. Чуть пахло туберозой. Осторожно, ощупью онъ обошелъ круглый столъ.

Digitized by Google

Надя лежала на спинѣ, положивъ голову на валикъ турецкаго дивана. Одна ея рука свѣсилась, а другая лежала на поясѣ.

Цвѣткову показалось, что дыханіе Нади стало тише. Онъ сѣлъ возлѣ ея таліи, потомъ осторожно взялъ ея свѣсившуюся руку, приподнялъ и поцѣловалъ, какъ когда-то въ далекомъ дѣтствѣ цѣловалъ мощи въ Кіево-Печерской лаврѣ—и сейчасъ, еще осторожнѣе, положилъ эту теплую, милую руку на диванъ.

Цвѣтковъ злился на свое сердце, которое стучало нехорошо и неровно. Глаза уже привыкли къ полутьмѣ и ясно видѣли бѣлый лобъ, темныя рѣсницы и проборъ на головѣ. Небольшой цѣломудренный бюстъ спокойно подымался и опускался.

Цвѣтковъ владѣлъ собой хорошо и былъ убѣжденъ, что сейчасъ его тянетъ къ Надѣ одна нѣжность. Онъ снова бережно взялъ ея ручку и поцѣловалъ, а потомъ сама его голова наклонилась и легла на упругую дѣвичью грудь.

Надя чуть пошевелилась.

Цвѣтковъ приподнялся и подумалъ: „Она спитъ, ничего не видитъ и не знаетъ, тѣмъ подлѣе съ моей стороны... Поцѣлую еще разъ въ руку и уйду. Но если не прикасаться къ ней, то можно остаться. А если войдетъ Вѣра?.. Я не виноватъ, я не виноватъ... Я не хочу ее обольстить, это не чувственность; это лишь огромное, стихійное желаніе быть возлѣ нея, такое же, какъ, напримѣръ, глядѣть на встающее изъ-за горъ солнце. Спасибо ей, милой,—что могла, моей семьѣ отдала. Какъ родная, за Колей ухаживала. Исхудала... Милая, милая, золотко не мое славное... Все-таки лучше скорѣе уйти“...

Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, погладилъ ее по плечу, потомъ наклонился, и невольно прикоснувшись ладонью къ ея груди, приникъ своими губами къ ея полуоткрытымъ, горячимъ губамъ.

Цвѣтковъ чуть не потерялъ сознанія, когда почувствовалъ и понялъ, что Надя отвѣтила на его поцѣлуй нѣжно и сознательно.

Онъ откинулся назадъ и схватился рукой за столъ.

— Мнѣ бы хотѣлось побыть одной,—тихо, тихо выговорила она.

Фраза была короткая и ясная, но не въ словахъ, а въ тонѣ голоса ему еще послышалось: „Я понимаю, что ты измучился и хочется тебѣ и женской ласки, и сочувствія, которыхъ Вѣра теперь дать не можетъ. И оттого, что понимаю,—прощаю. Но помни, что ты мужъ и отецъ и не злоупотреби моей снисходительностью“...

Digitized by Google

Цвѣтковъ еще разъ поцѣловалъ ея ручку и пошелъ къ себѣ радостный, не понимающій самого себя.

Не было стыдно.

Онъ сѣлъ за письменный столъ и машинально раскрылъ лежавшую передъ нимъ книгу. Глаза бѣгали по строчкамъ, но мысли не понимали печатныхъ словъ и всѣ были возлѣ Нади въ гостиной.

Въ передней позвонили. Цвѣтковъ не двинулся съ мѣста. Слышно было, какъ пробѣжалъ Сережа отворять двери.

Щелкнулъ замокъ и потомъ заговорилъ знакомый, веселый голосъ:

— А-а-а... Сергѣй Сергѣевичъ, полковникъ Скалозубъ... А Надюша гдѣ?

Цвѣтковъ поднялся и вышелъ къ Любарскому. Захотѣлось быть съ нимъ какъ можно ласковѣе и корректнѣе. „Почему?"—спросилъ онъ самъ себя и мысленно отвѣтилъ:— „Потому что, когда человѣкъ любитъ, ему инстинктивно хочется быть добрымъ и еще потому, что, когда человѣкъ любитъ, онъ плохо понимаетъ цѣль своихъ дѣйствій"...

— Здравствуйте. Заходите въ кабинетъ. А у насъ, знаете ли, не совсѣмъ хорошо...

— Что такое?—спросилъ Любарскій.

— Да вотъ Коля заболѣлъ.

— Чѣмъ?

— Брюшной тифъ. Теперь ужъ, кажется, опасность миновала. Грѣйтесь возлѣ печки.

Лицо у Любарскаго стало строгимъ и серьезнымъ. Онъ потеръ руку объ руку и сѣлъ на диванъ.

— Давно?

— Да вотъ на другой день послѣ своихъ именинъ. А на той недѣлѣ сочельникъ...

— Это печально. Я, собственно, зашелъ за Надей, хотѣлъ повести ее въ новый кинематографъ, замѣчательный, знаете. Полная иллюзія...

Цвѣтковъ не взволновался и спокойно сказалъ:

— Ну, ужъ это нужно спросить самое Надю. Я сейчасъ ее позову...

Цвѣтковъ шелъ и весело думалъ: „Она не пойдетъ, навѣрное не пойдетъ"...

Надя лежала въ той же позѣ. Онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Надюша, пришелъ Любарскій и хочетъ тебя видѣть.

— А?

— Любарскій хочетъ тебя видѣть, онъ въ кабинетѣ.

— Сейчасъ. Только немножко оправлюсь.

Цвѣтковъ вернулся въ кабинетъ. Губы его чуть улыба-

Digitized by Google

лись, а мозги думали: „Я ей сказалъ „ты“... Какъ это вышло? и почему не показалось страннымъ ни ей, ни мнѣ?“

— Ну что?—спросилъ Любарскій.

— Сію минуту придетъ...

— А Вѣра Николаевна какъ поживаетъ?

— Какъ? Извелась бѣдная...

Вошла Надя. Немного заспанная, не совсѣмъ гладко причесанная, съ большимъ сѣрымъ платкомъ на плечахъ. Она поздоровалась и стала возлѣ печки, заложивъ руки назадъ.

— Ну-съ, вотъ что: я пришелъ за вами. Хотите посмотрѣть новый кинематографъ, такъ поѣдемъ.

Надя отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ. Въ другой разъ. Нужно подсмѣнить Вѣру. Да и вообще теперь я не въ такомъ настроеніи...

— „Слава Богу, слава Богу“—думалъ Цвѣтковъ.

Надя постояла еще съ минуту, потомъ подала руку Любарскому и сказала:

— Ну, до свиданья...

Она ушла, чуть покачивая плечами, спокойная и задумчивая.

Любарскій закурилъ папиросу, однимъ движеніемъ сбросилъ пенснэ и заговорилъ серьезно и тепло:

— Какъ она исхудала... И лицо совсѣмъ другое стало... Въ этомъ возрастѣ всѣ дѣвушки очень впечатлительны, и какъ бы потомъ ея жизнь ни сложилась, она никогда не забудетъ ни Колиной болѣзни, ни вашей семьи. Чуткія онѣ, святыя... Помните нашъ разговоръ въ ресторанѣ?..

— Да,—коротко отвѣтилъ Цвѣтковъ.

— А потомъ жизнь изломаетъ, обидитъ, охладитъ всѣ порывы... Да... Ну, прощайте. Черезъ недѣльку зайду. Дастъ Богъ, все наладится. Кланяйтесь Вѣрѣ Николаевнѣ.

Цвѣтковъ опять остался одинъ. И ему казалось, что теперь и Любарскій, и Надя, и самъ онъ стали совсѣмъ другими, лучшими, чѣмъ были прежде.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

* * *

Моею кровью я украшу
Ступени, бѣлыя давно.
Подставьте жертвенную чашу,
И кровь пролейте, какъ вино.

Надъ дымной и тяжелой чашей
Соединяйтесь,—я зову.
Здѣсь, въ чашѣ, капли крови вашей,
А на ступеняхъ я живу.

Обжегъ я крылья серафимамъ,
Оберегавшимъ древній храмъ,
И восхожу багровымъ дымомъ
Къ давно затвореннымъ дверямъ.

Смѣлѣе ставьте ваши ноги
На пятна красныя мои,
И умножайте на дорогѣ
Багряно жаркія струи.

Что было древней, темной кровью,
То будетъ новое вино,
И молотъ, поднятый любовью,
Дробитъ послѣднее звено.

Ѳедоръ Сологубъ.

Digitized by Google

Дитя свѣта.

Повѣсть Я. Корчака.

Переводъ съ польскаго Виленской.

(Продолженіе).

Изъ жизни.

Панъ Антоній жилъ въ Убожовѣ. Была у него сапожная мастерская. Были у него еще жена, пятеро дѣтей и пятьсотъ рублей капитала. Богачъ, однимъ словомъ, да и только!.. Но имѣлъ, къ несчастью, панъ Антоній шурина, на его сестрѣ женатаго, въ Варшавѣ. Вотъ пріѣхалъ этотъ самый родственникъ на праздники, хватилъ одну, другую, пятую рюмочку горькой и началъ разсказывать чудеса о Варшавѣ.

„У насъ,—говорилъ,—все иначе. Выйдешь, положимъ, на улицу, захочешь перейти на другой троттуаръ; такъ что ты думаешь, легко это? Нѣтъ, братъ, шалишь: стой полчаса и жди, пока всѣ извозчики, омнибусы, конки, моторы проѣдутъ; а есть еще вагоны для перевозки мебели, такъ побольше вашихъ самыхъ высокихъ домишекъ будутъ.

Идти по улицѣ долженъ каждый въ рядъ, гуськомъ, одинъ за другимъ; иначе—сейчасъ арестуютъ. Коли выбьешься изъ порядка—бѣда: либо тебя затолкаютъ до смерти, либо ты самъ кого-нибудь задушишь. Каждая лавка тамъ—ваша ярмарка; каждый домъ—все ваше мѣстечко. Если не узнать у швейцара номера квартиры, можно сутки цѣлыя проблуждать по корридорамъ и уйти ни съ чѣмъ“.

„А заработки?“—спрашиваетъ панъ Антоній, снова наполняя рюмки.

„У насъ все иначе,—опять повторяетъ шуринъ.—Трудно только сколотить первые сто рублей. Ну, вотъ я, напримѣръ, въ гостиницѣ служу, главнымъ надсмотрщикомъ за каретами; такъ вотъ, хозяинъ дѣла этого кельнеромъ въ кабакѣ какомъ-то служилъ, а потомъ поваромъ. А какъ одолжили ему родственники первые сто рублей, такъ и пошелъ, и

Digitized by Google

полѣзъ въ гору. Теперь только съ графами и знается. А какъ у васъ, шуринъ, дѣла съ братьями? Долгъ они вамъ уже выплатили?"

Панъ Антоній испугался, что сейчасъ у него попросятъ денегъ взаймы и отвѣтилъ: „Еще не весь: мошенничаютъ, скрутить хотятъ".

„А я вамъ совѣтую брать, что даютъ, и переѣхать къ намъ, въ Варшаву. Ужъ я вамъ подыщу тамъ хорошее дѣльце..."

Около полугода спустя панъ Антоній переѣхалъ съ семьей въ „обѣтованный градъ", гдѣ золотомъ мостятъ улицы, гдѣ, имѣя только 100 рублей въ карманѣ, можно цѣлую гигантскую гостиницу, величиною въ три Убожова, купить, гдѣ заработки съ неба падаютъ и гдѣ, наконецъ, и весело пожить, и дѣтей порядочно воспитать можно. Коли хочетъ сатана погубить человѣка, такъ прежде всего отнимаетъ у него разумъ, а потомъ, ослѣпленнаго, ведетъ къ безднѣ.

Какъ могъ онъ такъ слѣпо повѣрить шурину? Почему прежде всего не поѣхалъ самъ на развѣдки?

Лишь только вышелъ онъ на эти улицы, такъ словно ему кто табаку въ глаза насыпалъ: духота, суматоха, ажъ въ горлѣ запершило. Кабы не стыдно стало, вернулся бы съ полдороги. Ой, кабы вернулся тогда! Еще было время.

Съ трудомъ нашелъ онъ гостиницу. И совсѣмъ не былъ тамъ шуринъ старшимъ надсмотрщикомъ, а просто чистилъ кареты. А его адреса онъ едва доискался въ адресномъ столѣ.

Пріемъ былъ не особенно ласковый. Куда ему другимъ совѣтовать, когда онъ самъ ищетъ мѣста повыгоднѣе, и боленъ былъ долго, и обнищалъ совсѣмъ. Антоній ему солгалъ тогда насчетъ денегъ, потому что дуракъ и дѣла не понимаетъ. А теперь пусть самъ своимъ умомъ пробивается.

Антоній помѣстилъ жену съ дѣтьми въ заѣзжій дворъ, гдѣ все страшно дорого стоило, а самъ принялся искать занятій.

Покупалъ газеты, съ трудомъ разбирался въ адресахъ продававшихся лавокъ, ходилъ, узнавалъ, блуждалъ по городу. И боялся, не довѣрялъ, сомнѣвался. Въ концѣ концовъ, приблизительно черезъ недѣлю, случайно познакомился съ какимъ-то господиномъ: тотъ продавалъ свою лавочку, какъ разъ подходящую для пана Антонія и опять таки какъ разъ за сходную цѣну—500 рублей.

Этотъ господинъ жилъ съ сестрой въ квартиркѣ изъ двухъ комнатъ на Хмѣльной, имѣлъ даже три лавочки, всѣ, какъ игрушки, на выборъ, но лучшую—на Холодной. Добрый былъ человѣкъ: и совѣтоваться съ нимъ можно было,

Digitized by Google

о чемъ угодно, и объяснилъ онъ толково всѣ варшавскіе обычаи, и навѣстилъ онъ охотно пана Антонія, и даже конфектъ принесъ дѣтямъ. Сначала онъ отговаривалъ даже отъ покупки лавки: прибыли мало, работа тяжелая и непріятностей тьма. Вотъ самъ онъ устроилъ въ трехъ мѣстахъ дѣло, а теперь и не радъ; главное, сестра больна и утомляться не можетъ.

Но, когда начали всѣ вмѣстѣ судить да рядить, то вышло, что лучше всего пріобрѣсти торговлю съѣстными припасами; тогда жизнь, т. е. ѣда, всей семьи ничего стоить не будетъ, а значитъ, каждый заработанный грошъ въ карманѣ останется. Другое дѣло, если они только вдвоемъ съ сестрою, и совсѣмъ другое, коли семь ртовъ ѣсть просятъ. Да, самое лучшее, такая торговля. Только опять-таки, надо дѣло знать. Ну, да это нетрудно. Лишь бы помнить хорошо и всегда, что такое кредитъ и оборотъ.

„Видите, вонъ тотъ мѣшокъ сахару? Вамъ онъ стоитъ пятиалтынный, а вы его за 30 копеекъ продаете. Если хоть по одному ежедневно сбывать будете, вотъ вамъ съ одного сахара 4 рубля 50 копеекъ въ мѣсяцъ прибыли. Это-то оборотомъ и называется. А платите вы за сахаръ не сейчасъ, а черезъ мѣсяцъ, и получаете за него тоже ежемѣсячно, по книжкѣ. Каждыя четыре недѣли подводите итоги. Это и есть кредитъ: онъ даетъ вамъ возможность продать товару на 1000 рублей, имѣя въ карманѣ только 100, хотя бы въ кассѣ лежало 3 цѣлковыхъ“.

Потомъ онъ вынулъ книжку, гдѣ было записано, кто и сколько ему должны. Оказалось, что тутъ значилась въ итогѣ сумма въ нѣсколько тысячъ...

„А развѣ я сумѣю?“—испугался панъ Антоній.

„Понятно, нѣтъ. Поэтому вы начнете съ малаго“.

„А нельзя развѣ и покупать, и продавать за наличныя?“

„Можно, но такимъ образомъ вы лишаете себя кредита“.

„Потому что я бы хотѣлъ совсѣмъ немного сначала, лишь бы не проѣдать капитала. Не то, въ Варшавѣ все такъ страшно дорого“.

„Господинъ“ разсмѣялся.

„Ну, развѣ же стоитъ даромъ работать? Какъ въ пословицѣ говорится: „Мацекъ, что заработалъ, то съѣлъ“.

„Да, да“—подтвердилъ Антоній, но въ душѣ рѣшилъ очень скромно вести дѣло, по крайней мѣрѣ въ первое время.

На слѣдующій день новый знакомый повелъ его съ тремя старшими дѣтьми въ циркъ и все жалѣлъ, что жена не можетъ тоже пойти съ ними.

У него какъ разъ оказался безплатный билетъ.

Digitized by Google

„И вы современемъ обживетесь. Это только сначала все кажется и труднымъ и страшнымъ“.

Ой, и страшно же было Антонію! Онъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ; и хотѣлъ, и боялся. Наконецъ, рѣшился перейти рубиконъ и сказалъ, что 5 кредитокъ—все его богатство, а потому онъ проситъ посовѣтовать ему, какъ поступить; сказалъ, что вѣритъ новому другу, словно родному отцу, и поступитъ, какъ тотъ найдетъ нужнымъ или лучшимъ.

„Я знаю одно,—отвѣтилъ господинъ, — что обмануть васъ нехватило бы совѣсти у самаго отъявленнаго негодяя; въ этомъ порукой пятеро малышей. Да и какая мнѣ выгода надувать васъ, коли еще куда пріятнѣе имѣть дѣло съ покупателемъ, знающимъ толкъ въ торговлѣ? Но дѣло это—золотое дно: вотъ и все, что могу сказать. А дальше, рѣшайте сами. Поразспросите у людей, осмотритесь, подумайте; посидите денька два сами въ лавкѣ“.

Зашелъ Антоній, втайнѣ отъ „господина“, узнать правду въ сосѣднюю лавочку, но тамъ онъ ничего не добился:

„Если мы скажемъ вамъ, что дѣло плохое, не повѣрите, подумаете, что все изъ зависти наговариваемъ. А если скажемъ, что хорошо идетъ торговля, на насъ отвѣтственность ляжетъ. Тяжела, дорога жизнь въ Варшавѣ; одно это можемъ вамъ сказать“.

Какъ и всѣ, о чужомъ горѣ не думаютъ.

А деньги текли, какъ вода.

Въ концѣ концовъ купилъ. Четыреста цѣлковыхъ задатка на столъ выложилъ.

Сначала, въ первую недѣлю, бывшій владѣлецъ лавки приходилъ ежедневно помогать, растолковывать дѣло. То служанку ущипнетъ, то улыбнется поласковѣе покупателямъ. Антоній съ женою только сидѣли въ углу да глядѣли. Придетъ, бывало, еврей за расплатой.

„Заткните ему глотку, панъ Антоній. Чего тамъ хороводиться? Нѣтъ у насъ въ данную минуту денегъ, господинъ еврей. Дайте ему пока цѣлковый“...

И Антоній выдавалъ рубль изъ кассы.

Въ головѣ у него мутилось, а недобрыя, зловѣщія предчувствія томили сердце.

Но еще хуже стало съ минуты, когда онъ остался въ лавкѣ одинъ съ женою. То приходили люди съ товаромъ, то прибѣгали кредиторы. И только разъ бросилъ кто-то Антонію страшныя слова:

„Эхъ-ма, надули тебя, братъ“.

Тутъ только раскрылись глаза у бѣдняка. Да и то не совсѣмъ. Снова денька черезъ два, три приходилъ тотъ „господинъ“, успокоилъ его, велѣлъ заткнуть неотвязнымъ креди-

Digitized by Google

торамъ глотку рублемъ, другихъ, поуступчивѣе, выругалъ и прогналъ.

„Но за что же я плачу?"—спрашивалъ Антоній.

„Пассивъ лавки выплачиваете, любезный. Вѣдь въ ней товару не на четыреста, а на восемьсотъ рублей".

Черезъ 10 дней пришлось купить сахару, такъ какъ весь запасъ истощился. Пекарь никакъ не могъ разсчитаться за булки.

Пошелъ Антоній къ своему „господину", продавшему ему лавочку, но не засталъ его дома; пошелъ второй разъ, но встрѣтилъ только сестру; она заявила:

„Послушайте, у насъ говорится: „снявши голову, по волосамъ не плачутъ". Не умѣешь, не берись. Не знаешь дѣла, не покупай".

Еще нѣсколько разъ навѣдывался Антоній. Наконецъ, увидѣлъ самого хозяина.

„Сами посудите, любезный: развѣ я васъ уговаривалъ или силкомъ тащилъ? Дѣло и было и остается хорошимъ. Но если вы жалобитесь покупателямъ, естественно, что они отъ васъ бѣгутъ. Ребята шалятъ въ лавкѣ, суютъ въ товаръ грязные носы и пальцы. Тоже покупатель этого не любитъ. А вы, вмѣсто того, чтобы за дѣломъ смотрѣть, бѣгаете за мной, какъ теленокъ за коровой, нюните, жалуетесь, да еще оговариваете меня направо и налѣво".

„А зачѣмъ вы пустыхъ мѣшковъ во всѣ шкафы наложили?"—закричалъ Антоній.

„А развѣ для украшенія лавки нужны мѣшки съ брильянтами? Да пойдите хоть къ самому Стемпковскому и посмотрите, такъ увидите, сколько у него на полкахъ пустыхъ бутылокъ, боченкахъ, мѣшковъ поразставлено... Дѣла вы не знаете, вотъ что".

„Чего глотку дерешь?—вмѣшалась изъ угла сестра.—Продалъ—и дѣло съ концомъ".

„Такъ зачѣмъ же онъ считаетъ, что я надулъ его?"

„Какое тебѣ до этого дѣло?"

„Разумѣется, дѣло... Это мою честь, честь купца, задѣваетъ. Да, да, ничего, и вы попривыкните къ городу".

Потрепалъ Антонія по плечу.

Что и говорить, незлой онъ человѣкъ. Только сестра—вѣдьма.

„А, можетъ быть, вы... а, можетъ быть",—поперхнулся Антоній.

Онъ хотѣлъ высказать, выкричать мысль, взлелѣянную безсонными ночами послѣднихъ двухъ недѣль: отдать обратно лавку, взять назадъ деньги и бѣжать, бѣжать изъ Варшавы.

„А, можетъ, вы возьмете обратно?.. Вѣдь все равно продадите другому!"

Digitized by Google

Никакого отвѣта.

„Я уступлю за 350, даже за триста“.

„А я и 100 рублей вамъ не дамъ. Что для насъ деньги? Фью—и нѣтъ ихъ. Въ томъ-то все несчастье, что вы торговли не знаете. Мнѣ самому жаль, что я вамъ продалъ дѣло“.

И попрощался съ Антоніемъ, какъ какъ спѣшилъ въ городъ. Что тутъ дѣлать? Пятеро дѣтей. Огромный, чужой городъ.

Такъ обобрать человѣка, до нитки, до гола! Ни ста рублей даже.

Пошелъ Антоній къ шурину. Тотъ имѣлъ временное мѣсто въ бюро перевозки вещей. Но куда тамъ! Не только посовѣтовать, выслушать не захотѣлъ.

„Какъ купили сами безъ моего совѣта, такъ и продавайте безъ него же. Не мое дѣло, не моя забота. Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте“.

„Господи, да подумай же! Вѣдь мы тебѣ не чужіе. Вѣдь это сестра твоя родная“.

„Въ горѣ всегда родство изъ-за печки вылѣзаетъ“.

Но все-таки поздно вечеромъ пришелъ къ сестрѣ да еще своего пріятеля привелъ. Осмотрѣли они вдвоемъ внимательно лавку, прочитали контрактъ. Антоній такъ и впился въ нихъ глазами.

„Знаешь что, шуринъ? Продай-ка ты это сокровище какъ можно скорѣе, возьми, что дадутъ, а коли останется карбованецъ въ карманѣ, то поблагодари Бога, хвати съ горя рюмочку и забудь про все. Да, да, и въ Варшавѣ золото по улицамъ не валяется“.

„А въ судъ на него, мошенника, нельзя жаловаться?“ — спросила жена Антонія.

„Эхъ, и не говорите лучше... Хорошій адвокатъ и не возьмется за такое дѣло, а плохой всю кровь изъ васъ выпьетъ и ничего не сдѣлаетъ“.

„Сами во всемъ виноваты, шуринъ. Встрѣться онъ со мной, такъ не отдѣлался бы. Варшава кишитъ ворами и мошенниками. Да, да“...

„А откуда мнѣ знать, что онъ мошенникъ? Если бы не сестра“.

„Сестра?! Перекрестись! Знаемъ мы этихъ сестеръ“.

„Сами виноваты, шуринъ. А какъ разъ теперь около насъ катокъ продается. Ужъ хлѣбъ насущный, навѣрное, съ него имѣлъ бы“.

„Ну да не огорчайтесь, не стоитъ. Понемногу привыкнете къ большому городу, войдете въ колею“.

Выпили еще по рюмочкѣ и ушли.

Digitized by Google

Антоній остался одинъ. Поблѣднѣлъ. Духъ захватило.

Закрылъ лицо руками.

Мальчикъ, голенькій, въ рубашечкѣ, вылѣзъ изъ кроватки.

„Мама, хочу ѣсть".

„И я, и я"—хоромъ отозвались остальные.

Антоній вздрогнулъ.

„Возьми немного муки изъ лавки и дай имъ"—сказалъ глухо.

Мать надѣлала клецокъ; поѣли и успокоились дѣти.

Антоній ничего не хотѣлъ брать въ ротъ. Это вѣдь не его мука; это кредитъ. А онъ выбросилъ на улицу 450 рублей. Шуринъ говорилъ, что катокъ продается,—хорошее дѣло. Но онъ и лавочку прежде называлъ выгоднымъ дѣломъ.

„Обжиться въ Варшавѣ? Какъ это?"

Подошелъ и началъ машинально глотать клецки.

Прочелъ это моимъ хозяевамъ.

„Это вы исторію сапожника нашего описали,—догадался мой принципалъ.—А вѣдь голая правда—каждое слово. Хорошо бы окончить да въ газету помѣстить, чтобы узнали люди, какія дѣла у насъ въ Варшавѣ творятся.

Ого, кабы всѣ эти господа, что пишутъ въ журналахъ, да знали, что у насъ въ Варшавѣ творится, сколько бы они могли поразсказать интересныхъ вещей и сколькихъ людей облагодѣтельствовать!"

„Ну, откуда имъ знать, коли они либо въ кабакахъ торчатъ, либо по театрамъ шатаются"—отвѣтилъ я.

„А я не знаю, гдѣ они время проводятъ, а только много интереснаго можно было бы поразсказать".

На дно жизни.

Вечера провожу теперь часто у вдовы съ мезонина.

Мои хозяева внѣ себя, сердятся и завидуютъ; они правы: ну, какъ можно предпочитать общество какой-то нищей бесѣдамъ съ ними, домовладѣльцами?

Они уѣхали со всѣми дѣтьми на пару дней въ деревню, на свадьбу къ управляющему. Прежде онъ съ ними не знался, но теперь, когда бывшій бѣднякъ разбогатѣлъ, относится ко всей семьѣ съ уваженіемъ и пригласилъ ихъ на торжество. Хотѣли непремѣнно, чтобы и я имъ сопутствовалъ; даже дорогу оплатить предлагали; уговаривали всячески, и повеселюсь, молъ, и наѣмся досыта, до отвала. И угощенье будетъ хорошее—недаромъ женихъ изъ богатой семьи; его двоюродный братъ ксендзомъ служитъ.

Digitized by Google

Я отказался, и они уѣхали одни.

Гляжу на кузницу. Кузнецъ равномѣрно поднимаетъ и опускаетъ молотъ. Темный человѣческій силуэтъ то вспыхиваетъ багровымъ отблескомъ огня, то гаснетъ. Думаю и прислушиваюсь съ любопытствомъ къ собственнымъ мыслямъ.

Только совсѣмъ поздно вечеромъ иду въ мезонинъ.

„Можно?"

„Войдите же, войдите... А я уже не надѣялась, что вы придете. Садитесь сюда. Янка не котѣла ложиться; все ждала васъ. Только сію минуту заснула. Какъ хорошо, что вы пришли. Не зажигать лампы? Да? Такъ лучше. Я хочу долго, долго говорить съ вами сегодня!"

„Но у васъ снова жаръ?"

„Это ничего, неважно... пройдетъ. Даже хорошо. Я хочу васъ спросить, т. е., вѣрнѣе, разсказать. Я даже думала сначала внизъ къ вамъ сойти, но боялась, что непріятно вамъ будетъ. Мнѣ вѣдь неважно, совсѣмъ, совсѣмъ неважно, что они про меня говорятъ. Мнѣ такъ больно было, что вы мнѣ о себѣ много разсказали, а я вамъ изъ моей жизни—ничего".

„Да зачѣмъ же говорить? Это васъ только взволнуетъ".

„Нѣтъ, нѣтъ... вы не понимаете... Можетъ, сначала немного, но... я хочу. Когда человѣкъ всегда одинъ, то у него на душѣ слишкомъ много накопится; даже душить начинаетъ. Я все думаю о васъ и жалѣю, что вы не хотите быть докторомъ... Впрочемъ, они никогда не имѣютъ времени... Сейчасъ... Ну, такъ вотъ..."

Оперлась головой о край рояли.

Свѣтъ кузницы не достигаетъ чердачнаго окна. Но красноватый отблескъ огня отражается и гаснетъ въ ея огромныхъ, черныхъ глазахъ, искрящихся жаромъ затаившихъ страданье безумнаго вихря больныхъ мыслей.

„Выслушайте меня"...

Голосъ чужой, равнодушный: словно читаетъ или передаетъ содержанье грустной, давно-слышанной повѣсти.

„Я—незаконный ребенокъ. Моя мать была актрисой".

Пауза.

„Я вмѣстѣ съ матерью часто игрывала въ загородныхъ садахъ... въ дѣтскихъ роляхъ, разумѣется. А мужъ мой служилъ въ балетѣ. Я вамъ о немъ говорила... Только вы мнѣ не вѣрили... Знаю... Вы думали, я такъ... просто..."

И снова тишина.

„Четыре года всего прожила я съ мужемъ, у него тогда уже была чахотка... Это наслѣдственная и неизлечимая болѣзнь. Но это неважно... Значитъ, мы съ мамой обѣ играли... Я хочу вамъ разсказать про то время, такъ какъ

Digitized by Google

есть связь между нимъ и... Янкой... Ну, значитъ, мы обѣ съ мамой играли тогда въ садахъ. Лѣто было дождливое, скверное... Никому не платили жалованья... И вообще, маму держали только изъ-за меня, но ролей ей никакихъ не давали. Было мнѣ въ ту пору 10 лѣтъ, но я и тогда отлично все понимала. Такъ и было: я играла настоящую, большую роль, а она выходила на сцену. Въ антрактахъ я вертѣлась между публикой, выманивая мелкую монету".

Такое прерывистое, свистящее дыханіе.

„Подозвала меня разъ „такая". Сидѣла въ ложѣ со своимъ любовникомъ. Взяла къ себѣ на колѣни, цѣловала. Говорила со мною, какъ съ ребенкомъ; спрашивала: сколько мнѣ лѣтъ, какъ мое имя, нравится ли мнѣ выступать? Удивительно, какъ такія женщины любятъ дѣтей. А я старалась имъ понравиться, чтобы мнѣ что-нибудь перепало. И дѣйствительно, по ея просьбѣ, онъ купилъ мнѣ коробку конфектъ. Большую, фунта въ три, а то и больше.

Когда вы подарили Янкѣ куклу, мнѣ сейчасъ же вспомнился этотъ случай, хотя и мало схожій. Какъ они сердиты и на меня, и на васъ, что Янкѣ, а не ихъ Манѣ досталась игрушка! Просто понять не могутъ, какъ это, получая пять рублей въ мѣсяцъ, вы столько денегъ выдали на куклу. А „сама" такъ даже по лавкамъ ходила узнавать, сколько такая игрушка стоитъ. Они догадываются, что я все знаю да только не разсказываю,—вотъ и злятся... Но сейчасъ... Да, да, значитъ, жили мы тогда на Белянской и тоже въ мезонинѣ, т. е. на чердакѣ. И вотъ, получила я эту коробку конфектъ... Антрепренеръ не платилъ жалованья, такъ какъ дѣла шли очень плохо. А въ лавочкѣ намъ ничего больше въ кредитъ не давали.

Вернулись мы домой и стала я ѣсть шоколадъ, запивая водой. Оставалось, правда, немного хлѣба, но онъ нуженъ былъ на утро къ чаю, я просила маму закусить хоть конфектами, но она не хотѣла брать моего. Между тѣмъ, я знала, что она голодна. Ну, вотъ я съѣла, приблизительно, съ фунтъ и легла въ постель, но не могла уснуть; меня тошнило. Я лежала и глядѣла на маму. Я любила смотрѣть на нее и спрашивать себя мысленно: почему она, такая красивая, не имѣетъ любовника?.. Мама, вообще, не умѣла устраиваться, какъ другія. Вотъ, и этотъ шоколадъ, напримѣръ, можно было отдать потомъ въ буфетъ обратно, за полъ-цѣны, а она не догадалась. Потомъ уже другіе ей сказали.

Итакъ, значитъ... Я лежала, а мама штопала чулки... Мнѣ все это такъ ясно, ясно вспоминается. Затѣмъ, перестала работать и принялась глядѣть на меня; хотѣла узнать,

Digitized by Google

сплю-ли. Не спуская глазъ съ меня, потихоньку, крадучись, пододвинула къ себѣ бонбоньерку, открыла и вынула конфетку; за ней другую, третью и такъ нѣсколько. А я все притворялась спящей. Наконецъ, взяла послѣднюю, длинную, большую такую, а остальныя уложила поаккуратнѣе, чтобы ничего замѣтно не было. Потомъ, все съ той же конфеткой въ рукѣ, подошла къ окну и высунулась. Мнѣ показалось сперва, что хочетъ броситься, убиться на-смерть. Но я лежала все также тихо и даже хотѣла этого ужаснаго акта: вѣдь тогда сбѣжались бы люди и цѣловали меня и глядѣли съ жалостью на бѣдную сиротку. А на похоронахъ гробъ несли бы на плечахъ до самаго кладбища всѣ актеры и былъ бы вѣнокъ отъ антрепренера. Послѣ маминой смерти и моя судьба измѣнилась бы. Можетъ, меня взяла бы къ себѣ какая-нибудь богатая дама. Я знаю, что вы обо мнѣ думаете. Но это потому, что вы не знаете, каково голодному ребенку, котораго всякій имѣетъ право приласкать, взять на колѣни, или отогнать... Я вамъ все говорю, хоть и знаю, что вы обо мнѣ думаете".

„Я думаю. что вы были очень несчастнымъ ребенкомъ".

„Знаю. Вѣдь вы очень добрый. Ну, такъ на чемъ это я остановилась?"

„Что ваша мама стояла у окна".

„Ахъ, да. И долго такъ стояла, а потомъ съѣла конфетку, уже успѣвшую растопиться, и облизала пальцы. А еще потомъ... было самое безобразное... Я не сумѣю даже разсказать вамъ..."

Задумалась.

„Такъ вотъ какъ было. Мама подошла къ кровати. Я плотно закрыла глаза на минуту, чтобы не возбудить ея подозрѣнія, а потомъ приподняла вѣки. Мать смотрѣла на меня, такая безобразная, отвратительная въ эту минуту. Я знаю и тогда уже знала, о чемъ она думала и что такъ странно изуродовало ея лицо. Она высчитывала, сколько дадутъ за меня и... когда, наконецъ. Тогда я еще не понимала всего ужаса, и сама хотѣла вырасти, чтобы имѣть „своего", такого, у котораго много денегъ; но знала, что мама-то не должна объ этомъ мечтать. Въ пику ей я открыла глаза и она догадалась, конечно, что я не спала. Разсердилась страшно и нѣсколько дней не говорила со мною ни слова. Съ этого часа мы разлюбили другъ друга. До того дня я всегда любила и жалѣла ее, а теперь радовалась, когда мнѣ отдавали главную роль, а ей не доставалось никакой. И вотъ, именно, на зло ей... Потому что, я все это хотѣла вамъ разсказать, т. е. не все... но хотѣла просить, чтобы вы не учили тѣхъ дѣтей музыкѣ. Не то, я

Digitized by Google

только одинъ рубль доплачиваю за квартиру... А вы сами... Я уже знаю, что вы куда лучше моего играете... Вы такой добрый..."

И вдругъ схватила меня за руку холодными, влажными пальцами.

„У меня къ вамъ большая просьба. А вы мнѣ отвѣтите правду? Вѣдь вы изучали немного медицину и... читали. Скажите, Янинка проживетъ долго? Вы знаете, что я хочу сказать... Моя мать умерла отъ чахотки, Янекъ тоже; я все кашляю, и навѣрное, заболѣю, если уже не больна. Это наслѣдственная болѣзнь... и заразительная... очень заразительная, не такъ ли? А я сплю вмѣстѣ съ нею... Это скверно? Вѣдь правда?"

„Я читалъ, что дѣти не должны спать со взрослыми. Но вѣдь вы..."

„Нѣтъ, не то..."—прервала.

И черезъ минуту заговорила снова страшнымъ, прерывистымъ шопотомъ.

„Я... нарочно. Когда она спитъ, лежу около и дышу на ее... Понимаете?.. Я не говорила никогда, но... у меня, навѣрное, чахотка. Когда я пошла разъ въ больницу къ доктору, онъ велѣлъ мнѣ принести мокроту. Принесла. Вотъ онъ попросилъ меня зайти въ другую комнату, гдѣ было много врачей, а одинъ дѣлалъ изслѣдованіе. И онъ не зналъ, что это моя слюна. Вотъ онъ посмотрѣлъ въ микроскопъ, поискалъ этихъ палочекъ, туберкулезныхъ, кажется, а потомъ сказалъ одному своему коллегѣ: „какъ пить дать, чахотка" и разсмѣялся. Не знаю, почему онъ смѣялся; впрочемъ, когда я его спросила, чахотка ли это, онъ отвѣтилъ: нѣтъ, и прописалъ мнѣ порошки. Только я ихъ не принимала. Такъ, понимаете? Я лежу рядомъ съ Янкой и дышу прямо въ лицо ей, чтобы эти палочки вошли ей въ горло и заразили... Вѣдь дѣти быстро умираютъ. Потому что я не могу ее одну на свѣтѣ оставить... Потому что она красавицей будетъ, когда вырастетъ... Потому что мужчины сейчасъ захватали бы ее грязными руками. А... я не хочу.

„Пусть умираетъ... Довольно грязи... Разъ навсегда нужно покончить"...

Янка губоко вздохнула... Но нѣтъ, это сквозь сонъ.

„Я знаете, знаете... можетъ, было бы хорошо... если бы... Я... Мнѣ очень тяжело... думать"...

„Ну"...

Наклонилась ко мнѣ такъ, что я чувствовалъ у самаго лица неровное, горячее дыханіе.

„Видите, я думаю... было бы хорошо Янкѣ... имѣть отца... Я думаю, было бы хорошо... намъ пожениться... Правда?"

Digitized by Google

Вздрогнула. Схватила меня за руку.

„Это хорошо... Это очень хорошо, что вы такъ сказали... Я и знала, что вы скажете, и боялась... Да. да, это такъ хорошо... Хорошо, когда вдругъ скажутъ человѣку что-нибудь такое, а онъ помнитъ потомъ долго, долго, до самой смерти.

А вѣдь тому, кто сказалъ, ничего не убыло... Знаете; когда не спишь по ночамъ, такія странныя мысли приходятъ въ голову. Нѣтъ... Я лгу... Вы не повѣрите, какъ мнѣ трудно не врать... Я не только ночью, но всегда, всегда объ этомъ думала... Когда вы мнѣ разъ сказали, что вашъ отецъ богатъ, а потомъ разсказывали о себѣ, такъ я и подумала: какой вы странный человѣкъ и... можетъ быть. И начала стараться вамъ понравиться, чтобы влюбить въ себя. Именно потому и скрывала свою болѣзнь, чтобы вы женились на мнѣ. Я очень испорченная, скверная...

Я и съ отцомъ Янки тоже... сошлась, на зло матери, чтобы не дать ей мною воспользоваться, торжествовать...

Я его совсѣмъ не любила и... даже не вѣрила, что онъ на мнѣ женится... Я его совсѣмъ не любила; только мамѣ на зло... Но... сейчасъ... Что же дальше?

Ага! Такъ вотъ я за васъ никогда не выйду... Теперь, навѣрно; никогда и ни за что. Я знаю... Вы хотите, чтобы люди не были несчастны... Но это пустое... Все равно, будутъ... Только отъ несчастныхъ бѣжать надо... Несчастье заразительно. Пока я васъ еще не совсѣмъ знала, можетъ, и могла бы... А теперь ни за что. Охъ, пане Янку, несчастье заразительно... Бѣгите, бѣгите отсюда... Вамъ и такъ тяжело живется...“

Я всталъ, смертельно-усталый, разбитый. Вышла провожать меня въ сѣни.

„А знаете, я еще не все сказала... Мнѣ такъ сладко, хорошо на душѣ, когда я дышу на нее. Словно я это на зло имъ всѣмъ дѣлаю. Иногда, мнѣ кажется, я вижу ихъ въ цилиндрахъ, съ модными тросточками... Они облизываются, а я кричу имъ въ отвѣтъ: „Не дамъ, не дамъ“... И еще... одно... Янекъ, я люблю тебя... Я еще никого никогда не любила и потому... только теперь поняла, что это и есть то самое... И еще... я не сказала тебѣ, что... имѣла много, много любовниковъ“.

И она забросила мнѣ на плечи свои тонкія, холодныя руки, прижалась къ лицу пылавшими губами.

На лѣстницѣ послышался шелестъ. За нами подсматривали... Она убѣжала въ комнату. Заперла на ключъ двери.

Я теряюсь въ лабиринтѣ собственныхъ чувствъ и мыслей.

Что то тѣсно сплетаетъ далекое прошлое съ неизвѣстнымъ

Digitized by Google

завтра. Теперь это уже я, а не Балуцкій, Толстой, Ожешко, Жеромскій. Теперь это я хотѣлъ жениться.

А дальше.

Завтра переѣзжаю на Солецъ.

Вчера были именины моего домовладѣльца съ Воли.

Собралась вся семья: братъ жены, заводскій рабочій со своимъ затемъ-извозчикомъ и дѣтьми.

Такой оффиціальный, неискренній визитъ. Съ одной стороны, горделивое сознаніе собственнаго достоинства капиталиста, съ другой—лесть и зависть.

Только извозчикъ не щадилъ „выскочекъ", несмотря на молніеносные взгляды жены и тещи.

Мои хозяева хвалились и кичились своимъ умѣньемъ занимать гостей; смотрѣли свысока на бѣдныхъ родственниковъ и важно разсуждали о гимназіи и фуражкѣ со значкомъ.

„Въ нуждѣ не то страшно, что не поѣшь досыта, а то, что ребятъ грамотѣ не научишь даже хорошенько"—грустно сказалъ рабочій.

Я рѣшилъ переѣхать на Солецъ.

Даже вѣрить не хотѣли сначала мои хозяева.

„Но на что вы имъ? Вѣдь тамъ нищета, да тьма, панъ Янек! Развѣ имъ нужно ученье? И недѣли вы тамъ не выживете. А намъ что теперь дѣлать? Вы такъ хорошо умѣли пріохотить ребятъ къ занятіямъ и шуткой, и строгостью".

За квартиру буду обучать грамотѣ ихъ Викту и Стаха; за все остальное доплачиваю пять рублей въ мѣсяцъ.

Къ кому бы ни подошелъ, я, повсюду вношу съ собой боль и отчаянье; повсюду оставляю окровавленные куски собственнаго сердца.

Пусто, темно вокругъ меня и некуда преклонить усталую голову.

И что-то неудержимо толкаетъ въ гущу, въ глубь жизни, на далекое дно.

Солецъ.

Четвертый этажъ. Во второмъ дворѣ.

Большая квадратная комната.

Два окна. Между ними въ простѣнкѣ комодъ, покрытый вышитой салфеткой. На немъ бездѣлушки, фотографическія карточки, круглая коробка изъ-подъ конфектъ—для нитокъ, иголокъ, словомъ подъ рабочій ящикъ.

У правой стѣны кровать самихъ Грошиковъ, колыбелька, столикъ и печка.

Digitized by Google

У лѣвой—еще 2 кровати; въ углу кранъ и раковина за занавѣской.

Дверь. Съ одной стороны шкафъ, съ другой комодъ—собственность Вильчковъ.

Посреди комнаты—сосновый столъ, 2 стула и скамейка.

Надъ плитой полки, уставленныя кухонной посудой; около нихъ—часы съ гирями.

Подъ окнами сундуки; на подоконникахъ цвѣтные горшки.

По стѣнамъ. надъ кроватями—образа Спасителя и святыхъ.

Жильцы комнаты:

1) Мартинъ Вильчекъ, фабричный слесарь, 44 лѣтъ.

2) Катерина Вильчекъ, жена Мартина, прачка, 40 лѣтъ.

3) Викта, дочь ихъ, 17 лѣтъ, портниха; ходитъ на работу.

4) Стасекъ, сынъ ихъ, 9 лѣтъ, полощетъ бутылки въ погребкѣ.

5) Игнацъ, сынъ ихъ, 5 лѣтъ, ходитъ въ пріютъ для дѣтей рабочихъ.

6) Михалъ Грошикъ, 29 лѣтъ, извозчикъ, зять Вильчковъ.

7) Юзефа Грошикъ, 20 лѣтъ, жена его, старшая дочь Вильчковъ.

8) Казикъ. 3 лѣтъ, сынъ Грошиковъ.

9) Маня, грудной ребенокъ, дочка Грошиковъ.

10) Ночной сторожъ, платившій тоже за уголъ: теперь я занялъ его мѣсто.

Ночь.

Вечеръ. Маленькая кухонная лампочка на комодѣ, поставленная на коробку изъ-подъ папиросъ, горитъ тусклымъ, желтоватымъ пламенемъ.

Разговариваю съ женщинами. Бесѣда то и дѣло рвется.

Поджидаемъ мужчинъ.

Жена Грошика кормитъ грудью ребенка, то и дѣло поглядывая на часы.

„Видно, пріѣдетъ только послѣ театра“.

Казикъ играетъ у печки метелкой.

„Мама, ѣсть“.

„Подожди. отецъ вернется“.

Приходитъ съ фабрики Вильчекъ, кладетъ инструменты на плиту и, усталый, бросается на лавку.

„Ну, каково, панъ Янъ? Еще не надоѣло вамъ тутъ у насъ?“

„Вещь извѣстная. Всегда первый день на новомъ мѣстѣ тоскливо“—отвѣчаю.

Digitized by Google

„Ну, да. Вы тутъ у насъ много работы сможете имѣть. Только плата скверная, конечно. Я за Виктино обученье 75 копеекъ въ мѣсяцъ давалъ. Здѣсь обстановка побѣднѣй, чѣмъ у шурина, словъ нѣтъ; вѣдь онъ богатъ; зато, у насъ уютнѣй".

„На, иди, мойся!—прервала жена, подавая мыло,—не разсуждай".

Очевидно, ей не хотѣлось, чтобы мужъ оговаривалъ ея брата.

„Мама, ѣсть!"—кричитъ Казикъ.

„Дай ему! Пусть замолчитъ и ложится спать".

„Какъ же! Будетъ онъ спать!"

Входитъ Викта.

Непринужденно пожимаетъ мнѣ руку.

„Вотъ и будетъ теперь у тебя учитель"—говоритъ ей отецъ.

„Читать-то она немного умѣетъ, но негладко. По складамъ разбираетъ. А гдѣ Стасекъ?"

„Гдѣ ему быть? Во дворѣ. Шалитъ съ мальчишками".

„Игнацъ, позови его сейчасъ же сюда!"

„Холодно"—увиливаетъ мальчикъ.

„А когда самъ цѣлыми днями по двору гоняешь, тогда тепло? Ну, безъ разговоровъ. Бери шапку и отправляйся. Какъ это она сегодня рано явилась!"

Викта краснѣетъ. Хорошенькое, румяное личико.

„У васъ нѣтъ кровати?"—спрашиваетъ Вильчекъ.

„Нѣту. Надо будетъ купить".

„Это ничего. Вы со мной пока спать можете. А коли денегъ нѣтъ, возьмемъ на выплату, по полтиннику въ мѣсяцъ".

Входитъ Грошикъ въ полной извозчичьей аммуниціи.

„На...—отдаетъ женѣ деньги.—А это тебѣ, карапузъ".

Казикъ бросаетъ метлу и хватаетъ бумажку.

„Погоди, не торопись такъ".

„Дай"—кричитъ малютка.

„Сейчасъ! Чего тебѣ такъ приспичило?"

Снялъ пальто. Изъ номера превратился въ человѣка. Сѣлъ къ столу, взялъ малыша на колѣни. Извозчикъ обратился въ отца.

„Вотъ тебѣ".

Развертываетъ бумажку. Вынимаетъ двѣ подкрашенныя мармеладки.

„Дай!"—чуть не плачетъ Казикъ.

„Не дразни его", укоризненно вмѣшивается жена.

„Ничего. Пусть научится злиться. Тогда, какъ выростетъ, не дастъ себя въ обиду".

Digitized by Google

Игнацъ возвращается.

„Его нѣтъ на дворѣ“.

„Бѣда съ этимъ мальчишкой“.

„Ѣсть“—ноетъ Игнацъ, недовѣрчиво на меня поглядывая.

„Тебѣ первому? Не такъ ли? Проголодался, наработавшись? Да?“

Женщины возятся у плиты.

„А, можетъ, ради новоселья, угостите насъ водочкой, панъ Янъ?“—предлагаетъ Грошикъ.

„Охотно“.

Кладетъ на столъ рубль.

„Витка, сбѣгай, принеси!“

„Не хочу,—упрямится дѣвушка.—Тамъ на углу парни собрались въ кучу и не даютъ прохода“.

„Ничего, не съѣдятъ тебя“—улыбается насмѣшливо извозчикъ.

„Вишь, какая вдругъ скромница нашлась“.

„Не нужно. Ты чуть-что—сейчасъ съ водкой лѣзешь“—вмѣшивается жена.

„Пусть сбѣгаетъ“—разрѣшаетъ споръ отецъ.

Витка набрасываетъ на голову платокъ и выходитъ.

„За водкой всего лучше познакомишься“—прибавляетъ извозчикъ.

„Да вѣдь мы ужъ разъ за рюмочкой сдружились съ паномъ Яномъ“—говоритъ жена.

„То у благородныхъ, а то у мужиковъ. Вещи разныя“.

„Ты уже опять начинаешь?“

„А придетъ время, такъ и окончу. И всѣ кончимъ. Не такъ ли, панъ Яне?“

Грошикъ оказался правъ. За рюмкой разговоръ оживился, сталъ общимъ. Густое облако табачнаго дыма повисло въ воздухѣ.

Послѣднимъ возвращается со двора Стасекъ.

„Мама, ѣсть“.

„Иди, побѣгай еще. На тебѣ“.

„Э... чай“.

„А, можетъ, шоколада хочешь? Деньги тебѣ заплатили?“

„Нѣтъ“.

„Нужно мнѣ самой завтра сойти въ погребокъ“.

„Мама мнѣ дала совсѣмъ холодный картофель“.

„Не шляйся съ мальчишками—получишь горячій“.

Прогромыхала послѣдняя конка.

„Ну, мать, стели. Панъ Янъ со мною“.

Хозяйка ставитъ на полку тарелки, вытираетъ о фартукъ руки и направляется къ кровати.

„Игнацъ, читай молитву“.

Digitized by Google

Маня хнычетъ въ колыбелькѣ. Казикъ спитъ, одѣтый, на постели. Игнацъ становится на колѣни, складываетъ руки, опирается лбомъ о край кровати и монотоннымъ голосомъ повторяетъ слова молитвы вслѣдъ за матерью, взбивающей въ тоже время перины, подушки и встряхивающей простыни. Викта раздѣваетъ малыша. Мать кладетъ на полъ у плиты сѣнникъ, простыню, подушку и ватное пальто, вмѣсто одѣяла, для мальчиковъ.

Гляжу на всю эту суматоху. Въ головѣ шумъ и на душѣ такъ странно, такъ странно... просто не вѣрится.

Издалека я видѣлъ все это во время моей жизни на Волѣ; читалъ столько разъ объ ихъ жалкомъ существованіи въ повѣстяхъ, романахъ. эскизахъ, очеркахъ, статьяхъ; читалъ о темныхъ, сырыхъ погребахъ, о гнилыхъ подстилкахъ вмѣсто постели; читалъ и плакалъ.

А вѣдь это не то еще. Это большая, только немного низкая, сыроватая и душная комната на 10 „душъ".

Я читалъ въ книгахъ о мужьяхъ—горькихъ пьяницахъ, мучителяхъ дѣтей, о тьмѣ, преступленіяхъ и насиліяхъ. А тутъ передо мной честные, простые люди, да еще со стремленіями учить дѣтей, поступающіеся ради этого рублемъ въ мѣсяцъ отъ жильца.

Такъ почему же, почему что-то душитъ меня, спираетъ дыханіе, болитъ сердце?..

„Ну, раздѣвайтесь, панъ Янъ".

И тушатъ лампу.

Съ минуту слышится шелестъ платья, шумъ шаговъ, стукъ передвигаемой мебели. Потомъ тишина. Только тикаютъ мѣрно старые часы, двигая заржавѣлыми стрѣлками, да минутами раздается изъ-за печки сухой кашель мальчика, или глубокій вздохъ кого-нибудь изъ взрослыхъ.

„Стасекъ! Почему ты забралъ себѣ все пальто?" „Такъ ты не тяни!.. Ну-ка!" „Не трогай, не то я тебя такъ тресну". „Попробуй только!" „Ага". „Мама-а-а".

„Тише, отца разбудите".

„Тише, щенята".

„На, возьми платокъ".

„Гдѣ онъ?"

„Тутъ. Ну, пойди сюда".

Слышно, какъ кто-то осторожно ступаетъ босыми ногами.

„Не брыкайся!"

„Стасекъ! Ты успокоишься, или я встану?.. Пойди ко мнѣ, Игнацъ"—говоритъ мать, садясь на постели.

„Еще чего"—раздается голосъ Викты.

Снова топотъ босыхъ ногъ. Шумъ и грохотъ задѣтаго по дорогѣ стула.

Digitized by Google

„Я не хочу“.

„Ну“.

„Чего тамъ еще?“—просыпается Вильчекъ.

„Викта не даетъ мнѣ лечь съ мамой“.

„Пускай спитъ на своемъ мѣстѣ со Стаськой“—отвѣчаетъ Викта.

„Сейчасъ же пусти его. Тоже важная барыня. Всю кровать заняла“.

Тишина.

Въ одной постели сплю я со слесаремъ. Въ другой—жена его, Викта и Игнацъ. Въ третьей—супруги Грощикъ съ Казикомъ въ ногахъ. Въ колыбели—Маня. На полу Стасекъ отвоевалъ себѣ полное господство.

Душно. Тяжело глядѣть въ темноту ночи. Издалека доносятся звуки гармоники. Часы бьютъ странно тихо, словно испуганные собственнымъ стукомъ, вздыхаютъ и хрипятъ, какъ будто и у нихъ захватываетъ дыханіе.

Отъ окна вѣетъ тоненькой струйкой холодный вѣтеръ. Мнѣ приходитъ почему-то на умъ, что этотъ домъ подчинился неизбѣжному закону приспособленія. Рамы не притворяются плотно, чтобы тяжелый воздухъ хоть немного провѣтривался.

Душно. Смрадъ. Вильчекъ храпитъ.

Дитя плачетъ въ колыбелькѣ.

Мать услышала.

„Подвинься. Пропусти меня“.

„Что?“—заспаннымъ голосомъ спрашиваетъ извозчикъ.

„Да, ну же, пропусти къ ребенку“.

„Мммммм...“

„Ахъ, чтобъ тебя нелегкая... Спи, доченька...“

Звукъ поцѣлуя, шлепанье туфель, плачъ малютки, отзывающійся какой-то безнадежной жалобой во тьмѣ ночи.

„Вотъ, на тебѣ“.

Крикъ становится громче.

„Ну, чего жъ ты хочешь?“

Просыпается хозяйка.

„Дай ей чаю“.

„Правда? Ишь, какія вы умныя! Не пьетъ“.

„Такъ возьми ее къ себѣ въ постель“.

„Какъ же! Чтобы этотъ быкъ еще разъ заспалъ ее. Вы завтра на работу идете?“

„Конечно“.

Стасекъ кашляетъ, встаетъ, одѣвается.

„Куда ты?“

„На дворъ“.

Digitized by Google

„Такъ ты не могъ раньше?.. Съ мальчишками шалопайничать, небось, умѣешь. Подожди, ужъ я тебѣ завтра"...

Щелкаетъ ключъ, хлопаетъ дверь.

„Чтобъ тебя нелегкая"...

„Что такое?"—поднимается съ постели Вильчекъ.

„Ничего, ничего".

Вздохнулъ, почесался, натянулъ на вспотѣвшее тѣло перину и храпитъ дальше.

„Мама"...—просыпается Казикъ.

Снова тишина. Стасекъ возвращается.

„А ты куда лѣзешь?"

„Хорошо ли заперъ дверь?"—спрашиваетъ Викта.

„Небось, не украдутъ тебя"—иронизируетъ мать.

„Мама-а-а-а"—просыпается Игнацъ.

„Чего тебѣ?"

„Меня бло-о-хи кусаютъ".

„Ничего, не съѣдятъ тебя. Спи".

„И холодно".

„А ты свернись клубкомъ. Или иди къ Стасеку: у него платокъ".

„Не хочу".

Часы съ гуломъ и свистомъ бьютъ два.

Тишина. Только сливаются въ неясный шумъ, смутный и печальный, вздохи спящихъ. Это жалуются легкія, жалуется кровь. Душно, холодно, сыро.

Трезвая, равнодушная наука—статистика подводитъ эту жизнь подъ рядъ цифръ заболѣваній и смертности.

Какъ будто свѣтаетъ.

Сѣрыя тѣни тревожно заглядываютъ въ комнату и на ихъ блѣдномъ фонѣ выдѣляются понемногу темные силуэты предметовъ.

Кровать скрипитъ... Рабочій безпокойно шевелится.

Не были въ состояніи разбудить его ни плачъ дѣтей, ни духота, ни кашель, ни шопотъ; разбудило сознаніе, что черезъ полчаса раздастся привычный заводской гудокъ.

Усаживается на постели, зажигаетъ спичку, закуриваетъ папиросу, глядитъ на часы.

„Который часъ?"—спрашиваетъ жена.

„Пора".

„Дай спички".

Снова жестяная лампочка окрашиваетъ комнату мутнымъ, желтоватымъ свѣтомъ.

Женщина встаетъ, набрасываетъ юбку, платокъ и выходитъ въ сѣни. Рабочій лѣниво поднимается, кашляетъ, харкаетъ, отплевывается въ середину комнаты, обматываетъ ноги грязными онучами, натягиваетъ сапоги.

Digitized by Google

Пополоскалъ жестянку, налилъ изъ горшка кофе, отрѣзалъ каравай хлѣба, завернулъ въ платокъ, накинулъ пальто.

„Эй, Грошикъ, вставай!“

„Ммм...“

„Скорѣе. Ну!..“

„Сейчасъ“.

„Снова не помоешь пролетки и будешь ругаться“.

„Сейчасъ“.

Вильчекъ попрощался и вышелъ.

Женщина возвращается. Вертится по комнатѣ.

„Грошикъ, вставай!“

„Сейчасъ, сейчасъ“.

Дочь просыпается.

„Мама уходитъ?“

„Да. Пусть Игнацъ идетъ въ пріютъ сегодня, не то учительница опять разсердится“.

Встаетъ извозчикъ.

Тушитъ лампу.

Хозяйка уходитъ.

Стасекъ вскакиваетъ, летитъ къ материнской кровати и юркаетъ подъ перину.

„Куда, куда?“—протестуетъ Викта.

„Убирайся“—защищается мальчикъ.

И снова тишина на полчаса.

Возвращается Грошикъ; встаетъ жена его, рубитъ дрова, разводитъ огонь, грѣетъ мужу кофе.

„Кто ѣздилъ сегодня ночью?“

„Франекъ“.

„Хорошая выручка?“

„Куда тамъ? Старикъ злится, стерва“.

Утренній свѣтъ, мертвый, гнилой, желтоватый, наполняетъ понемногу комнату.

Теперь очередь за Виктой. Она одѣвается долго и тщательно, чтобы послѣ трехъ четвертей часа работы и стараній, въ жакеткѣ и перчаткахъ, имѣть видъ молоденькой, элегантной модистки. Стасекъ уходитъ въ погребокъ мыть бутылки.

Въ кроватяхъ остаются только шестилѣтній Игнацъ, трехлѣтній Казикъ, восьмимѣсячная Маня и я.

Мнѣ стыдно. Мучитъ сомнѣніе, будто я кого-то обидѣлъ, будто меня презираютъ или самъ я презираю людей.

Игнацъ реветъ—не хочетъ идти въ пріютъ. Сестра усердно отпускаетъ ему колотушки.

Меня поражаетъ желтый, нездоровый цвѣтъ лица мальчика. Ни кровинки въ губахъ его.

И снова долгая, монотонная молитва.

Digitized by Google

Съ плачемъ просыпается Казикъ. Мать одѣваетъ его.

„Ну, что ты куксишься? Чего? Отецъ обѣщалъ купить тебѣ гармонику. Хочешь гармонику?"

„Нѣтъ".

Ушла за покупками. Малютка проснулась и запищала. Я встаю, беру ее на руки, качаю. Какой тамъ! Кричитъ все громче. Казикъ подаетъ мнѣ грязную тряпку. Развертываю: кусокъ булки. Догадываюсь, въ чемъ тутъ дѣло и сую Манѣ въ ротъ самодѣльную соску. Сосетъ жадно и умолкаетъ.

Я присаживаюсь къ окошку и гляжу на сѣрое небо, на длинный, безконечно-длинный рядъ крышъ и трубъ. И снова долго думаю надъ моей неудачной попыткой самоубійства: и чѣмъ дольше думаю, тѣмъ яснѣе сознаю, насколько немыслимо было бы для меня теперь еще разъ пробовать покончить счеты: цѣлая сѣть невидимыхъ, но крѣпкихъ нитей наразрывно связала меня съ жизнью.

Я знаю, чувствую всѣмъ существомъ, что стою на перекресткѣ, поворотномъ пунктѣ моего будущаго.

Казикъ, наконецъ, рѣшился сѣсть ко мнѣ на колѣни. По его головкѣ ползаютъ вши.

(Приписка: выдержка изъ книги Адольфа Сулиговскаго 1889 года, подъ заглавіемъ: „Квартирный вопросъ").

„Три четверти варшавскаго населенія живетъ при самыхъ скверныхъ условіяхъ.

Врачи и экономисты признаютъ ненормальными въ гигіеническомъ отношеніи всѣ подвальныя и чердачныя помѣщенія. Между тѣмъ число таковыхъ достигаетъ 18.347, а количество ихъ обитателей 63.941 человѣкъ. Встрѣчаются жилища безъ оконъ: такихъ насчитано въ Варшавѣ 1.515; безъ печи: число ихъ 2.985.

Въ такихъ комнатахъ безъ печи, или совершенно темныхъ, помѣщается около 16.000 человѣкъ.

Гнилыя, темныя тюрьмы, гнилыя, темныя камеры, которыми въ давнія времена страшили преступниковъ блѣднѣютъ передъ этими смрадными жилищами рабовъ труда, потомъ и кровью добывающихъ насущный хлѣбъ свой.

Можно смѣло утверждать, что описаніе голой дѣйствительности должно пробудить въ каждомъ человѣкѣ чувство ужаса. Эти мрачныя, темными красками писанныя картины разсѣиваютъ и уничтожаютъ всякія иллюзіи.

А между тѣмъ, во имя принципа равенства, и къ вырождающимся физически обитателямъ этихъ норъ предъявляются требованія исполненія общественныхъ обязанностей. И отъ нихъ мы ждемъ плодотворнаго труда и моральныхъ подвиговъ.

Сопоставляя смертность Варшавы со смертностью насе-

Digitized by Google

ленія другихъ городовъ, мы видимъ ужасающія цифры: количество смертныхъ случаевъ 18 или 19% на каждую тысячу, или числомъ 8.000 человѣкъ на 450.000 жителей превышаетъ ежегодную смертность другихъ городовъ.

Если даже отсчитать $^2/_3$ этого числа на смертность дѣтей, не достигшихъ возраста трудоспособности, то мы все-таки должны будемъ отнести 2.700 смертей на счетъ отцовъ и матерей семействъ, т. е. людей, въ жизни которыхъ нуждаются и дѣти ихъ, и общество.

Этимъ людямъ предстояло жить и работать.

Одинъ изъ врачей, занимающихся статистикой, вычислилъ что количество заболѣваній при населенности комнаты 10 жильцами превышаетъ 50% количества заболѣваній при ея населенности 2 людьми, при совершенно равныхъ прочихъ условіяхъ; слѣдовательно, если въ первомъ случаѣ заболѣваній будетъ 150, то во второмъ лишь 100. И тотъ же изслѣдователь нашелъ, что въ первомъ случаѣ на 100 заболѣваній приходится 79 смертей; а во второмъ—на тѣ же 100 только 20.

Дѣтей въ этихъ жилищахъ умираетъ въ два раза больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; а жизнь тѣхъ, которые вырастаютъ, сокращена значительно.

Между тѣмъ, именно здѣсь, особенно страшна смерть: вѣдь она уноситъ въ могилу отцовъ и матерей. Не менѣе ужасны болѣзни; онѣ отрываютъ отъ заработковъ и порождаютъ расходы, которыхъ неоткуда и нечѣмъ покрывать. А смерть выбрасываетъ на улицу въ жертву голода десятки людей, лишенныхъ той единственной рабочей силы, которая обезпечивала ихъ жалкое существованіе.

И такъ все растетъ медленно, но грозно число сиротъ; неизвѣстно, гдѣ живутъ они, чѣмъ кормятся, какъ растутъ.

Между тѣмъ, въ той же Варшавѣ на 50% больше квартиръ въ 5 комнатъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Половину квартирной платы пожираетъ наша гостиная.

Итакъ, съ одной стороны, полное отсутствіе помѣщенья и воздуха—въ низахъ; съ другой, избытокъ и того, и другого—въ верхахъ...“

Главы пятая и шестая гласятъ:

„Какія мѣры предприняты для улучшенія указаннаго положенія вещей за границей“. „Что сдѣлано у насъ и что сдѣлать необходимо“.

Не „vogue la galère“. Нѣтъ. Не это.

Декабрь.

Вильчекъ высѣкъ Стаська. Спустилъ мальчику штанишки, завернулъ рубашку, всунулъ его голову между колѣнъ,

Digitized by Google

снялъ съ себя ремень и билъ такъ, что у меня голова трещала.

„На тебѣ, бездѣльникъ... На!. Не шляйся съ мальчишками... Слушай, когда мать зоветъ... Смотри за работой“...

Стасекъ опоздалъ въ погребокъ, гдѣ полощетъ бутылки и затыкаетъ пробки отъ 9 утра до 7 вечера. Получаетъ онъ за это рубль въ недѣлю.

Стаську 9 лѣтъ.

„Развѣ не черезчуръ?“—спросилъ я у Вильчка.

„Ничего, двухъ шкуръ не спущу“—отвѣтилъ, тяжело дыша.

„Ему позволь только шалопайничать. Кого люблю, того и бью, а цѣлуетъ дѣвушку тотъ, кто надъ нею смѣется. Не мало тутъ добрыхъ товарищей найдется. Лучше пусть онъ теперь отъ моей руки поплачетъ, чѣмъ я потомъ, на него глядя, горе мыкать буду“.

Я натыкаюсь ежеминутно на острые углы ихъ желѣзными тисками сдавленной жизни. И больно мнѣ, и страшно становится.

Здѣсь неприкрытыми, нагими, выступаютъ наружу холодъ и жестокость людского существованія. Здѣсь полновластно царствуетъ скучная сѣрость жизни.

Здѣсь не здороваются, не прощаются, не благодарятъ за обѣдъ, не говорятъ „добраго утра“, не желаютъ „спокойной ночи“. Здѣсь никогда не звучитъ веселый смѣхъ, не летаютъ въ воздухѣ непринужденныя остроты. Здѣсь нѣтъ уступокъ, пощады, мягкосердечія.

Здѣсь нѣтъ намековъ; все называется кратко, правдиво и выразительно, своимъ именемъ.

Нѣтъ даже мелкой, невинной лжи, хоть немного подкрашивающей повседневность.

„Пойди ко мнѣ, Стасю“—позвалъ я.

Хотѣлось приголубить ребенка.

„Не троньте меня... Отстаньте“—кинулъ сердито, зло взглянувъ на меня изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

Вырвался, скорчился въ темномъ углу за печкой и не плакалъ.

Жена Грошика отгрызла малюткѣ ноготки: рѣзать ножницами до года нельзя. Не то, если мальчикъ, вырастетъ воромъ, если дѣвочка—свихнется съ пути.

„Вѣрь, не вѣрь, а такъ люди говорятъ“.

Нельзя заживлять струпьевъ ребенку; не то на глаза бросится и ослѣпнетъ дитя.

Темные предразсудки роятся и ползаютъ, словно гады въ гнѣздѣ невѣжества.

Злое недовѣріе и подозрительность глядятъ отовсюду, шипя и свиваясь клубкомъ.

Digitized by Google

Ремесленникъ презираетъ рабочаго; рабочій—чернорабочаго; городской житель смѣется надъ простакомъ-деревенщиной; грамотѣй издѣвается надъ безграмотнымъ.

Этотъ нижній этажъ общественной лѣстницы состоитъ, въ свою очередь, изъ множества ступеней.

Размолвки, интриги, сплетни, насмѣшки, грубый обманъ, претензіи, горести и заботы о крестинахъ ребенка, о рюмкѣ водки.

Зависть, коли сосѣдъ заработаетъ лишній рубль. Воровство кислаго огурца или куска угля.

Извозчикъ меня не долюбливаетъ; причина простая и грубая: боится за молодую жену...

Тутъ часто говорятъ не то въ шутку, не то въ серьезъ:

„Развѣ я знаю, сколько у меня дѣтей? Я цѣлый день на работѣ. Спросите жену, она вамъ скажетъ, который мой ребенокъ".

Ни одной ночи не могу спать. Воздуха нехватаетъ.

Пища такая, какую даютъ, вѣрно, въ тюрьмахъ.

„Мясо пахнетъ"—сказалъ я вчера.

„Ой, какой вы капризный. Мясо и не должно быть совсѣмъ свѣжимъ, не то оно твердо очень".

„Но это нездорово для дѣтей".

„Ничего, ребенку не повредитъ. Онъ вонъ сколько бѣгаетъ".

Теперь я уже понимаю, какъ на 30, 40, 50 коп. въ день можно прокормить семью, да еще изъ этихъ же денегъ одѣться, и въ аптеку, доктору, ксендзу, за бѣлье, за керосинъ заплатить, и именины отпраздновать, и даже напиться иной разъ.

Теперь я понимаю, почему у здѣшнихъ дѣтей землистый цвѣтъ лица, синеватые круги подъ глазами, искривленныя ноги; почему изъ десяти едва четверо остаются въ живыхъ.

Не понимаю одного только, какъ вырастаютъ эти четыре и откуда берутъ они силы для тяжелаго повседневнаго труда?

Я забылъ совсѣмъ, что гдѣ-то невдалекѣ шумитъ городъ; что тамъ ничто не измѣнилось и что только я вижу то, чего раньше не видѣлъ.

Тамъ, въ городѣ, большія квартиры, гувернантки-француженки, театры, гостиныя съ пальмами и тропическими растеніями, сторублевыя кредитки, первоклассные рестораны, кареты, ковры, сверкающія витрины огромныхъ магазиновъ.

Тамъ прогуливаются нарядныя толпы, приподнимаются въ знакъ почтенія шляпы, слышатся многозначительныя замѣчанія, летаютъ улыбки и взгляды.

Здѣсь плачутся, что жизнь вздорожала, если фунтъ

Digitized by Google

хлѣба вздорожалъ на полъ-гроша или бутылка керосина — на грошъ.

Какъ далеко уплылъ я отъ берега! Какъ глубоко нырнулъ въ мутную глубину жизни!

Мнѣ кажется, я прожилъ тутъ цѣлую вѣчность.

Былъ на Дикой. Купилъ себѣ кровать съ матрацомъ, на выплату. Получилъ книжечку, въ которой будутъ заносить уплаченные взносы.

На первой страницѣ примѣчаніе:

„Все увеличивающееся число моихъ покупателей заставляетъ меня покорнѣйше просить какъ можно аккуратнѣе платить ежемѣсячные взносы. Иначе, это лишитъ меня возможности содержать въ порядкѣ мои приходо-расходныя книги, да и къ тому же введетъ моихъ кліентовъ въ излишніе расходы по найму артельщика для сбора слѣдуемыхъ мнѣ суммъ...“ и т. д.

Какъ все это торжественно звучитъ!

Номеръ моей книжки скромный: 146.815-ый.

„Ваше счастье,—говоритъ еврей,—что васъ привелъ ко мнѣ панъ Вильчекъ. Иначе, я бы ни за что не далъ вамъ кровати на выплату. Подумайте, мнѣ на этомъ дѣлѣ пришлось потерять 50,000 рублей изъ-за людской нечестности. Но пана Вильчека я хорошо знаю“.

Я угостилъ его папироской.

Рабочій былъ въ восхищеніи.

„Видите, какъ меня всѣ знаютъ. Я самъ не поѣмъ, а ужъ долги всѣ заплачу“.

„Ну, а когда же, панъ Вильчекъ, вы купите для дочки машинку? Такая дѣвушка, которая къ тому же такъ шьетъ, можетъ рублей двадцать въ мѣсяцъ заработать.

У меня такую машину и панъ Вноровскій съ Огродовой для дочки своей купилъ. и еще многіе покупали.

Всякій знаетъ, какой у меня товаръ“.

Между прочимъ, онъ имѣетъ право требовать обратно вещь, въ случаѣ пропуска хотя бы одного взноса.

Вильчекъ разъ купилъ себѣ за 20 рублей костюмъ, подъ вексель, на выплату. А затѣмъ, послѣ каждаго взноса, получалъ квитанцію на уплаченную сумму. Когда ему оставалось внести еще 3 рубля, еврей продалъ вексель.

Судъ, куда Вильчекъ подалъ жалобу, призналъ, что рабочій долженъ сначала погасить вексель, а потомъ уже можетъ судиться, сколько ему угодно, съ портнымъ.

Вотъ и заплатилъ бѣдняга два раза за одинъ и тотъ же костюмъ.

„Но этотъ купецъ честно ведетъ дѣла. Деретъ, конечно,— безъ этого нельзя, но и его люди надуваютъ. Онъ и не

Digitized by Google

далъ бы вамъ кровати, если бы не моя рекомендація. Но меня онъ знаетъ".

И дома долго разсказывалъ всѣмъ объ оказанной ему чести.

„Даже папиросой угостилъ".

Далъ я поправить свой костюмъ. Весь въ пятнахъ и дырахъ, онъ пріобрѣлъ неприличный видъ.

Интересный типъ еврея-штопальщика.

Съ какимъ вдохновеніемъ разглядывалъ онъ дыры и объяснялъ: „Вотъ стсюда вырѣжется кусочекъ; этого хватитъ на заплаты сюда и сюда. А здѣсь зашьется и заштопается. Будетъ, какъ новое".

Одно слово: поэтъ!

Вильчекъ изъ деревни. Двѣнадцать миль за Варшавой. Отецъ отъ первой жены имѣлъ четырехъ дѣтей. При родахъ пятаго мать умерла. Никакъ не могла, бѣдная, разрѣшиться; тогда бабка велѣла посадить ее надъ раскаленной жаровней, политой уксусомъ. Но и это не помогло.

Изъ пятерыхъ остался въ живыхъ одинъ только Вильчекъ.

Недолго спустя отецъ женился во второй разъ и имѣлъ отъ этого брака четырехъ дѣтей. Одинъ сынъ умеръ, одинъ въ Америкѣ, одинъ въ деревнѣ, а дочь служитъ горничной въ Варшавѣ у адвоката.

Потомъ и вторая жена отца умерла.

Тогда онъ женился въ третій разъ и имѣлъ семерыхъ дѣтей: одинъ сосланъ за убійство лѣсничаго. Кралъ онъ дрова въ лѣсу. Лѣсничій посыпалъ въ дерево пороха, и печь, когда ее затопили, разнесло въ щепы. Вора узнали. Но молодецъ поклялся отомстить врагу и убилъ его. Теперь онъ въ ссылкѣ. Жена его прислугой въ Маркахъ, а сынъ въ наукѣ у кузнеца. Двое другихъ сыновей отца на фабрикѣ въ Заверчьѣ, дочь тоже на фабрикѣ работаетъ, а трое остальныхъ дѣтей умерли.

Умеръ отецъ и въ завѣщаніи отказалъ землю мачехѣ.

Она вышла во второй разъ замужъ; имѣетъ двоихъ дѣтей.

Такъ вотъ по всему краю раскиданы родные и могилы.

„Польскіе кроники".

Чудовищная, уродливая политика, подводящая итоги могиламъ и подсчитывающая младенцевъ.

Жалость разрываетъ грудь.

Digitized by Google

За бортомъ.

У меня ни гроша въ карманѣ. Послѣдній полтинникъ пропитъ въ кабакѣ. А между тѣмъ пора заплатить хозяевамъ, штопальщику и внести обычный мѣсячный взносъ за кровать.

Написалъ Адели:

„Собираю матеріалы для новой вещи: „Падшіе".

Помнишь „Les miserables" Виктора Гюго? Сохрани, прошу тебя въ секретѣ. Люблю тайну, люблю больше, чѣмъ когда-либо. Слава моя близка уже. Мнѣ нужны 50 рублей.

Жду отвѣта черезъ того же посланца".

И ждалъ отвѣта въ пивной на углу Александріи.

Посланецъ отдалъ письмо „въ руки самой барынѣ"; она прочла тутъ же и сказала, что отвѣта не будетъ.

На дворѣ чисто-декабрьскій морозъ.

Въ стоптанныхъ сапогахъ, безъ подошвъ брожу по обледенѣлымъ плитамъ тротуара. Холодно. Руки коченѣютъ.

Поднимаю воротникъ лѣтняго пальто. Порошитъ снѣгъ.

Низкая, подлая проститутка „изъ порядочныхъ". Такъ глубоко, такъ позорно унизить меня! „Никакого отвѣта". Словно нищему или собакѣ, на заднихъ лапахъ выпрашивающей подачку.

Холодно. Темно. А улица передъ Бристолемъ залита ослѣпительнымъ свѣтомъ.

„Нищій, почему ты не возьмешься за работу? Такой молодой и не стыдится просить милостыню. Слава Богу, у тебя здоровыя руки и ноги. Городовой! Тащи его въ участокъ. Такой молодецъ!"

Падшій, отщепенецъ, парія!

Изъ оконъ кафе льются потоки свѣта. Даже глазамъ больно.

Тамъ тепло; тамъ такая толпа. Но для меня тамъ нѣтъ больше мѣста: мое грязное пальто испачкало бы нарядную мебель, а посинѣвшее, дрожащее лицо испугало бы сытыхъ посѣтителей.

Дверь открывается. Выходятъ три юнца. Смѣются.

„Господа, помогите, цѣлый день сегодня неѣмши", говорю какимъ-то страннымъ, чужимъ голосомъ.

И снимаю помятую шляпу.

Равнодушно проходятъ мимо. Не взглянули даже, не прервали разговора.

Въ дверяхъ кондитерской показывается хорошо-одѣтый господинъ съ коробкой пирожныхъ, элегантно прицѣпленной къ пуговицѣ шубы.

Digitized by Google

Вышелъ. Идетъ медленно, что-то напѣвая. Коробка мѣрно раскачивается направо и налѣво.

Иду за нимъ. Въ груди невыразимая боль и еще большее, безсильное негодованіе.

„Господинъ!.. господинъ съ пирожными... Гей! Господинъ съ пирожными... Bonjour, bonjour, monsieur съ пирожными... Bonjour, monsieur филистеръ съ пирожными. Etês-vous content de votre vie, monsieur филистеръ?“ Смѣюсь. Стучу зубами отъ холода. Руки деревенѣютъ.

„A qui portez-vous ces gateaux, monsieur съ пирожными? Pour vos enfants, peut-être, n'est-ce-pas? Vous avez des enfants... N'est-ce-pas? Ха-ха ха!“

Онъ лишь глубже засовываетъ руки въ карманы. Пакетъ балансируетъ на толстомъ брюшкѣ. Время отъ времени жирный палецъ задерживаетъ его слишкомъ буйныя движенія.

Тогда яркій камень кольца сверкаетъ при свѣтѣ нарядныхъ витринъ.

„Vous avez des enfants, n'est-ce-pas? И вы хорошій отецъ; вы очень любите своихъ дѣтей? Vous êtes un très bon père? Вы несете имъ пирожныя? Ваши дѣти очень любятъ пирожныя, не такъ ли? N'est-ce-pas? А особенно съ кремомъ? О! дѣти любятъ, всѣ дѣти любятъ пирожныя съ кремомъ“.

Идетъ дальше мѣрно, не торопясь. Я за нимъ, шагъ-за шагомъ.

„Avez vous beaucoup d'enfants, monsieur съ пирожными? Non, pas beaucoup, двоихъ только. Золя дуракъ, а „Плодовитость“ — созданіе идіота. Oh, pas beaucoup... Двоихъ только—Ежика и Анельку. Quels jolis noms! Ежикъ, Юрекъ, Юрась. Votre Юрась еще совсѣмъ крошка, должно быть. Маленькій Юрась со свѣтлыми локонами и пухлыми ножками. Un petit garçon de six ans. Малютка. N'est-ce-pas? Малюсенькій. Прелестный, маленькій, какъ звѣздочка... малюсенькій. N'est-ce-pas? Ежикъ, Юрась... Mais attendez donc un peu“...

Господинъ съ пирожными оглядывается. Я останавливаюсь.

„Зачѣмъ вы оглядываетесь, господинъ съ пирожными, monsieur le bon père? Я не возьму вашихъ пирожныхъ. Васъ раздражаетъ моя болтовня? По вашему, она безсмысленна.

Mais mille pardons, мнѣ холодно и къ тому же, я нѣсколько взволнованъ, un peu enervé. Вы спрашиваете, почему я не говорю по-польски? Ахъ, on m'a appris говорить по-французски—parler français. И у меня тоже были длинные, бѣлокурые локоны, — des longs cheveux blonds. Меня учили: l'hirondelle — ласточка (h muette, h aspirée) въ ту пору, когда я никогда не видалъ еще ласточки.

Digitized by Google

Oui, monsieur, я очень хорошо воспитанъ, — un gentilhomme.

Только вотъ, жаль, у меня немного разорвались брюки и поизносилась душа. Enfin...

Но, о вашемъ сынѣ. Bon. Я буду говорить по-польски.

Итакъ, вашему сыну шесть лѣтъ. А черезъ годъ будетъ семь...

Пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... Я немного нервенъ, это правда, но во-первыхъ, холодно, а во-вторыхъ, у меня нѣтъ денегъ, чтобы напиться, т. е. чтобы уплатить взносъ; но, въ концѣ-концовъ, я только притворяюсь. Однако, считать я умѣю.

Alors, вашему малюсенькому сыну будетъ десять лѣтъ.

Il faut, qu'il aille au collège. И отрѣжутъ ему локоны—des bourreaux,—жестокіе люди—féroces! Не позволятъ ему носить длинныхъ локоновъ—quel dommage. Но онъ все равно останется малюсенькимъ и все равно готовъ будетъ продать душу за шоколадныя пирожныя съ кремомъ.

... Mais après... Одиннадцать,—onze, douze, treize,—время уходитъ—n'est-ce-pas? И вотъ, вашъ малюсенькій уже безъ локоновъ... Вѣдь всѣ дѣти любятъ пирожныя съ кремомъ; всѣ они—малюсенькія; и у всѣхъ ихъ шелковыя кудри. И вотъ, вашъ малюсенькій dans quelques années—время летитъ быстро,—заразится скверной болѣзнью...".

Я громко разсмѣялся.

— „Невѣроятно! Это бебе, это милое, щебечущее бебе, для котораго вы несете теперь пирожныя... Mais reflechissez un peu... Не теперь, но черезъ нѣсколько, много лѣтъ. Pas maintenant. Сейчасъ бебе вѣритъ, что дѣтей приноситъ аистъ. Après, я не утверждаю этого положительно, но вѣдь оно болѣе, чѣмъ возможно... А Varsovie теперь il y a 60 процентовъ зараженныхъ проститутокъ—vous comprenez? Между тѣмъ,—progrès, прогрессъ — n'est-ce-pas? Тогда будетъ 75 процентовъ и больше. Vous comprenez? Прогрессъ... Et après tout, скверная среда—школа—vous avez lu? Испорченность, грязные разговоры — on a écrit. Et après tout—мясная пища, пиво, городъ—n'est-ce-pas?

И литература, обнажающая душу, вскрывающая ея уголки — ce n'est pas encore tout, прогрессъ — садизмъ, педерастія — ce n'est pas encore fini — обнаженная душа, прекрасная мысль — сенсація! Prenez, messiers, s'il vous plait, бестіалія, некрофилія, садизмъ... Prenez, messieurs les litteraires, c'est piquant. Salir, messiers, salir?"

И человѣкъ шумитъ, все вертится.

А оперетки черезъ 12 лѣтъ? On ne peut pas prevoir, нельзя предсказать заранѣе, кто будетъ задирать ножки на сценѣ.

Digitized by Google

Cette nouvelle Кавецкая или Богорская est une enfant encore. Elle est aussi agée de trois ou quatre ans, mais elle existe déjà. Elle demeure, peut-être, rue Казья, Солецъ, Заячья, Рыбáки, qui le sait? Et votre малюсенькій съ шелковыми локонами, обожающій пирожныя съ кремомъ, испортится, il sera gaté. Et après—воспаленіе, а, можетъ, и хуже,—сифилисъ, кто его знаетъ, qui le sait?.. Tout est possible. Un docteur lui dira sans doute: „Ну, ничего, ничего, не бойтесь, пустяки". Этотъ докторъ тоже, навѣрное, молодъ, но и онъ „уже"... Можетъ быть, въ эту самую минуту онъ штудируетъ атласъ Хейцмана или курсъ патологической анатоміи профессора Превосскаго. И онъ „уже", „уже", „уже". Ха-ха-ха-ха!

Я вамъ надоѣдаю? Не такъ ли? Вы не понимаете, чего мнѣ отъ васъ нужно? Я и самъ хорошо это не знаю.

Ба! Нашелъ... Я бы хотѣлъ вымазать вамъ рожу кремомъ этихъ пирожныхъ. Но вы бы только умылись, а меня гнала бы толпа съ дикимъ воемъ: „сумасшедшій, сумасшедшій!!!"

Толпа часто такъ воетъ: не со злости—она не зла—только послушна. „На колѣни!"—толпа, какъ одинъ человѣкъ, падаетъ ницъ. „Да здравствуетъ Сенкевичъ или Баттистини!"—толпа бросаетъ вверхъ шапки, рычитъ и рукоплещетъ. „Conspuez Сенкевичъ!"—толпа свиститъ и шикаетъ. Толпа не зла. Толпа воспитываетъ дѣтей".

Голова горитъ. Обгорѣли подпорки и рухнула крыша. Пламя сожгло мнѣ черепъ и пробралось въ самый мозгъ. Трещитъ, пылаетъ, разсыпается снопомъ искръ и охватываетъ, душитъ, пожираетъ каждую мысль, чувство. Дымъ душитъ, щиплетъ глаза, жжетъ грудь, пробирается въ легкія, убиваетъ...

Шатаюсь. Но слѣдую за господиномъ съ пирожными.

„Eh, bien! Votre fils, votre малюсенькій, — quel joli nom, заболѣетъ... C'est absolument vrai. Жаль, но что подѣлаешь? Quand votre fils aura l'âge de 20 ans, vous lui direz vous-même: „mon fils, il faut, que tu sois un cochon". Сынъ мой, ты долженъ стать свиньей, но только до свадьбы, и... только осторожно, и... не слишкомъ часто... и въ мѣру...

Потому что толпа всегда знаетъ мѣру. Les idees, les sentiments, les cochonneries—tout. Ха-ха-ха-ха!"

Оглянулся. Насъ раздѣляли шаговъ 10, не больше.

„Вамъ, навѣрное, любопытно знать, господинъ съ пирожными, отъ кого можетъ заразиться вашъ малюсенькій—du qui peut-il attrapper cette maladie. Le sais-je? Но „она" уже существуетъ гдѣ-то. Можетъ, въ эту самую минуту баюкаетъ братца гдѣ-нибудь на Бжозовой, или Кшивемъ Колѣ. Vous comprenez donc, que je ne puis le savoir—je ne suis

Digitized by Google

pas un prophête. А ее въ свою очередь заразитъ парень, которому теперь года 2 или 3, уроженецъ Кѣлецъ, Люблина, Влоцлавска, Калиша или деревеньки безъ имени.

Можетъ, сейчасъ онъ закутанъ въ одежду капуцина, чтобы прикрыть голые члены; можетъ, у него ячмень на глазу отъ грязи, или англійская болѣзнь отъ недоѣданья. А можетъ, въ эту самую минуту, онъ затягивается окуркомъ папиросы, или его колотитъ отецъ за пропущенный, рабочій день... Не правда ли странно сопоставить: его и вашего малюсенькаго?.. Mais tout est possible".

Опираюсь на минуту о стѣну. Потомъ бѣгу, чтобы не потерять его изъ виду.

„Vous pensez, monsieur, que j'ai fini? Pas encore. Vous avez encore une filliette Анелька—n'est-ce-pas? Она тоже малюсенькая: и у нея шелковистые локоны, черные, или голубые, глаза.—n'est-ce-pas? Ей три года; она любитъ пирожныя съ кремомъ и потихоньку слизываетъ варенье съ торта. Но дѣти должны быть послушны и ждать, пока ихъ не надѣлятъ сладостями старшіе: дѣти должны быть хорошо воспитаны. Поэтому, il faut le défendre. Дѣтямъ нельзя позволять слизывать варенье съ торта. Ни за что въ мірѣ нельзя позволять имъ слизывать варенье. Вы, вѣрно, тоже были хорошо воспитаны и за то теперь имѣете шубу, пирожныя, всѣ удобства. За то и вы передъ свадьбой... Ну, такъ вотъ, ваша малюсенькая выйдетъ замужъ... Она любитъ пирожныя съ кремомъ и, навѣрное, рано выйдетъ замужъ. Il faut profiter du moment. Карьера... капельмейстеръ поднимаетъ палочку,—къ чорту гигіену; онъ любитъ ее? довольно... un, deux, trois. Слишкомъ молода? Ce n'est rien! Гмъ! Какъ это врачи не знаютъ лекарствъ противъ „мужскихъ" болѣзней? мужскихъ! ха-ха! мужскихъ! Они только умѣютъ собирать матеріалъ для статистики. Кто? Да, они, врачи".

Онъ останавливается у окна книжнаго магазина. Тамъ же стоитъ оборванный, посинѣвшій мальчикъ и смотритъ на вызолоченные переплеты. Взглянулъ ребенокъ на господина съ пирожными, отодвинулся, повернулся и ушелъ.

„Жизнь глупа, господинъ съ пирожными; вотъ у васъ уже сѣдѣютъ волосы, а въ печени, нервахъ или сердцѣ, навѣрное, гнѣздится зародышъ смерти, настоящей смерти—la mort".

Меня охватываетъ все большая усталость. Мысли проходятъ теперь лѣниво; тлѣютъ, словно послѣднія искры пожарища.

„Жизнь глупа. Зачѣмъ жить? Вотъ, я, напримѣръ, хочу создать великое произведеніе. Хотя и великое произведеніе—тоже глупость. Толпа осмѣетъ. Иліада съ комментаріями

Digitized by Google

Манштейна, словарчикомъ и синтаксическимъ разборомъ, соотвѣтственно грамматикѣ Шульца. „Гамлетъ“ — исторія дурака—сына великаго отца. „Гамлетъ“, игранный въ Конинѣ; или „Тадеушъ“ въ миніатюрномъ изданіи за 1 руб. 80 коп. „Тадеушъ“ въ гостиной ищущей жениха барышни; или „порядочный человѣкъ“. Что?

Вы, навѣрно, хотите выростить дѣтей порядочными людьми. Зачѣмъ вы такъ быстро идете? Сейчасъ—я еще не все сказалъ вамъ. Знаете, какъ я хотѣлъ бы воспитать моихъ дѣтей? Къ счастью у меня ихъ нѣтъ, но я только такъ, къ примѣру. Вотъ, кабы мнѣ захотѣлось построить громадную больницу! Но одному нельзя, не удастся. Тогда я женюсь и приживаю десятерыхъ дѣтей. Потомъ медленно и неустанно, капля за каплей, зарываю въ сердца ихъ свою мысль, свое страстное желаніе. И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ изъ одного человѣка выростаютъ десять. Одинъ сынъ — агрономъ — подготовляетъ почву, разводитъ сады и огороды; другой — архитекторъ — чертитъ планы и завѣдуетъ работами; третій — ксендзъ — молится за успѣхъ начатаго дѣла; четвертый — докторъ; дочери — сидѣлки. А если еще каждый изъ десятерыхъ самъ приживетъ столькихъ же, то вмѣсто васъ одного будетъ цѣлое поколѣніе. Но, если ты не хочешь создавать такого потомства выростишь изъ нихъ кондитеровъ, портныхъ, проститутокъ, акушерокъ, продавщицъ въ бюро похоронныхъ процессій или честныхъ работницъ... Въ такомъ случаѣ“...

Входитъ въ ворота. Собираю послѣдніе остатки силъ: подбѣгаю:

„Господинъ, я еще не ѣлъ сегодня“.

Сторожъ поднимается, чтобы задержать меня. Вбѣгаю на лѣстницу.

„Ничего не ѣлъ“, повторяю.

„Почему же ты не сказалъ сразу?“

Пытливо глядитъ на меня.

„Мнѣ было стыдно“

„Зачѣмъ же ты приставалъ ко мнѣ?“

„Не знаю“.

Дрожь все сильнѣе пробираетъ меня.

Открываетъ дверь французскимъ ключомъ.

„О, папа пришелъ“, слышу голосъ.

Разстегнулъ шубу. „На! а въ другой разъ велю свести тебя въ участокъ“.

Хватаюсь за ручку. Монета съ звономъ падаетъ на полъ изъ окостенѣвшей руки. Говорю быстро и горячо: „Vous vous trompez, monsieur. Vous me prenez pour un voleur. j'étudie la medecine. On m'a congedié, vons comprenez, j'ai

Digitized by Google

des vieux parents. Ils ne savent rien... J'ai vraiment faim. Je n'ai encore rien mangé aujourd'hui.

Любопытство и тѣнь жалости борются въ немъ съ недовѣріемъ и подозрительностью.

„Войдите, а то сквознякъ".

Закрываю за собою дверь.

„Почему вы не говорили по-польски?"

„Потому что вы бы мнѣ не повѣрили. Вы сыты. Вы не знаете, что значитъ морозъ и голодъ".

Проситъ меня зайти въ кабинетъ. Зажигаетъ на письменномъ столѣ свѣчи.

„Какъ ваше имя?"—спрашиваетъ, отдавая шубу лакею.

„Я не скажу его вамъ".

„Что же я могу для васъ сдѣлать?"

Въ неплотно-закрытыя двери заглядываетъ русая головка ребенка.

„Казя, запри дверь", нетерпѣливо приказываетъ отецъ.

„Вашего сына зовутъ Казя?" спрашиваю быстро.

„Такъ что?".

„Ничего".

„Что же я могу для васъ сдѣлать?"

„Дайте мнѣ 5 рублей".

Не говоря ни слова, вынимаетъ кошелекъ и подаетъ мнѣ золотую монету.

„Простите", шепчу.

Пламень стыда заливаетъ лицо. Опускаю глаза.

Рука невольно тянется отдать милостыню.

„Вы мнѣ возвратите когда-нибудь, при случаѣ".

Я поклонился и вышелъ.

Этого мальчика зовутъ Казя... У нихъ тепло. Большой кабинетъ... Тепло, тепло, тепло!

Мнѣ было стыдно, страшно стыдно.

И вдругъ пришло на умъ, что вѣдь все это комедія,— фарсъ, фарсъ, фарсъ; только фарсъ.

Только бы запомнить адресъ.

„Что ты глядишь? — кричу на сторожа. — Я ничего не укралъ".

„Иди себѣ, иди съ Богомъ! Ну, проходи!".

Съ минуту стою неподвижно, гляжу на домъ. Если даже забуду номеръ, все равно найду его по памяти. И отдамъ.

Сворачиваю въ одну изъ боковыхъ улицъ.

Кабы кабакъ... Или что-нибудь. „Эй ты! свободна? Видишь, у меня 5 рублей!"

„Такъ идемъ".

„А у тебя тепло?"

„Тепло".

Digitized by Google

„Близко?“

„Здѣсь, сейчасъ“.

„Ну, хорошо. Вотъ тебѣ. Но зато ты должна купить ужинъ“.

„Хорошо“.

„Напьемся? Да?“

„Хорошо“.

„А тебѣ хочется напиться?“

„Хочется“.

„Ты одна живешь?“

„Одна“.

Входимъ въ темный дворъ. Она открываетъ дверь въ комнату.

Тепло. Поправляетъ фитиль полупогасшей лампы. Теплая печь. Грѣю замерзшія руки. Зубы все стучатъ. Тепло... Тепло...

„Ну, теперь я иду“.

Снимаю одѣяло съ кровати, кутаюсь, придвигаю къ печи стулъ, и сажусь, прислонившись плечами къ горячимъ кафелямъ.

Начинаю смѣяться.

Она возвращается.

„Чему ты смѣешься?“—спрашиваетъ равнодушно.

„Смѣюсь? Надъ жизнью. Жизнь такъ комична порою“.

„Хорошо, но не прожги мнѣ только одѣяло. Покажи-ка!“

„Нѣтъ, нѣтъ!.. Поцѣлуй меня. Какъ тебя зовутъ?“

„Іоася“.

„Напьемся же, Іоася, въ честь смѣшной жизни. Потому что ты не знаешь, совсѣмъ не знаешь, какъ смѣхотворны, и ты и я, и эти 5 рублей, и одѣяло“.

Мнѣ сказочно-тепло и весело.

„Ну, поцѣлуй меня!“

Какъ автоматъ, исполняетъ мое желаніе. Очевидно, въ глазахъ ея я являюсь посѣтителемъ, капризовъ котораго угадывать не стоитъ. Такіе непостоянные.

„Знаешь, Іоася, ты некрасива. Ты... навѣрное, не пользуешься успѣхомъ“.

Она вынимаетъ изъ комода 2 рюмки, вытираетъ ихъ фартухомъ, ставитъ на столъ; потомъ придвигаетъ къ печи табуретку.

„Отодвинься. У меня тамъ мясо съ обѣда“.

Вынимаетъ изъ печки чугунный горшокъ, кладетъ на тарелку кусокъ чернаго мяса и нѣсколько ложекъ гречневой каши.

„Такъ выпьемъ же за здоровье главнаго комика—жизни... Сядь тутъ, около меня. Ты не можешь себѣ представить, какъ онъ былъ смѣшонъ“.

Digitized by Google

„Кто?“—спрашиваетъ равнодушно.

«Ну, тотъ!.. Налей еще!“

„Возьми, закуси“.

„Не хочу. Но отчего ты не спрашиваешь, какъ меня зовутъ?“

Пожимаетъ плечами.

„Янекъ мое имя... Какая ты злая!“

„Почему?“

„Мнѣ весело, а ты какая-то...“

Вздыхаетъ.

„Нѣтъ, Іоаська, ты не совсѣмъ некрасива. Я это нарочно сказалъ, чтобы позлить тебя“.

„Я сама лицо свое знаю“.

„Такъ скажи мнѣ, какая ты“.

„Оставь меня“.

„Вотъ, уже и сердишься. Чего ты на меня сердишься?“

„Совсѣмъ не сержусь“.

„Ну, такъ что съ тобой?“

Усаживаю ее къ себѣ на колѣни.

„Ты, вѣрно голодна; оттого такая грустная. А вотъ накормлю тебя, тогда сразу повеселѣешь. Правда?“

И кормлю ее кашей съ вилки.

„Послушай, Іоаська. Не сердись на меня. Видишь, я такъ несчастенъ. Что мнѣ останется дѣлать, если всѣ на меня, бѣднаго, разсердятся? И если всѣ будутъ на меня сердиться, и никто меня ни любить, ни цѣловать не станетъ, то куда я, несчастный, преклоню голову“.

«Но я вовсе не сержусь на тебя“.

Цѣлуетъ меня.

„Э! такъ я не хочу“.

„А какъ ты хочешь?“

„Налей рюмку, поцѣлуй меня въ глаза и скажи:

„Мой Янку; Іоася совсѣмъ не сердится на Янка“. А потомъ, выпей половину, а другую вылей прямо мнѣ въ ротъ. Хорошо?“

„Хорошо“.

„Э! такъ я не хочу“.

„Ну, надоѣдаешь“.

„Да? Надоѣдаю? Я надоѣдаю? Хорошо. Если я надоѣдаю, такъ не надо; беру шапку и ухожу на морозъ“.

Встаю.

„Останься“.

„Не хочу“.

„Такъ не надо. Бери твои деньги и иди къ чорту“.

„Не хочу брать денегъ“.

„Такъ оставайся и не надоѣдай“.

Digitized by Google

„А ты будь доброй и не обижай меня“.

„Не буду, не буду больше. Ну, выпьемъ въ знакъ мира. Вотъ, теперь еще по рюмкѣ!“

„Не хочу больше“.

„Послѣднюю“.

„Не стану больше пить“.

„Такъ и я не буду“.

„Нѣтъ, такъ нѣтъ“.

„А теперь, разскажи мнѣ сказку“.

„Я не знаю сказокъ“.

„Знаешь, только нарочно не хочешь разсказывать. Я тебя прошу“.

„Говорю тебѣ, что не знаю“.

„Какую-нибудь разскажи“.

„Ни одной не знаю“.

„Такъ разскажи мнѣ ту, которую тебѣ въ дѣтствѣ разсказывали“.

„Не приставай“.

„А если мнѣ хочется приставать? Я хочу слышать ту сказку, которую тебѣ разсказывали въ дѣтствѣ“.

„Коли ты пьянъ, такъ спи. А нѣтъ, такъ убирайся къ чорту“, кричитъ сурово.

И вдругъ я понялъ.

„Что съ тобою?“—спрашиваетъ.

„Нѣтъ, ничего. Знаю. Теперь все знаю“.

„Что ты знаешь?“

„Все знаю. Сейчасъ скажу тебѣ. Подожди минутку, я скажу тебѣ. Іоася!“

Вздрагиваетъ.

„Іоася!“

„Что?“

„Прижмись ко мнѣ. Не бойся. Я не злой. Я не обижу тебя“.

„Какой ты смѣшной! Если бы ты только зналъ!“

„Знаю, знаю“.

Я расплакался.

„Чего ты плачешь?“

„Мнѣ страшно жаль тебя“.

„Изъ милости“...

„Мнѣ такъ страшно жаль тебя“.

„Ну, хорошо, а теперь спи“.

„Не хочу“.

„Чего же ты хочешь?“

„Чего хочу, того хочу“.

Тишина.

„Іоася“.

Digitized by Google

„Меня совсѣмъ зовутъ не Іоасей, а Казей“.

„Зачѣмъ же ты сказала, что Іоасей!“

„Мнѣ такъ хотѣлось“.

„Ты снова лжешь“.

„Такъ не вѣрь мнѣ“.

„И не вѣрю“.

„Не вѣришь, не надо“.

„Послушай, дитя, не бываетъ развѣ, что грусть душитъ тебя костью, становится поперекъ горла? Да, да... костью; словно кость душитъ и давитъ тебя. И плохо, скверно тебѣ! Да или нѣтъ?“

„Что нѣтъ?“

„Когда ты ходишь по улицѣ, туда и назадъ, туда и назадъ, а они проходятъ мимо, равнодушно, будто не человѣкъ передъ ними, а фонарь“... когда ты все ходишь до угла и назадъ, въ дождь, напримѣръ, а потомъ возвращаешься одна домой...; когда ты все ходишь и думаешь, что ничего не заработала... Ты тогда не чувствуешь кости въ горлѣ? Что?“

„Не понимаю“.

„А когда твои именины, или рожденье отца, матери, знакомыхъ; или когда Рождество и всѣ ходятъ съ пакетами... Развѣ тебѣ не кажется, что ты одна на свѣтѣ... И правда, ты знаешь, помнишь сказки, только не хочешь?“

„Ты снова ту же пѣсню?.. Пусти меня“.

„Казя!“

„Пусти меня! Убирайся ко всѣмъ чертямъ“

„Нѣтъ, нѣтъ, не буду больше. Только скажи мнѣ: когда ты видишь, какъ женщина ведетъ за руку ребенка... Развѣ тебѣ не хочется порою купить конфетокъ, или пирожныхъ, чтобы порадовать дитя“...

„Какое дитя?“

„Все равно“.

„Несешь чепуху, какъ сумасшедшій“.

„Нѣтъ, но ты все время притворяешься непонимающей“.

„Болтаешь, точно дуракъ“.

„Почему же ты дрожишь?“

„Потому что ты стянулъ съ меня одѣяло“.

„Видишь ли, я очень люблю тебя“.

„Пожалуйста, безъ снисхожденій“.

„Я вамъ всѣмъ очень благодаренъ. Вы первыя показали мнѣ, что такое подлость. Видишь ли, мы со Стаськомъ сочиняли законы, воспрещавшіе ваше существованіе“.

„Какже!“

„Разъ во время перемѣны, гуляя по корридору съ завтракомъ въ рукахъ, мы постановили, чтобы новыхъ проститу-

Digitized by Google

токъ отнынѣ не существовало, относительно же старыхъ, рѣшено было выдать замужъ, каждую изъ нихъ за ея перваго соблазнителя. Ну, а коли для нѣкоторыхъ не хватитъ мужей, такъ онѣ займутся шитьемъ. Мы хотѣли имъ выстроить большой домъ... Стасекъ поступилъ въ семинарію сейчасъ же, а я отложилъ на нѣсколько лѣтъ... до окончанія гимназіи. Но онъ, бѣдняга, скоро умеръ отъ нарыва въ горлѣ... Былъ онъ влюбленъ въ свою кузину—дѣвочку въ коричневомъ платьицѣ, съ черными косами. Теперь у нея одноклассная школа на Прагѣ. Такъ вотъ этой дѣвочкѣ предстояла великая миссія сестры милосердія въ томъ „нашемъ домѣ". Тогда-то мы и порѣшили окончательно, чтобы „васъ" не было. Потому что это страшный стыдъ".

„Для кого?"

„Развѣ я знаю? Вѣрно, и для васъ и для насъ".

„А мы что не ровня другимъ развѣ? Ты, можетъ, тоже думаешь, что наша жизнь легкая? Какъ же! Бываетъ, придетъ вашъ братъ, надоѣстъ, измучитъ, а потомъ и не заплатитъ ничего. А докторъ, полиція... одно только названіе, это „легкій хлѣбъ".

Знаю, знаю... знаю...

14 декабря.

За стихи и фельетонъ заработалъ 7 рублей.

За урокъ получаю обѣды у владѣльца харчевни.

Итакъ, въ данную минуту живу припѣваючи.

Викта показала мнѣ билетикъ, вытянутый ей мышкой лѣтомъ на Саской Камнѣ.

„Вѣсы № 5 мѣсяцъ.

„Слишкомъ часто, дѣвушка, бываешь одна; черезчуръ много въ тебѣ чувствительности и мягкосердечія. Безпокойство о заработкѣ угнетаетъ тебя. Но вооружись мужествомъ. Скоро узнаешь объ измѣнѣ и вѣроломствѣ друга, къ которому питала большое довѣріе. Зато восторжествуешь надъ твоими врагами и откроешь козни тѣхъ, кто вредилъ тебѣ. Твоя планета показываетъ борьбу и сопротивленіе, но не страшись ничего.

Твой гороскопъ предсказываетъ счастье, хотя и говоритъ о какомъ-то поворотѣ. Упорная работа спасетъ тебя отъ опасностей легкомыслія.

Насладишься долгой и пріятной жизнью.

Воскресенье—день твоего счастья".

И все, все сбылось точь-въ-точь, по предсказанію этой записки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Праздникъ.

Нераздуманною думой
Молча въ вѣчность уходя,
Былъ закутанъ день угрюмый
Паутиною дождя.

Трубы фабрикъ были строги,
И ползла тоскливо тьма
На размытыя дороги
И на сѣрые дома.

У заборовъ, на панели,
Въ глинѣ желтыхъ площадей,
Цѣлый день шумя чернѣли
Кучи вымокшихъ людей.

И, зажегши за туманомъ
Глазъ слѣпого фонаря,
Умиралъ, больнымъ и пьянымъ,
Красный день календаря.

Велся скучно и невнятно
Скучный споръ дождя и крышъ,
И зловѣщи были пятна
Синихъ, вымокшихъ афишъ...

И, казалось, злой и чуткій,
Гдѣ-то близко спрятанъ врагъ—
И торчалъ обидной шуткой
На воротахъ мокрый флагъ.

Кривичъ.

Digitized by Google

Молодая смерть.

Утромъ яснымъ звѣзды гаснутъ въ серебристой глубинѣ.
Солнца локонъ золотистый, блѣдный, движется ко мнѣ.
И лазурью въ аломъ свѣтѣ, бѣлизной воздушныхъ скалъ,
На лицѣ моемъ улыбку кто-то тихій, отыскалъ...

Но не мнѣ душою строгой ликовать въ сіяньи дня...
У таинственнаго Бога нѣтъ возврата для меня...
Я одна въ своемъ безсильи притаилась и молчу...
Смерти бѣшеныя крылья я мечтой позолочу.

У окна воркуютъ птицы... Сонный пискъ и трепетъ крылъ...
Кто здѣсь ночью былъ съ тоскою?.. Кто съ рыданьями здѣсь былъ?
Я послѣдній вздохъ истрачу на улыбку и... прощу.
Полно, полно... Я не плачу... Улыбаюсь и молчу.

Ты, родной, не безпокойся... Я бодра и весела.
Я послѣдній даръ—улыбку на могилу принесла...
Я скользну ея мгновеньемъ по чертамъ угрюмыхъ лицъ,
Вмѣстѣ съ лаской и рожденьемъ расцвѣтающихъ зарницъ.

Я иду, иду... Какъ странно, что идти теперь легко...
Люди сонные толпятся... Отъ стѣны—не далеко...
Отчего такъ страшно мало я смѣялась и жила?
Дорогой! Не надо плакать... Я бодра и весела.

Милый вѣтеръ! Лаской зыбкой свей мнѣ волосы въ кольцо!
Солнце! Радостной улыбкой озари мое лицо!
Пусть—когда ко мнѣ нагнется трупъ живой изъ темноты—
Трупъ холодный улыбнется солнцу жизни и мечты.

А. С. Гринъ.

Digitized by Google

Харьковская государственная библиотека

Время жизни.

Романъ Феликса Голлендера.

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской.

(Окончаніе).

На другой день часовъ въ одиннадцать экипажъ окружнаго врача остановился передъ домомъ доктора Мюллера.

Лотта сидѣла въ саду.

— Ну, и напугали же вы насъ вчера! Слава Богу, что вы здоровы и все обошлось благополучно,—привѣтствовалъ ее докторъ Каль.

При видѣ его она въ первую минуту сконфузилась, но тотчасъ же отошла, когда онъ заговорилъ съ ней ласково. Она много выстрадала за это утро, браня сама себя. Что она сдѣлала вчера? Что онъ подумаетъ о ней? Ей было мучительно не по себѣ. Въ памяти ежеминутно вставали событія прошлой ночи, хотя она гнала прочь воспоминанія. Но ей было не подъ силу бороться съ ними: они сами врывались въ душу, и Лотта чувствовала, какъ изъ глубины души подымается мучительный стыдъ и душитъ ее и гнететъ. Теперь онъ будетъ знать, какая она. Что пользы въ томъ, что все это вышло помимо нея, противъ ея воли? Въ ней закипѣла кровь, и порывъ переселилъ всякое благоразуміе. Нѣтъ, она не въ состояніи была думать объ томъ... ей хотѣлось кричать отъ боли.

— Намъ пришлось переночевать въ „Золотомъ Видѣ". Мы зашли дальше, чѣмъ хотѣли, а тутъ разразилось ненастье—пришлось спасаться отъ дождя. Полковникъ хотѣлъ вернуться домой. Я его не пустила. Я боялась остаться безъ него одна въ чужомъ домѣ. Ну, теперь вы все знаете, докторъ, — закончила она съ глубокимъ вздохомъ, какъ будто облегчивъ себя невольной исповѣдью. И вдругъ почувствовала, что она не могла не покаяться передъ этимъ человѣкомъ, не объяснить, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

пріобрѣлъ надъ нею какую то особенную власть. И сейчасъ же возмутилась противъ этой власти.

— Все?—переспросилъ докторъ Каль.

— Да, все,—отвѣтила она смиренно. И, чувствуя, что внутренній голосъ предостерегающе шепчетъ ей: „Лотта! Лотта!"—тѣмъ не менѣе продолжала:

— Развѣ вы не вѣрите моимъ словамъ?

— Я вѣрю вамъ безусловно. Я считаю васъ неспособной солгать.

Онъ сказалъ это такъ искренно и убѣжденно, что ей вдругъ вспомнился отецъ, который тоже безгранично вѣрилъ ей.

Она отвернулась.—„Папа, милый папа, помоги своей бѣдной дѣвочкѣ!"

— Знаете-ли вы, почему я сегодня опять пришелъ надоѣдать вамъ?—Лотта покачала головой.

— Чтобы докончить вчерашній разговоръ.

— Не теперь, въ другой разъ!—взмолилась она.

Но онъ настаивалъ.—Я прошу позволенія прибавить къ сказанному еще нѣсколько словъ.—Онъ усѣлся возлѣ Лотты, не дожидаясь ея отвѣта, вынулъ сигару, обрѣзалъ кончикъ и закурилъ. Если память меня не обманываетъ, вы вчера сказали, милая барынька, что у меня не хватаетъ храбрости заговорить съ вами напрямикъ, откровенно. Если вы дѣйствительно такъ думаете, вы очень ошибаетесь. Я затѣмъ именно и пришелъ къ вамъ вчера. Я только началъ не съ того, не нашелъ нужныхъ словъ. Вы любите полковника Брандта...

— Господинъ докторъ! Вы что же это допросъ мнѣ хотите учинить? Ну, знаете, это ужъ слишкомъ!

— Успокойтесь, милая барынька, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Вы всей душой любите полковника Брандта. Я тоже люблю его. И потому мы съ вами не противники, а союзники. Кто знаетъ его, не можетъ его не любить. Это ясно, какъ Божій день. Мнѣ этотъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ всѣхъ дороже,—иначе мы бы теперь не разговаривали съ вами. Ибо вообще я не обладаю талантомъ устраивать чужое счастье и разыгрывать роль Провидѣнія. Но это совсѣмъ особенный случай. Въ томъ-то и дѣло, что я люблю его не меньше вашего, сударыня моя.

Его серьезность невольно приковывала ея вниманіе. Она сложила руки и слушала съ стѣсненнымъ сердцемъ.

— Все это я предвидѣлъ,—продолжалъ онъ озабоченно,—можетъ быть, зналъ уже съ первой минуты, какъ мы съ вами впервые встрѣтились въ его домѣ. Не вздрагивайте такъ, милая барынька. У стариковъ бываютъ иной

Digitized by Google

разъ странныя предчувствія, — вы, вѣроятно, слыхали объ этомъ. Да и не такъ ужъ трудно было угадать. Голубушка моя, вѣдь вы съ полковникомъ созданы другъ для друга. Въ томъ-то и подлость, въ томъ и трагизмъ, что вы должны разбить въ куски это самое предназначеніе. Вы смѣетесь и думаете: что за вздоръ плететъ этотъ старый болтунъ...

— О нѣтъ, нѣтъ! продолжайте!

— Я самъ хотѣлъ бы, чтобъ это былъ вздоръ и безсмыслица съ перваго слова до послѣдняго. Говорятъ, отъ судьбы не уйдешь. Вотъ это такъ дѣйствительно вздоръ. Пожалуйста, потерпите еще нѣсколько минутъ—я постараюсь быть краткимъ. Вамъ, можетъ быть, уже разсказывали, что супруга полковника покончила жизнь самоубійствомъ. Въ такомъ случаѣ вы знаете и то, что полковникъ всей душой былъ преданъ своей профессіи и до свадьбы слылъ весельчакомъ, блестящимъ собесѣдникомъ. Онъ умѣлъ хохотать такъ заразительно, что при немъ никто не могъ остаться серьезнымъ. Я въ жизнь свою не слыхалъ такого жизнерадостнаго смѣха. Онъ разучился смѣяться съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ свою жену лежащей съ пробитой головой и переломанными костями. Само собой, газетные борзописцы обрадовались такому пикантному сюжету, и въ обществѣ ни о чемъ другомъ не было рѣчи. Полковникъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ отпускъ, а затѣмъ подалъ въ отставку. Ничего другого ему, конечно, и не оставалось дѣлать. Онъ чувствовалъ, что прежняя жизнь, которую онъ такъ любилъ, кончилась навсегда, что онъ не въ силахъ будетъ видѣть товарищей, переносить ихъ сострадательные взгляды. Тутъ ему сдѣлали блестящее предложеніе. Въ правленіи здѣшняго общества сидѣлъ одинъ изъ друзей его юности, который зналъ полковника и зналъ, что онъ оказываетъ величайшую услугу не ему, а своему обществу. Полковникъ принялъ предложеніе и порвалъ все съ прежней жизнью. Я былъ въ то время штабнымъ врачомъ. Случилось такъ, что здѣсь освободилось мѣсто окружнаго врача. И я послѣдовалъ за нимъ. Хорошо, конечно, что обстоятельства сложились такъ благопріятно, но я все равно и безъ этого ушелъ бы вслѣдъ за нимъ, потому что, какъ я уже вамъ докладывалъ, я безъ него не могу... Ну-съ, теперь, когда вамъ все извѣстно, вы поймете, почему у меня хватило духу завести съ вами этотъ разговоръ. Благодаря своей удивительной энергіи и рѣдкимъ дарованіямъ, полковникъ сумѣлъ завоевать себѣ почетное положеніе и въ той области, къ которой онъ раньше себя не готовилъ. Здѣсь его оцѣнили и знаютъ,

Digitized by Google

чего онъ стоитъ. Но что всего важнѣй — въ новой работѣ онъ нашелъ если не счастье, то, по крайней мѣрѣ, покой и удовлетвореніе. Смѣяться онъ опять не научился, такъ и остался навсегда угрюмымъ и серьезнымъ, но все же уцѣлѣлъ и стоитъ прямо, какъ высокій сильный дубъ, который умѣетъ противиться грозѣ и бурѣ. И вотъ, явились вы—и все его существованіе, которое ему удалось возстановить послѣ перваго краха, снова грозитъ рухнуть. Развѣ вы не видите, что полковникъ стоитъ на краю пропасти и что ему не избѣжать паденія, если только Богъ не смилуется надъ нимъ... Если сегодня—онъ возвысилъ голосъ—между имъ и вами произойдетъ что-нибудь непоправимое, онъ завтра же покончитъ съ собой. Точно такъ же, какъ тогда онъ снялъ съ себя офицерскій мундиръ и не могъ поступить иначе. Полковникъ Брандтъ въ связи съ женой одного изъ своихъ служащихъ...

— Довольно!—крикнула она въ отчаяніи.—Я больше не могу! Не могу!

— Жизнь вообще не сладка, милая барынька.—Докторъ съ трудомъ поднялся. Онъ вдругъ какъ-то ослабъ: лицо его увяло, углы рта опустились, онъ казался гораздо старше обыкновеннаго. Не вымолвивъ ни слова на прощанье, онъ вышелъ, крадучись, какъ воръ.

Онъ и чувствовалъ себя воромъ.—Вѣдь онъ только что укралъ у человѣка лучшее, что у него было.

Лотта глядѣла ему вслѣдъ потухшими глазами.

Тетя Ульрика писала:

„Милая Лотта, сердечно любимое дитя!

„Всѣ мы очень безпокоимся о тебѣ. Почему ты не шлешь о себѣ никакой вѣсточки? Вспомни, что мы уже старые люди, которымъ немного остается жить на свѣтѣ, что старики частенько зябнутъ, нуждаются въ свѣтѣ и теплѣ. Что съ тобой творится, дорогая моя дѣвочка? Что у тебя не все ладно, не все какъ быть должно, и, быть можетъ, могло бы быть, это мы ясно чувствуемъ. Твой отецъ больше всѣхъ огорчается этимъ. Онъ, какъ всегда, ни съ кѣмъ не дѣлится своимъ горемъ, но видъ у него такой, что когда я смотрю на него, мнѣ кажется, что онъ скоро зачахнетъ отъ тоски. Сидитъ, повѣся голову, словно больная птичка. Я иной разъ по пути захожу къ нему въ лавку и, хотя у меня у самой не весело на душѣ, стараюсь развеселить его своей болтовней. Но, должно быть, юморъ-то мой выдохся, ибо папа едва улыбается, да и то только, чтобъ сдѣлать мнѣ удовольствіе; а на душѣ у него кошки скребутъ—этого нельзя не замѣтить.

Digitized by Google

„Мать твоя попрежнему бродитъ по дому съ большой связкой ключей у пояса и волнуется изъ-за мальчиковъ, а они тянутся вверхъ, какъ бобы, и голодны днемъ и ночью, зато всегда въ прекрасномъ расположеніи духа. Сдается мнѣ, что твоя мать совсѣмъ напрасно портитъ себѣ жизнь. Она изъ тѣхъ людей, у которыхъ хроническій жалобный катарръ: такіе люди не могутъ не ворчать и не сердиться. Слава Богу, хоть папу она оставляетъ въ покоѣ,—по крайней мѣрѣ, насколько я могу судить. Дѣдъ твой вышелъ въ отставку; въ послѣднее время онъ сталъ частенько прихварывать. Теперь онъ выслужилъ полную пенсію и можетъ позаботиться о своемъ здоровьи. Для начала онъ заставляетъ бабушку каждую недѣлю варить себѣ раковъ и уничтожаетъ ихъ съ большимъ аппетитомъ. Прямо любо посмотрѣть, какъ онъ ихъ ѣстъ. Не думай, что это такъ легко чистить раковъ—это большое искусство. Я завидую дѣдушкѣ: у него ужъ не пропадетъ ничего съѣдобнаго: все выѣстъ до чиста. Какъ-то разъ онъ для формы предложилъ мнѣ одного. Я была такъ умна, что вѣжливо поблагодарила и отказалась; повидимому, онъ остался этимъ очень доволенъ, ибо съ тѣхъ поръ вдвойнѣ милъ со мной; на дняхъ даже пригласилъ меня сыграть съ нимъ въ шахматы.

„У насъ новаго мало, живемъ все по старому, васъ вспоминаемъ. Ты врядъ ли можешь представить себѣ, какъ прыгало отъ старости мое старое сердце, что у Вильгельма такъ удачно сошла его работа. А все таки, въ концѣ концовъ, все было бы лучше, еслибъ вы жили здѣсь! Милая Лотта, иной разъ ночью я лежу—не сплю и думаю, что ты могла бы быть немножечко добрѣе къ Вильгельму. Онъ такъ привязанъ къ тебѣ каждымъ фибромъ своей души, какъ онъ мнѣ пишетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Если я несправедлива къ тебѣ, дѣвочка моя дорогая, прости меня. У старыхъ тетокъ бываютъ свои причуды. А Вильгельмъ такой добрый, такой хорошій! Съ годами ты лучше узнаешь его и оцѣнишь. Бережется ли онъ тамъ, въ этихъ своихъ ужасныхъ шахтахъ! Богъ съ ней и съ честью, лишь бы только здоровью не повредить! Его письма, голубушка Лотта, все ужасно грустныя. Должно быть, тамъ жизнь страшно тяжела. Намедни кто-то мнѣ разсказывалъ, что онъ знаетъ начальника Вильгельма. Правда ли, что онъ до того замучилъ свою жену, что она въ припадкѣ отчаянія выбросилась изъ окна? Если такъ, не хотѣла бы я сидѣть въ его кожѣ. Человѣкъ, который мучаетъ другого—самое жалкое существо... Милое дитя, уже очень поздно, и письмо вышло длинное. У меня глаза смыкаются отъ усталости.

„Цѣлуетъ тебя отъ души твоя старая тетка Ульрика“.

Digitized by Google

* * *

— Ну, и хорошъ же ты, нечего сказать! — встрѣтила г-жа Дейссенъ своего мужа, когда однажды вечеромъ усталый онъ вернулся съ фабрики домой.

На щекахъ у нея горѣли красныя пятна, а глаза такъ нервно мигали, что Дейссенъ приготовился къ самому худшему. Онъ слишкомъ хорошо зналъ эти предвѣстники обычныхъ припадковъ. И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, спокойно и ласково спросилъ: „Въ чемъ дѣло, милое дитя? Изъ-за чего ты опять такъ взволновалась?"

— Изъ-за чего! Ты еще спрашиваешь, изъ-за чего? Весь городъ это знаетъ, а отъ меня ты скрылъ. Всегда ты меня срамишь, точно дуру какую; все я узнаю послѣдняя, и то отъ чужихъ.

— Да въ чемъ же дѣло! Что знаетъ цѣлый городъ?

— Ну, теперь ты опять напустишь на себя святую невинность, благо это тебѣ къ лицу!—Она звонко расхохоталась, скрестила руки на груди и смотрѣла на него вызывающе, съ угрозой.

— Милая, Марія, — отвѣтилъ онъ усталымъ голосомъ, медленно надѣвая очки. — Право, достаточно. Я страшно усталъ и голоденъ. Я хотѣлъ бы пообѣ...

Но она не дала ему кончить. — Ты хотѣлъ бы? Я бы тоже многаго хотѣла. А должно быть, интересно было посмотрѣть, какъ господинъ директоръ и эта невинная пастушка съ глазами Мадонны танцовали свой дуэтъ въ „Золотомъ Видѣ". Весьма интересно.

— Ага! Вотъ оно что. — Теперь онъ понялъ, куда она мѣтитъ.

— И ты ни словомъ не обмолвился объ этомъ. Конечно, зачѣмъ мнѣ знать? Я слишкомъ глупая гусыня, чтобъ считаться со мной. Съ меня достаточно вязать, штопать чулки и рожать дѣтей. Съ меня...—У нея даже голосъ оборвался отъ гнѣва, и она остановилась, чтобы перевести духъ.

Онъ воспользовался этимъ и сталъ упрашивать:—Милая Марія, нельзя же принимать въ серьезъ всякія сплетни. Ты слишкомъ разсудительна для этого.

— Сплетни? Каково! Вотъ это ловко! Такъ значитъ, неправда, что они въ самую грозу, какъ сумасшедшіе, кружились по залѣ, такъ что крестьянъ морозъ по кожѣ подиралъ смотрѣть на нихъ? Значитъ, это все выдумки, что они ночевали въ „Золотомъ Видѣ"? Да говори же, отвѣчай!

Онъ былъ оглушенъ потокомъ рѣчей, но зналъ, что молчать нельзя, ибо этимъ только пуще разсердишь ее.— Самый невинный поступокъ можно изобразить въ такомъ

Digitized by Google

видѣ, что онъ будетъ казаться преступленіемъ. Я просто не хотѣлъ докучать тебѣ этими вздорными розсказнями. Что такое случилось? Полковникъ Брандтъ пошелъ съ докторшей гулять. Ихъ застигла гроза, и они укрылись отъ дождя въ гостиницѣ. А такъ какъ тамъ какъ разъ въ это время танцовали, то и они сдѣлали туръ. Потомъ улеглись спать, каждый въ своей комнатѣ, такъ какъ домой изъ-за ненастья нельзя было вернуться. Вотъ голые факты. Какой разумный человѣкъ станетъ изъ-за этого плести про нихъ небылицы?

Она выслушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, но съ такимъ презрительнымъ и даже наглымъ выраженіемъ своего обыкновенно добродушнаго лица, что онъ испугался.—Такъ, значитъ, цѣлый городъ спятилъ и я въ томъ числѣ? Я ужъ вижу, къ чему ты ведешь; я только этого и жду. Ты думаешь, я не знаю, что у тебя на умѣ? Думаешь, не вижу этого по твоей физіономіи? Ты хочешь, чтобъ я тебѣ это въ лицо сказала, подлый ты человѣкъ!—Глаза ея сверкали, на побѣлѣвшихъ губахъ выступила пѣна.

Онъ уже не возражалъ, видя невозможность убѣдить ее разумными доводами.

— Ты думаешь, — начала она вдругъ, понуривъ голову,—со мной опять неладно, меня опять надо запереть? Нѣтъ, голубчикъ, ошибаешься! У меня въ головѣ все очень ясно... — Неожиданно она рванула дверь и закричала на весь домъ, рыдая и плача: — Дѣти, идите сюда! Вашъ отецъ хочетъ убить меня. Идите скорѣй! Да идите же! Развѣ вы не слышите, что мамочка васъ зоветъ?

Дейссенъ захлопнулъ дверь съ такимъ трескомъ, что у него самого зазвенѣло въ ушахъ, и съ суровымъ, рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ женѣ. Та опрометью кинулась отъ него прочь и забилась въ самый дальній уголъ столовой.

— Не бей меня!—визжала она. — Милый, хорошій, не бей меня!—И при этомъ сама вся тряслась отъ рыданій, такъ что у мужа сердце надрывалось.

— Милая, милая Мари!—дрожащимъ голосомъ выговорилъ онъ.

Она раскрыла объятія.—Поди ко мнѣ, Дейссенъ. Мнѣ такъ холодно!..

Онъ взялъ ея руку и ласково гладилъ...

Припадокъ длился долго. Больная то забывалась на минуту, то вздрагивала и кричала, что она видитъ человѣка съ большимъ ножемъ, который хочетъ зарѣзать ихъ обоихъ, то умоляла мужа не бить ее.,. Наконецъ, она успокоилась и какъ послушное дитя, позволила увезти себя въ спальню;

Digitized by Google

но не отпускала отъ себя мужа, заставила его даже обѣдать въ своей спальнѣ.

Когда пріѣхалъ вызванный Дейссеномъ докторъ Каль, онъ еще изъ передней услыхалъ веселый смѣхъ хозяйки дома.—У насъ, кажись, сегодня отличное настроеніе?—сказалъ онъ входя. — Оказывается, я могъ бы и не заѣзжать.

Г-жа Дейссенъ протянула ему руку.—Кто же вызвалъ васъ, г. докторъ?—спросила она,—подозрительно глядя на мужа.

— Никто. Просто я ѣхалъ мимо вашего дома и рѣшилъ заглянуть. А что? Развѣ собираетесь указать мнѣ на дверь?

Что вы, г. докторъ! Я вамъ рада.

Онъ удержалъ ея руку въ своей, испытующе глядя на нее.—Ну, теперь уже недолго ждать.

— Помоги мнѣ, Боже, чтобъ я не стала въ тягость моему бѣдному мужу! — Добродушное лицо г-жи Дейссенъ было озабочено и печально.

— Прежде всего надо быть веселой и бодрой и не поддаваться никакимъ страхамъ. Вѣдь наша храбрость уже испытана: мы уже доказали, что умѣемъ стиснуть зубы и перенести всякую боль.

— Боли я не боюсь. Не въ томъ дѣло.

— А въ чемъ же?

Она не отвѣтила, продолжая разглядывать свои ногти.

— Ну, въ чемъ же дѣло?

— Выйди-ка на минутку,—попросила она мужа.

Докторъ сдѣлалъ знакъ Дейссену.

— Ну, что такое съ вами?—спросилъ онъ, когда они остались одни.

Она смущенно подняла на него глаза.—Вы умѣете молчать, г. докторъ?

— Я думаю!

— Я все напишу доктору Мюллеру,—шепнула она таинственно, сверкнувъ глазами.

— Что вы хотите ему написать?—Докторъ крѣпко держалъ ея руку.

— Вы сами знаете,—сказала она почти сердито.

— Ничего я не знаю.

— Вотъ возьму и все напишу ему! — Она быстрымъ движеніемъ вырвала свою руку и, какъ ребенокъ, захлопала въ ладоши.

— Сейчасъ же извольте мнѣ сказать, о чемъ вы собираетесь писать д-ру Мюллеру. — Голосъ доктора звучалъ сурово и властно. Онъ всталъ и пристально смотрѣлъ на нее, какъ будто хотѣлъ подчинить ее себѣ этимъ взглядомъ.

Г-жа Дейссенъ, видимо, растерялась и тихонько попросила:—Сядьте, пожалуйста.

Digitized by Google

— Хорошо. Теперь разсказывайте.

— Вы не скажете моему мужу?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ.—Она нагнулась къ самому его уху.— Я хочу предупредить д-ра Мюллера, что творится у него за спиною. Пусть онъ знаетъ все, что произошло между директоромъ и его женой.—Она глубоко вздохнула.—Я нахожу, что мы обязаны сказать ему всю правду.

У доктора кровь застыла въ жилахъ. На мигъ онъ даже утратилъ самообладаніе.

— Послушайте, вы не въ своемъ умѣ? Вѣдь это же колоссальная нелѣпость.

— Да? Вы такъ думаете, г-нъ докторъ?—Она злорадно хихикнула.—Ну, ужъ будьте спокойны. Мнѣ лучше знать.

— Ничего вы не знаете. И можете натворить величайшихъ бѣдъ, если вы серьезно...

— Разумѣется, серьезно. Надо же кому-нибудь собраться съ духомъ и сказать ему.

Докторъ чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ. Какъ вразумить больного?

— Что за безсовѣстный человѣхъ внушилъ вамъ эту мысль! Послушайте, милая барынька. Даю вамъ честное слово, что между этими людьми отношенія самыя чистыя. И съ вашей стороны было бы не только легкомысленно, но прямо-таки безразсудно ни съ того, ни съ сего напугать д-ра Мюллера такой гнусной и вздорной сплетней. Не говоря уже о томъ, что вы и своего мужа поставили бы въ очень тяжелое положеніе. Можете быть увѣрены: директоръ никогда не простилъ бы ему, еслибъ вы своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ вызвали скандалъ.

Серьезный тонъ, которымъ были сказаны эти слова, смутилъ ее.

— Вы вправду это думаете?—переспросила она боязливо.

— Не только думаю — вполнѣ увѣренъ. Ну, будьте же благоразумны. Дайте вашу ручку и обѣщайте, что вы не сдѣлаете такой глупости и гадости.

Она повиновалась, но посмотрѣла на него какъ-то загадочно. Передъ уходомъ докторъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Дейссеномъ. Тотъ страшно испугался, узнавъ, что замышляетъ его жена, и Калю съ трудомъ удалось успокоить его.—Я думаю, послѣ родовъ все-это пройдетъ. Теперь ужъ недолго ждать. Но пока все таки не мѣшаетъ слѣдить за ней. Я ее озадачилъ и сейчасъ она не рѣшится ничего предпринять, но, конечно, нельзя знать, долго-ли это у нея продержится. Вы, пожалуйста, тоже распишите ей

Digitized by Google

поэнергичнѣй всѣ послѣдствія. Это самое вѣрное средство и самое радикальное.

Дейссенъ обѣщалъ. Онъ былъ растерянъ и напуганъ до того, что путался въ словахъ. Прямо отъ Дейссеновъ докторъ пошелъ на виллу Брандта.

Полковникъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

— Откуда?—спросилъ онъ пріятеля, подымая глаза отъ книги.

— Отъ Дейссеновъ, гдѣ пережилъ весьма непріятную четверть часа.

— Забудь ее, или, еще лучше, запей ее стаканчикомъ рейнвейна.—Полковникъ всталъ, чтобъ позвонить.

Но докторъ отказался. — Сейчасъ я не могу пить, хоть у меня и пересохло въ горлѣ.

— Ну, такъ сыграемъ партію въ шахматы. Мы цѣлую вѣчность съ тобой не играли.

— Нѣтъ, братъ, и играть не могу.

— Такъ скажи по крайней мѣрѣ, что съ тобой такое.

— Я озабоченъ.

— Усаживайся поудобнѣй и выкладывай все на чистоту.

— Я-то радъ. Вопросъ только—станешь ли ты спокойно слушать меня.

Полковникъ поднялъ на него глаза. Тонъ этотъ былъ ему знакомъ.—Я вижу, къ чему ты клонишь. Ну, ужъ говори. Только пожалуйста безъ вступленій.

— Ладно.—Я уже сказалъ тебѣ, что былъ у Дейссена. Его супруга въ припадкѣ умственнаго разстройства, объявила мнѣ, что она чувствуетъ себя нравственно обязанной довести до свѣдѣнія д-ра Мюллера, что за его спиной...

— Что мнѣ за дѣло до болтовни какихъ-то сумашедшихъ бабъ?

— Полковникъ, дай мнѣ кончить. Конечно, дѣла нѣтъ, если бъ рѣчь шла только о тебѣ. Но вѣдь ты тутъ не одинъ замѣщанъ. А о вашихъ похожденіяхъ болтаютъ даже воробьи на крышахъ.

— О какихъ похожденіяхъ?

— Да вѣдь это фактъ, что вы оба ночевали въ „Золотомъ Видѣ".

— Послушай, докторъ, ты успокоишься, если я тебѣ скажу—и только потому, что это ты—если я тебѣ дамъ честное слово, что самый строгій пуританинъ не нашелъ бы ничего дурного въ нашихъ отношеніяхъ.

— Нѣтъ. Разговоръ нашъ только начинается. Я заклинаю тебя нашей дружбой, Брандтъ, выслушай меня до конца. Повѣрь, мнѣ тоже не легко.—Лично у меня ни на минуту не явилось какихъ-либо нечистыхъ подозрѣній. Но вѣдь

Digitized by Google

дѣло не во мнѣ. Эта исторія вызвала кучу сплетенъ и можетъ доставить тебѣ гораздо больше непріятностей, чѣмъ ты думаешь. Положимъ, это меня не особенно печалитъ. Пусть себѣ болтаетъ эта сволочь. Поговорятъ и перестанутъ.

— Браво! Въ такомъ случаѣ мы вполнѣ согласны и можемъ перейти къ порядку дня: стакану вина и шахматамъ.

— Увы, полковникъ, это не такъ просто. Боюсь, что намъ сегодня не придется играть въ шахматы.

— Фу ты, чортъ побери! Да что это ты сегодня взялъ такой проповѣдническій тонъ?

— Успокойся, дружище. Слово пока еще принадлежитъ мнѣ.— Онъ вплотную подошелъ къ пріятелю, понурилъ голову, и голосъ его зазвучалъ мягче.—Полковникъ, неужто ты хочешь поставить на карту все свое существованіе?

Брадттъ вскочилъ на ноги.— Въ тебя сегодня положительно какой то бѣсъ вселился. Чего ради ты мучишь меня?

— Я не могу смотрѣть, сложа руки, какъ ты съ открытыми глазами стремишься къ своей погибели.

Полковникъ высоко поднялъ брови и глаза его сверкнули.—Докторъ, ты сказалъ умное слово. Хотѣлъ бы я, чтобъ это было такъ. Съ открытыми глазами стремиться къ гибели, не колеблясь, высоко неся голову—знаешь, докторъ, отъ такой смерти я не прочь.

— Я бы не сталъ удерживать тебя, еслибъ на картѣ стояла только твоя жизнь. Но теперь я требую, чтобъ ты взялъ себя въ руки и не поступалъ безразсудно.

— Спасибо, братъ. А, можетъ, мнѣ разсудокъ то и сталъ коломъ поперекъ горла? Можетъ быть, мнѣ какъ разъ пришла охота на старости лѣтъ позабыть о разсудкѣ и попробовать, какъ это люди бываютъ счастливы. Развѣ это ужъ такъ невозможно, докторъ?—Онъ громко засмѣялся и зашагалъ по комнатѣ такъ сердито, что полъ скрипѣлъ у него подъ ногами. Потомъ такъ же сердито бросился въ кресло.—Ну, докторъ, ты главное, ее-то не вздумай пугать. Будетъ то, что быть должно.

— А я говорю: не должно. Это былъ бы слишкомъ жалкій конецъ.

— Докторъ, это просто смѣшно. Никому другому я не позволилъ бы такъ говорить съ собой. И все-таки ты смѣшишь меня, разыгрывая судьбу.

— Я и не думаю разыгрывать судьбу. Я только апеллирую къ твоему разуму. Когда двадцатилѣтній юноша, не разсуждая, отдается страсти, я говорю: такъ и слѣдуетъ, и не трачу словъ на уговоры. Но отъ пятидесятилѣтняго мужчины я требую хладнокровія, а не безумствъ.

Digitized by Google

— Славно сказано, докторъ. Ты требуешь. Ты предъявляешь счетъ. Вопросъ только: могу ли я и стану ли платить по немъ.

— Станешь, потому что долженъ.

— Ого! Да вѣдь я долга не признаю. Ты забылъ это.

— Вздоръ! Долгъ существуетъ для всѣхъ. Твоя же собственная доктрина о необходимости, которая создается свободой и разумомъ. Только тотъ внутренно свободенъ, кто уважаетъ свой категорическій императивъ долга.

— Всѣ доктрины вздоръ и ерунда. Не удивляйся, если я и собственную теорію пошлю ко всѣмъ чертамъ. А все-таки, докторъ, мы сегодня чокнемся съ тобой. Кто знаетъ, когда еще намъ придется такъ сидѣть... Христіанъ, бутылку лучшаго вина, какое только есть у насъ въ погребѣ и бакалы.—Чокнемся, докторъ, будь здоровъ. А теперь выпьемъ за то, что намъ свято, за то, что мы любимъ.

Поднятый бокалъ дрожалъ въ рукѣ доктора Каля и голосъ его звучалъ глухо:

— За то, что намъ свято!

— Пей до дна, такъ чтобъ ни капли не осталось въ стаканѣ.

Выпивъ, полковникъ швырнулъ свой бокалъ и бокалъ друга объ стѣну; хрусталь разлетѣлся вдребезги. Тетки, какъ испуганныя птицы, просунули головы въ дверь.

— Не тревожьтесь, старушки. Ничего не случилось.— Слушай, докторъ, теперь я беру слово: нужно добраться до пятидесяти, чтобъ пережить свое лучшее въ жизни. Вотъ, у меня ужъ сѣдые виски, и я начинаю зябнуть въ холодныя ночи. И вотъ ко мнѣ приходитъ счастье, незванное, нежданное. Что же я, по твоей командѣ, долженъ выставить его за дверь? Ну, хорошо, здѣсь все развалится и распадется? Что за бѣда? Чего стоитъ все это, въ сравненіи съ моимъ счастьемъ? И если это счастье будетъ длиться только годъ, хотя бы даже недѣлю, или нѣсколько дней, я и этимъ буду доволенъ. Ты думаешь, въ пятьдесятъ человѣкъ уже старъ и дряхлъ? Докторъ, кровь моя кипитъ, какъ старое крѣпкое вино. Говорю тебѣ: надо дожить до пятидесяти, чтобы понять любовь. Какой-нибудь молоденькій франтикъ—что онъ знаетъ о любви? Что онъ понимаетъ въ ней? И мнѣ обращать вниманіе на то, что плетутъ за моей спиной какія-то кумушки! Да я тебѣ скажу, что я и не жилъ до этого дня. Нѣтъ, не такъ: Господь Богъ далъ мнѣ вырасти душой за всѣ эти годы только для того, чтобъ я имѣлъ право пережить нынѣшній день. И, не приди онъ, докторъ, вы похоронили бы человѣка, который прошелъ мимо жизни. Меня въ дрожь кидаетъ при одной мысли. А теперь, старый товарищъ, не нужно больше словъ. Отъ словъ все тускнѣетъ.

Digitized by Google

„Милый Вильгельмъ.

„Ты сердишься, что я такъ рѣдко пишу и жалуешься, что я пишу мало. Ты трижды правъ, но есть вещи, которыя никакъ не укладываются на бумагу. Когда ты вернешься, мнѣ о многомъ надо будетъ съ тобой поговорить, и мы не станемъ закрывать глазъ на факты, но постараемся каждый понять другъ друга искренно и отъ всей души.

„Я рада за тебя, что твоя работа такъ успѣшно подвигается впередъ. Тетя Ульрика права: когда-нибудь ты будешь извѣстнымъ профессоромъ. Я только огорчаюсь, что ты тамъ тревожишься и горюешь обо мнѣ. Ахъ, Вильгельмъ, и зачѣмъ только мы встрѣтились! Зачѣмъ ты не нашелъ жены, которая сумѣла бы лучше оцѣнить твою доброту? Вопросы, все только вопросы! Голову готовъ себѣ разбить, и все-таки не найдешь отвѣта. Тетя Ульрика прислала мнѣ длинное письмо. Каждая строчка его дышетъ любовью къ тебѣ. Въ душѣ она сердита на меня, я такъ хорошо понимаю ее и нахожу, что она права. Зачѣмъ я не такова, какой вы всѣ хотите видѣть меня? Иногда я думаю, что я только затѣмъ и создана, чтобъ мучить хорошихъ людей. Ахъ, Вильгельмъ, жизнь такъ тяжела, и я, какъ ты, боюсь ея. Ты пишешь, что тамъ, гдѣ ты теперь, люди живутъ среднимъ числомъ не больше тридцати лѣтъ. Мнѣ все еще только восемнадцать, и такъ страшно думать, что надо жить еще двѣнадцать лѣтъ, а то и больше. Милый Вильгельмъ, будь снисходителенъ ко мнѣ. Что же мнѣ дѣлать съ собой, если я такая, какая есть, а не другая?

Лотта“.

Горничная доложила о приходѣ полковника Брандта.

Лотта, лежавшая на кушеткѣ, вздрогнула. — Я нездорова,—тихо молвила она. — Попросите полковника извинить меня.

Горничная скрылась.

Она слышала, какъ полковникъ сказалъ еще нѣсколько словъ, какъ потомъ за нимъ захлопнулась дверь. Опять появилась горничная.

— Господинъ полковникъ желаетъ барынѣ скорѣе выздоровѣть. Они завтра опять зайдутъ.

— Хорошо.—Надо взять себя въ руки. Надо быть сильной. Она не могла забыть разговора съ докторомъ, его угрозы. Нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Лучше истечь кровью, капля за каплей, чѣмъ подвергнуть *его* опасности. Этого не должно быть. Ей теперь стыдно взглянуть ему въ глаза. Что онъ думаетъ о ней,—теперь, послѣ того, какъ она, забылась до того, что пыталась соблазнить его? О, еслибъ можно было совсѣмъ вычеркнуть изъ жизни этотъ день!..

Digitized by Google

Она вскочила съ кушетки и пересѣла къ письменному столу.

Какъ тяжело, какъ страшно тяжело писать ему! Закусить губы — вотъ такъ. Съ чего начать?.. Богъ мой, надо же выдумать какое-нибудь обращеніе... Нѣтъ, лучше безъ всего.

„Очень, очень прошу васъ извиниться за меня передъ вашими тетушками, если я въ ближайшіе дни не покажусь въ вашемъ домѣ. Не то, чтобъ я серьезно захворала, но я испытываю глубокую потребность въ одиночествѣ.

Шарлотта".

Почему же она не подписала подъ письмомъ и фамиліи? Въ отвѣтъ она только сердито покачала головой. Ну-съ теперь первый мостикъ сломанъ. Да поможетъ мнѣ Богъ выдержать до конца!..

У нея потемнѣло въ глазахъ и стучало до боли въ вискахъ и въ кончикахъ пальцевъ.

Полковникъ, очевидно, понялъ, потому что на другое утро онъ не явился. Зато Крулль-тетки прислали съ старымъ Христіаномъ куринаго супу, сваренаго собственноручно тетей Юліей, а на другое утро—баночку апельсиннаго желе, тоже домашняго издѣлія, которое, по увѣренію Христіана, смѣло могло „сойти за англійскую марку". Слово „марку" старикъ подчеркнулъ.

Лотта усмѣхнулась и дала ему талеръ. Онъ поблагодарилъ чинно, но сдержанно, и прибавилъ:—„Тутъ еще письмо отъ полковника".

Лотта вынула изъ конверта большой листъ бумаги, но на листѣ было всего нѣсколько словъ: — „Не мучьте меня понапрасну. Брандтъ".

Не просьба, а властный приказъ.

„Не мучьте". Это она-то?.. Не проще ли, не честнѣе ли побѣжать къ нему сейчасъ, обвить его руками и съ плачемъ крикнуть: „Возьми меня, какая я есть! Я терплю нечеловѣческую муку".

Она горько разсмѣялась.—Проще-то проще, но честнѣе ли? А ея обѣщаніе, данное д-ру Калю? Вотъ человѣкъ! Онъ не задумываясь, ушелъ изъ полка вслѣдъ за другомъ, чтобъ не оставить того совсѣмъ безъ опоры послѣ краха его жизни. Почему эта женщина покончила съ собой? Какъ могутъ тетки говорить, что она украла смѣхъ у полковника? Лотта вдругъ вспомнила, что она никогда еще не слыхала *его* смѣха. Его свѣтлые глаза блистали и сіяли, когда онъ смотрѣлъ на нее и говорилъ ей ласковыя добрыя слова, но лицо все время оставалось серьезнымъ. Лотта не могла себѣ

Digitized by Google

представить это лицо смѣющимся. Передъ глазами ея всталъ портретъ той—умершей, съ „злыми руками". Нѣтъ, это неправда: она не была зла — только несчастна, глубоко несчастна. Это лицо человѣка, который страдалъ несказанно. Лотта знаетъ, что значитъ страдать. Художникъ, писавшій портретъ, тоже зналъ это, разъ онъ, несмотря на нарядное желтое платье и бѣлое манто, сдѣлалъ ея лицо такимъ печальнымъ и мрачнымъ. Онъ не хотѣлъ солгать.

„Злыя руки". Развѣ бываютъ злыя руки?.. А на Вильгельмсгёе маленькая дѣвочка, для которой Крулльтетки вяжутъ и шьютъ...

У нея голова болѣла отъ этой путаницы мыслей. Что ей отвѣтить Брандту? Вѣдь того отвѣта, какой ему нуженъ, она не смѣетъ ему дать.

Внезапно у нея мелькнула мысль. Надо повидаться съ отцомъ. Ему она разскажетъ все. Вѣдь это въ цѣломъ мірѣ единственный ей близкій человѣкъ—онъ послушаетъ ее молча до конца и пойметъ. И она уцѣпилась за эту мысль, какъ за свое единственное спасеніе.

Только не раздумывать, не колебаться, сейчасъ же привести въ исполненіе задуманное.—Лотта быстро одѣлась и пошла на вокзалъ. Рано утромъ, безъ пяти шесть, идетъ скорый поѣздъ, который вечеромъ приходитъ въ Берлинъ...

Скорѣй на почту, телеграфировать, чтобы не испугать отца.

„Милый папа, около пяти пополудни буду ждать тебя въ отелѣ Фюрстенгофъ. Никому ни слова. Со мною все благополучно. Сердечный привѣтъ. Лотта".

Она перечитала телеграмму. Да, такъ хорошо. Отцу ничего дурного не придетъ въ голову.

— Завтра утромъ я уѣду на нѣсколько дней, — сказала она горничной.—Уложите мнѣ только самое необходимое.— И, не дожидаясь отвѣта, ушла къ себѣ.

Надо написать и полковнику. Она взялась за перо—и не смогла. Нѣтъ, лучше изъ Берлина послать ему привѣтъ телеграммой, во избѣжаніе лишнихъ словъ. Она медленно раздѣлась и легла въ постель, но сонъ не приходилъ. Она крѣпко зажмурила глаза и почувствовала, какъ свинцовая тяжесть легла на ея вѣки, и они вдругъ оцѣпенѣли, словно въ столбнякѣ.

— Какъ больно и противно!—думала она.—Но зато по крайней мѣрѣ сейчасъ усну. Надо только выдержать съ минуту, ни о чемъ не думать. — Но судорога мгновенно прошла и о снѣ ужъ не было помина... Она принялась считать до сотни и обратно. И это не помогало. Потомъ стала повторять одно и то же число—говорятъ, это разгоняетъ мысли—

Digitized by Google

можетъ быть, страшная усталость, сковывающая ея члены, возьметъ свое... Но всѣ ея старанія были напрасны. Тогда она сдалась, перестала бороться и пролежала съ открытыми глазами всю ночь до утра.

Ѣдучи на вокзалъ, она чувствовала себя совсѣмъ разбитой. И какъ только усѣлась въ купэ, сонъ одолѣлъ ее. Поѣздъ уже подходилъ къ Берлину, а она все не могла проснуться. Кондукторъ долго стоялъ возлѣ нея, не рѣшаясь нарушить покой этой блѣдной, красивой молоденькой женщины. Наконецъ, тронулъ ее за плечо.—Вставайте, барыня. Сейчасъ пріѣзжаемъ.

Лотта вскочила съ легкимъ крикомъ, удивленно протерла глаза, инстинктивнымъ движеніемъ поправила волосы.—Какъ это можно такъ долго спать!—сказала она самой себѣ, словно съ упрекомъ.

— Спать здорово,—сказалъ кондукторъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Сномъ всякая болѣзнь проходитъ.

— Она вздохнула.—Желала бы я, чтобъ это было правдой!—Она дала ему на чай и выглянула въ окно.

Передъ ней уже мелькали дома огромнаго города, но на душѣ у нея было какъ-то странно. Все казалось такимъ чужимъ, такимъ простымъ и некрасивымъ и, главное, далекимъ, какъ будто она ужъ много-много лѣтъ не была здѣсь. А другой старинный городокъ, съ высокими башнями, стрѣльчатыми окнами и узкими улицами, привѣтливо кивалъ ей издали и шепталъ: „Не уѣзжай надолго. Ты вѣдь моя".

Пронзительный рѣзкій свистокъ—и поѣздъ остановился у платформы.

— Боже мой, да вѣдь это папа!—Мигъ спустя она была уже въ его объятіяхъ.

— Папочка, милый, да что же это съ тобой?

Она никогда не видѣла своего отца плачущимъ, и это зрѣлище потрясло ее.

— Ничего, ничего,—отвѣчалъ Яковъ Адутти, съ трудомъ овладѣвая собой, но все не могъ оторваться отъ дочери и цѣловалъ ее безъ конца.

Она мягко высвободилась, и они рука объ руку пошли по ярко освѣщеннымъ улицамъ въ отель.

При электрическомъ свѣтѣ Лотта впервые замѣтила, какимъ старымъ и удрученнымъ смотритъ ея отецъ. Гдѣ у нея были раньше глаза? Или это онъ такъ измѣнился за послѣдніе мѣсяцы?—спрашивала она себя, съ грустью вглядываясь въ лицо отца, и забывая о собственномъ горѣ.

Она дважды нажала кнопку. Явился оберкельнеръ. — Не можете ли вы сервировать намъ здѣсь маленькій ужинъ?

Digitized by Google

— Если прикажете.

— Пожалуйста.

— Рыбу, мясное и дессертъ. Достаточно будетъ?

Она кивнула головой.

— А изъ напитковъ что прикажете?

— Дайте шампанскаго, сухого.—Она сказала это тихонько, чтобъ не разслышалъ отецъ. Кельнеръ исчезъ. Она усѣлась на диванѣ, рядомъ съ отцомъ, и стала гладить его узкую бѣлую руку съ синими жилками, такую же блѣдную и прозрачную, какъ ея собственная.

Лицо Якова Адутти постепенно прояснилось. Подали ужинъ. Чокнувшись съ дочерью, Якобъ на время забылъ всѣ заботы. Холодное шампанское бодрящей струей искрилось въ его усталой крови. Онъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ на свѣтъ сначала вино въ бокалахъ, потомъ марку; прочелъ: „Mumm, extra dry", почтительно поставилъ бутылку обратно въ ледъ и опустилъ голову еще ниже обыкновеннаго.

Лотта чуть не разрыдалась, такимъ жалкимъ показался ей отецъ, и въ то-же время ей стало непріятно, что какой-то ничтожный бокалъ шампанскаго могъ произвести на него такое впечатлѣніе. Она чувствовала, что этотъ ужинъ поднялъ ее въ глазахъ отца, что онъ смотритъ на нее съ гордостью въ то-же время съ нѣкоторымъ почтеніемъ. И ей было стыдно и неловко. Боже мой, что сталось съ ея папочкой!..

А папочка тѣмъ временемъ разговорился. Съ своими особенными пѣвучими интонаціями онъ разсказывалъ, какъ онъ грустилъ и тосковалъ по ней, какъ послѣ ея отъѣзда ему стало ясно, что только она вносила свѣтъ въ тьму его жизни.

Лоттѣ было тяжело отъ этихъ красивыхъ словъ, и она все больше молчала.

Съ каждымъ бокаломъ папа становился болтливѣй. Дѣла идутъ изъ рукъ вонъ плохо, а главное, не съ кѣмъ перекинутся добрымъ словомъ. Она жалѣла, но какъ-то не могла сочувствовать. Отецъ представился ей совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Только когда онъ окончательно развеселился подъ вліяніемъ вина и съ горячей отцовской лаской заключилъ ее въ объятія, ея горькія мысли растаяли подъ тепломъ этой ласки, и осталось только безконечное состраданіе, котораго она не умѣла выразить словами.

Но заговорить съ отцомъ о своемъ собственномъ горѣ— нѣтъ, никогда!

Предъ ней встала могучая фигура полковника Брандта. И вся душа ея исполнилась ликованіемъ. Теперь она была

Digitized by Google

несказанно счастлива, что не выдала своей мучительной тайны. Никому на свѣтѣ нѣтъ дѣла до этого. Это касается только ея и полковника; третьему тутъ не мѣсто. Теперь ужъ ей казалось чуть не измѣной, что она хотѣла говорить объ этомъ съ отцомъ. И чѣмъ крѣпче укоренялось въ ней это убѣжденіе, тѣмъ добрѣй и ласковѣй она была съ отцомъ, словно хотѣла вознаградить его за то, что она у него втайнѣ отняла.

Кто разгадаетъ тайну пестрой жизни?—думала Лотта.—Всегда выходитъ все иначе, чѣмъ думаешь и ожидаешь. Можетъ быть, это путешествіе все-таки принесло ей пользу. Ея участь представилась ей теперь въ другомъ свѣтѣ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ помочь другому. Въ годины скорби идешь заброшенными, одинокими путями и, если самъ не найдешь во тьмѣ пути, ведущаго къ цѣли, тебя продадутъ и предадутъ. Только собственной силой можно выбиться на дорогу, а если разсчитывать на чужую помощь, только хуже заблудишься.

Отецъ прервалъ ея тяжелое раздумье. Ему хотѣлось знать, зачѣмъ она пріѣхала. Она объяснила, что ей нужно сдѣлать нѣсколько важныхъ покупокъ и завтра же вернуться обратно. Отецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но Лотта спокойно и рѣшительно заявила ему, что иначе невозможно. Онъ вздохнулъ и покорился. — Не можетъ ли она завтра забѣжать къ нимъ хоть на минутку? Мальчики такъ обрадовались бы, да и мама...

Лотта не дала ему договорить.—Нѣтъ, нѣтъ, я не могу. И ты, папочка, не выдавай меня, никому не говори, что я пріѣзжала.

Онъ обѣщалъ и на прощанье ласкалъ ее, какъ ребенка. И опять она взволновалась и растрогалась до слезъ. Долго она смотрѣла вслѣдъ отцу, пока онъ согнувшись переходилъ Потсдамскую площадь, потомъ исчезъ и затерялся въ людской толпѣ.

Потомъ раздѣлась и легла. На душѣ у нея было ясно. Сломался еще одинъ мостикъ—послѣдній, связывавшій ее съ молодостью и родиной. И хотя грызущая боль попрежнему точила ея сердце, она знала теперь, что передъ нею лежитъ новый путь; но куда ведетъ этотъ путь—не знала. Она долго раздумывала о томъ, куда гонитъ судьба утлую ладью ея жизни, пока наконецъ усталость не взяла свое и она не погрузилась въ глубокій сонъ.

* * *

Они сидѣли у высокаго камина, въ которомъ весело трещали дрова, распространяя въ этотъ сырой октябрьскій

Digitized by Google

день пріятную теплоту въ библіотекѣ, между тѣмъ, какъ на дворѣ завывалъ вѣтеръ и дождь хлесталъ въ окна.

— Я такъ хорошо себѣ представляю, что творилось въ вашей головкѣ,—говорилъ полковникъ Брандтъ.—Вы совершенно серьезно думали, что стоитъ вамъ повернуть спину нашему городу, чтобы порвалась всякая связь между вами и мною.

— Этого я, конечно, никогда не думала.

— Какъ же вы могли уѣхать, не оставивъ мнѣ ни словечка, чтобъ я хоть могъ понять, въ чемъ дѣло? Вѣдь это было очень похоже на бѣгство.

— Вы правы: это и было бѣгство, но не отъ васъ, а отъ самой себя.

— Другъ мой, отъ себя не убѣжишь, а если и убѣжишь, то такъ изранишь себя, что все равно истечешь кровью.

— Возможно. Но какъ обманываютъ чувства! Два дня тому назадъ я была убѣждена, что мнѣ необходимо ѣхать и сейчасъ довольна, что выполнила свое намѣреніе. Но того, зачѣмъ я ѣхала, я сама не взяла.

Онъ смотрѣлъ на нее вопросительно.

— Я хотѣла поговорить съ моимъ отцомъ обо всей моей жизни и—не сказала ни слова. Папа сталъ мнѣ вдругъ такимъ чужимъ. Странно—неправда ли?—Она вдругъ разсмѣялась серебристымъ смѣхомъ.—Ахъ, мнѣ вспомнилось такое смѣшное! Знаете, ребенкомъ я часто слышала, какъ мама и всѣ родные корили отца за его пребываніе въ Парижѣ, еще въ молодые годы, какъ будто онъ тамъ творилъ не вѣсть какія безумства. Папа ужъ до того притерпѣлся къ этимъ упрекамъ, что даже не реагировалъ на нихъ. Зато для меня онъ, благодаря имъ, былъ окруженъ ореоломъ какой-то сладкой тайны. Я только и мечтала, что о Парижѣ. Самое это слово звучало музыкой въ моихъ ушахъ. Я видѣла своего милаго папочку счастливымъ, сіяющимъ, въ обществѣ чудныхъ красавицъ, и онъ выросталъ въ моихъ глазахъ. Ибо онъ хоть разъ въ жизни владѣлъ золотою свободой и умѣлъ использовать ее, раньше чѣмъ самъ добровольно заперъ себя въ тюрьму. Вы знаете вѣдь, что отецъ былъ очень несчастливъ въ своей семейной жизни. Оттого онъ и состарѣлся такъ рано. А теперь мнѣ смѣшно даже вспомнить объ этой глупой болтовнѣ. Теперь, когда я опять увидала папу, я начинаю думать, что всѣ были жестоко несправедливы къ нему. И внутренно мнѣ жаль. Моя мечта была такъ прекрасна. Папа, конечно, велъ себя въ Парижѣ, какъ подобаетъ доброму буржуа...

— Ну, за это нельзя ручаться. Зачѣмъ же разрушать

Digitized by Google

прекрасную мечту? Вы говорите, что вашъ отецъ былъ несчастливъ въ семейной жизни. Очень возможно, что въ юности онъ былъ и смѣлъ, и дерзокъ, и ваше прежнее фантастическое представленіе о немъ гораздо больше соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ этотъ новый взглядъ.

Лотта грустно покачала головой.—А я все-таки сомнѣваюсь. Человѣкъ можетъ быть только тѣмъ, что онъ есть. Изъ собственной кожи не выпрыгнешь. Еслибъ отецъ былъ сильнымъ человѣкомъ, онъ не далъ бы такъ сломать себя; онъ вырвался бы, ушелъ.

— Вашъ послѣдній выводъ кажется мнѣ не совсѣмъ вѣрнымъ. Я вполнѣ согласенъ съ вами, что сильный человѣкъ не погибнетъ и отъ неудачнаго супружества, что трудъ его жизни не дастъ ему окончательно опуститься. Но вотъ уйти то далеко не такъ просто, какъ вы себѣ представляете. Я отъ души жалалъ бы, чтобъ вы были правы. Конечно, это единственный достойный и честный исходъ. Когда двое людей не подходятъ къ другу, казалось бы, имъ легче рѣшиться на разлуку, чѣмъ влачить эту жалкую совмѣстную жизнь, унизительную и принижающую. Но такой силой обладаютъ только очень сильные люди, которые уже выработали себѣ новую совѣсть, или совсѣмъ утратили ее. Прочіе же, еще больные старой совѣстью, отступаютъ передъ окончательнымъ выводомъ. Жалость къ другому выѣдаетъ мозгъ изъ костей, связываетъ по рукаръ и ногамъ. Я это по опыту знаю. Оттого то бракъ такъ и гадокъ, что онъ искажаетъ смыслъ любви. Обнимать и творить надо въ радости сердечной, а не... Боже мой, да объ этомъ тошно даже говорить!—Онъ поднялся и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, потомъ подошелъ къ письменному столу, открылъ ящикъ и съ минуту шарилъ между старыми, пожелтѣвшими бумагами.

Въ комнатѣ было совершенно тихо. Шарлотта грѣла руки у огня: ее знобило.

Полковникъ Брандтъ вернулся къ ней, держа въ рукѣ маленькій медальонъ.

— Вы знаете, кто это?—Лицо его было серьезно и спокойно. Она молча кивнула головой.

— Эта женщина такъ измучила меня своей ревностью, какъ только можно измучить человѣка. Во мнѣ понемногу накипѣла такая ненависть, такое недовѣріе къ ней, что я самъ пугался своихъ злобныхъ мыслей. И это я противъ своей воли убилъ эту женщину.

— Нѣтъ! О нѣтъ!—вскричала она, пряча лицо въ блѣдныхъ ладоняхъ.

— Не прячьтесь. Посмотрите на меня.

Digitized by Google

Руки ея опустились. Лицо было искажено мучительной скорбью.

— По натурѣ, — продолжалъ онъ, — я жизнерадостный человѣкъ, который больше всего на свѣтѣ дорожитъ своей личной свободой. Я всегда возставалъ противъ всякаго принужденія, т. е. противъ всего, что идетъ въ разрѣзъ съ моей натурой. А жить мнѣ пришлось съ женщиной, которая съ невѣроятнымъ упорствомъ боролась противъ моего стремленія къ свободѣ и предъявляла ко мнѣ притязанія, которыхъ я не могъ удовлетворить. Эту женщину грызло болѣзненное, ни на чемъ неоснованное недовѣріе ко мнѣ. Не стану мучить васъ разсказами о моей семейной жизни; скажу только одно: для меня было совершенно ясно, что намъ нужно разойтись. Никогда не забуду ея насмѣшливой улыбки, когда я заговорилъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, она казалась мнѣ насмѣшливой, хотя и подъ этой улыбкой, можетъ быть, крылась адская мука.—„Пока я жива, ты не получишь развода",—всякій разъ отвѣчала она. И я корчился на цѣпи, какъ собака, въ безсильной злобѣ скрипящая зубами. Что за ужасныя сцены бывали между нами! Я зарылся съ головой въ работу, все свободное время занимался математикой и физикой, чтобы хоть какъ-нибудь забыться. Но сцены ревности повторялись все чаще, принимали все болѣе страстный характеръ. Жена моя заговорила новымъ тономъ. Она грозила наложить на себя руки, если я не измѣнюсь. Но меня это ни мало не трогало. „Это борьба,—думалъ я,—которую нужно довести до конца. Если ты дашь себя запугать, дѣло твое проиграно навсегда". Мое спокойствіе еще больше ожесточало ее. — „Еще одно слово — и я выброшусь изъ окна!"—крикнула она мнѣ однажды.—„Какъ тебѣ угодно!"—отвѣтилъ я совершенно спокойно. Она распахнула окно и высунулась, готовая броситься. Я схватилъ ее за плечи и удержалъ. Она разрыдалась и долго не могла успокоиться. Ея слезы такъ растрогали меня, что и во мнѣ проснулись всѣ добрыя чувства, и я ласково уговаривалъ ее пока она не успокоилась. Единственныя слова ея послѣ этого были: „Такъ люби же меня". Но и къ такимъ угрозамъ я съ теченіемъ времени сталъ равнодушенъ, такъ какъ слышалъ ихъ слишкомъ часто и уже началъ видѣть въ нихъ новый методически выработанный способъ держать меня въ своей власти. А потомъ и вовсе пересталъ бояться, что она приведетъ въ исполненіе свою угрозу, послѣ того, какъ поговорилъ съ врачомъ по нервнымъ болѣзнямъ—не съ нашимъ докторомъ Калемъ. „Истерія и ничего больше",—объявилъ онъ и съ увѣренностью,—которой я и по сейчасъ завидую, прибавилъ: — „Женщины этого типа никогда не выбрасы-

Digitized by Google

ваются изъ оконъ. Онѣ сотни разъ грозятъ это сдѣлать и сами не вѣрятъ своимъ словамъ. Можете быть совершенно спокойны, господинъ полковникъ". И я повѣрилъ. Вѣдь кому же и знать, какъ не врачу. Грозить, грозить, пока не укротишь врага, не возьмешь его изморомъ. Нѣтъ, ужъ этого не будетъ! противъ этого возставало все мое существо. И когда мы опять сцѣпились, и я снова услыхалъ эту угрозу, меня обуялъ такой безумный гнѣвъ, что я забылъ всякую осторожность". „Дѣлай, что хочешь",—крикнулъ я, оттолкнулъ ее отъ себя, такъ что она упала, и выбѣжалъ изъ комнаты, не обернувшись.

Это былъ конецъ—страшный конецъ. Часъ спустя меня вызвали изъ канцеляріи генеральнаго штаба. Все уже было кончено. Она выполнила свою угрозу—врачъ по нервнымъ болѣзнямъ ошибся. А теперь—жалкій итогъ всей моей жизни, къ которому я волей-неволей долженъ былъ прійти. Онъ сдѣлалъ маленькую паузу.—„Факты убѣдили меня въ томъ, что и правый можетъ оказаться не правымъ. До этой катастрофы я несомнѣнно былъ правъ, а между тѣмъ, въ глазахъ свѣта я былъ единственнымъ виновникомъ ея смерти—что гораздо важнѣе—я не былъ невиненъ въ собственныхъ глазахъ. Я безжалостно, безпощадно перешагнулъ черезъ другого человѣка. У этого человѣка было великое оправданіе—его любовь, ради которой онъ пошелъ на смерть. А у тебя? Гдѣ твоя жалость, гдѣ состраданіе? Разсудокъ возражалъ, что этому человѣку не помогло бы никакое состраданіе и погибъ онъ потому, что у него была больная душа; но это не помогало: чувство возмущалось противъ разсудка. „Ты виноватъ. Ты самъ послалъ ее на смерть!"—звучало у меня въ ушахъ. Много времени прошло, прежде чѣмъ кончилось это безуміе, и я снова сталъ мыслить логически-ясно. Труднѣй всего добиться, чтобы твое сознаніе стало яснымъ и твердымъ, какъ алмазъ. Я добился этого; я сказалъ себѣ: ея смерть—твоя жизнь. И когда я дошелъ до этого, я успокоился. И все трусливое, сентиментальное во мнѣ умолкло. Что же такое была эта любовь, какъ не безумная жажда обладанія, не борьба за мнимую собственность? И такъ какъ судьба была ко мнѣ милостива, она столкнула меня въ то время именно съ такой женщиной, какая была мнѣ нужна. Ея искренности и простотѣ сердечной я обязанъ тѣмъ, что вновь обрѣлъ душевный покой... Ну вотъ, теперь вы все знаете. Вы—первый человѣкъ, съ которымъ я заговорилъ объ этомъ, и, насколько я себя знаю, и послѣдній.

Онъ вернулся къ своему письменному столу. Лотта упорно смотрѣла въ огонь, напрягая всѣ усилія, чтобы

Digitized by Google

громко не зарыдать. Онъ сидѣлъ, отвернувшись отъ нея, такъ что ей была видна только его спина.

Ей страшно хотѣлось подойти къ нему на цыпочкахъ, безшумно, чтобъ не спугнуть его звукомъ шаговъ; но она продолжала сидѣть, словно прикованная, и ей казалось, что глаза его смотрятъ въ глубь ея души, читая ея самыя сокровенныя мысли. Ей хотѣлось крикнуть вздохнуть полной грудью, но перетянутое горло не пропускало звуковъ. Слава Богу! онъ оборачивается, подходитъ къ ней. У нея точно гора свалилась съ плечъ. Тяжело дыша, дрожа всѣмъ тѣломъ, она прильнула къ нему, держась за его руку, какъ за якорь спасенія. Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ только одно слово: „Лотта".

И она улыбнулась сквозь слезы.

На другой день обѣ Крулль-тетки въ открытой коляскѣ заѣхали за Лоттой, чтобъ отправиться вмѣстѣ съ ней на Вильгельмсгее. Обѣ наперерывъ ухаживали за Лоттой. Тетя Юлія подкладывала ей подушку подъ ноги, тетя Фрида укутывала ей ноги теплымъ пледомъ.

— Да мнѣ совсѣмъ не холодно, — смѣясь, протестовала Лотта, но тетки замахали на нее руками, увѣряя, что осторожность никогда не мѣшаетъ.

Погода была прохладная, ясная, октябрьское небо безоблачно синее; вся пыль на дорогѣ прибита вчерашнимъ дождемъ.

Лотта блаженствовала, вдыхая полной грудью чистый воздухъ. Ей хотѣлось отбросить отъ себя и пледъ, и подушку, но она не рѣшалась этого сдѣлать, чтобъ не обидѣть тетокъ, и покорилась своей участи. Да и не все ли равно, холодъ или жара? Она была взволнована ожиданіемъ увидѣть маленькую дочку полковника Брандта и женщину, внушавшую ей глубокое уваженіе.

Крулль-тетки молчали, и она вся ушла въ свои мысли.

Полковникъ назвалъ свое теперешнее самосознаніе твердымъ, какъ алмазъ. Ей страшно нравилось это слово: оно такъ шло къ Брандту; и въ своей твердости оно сіяло и сверкало. Она вспомнила другія его слова—о безумной жаждѣ обладанія, вспомнила Вильгельма, и ей стало жутко. Въ сущности, вѣдь и ея замужество было похоже на семейную жизнь полковника, съ той разницей, что доброта и самоотверженность Вильгельма были внѣ всякаго сомнѣнія.

Вправду ли Вильгельмъ такъ ужъ самоотверженъ? Сердце, что ты мучишь меня! Да вѣдь и онъ такой же собственникъ. Вѣдь это же постыдно-несказанно, что одинъ человѣкъ можетъ сказать другому: „Ты принадлежишь мнѣ", между тѣмъ, какъ все существо у этого другого возму-

Digitized by Google

щается и кричитъ: „Нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ!“ Какая жалкая трусость терпѣть это! Кровь — душа. И значитъ, грѣхъ противъ крови — грѣхъ противъ духа. Развѣ было бы обманомъ по отношенію къ Вильгельму, еслибъ она пришла къ полковнику Брандту и по чистой совѣсти сказала ему: „Возьми меня, я твоя!“ Вѣдь сердце ея бьется для полковника, значитъ, она принадлежитъ ему, а не Вильгельму. Познать самого себя—въ этомъ все, и кто не слушается внутренняго голоса, тотъ пройдетъ мимо жизни. Такъ говоритъ полковникъ. И она съ тревогой спрашивала себя, дѣйствительно ли она внутренно переработала и усвоила себѣ вполнѣ его мысли. Передъ нею встало морщинистое лицо окружнаго врача. Она гордо закинула голову.—Господинъ докторъ, на меня можно положиться. Моя любовь достаточно сильна. Вы будете довольны мной...

— Вотъ и Вильгельмсгее,—сказала тетка Юлія.

Шарлотта увидѣла передъ собою лугъ и за нимъ просторную, красивую крестьянскую усадьбу. Солнце играло на красныхъ черепицахъ крыши и на зелени луга. Коляска обогнула его. Еще раньше, чѣмъ она остановилась передъ домомъ, на крыльцо выскочила босая, загорѣлая, тоненькая дѣвочка и во все село закивала головкой теткамъ.

Серьезныя лица тетокъ сразу прояснились, и онѣ замахали ей носовыми платками. Лотта широко раскрыла глаза. Сердце ея смѣялось. Ей хотѣлось выскочить изъ коляски и схватить въ объятія эту маленькую дѣвочку, у которой были черные волосы и свѣтлые глаза полковника. Наконецъ, экипажъ остановился. Расцѣловавшись съ тетками, дѣвочка подошла къ Лоттѣ, пытливо посмотрѣла на нее и протянула руку.

Лотта спокойно выдержала ея взглядъ. — Ты права,— взволнованно подумала она,—что хочешь испытать меня, прежде чѣмъ подружиться со мной.—И она удержала въ своихъ рукахъ маленькую, загорѣлую ручку.

— Какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Гильдой.

— Какое красивое имя! Оно мнѣ страшно нравится.

— А тебя какъ зовутъ?

— Лоттой.

— Мнѣ тоже нравится. А ты знаешь, какъ мою маму зовутъ?

— Нѣтъ, моя милочка.

— Анной. А папу—Ульрихомъ, Ульрихомъ Брандтомъ. Правда, какъ хорошо звучитъ?

На порогѣ ихъ встрѣтила сама хозяйка, высокая, стройная, черноволосая, какъ и ея дочка, но съ глубокими, тем-

Digitized by Google

ными глазами. Фигура ея уже успѣла раздаться, крупныя руки загрубѣли отъ работы. Она поглядѣла на Лотту такъ же испытующе, какъ Гильда, потомъ сказала серьезно и привѣтливо: „Добро пожаловать въ мой домъ“.

Крулль-тетки поздоровались съ нею ласково и съ уваженіемъ, но не роняя своего достоинства. Христіанъ вынесъ изъ коляски большой пакетъ и сталъ, не торопясь, развязывать его. Гильда танцовала вокругъ него отъ нетерпѣнія. Лотта оглядѣлась вокругъ. Это было настоящее крестьянское жилище, съ окромной печью въ стилѣ эпохи Маріи-Терезіи, обведенное узкой скамьей. На стѣнахъ были развѣшаны пестрыя старинныя тарелки съ цвѣтами и изреченіями, пережившія нѣсколько поколѣній. Въ углу—высокій шкафъ за стекломъ, въ которомъ висѣло съ полдюжины ружей.

Гильда захлопала въ ладоши. О, какіе чудные подарки! Платьица, чулочки, башмачки, а главное, съ иголочки новая кукла, одѣтая, какъ барыня, и двигающая всѣми членами. Отъ восторга она цѣловала руки теткамъ.

— Кукла эта отъ отца,—сказала тетя Фрида,—платье шила тетя Юлія, а чулочки я вязала.—Она посмотрѣла на голыя ножки дѣвочки и озабоченно покачала головой—Простудится она у васъ когда-нибудь, вотъ тогда и радуйтесь.

— Она крестьянское дитя,—коротко возразила хозяйка. И разговоръ на эту тему больше не возобновлялся.

Позади дома стояла столѣтняя липа, уже разукрашенная всѣми цвѣтами осени. Подъ нею сервировали завтракъ: ветчину, яйца, молоко. Все показалось страшно вкуснымъ. Лотта сидѣла рядомъ съ Гильдой, и не могла наглядѣться на дѣвочку, которая, несмотря на свои босыя ножки и непринужденныя манеры, казалась маленькой принцессой. И тетки казались ей такими близкими, родными, какъ баловницы-бабушки, переживающія вторую молодость въ любви къ дѣтямъ.

Крулль-тетки называли хозяйку дома по имени, но не на ты. Она сидѣла на верхнемъ концѣ стола, и Лотта все время дивилась на нее. Ей могло быть подъ сорокъ лѣтъ; въ лицѣ глубокая серьезность и та загадочная увѣренность въ себѣ, которая пріобрѣтается только въ жизненныхъ битвахъ. Лотта видѣла и болѣе красивыя лица, но въ величавой простотѣ этого лица было что-то внушавшее почтеніе: жизнь отмѣтила его своей печатью. Порой глаза ихъ встрѣчались, и у Лотты радостно билось сердце: она чувствовала, что эта женщина относится къ ней не враждебно. Что это былъ за чудный день!..

Крулль-тетки вернулись съ Гильдой въ домъ. Фрау Анна

Digitized by Google

повела Шарлотту показывать свое хозяйство: опрятные сараи, блестящіе плуги и косы, крупныхъ коровъ, лоснящихся отъ жиру свиней. Потомъ онѣ вышли на поле, примыкавшее къ двору.—Это все ваше хозяйство?—спросила Лотта.

Фрау Анна кивнула головой.—Мое хозяйство идеть недурно, я не жалуюсь, какъ всѣ мои сосѣди. Хотя и то сказать—въ былое время земледѣльцу жилось не въ примѣръ лучше. Да и намъ не поправить бы хозяйства, еслибъ Брандтъ мнѣ не помогъ.

Она въ первый разъ назвала его по имени. Лотта вопросительно посмотрѣла на нее, но не сказала ни одного слова.

— Мы, крестьяне,—продолжала фрау Анна,—отъ природы тяжелы на подъемъ и неохотно беремся за новшества. Въ большихъ хозяйствахъ, конечно, это нѣсколько иначе, но мнѣ только Брандтъ открылъ глаза и показалъ, какъ нужно поставить дѣло. Сосѣди рты разинули, когда ко мнѣ на дворъ привезли новые плуги. Мои собственные батраки возстали противъ меня. Ну, да ужъ я настояла на своемъ.—По серьезному лицу ея скользнула застѣнчивая улыбка.—Да, я очень обязана полковнику Брандту.

Къ нимъ подошелъ работникъ, почтительно держа шапку въ рукѣ, и что-то сказалъ фрау Аннѣ. Лотта отошла въ сторону.—Прошу извинить, меня требуютъ по хозяйству.—Фрау Анна исчезла вмѣстѣ съ батракомъ. Но изъ дома уже бѣжала къ Шарлоттѣ маленькая Гильда.—Куда ты дѣлась?—спрашивала она, довѣрчиво беря за руку гостью.—Я соскучилась по тебѣ.

Лотта нагнулась къ ней.—Поцѣлуй меня!—Дѣвочка обвилась вокругъ нея руками, тоненькими, какъ весеннія вѣточки.—Ты... Я очень люблю тебя!

— И я тебя тоже,—радостно отвѣтила Лотта.

— Я тебѣ покажу свою гимнастику. Хочешь?

— Конечно, милочка.

На небольшой лужайкѣ возлѣ дома были устроены качели, столбы для лазанья, трапеція, кольца.

— Ишь, какъ у тебя тутъ хорошо! Мнѣ даже завидно.

— Это все папа мнѣ такъ устроилъ. Мой папа такой добрый.

— Ты очень его любишь?

— Почему ты спрашиваешь?—дѣвочка широко раскрыла ясные глазки.—Разумѣется, очень. Развѣ ты знаешь моего папу?

— О, да.

— И ты его не любишь?

Лотта вспыхнула до корней волосъ.

Digitized by Google

— Отвѣчай же. Ты, значитъ, не любишь моего папу?— Это звучало почти угрозой.

— О, нѣтъ, моя милая, милая дѣвочка, я очень люблю твоего папу!

— Мама говоритъ... — Гильда вдругъ запнулась, какъ будто чуть не выдала тайны.—Пойдемъ, покачаемся.

Качели высоко взносились на воздухъ. Гильда визжала отъ восторга.

— Гильда!—позвала изъ дому тетя Фрида, и сейчасъ же вслѣдъ за ней, потоньше, тетя Юлія:—Гильда!

— О, Боже, какъ это глупо!—тѣмъ не менѣе дѣвочка вскочила съ качели и откликнулась:—Сейчасъ идемъ! Что, теткамъ уже есть по сотнѣ лѣтъ?—спросила она по дорогѣ.

Лотта отъ души расхохоталась.—Почему именно по сотнѣ?

— Да просто такъ. Онѣ, должно быть, ужъ очень старыя.

— До ста лѣтъ, слава Богу, рѣдко кто доживаетъ.

— Отецъ проживетъ дольше и мама тоже.

— Ты навѣрное это знаешь?

— Да, знаю.—Это было сказано такъ рѣшительно, что Лотта не рѣшилась возражать.

Въ комнатахъ ихъ ждалъ сюрпризъ. Въ дверяхъ стояла тетя Юлія.—Ну-ка, угадай, кто еще пріѣхалъ, — крикнула она на встрѣчу Гильдѣ.

— Отецъ!—вскричала Гильда и ринулась въ комнату, но попала прямо въ объятія доктора Каля.

— Дядя, милый!—Это звучало не такъ радостно, какъ привыкъ слышать докторъ.

— Я думала, это папа,—сказала Гильда, какъ бы извиняясь.

Докторъ высоко поднялъ ее на рукахъ, потомъ бережно опустила на землю.

— Придется тебѣ удовольствоваться мной, малютка. Но что съ тобой, дитя? Что съ тобой, моя любимица?

— Ничего, дядечка, право, ничего! — увѣряла дѣвочка, отворачивая заплаканное личико.

— А ну-ка, угадай, что у меня въ этомъ карманѣ.— Докторъ похлопалъ себя по правой сторонѣ груди. Она вытерла глазки ладонью и въ углахъ ея рта опять заиграла довольная улыбка.

— А, милая барынька, вы какъ разъ во-время!—Онъ слегка кивнулъ головой Шалоттѣ.—Ну, такъ что же у меня въ карманѣ?

— Жареный миндаль?

— Вотъ и не угадала.

— Шоколадные бобы?

— Опять не то.

Digitized by Google

— Ну, дядечка, милый, говори скорѣй. Я уже не могу больше выдержать.

— Угадывай еще. Всегда до трехъ разъ.

— Теперь знаю: нюрнбергскій пряникъ.

— Ишь, какая ты сластена! Пряникъ и бобы, и жареный миндаль въ другомъ карманѣ.—И изъ лѣваго кармана, казавшагося бездоннымъ, онъ вытащилъ внушительныхъ размѣровъ свертокъ. Гильда схватила его и заплясала съ нимъ по комнатѣ.

— Стой!..—басомъ скомандовалъ ей докторъ Каль.

Она остановилась въ ожиданіи.

— Ты что же думаешь, малютка, изъ праваго кармана вылѣзетъ такое же чудовище? Анъ вотъ и нѣтъ.—Докторъ досталъ изъ кармана жилета маленькій ящичекъ и вложилъ въ руку дѣвочки.

— Что это, дядя?—Она осторожно открыла крышку.—Это мнѣ? Правда, мнѣ? Ой, какая прелесть!—Она поцѣловала его руку и надѣла золотую цѣпочку на тоненькую шейку.—Лотта, погляди-ка!—Она сдѣлала почти надменное лицо и горделиво встала въ позу.

— Теперь ты настоящая маленькая принцесса. Только не будь очень ужъ высокомѣрна съ нами, бѣдными.

— Нѣтъ,—сказала Гильда, кладя въ ротикъ жареный миндаль.—Я не такая. Кого я люблю, такъ ужъ люблю.

— Браво!—вскричалъ докторъ.—Вотъ это я называю характеромъ.

— Что это значитъ? Я не понимаю. А ты поняла?—обратилась она къ Лоттѣ.

Та привлекла ее къ себѣ.—Тебѣ этого вовсе и не нужно понимать, моя милочка. Поцѣлуй меня лучше. Это гораздо пріятнѣе.

— Погоди минутку. Я только сбѣгаю къ мамѣ показаться ей.—И, не дожидаясь отвѣта, она порхнула въ дверь.

— Что за милая, прелестная дѣвочка! — молвила Шарлотта.

— Я думаю!—сказалъ докторъ съ такою гордостью, словно это была его собственная дочка.—Жаль только, что ее скоро лишатъ вольной-волюшки и запрутъ въ клѣтку.

— Зачѣмъ же это?

— Да вѣдь надо же ее учить-то. Хотя мнѣ она такъ во сто разъ лучше нравится.

— Такъ ее увезутъ отсюда?

— Какъ же иначе?

— А мать что на это говоритъ?

— Вы ее видѣли, милая барынька?

— Видѣла.

Digitized by Google

— Ну, такъ тогда нечего и спрашивать. Довольно разъ увидать ее, чтобъ узнать.

— Вы правы, докторъ.—Она протянула ему руку, глубоко взволнованная. — Можно васъ попросить объ одной вещи?

— Всѣмъ, что только отъ меня зависитъ, готовъ служить вамъ, милая барынька.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать о ней побольше.

Докторъ откашлялся.—Разсказъ будетъ не дологъ. Жила она здѣсь на этомъ же хуторѣ и, что называется, засидѣлась въ дѣвкахъ. Родители умерли, когда ей еще не было девятнадцати. Отъ жениховъ, конечно, отбою не было, потому хозяйство большое и усадьба одна изъ лучшихъ въ этой мѣстности. Но она всѣмъ натянула носъ, сама взяла въ руки бразды правленія и держала ихъ крѣпко. Сосѣди уважали ее, даже немножко побаивались, потому видъ у нея строгій и она ни съ кѣмъ не фамильярничаетъ. Потомъ съ годами привыкли, и женихи отхлынули, видя, что это напрасная трата времени. А потомъ явился полковникъ. Ей было тогда, должно быть, лѣтъ двадцать восемь. Познакомились они очень просто. Онъ какъ-то, гуляя, зашелъ сюда отдохнуть и выпить стаканъ молока. Потомъ зашелъ въ другой и въ третій разъ, и въ результатѣ явилась наша милая малютка. Но самое замѣчательное во всей этой исторіи—то, что никто о нихъ не сплетничалъ. Сосѣди, очевидно, нашли, что эта женщина имѣетъ право быть счастливой по-своему и что это въ порядкѣ вещей.

— И она счастлива?—чуть слышно спросила Лотта.

— Настолько, насколько ей это позволяетъ ея натура.

— Что это значитъ, докторъ?

— Это значитъ, милая барынька, что фрау Анна никогда не закрывала глазъ на будущее. Она знала, что ея совмѣстная жизнь съ полковникомъ не можетъ быть продолжительной. И, когда она, послѣ рожденія ребенка, совершенно прекратилась, фрау Анна стиснула губы и никто не слыхалъ отъ нея жалобъ. Появились Крулль-тетки, но полковникъ исчезъ или сталъ пріѣзжать гораздо рѣже прежняго. Фрау Анна молчала и оставалась для него вѣрнымъ товарищемъ и другомъ. Когда Гильда подросла, онъ опять сталъ пріѣзжать чаще, и, какъ всѣ мы, души не чаетъ въ этомъ миломъ маленькомъ созданьицѣ. Вотъ вамъ вся фрау Анна—стойкая, сильная, мужественная.

Лотта слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ. Какъ ясно всталъ передъ нею образъ этой женщины! У нея вертѣлся на языкѣ еще вопросъ, но она не рѣшилась предложить его.

Digitized by Google

— Ну, долго мы здѣсь не останемся, по крайней мѣрѣ я—мнѣ надо въ городъ.

Они молча вышли. Передъ домомъ сидѣли тетки и благодушно смотрѣли на осеннее небо, начинавшее затягиваться облаками.

— А вы откуда узнали, докторъ, что мы ѣдемъ сюда?—спросила тетя Юлія.

— Ага, вы думали скрыть это отъ доктора? Кстати, милыя дамы, вы могли бы, кажется, увѣдомить меня. Такая скрытность мнѣ вовсе не по вкусу.

— Съ вами, вообще, надо быть осторожнымъ. Вы, докторъ, опасный человѣкъ,—шутила тетя Фрида.

— Въ какомъ смѣслѣ, уважаемая?

— Подумаешь, какая оскорбленная невинность! А самъ приноситъ лакомства и сладости, чтобъ вытѣснить насъ изъ сердца ребенка. Это по-вашему благородно?

Докторъ былъ нѣсколько сконфуженъ.—За что же тутъ сердиться? Старому холостяку, какъ я, волей-неволей приходится прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ.

— Ну, что касается старости, мы, кажется, можемъ съ вами поспорить,—вставила тетя Юлія.

— Согласенъ, но зато по части красоты я ужъ очень плохъ, а дѣти, сами знаете, очень цѣнятъ красоту.

Тетя Фрида слегка подтолкнула тетю Юлію.—А ты ужъ и уши развѣсила! Тебя хлѣбомъ не корми, только скажи комплиментъ. Ужъ косы сѣдыя, а все не можешь въ разумъ войти.—Она добродушно разсмѣялась надъ собственной шуткой, и Лотта ушамъ своимъ не вѣрила, слушая эту непринужденную болтовню обыкновенно скупыхъ на слова старушекъ.

Гильда издали махала ему рукой.—Давай бѣгать на перегонки!—Но старушки запротестовали, и она не спѣша подошла ближе.—Неужто вы, вправду, уже уѣзжаете?—спросила она грустно, и ея изящное личико омрачилось.

— Пора, мое сердечко.—Тетя Фрида ласково гладила ея ручонку, и старое, сморщенное лицо казалось мягкимъ и добрымъ.

— Дядя!—Гильда дѣлала доктору какіе-то таинственные знаки, отзывая его въ сторону.

— Что тебѣ, дѣтка?

— Дядя, я...—тоненькій голосокъ оборвался, но дѣвочка сдѣлала надъ собой усиліе и проглотила подступившія къ горлу слезы.—Поклонись отцу и скажи ему, что я ужасно по немъ скучаю и, когда ночью не могу уснуть, все молюсь, чтобъ папочка не разлюбилъ меня.

— Да, дитя мое, я въ точности передамъ ему.—Онъ

Digitized by Google

ласково положилъ свою большую руку на темную головку.

— Дядя!

— Говори, моя дѣвочка. Дядя все пойметъ.

— Почему отецъ такъ рѣдко пріѣзжаетъ?

— Ему нужно теперь подводить балансъ, а это беретъ страшно много времени и труда.

Въ душѣ онъ искренно радовался, Что сумѣлъ найти отговорку. Дѣвочка довѣрчиво спросила:—Что это значитъ? Я этого совсѣмъ не понимаю.

— Что значитъ составлять балансъ?

Она кивнула головой.

— Видишь ли, дѣтка, это очень сложная исторія, которую даже трудно объяснить такой маленькой дѣвочкѣ. Но все-таки я попробую. Это значитъ сосчитать всѣ деньги, какія есть у фабрики, высчитать, сколько денегъ фабрика принесла въ прошломъ году и сколько пришлось израсходовать. Поняла?

— Кажется. Развѣ это такъ долго, дядя?

— Да, моя дѣтка, потому что если хоть на одинъ пфеннигъ обсчитаешься, надо начинать сначала.

— И никто не помогаетъ папѣ?

— Нѣтъ, Гильда, никто.

Дѣвочка глубоко вздохнула.—Да, конечно, тогда это совсѣмъ другое.—И все-таки успокоенная, рука объ руку съ докторомъ пошла къ остальнымъ.

Подъѣхала коляска. Пора было въ обратный путь.

Лоттѣ показалось, что на прощанье фрау Анна задержала ея руку въ своей и глубоко заглянула ей въ глаза, словно хотѣла прочесть въ ея душѣ. Она стойко выдержала этотъ взглядъ, потомъ еще разъ поцѣловала Гильду и сѣла въ коляску.

Кучеръ весело щелкнулъ кнутомъ, и лошади тронули. А женщина съ ребенкомъ, стоя на крыльцѣ, махали имъ платками, и Лотта махала платкомъ въ отвѣтъ, пока и домъ, и дворъ, и человѣческія фигуры не скрылись изъ виду.

На обратномъ пути она все время молчала, погруженная въ свои грезы.

* * *

Они гуляли рука объ руку по городскому валу, гдѣ было такъ пусто и безлюдно. Сумерки спускались на землю; съ земли поднимался легкій туманъ, окутывая ихъ словно прозрачнымъ покрываломъ. Имъ жутко и сладко было въ этой тишинѣ. Они вдыхали запахъ земли. Порой сухіе листья шуршали у нихъ подъ ногами — они вздрагивали и прижимались другъ къ другу. При этомъ съ тѣлъ ихъ спадалъ

Digitized by Google

туманный покровъ, но деревья и кусты, одѣтые осенью въ красно-коричневый и золотой нарядъ, были словно покрыты темными платками. А потомъ деревья какъ будто шли къ нимъ на встрѣчу, такъ что сначала были видны только общія очертанія, потомъ отдѣльныя вѣтки, походившія на женскіе волосы. Таинственная игра природы то скрывала отъ глазъ ихъ ландшафтъ, то вновь развертывала его.

Шарлотта вздрогнула и прижалась къ Брандту.

Туманъ понемногу окуталъ все, такъ что они шли, не видя дороги, и слышали только біеніе собственныхъ сердецъ.

— Такова жизнь,—думалъ Брандтъ.— Идешь во тьмѣ, слышишь, какъ бьется твое сердце, и не знаешь, что ждетъ впереди.

Туманная завѣса вдругъ разорвалась; солнце, уже клонившееся къ закату, пробилось сквозь тучи, и залило жидкимъ золотомъ покраснѣвшую листву деревьевъ. Осень какъ будто напрягла послѣднія силы, противясь смерти, разлитой въ природѣ.

Обратно они шли ускореннымъ шагомъ, но, когда Лотта вздумала было повернуть домой, Брандтъ остановился посреди дороги, выпустилъ ея руку и сказалъ:—Я очень прошу васъ сегодня пообѣдать у меня.

— Хорошо.

Онъ опять взялъ ея руку. Она робко попыталась выдернуть ее.—Не здѣсь. Что скажутъ люди?

— Что намъ за дѣло до людей! Будемъ думать только о себѣ.

— Глядите-ка, — вскричала она, указывая на небо, на свѣтломъ дискѣ котораго облака образовали странныя фигуры. — Вонъ точно огромная группа деревьевъ, а за ней высокій человѣкъ въ развѣвающемся плащѣ, съ шлемомъ на головѣ и ребенкомъ за спиной.

— Да, я вижу.

— Какой у него страшный носъ и какой широкій подбородокъ!

Оба засмѣялись, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за игрой облаковъ, принимавшихъ жуткіе и странные образы: то сказочные звѣри съ огромными тѣлами и разверзстою пастью, то пляшущія вѣдьмы, сталкивающіяся спинами, скаля зубы въ страшныхъ гримасахъ, потомъ свора охотничьихъ собакъ, потомъ фигура Вотана съ развѣвающимися волосами. Каждое мгновеніе картины мѣнялись и облака принимали новыя формы не вдругъ, а постепенно, такъ что одна часть органически выростала изъ другой. А позади ихъ громоздились настоящія горы съ острыми зубцами и вершинами.

Они не могли оторвать глазъ отъ этой картины, пока

Digitized by Google

облака не распались, вытянувшись темной полосой на горизонтѣ.

— Такъ и все въ мірѣ—безумная игра, фантастическій призракъ, расплывающійся въ воздухѣ, когда хочешь схватить его, — сказалъ полковникъ Брандтъ. — Такъ и наши страхи. Мы позволяемъ имъ мучить и грызть себя, вмѣсто того, чтобъ крикнуть:—„Прочь призраки и мрачныя тѣни! Надо жить и быть сильнымъ!"

— Да, быть сильнымъ,—задумчиво повторила она.

Они медленно поднялись на крыльцо.

Столъ для ужина былъ накрытъ въ библіотекѣ передъ каминомъ. Христіанъ прислуживалъ молча; тетки не показывались.

Лотта налила полковнику краснаго вина и передала ему блюдо.

— У меня такое чувство, какъ будто я причащаюсь,—сказала она и странная улыбка скользнула по ея губамъ, а въ глазахъ появилось мечтательное выраженіе.

— А когда люди причащаются.

Она низко опустила голову.

— Въ серьезные часы жизни,—не правда ли? Для насъ насталъ такой часъ.

Онъ замѣтилъ, что она совсѣмъ иначе поняла его слова, и огорчился. Долгое время оба молчали, и кушанья стыли нетронутыми.

— О чемъ вы думаете?

Она подняла на него глаза съ несказанной любовью.

— Я думаю о Гильдѣ и ея матери. Мы еще совсѣмъ не говорили съ вами о моей поѣздкѣ туда, а мнѣ такъ хочется все вамъ сказать. Что это за прелестный, чуткій ребенокъ!

— Докторъ говорилъ мнѣ, что вы подружились съ моей дочуркой.

— Мало сказать: подружились,—мы съ перваго взгляда поняли другъ друга. Для меня она теперь моя любимая маленькая сестренка.

— Вѣдь по лѣтамъ она и могла бы быть вамъ младшей сестрой,—задумчиво молвилъ Брандтъ.

Она покачала головой.—У нея ваши глаза.—И словно, чтобы убѣдиться, глубоко заглянула въ глаза полковнику.—Ваши свѣтлые, прозрачные глаза, но волосы у нея черные, какъ у матери.—Она смолкла и вся вспыхнула до корней волосъ. Потомъ опять посмотрѣла на него.—Я въ первый разъ въ жизни вижу такую женщину.—Это звучало признаніемъ и вмѣстѣ вопросомъ.

Брандтъ понялъ этотъ вопросъ.—Эта женщина,—выгово-

Digitized by Google

рилъ онъ медленно, — вернула мнѣ вѣру въ себя. Я пришелъ къ ней, какъ нашъ Спаситель, — усталый, алчущій и жаждущій, — и она накормила и напоила меня, не дожидаясь просьбъ. Передъ нею я кругомъ должникъ, который всегда получалъ больше, чѣмъ, самъ давалъ. Она, такъ сказать, приняла мой долгъ на себя.

Выраженіе лица Лотты было разстроенное и смущенное: она не поняла его.

— Я хочу попытаться объяснить вамъ это. Мы познакомились съ нею мѣсяца два спустя послѣ того, какъ я занялъ это мѣсто. Мнѣ было хорошо съ ней, такой тихой и спокойной. Она была серьезна, не болтлива и не задавала никакихъ вопросовъ. Что она любитъ меня, я угадывалъ иногда только по блеску ея глазъ.—Онъ помолчалъ немного.—Эта женщина стала мнѣ вѣрнымъ, самоотверженнымъ другомъ, готовымъ отдать за меня послѣднюю каплю крови. Это я скоро понялъ и испыталъ на дѣлѣ Но я понялъ и собственное свое отношеніе къ ней, понялъ, что я питаю къ ней уваженіе и благодарность, ну, и, конечно, извѣстную привязанность, искреннюю и надежную, но не настолько сильную, чтобы на ней основать прочную совмѣстную жизнь. Я такъ глубоко уважалъ ее, что все это сказалъ ей просто, безъ пышныхъ фразъ. Она выслушала меня внимательно, ничуть не смутившись, и, къ великому моему удивленію, отвѣтила, что это она и сама почувствовала, какъ только ей стало яснымъ ея собственное отношеніе ко мнѣ. И тѣмъ не менѣе въ нашей встрѣчѣ она видитъ счастье, отъ котораго она не желаетъ отказываться, сколько бы оно ни продлилось. И мы съ ней, какъ честные люди, заключили договоръ, что мы будемъ вмѣстѣ, пока хватитъ доброй воли и охоты, а придетъ время—разойдемся, какъ честные люди, пожавъ на прощанье руку другъ другу. И разойдемся весело, безъ слезъ, чтобы сохранить другъ о другѣ свѣтлое воспоминаніе. И мы сдержали наше слово.

— А вы не думаете, что эта женщина очень, очень несчастна?

— Она произвела на васъ такое впечатлѣніе?

— О, нѣтъ.

— Сильная и стойкая, она сумѣла перенести разлуку. И потомъ, вѣдь у нея ребенокъ, на котораго она перенесла свою любовь. Меня больше всего поражаетъ въ этой женщинѣ удивительная сила духа. Она сразу вернула мнѣ свободу, хотя сама съ каждымъ днемъ все больше привыкала и привязывалась ко мнѣ, она скорѣе дала бы себя изрѣзать въ куски, чѣмъ предъявила на меня какія бы то ни было права. Она чужда стремленій собственницы и никогда

Digitized by Google

не разсчитывала, подобно многимъ хитрымъ женщинамъ, что ей въ концѣ концовъ все-таки удастся прикрѣпить меня на всю жизнь. И мы разошлись, какъ добрые товарищи, которые могутъ честно смотрѣть въ глаза одинъ другому и вмѣстѣ радоваться и на ребенка, который связываетъ насъ, несмотря на разлуку. — Онъ кончилъ и поднялъ свой стаканъ.—За здоровье Анны и ребенка! Чокнитесь со мной.

Она чокнулась и оба осушили свои стаканы.

Брандтъ налилъ себѣ еще вина и выпилъ его однимъ глоткомъ. — Какая тишина у насъ въ домѣ! Тетки спятъ, да и Христіанъ, должно быть, прикорнулъ. Только въ насъ не стихаетъ тревога. Давайте поговоримъ откровенно. Вы любите меня, Лотта?

— Да, Брандтъ, я люблю васъ.

— Я знаю это и вѣрю этому, какъ ни странно это звучитъ въ моихъ ушахъ. Какъ это сталось, что меня, стараго, полюбила такая красавица? Ну, да что ужъ тутъ. Я тоже васъ люблю, и вся кровь во мнѣ кипитъ, когда я произношу это слово, какъ будто я опять становлюсь молодымъ. Я ужъ не ставлю больше вопросовъ, не борюсь съ собой, не браню себя. Вы любите меня—въ этомъ мое оправданіе. Но въ такомъ случаѣ я долженъ дѣйствовать. У кого сѣдые волосы, тому ужъ времени терять нельзя. Я пойду къ нему, и мы поговоримъ съ нимъ глазъ на глазъ. Я беру у него лишь то, чѣмъ онъ никогда не владѣлъ, и, если онъ—мужчина, онъ будетъ знать, какъ ему поступить. Вы разрѣшите мнѣ?

Она вскочила и тяжело оперлась рукой на столъ, такъ что зазвенѣли тарелки и стаканы. Блѣдное лицо ея чуть-чуть порозовѣло, въ глазахъ была тоска и печаль безъ конца, и твердая рѣшимость.—Нѣтъ, полковникъ Брандтъ, вы не должны этого дѣлать и не сдѣлаете этого. Не смотрите на меня такъ: мнѣ гораздо больнѣй, чѣмъ вы думаете. Я не могу разрѣшить вамъ этого, не могу. И всѣ мои причины покажутся вамъ такими глупыми и мелкими, что лучше мнѣ не говорить о нихъ. Я не могу. Вы должны повѣрить мнѣ на слово. — Она задыхалась, ей не хватало воздуха.—Я люблю васъ, полковникъ Брандтъ.—Она схватила его руку и поцѣловала. Крупныя слезы катились изъ глазъ ея, а лицо было кроткое, какъ у ребенка.—Я люблю васъ, какъ только можетъ одинъ человѣкъ любить другого. И все-таки говорю: нѣтъ. И вы, полковникъ Брандтъ, должны дать мнѣ руку и больше ни о чемъ не спрашивать меня. Я требую этого отъ васъ.

— Лотта!—Это слово вырвалось у него съ такою мукой, которая передалась и ей. Но она нечеловѣческимъ уси-

Digitized by Google

ліемъ воли справилась съ собой.—Это мое послѣднее причастіе,—выговорила она чуть слышно, глядя ему прямо въ душу и застѣнчиво улыбаясь.—Ибо сегодня я вкусила тѣла и крови Господа моего. И губы ея безвучно прошептали: „Аминь".

Брандтъ молча отвернулся, прислонившись головой къ книжной полкѣ.

Крадучись, безшумно, она вышла изъ комнаты. Но прежде, чѣмъ совсѣмъ уйти, еще зашла въ садъ и долго стояла у пруда, обросшаго ивами. И странные звуки неслись къ ней изъ глубины.

Здѣсь бы подъ ивами проспать послѣднюю ночь, крѣпко уснуть и не просыпаться. Еслибъ можно было...

Вся жизнь ея прошла передъ ея глазами. И она нашла, что эта жизнь была прекрасна, потому что свела ихъ вмѣстѣ. И что все, противъ ея воли, вышло такъ, а не иначе, наполняло теперь ея душу чистой радостью. Передъ нею встало всегда озабоченное лицо матери, и Лотта ласково улыбнулась ей. Потомъ бабушка, вѣчно возбужденная, сѣдоусый дѣдъ съ благословляющей рукой, потомъ отецъ... Съ тяжкой болью въ сердцѣ она обвила руками отца и долго нѣжно ласкала его. И братья стояли тутъ же, не смѣя подойти, тронуться съ мѣста. А на заднемъ планѣ, укрывшись въ уголокъ, шептались тетя Ульрика съ Вильгельмомъ...

Ночной вѣтеръ пахнулъ на нее холодомъ и развѣялъ грезы.

Она пошла къ калиткѣ.

— Мнѣ нельзя умирать—я должна жить,—съ плачемъ выкрикнула она и кинулась бѣжать въ свой нелюбимый домъ.

Среди ночи Вильгельма разбудилъ стукъ въ дверь.—Кто тамъ?—вскричалъ онъ въ испугѣ и зажегъ свѣчу.

— Телеграмма, господинъ докторъ.

Онъ отперъ дверь. Почтальонъ вручилъ ему депешу.—Хорошо,—сказалъ онъ и взвѣсилъ телеграмму на рукѣ.

— Какая тяжелая, словно письмо,—подумалъ Вильгельмъ и вдругъ ему стало страшно. Онъ не рѣшался даже распечатать телеграммы, заранѣе убѣжденный, что въ ней дурныя вѣсти. Ужъ это навѣрное. И ему стало жутко, что такъ тихо вокругъ.

Дрожащими руками онъ осторожно сорвалъ синюю марку.

Внутри были три густо исписанныхъ листка. Голубыя буквы заплясали передъ его глазами.

Онъ читалъ, и ему казалось, что это какой-то ночной кошмаръ. И снова пытался читать.

У него было такое чувство, какъ будто на него напали сзади, повалили его на землю, и онъ не можетъ двинуться. И въ головѣ тупая пустота, безотрадное уныніе.

Digitized by Google

Депеша гласила: „Нѣкто, уважая и жалѣя васъ, сообщаетъ вамъ, что васъ безсовѣстно обманываютъ. Ваша жена со времени моего объѣзда имѣетъ преступную связь. Что я говорю правду, вамъ подтвердитъ хозяинъ „Золотого Вида", гдѣ ваша жена ночевала съ своимъ любовникомъ. Да, впрочемъ, и всѣ ваши знакомые знаютъ объ этомъ скандальномъ происшествіи. Спросите хотя бы своихъ сослуживцевъ, окружнаго врача и, прежде всего, если у васъ хватитъ духу, директора, въ качествѣ ближайшаго участника, можетъ дать вамъ наиболѣе свѣдѣній. Другъ".

Это какая-то гнусная шутка, издѣвательство надъ нимъ. Какъ могъ онъ хоть на мгновеніе...

— Но что же означаютъ эти имена: Дейссенъ, окружный врачъ, и, въ особенности, послѣднее... Теперь ему понятенъ смыслъ намека.—Онъ ударилъ себя кулакомъ по головѣ.

— Господи Боже! Возможно ли? Человѣкъ, котораго онъ больше всѣхъ уважалъ! Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ.

Выдумка, вздоръ, низкая клевета...

Неужели онъ такъ мало знаетъ Шарлотту, что способенъ хоть на минуту заподозрить ее. Она такая гордая и цѣломудренная, не допускающая въ свою душу ни одной нечистой мысли.

Онъ сталъ поспѣшно одѣваться, но посреди одѣванья вдругъ остановился и расплакался, какъ дитя. Потомъ перечиталъ послѣднее письмо Лотты, показавшееся ему тогда какимъ-то загадочнымъ. „Когда ты вернешься, мнѣ нужно будетъ многое сказать тебѣ... Мы не закроемъ глазъ"...

Что это значитъ?

Имъ овладѣлъ безумный гнѣвъ. Вѣдь это какіе-то гіероглифы. Что же это? Его насильно хотятъ свести съ ума? Неужели онъ это заслужилъ?

Отъ кого можетъ быть эта позорная депеша?.. Онъ отыскалъ путеводитель. Когда идетъ ближайшій поѣздъ?

А что, если это все-таки правда. Если онъ теперь—предметъ сожалѣнія для городскихъ кумушекъ и сальныхъ шутокъ за стаканомъ пива?..

Онъ не въ состояніи былъ думать объ этомъ.

Полковникъ Брандтъ за его спиной...

Онъ неестественно-громко захохоталъ.

Можетъ быть, его затѣмъ и услали, чтобъ очистить мѣсто, чтобъ безъ помѣхи...

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ пойманный звѣрь. Почему она вдругъ стала такъ узка, что негдѣ двигаться, и такъ душно, что нечѣмъ дышать?

Онъ распахнулъ окно, жадно вдыхая въ себя воздухъ

Digitized by Google

ночи. Но голова его попрежнему горѣла. И ночной вѣтеръ не охладилъ ея.

— Мнѣ надо взять себя въ руки, надо, чтобъ голова была ясна, иначе я не могу дѣйствовать. Прежде всего—уложить вещи и выѣхать. Затѣмъ, чего бы это ни стоило, быть хладнокровнымъ и не дѣлать ничего на спѣхъ, чтобъ не натворить непоправимыхъ бѣдъ.

Онъ глубоко вздохнулъ и еще разъ повторилъ себѣ эти правила поведенія, придуманныя его бѣднымъ мозгомъ. Потомъ началъ укладываться.

И вдругъ вспомнилъ, что онъ еще не знаетъ, когда идетъ поѣздъ. Ага, въ 7.30. А теперь, онъ вынулъ часы—десять минутъ пятаго. Значитъ, времени еще достаточно.

Взоръ его упалъ на большую рукопись, уже почти готовую и чисто переписанную, лежавшую на столѣ. На первой страницѣ ея было написано: „Эта книга принадлежитъ тебѣ. Я работалъ надъ нею въ часы тоски и боли сердечной. Если она чего-нибудь стоитъ, я радуюсь этому ради тебя. Д-ръ Вильгельмъ Мюллеръ". Онъ сердито швырнулъ рукопись на полъ, такъ что листки разлетѣлись во всѣ стороны. Бывали часы, когда онъ за этой работой забывалъ свои тревоги, когда чистая радость служенія наукѣ заглушала въ немъ личныя чувства, когда онъ сознавалъ, что изъ случайной работы выросло серьезное научное изслѣдованіе и его собственное развитіе значительно подвинулось впередъ.

Теперь все это казалось ему такимъ жалкимъ, мелкимъ и несущественнымъ. На что ему этотъ хламъ? Къ чорту науку! Плевать на нее!

Если правда то, что говорится въ телеграммѣ, ему нанесенъ такой ударъ въ сердце, отъ котораго онъ врядъ ли оправится. Богъ... Но гдѣ же былъ Богъ, когда... Нѣтъ, онъ не хочетъ грѣшить. Богъ былъ, есть и будетъ. Это не подорветъ его вѣры, только убьетъ радость жизни. Жизнь безъ нея... Онъ закрылъ руками лицо.

И самъ испугался своихъ жестокихъ мыслей о концѣ. И опять пробовалъ думать спокойно и логически. Надо прежде всего выяснить себѣ, съ чего начать. Ага, теперь онъ знаетъ. Прежде, чѣмъ предъявлять обвиненія, надо имѣть доказательства. У него полегчало на душѣ. Какой же разумный человѣкъ приметъ на вѣру ананимное письмо? И если измѣна не будетъ ясна, какъ Божій день, ни звука не сорвется съ его устъ, онъ постарается забыть этотъ безстыдный вздоръ.

Доказательства? На что мнѣ доказательства? Мнѣ не нужны доказательства, я не хочу ихъ. Все это гнусная ложь. За-

Digitized by Google

вязать глаза, заткнуть уши. Не видѣть, не слышать этихъ злыхъ нашептываній. Развѣ не бываетъ, что такъ называемыми неопровержимыми уликами и невиннаго сдѣлаютъ виновнымъ? Еслибъ платили по дукату за каждый несправедливый судебный приговоръ, на эти деньги можно бы выстроить дворцы.

— Что же, милый Вильгельмъ, оставайся здѣсь и переписывай начисто послѣднюю главу. Вѣра горами двигаетъ. Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ,—шепталъ ему насмѣшливый голосъ.

Онъ поблѣднѣлъ.—Неужто же я такой жалкій трусъ, что не посмѣю даже взглянуть правдѣ въ глаза?..

Совершенно разбитый, онъ кинулся на диванъ.

— Я шагъ за шагомъ провѣрю все, и если это правда, я знаю, что мнѣ дѣлать. Между мужчинами такія вещи рѣшаются кровью. О чемъ тебѣ жалѣть, разъ у тебя все равно нѣтъ своего гнѣзда? Если ты будешь убитъ, она не пропадетъ. Все, что у тебя есть, принадлежитъ ей.

Лицо его исказилось. Что ей въ этомъ? Она будетъ опять свободна. Это ей всего дороже, и, быть можетъ, она жаждетъ такого исхода.

Стыдись, Вильгельмъ.

Образъ Лотты всталъ передъ нимъ во всей своей трогательной прелести, и сердце его смягчилось. Нѣтъ, она неспособна на такую гадкую мысль: она чиста, какъ первый снѣгъ, лежащій нетронутымъ на горахъ.

А если онъ убьетъ полковника? Что тогда? Развѣ отъ этого оживетъ ея любовь къ нему, Вильгельму? Можетъ ли она воскреснуть? Да и жила ли она когда-нибудь?

Онъ вспомнилъ, какъ долго она не соглашалась выйти за него, какъ она дрожащимъ голосомъ предупреждала его, что она не любитъ... И онъ въ своей любви, въ своей безумной страсти остался глухъ къ этому голосу.

Нѣтъ, не надо больше думать. Еще день и еще ночь— и все рѣшится. И если болѣе опытная рука полковника поразитъ его, онъ по крайней мѣрѣ успокоится и перестанетъ мучиться.

Ему вспомнилась тетя Ульрика и стало безумно жаль ея. Бѣдная! Ей будетъ всѣхъ тяжелѣе. Думая о ней, онъ забылъ собственное горе, и такъ въ полуснѣ-полубдѣніи дождался утра.

Выйдя изъ вагона, Вильгельмъ весь какъ-то съежился и поднялъ воротникъ пальто. Онъ боялся встрѣтиться съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ и прочесть свою участь на его лицѣ.

И поѣхалъ онъ не домой, а въ „Золотой Видъ“, оставивъ багажъ на вокзалѣ.

Digitized by Google

— „Золотой Видъ",—прошепталъ онъ съ горечью. Это слово звучало въ его ушахъ злой насмѣшкой.

Онъ не спалъ ночь, но въ своемъ возбужденіи и тревогѣ не чувствовалъ усталости.

— Съ чего бы начать?—раздумывалъ онъ по пути.—Надо быть очень осторожнымъ, чтобъ не скомпрометтировать ея.

Экипажъ остановился.—Подождите меня,—сказалъ онъ кучеру.—И вошелъ въ кабачокъ, гдѣ не было ни души.

— Хозяинъ,—крикнулъ онъ и самъ испугался собственнаго голоса. Онъ тоже никогда здѣсь не былъ и, странно усмѣхаясь, озирался вокругъ, словно хотѣлъ запомнить мѣсто каждаго стола и стула. Ибо въ комнатѣ было мало мебели и вообще она ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенной трактирной залы.

— Такъ, значитъ,—здѣсь они были, здѣсь это началось.—Злая усмѣшка искривила углы его рта.

Тѣмъ временемъ пришла хозяйка и съ изумленіемъ вглядывалась въ незнакомаго гостя, манеры котораго показались ей странными. Видя, что онъ не замѣчаетъ ея, она кашлянула.

Вильгельмъ вздрогнулъ.—А, это вы. Я хотѣлъ бы... да, что, бишь, я хотѣлъ?—Онъ растерянно взглянулъ на дѣвушку.—У васъ есть возлюбленный?

Та хихикнула и утвердительно кивнула головой.

— И вы, по всей вѣроятности, тоже обманываете его.

Дѣвушка смущенно вскинула на него глаза и отступила назадъ. Нѣтъ, этотъ баринъ, должно быть, не въ своемъ умѣ.

— Ну, ладно. Дайте мнѣ позавтракать: чашку кофе и булку съ масломъ.

Дѣвушка пошла къ двери.

— Погодите минутку. Смотрите, чтобъ кофе былъ крѣпкій. Не скупитесь—я заплачу вдвойнѣ.

Онъ присѣлъ къ окну и безцѣльно уставился вдаль. День и ночь онъ ѣхалъ безостановочно и все это время думалъ, думалъ, и все-таки не пришелъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію.

Служанка принесла завтракъ.—Спросить развѣ ее?—Но у нея было такое глупое и наглое лицо, что удержался отъ вопроса.

Онъ глотнулъ горячаго кофе, почувствовалъ, какъ теплота разлилась въ его крови и немного успокоился. Дверь отворилась. На порогѣ стоялъ хозяинъ, привѣтствуя ранняго гостя.

— Вотъ ужъ и зима на носу,—завелъ хозяинъ разговоръ.—Совсѣмъ дѣловъ не стало.—Вильгельмъ пригласилъ его присѣсть.—А лѣтомъ дѣла были хорошія.

Digitized by Google

— Ничего. Пожаловаться грѣхъ.

— Что жъ? помѣщеніе у васъ хорошее: большое, просторное.

— Ну, этого нельзя сказать. Лишняя пара комнатъ не помѣшала бы. Моя старуха все уговариваетъ сдѣлать пристройку. Да дорого стоитъ.

Вильгельмъ насторожился. Ага, это какъ разъ то, что надо. — У васъ, вѣроятно, часто останавливаются посѣтители,—спросилъ онъ, какъ ему казалось, самымъ невиннымъ тономъ.

— Въ томъ-то и штука, что народу сюда заходитъ много. Иной и хотѣлъ бы переночевать, а мѣста нѣтъ и ничего для этого не приспособлено.

— Значитъ, ночевать у васъ нельзя?

— Есть одна комната съ одной постелью, да вѣдь это что же? Намъ надо пять-шесть комнатъ. Мало ли тутъ бываетъ парочекъ, которыя просятся на ночь? И на плату не скупятся, только пустите? Вѣдь у влюбленныхъ всегда есть деньги, а нашъ братъ не спроситъ брачнаго свидѣтельства. Да и молчать умѣетъ, ежели онъ человѣкъ понимающій. Развѣ не правда?

— Истинная правда, — счелъ нужнымъ подтвердить Вильгельмъ, но отъ этихъ словъ ему стало не по себѣ, и онъ безпокойно заерзалъ на стулѣ.

— Впрочемъ, я не закаиваюсь,—продолжалъ хозяинъ,— можетъ весной и начну, строиться.

Вильгельмъ дольше не могъ выдержать. — Говорятъ, тутъ у васъ былъ недавно пожилой господинъ съ молоденькой барынькой.

— И вы объ этомъ слыхали? Да, ужъ они тутъ побезумствовали. Я только потомъ узналъ, кто они такіе.

Вильгельмъ поблѣднѣлъ, но напрягши всю свою силу воли, овладѣлъ собой.

— Много, должно быть, было разговоровъ объ этомъ.

— Еще бы. Самъ директоръ собственной персоной. Вы поглядѣли бы, какъ онъ заплясалъ. Крестьяне думали, это самъ дьяволъ. На дворѣ гроза, молнія, громъ гремитъ, не переставая, а они себѣ знай танцуютъ, одни и безъ музыки. Индо жутко было смотрѣть.

Вильгельмъ не могъ пошевелиться и каждое слово впивалось въ него, какъ ударъ бича. — Дальше, — торопилъ онъ.—Разсказывайте дальше.

Хозяинъ съ удивленіемъ покосился на него.—Что-жъ тутъ разсказывать? Оказалось, это былъ не нечистый, а полковникъ Брандтъ.

— А женщина?

Digitized by Google

— Вы про ту молоденькую, что онъ привелъ съ собой? Я не знаю ея фамиліи. Должно быть, не здѣшняя.

— И потомъ они оба ночевали здѣсь?—Голосъ его дрогнулъ.

Хозяинъ насторожился.

— Д-да, ночевали.

У Вильгельма все поплыло передъ глазами.—Въ одной и той же комнатѣ?—выговорилъ онъ беззвучно.

— Ахъ, вотъ что.—Хозяинъ сразу сообразилъ, что тутъ есть какая то связь. — Нѣтъ, это не такъ, тотъ господинъ заказалъ двѣ комнаты.

Вильгельмъ схватилъ его за руку, совершенно утративъ самообладаніе.

— Слушайте, я долженъ знать правду.

— Это чистая правда. Онъ заказалъ двѣ комнаты—хоть присягнуть

— Зачѣмъ вы меня обманываете? — простоналъ Вильгельмъ. — Вѣдь вы сами сказали, что у васъ только одна комната для гостей.

— Извините, пожалуйста, въ комнатѣ рядомъ стоитъ диванъ, а въ комнатѣ направо — постель, можете сами въ этомъ убѣдиться.

— И полковникъ...

— Взялъ комнату съ диваномъ. Вотъ какъ оно было, а не такъ, какъ вы говорите.

— Голубчикъ,—взмолился Вильгельмъ,—я вамъ ничего не сдѣлаю. Не бойтесь. Я... я могу вамъ.. я только сейчасъ не въ состояніи... Вы должны разсказать мнѣ все подробно. Для меня это страшно важно... Поймите.

— Я понимаю. Да вѣдь разсказывать то больше нечего, хоть бы вы посулили мнѣ золотыя горы. Онъ заплатилъ за двѣ комнаты.

— Заплатилъ, заплатилъ,—въ отчаяніи вскричалъ Вильгельмъ.—Кой чортъ мнѣ въ томъ, что онъ заплатилъ? Мнѣ нужно знать, что здѣсь произошло.

Хозяинъ пожалъ плечами. — Очень сожалѣю, сударь, но на такой допросъ я отвѣчать не стану.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, изъ человѣколюбія, не отталкивайте.—Хозяинъ сдѣлалъ непроницаемое лицо.—Искренно сожалѣю, сударь, но вѣдь меня тамъ не было и у дверей я не подслушивалъ. Мнѣ вѣдь тоже нуженъ отдыхъ ночью, сударь.

Вильгельмъ безнадежно понурилъ голову. Хозяину стало жаль его. — Я вижу, что васъ это близко касается, но при самомъ искреннемъ желаніи ничего больше не могу сказать. Мы, правда, слышали съ женой, какъ эта женщина вдругъ

Digitized by Google

взвыла, точно песъ цѣпной, но потомъ, ей Богу же, все стало тихо. Полковникъ даже и не раздѣвался вовсе—какъ пришелъ, такъ и ушелъ. Грязи у него на сапогахъ было на палецъ толщиной; я еще ему, когда онъ выходилъ...

— Хорошо,—прервалъ его Вильгельмъ.—Благодарю васъ. Теперь дайте мнѣ, пожалуйста, счетъ.—Онъ поднялся.

Хозяинъ также всталъ, нѣсколько смущенный неожиданнымъ концомъ разговора.

Пришла служанка. Вильгельмъ сунулъ ей монету. Она хотѣла дать сдачи. Онъ махнулъ рукой: „Оставьте", и быстро вышелъ.

На улицѣ онъ посмотрѣлъ на часы. Половина восьмого. Надо еще поговорить съ Дейссеномъ. Дейссенъ не уходитъ на службу раньше половины одиннадцатаго, значитъ, онъ его еще застанетъ дома.—Гони во всю,—сказалъ онъ кучеру.

Тотъ хлестнулъ по лошадямъ, и экипажъ помчался.

— Этакій мерзавецъ,—думалъ Вильгельмъ о хозяинѣ.—Этакій мошенникъ... Все время водила меня за носъ... Завтра, можетъ быть, придется уже стрѣляться...

Сколько еще нужно сдѣлать за этотъ день! Кто будетъ его секундантомъ?.. Потомъ еще надо къ нотаріусу составить завѣщаніе, обезпечить ее на всякій случай... Онъ уже видѣлъ, какъ его несутъ домой на носилкахъ, блѣднаго, похолодѣвшаго, и тетя Ульрика пріѣхала со скорымъ поѣздомъ, а Лотта сидитъ въ углу съежившись, въ глубокомъ траурѣ, съ искаженнымъ лицомъ, застывшая, безучастная, словно мертвая.

Онъ совсѣмъ размякъ отъ этихъ мыслей; ему стало до слезъ жаль себя...

А, пріѣхали.

— Не трогайтесь съ мѣста. Вы еще понадобитесь мнѣ.

Онъ взбѣжалъ на лѣстницу, огромными прыжками захватывая по нѣсколько ступенекъ заразъ, и, задыхаясь позвонилъ. Дейссенъ самъ отворилъ, и Вильгельмъ замѣтилъ, какъ его сослуживецъ испугался при видѣ его. Теперь онъ былъ увѣренъ, что все правда.

— Да, это я,—сказалъ онъ, странно усмѣхнувшись,—возставшій изъ мертвыхъ.

Какъ ужасенъ этотъ сострадательный взглядъ! Онъ готовъ былъ убить Дейссена.

— Добро пожаловать, коллега. Входите же.

Вильгельмъ насторожился. Какой фальшивый тонъ. Нужно его огорошить такъ, чтобъ у него въ ушахъ зазвенѣло. Можетъ быть, и онъ былъ въ заговорѣ, когда его усылали, только прикидывался простачкомъ, комедію разыгрывалъ. Кто знаетъ? Теперь онъ ужъ никому не вѣритъ.

Digitized by Google

— Я удивленъ, — продолжалъ Дейссенъ.—Мы не ждали васъ такъ скоро.

Они вошли въ рабочій кабинетъ Дейссена.

— Я, можетъ быть, пріѣхалъ раньше, чѣмъ хотѣлось бы нѣкоторымъ, — замѣтилъ Вильгельмъ, и, какъ онъ ни сдерживалъ себя, волненіе прорвалось въ его словахъ.

Дейссенъ встревоженно смотрѣлъ на него.—Присядьте, по крайней мѣрѣ.

— Благодарю васъ, коллега. Я цѣлый день и цѣлую ночь сидѣлъ въ вагонѣ—успѣлъ отдохнуть. То, о чемъ намъ нужно поговорить, мы можемъ сказать и стоя.

— Право, я не понимаю васъ.

Вмѣсто отвѣта Дейссенъ вынулъ изъ кармана сюртука депешу и протянулъ ему.

— Пожалуйста, прочтите.

— Ага.—Онъ не могъ удержаться отъ язвительнаго смѣшка.—Какъ этотъ молодчикъ измѣнился въ лицѣ. Теперь ужъ не до комедій. Онъ не предполагалъ, конечно, что у Вильгельма въ рукахъ такія свѣдѣнія.

— Могу я попросить у васъ разъясненія?—Тонъ Вильгельма былъ холодно-оффиціальный. Скорѣй бы покончить всю эту музыку и на воздухъ.

— Эта телеграмма, — отвѣтилъ Дейссенъ, съ трудомъ выговаривая слова,—гнусность или вымыселъ душевно-больного. Я предполагаю послѣднее,—добавилъ онъ едва слышно.

Вильгельмъ оцѣпенѣлъ отъ изумленія.—Какъ вамъ могла придти въ голову такая странная мысль и какъ я долженъ понять вашъ отвѣтъ? Можетъ быть, вы просто щадите меня.—Онъ почти выкрикнулъ эти слова и глаза его сверкнули угрозой.

Дейссенъ тоже пріосанился.—Я прошу васъ, коллега, не говорить со мною этимъ тономъ. Этого я вамъ не позволю.—Онъ выговорилъ это спокойно и рѣшительно.

Вильгельмъ сразу ослабъ и почти упалъ на стулъ, тупо глядя въ пространство.

Дейссенъ чувствовалъ, какъ онъ страдаетъ и нарочно медлилъ отвѣтомъ, какъ бы стараясь разобраться во всей этой путаницѣ. Потомъ началъ добродушно и ласково:—Дорогой коллега, вѣдь этотъ жалкій доносъ ничего не доказываетъ, не можете же вы на основаніи его...

Вильгельмъ перебилъ его.—Знаете, откуда я сейчасъ?

Дейссенъ покачалъ головой.

— Изъ „Золотаго Вида“, гдѣ полковникъ...—Онъ не въ состояніи былъ продолжать, словно ему перехватило горло.

— Но, дорогой мой, что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь они были захвачены грозой—поневолѣ пришлось остаться въ гостиницѣ на ночь.

Digitized by Google

— Такъ вамъ это извѣстно?

— Дорогой коллега, мнѣ дѣйствительно не безызвѣстно, что директоръ за послѣднее время сблизился съ вашей супругой, и...

— Сблизился,—раздраженно перебилъ его Вильгельмъ.— И вы сообщаете мнѣ объ этомъ такъ спокойно.

— Будьте же разсудительны, коллега. Я думалъ, что ваша жена писала вамъ.

— Сблизился,—скрипя зубами, повторялъ Вильгельмъ. Онъ совершенно утратилъ власть надъ собой.

— Да что же вы цѣпляетесь за какое-то несчастное слово? Это прямо сумасшествіе.

— Да, вы правы, коллега. Это первое слово правды, сказанное вами сегодня. Я, дѣйствительно, близокъ къ сумасшествію. Гораздо ближе, чѣмъ вы думаете.

За дверьми послышались шаги. Дейссенъ насторожился.— Извините меня на минутку.—И поспѣшно вышелъ.

Вильгельмъ прислушался. За дверьми шелъ торопливый разговоръ, но словъ онъ не могъ разобрать.

Дейссенъ вернулся блѣдный, взволнованный.—Моя жена въ ужасномъ состояніи котораго я не могу вамъ описать... Но вернемся къ дѣлу... Я вамъ вотъ что еще хотѣлъ сказать. Не вѣрьте вы досужей болтовнѣ злыхъ людей, или такихъ, которые сами не знаютъ, что дѣлаютъ и неотвѣтственны за свои поступки, и не предпринимайте ничего на основаніи ея, чтобъ не сдѣлать себя и другихъ на всю жизнь несчастными. Прошу васъ, не какъ сослуживецъ, а какъ человѣкъ, который искренно васъ уважаетъ, подумать о моихъ словахъ.

Это было сказано такъ серьезно и вѣско, что по измученному лицу Вильгельма скользнулъ лучъ надежды.—Ничего бы я такъ страстно не желалъ, какъ вѣрить вамъ, коллега,—вырвалось у него. И онъ протянулъ руку Дейссену.

— Развѣ вы слыхали отъ меня хоть слово неправды?

— Нѣтъ, коллега. И потому меня особенно тревожитъ, что вы ни одной строчкой не предупредили меня. Это вамъ слѣдовало бы сдѣлать. Вѣдь если человѣкъ уѣхалъ въ служебную командировку, это же еще не значитъ, что онъ умеръ.

— Я не придавалъ этимъ сплетнямъ никакого значенія.

Съ минуту оба молчали. Въ сердцѣ Вильгельма надежда боролась съ сомнѣніемъ.—Да, пусть это рѣшитъ вопросъ,— прошепталъ онъ вдругъ. И съ торжественнымъ лицомъ подошелъ къ Дейссену. — Дайте мнѣ честное слово, коллега, что между полковникомъ и моей женой не было ничего предосудительнаго.

Digitized by Google

Тотъ широко раскрылъ глаза. — Что это значитъ?—И видя, какъ вздрогнулъ Вильгельмъ, поспѣшилъ прибавить:— Я, съ своей стороны, глубоко убѣжденъ, что не было. Но какъ же я могу дать вамъ клятву, когда я самъ ничего не знаю? Я могу только дать слово, что, насколько мнѣ извѣстно...

— Будетъ, коллега. Довольно. Теперь ужъ я самъ знаю, что мнѣ дѣлать.—Онъ взялся за шляпу.

Дейссенъ удержалъ его.—Я долженъ замѣтить, что мои слова имѣли принципіальное значеніе, а не относились къ данному случаю. Это большая разница.

— Ладно. Благодарю васъ.

— Коллега!

Но Вильгельмъ уже выѣзжалъ изъ комнаты.

Дейссенъ глубоко вздохнулъ, наморщилъ лобъ и подошелъ къ окну. На улицѣ Вильгельмъ давалъ инструкціи кучеру.

Выйдя въ корридоръ, Дейссенъ прислушался. Въ домѣ все было тихо. Давно пора было идти на фабрику. Онъ натянулъ на себя пальто и вышелъ, но спускаясь съ лѣстницы, держался за перила. Онъ зналъ, кто послалъ эту телеграмму.

Лотта въ своей комнатѣ сидѣла за письменнымъ столомъ, спиной къ двери, и не слыхала, какъ вошелъ ея мужъ.

На минуту онъ остановился въ дверяхъ и смотрѣлъ на нее, но не могъ видѣть ея лица. Потомъ тихонько выговорилъ: „Здравствуй, Лотта“.

Она круто обернулась, вспыхнула и, уже спокойная, пошла ему на встрѣчу, протягивая руку. Онъ взялъ эту руку и на минуту задержалъ въ своей.

Ему было несказанно горько и больно. Такъ хотѣлось обнять ее и крикнуть: „Прости, Лотта, что я могъ повѣрить такой постыдной клеветѣ“. Но какая-то робость удержала его.

Какъ она блѣдна, какъ исхудала! Сколько она, должно быть, вынесла!

Странно, что она не предлагаетъ ему никакихъ вопросовъ, не спросила даже, почему онъ неожиданно вернулся. Словно и не удивлена вовсе, словно ему и надлежало вернуться.

— Ну,—выговорилъ онъ глухо.—Теперь мы потолкуемъ глазъ на глазъ.

— Да, потолкуемъ.

Тонъ ея глубоко растрогалъ его. Онъ сѣлъ напротивъ нея, напрасно ища словъ, и, наконецъ, просто подалъ ей телеграмму.—Вотъ что я получилъ.

Она прочла и отдала ему назадъ. Лицо ея было печально.

— Лотта!—воскликнулъ онъ съ такой мукой во всѣхъ

Digitized by Google

чертахъ, что ей больно стало смотрѣть на него.—Скажи мнѣ хоть одно слово. Скажи, что все это выдумка, ложь и я скорѣй откушу себѣ языкъ, чѣмъ предложу тебѣ хоть одинъ вопросъ.—Онъ смотрѣлъ на нее со страхомъ и тоской.

Но она молчала и губы ея были такъ крѣпко сжаты, что ротъ казался тонкой линіей.

Вильгельмъ поднялся съ мѣста. Онъ рѣшился на послѣднее средство.

— Если даже все это правда, Лотта, скажи мнѣ: „Это неправда“ и я тебѣ повѣрю. Скажи, что это неправда, хоть ради того, чтобъ я могъ существовать. Я не могу безъ тебя.

— Нѣтъ, Вильгельмъ. Я неспособна лгать тебѣ. Такъ я не могу. Выслушай меня, милый Вильгельмъ, прошу тебя, выслушай. Да. я люблю Брандта, Вильгельмъ. Ничего между нами не было такого, что бы могло уронить тебя, твою мужскую честь въ глазахъ свѣта.

— Вильгельмъ, пойми меня въ этотъ торжественный часъ. Что мнѣ до свѣта, когда я тебѣ говорю: я люблю Брандта? Если это вина, то я трижды виновна, ибо каждое біеніе моего сердца принадлежитъ ему. Для меня, Вильгельмъ, не важно, кажусь ли я людямъ чистой и безупречной; для меня не составляетъ разницы, было ли между мною и Брандтомъ то, что вы зовете преступленіемъ. Слушай, неужели же ты не понимаешь, что во мнѣ происходитъ? Я люблю его и онъ любитъ меня. Я не могу лгать тебѣ, Вильгельмъ.

Онъ не видѣлъ глубокаго и чистаго блеска въ ея глазахъ; онъ слышалъ только слово, подкосившее его жизнь и ввергнувшее его въ бездну горя. Ну, значитъ, все пойдетъ своимъ чередомъ. Лицо его сразу стало сурово. Пересохшимъ языкомъ онъ съ трудомъ выговорилъ: „Теперь пойду къ нему“.

— Вильгельмъ, что ты хочешь дѣлать?—вскричала она въ смертельномъ страхѣ.

— Что? Что надлежитъ въ такихъ случаяхъ дѣлать мужчинѣ? И если тебѣ повезетъ, Лотта, ты въ эту игру можешь выиграть свою свободу.

— Вильгельмъ,—зарыдала она въ отчаяніи.—Не говори такъ, я не вынесу этого.

— А я не въ состояніи отказаться отъ тебя. Значитъ, одинъ изъ насъ лишній. Поняла?—Глаза его сверкали; теперь онъ чувствовалъ себя сильнымъ и безсознательно наслаждался ея мукой. Онъ до послѣдней капли крови будетъ бороться за свою собственность...

Онъ направился къ двери. Она заступила ему дорогу.—Уходи теперь, Вильгельмъ,—молила она.

Digitized by Google

Въ дверь постучали. Оба насторожились. Вошелъ окружный врачъ.

— Докторъ, помогите мнѣ, помогите!—крикнула Лотта, цѣпляясь за него.

— Голубушка, что съ вами?

— Докторъ, умоляю васъ, поговорите съ нимъ, убѣдите его,—иначе все пропало.—Безумный ужасъ расширилъ ея зрачки. Спутанные волосы упали на лобъ.

Докторъ чувствовалъ, какъ она вся дрожитъ.—Успокойтесь, милая барынька. Возьмите себя въ руки.—И бросивъ Вильгельму многозначительный взглядъ, онъ спросилъ:—У васъ найдется для меня четверть часа?

Тотъ кивнулъ головой.

Докторъ уложилъ Лотту на диванъ, какъ больного ребенка, и укрылъ ее теплымъ платкомъ. Ее колотила лихорадка. Потомъ вышелъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ.

Лотта лежала, не шевелясь, прислушиваясь къ каждому звуку. Четверть часа показалась ей вѣчностью.

Наконецъ, вернулись докторъ съ Вильгельмомъ. У обоихъ лица были серьезныя.—Я еще загляну сегодня,—сказалъ докторъ, цѣлуя руку Лоттѣ, но избѣгая ея взгляда.

Какъ только затворилась дверь за докторомъ, Лотта вскочила съ дивана.—На чемъ вы порѣшили, Вильгельмъ? Я должна знать.

— Докторъ—честный человѣкъ. Онъ одного мнѣнія со мной,—отвѣтилъ онъ сухо и рѣзко.

Она закрыла лицо руками. Все закружилось передъ нею. Смерть тихо, настоятельно стучалась въ дверь.

Въ комнатѣ было такъ тихо, что оба слышали дыханіе другъ друга.

Такъ. Значитъ, все кончено.

Она схватила за руку Вильгельма.

— Слушай. Еще одна просьба. И если ты хоть каплю любишь меня, ты ее исполнишь. Подожди два часа, подумай хорошенько, потомъ приди ко мнѣ и поговоримъ. Но до того ничего не предпринимай, Вильгельмъ, умоляю тебя. Ломая руки, она упала передъ нимъ на колѣни.

— Лотта! Ради Бога, встань, Лотта.

— Не встану, Вильгельмъ, пока ты мнѣ не обѣщаешь...

— Хорошо. Я обѣщаю.—И такъ какъ она въ своемъ отчаяніи не подымалась съ колѣнъ, онъ еще разъ повторилъ:—Обѣщаю тебѣ, даю тебѣ честное слово.

Она медленно встала и, шатаясь, дошла до дивана.—Такъ. Теперь ступай, Вильгельмъ,—выговорила она едва слышно

Онъ посмотрѣлъ на часы.—Ровно черезъ два часа вернусь сюда.—И ушелъ.

Digitized by Google

Она на цыпочкахъ подкралась къ двери, слышала, какъ хлопнула входная дверь, какъ онъ спускался по лѣстницѣ. Потомъ перешла къ окну и слѣдила за нимъ глазами, пока онъ не скрылся изъ вида.

Постепенно къ ней вернулась способность двигаться. Лицо ея выражало твердую рѣшимость. Она закинула голову и вернулась къ письменному столу.

„Полковникъ Брандтъ, — писала она спѣша и волнуясь.—Я должна уйти. Я не могу больше жить. Это выше моихъ силъ. Брандтъ! Я люблю васъ всей душой и цѣлую васъ. Мои послѣднія мысли будутъ съ вами. Вспоминайте меня съ любовью и сожалѣніемъ. Я знаю, что причиню вамъ горе, но не могу иначе. Я слабое, жалкое существо, не сумѣвшее добыть себѣ новую совѣсть. Не судите меня строго. Знайте, что моимъ послѣднимъ словомъ будетъ: „Я люблю васъ, и что я мужественно иду на смерть, потому что еще ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не былъ такъ счастливъ, какъ ваша бѣдная Лотта. Я все сказала Вильгельму, потому что не могла ни жить, ни умереть съ ложью въ сердцѣ. Поклонитесь отъ меня теткамъ, доктору, маленькой Гильдѣ и ея матери. Милая дѣвочка! Вы должны жить для нея. И еще одно, Брандтъ! Моя послѣдняя просьба вамъ и Вильгельму: протяните другъ другу руку. Вы не должны драться, чтобы не нарушить моего покоя. До самой смерти ваша Лотта“.

„Милый Вильгельмъ!

Съ тоской и болью сердечной пишу тебѣ, прежде чѣмъ огорчить тебя въ послѣдній разъ. Ахъ, Вильгельмъ, всю нашу совмѣстную жизнь я только огорчала тебя и не могла иначе. И, умирая, опять огорчу. Имѣй состраданіе ко мнѣ. Прости изъ сожалѣнія. И повѣрь мнѣ, Вильгельмъ, я добросовѣстно боролась. Въ свой смертный часъ я не хочу оправдываться, Вильгельмъ, я виновата передъ собой, что не сумѣла дать тебѣ счастья. И теперь я умоляю тебя: исполни мою послѣднюю волю—не вызывай Брандта на дуэль. Вѣрь мнѣ, я тебѣ все сказала. Ничего между нами не было такого, что бы обязывало тебя стрѣляться съ нимъ. Милый Вильгельмъ, я бы хотѣла, чтобъ ты еще разъ погладилъ мою руку и посмотрѣлъ на меня добрыми глазами. Прощай, Вильгельмъ! Прости твою Лотту“.

Теперь отцу.

„Милый, бѣдный папа!

„Когда ты будешь читать эти строки, твоей Лотты уже не будетъ въ живыхъ. Милый папа, будь сильнымъ, сцѣпи зубы и вынеси это. Не плачь громко, не то твоя дѣвочка въ могилѣ услышитъ, и ей будетъ больно. И не спрашивай

Digitized by Google

ни о чемъ. Я должна была умереть, потому что не было другого исхода. На душѣ у меня совсѣмъ спокойно, милый папа, даже радостно. И не думай, что я была несчастлива: Богъ далъ мнѣ счастье. Поклонись всѣмъ, кто хоть немного любилъ твою Лотту. Мамѣ, дѣдушкѣ и братьямъ. Спокойной ночи, милый папа! Я до смерти устала. Лотта".

Горничная, блѣдная, какъ смерть, прибѣжала къ окружному врачу. Затѣмъ вытребовали Вильгельма.

Она умирала, но на устахъ ея играла счастливая улыбка.

Когда пришелъ Вильгельмъ, она съ несказаннымъ трудомъ приподнялась и поцѣловала его Но тотчасъ взволновалась. Глаза ея блестѣли; она тяжело дышала.

Вошелъ полковникъ Брандтъ, высокій и прямой. Докторъ съ Вильгельмомъ молча вышли. Онъ нагнулся къ ней. Вся сила его любви выразилась въ его взглядѣ. Она страстно протянула ему объятія. И онъ поцѣловалъ ее, въ то время, какъ смерть уже осѣнила ее своимъ крыломъ.

Она откинулась на подушки. Брандтъ закрылъ ей глаза и недвижно сѣлъ у ея постели.

Пришли Крулль-тетки въ черныхъ платьяхъ и, неслышно скользя, какъ тѣни, принялись убирать комнату.

Она лежала, какъ и представляла себѣ—вся засыпанная бѣлыми и красными розами. И лицо ея, и прозрачныя руки, словно просвѣтленныя смертью—казались еще краше, чѣмъ при жизни...

На другой день пріѣхалъ папа съ тетей Ульрикой.

Яковъ Адутти не говорилъ ни слова. Онъ былъ совершенно убитъ горемъ.

Но обыкновенно добродушное лицо тети Ульрики было сурово и строго. Она поцѣловала Вильгельма, гладя своими старыми руками его заплаканное лицо.

— Выше голову, мальчикъ. Передъ самимъ собой и своей старой теткой ты обязанъ быть стойкимъ.—И видя, что Вильгельмъ смотритъ на нее, ничего не понимая, она вскричала, дрожала отъ гнѣва:—Ни одной слезы я не пролью о ней. Своя рубашка ближе къ тѣлу...

— Довольно, тетя. Я не могу этого слышать.

Старушка выпрямилась, словно выросла на нѣсколько вершковъ.—Жалкое существо и въ жизни, и въ смерти. Ни Бога, ни чести, ни совѣсти...

Но взглядъ Вильгельма заставилъ ее умолкнуть.—Кто нарушаетъ ея покой, тотъ противъ меня,—молвилъ онъ тихо и съ глубокой скорбью прибавилъ:

— Она была правдивѣй жизни, потому она и не могла нести бремя жизни".

Digitized by Google

Народное просвѣщеніе и бюрократія послѣ 1861 года [1]).

I.

Словесный хлѣбъ можетъ представлять потребность только для досужихъ людей, трудящіеся же да вкушаютъ хлѣбъ съ лебедою...

Салтыковъ. Письма къ тетенькѣ.

Эпоха реформъ обыкновенно оцѣнивается выше своей дѣйствительной стоимости. Въ большинствѣ случаевъ къ реформамъ 60 гг. прилагается не иное названіе, какъ „великія" [2]). По тѣмъ благороднымъ мыслямъ, какими вдохновлялись лучшіе люди того времени, по тѣмъ высокимъ цѣлямъ, какими задавались дѣятели реформъ, онѣ дѣйствительно могутъ быть названы великими. Но по своимъ послѣдствіямъ, по тѣмъ осязательнымъ благамъ, какія дали народу и обществу, онѣ далеко не оправдываютъ этого названія. Тогдашніе „мечтатели" вѣрили, что вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ произойдетъ обновленіе всей жизни, что крестьянская реформа положитъ прочныя основы народнаго развитія и благополучія, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ преддверіемъ новой жизни. Вѣдь всѣ свободы и всѣ права были желанны и нужны 50 лѣтъ тому назадъ такъ же, какъ и теперь. Подъ ихъ благотворнымъ воздѣйствіемъ свободное общество вмѣстѣ съ освобожденнымъ народомъ дружно направилось бы къ „землѣ обѣтованной". А вмѣсто этого началось болѣе, чѣмъ 40-лѣтнее безсмысленное странствованіе въ пустынѣ, полное всякихъ ужасовъ

---

[1]) 1-я часть этой статьи печаталась въ журн. „Обр." 1907 г.

[2]) Не говоря уже о такихъ изданіяхъ, какъ Татищевъ, „Александръ II, жизнь и царствованіе". СПБ. 1903 г., или оффиціальный „Историческій обзоръ дѣят. мин. нар. просвѣщенія". СПБ. 1902 г., затѣмъ—Джаншіевъ, „Эпоха великихъ реформъ", гдѣ—кстати сказать—вопросъ о реформѣ народн. образованія совсѣмъ не затронутъ, и т. п.—даже въ такихъ работахъ, какъ Милюковъ, «Очерки по исторіи русск. культуры» (ч. 2-я), или «Всеобщее обученіе», сборникъ, издан. подъ ред. Шаховскаго, М. 1902 г., Сватиковъ, «Обществ. движенія въ Россіи» и т. д., эпоха реформъ и въ частности реформа народнаго образованія получаетъ преувеличенную оцѣнку и необоснованные восторги.

Digitized by Google

и бѣдъ. Народъ, освобожденный „сверху“, потому что иначе онъ освободился бы „снизу“, получилъ надѣлъ, даже меньшій противъ того, какимъ онъ пользовался при крѣпостномъ правѣ, а во многихъ случаяхъ—такъ называемый „дарственный“ или „нищенскій“. Освобожденный отъ власти и произвола помѣщиковъ, народъ былъ отданъ подъ ту же чиновничью-помѣщичью опеку, только въ новой формѣ. Въ отношеніи суда, хозяйственной жизни, управленія—крестьянинъ былъ поставленъ особо и ниже другихъ сословій. И для остального—такъ называемаго образованнаго общества—реформы далеко не дали того, что требовалось условіями „новой“ жизни и общественнымъ сознаніемъ. Даже лучшія изъ этихъ реформъ, каковы—судебная, земская, университетская отличались двойственностью, нежеланіемъ окончательно порвать съ крѣпостными порядками. А послѣ дополненій и „поправокъ“ 70—80-хъ гг. дореформенный, канцелярски-полицейскій порядокъ царилъ повсюду.

Что же касается реформы печати и народнаго образованія, то здѣсь дореформенныя свѣтобоязнь и крѣпостническія стремленія сказались всего сильнѣе.

Напр., печать—послѣ цѣлаго ряда комиссій, массы проектовъ—осталась въ прежнемъ рабскомъ положеніи. Не только семь, а, кажется, сто семь разъ примѣривали ей разные кафтаны „посвободнѣе“, и все-таки нарядили въ узкую, арестантскаго покроя куртку, да и ту выписали изъ-за границы [1]). Тоже самое было и съ народнымъ образованіемъ: прикидывали, да примѣривали, а порѣшили на томъ, что поменьше образованія—спокойнѣе и хлопотъ меньше.

Оно и понятно: бюрократія очень не любитъ книжку и просвѣщеніе, всякій шагъ впередъ образованія уменьшаетъ власть и произволъ, тогда какъ изъ темнаго человѣка, какъ говорится, «хоть веревки вей».

Подозрительно-враждебное отношеніе къ гласности и просвѣщенію обнаружилось и въ той медлительности, въ тѣхъ проволочкахъ, съ какими совершались реформы печати и народнаго образованія. Эти реформы тянулись дольше и завершились хуже. Другія реформы, напр., земская, судебная и даже крестьянская были закончены въ 2—3 года, тогда какъ реформа печати и образованія была растянута на 10—12 лѣтъ (первая—до 1866, вторая—до 1864 г.).

Вопросъ о „всестороннемъ“ преобразованіи народнаго просвѣщенія поднимается съ самаго начала царствованія Александра II. Съ 1856 г. начинается „разработка“ вопроса, подготовка „почвы“, „матеріаловъ“ и т. п.

---

[1]) Цензурный уставъ 1861 г. былъ заимствованъ изъ французскаго законодательства.

Digitized by Google

Эта подготовительная работа происходила при министрахъ—Норовѣ, Ковалевскомъ и Путятинѣ, а самая „реформа"—при Головнинѣ.

Начало новаго царствованія, сопровождавшееся пробужденіемъ народнаго самосознанія и небывалымъ общественнымъ подъемомъ, застало во главѣ народнаго просвѣщенія Норова, доставшагося по наслѣдству отъ николаевскаго царствованія [1]). Если и въ ту эпоху „безвременья" Норовъ не имѣлъ почти никакого значенія, то при начавшемся общественномъ возбужденіи, направленномъ къ коренному переустройству жизни, министерство Норова являлось какой-то пародіей. Въ самомъ дѣлѣ: севастопольскій погромъ осязательно показалъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ народное невѣжество и нищета, рабство личности и мысли; неизбѣжность коренныхъ реформъ сдѣлалась очевидной. Что же могъ дать или подготовить эпохѣ „великихъ" реформъ Норовъ—этотъ „старый младенецъ", по опредѣленію Ростовцева, этотъ совершенно безсодержательный и безхарактерный человѣкъ? Ветеранъ 12 года, потерявшій при Бородинѣ ногу, Норовъ по своимъ взглядамъ былъ единомышленникомъ Ширинскаго-Шихматова, т. е. приверженцемъ классическаго образованія, а „найпаче просвѣщенія духовнаго".

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ преобразованій по учебной части, „преддверіемъ" реформъ явился докладъ Норова 5 марта 1856 г. Этотъ докладъ былъ отвѣтомъ на требованіе Александра II—подробно изложить положеніе учебнаго дѣла въ Россіи и указать мѣры къ его улучшенію. Сущность доклада состояла въ слѣдующемъ. Полагая „кореннымъ основаніемъ всего воспитанія и образованія отечественнаго святыя истины православной церкви", Норовъ предлагалъ обратить особенное вниманіе на преподаваніе закона Божія и выборъ законоучителей. Это преподаваніе „должно принять свойство нравственно-назидательнаго, одушевляющаго ученія, способнаго дѣйствовать на воспріимчивыя и мягкія сердца юношей и поселять съ христіанскимъ образомъ мыслей жизни христіанскія чувствованія" [2]). Поэтому назначеніе преподавателей закона Божія (въ высшія, среднія и низшія школы) должно происходить „съ строгою разборчивостью". Необходимо назначать лицъ „вполнѣ образованныхъ, съ высокимъ нравственнымъ направленіемъ", способныхъ „разогрѣвать сердце юношей" [3]).

Находя затѣмъ перевѣсъ реальныхъ наукъ въ ущербъ классическимъ (по уст. 50 г.) „вредной крайностью", нарушающей

---

[1]) Назначенъ 11 апрѣля 1854 г.

[2]) Сб. постан. по мин. нар. просвѣщ., т. 3, стр. 75—76.

[3]) „По достопамятному выраженію импер. Николая Павловича, лично удостоившаго меня этими словами при изъясненіи своихъ мыслей о преподаваніи закона Божія". Ibid.

Digitized by Google

гармонію и правильный ходъ ученія, Норовъ предлагалъ возвратить классицизму прежнюю его силу [1]).

А въ годовомъ своемъ отчетѣ Норовъ до того „разошелся“ и увлекся, что предлагалъ не только среднее, но и низшее образованіе сдѣлать классическимъ. „Господствующее направленіе образованія *въ низшихъ* (!!) и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть *классическое*, общее для того, чтобы, развивая еще юныя впечатлительныя умственныя способности, предохранить ихъ отъ вліянія матеріализма, убивающаго въ самомъ началѣ всякое благородное побужденіе, раздражающаго себялюбіе и корысть... Классическое образованіе пріучаетъ умы къ высокому и изящному, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекаетъ отъ суетнаго чтенія безполезныхъ и вредныхъ книгъ“ [2]).

Самая подготовка реформы народнаго образованія началась и совершалась слѣдующимъ образомъ.

Въ томъ же 1856 г. ученому комитету мин. нар. просвѣщ. было поручено пересмотрѣть уставы и положенія всѣхъ учебныхъ заведеній и составить проектъ новаго устава, „болѣе сообразнаго съ современнымъ взглядомъ на обученіе и болѣе соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ потребностямъ народа въ ученіи“.

Заработали министерскія канцеляріи... Посыпались доклады, мнѣнія, проекты. При Норовѣ, впрочемъ, и этой подготовительной работы было сдѣлано мало, такъ какъ въ 1858 г. (23 марта) Норовъ былъ уволенъ въ отставку [3]). Однако, кое-какія „мелочи“, отмѣтившія „преддверіе“ реформъ, были весьма характерны и могли бы показать, чего ждать отъ реформы народнаго образованія. Такъ, на ходатайство харьковскаго округа о пособіи въ 300 тыс. руб. въ виду крайне стѣсненнаго положенія учебныхъ заведеній, послѣдовала высочайшая резолюція: „*Не отвергая пользы сего пособія, нахожу, однако, въ теперешнее время невозможнымъ: имѣть это въ виду, когда финансовыя наши обстоятельства, съ Божіею помощью, придутъ въ лучшее состояніе*“ [4]).

Въ 1857 г. на ходатайство министра объ отмѣнѣ запрещенія принимать въ гимназіи Западнаго края дѣтей изъ податныхъ классовъ, каковое запрещеніе защищалъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ, государь отвѣтилъ резолюціей: „Согласенъ, но признаюсь, я во многомъ раздѣляю мнѣніе Бибикова и, какъ вамъ уже лично говорилъ, полагалъ бы гораздо полезнѣе для лицъ податного сословія учредить реальныя гимназіи... По моему убѣжденію, это должно относиться не для одного Западнаго края, но

---

[1]) Ibid., стр. 77.

[2]) Историч. обзоръ дѣят. мин. нар. пр., стр. 369. Тѣ же положенія высказывалъ и Ширинскій-Шихматовъ.

[3]) Ближайшими причинами отставки послужили студенческія волненія и „безпорядки“ въ цензурѣ.

[4]) Сборникъ постан. по мин. нар. просв., т. 3, стр. 406.

Digitized by Google

и для великороссійскихъ губерній, на что и прошу обратить особенное ваше вниманіе“ [1]).

Если къ этому прибавить проектъ преобразованія главнаго правленія училищъ, то будетъ исчерпана вся дѣятельность министерства Норова. Въ виду этого ироніей могло бы звучать заявленіе Татищева (выраженное, однако, въ самой серьезной и искренней формѣ), что „руководство всей сложною и *кипучею* дѣятельностью (въ министествѣ и около него) оказалось не по силамъ Норову. Цѣня и уважая его, какъ человѣка благороднѣйшаго образа мыслей, государь не считалъ возможнымъ оставить его долѣе на занимаемомъ отвѣтственномъ посту“ [2]).

Преемникомъ Норова былъ назначенъ (23 марта 1858 г.) Евграфъ Ковалевскій. Новый министръ имѣлъ репутацію либерала и прогрессиста. Хотя Никитенко называетъ Ковалевскаго рутинеромъ, человѣкомъ „не довольно сильной воли и не очень большого ума“ [3]), все же новый министръ стоялъ несравненно выше не только Норова, но и другихъ своихъ предшественниковъ. Онъ имѣлъ хорошія намѣренія, былъ противникомъ репрессій,—въ частности, въ примѣненіи къ учащейся молодежи, изъ-за чего собственно и долженъ былъ выйти вскорѣ въ отставку, такъ какъ разошелся въ этомъ вопросѣ съ „вліятельными“ лицами и партіями.

Но вмѣстѣ съ умѣреннымъ либерализмомъ, Ковалевскій обнаруживалъ неустойчивость и колебанія, благодаря которымъ подчинялся вліянію ретроградно-крѣпостнической партіи. По опредѣленію И. С. Аксакова, Ковалевскій—„кисель, допустившій въ свое министерство вмѣшательство жандармовъ, гр. Танина, всякаго встрѣчнаго и поперечнаго“ [4]).

Эта его неустойчивость, противорѣчіе словъ и дѣлъ, давшія Никитенкѣ поводъ воскликнуть: „Да это та же норовщина“, и были причиной полной безрезультатности дѣятельности Ковалевскаго. За этими ближайшими причинами были, конечно, и другія, болѣе глубокія, лежащія въ общихъ условіяхъ, при которыхъ приходилось жить и дѣйствовать въ особенности чиновнику. Сущность и вліяніе этихъ общихъ условій хорошо обрисованы въ одномъ изъ писемъ Тютчева. „И Ковалевскій тоже ничѣмъ не сильнѣе своихъ предшественниковъ и оставитъ дѣла какъ разъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ до него. Но надо также сказать, что при существующихъ условіяхъ ничего и невозможно сдѣлать, и заданная

---

[1]) Историч. обзоръ дѣят. мин. нар. просвѣщ., стр. 369—370.

[2]) Имп. Александръ II, стр. 238. Курсивъ мой.

[3]) Дневникъ, т. 2, стр. 10, 15.

[4]) Аксаковъ въ его письмахъ. Т. 4, стр. 18. Лемке. Изъ исторіи р. ц., стр. 321.

Digitized by Google

задача по-просту неразрѣшима; вѣдь дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, чтобы заставить исполнить ораторію Гайдна людей, никогда не бывшихъ музыкантами и вдобавокъ глухихъ. Предпріятіе до такой степени безсмысленное, въ полномъ смыслѣ этого слова, что надо быть самому глупцомъ, чтобъ повѣрить въ возможность успѣха... Сущность настоящаго положенія составляетъ одно постоянное недоразумѣніе: и съ этой, и съ другой стороны такъ мало рѣшительности, доброй воли и убѣжденія, что нѣтъ причинъ, чтобъ это недоразумѣніе не продолжалось безконечно, если только сюда не замѣшаются неожиданныя обстоятельства"... [1])

Такимъ же „недоразумѣніемъ" была и дѣятельность Ковалевскаго, онъ также пытался разрѣшить неразрѣшимую задачу. Ковалевскій понималъ всю важность и необходимость образованія, теоретически являлся его защитникомъ [2]), а на практикѣ... долженъ былъ ждать „Божіей помощи"... Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Ковалевскій былъ счастливѣе Норова: тому велѣно было подождать, пока „финансовыя наши обстоятельства, съ Божіею помощью, придутъ въ лучшее состояніе". Когда же Ковалевскій возбудилъ (въ 1859 г.) ходатайство, въ которомъ, „имѣя въ виду, безъ всякаго преувеличенія, бѣдственное положеніе учебныхъ заведеній", просилъ „удѣлить хотя нѣкоторую сумму въ пользу минист. нар. просв., преимущественно для улучшенія положенія низшихъ и среднихъ училищъ", то ему было отпущено „на пособія приходскимъ училищамъ" *30 тыс. р...* [3]).

Но зато концелярская преобразовательная работа продолжалась попрежнему, бумаги не жалѣли... Ученый комитетъ, послѣ 4-хъ лѣтнихъ „трудовъ", исполнилъ данное ему порученіе и къ 1860 г. составилъ „Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній" [4]). Этотъ проектъ, по распоряженію Ковалевскаго, былъ напечатанъ въ „Журналѣ мин. народн. просвѣщенія" [5]), въ петербургскихъ и московскихъ „Вѣдомостяхъ", „съ цѣлію вызвать сужденія о немъ въ литературѣ", и препровожденъ ко

---

[1]) Изъ писемъ Тютчева. «Рус. Архивъ», 1899 г., т. V, стр. 152.

[2]) Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать его рѣчь въ госуд. совѣтѣ въ 1864 г. (уже въ качествѣ ex-министра), приведенная ниже.

[3]) Сборникъ постановл. по мин. нар. пр. Т. 3, стр. 410.

При этомъ необходимо отмѣтить, что эта грамадная сумма не была новой ассигновкой, а лишь возобновленіемъ старой, назначенной въ 1835 г. и „пріостановленной" съ 1849 г. „по затруднительному положенію государствен. казначейства". Ibid., стр. 413. Хронологическая дата заставляетъ предполагать другую причину...

[4]) Сущность этого проекта покрывается послѣдующимъ проектомъ, ниже подробно разбираемымъ. Поэтому здѣсь я не привожу его содержанія.

[5]) 1860 г., кн. 2.

Digitized by Google

всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій.

Дѣйствительно, отзывовъ и замѣчаній прислано и напечатано было очень много. Здѣсь я не буду ихъ касаться, такъ какъ буду приводить ихъ ниже, въ связи съ тѣми, которые получились при вторичномъ разборѣ проекта (уже передѣланнаго). Но одно мнѣніе заслуживаетъ того, чтобы его привести, такъ какъ оно, такъ сказать, внѣ конкурренціи...

Это мнѣніе принадлежитъ священнику Беллюстину, который помѣстилъ въ „Журналѣ мин. нар. пр.“ статью („Теорія и опытъ“), направленную противъ проекта и главнымъ образомъ противъ тѣхъ его статей, которыя допускали свободу частнаго обученія и свободное открытіе школъ грамоты.

Содержаніе этой замѣчательной статьи, подъ елейными и іезуитскими ужимками скрывающей самое заскорузлое мракобѣсіе, слѣдующее.

Приведя эпиграфомъ выдержку изъ приложенія къ проекту устава: „Одно простое знаніе грамоты есть дѣло великое, и въ этомъ отношенія нельзя не признать значительной доли истины въ мнѣніи безсмертнаго Карамзина, хотя нѣсколько и преувеличенномъ, что между людьми, которые умѣютъ только читать и писать и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первымъ метафизикомъ въ свѣтѣ“, священникъ Беллюстинъ писалъ: „Образованіе народа—высшее благо, какое только можно дать ему. Но и здѣсь, именно въ способахъ образованія, могутъ быть увлеченія, достаточно сильныя, чтобы повредить прекраснѣйшему изъ дѣлъ человѣческихъ—просвѣщенію темнаго и невѣжественнаго народа. Одно изъ такихъ увлеченій мы видимъ въ приведенныхъ выше словахъ. Обсудимъ ихъ со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ. Пусть и опытъ, въ свой чередъ, скажетъ объ нихъ свое правдивое слово.

„Одно простое знаніе грамотности есть уже дѣло великое“ Можно ли безусловно согласиться съ этими словами? Думаемъ, нѣтъ. Грамотность, какъ и всякое изъ средствъ, которое дается человѣку для личнаго употребленія его,—дѣло ни великое, ни малое, ни доброе, ни злое, а совершенно безразличное. Научите грамотѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, научите разумно пользоваться ею,—она величайшее благо для человѣка, рычагъ и указатель всякихъ улучшеній—нравственныхъ, матеріальныхъ и т. п. Научите ей съ злою цѣлью,—какъ учатъ раскольники и подъячіе,—и нѣтъ конца вреда, который принесетъ она какъ тѣмъ, которыхъ вы учите, такъ и всѣмъ, съ которыми они будутъ имѣть соприкосновеніе въ жизни. Научите ей такъ—просто, какъ это дѣлаютъ всѣ частные учители и учительницы въ провинціи,—и вы напрасно потеряете время и трудъ, потому что вы не доставите ни малѣйшей пользы учившимся. Грамотность, по крайнему нашему разу-

Digitized by Google

мѣнію, постольку имѣетъ значеніе, поскольку содѣйствуетъ пробужденію и развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ въ человѣкѣ. Если она не содѣйствуетъ этому, она дѣло безполезное. Если она какъ-либо, напримѣръ, самымъ способомъ ученія, мѣшаетъ этому, она—дѣло положительно вредное.

Посмотримъ, сколько пользы принесла уѣзднымъ городамъ грамотность, распространяемая частными учителями и учительницами. Параллельно съ нею расширялся ли умственный горизонтъ народа? Нѣтъ. Улучшилось ли нравственное настроеніе его? Нѣтъ. Возвышалось ли, по крайней мѣрѣ, матеріальное благосостояніе его? И то нѣтъ. И мало того,—нѣтъ; въ послѣднія 25 лѣтъ слишкомъ замѣтно крайнее отупѣніе народа, которое выражается въ непробудной апатіи къ своимъ собственнымъ дѣламъ, въ отсутствіи всякой разумной предпріимчивости, всякой самостоятельной дѣятельности, чѣмъ отличались жители уѣздныхъ городовъ въ прежнія времена; отсюда упадокъ всѣхъ дѣлъ—торговыхъ, промышленныхъ и т. п., и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого, совершенное обѣднѣніе уѣздныхъ городовъ. Безграмотные крестьяне выбили изъ рукъ всѣ дѣла у просвѣтившихся грамотой горожанъ. И это не все. Вмѣстѣ съ упадкомъ матеріальнаго благосостоянія всюду бросается ярко въ глаза крайній упадокъ нравственности. Отсутствіе честности и добросовѣстности въ торгующемъ классѣ, пьянство и развратъ въ классахъ ремесленномъ и промышленномъ, крайняя распущенность прекраснаго пола во всѣхъ классахъ,—вотъ явленія, повсюдныя въ провинціи и, къ несчастію, съ каждымъ годомъ принимающія большій и большій размѣръ. Понятно, какъ долженъ страдать отъ этого бытъ семейства. Да, семьи, неразрывно соединенныя всеоживляющимъ духомъ любви,—преданіе, которому и вѣрится съ трудомъ. Раздоръ,—вотъ сила, преобладающая теперь въ семьѣ,—раздоръ между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, часто переходящій въ ту страшную ненависть, при которой заколотить жену до смерти, отравить мужа, пустить отца и мать по міру, намѣренно разорить родного брата и проч. и проч., считается уже дѣломъ обыкновеннымъ, обыденнымъ. Понятно также, какой тлетворной, всеразъѣдающей силой должно отразиться такое гибельное направленіе въ средѣ общественной жизни. Кромѣ всего, соединеніе силъ и средствъ, при которомъ одномъ могутъ идти успѣшно всяческія дѣла, сдѣлалось такою невозможностью, что объ немъ никто и не думаетъ.

Вотъ что, вмѣстѣ съ грамотностью, развивалось въ народѣ въ послѣднія 20—25 лѣтъ. Какое жъ послѣ этого имѣетъ значеніе фраза: „одно простое знаніе грамоты есть уже дѣло великое“? Вотъ десятки семей, въ которыхъ мужъ и жена грамотные, и всѣ дѣти, мальчики и дѣвочки, учатся грамотѣ; и эти семьи бѣдствуютъ, какъ не бѣдствовали ихъ отцы и дѣды; что-жъ тутъ за великое дѣло и для нихъ и для общества, что они владѣютъ „простымъ

Digitized by Google

знаніемъ грамоты"? Что тутъ и авторитетъ Карамзина, когда дѣло говоритъ совершенно иное? Да, между грамотнымъ и безграмотнымъ есть рѣзкое различіе, но къ величайшему несчастью, совсѣмъ не въ пользу перваго. Если въ настоящее время еще и можно вести какое-либо дѣло съ кѣмъ по совѣсти, тамъ именно съ безграмотными стариками, грамотной молодежи, изощрившейся въ умѣньѣ божиться и клясться, да вѣжливой рѣчью напускать туманъ въ глаза, нельзя довѣрить и на алтынъ".

Указавъ на трудности первоначальнаго обученія, на тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворить учитель, іерей продолжаетъ: „Теперь представимъ себѣ учителя или учительницу грамотности, которые ни о душевныхъ силахъ, ни объ развитіи ихъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, которые смотрятъ на дѣло своего учителя точно такъ же, какъ всякій ремесленникъ смотритъ на свое ученіе, т.-е. какъ на механическое пріученіе отрабатывать языкомъ, безъ всякаго участія мысли, какую-нибудь книгу; которые, вдобавокъ къ этому, для достиженія своей цѣли, безсмысленной и безсознательной, употребляютъ тотъ варварскій способъ ученья, о которомъ и подумать страшно (долбня),—и спросимъ: чѣмъ долженъ выйти ребенокъ изъ передѣла ихъ? Не грозитъ ли ему, вмѣсто развитія душевныхъ силъ, искаженіе и даже совершенное подавленіе ихъ? Не предстоитъ ли ему лишиться тѣхъ свойствъ, отъ которыхъ зависитъ всякое внутреннее движеніе ребенка впередъ,—воспріимчивости, жажды знанія, которая выражается простымъ дѣтскимъ любопытствомъ?

Но это-то именно и дѣлаютъ всѣ частные учители и учительницы, всѣ безъ исключенія. И не могутъ они дѣлать ничего лучше. Чего ждать, чего желать отъ людей, выгнанныхъ изъ училища за безпробудную лѣнь ихъ или—еще чаще—за грубѣйшіе пороки?"

Посмѣявшись всласть надъ словами проекта—„а между тѣмъ, сколько прекрасныхъ порывовъ къ первоначальному обученію охлаждалось и охлаждается до сихъ поръ именно отъ стѣснительныхъ ограниченій, которымъ подвергаются какъ самое учрежденіе первоначальныхъ школъ, такъ и лица, желающія заниматься обученіемъ грамотѣ",—Беллюстинъ заканчиваетъ: „Понятно, отъ „прекрасныхъ порывовъ" теорія никуда не могла дойти, кромѣ самой широкой свободы ученья дѣтей; ничего не могла другого сдѣлать, какъ „предоставить полную свободу всѣмъ лицамъ на право первоначальнаго обученія". Она находитъ совершенно достаточнымъ „ограничиться однимъ общимъ наблюденіемъ за нравственностью лицъ, занимающихся первоначальнымъ обученіемъ". Мы не будемъ говорить объ односторонности взгляда, по которому вниманіе обращается только на нравственность и забыто умѣнье повести разумно и плодотворно первоначальное развитіе дѣтей, въ чемъ и должна состоять главная задача первоначальнаго обученія; мы не будемъ говорить о томъ, что „нравственность"—вещь

Digitized by Google

слишкомъ условная; что нѣтъ ничего труднѣе, какъ контролировать ее,—мы скажемъ только, что „полная свобода“ разовьетъ въ средѣ народной жизни до страшныхъ размѣровъ то, что развивала доселѣ свобода мнимо-неполная. Отъ одинаковыхъ началъ неизбѣжны одинакія послѣдствія. Отъ зловредныхъ учителей и учительницъ, каковы они теперь, кромѣ зла, больше ждать нечего... И не значитъ ли—разрушить дѣло въ самомъ основаніи, давая полную свободу принимать въ немъ прямое участіе каждому желающему?“ [1]).

Между тѣмъ въ 1861 году вопросъ о начальномъ образованіи былъ выдѣленъ изъ общей программы работъ. 18 іюля 1861 года былъ образованъ особый комитетъ (изъ членовъ со стороны министерствъ—народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и духовнаго вѣдомства), которому было поручено составить общій планъ устройства низшихъ школъ. Затѣмъ составленный проектъ внести, чрезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія, на разсмотрѣніе сначала синода, а затѣмъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія [2]).

Исполняя это порученіе, комитетъ составилъ „проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“.

Въ то же время вопросъ о народномъ образованіи разсматривался еще въ особой комиссіи, выдѣленной изъ общей редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу. Составленныя этой комиссіей „соображенія“ также были предоставлены въ распоряженіе составителямъ проектовъ.

Вопросъ о народномъ образованіи обсуждался въ редакціонныхъ комиссіяхъ, какъ часть крестьянской реформы вообще, но обсуждался лишь вскользь и между прочимъ.

Въ отношеніяхъ, препровожденныхъ, по высочайшему повелѣнію, министромъ внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ (въ дополненіе къ рескриптамъ объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ)

---

[1]) Журн. мин. нар. просвѣщенія. 1860 г., окт., стр. 36—48.

Въ параллель съ этимъ мнѣніемъ можетъ идти еще только заявленіе Даля (печатно же высказанное въ 1859 г.), что грамотность не имѣетъ ни смысла, ни пользы, а одинъ только вредъ, пока нѣтъ хорошихъ книгъ для народа. „А безъ нихъ какой прокъ въ грамотѣ? Развѣ что въ кабакахъ фальшивые паспорты писать?..“ Полн. собр. сочин. Даля. Изд. Вольфа. Т. 1. Біограф. очеркъ Даля, составленный Печерскимъ, стр. LXXXIII—LXXXIV.

За эту выходку Даль получилъ хорошую отповѣдь и должную оцѣнку особенно отъ „Искры“ Курочкина. Лемке. Очерки.

Печерскій, въ свою очередь, негодуетъ по поводу нападокъ на Даля петербургскихъ „борзописцевъ“. „Разные въ то время считавшіеся верхомъ ума и остроумія *Свистки и Гудки* завели такую Katzenmusik, что изъ-за нея не слышно было ни одного умнаго слова“. Біографическій очеркъ Даля, стр. LXXXIV.

[2]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. 3, стр. 741.

Digitized by Google

въ обязанность комитетовъ вмѣнялось, между прочимъ, указаніе мѣръ, необходимыхъ для распространенія между крестьянами грамотности.

Какъ же выполнили губернскіе комитеты эту обязанность?

Изъ всей массы полученныхъ отъ губернскихъ комитетовъ проектовъ только *въ восьми* были нѣкоторыя указанія о средствахъ содержанія сельскихъ училищъ, именно въ проектахъ: виленской и кіевской общихъ комиссій, екатеринославскаго и минскаго комитетовъ, въ 3-хъ проектахъ курскаго комитета и проектѣ меньшинства (5 членовъ) владимірскаго комитета.

Въ первыхъ семи проектахъ объ училищахъ лишь упомянуто въ числѣ „предметовъ", на которые назначаются мірскія повинности.

Содержаніе училищъ и учителей отнесено въ этихъ проектахъ къ денежной мірской повинности крестьянъ, а поставка работниковъ для постройки и поддержанія училищныхъ домовъ—къ натуральной мірской повинности, причемъ назначеніе и раскладка ихъ предоставлена усмотрѣнію сельскихъ обществъ. Въ проектѣ курскаго комитета предлагалось сверхъ общаго сбора на удовлетвореніе мірскихъ повинностей установить еще ежегодную плату въ полтора рубля съ родителей каждаго ученика за обученіе въ училищѣ.

Въ проектѣ меньшинства владимірскаго комитета предлагалась своеобразная система обязательнаго учрежденія училищъ (на счетъ самихъ крестьянъ). Сущность этого проекта сводилась къ слѣдующему.

На каждыя 500 душъ въ селеніяхъ волости учреждается училище. Для постройки училищныхъ домовъ волостное правленіе собираетъ со всѣхъ жителей волости подписку на добровольныя пожертвованія деньгами, строительными матеріалами и работою; затѣмъ, составивъ смѣту на всю постройку, недостающую сумму раскладываютъ на всѣхъ жителей волости [1]).

Всѣ мальчики училищнаго округа дѣлятся на двѣ или на три части (смотря по удобству помѣщенія), и поочередно собираются на три или на два дня въ „училищное селеніе". Столъ и ночлегъ они имѣютъ поочередно у всѣхъ домохозяевъ селенія, въ остальномъ же „продовольствуются" на свой счетъ [2]).

Вотъ буквально все, что дали губернскіе комитеты по вопросу о „реформѣ" народнаго образованія. А между тѣмъ при редакціонной комиссіи была образована Особая Комиссія—„о нѣкоторыхъ дополнительныхъ предположеніяхъ, имѣющихъ связь съ крестьянскимъ дѣломъ". При самомъ ея образованіи предсѣдатель

---

[1]) И всѣ другія издержки (жалованье учителю, учебныя пособія) такъ же и тѣмъ же способомъ раскладывались на всѣхъ жителей волости.

[2]) Матеріалы редакціон. комиссій. Ч. 17-я Доклады особой комиссіи, отдѣлъ 3-й, стр. 1—2.

Digitized by Google

редакціонной комиссіи указалъ, въ числѣ предметовъ, подлежащихъ ея обсужденію, и вопросъ *„о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для поощренія крестьянскихъ обществъ къ учрежденію на собственный счетъ училищъ“*.

Исполняя данное порученіе, комиссія представила свои „соображенія“, къ разработкѣ которыхъ были приглашены еще управляющій департаментомъ народн. просвѣщенія Вороновъ и редакторъ „Журнала минист. народн. просв.“ Сахаровъ.

Въ предисловіи къ своимъ „соображеніямъ“ Особая Комиссія говорила, что она „вполнѣ сознаетъ настоятельную необходимость въ сельскихъ училищахъ и считаетъ учрежденіе оныхъ... одною изъ существеннѣйшихъ мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта“.

„Вопросъ этотъ, кромѣ того, находится въ ближайшей связи съ осуществленіемъ всей реформы, ибо большая часть начертанныхъ нынѣ постановленій только тогда вполнѣ достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе въ состояніи будетъ знать права и обязанности, усвояемыя ему новымъ положеніемъ, что, конечно, невозможно безъ распространенія между крестьянами грамотности и необходимыхъ въ ихъ быту первоначальныхъ свѣдѣній. Наконецъ, распространеніе грамотности... дѣйствительнѣе всякихъ другихъ мѣръ предупредитъ безотчетное увлеченіе несбыточными ожиданіями и слѣпую вѣру, съ которою принимаются часто самые неосновательные слухи“...

Затѣмъ шли самыя „соображенія“, раздѣленныя на два отдѣла: 1. „О мѣрахъ, которыя могутъ способствовать учрежденію сельскихъ училищъ“ и 2. „Объ участіи дворянства и сельскихъ обществъ въ завѣдываніи училищами“.

„Во всѣхъ почти государствахъ Западной Европы,—такъ начинались „соображенія“,—опытъ привелъ правительства къ убѣжденію, что повсемѣстнаго распространенія грамотности между поселянами возможно достигнуть только чрезъ обязательное для сельскихъ обществъ учрежденіе училищъ.

„Конечно, и у насъ повсемѣстное распространеніе грамотности и первоначальнаго образованія между крестьянами осуществится не прежде, какъ когда сдѣлается возможнымъ обязательное для нихъ учрежденіе сельскихъ училищъ. Но въ настоящее время, при всей нравственной необходимости образованія сельскаго сословія, повсемѣстное обязательное учрежденіе сельскихъ училищъ было бы у насъ положительно невозможно. Причины такой невозможности заключаются въ недостаточности средствъ крестьянъ, въ неимѣніи у насъ потребнаго числа учителей и, особенно, въ несвоевременности всякой обязательной мѣры, предупреждающей потребность... Потому, въ настоящее время, учрежденіе сельскихъ училищъ необходимо предоставить собственному желанію крестьянскихъ обществъ“ [1]).

[1]) Ibid., стр. 4—6.

Digitized by Google

Далѣе развивалась мысль, что правительство должно оказать матеріальное поощреніе къ учрежденію училищъ и тѣмъ заявило бы предъ крестьянами потребность и пользу училищъ, иначе дѣло народн. образованія очень долго не подвинется впередъ. Сумму пособія предлагалось поставить въ зависимости отъ количества учениковъ: школамъ, гдѣ учениковъ не меньше 50 человѣкъ, выдавать по 125 р. въ годъ, школамъ съ меньшимъ количествомъ учениковъ по 62 р. 50 к. „Крайній предѣлъ", до котораго предполагалось довести пожертвованіе правительства, опредѣлялся суммою 625,000 р., т. е. когда количество школъ возрастетъ до 5 тысячъ, и всѣ онѣ будутъ принадлежать къ первому разряду (но это ожидалось не скоро). Только тогда предполагалось приступить къ постепенному введенію системы обязательнаго учрежденія училищъ, уже безъ пособія отъ правительства.

Въ числѣ облегченій рекомендовалось—удешевленіе книгъ, необходимыхъ для первоначальнаго обученія, отпускъ казеннаго лѣса на постройку училищъ и т. п.

Но такъ какъ комиссія предполагала, что при всѣхъ „облегченіяхъ" сельскія училища будутъ открываться очень медленно, то она рекомендовала „теперь же открыть для крестьянъ какъ можно болѣе путей къ пріобрѣтенію хотя бы начальной грамоты, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова". „Съ этою цѣлью слѣдовало бы предоставить всѣмъ желающимъ право обучать въ селеніяхъ русской и церковно-славянской грамотѣ, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики, не подвергаясь для полученія сего права никакому испытанію".

Указавъ на то значеніе, какое могутъ имѣть такія школы, какъ подготовительная ступень къ всеобщему обученію, „соображенія" прибавляли: „Опасеніе, что преподаваніе народу грамоты людьми всѣхъ сословій, безъ предварительнаго ихъ испытанія, можетъ повредить нравственности и образу мыслей народа, въ сущности, лишено основанія. Испытанія могутъ показывать лишь большую или меньшую степень грамотности испытуемыхъ, но не ручаются за ихъ нравственныя качества и намѣренія, ускользающія отъ всякихъ экзаменовъ и надзора. Но сущность настоящаго вопроса заключается не въ экзаменахъ и надзорѣ, а въ томъ, что въ народѣ не существуетъ никакихъ элементовъ, которые могли бы обратить грамотность во вредъ нравственности и образу мыслей народа. Существующее повсемѣстно частное обученіе, наперекоръ запретительному закону, не обнаружило вредныхъ послѣдствій. Наоборотъ, стѣсненія—при пробудившейся и все развивающейся потребности въ грамотѣ—поведутъ только къ тому, что это обученіе будетъ искать для себя тайныхъ путей, которые во всякомъ случаѣ скорѣе могутъ вызвать неправильныя уклоненія, чѣмъ открытое и закономъ признанное обученіе" [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 6—16.

Digitized by Google

Второй отдѣлъ „соображенія“ трактовалъ о завѣдываніи училищами. Главное завѣдываніе народными училищами, естественно, поручалось министерству нар. просвѣщенія, „такъ какъ оно одно только можетъ вести дѣло народнаго образованія путемъ правильнымъ и успѣшнымъ; притомъ образованіе только тогда можетъ служить къ укрѣпленію духовной связи въ народѣ (?) и къ согласному развитію его нравственныхъ силъ, когда оно... совершается по одному общему плану и направляется къ однѣмъ цѣлямъ“...

„Но, — прибавляли составители соображеній, — необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставить и самимъ сельскимъ обществамъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи училищами для того, чтобы, съ одной стороны, не поставить учебныя начальства въ невозможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ народнаго образованія и слѣдить за всѣми его частными случаями, а съ другой стороны, —чтобы излишнею и неисполнимою на дѣлѣ зависимостью сельскихъ училищъ отъ учебныхъ начальствъ не затруднить самаго ихъ существованія.

„Однако же, при настоящей необразованности крестьянъ, участіе ихъ въ завѣдываніи училищами не можетъ проявляться успѣшно безъ содѣйствія лицъ, достаточно просвѣщенныхъ и знающихъ мѣстныя условія“. Поэтому высказывалось желаніе привлечь дворянство къ завѣдыванію сельскими училищами. „Участіе дворянства въ этомъ дѣлѣ и потому еще важно, что матеріальныхъ пожертвованій на народное образованіе вѣроятнѣе всего ожидать отъ этого сословія (!?.), изъ среды котораго нерѣдко являлись и прежде люди, жертвовавшіе значительныя имущества на дѣло просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что дворянство сознаетъ, какое высокое нравственное значеніе пріобрѣтетъ оно въ глазахъ крестьянъ и сколь много можетъ оно способствовать своему собственному благосостоянію, содѣйствуя нравственному и умственному образованію того сословія, съ которымъ оно такъ тѣсно связано по общественнымъ и матеріальнымъ условіямъ жизни“.

Въ этихъ видахъ рекомендовалось учрежденіе попечителей школъ, избираемыхъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, или же изъ приходскихъ священниковъ и вообще почетныхъ лицъ. „Приходскому священнику, по самому его званію и какъ лицу, близко знающему потребности крестьянъ, предстоитъ... также принять участіе въ надзорѣ за учебною и нравственною частію училища и своимъ моральнымъ вліяніемъ, какъ на родителей, такъ и на дѣтей, содѣйствовать его благосостоянію“.

Попечителю и священнику ввѣрялась часть учебно административная и нравственно-дисциплинарная, а обществамъ (въ лицѣ старшины или старосты)—завѣдываніе хозяйственной частью [1]).

---

[1]) „Матеріалы“ и пр. Стр. 17—20.

Digitized by Google

Одновременно со всѣми этими комиссіями продолжалъ свои „труды“ и ученый комитетъ при министерствѣ народн. просвѣщенія. Свой „Проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній“ ученый комитетъ подвергаетъ незначительнымъ передѣлкамъ и снова печатаетъ, но уже подъ другимъ заглавіемъ именно—„Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“.

Но въ разгарѣ этой комиссіонной горячки и канцелярскаго прожектерства происходитъ смѣна министерства. Ближайшимъ поводомъ послужили опять-таки студенческія волненія, происшедшія въ началѣ 1861 года. Государь призываетъ Ковалевскаго и объявляетъ, что университетскіе безпорядки не могутъ быть терпимы, что онъ намѣренъ закрыть нѣкоторые университеты. Ретрограды и сановные жандармы, эти „злыя собаки“, по выраженію Аксакова, почуявъ, что положеніе Ковалевскаго пошатнулось, начинаютъ хватать его за пятки... Въ совѣтѣ министровъ Ковалевскаго уже упрекаютъ въ бездѣйствіи, а его проектъ объ умиротвореніи студенчества, въ которомъ онъ возставалъ противъ репрессивныхъ мѣръ, переданъ былъ государемъ на просмотръ и обсужденіе комитету—изъ Строганова, Панина и шефа жандармовъ Долгорукова... [1]). Ковалевскому ничего болѣе не оставалось, какъ выйти въ отставку.

Вмѣсто Ковалевскаго министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ (28 іюня) адмиралъ Путятинъ. Этотъ „водяной“ министръ, послѣ морского кадетскаго корпуса, въ которомъ получилъ свое образованіе, и на сушу-то не вылѣзалъ, а всю жизнь „плавалъ“ да муштровалъ матросовъ. Съ корабля на министерское кресло Путятинъ попалъ благодаря рекомендаціи Филарета, который указалъ на него, какъ на человѣка религіознаго [2]).

Ограниченный, черствый и упрямый, Путятинъ, естественно, сталъ „управлять“ просвѣщеніемъ такъ же, какъ военнымъ кораблемъ. Онъ признавалъ только дисциплину и строгость, зато не признавалъ ни воскресныхъ школъ, ни открытыхъ заведеній, ни женскаго образованія, ни свѣтской науки вообще [3]). Даже такіе умѣренные люди, какъ Никитенко, Погодинъ называютъ Путятина „непонимающимъ дѣла и неспособнымъ къ нему“, не понимающимъ ни цѣлей просвѣщенія, ни задачъ управленія, а умѣющимъ только „пакостить“ [4]).

Мало того, что самъ Путятинъ предпринималъ мѣры исключительно репрессивнаго характера и настаивалъ предъ Александ-

---

[1]) Никитенко. Дневникъ, т. 2. Стр. 14, 15, 18.

[2]) Ibid. Стр. 52.

[3]) Нѣкоторыя подробности, характеризующія личность Путятина, уже приводились мною въ другомъ мѣстѣ. „Образованіе“, 1906, № 11. Стр. 158—159.

[4]) Барсуковъ. Т. 18. Стр. 273, 280.
Никитенко. Т. 2. Стр. 30, 31, 33, 52.

Digitized by Google

ромъ II на необходимости репрессій противъ журналистики и образованіи,—онъ просилъ еще Филарета повліять на государя въ томъ же направленіи. Въ своемъ письмѣ къ Филарету Путятинъ, указавъ на студенческія волненія, на появленіе прокламацій и—о, ужасъ!—на „изготовленіе адресовъ къ государю съ значительнымъ числомъ подписей",—говорилъ: „...Эти преступныя дѣйствія стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ; произведенные аресты и слѣдствія указываютъ на многихъ участниковъ, въ числѣ которыхъ главнѣйше являются литераторы, за ними студенты, весьма подозрительны и нѣкоторые университетскіе профессора. Цѣль преступныхъ дѣйствій направлена къ ниспроверженію существующаго порядка и даже, повидимому, династіи...

„При такихъ обстоятельствахъ *весьма было бы благодѣтельно... выразить Его Величеству, что настоящее положеніе дѣла крайне опасно для государства и императорской власти, и убѣдить, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нужна большая твердость и сильныя мѣры*" [1]).

Легко представить, какъ бы сталъ проводить реформу народнаго образованія этотъ безсердечный ханжа, какого радѣтеля получило въ лицѣ Путятина народное образованіе.

А межъ тѣмъ преобразовательный плодъ, видимо, уже созрѣвалъ. По высочайшему повелѣнію, всѣ проекты и планы, касающіеся реформы народнаго образованія, были внесены—въ декабрѣ 1861 г.—на разсмотрѣніе государств. совѣта. Такимъ образомъ оставалось только, такъ сказать, сорвать и вкусить отъ плода.

Но вдругъ въ декабрѣ же 1861 г. Путятинъ получаетъ отставку [2]), а на его мѣсто назначается Головнинъ. Многіе въ литературно-общественныхъ кругахъ ликовали: новый министръ считался либераломъ и защитникомъ образованія. А въ сущности это былъ ловкій теоретикъ и искусный проводникъ политики „и нашимъ, и вашимъ".

Головнинъ, какъ и его достойный сподвижникъ—Валуевъ, не прочь былъ для отвода глазъ (извѣстной части общества) полиберальничать, а ради прочности своего министерскаго кресла систематически „обуздывалъ" и предпринималъ суровыя репрессіи. Однимъ словомъ, сообразуясь съ „духомъ времени", Головнинъ жарилъ карасей на либеральномъ маслѣ [3]).

---

[1]) Барсуковъ. Т. 18, стр. 242. Курсивъ мой.

[2]) Ближайшимъ поводомъ послужили опять-таки университетскіе безпорядки.

[3]) Напр., на первомъ же засѣданіи главнаго управленія цензуры Головнинъ объявляетъ: „Государю угодно, чтобы цензура усилила свою бдительность и строгость противъ періодической литературы". Исполняя это желаніе, Головнинъ затѣмъ разсылаетъ во всѣ цензурные комитеты циркуляръ, въ которомъ строжайше предписываетъ цензорамъ исполнять нынѣшнія цензурныя правила безъ малѣйшаго послабленія, подъ личною ихъ отвѣтственностью".

Digitized by Google

Со вступленіемъ Головнина на министерскій постъ вся преобразовательная работа по части народнаго образованія начинается сызнова. Прежде чѣмъ ее излагать, я предварительно напомню внѣшній ходъ предшествовавшей реформаціонной работы.

Въ 1856 г. ученому комитету поручается составленіе проекта новаго устава. „болѣе соотвѣтственнаго... дѣйствительнымъ потребностямъ народа въ ученіи". Къ 1860 г. ученый комитетъ составилъ „Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ". Этотъ проектъ былъ напечатанъ въ „Журналѣ мин. нар. просвѣщенія" и въ „Вѣдомостяхъ", а затѣмъ разосланъ по учебнымъ округамъ для отзыва. „Принявъ въ соображеніе" полученные отзывы, ученый комитетъ подвергаетъ проектъ незначительнымъ передѣлкамъ и вновь печатаетъ подъ названіемъ „Проектъ *устава* общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній".

Въ томъ же 1860 г. изъ общихъ работъ выдѣляется вопросъ о низшемъ образованіи и назначается особая комиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ (мин. нар. просв., духовнаго, внутрен. дѣлъ, финансоваго, удѣльнаго), которой поручается „начертать" свой планъ „устройства начальныхъ сельскихъ школъ". Въ 1861 г. эта комиссія составила „Проектъ общаго *плана* устройства народныхъ училищъ" [1]).

Одновременно съ этимъ при редакціонной комиссіи объ устройствѣ сельскаго состоянія учреждается спеціальная комиссія объ устройствѣ сельскихъ училищъ, которая также составляетъ свои „соображенія", поступившія затѣмъ въ комиссію „плана".

Наконецъ, вся эта груда плановъ и проектовъ поступаетъ въ концѣ 1861 г. въ государственный совѣтъ, чтобы тамъ получить окончательную формулировку и законодательную силу. Но въ концѣ декабря того же 1861 г. мин. нар. просв. назначается Головнинъ. И вотъ, по его требованію, изъ государственнаго совѣта были возвращены въ министерство всѣ планы и бумаги, для новыхъ „соображеній". Опять „пошла писать губернія"... Дальнѣйшій ходъ этой спутанной и довольно безтолковой преобразовательной работы, завершившейся „Положеніемъ" 1864 г., представляется въ слѣдующемъ видѣ.

По распоряженію Головнина, оба проекта („устава" и „плана") снова были разосланы во всѣ округа, отдѣльнымъ лицамъ и даже иностраннымъ педагогическимъ знаменитостямъ для отзыва. Мнѣній и отзывовъ въ министерство было прислано [2]) множество и самыхъ разнообразныхъ; будучи затѣмъ напечатаны, они составили 6 большихъ томовъ. Записные педагоги и обыкновенные

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи я для краткости проектъ ученаго комитета буду называть проектомъ *устава*, а проектъ особой комиссіи—проектомъ *плана*.

[2]) А частью напечатано въ журналахъ и газетахъ.

Digitized by Google

обыватели, Пироговъ и приходскій учитель, Толстой, архіерей, журналистъ, сельскій священникъ — всѣ, кому были знакомы и дороги вопросы просвѣщенія, дѣлали указанія, дѣлились своимъ опытомъ и знаніями съ... министерствомъ, вѣря въ его желаніе считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Среди присланныхъ замѣчаній было, разумѣется, много дѣльныхъ, основательныхъ и полезныхъ. Но большинство этого рода замѣчаній, какъ увидимъ ниже, такъ и остались на полкахъ министерскаго архива...

Тѣмъ не менѣе всѣ вновь присланныя мнѣнія опять разсматривались въ ученомъ комитетѣ. Изъ прежнихъ проектовъ перерабатывается и составляется подъ руководствомъ Головнина еще одинъ и послѣдній [1]).

Представленный, наконецъ, въ 1884 г. въ государственный совѣтъ и тамъ въ свою очередь подвергшійся передѣлкамъ и сокращеніямъ, проектъ былъ утвержденъ государемъ (14 іюля 1864 г.) и вошелъ въ дѣйствіе подъ названіемъ „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г.“ [2]).

Что же принесло съ собою это—девять лѣтъ носимое во чревѣ министерства и съ такимъ трудомъ родившееся — „Положеніе“? Насколько оно соотвѣтствовало „дѣйствительной потребности народа въ ученіи“ [3]) и желаніямъ общества, — хотя бы въ той мѣрѣ, поскольку они выразились въ присланныхъ замѣчаніяхъ и журнальныхъ статьяхъ?

Чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, прослѣдимъ ходъ разрѣшенія главнѣйшихъ сторонъ реформы и сравнимъ: что предполагалось проектами, что требовалось обществомъ и самой жизнью, что предлагалъ Головнинъ и что, наконецъ, дало „Положеніе“.

Въ виду спутанности и сложности реформы, я думаю, удобнѣе будетъ расчленить ее на отдѣльные, наиболѣе существенные вопросы, и судьбу каждаго вопроса прослѣдить въ отдѣльности.

Первый вопросъ, связанный съ преобразованіемъ народнаго просвѣщенія,—вопросъ о средствахъ; кто долженъ ихъ давать и кто долженъ заботиться объ открытіи школъ?

II.

По вопросу о томъ, на чьей обязанности должно лежать открытіе и содержаніе училищъ, и проектъ „устава“, и проектъ „плана“ совершенно согласны между собой: и тотъ, и другой въ одинъ голосъ и съ полнымъ единодушіемъ (очевидно, внушеннымъ) утверждали, что дѣло народнаго образованія есть дѣло

[1]) „Проектъ положенія о народныхъ училищахъ“.

[2]) „Обзоръ дѣят. м. н. пр. за 1862—1864 гг.“. „Историч. обзоръ дѣят. м. н. пр.“, стр. 340—448. Сборн. пост. по м. н. пр. Т. 3, стр. 1351.

[3]) Такъ опредѣлялась задача преобразованія въ рескриптѣ 1858 г.

Digitized by Google

самого народа, и что, слѣдовательно, объ учрежденіи и содержаніи народныхъ училищъ должны заботиться городскія и сельскія общества. Проекты и мысли не допускали, чтобы народныя школы могли содержаться на государственныя средства.

Обнаруживъ единомысліе по вопросу объ источникѣ средствъ, проектъ „устава" и проектъ „плана" совершенно разошлись между собой по вопросу о томъ, какой формы и какой системы держаться на практикѣ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Проектъ „устава" (ученаго комитета) открытіе школъ предоставляетъ *доброй волѣ* городскихъ и сельскихъ обществъ: они могутъ открывать и не открывать (§ 39—40 [1]).

Напротивъ, проектъ „плана" (особой комиссіи) дѣлаетъ *обязательнымъ* для городскихъ и сельскихъ обществъ открытіе училищъ (ст. 8), опредѣляетъ и количество школъ—на каждыя 1000 душъ одна школа, и обязательный бюджетъ (для его покрытія назначался поголовный сборъ—въ городахъ по 44 к., а въ селахъ—по $27^1/_2$ к. [2]).

Возложивъ такимъ образомъ на общества обязанность содержать народныя училища, проекты волей-неволей должны были пообѣщать этимъ самымъ обществамъ и частнымъ лицамъ извѣстную долю иниціативы и самостоятельности. Поэтому и проектъ „устава", и проектъ „плана" даетъ право обществамъ и частнымъ лицамъ открывать народныя школы, т. е. узаконяетъ свободу частнаго обученія, до сихъ поръ гонимаго. Но, конечно, даже a priori можно сказать, во что обратится это „право" и эта „свобода".

Уже въ проектахъ свобода частной иниціативы обставлялась такими формальностями, которыя дѣлали ее весьма сомнительной и даже призрачной. Такъ, 41 ст. проекта „устава" говоритъ: „Частныя лица могутъ учреждать народныя училища, съ соблю-

---

[1]) Ст. 39 проекта устава говорила: „Народныя училища учреждаются *по желанію* мѣстныхъ обществъ, городскихъ или сельскихъ, безъ пособія отъ правительства, или съ пособіемъ, которое назначается только въ такихъ случаяхъ, когда, по числу жителей, признано будетъ необходимымъ учрежденіе училища въ какомъ-либо мѣстѣ, а мѣстное общество окажется дѣйствительно неимѣющимъ достаточныхъ къ тому средствъ".

40-я статья опредѣляла формы и размѣръ обезпеченія: общество должно давать помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и все необходимое для содержанія училища, жалованье учителямъ и законоучителямъ (первымъ въ городахъ не менѣе 250 р., а въ селахъ не менѣе 200 р.; вторымъ—въ городахъ не менѣе 80 р., въ селахъ не менѣе 50 р.).

[2]) Ст 16—38 проекта „плана".

Любопытна ст. 29, направленная къ „поощренію" обывателей: „Городскимъ и сельскимъ обществамъ предоставляется полная свобода въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по внѣшнему устройству училищъ; они не стѣсняются никакими требованіями относительно отведенныхъ или принадлежащихъ училищамъ зданій, устройства училищныхъ принадлежностей и способовъ пріобрѣтенія нужныхъ для училища предметовъ".

Digitized by Google

деніемъ требуемыхъ условій, и пользуются всѣми правами народныхъ учителей (?), если сами притомъ занимаются въ нихъ обученіемъ". Слѣдующая—42-я ст.—опредѣляетъ и самыя условія (помимо матеріальнаго обезпеченія) Начало ея очень широковѣщательно: „На открытіе народныхъ училищъ, учреждаемыхъ обществами или частными лицами, предварительнаго *разрѣшенія ни отъ кого не требуется*". Но вторая половина той же статьи совершенно уничтожаетъ право и смыслъ, заключающіеся въ подчеркнутыхъ мною словахъ: „Опредѣленіе директоромъ училищъ учителей есть вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе открыть преподаваніе, такъ какъ *никто безъ такого опредѣленія не имѣетъ права обучать въ народномъ училищѣ*". Такая же противорѣчивость и двуличность была и по отношенію къ частнымъ школамъ грамотности (низшаго типа) и къ воскреснымъ школамъ.

Напр., ст. 339 говорила: „Заниматься обученіемъ въ школахъ грамотности (какъ ежедневныхъ, такъ и воскресныхъ) имѣютъ право всѣ лица мужского и женскаго пола, выбираемыя... довѣріемъ обществъ или родителей, поручающихъ имъ обученіе дѣтей".

„Всякое злоупотребленіе,—говорилось въ 340 ст.,—со стороны учителей прекращается самими обществами и родителями чрезъ отобраніе дѣтей изъ школы и преслѣдуется судебнымъ порядкомъ, какъ обманъ".

Но ст. 346 совершенно уничтожала силу и значеніе предшествующихъ статей: „училищное начальство обращаетъ вниманіе на то, чтобы учителя и учительницы въ ежедневныхъ и воскресныхъ школахъ грамотности, а также и распорядители были люди *вполнѣ благонадежные*, чтобы обученіе совершалось по книгамъ, одобреннымъ министерствомъ, и чтобы учащіеся достаточно снабжены были необходимыми учебными пособіями".

Для открытія частнаго училища высшаго типа (съ программой выше элементарной школы) требовался цѣлый рядъ самыхъ стѣснительныхъ формальностей: учителя должны имѣть свидѣтельство на право обученія, содержаніе должно быть обезпечено, планъ и программа преподаванія должны быть утверждены начальствомъ и т. д. Наблюденіе за преподаваніемъ, за удобствомъ и чистотой помѣщенія, за содержаніемъ учащихся и учащихъ возлагалось на директора. Ему же нужно было представлять отчеты.

Проектъ „плана" гораздо суровѣе, но за то послѣдовательнѣе... Разрѣшая частнымъ лицамъ открывать школы, онъ требуетъ, чтобы обученіе въ нихъ шло „исключительно въ православномъ направленіи". Находя, что „не столько опасно плохое, тяжелое и вообще дурное преподаваніе, сколько то, чтобы обученіе не попало въ руки людей неблагонамѣренныхъ", проектъ „плана" считалъ необходимымъ „бдительное наблюденіе привительства" за преподаваніемъ въ частныхъ школахъ. Поэтому требо-

Digitized by Google

валъ, чтобы частные учредители немедленно (по открытіи училищъ) заявляли мѣстному училищному начальству и мѣстной полиціи (въ селахъ—мировымъ посредникамъ) о началѣ занятій и объ имени и званіи учителей. Наблюденіе за учебною частью возлагалось на директора, а за „направленіемъ"—мѣстному духовенству.

Что же остается на долю обществъ и лицъ, открывающихъ на свой счетъ школы? „Отчетность въ суммахъ,—говорится въ проектѣ „устава",—и порядокъ храненія ихъ предоставляется усмотрѣнію самихъ обществъ. Во внутреннія распоряженія по хозяйственной части учебное начальство также не вмѣшивается" [1]).

Кромѣ того, „чтобы частныя лица, учреждающія школы, могли принимать въ нихъ живое и непосредственное участіе, предлагается учрежденіе при народныхъ школахъ званія попечителей"...

А проектъ „плана" еще добрѣе: „Городскимъ и сельскимъ обществамъ предоставляется полная свобода въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по внѣшнему устройству училищъ: они не стѣсняются никакими требованіями относительно отводимыхъ подъ училища зданій, устройства училищныхъ принадлежностей и способовъ пріобрѣтенія нужныхъ для училища предметовъ" [2]).

Если этихъ „правъ" мало, вотъ еще одно: „Чтобы пробудить въ обществахъ болѣе готовности доставлять средства на содержаніе училищъ, обществамъ предоставляется полная самостоятельность въ раскладкѣ и сборѣ нужной на содержаніе училища суммы"... [3]).

Объяснительная записка къ проекту *устава* говорила по этому вопросу: „Въ настоящее время дѣло воспитанія у насъ находится почти исключительно въ рукахъ правительства, которому не только принадлежитъ иниціатива въ открытіи собственно казенныхъ заведеній и въ управленіи ими, но и въ распоряженіи частными учебными заведеніями. Такого права правительства нельзя не признать вполнѣ законнымъ, потому что на немъ лежитъ отвѣтственность за благосостояніе народа, и слѣдовательно на немъ же должна лежать обязанность слѣдить и направлять воспитаніе, служащее главнѣйшею основою такого благосостоянія. Признавая это начало, ученый комитетъ считаетъ, однако, необходимымъ, въ видахъ легчайшаго распространенія просвѣщенія, предоставить болѣе широкое, сравнительно съ настоящимъ, участіе въ народномъ образованіи частнымъ лицамъ и обществахъ. *Правительство, при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ, не имѣетъ матеріальной возможности заводить училища* вездѣ, гдѣ они нужны, что служитъ у насъ главнѣйшею причиною ма-

---

[1]) Ст. 44-я и 62 проекта „устава".
[2]) Ст. 29-я проекта „плана".
[3]) Объяснит. записка къ проекту „плана".

Digitized by Google

лаго числа ихъ сравнительно съ народонаселеніемъ и пространствомъ. Одно средство отвратить этотъ недостатокъ заключается въ обращеніи къ помощи частныхъ лицъ и обществъ, какъ это уже и дѣлается, напримѣръ, въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ большая часть учебныхъ заведеній содержится безъ пособій со стороны правительства. Правда, въ странахъ этихъ сознаніе пользы просвѣщенія развито въ народѣ въ такой степени, что подобная система оказывается тамъ вполнѣ удобною; но ученый комитетъ полагаетъ, что и у насъ, несмотря на господствующее еще въ массѣ народной равнодушіе къ просвѣщенію, начало частнаго обученія можетъ приняться и принести современемъ вожделѣнные плоды. Сначала достаточно дать свободу первоначальнаго обученія въ школахъ грамотности, ежедневныхъ и воскресныхъ, а затѣмъ придутъ сами собой народныя училища, прогимназіи и даже гимназіи, и многія изъ этихъ заведеній будутъ учреждаться частными лицами — иныя, можетъ быть, съ нѣкоторымъ пособіемъ, а другія и вовсе безъ пособія со стороны правительства. По этимъ причинамъ въ проектѣ „устава" частнымъ лицамъ и обществамъ предоставляется учрежденіе не только народныхъ училищъ, но даже гимназій и прогимназій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ, этимъ учебнымъ заведеніямъ даются права, во всѣхъ отношеніяхъ одинаковыя съ казенными заведеніями подобнаго рода. Такая система принесетъ огромную пользу дѣлу народнаго образованія, да и *правительство сбережетъ значительные капиталы, сохранивъ при этомъ контроль надъ духомъ воспитанія* въ сихъ заведеніяхъ. Но чтобы частныя лица и общества, учреждающія подобныя заведенія, могли принимать въ нихъ живое и непосредственное участіе, въ проектѣ предполагается учрежденіе при народныхъ училищахъ званія попечителей, а при гимназіяхъ и прогимназіяхъ — попечительныхъ совѣтовъ. Какъ попечители училищъ, такъ и члены попечительныхъ совѣтовъ избираются изъ мѣстныхъ жителей и, не имѣя собственно-административнаго значенія, сохраняютъ за собой право контроля преимущественно по хозяйственной части.

„Предоставляя учрежденіе народныхъ училищъ, прогимназій и гимназій частнымъ лицамъ и обществамъ, съ цѣлію наибольшаго распространенія просвѣщенія, ученый комитетъ въ тѣхъ же видахъ находитъ необходимымъ облегчить самые способы открытія училищъ. Кому неизвѣстно, съ какими затруднительными формальностями сопряжено въ настоящее время открытіе каждаго учебнаго заведенія, сколько времени тратится для того въ безплодной перепискѣ и какъ часто за этими проволочками охладѣваетъ ревность самихъ обществъ къ устройству того или другого училища. Поэтому въ проектѣ „устава" открытіе частными лицами и обществами народныхъ училищъ предоставлено вполнѣ

Digitized by Google

самимъ учредителямъ, безъ требованія отъ нихъ на то чьего-либо разрѣшенія, а на правительство возлагается только опредѣленіе въ эти учебныя заведенія должностныхъ лицъ, удовлетворяющихъ въ этомъ отношеніи требованіямъ устава. Повидимому, такая система не представляетъ никакого различія отъ прежней; опредѣленіе должностныхъ лицъ можетъ быть многими принято за одно съ разрѣшеніемъ открыть училище, потому что безъ такого опредѣленія и самое училище не можетъ считаться открытымъ. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, мѣра, предлагаемая ученымъ комитетомъ, оказывается совершенно новою и значительно облегчающею дѣло открытія училищъ частными лицами и обществами. У учредителей здѣсь остается полная увѣренность, что они сами открываютъ училища, что они не могутъ встрѣтить запрещенія въ этомъ дѣлѣ, если лица, избранныя ими, имѣютъ требуемыя уставомъ условія, и что поэтому они могутъ безъ всякаго опасенія сдѣлать заблаговременно всѣ нужныя къ тому приготовленія. Для учредителей здѣсь выигрышъ въ моральномъ отношеніи и выигрышъ во времени, не говоря уже о томъ, что, по самому существу своему, представляется страннымъ вопросъ о разрѣшеніи приступить къ такому благому дѣлу, какъ открытіе народнаго училища или гимназіи. Возраженіе, что при подобномъ условіи правительство утрачиваетъ свое достоинство, не имѣетъ никакой силы. Облегчая способы распространенія просвѣщенія, правительство, напротивъ, только выигрываетъ и въ моральномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Мнѣніе, что при подобномъ порядкѣ вещей явятся злоупотребленія, также лишено достаточнаго основанія: *за правительствомъ все же остается не только опредѣленіе лицъ, но и полный контроль* за самими заведеніями.

„Въ отношеніи частныхъ школъ грамотности ученый комитетъ считаетъ возможнымъ допустить еще большее облегченіе: не только открытіе ихъ, какъ первоначальныхъ учебныхъ заведеній, производится безъ всякаго разрѣшенія, но и на право обученія въ нихъ не требуется утвержденія училищнаго начальства. При ограниченномъ курсѣ сихъ школъ, и не предстоитъ въ томъ надобности: иначе пришлось бы въ самомъ началѣ остановить эти школы и даже совершенно подавить ихъ, что противно было бы общимъ видамъ распространенія просвѣщенія всѣми разумными средствами, находящимися въ рукахъ правительства и общества“.

„Многіе видятъ большое зло и даже опасность для общества въ такой свободѣ, при которой дѣло элементарнаго ученія можетъ перейти въ руки людей полуграмотныхъ и даже безнравственныхъ и неблагонамѣренныхъ.

„Соглашаясь, что такое опасеніе имѣетъ достаточныя основанія, ученый комитетъ тѣмъ не менѣе твердо убѣжденъ, что предоставленіе свободы въ элементарномъ ученіи обѣщаетъ несравненно болѣе пользы, чѣмъ вреда“.

Digitized by Google

Чтобы обезвредить свободу (а не совсѣмъ уничтожить, иначе пришлось бы,—либеральничаетъ ученый комитетъ,—запретить употребленіе ножа, такъ какъ имъ можно причинить вредъ), записка великодушно обѣщаетъ, что министерство будетъ *„наблюдать за ходомъ этого ученія, устраняя отъ преподаванія лицъ, оказавшихся на дѣлѣ неблагонадежными“*; а общество и родители обязываются слѣдить, чтобы обученіе не переходило въ руки людей безнравственныхъ и неблагонамѣренныхъ [1]).

Въ объяснительной запискѣ къ проекту „плана“ говорилось, между прочимъ: „По мнѣнію комитета, нѣтъ надобности доказывать, что возвысить нравственное и хозяйственное положеніе народа можно только повсемѣстнымъ распространеніемъ въ городскомъ и сельскомъ населеніи элементарнаго образованія или по крайней мѣрѣ грамотности въ тѣсномъ смыслѣ. Для достиженія этого, существенно необходимо, сколь возможно скорѣе, удобнѣе и дешевле устроить правильно организованныя и направленныя къ одной цѣли училища, а гдѣ, по недостатку средствъ, это невозможно, изыскать другія мѣры для обученія грамотѣ и доставленія всякому средствъ пріобрѣтать необходимыя въ бытѣ его свѣдѣнія; но, съ другой стороны, нельзя не принять въ соображеніе, что устройство правильно организованныхъ училищъ потребуетъ весьма значительныхъ издержекъ; что, по существу самаго дѣла, сельскія школы, въ коихъ ощущается особый недостатокъ, должны быть учреждаемы и содержимы на счетъ сельскихъ обществъ, и что, *несмотря на все стремленіе и готовность правительства содѣйствовать распространенію народнаго образованія* собственными средствами, *едва ли окажется возможность возлагать на него новыя пожертвованія на содержаніе училищъ“* [2]). А въ другомъ мѣстѣ прибавлено: „Чтобы пробудить въ обществахъ болѣе готовности доставлять средства на содержаніе училищъ, въ проектѣ полагается предоставлять обществамъ *полную самостоятельность*, какъ *въ раскладкѣ и сборѣ* нужной на содержаніе училища суммы, такъ и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по пріобрѣтенію всего нужнаго для училища“.

По вопросу о частныхъ школахъ и частной иниціативы вообще въ запискѣ говорилось:

„Имѣя въ виду, что размноженіе училищъ, по существу дѣла, не можетъ идти весьма быстро, не слѣдуетъ, по мнѣнію комитета, воспрещать и частнымъ лицамъ учреждать школы: лучше учиться одной грамотѣ, чѣмъ ничему не учиться, или лучше учить какъ-нибудь, чѣмъ вовсе не учить. Но, дозволяя это, нельзя имѣть на-

---

[1]) Объяснит. записка къ проекту учен. ком., стр. 111—113, 145.

[2]) Жалко, что записка не указываетъ, каковы были прежнія „пожертвованія“ правительства.

Digitized by Google

дежды, чтобы въ наблюденіи за воспитаніемъ приняли дѣятельное участіе сами общества и родители: кто не знаетъ, что даже въ семействахъ образованныхъ и притомъ платящихъ большія деньги за обученіе своихъ дѣтей и этимъ самымъ доказывающихъ свое неравнодушіе къ ученію, ни отецъ, ни мать, за недосугами и развлеченіями, часто не только не слѣдятъ за ходомъ и направленіемъ уроковъ, но даже не знаютъ—что и какъ преподается ихъ дѣтямъ; тѣмъ менѣе, конечно, можно ожидать этого отъ родителей необразованныхъ, или вовсе безграмотныхъ. А какъ не столько *опасно* плохое, тяжелое и вообще дурное преподаваніе, сколько то, *чтобы обученіе не попало въ руки людей неблагонамѣренныхъ, правительство должно бдительно наблюдать за преподаваніемъ* въ частныхъ школахъ, *устраняя отъ преподаванія лицъ, оказавшихся на дѣлѣ неблагонадежными.* Предварительныя испытанія, какъ бы ни были они устроены, не могутъ заранѣе открыть неблагонамѣренность. По этимъ соображеніямъ въ проектѣ предоставляется открытіе частныхъ ежедневныхъ и воскресныхъ школъ каждому желающему, но съ обязанностью немедленно заявлять объ открытіи ихъ и именахъ учредителей и преподавателей директору и мѣстной полиціи".

Мнѣнія лицъ и учрежденій, обсуждавшихъ проекты, также раздѣлились; нѣкоторые,—сравнительно, впрочемъ, немногіе,—считали обязанностью правительства открывать и содержать народныя школы; другіе стояли за обязательное открытіе школъ самими обществами; огромное же большинство отстаивали свободную иниціативу обществъ и частныхъ лицъ, расходясь, конечно, только съ ученымъ комитетомъ и въ пониманіи иниціативы, и въ условіяхъ ея примѣненія.

Сторонники правительственной иниціативы говорили: въ нашемъ народѣ нѣтъ еще сознанія и здраваго понятія о цѣли и пользѣ образованія; онъ никогда не обнаруживалъ собственной самодѣятельности и привыкъ все видѣть исходящимъ сверху. Въ Россіи дѣло народнаго образованія было доселѣ постоянно дѣломъ правительства. Поэтому нельзя разсчитывать, чтобы народъ самъ, по своему побужденію, пожелалъ повсемѣстно открывать школы, онъ еще не чувствуетъ потребности въ образованіи. Предоставить учрежденіе народныхъ училищъ желанію мѣстныхъ обществъ—значитъ, остановить образованіе въ народѣ еще на долгое время. Поэтому правительство обязано само, ради собственной пользы и государственныхъ интересовъ, учреждать народныя училища повсемѣстно и по возможности скорѣе, не дожидаясь, пока городскія и сельскія общества изъявятъ свое желаніе [1]).

Такъ, совѣтъ архангельской гимназіи писалъ: „Предоставле-

---

[1]) Журналы засѣданій ученаго комитета по разсм. проектовъ „устава" и „плана", стр. 163.

Digitized by Google

ніемъ доброй волѣ общества содержанія училищъ, вѣроятно, имѣется въ виду заинтересовать само общество, возбудить сочувствіе его къ дѣлу народнаго образованія. Но наврядъ ли подобная цѣль достижима въ обществѣ, привыкшемъ видѣть все исходящимъ сверху, не обнаруживавшемъ никогда собственной самодѣятельности. Подобная самодѣятельность, автономія, можетъ начаться только съ болѣе видимыхъ, ощутительныхъ интересовъ, каковы матеріальныя выгоды, а пониманіе болѣе отвлеченныхъ, духовныхъ интересовъ, каково народное образованіе, доступно только болѣе развитому обществу. Странно, кажется, въ настоящее время ратовать въ духѣ централизаціи за бюрократическое начало; но ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что никакая, самая полезная мѣра, касающаяся ощутительно выгодъ мѣстныхъ, не будетъ принята обществомъ безъ сильнаго вмѣшательства администраціи; общество преравнодушно остается ко всему. Поэтому рѣшительно нельзя вѣрить существованію школъ, которыхъ открытіе предоставляется самому обществу; если бъ онѣ даже и открылись, то будутъ лишены необходимаго денежнаго содержанія, если предоставить на произволъ общества открытіе и опредѣленіе средствъ для содержанія такихъ училищъ. Постоянные недоборы и недоимки въ казенныхъ податяхъ и пошлинахъ, зависящіе часто вовсе не отъ бѣдности народа, для взысканія которыхъ употреблены всѣ возможныя понудительныя мѣры, неужели недостаточно убѣждаютъ насъ въ этомъ? Еще болѣе, мы боимся даже за точное исполненіе тѣхъ повинностей, которыя легко могутъ быть отправлены натурой, каково помѣщеніе и отопленіе училища, и легко можетъ статься, что бѣдному учителю придется въ крѣпкія зимы жить въ нетопленныхъ комнатахъ, когда общество, по своей безпечности, не позаботится доставкой дровъ на зиму“ [1]).

Директоръ училищъ Вологодской губ. Красовъ замѣчалъ: „Въ Россіи дѣло народнаго образованія постоянно было дѣломъ правительства; его средствами учреждались у насъ учебныя заведенія. Потому неудивительно, что общество привыкло это дѣло не считать своимъ дѣломъ и отложило о немъ всѣ заботы и попеченія... Нельзя разсчитывать, чтобы народъ самъ, по своему побужденію, пожелалъ повсемѣстнаго открытія народныхъ школъ и вполнѣ ихъ обезпечилъ. Къ этому онъ не приготовленъ, не воспитанъ. Для примѣра приведу отзывы нѣкоторыхъ городскихъ обществъ. Сольвычегодскій городской голова, представляя на видъ, что почти половина гражданъ Сольвычегодска, по причинѣ крайней бѣдности и отсутствія всякаго промысла, не въ состояніи платить обыкновенныхъ податей, и потому, если сумму, необходимую по проекту, возложить на гражданъ, то значило бы

[1]) Замѣчанія, т. 4, стр. 141.

Digitized by Google

совершенно разорить ихъ. Почти тоже самое высказываетъ и бургомистръ города Тотьмы. Самый богатый и промышленный изъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи—городъ Устюгъ, но и тамъ на учрежденіе женскаго училища едва-едва съ величайшимъ неудовольствіемъ согласились жертвовать по 3 к. съ души" [1]).

Карповъ, изъ Сибири, по общимъ соображеніямъ и по мѣстнымъ условіямъ, также считалъ необходимымъ, чтобы правительство взяло на себя содержаніе училищъ:

„Училищный налогъ, если онъ будетъ сдѣланъ обязательнымъ, будетъ слишкомъ тяжелъ, для населенія въ особенности. Падая на лицо, а не на имущество, онъ будетъ особенно отяготителенъ для тѣхъ изъ сельскихъ обывателей, которые пользуются достаткомъ.

„А какъ, по значительности разстояній между селеніями въ Восточной Сибири, обученіе дѣтей въ народныхъ училищахъ, въ большинствѣ случаевъ, возможно только подъ условіемъ содержанія ихъ въ чужомъ селеніи, то само собою разумѣется, что только весьма незначительное число сельскихъ обывателей будетъ въ состояніи послать дѣтей въ училище; большинство же ихъ будетъ нести тяжесть налога, безъ всякаго за то вознагражденія. Подобное положеніе дѣлъ, естественно, возбудитъ неудовольствіе и ропотъ населенія, будетъ причиною отмѣны налога, и надолго дискредитируетъ всѣ мѣры образованія въ народѣ.

Поставить же учрежденіе училищъ въ зависимость отъ желанія мѣстныхъ обществъ, значитъ—оставить все дѣло о народномъ образованіи въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно находится нынѣ" [2]).

Аргументы защитниковъ обязательной (для обществъ) системы весьма сходны съ тѣми, которые приводились сторонниками правительственной системы. Обязательная система, говорили ея защитники, сравнительно съ свободною, болѣе раціональна и принесетъ болѣе практической пользы, особенно у насъ, гдѣ масса городского и сельскаго населенія, коснѣя въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, не сознаетъ необходимости и пользы образованія. Въ такомъ великомъ и святомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, нужны не полумѣры, а рѣшительныя, радикальныя мѣры для излеченія умственнаго недуга въ нашемъ простонародьи; иначе придется вѣка ждать распространенія въ немъ просвѣщенія. Судя по жалкому положенію нынѣшнихъ приходскихъ училищъ и по явному равнодушію не только сельскихъ, но и городскихъ обществъ къ образованію, нѣтъ надежды, чтобы они сами вызвались учреждать и содержать народныя училища, а потому необходимо

---

[1]) Ibid., стр. 133,
[2]) Ibid., стр. 575.

Digitized by Google

обязать ихъ къ этому закономъ... Обязательная система вѣрнѣе ведетъ къ цѣли и полнѣе отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ [1]).

Такъ, учитель Мироновичъ писалъ: „Тамъ, гдѣ по необразованности и невѣжеству родителей нельзя предоставить на ихъ волю, — тамъ, говоримъ, общество должно заступить ихъ мѣсто; въ противномъ случаѣ, просвѣщеніе народа, если не вполнѣ пріостановилось бы, то могло бы достигнуть таковаго въ продолженіе долгихъ вѣковъ... Кто побывалъ въ Европѣ и со вниманіемъ приглянулся къ самымъ низшимъ народнымъ сословіямъ въ различныхъ государствахъ, тотъ, навѣрно, скажетъ, что въ отношеніи народнаго образованія въ самыхъ низшихъ слояхъ нѣмцы опередили всѣхъ и стоятъ выше всѣхъ.

„Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи крестьянинъ, несмотря на всеобщую, если такъ можно выразиться, окружающую его температуру просвѣщенія, стоитъ такъ низко, что нашъ мужичокъ, одаренный отъ природы большими способностями, далеко превышаетъ его своими познаніями и образованіемъ.

„Въ Италіи почти тоже самое; въ Германіи же, напротивъ, заботливость о просвѣщеніи до того распространила инструкцію первоначальнаго обязательнаго обученія, что во многихъ государствахъ этого союза нельзя найти человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать.

„Чему же обязана Германія такимъ повсемѣстнымъ развитіемъ просвѣщенія? Отвѣчаемъ: положительно-обязательному публичному воспитанію“ [2])...

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Глушановскій шелъ дальше проекта „плана“ въ этомъ отношеніи и предлагалъ сдѣлать обязательнымъ для общества содержаніе не только низшихъ, но и среднихъ учебныхъ заведеній.

„Средства для общечеловѣческаго образованія, какъ необходимаго каждому члену гражданскаго общества для общежитія и для удовлетворенія разумной природѣ человѣка, должно доставить само общество на томъ же основаніи, какъ средства для образованія спеціальнаго... обязано доставить правительство. Въ составленіи средствъ для общечеловѣческаго образованія новаго поколѣнія должны участвовать всѣ члены общества, и притомъ соотвѣтственно съ кругомъ сдѣдѣній, или умственнаго и нравственнаго развитія, требующагося извѣстною средою дѣятельности членовъ общества, то-есть сословіями или состояніями. Отсюда вытекаетъ необходимость общаго и притомъ прогрессивнаго поголовнаго сбора на народное образованіе. Если посему совершенно справедливо установляется сборъ на учрежденіе народныхъ училищъ съ членовъ общества, не сознающихъ еще нравствен-

---

[1]) Журналы засѣд. учен. комитета, стр. 167—168.
[2]) Замѣчанія... Т. 2, стр. 143.

Digitized by Google

ныхъ соціальныхъ своихъ обязанностей, то несправедливо юридически и непослѣдовательно, принявъ уже разъ начало непосредственной необходимости и пользы образованія для всего народа, не требовать такой же жертвы отъ членовъ общества, сознающихъ свои соціальныя обязанности, на учрежденіе по относительному свойству своему, элементарныхъ же общеобразовательныхъ училищъ, предназначаемыхъ для высшихъ сословій. Если составители проектовъ пришли къ убѣжденію въ необходимости отнесенія расхода на учрежденіе низшихъ народныхъ училищъ на счетъ самихъ обществъ только по огромности цифры сего расхода, то тѣ же побужденія должны были бы заставить ихъ отнести на счетъ же обществъ и расходъ на учрежденіе среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній...

„Сборъ по 15 коп. съ души муж. и женск. пола для земледѣльцевъ, по 30 коп. для сословій промышленныхъ—городскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ, то есть для ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ и по 3 руб. для землевладѣльцевъ, или располагающихъ капиталами и вообще живущихъ не непосредственнымъ трудомъ, то-есть для сословій дворянскаго, духовнаго и купеческаго, будетъ совершенно достаточенъ для полнаго осуществленія цѣлой системы элементарнаго, общечеловѣческаго народнаго образованія“ [1])...

Учитель Казанскій, возражая противъ проекта „устава“ (добровольнаго учрежденія), писалъ: „Мы видимъ на опытѣ, какъ до сихъ поръ общества были равнодушны къ своимъ приходскимъ училищамъ, какъ неохотно, съ какими непріятностями, при постоянныхъ побужденіяхъ начальства доставляли самыя скудныя средства къ содержанію этихъ училищъ. Развѣ это показываетъ сознаніе потребности образованія и необходимости училищъ? Или, можетъ быть, при предоставленіи обществамъ полнаго произвола открывать и содержать училища, они, почувствовавъ свободу въ этомъ, охотнѣе будутъ учреждать и содержать оныя? Скорѣе можно усомниться въ этомъ, тѣмъ болѣе, что, при открытіи народныхъ училищъ на новыхъ началахъ, со стороны обществъ потребуются гораздо большія пожертвованія, чѣмъ прежде...

„Наше мѣщанство и купечество до сихъ поръ большею частію обучалось въ частныхъ домашнихъ школахъ, несмотря на существовавшія запрещенія такого рода школъ. При предоставленіи ст. 339 права открывать и обучать въ школахъ грамотности всѣмъ лицамъ обоего пола, эти школы привлекутъ къ себѣ большее число дѣтей, такъ что родителямъ ихъ, не сознающимъ истиннаго образованія, довольно-предовольно покажется одной грамотности, и они долгое время не поймутъ, что нужно и по-

[1]) Ibid., т. 5, стр. 615—616.

Digitized by Google

лезно знать еще что-нибудь, кромѣ грамотности. Нельзя отвергать, что (такой) взглядъ нашихъ городскихъ и сельскихъ обществъ на образованіе современемъ прояснится до полнаго сознанія, но время дорого и его надобно употреблять разумно и сознательно. Поэтому не лучше ли вложить въ общества мысль о необходимости народныхъ училищъ... прямымъ обязательствомъ каждаго изъ нихъ, кромѣ самобѣднѣйшихъ, учреждать и содержать оныя училища...

„Въ противномъ случаѣ, при допущеніи полной свободы въ открытіи народныхъ училищъ и обученія въ нихъ, высокая цѣль ихъ долго не будетъ достигаться и общества мало будутъ сочувствовать подобнымъ заведеніямъ“ [1])...

Поборники свободнаго учрежденія народныхъ училищъ—по иниціативѣ самихъ обществъ и частныхъ лицъ, отвергая обязательную систему, указывали на то, что, во 1-хъ, при существующихъ налогахъ и другихъ повинностяхъ не многіе города и селенія въ состояніи будутъ, по своей бѣдности, нести новые налоги; поэтому поголовный ежегодный сборъ (въ указанномъ размѣрѣ) не будетъ успѣшенъ безъ строгихъ принудительныхъ мѣръ; во 2-хъ, въ народѣ, просвѣщаемомъ путемъ принужденія, возникаетъ особая мораль, по которой принуждаемый къ устройству училищъ и къ ученью есть жертва, возбуждающая сочувствіе; образованіе только тогда съ успѣхомъ привьется народу, когда онъ не по приказанію начальства, а по собственной потребности и иниціативѣ учреждаетъ школы и учится въ нихъ.

Кромѣ того, рѣдкость и неравномѣрность населенія дѣлаетъ неудобнымъ, а часто и несправедливымъ насильственное уравненіе въ обязательномъ устройствѣ школъ (на каждыя 1000 душъ).

Отстаивая необходимость полной и свободной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія, защитники этой системы говорили: „правительство одно безсильно удовлетворить всѣмъ потребностямъ народнаго образованія... Общество само должно позаботиться, чтобъ его будущіе граждане могли съ пользою служить обществу. Вмѣшательство правительства только парализуетъ частную дѣятельность и тѣмъ вредитъ успѣхамъ просвѣщенія. Дѣло правительства въ этомъ случаѣ только помогать, содѣйствовать, устранять препятствія.

„Но при подобномъ порядкѣ вещей,—говорятъ противники,—могутъ явиться злоупотребленія. Ученіе можетъ перейти въ руки полуграмотныхъ и даже безнравственныхъ и неблагонамѣренныхъ людей и такимъ образомъ частное обученіе... можетъ сдѣлаться средствомъ пропаганды антирелигіозной и антиправительственной.

„Отчего же это не дѣлается въ тѣхъ странахъ, гдѣ свобода частнаго обученія принята во всей силѣ? а если и дѣлается, то

---

[1]) Ibid., т. 5, стр. 178—179.

Digitized by Google

немедленно и безвозвратно падаетъ передъ здравымъ общественнымъ смысломъ, не принося вреда ни правительству, ни религіи. Какія же средства имѣетъ правительство для предотвращенія подобнаго зла? Наблюденіе директоровъ и инспекторовъ нар. уч.? Но кого же можетъ обмануть дѣйствительность этого контроля? Есть ли какая-нибудь человѣческая возможность, кромѣ постояннаго обозрѣнія сотни училищъ, слѣдить еще за тѣмъ, что въ такомъ-то училищѣ, тогда-то, такой-то учитель сказалъ такое-то антирелигіозное или антиправительственное мнѣніе?... А между тѣмъ, не устраняя зла, такой контроль мѣшаетъ развиваться полезнымъ учрежденіямъ. *Не легче ли будетъ слѣдить тогда, когда всѣ злоупотребленія будутъ происходить открыто и на свободѣ; тогда всякое дѣйствительное злоупотребленіе, принявшее серьезные размѣры, можетъ преслѣдоваться судомъ и обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ*" [1]).

Членъ-докладчикъ по этому вопросу въ комиссіи Головнина (при ученомъ же комитетѣ), именно Игнатовичъ, дѣлавшій сводку и оцѣнку всѣхъ предположеній и мнѣній, дававшій свое заключеніе, всецѣло примкнулъ къ защитникамъ свободной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

„На чемъ основываютъ,—говорилъ онъ,—необходимость обязательной системы ея безусловные почитатели? На невѣжествѣ и равнодушіи городскихъ и сельскихъ обществъ къ существующимъ приходскимъ училищамъ? на мнимой привычкѣ общества ждать во всемъ правительственной иниціативы? на удобности, при введеніи поголовнаго сбора, сразу открыть народныя училища по всей Россіи? Но давно ли у насъ проявилась искренняя и разумная заботливость о народномъ образованіи? Обвиняютъ городскія и сельскія общества въ равнодушіи къ приходскимъ училищамъ, забывая о томъ, что изъ существующихъ нынѣ заведеній этого рода одни учреждены на основаніи обязательной системы, другія (въ селеніяхъ госуд. имуществъ)—на основаніяхъ системы правительственной. Жалкое положеніе, въ которомъ находятся всѣ эти училища... не убѣждаетъ ли положительно въ несостоятельности той и другой системы? [2])

„Мнѣніе о привычкѣ русскаго народа ждать во всемъ правительственной иниціативы также едва ли основательно. Правда, что наши городскія и сельскія общества не принимались доселѣ ни за какое общеполезное дѣло, не почувствовавъ правительственнаго толчка; но эта ихъ неподвижность скорѣе вынужденная, чѣмъ привычная; а ея источникъ въ томъ, что всякая попытка

---

[1]) Ibid. Приложеніе, стр. 3—4. Курсивъ подлинника.

[2]) „Наши теперешнія школы,—замѣчаетъ Игнатовичъ,—для того только и существуютъ, чтобы доказать несостоятельность мѣръ правительства, предпринимаемыхъ безъ предварительной иниціативы со стороны тѣхъ обществъ, для которыхъ учреждаются училища".

Digitized by Google

обществъ къ самодѣятельности разбивалась о вмѣшательство властей и административныя формальности" [1])...

Весьма интересныя замѣчанія на проектъ „плана" и предлагаемую имъ систему обязательнаго обученія были высказаны Л. Н. Толстымъ.

„На-дняхъ прочелъ я проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. Чтеніе это произвело на меня впечатлѣніе, похожее на то, которое долженъ испытывать человѣкъ, давно знавшій и любившій, на его глазахъ выроставшую, молодую рощу, получивъ неожиданное извѣстіе, что изъ рощи этой предположено сдѣлать садъ,—тутъ вырѣзать, тутъ подчистить и подстричь, тутъ срѣзать съ корнемъ молодые отпрыски и на ихъ мѣстѣ набить щебнемъ дорожки.

„Хищную подать и поручаетъ чиновникамъ министерства управленіе всѣми вновь открытыми училищами, т. е. назначеніе учителей, программъ, руководствъ. Правительство, на основаніи взятой подати, обязуется передъ народомъ найти и опредѣлить 50,000 учителей, учредить, по крайней мѣрѣ, 50,000 училищъ. Правительство же до сей поры само постоянно чувствовало и чувствуетъ свою несостоятельность относительно управленія уже существующими приходскими и уѣздными училищами.

„Общій смыслъ проекта слѣдующій: правительство, считая необходимымъ распространить народное образованіе и предполагая, что образованіе народа еще не началось, что онъ враждебно смотритъ на свое будущее образованіе; предполагая, что уставъ 1828 года, воспрещающій открывать школы и учить лицамъ, не имѣющимъ на то права, исполняется; полагая, что народъ безъ понужденія никогда не примется за свое образованіе и что, принявшись, не сумѣетъ повести его, правительство накладываетъ на народъ новую,—самую большую изъ всѣхъ существовавшихъ податей, училищную.

„Я постараюсь перенестись въ сферу мысли и дѣятельности, изъ которой возникъ проектъ. Мнѣ понятно, что въ настоящую эпоху всеобщихъ преобразованій въ Россіи вопросъ объ устройствѣ системы народнаго образованія естественно долженъ былъ возникнуть въ правительственныхъ кругахъ. Правительство, всегда имѣвшее и имѣющее иниціативу во всѣхъ преобразованіяхъ, новоучрежденіяхъ, должно было, естественно, придти къ убѣжденію, что именно въ настоящее время на немъ лежитъ обязанность устройства системы народнаго образованія. Придя къ такому убѣжденію, оно также, естественно, должно было поручить устройство системы извѣстнымъ чиновникамъ различныхъ министерствъ. Основательнѣе и либеральнѣе той мысли, что въ составленіи проекта должны участвовать представители всѣхъ вѣдомствъ,

[1]) Журналы засѣд. учен. комит., стр. 159—160, 172—173.

Digitized by Google

ничего нельзя было придумать, ничего нельзя было и требовать. Можно было бы замѣтить только, почему въ этомъ комитетѣ, занятія котораго важнѣе въ тысячу разъ крестьянскаго комитета, не были приглашены эксперты, такъ же, какъ при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ, но замѣчаніе это не имѣетъ силы, ибо, по нашему убѣжденію, ежели бы и были приглашены такъ называемые эксперты, то проектъ мало бы измѣнился отъ того, что онъ есть. О томъ, чтобы самъ народъ, до котораго только и касается дѣло проекта, самъ бы, посредствомъ своихъ представителей составлялъ свою систему, не могло быть и рѣчи.

„Люди, хотя и весьма почтенные, служащіе чиновники, никогда не изучавшіе ни народъ, ни вопросы народнаго образованія, не спеціалисты того дѣла, которымъ они занимались, продолжая свои прежнія занятія, не имѣя времени посвятить десятки лѣтъ на изученіе предстоящаго вопроса, стали собираться по извѣстнымъ днямъ недѣли и обсуждать величайшій вопросъ міроустройства народнаго образованія въ Россіи. Надо еще замѣтить, что существеннѣйшій вопросъ подвѣдомственности училищъ министерству народнаго просвѣщенія былъ предрѣшенъ въ комитетѣ гг. министровъ, и что потому члены комитета были поставлены въ самыя тѣсныя рамки.

„Я впередъ признаю всѣхъ членовъ комитета высокообразованными и высоконравственными лицами, проникнутыми любовію къ народу и желаніемъ благу отечеству и, несмотря на то, не могу предположить, чтобы при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они работали, могло бы выдти что-нибудь другое. Долженъ былъ выдти тотъ самый проектъ, которымъ мы занимаемся. Во всемъ проектѣ видно не столько изученіе народныхъ потребностей и изученіе самаго образованія и на этихъ основаніяхъ постановленіе новыхъ законовъ, а какая-то борьба съ чѣмъ-то неизвѣстнымъ вреднымъ и мертвящимъ. Весь проектъ наполненъ статьями о томъ, что народныя училища суть заведенія открытыя, что священники могутъ учить только тогда, когда они имѣютъ время учить, что попечителю не присваивается никакихъ правъ, что учителямъ не полагается чиновъ, что не полагается казенной формы для строеній, что частныя лица могутъ учить, что и дѣвочекъ можно учить, что можно заводить библіотеки, что директоръ училищъ долженъ ѣздить по училищамъ, что учителями могутъ быть лица всѣхъ сословій, что два раза нельзя брать денегъ за ученіе, что ученики могутъ ходить и не ходить, что учителямъ не должно быть дѣлаемо преградъ къ переходу въ другой родъ службы, что учителямъ не нужно мундировъ, et cet. et cet. Читая проектъ и живя въ деревнѣ, удивляешься, зачѣмъ пишутъ такія статьи, а этими статьями наполненъ проектъ, что можно видѣть и изъ нашего разбора.

„Работая при такихъ условіяхъ—незнанія дѣла, незнанія на-

Digitized by Google

рода и его потребностей и главное — при стѣснительности тѣхъ требованій, которыя чувствуются во всемъ проектѣ, можно только удивляться, почему проектъ вышелъ еще не хуже.

„Вопросъ былъ поставленъ такъ:—средствъ нѣтъ и не будетъ,— народное образованіе должно быть подчинено министерству народнаго просвѣщенія, духовенство должно имѣть власть руководить и направлять духъ образованія, самоуправленіе школъ и сами школы должны быть однообразны по всей Россіи—сдѣлайте, чтобъ такая система была бы наилучшая. Выдумать русскую систему образованія такую, которая бы вытекала изъ потребностей народа, невозможно ни комитету, никому въ мірѣ, — надобно ждать, чтобъ она сама выросла изъ народа. Для того, чтобы угадать мѣры, которыя бы способствовали, а не стѣсняли такое развитіе, нужно много времени, труда, изученія и свободы воззрѣнія; ни того, ни другого не было у комитета.

„Съ точки зрѣнія правительственной, какъ только проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе, во всей Россіи, въ соразмѣрномъ населенію числѣ, откроются школы. Въ большей части случаевъ народъ достаточный будетъ съ охотой платить $27^1/_2$ коп. съ души, въ бѣдныхъ селеніяхъ школы откроются даромъ (на губернскій капиталъ). Крестьяне за такую умѣренную цѣну, имѣя отлично устроенныя училища, не будутъ отдавать своихъ дѣтей къ солдатамъ, а охотно поведутъ ихъ въ школу. На тысячу душъ вездѣ (все съ правительственной точки зрѣнія) будетъ красивый, большой домъ, хотя построенный и не по формѣ, но съ надписью „школа", съ лавками и столами и съ надежнымъ, поставленнымъ правительствомъ, учителемъ. Дѣти будутъ собираться со всего прихода. Родители будутъ гордиться аттестатами, получаемыми ихъ дѣтьми; аттестатъ будетъ считаться лучшей рекомендаціей для молодого парня: и дѣвку за него отдадутъ, и въ работу его возьмутъ охотнѣе, ежели у него есть аттестатъ. Черезъ три-четыре года будутъ ходить не одни мальчики, но и дѣвочки. Одинъ учитель, раздѣляя часы дня, будетъ учить 100 учениковъ. Ученіе будетъ идти успѣшно, во-первыхъ, потому, что будетъ по предложенной преміи найденъ, выбранъ и одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія лучшій методъ и этотъ методъ будетъ обязателенъ для всѣхъ школъ (а черезъ нѣсколько времени и сами учители будутъ всѣ приготовлены по одному лучшему методу); во-вторыхъ, потому, что руководства тоже будутъ лучшія, одобренныя министерствомъ, вродѣ Берте и Ободовскаго. Учитель будетъ совершенно обезпеченъ въ жизни, привязанъ и соединенъ съ сословіемъ, среди котораго онъ живетъ. Учитель, какъ и въ Германіи, будетъ съ священникомъ составлять аристократію въ деревнѣ, будетъ первымъ другомъ и совѣтникомъ крестьянъ. На каждое учительское мѣсто будутъ десятки кандидатовъ, изъ которыхъ достойнѣйшихъ будетъ избирать

Digitized by Google

знающій дѣло и образованный директоръ. Законоучитель, за приличное вознагражденіе, будетъ утверждать дѣтей въ истинахъ православной религіи. Такъ какъ почти все молодое поколѣніе будетъ стянуто въ школы, ими будетъ прекращена возможность развитія раскола. Средства школы всегда будутъ достаточны, не только для платы учителямъ, которыхъ правительство обезпечиваетъ посредствомъ 27 копеечнаго сбора, но и для учебныхъ пособій и для помѣщенія, устройство котораго предоставлено на произволъ общества, вслѣдствіе чего общества не будутъ скупиться, а въ этомъ отношеніи соперничать другъ предъ другомъ. Мало того, что общества не будутъ жалѣть средствъ, каждая школа будетъ имѣть попечителя или попечительницу, и эти лица, соревнуя народному образованію, какъ, надо полагать, богатые люди, будутъ помогать школѣ, какъ матеріальными средствами, такъ и въ управленіи ея. Всякое малѣйшее упущеніе учителя или недоразумѣніе со стороны родителей будетъ устраняемо попечителями или мировыми посредниками, которые охотно посвятятъ часть своихъ досуговъ святому дѣлу народнаго образованія, возбуждающему сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей Россіи. Время ученія не будетъ обременять нравственныя силы учениковъ; все лѣто будетъ отдано для сельскихъ работъ. Курсъ ученія будетъ заключать въ себѣ самыя существенныя знанія и будетъ содѣйствовать къ утвержденію въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Злонамѣренныя и грубыя, необразованныя лица, обязанныя объявлять объ открытіи своихъ училищъ, тѣмъ самымъ будутъ подпадать подъ общій надзоръ учебнаго начальства и тѣмъ самымъ будутъ лишены возможности имѣть вредное вліяніе. Правительственныя школы, естественно, будутъ такъ хороши, что конкурренція съ ними частныхъ школъ окажется невозможною, какъ это было въ Америкѣ. Тѣмъ болѣе, что правительственная школа будетъ безплатна. Губернское начальство надъ училищами будетъ сосредоточено въ одномъ образованномъ, знающемъ дѣло и самостоятельномъ лицѣ — директорѣ училищъ. Лицо это, матеріально обезпеченное и не связанное никакими канцелярскими требованіями, будетъ постоянно ѣздить по школамъ, дѣлать экзамены и лично слѣдить за успѣхами ученія.

„Кажется, какъ хорошо! Такъ и видишь по всей Россіи возникшіе большіе училищные дома съ желѣзными крышами, пожертвованными попечителями или обществами, въ назначенный министерствомъ часъ видишь, съ сумочками черезъ плечо, собирающихся изъ разныхъ деревень учениковъ, видишь образованнаго, изучившаго лучшую методу учителя и исполненную любовію къ дѣлу попечительницу, присутствующую при классахъ и слѣдящую за ученіемъ, видишь на обывательскихъ пріѣзжающаго директора, уже нѣсколько разъ въ году побывавшаго въ школѣ, знающаго, и учителя, и почти всѣхъ учениковъ и дающаго учи-

Digitized by Google

телю практическіе совѣты, видишь счастіе и довольство родителей, присутствующихъ при экзаменахъ и съ трепетомъ ожидающихъ наградъ и аттестатовъ для своихъ дѣтей и видишь это все по всей Россіи, видишь, какъ быстро разсѣивается мракъ невѣжества, и грубый, невѣжественный народъ дѣлается совсѣмъ другимъ—образованнымъ и счастливымъ.

„Но все это будетъ не такъ. Дѣйствительность имѣетъ свои законы и свои требованія. Въ дѣйствительности, насколько я знаю народъ, приложеніе проекта осуществится слѣдующимъ образомъ:

„Черезъ земскую полицію или волостныя правленія будетъ объявлено, что крестьяне должны собрать къ такому-то сроку по $27^1/_2$ коп. съ души. Будетъ объявлено, что деньги эти собираются на училище. Потомъ объявятъ еще сборъ на устройство училища; ежели скажутъ, что количество сбора зависитъ отъ нихъ, крестьяне положатъ по 3 коп. и потому принуждены будутъ назначить опредѣленный сборъ. Крестьяне, само собою разумѣется, не поймутъ и не повѣрятъ этому. Большинство рѣшитъ, что пришелъ отъ царя указъ прибавить налогъ—и больше ничего Деньги соберутъ съ трудомъ, съ угрозами, съ насиліемъ. Становой же объявитъ, что училище должно быть построено въ такомъ-то мѣстѣ и что сами общества должны избрать распорядителей постройки. Естественно, крестьяне и въ этомъ будутъ видѣть еще новый налогъ и только вслѣдствіе принужденія исполнять предписанное. Что и въ какомъ видѣ строить—они опять не будутъ знать и будутъ исполнять только приказанія начальства.

„Имъ скажутъ, что они могутъ избрать попечителя своего училища, этого они никакъ не поймутъ и не потому, что они глупы и необразованны, а потому, что имъ никакъ не войдетъ въ голову, что непосредственно наблюдать за ученіемъ своихъ дѣтей они не имѣютъ права, а должны для этой цѣли выбрать какое-то лицо, которое, въ сущности, тоже не имѣетъ никакого права. Налогъ $27^1/_2$ коп., налогъ на устройство училища, обязательство строить его,—все это породитъ въ народѣ такое недоброжелательство къ мысли и слову „училище“, съ которымъ они естественно будутъ соединять мысль налога, что они не захотятъ выбирать никого, опасаясь, чтобъ и на жалованіе попечителю не собрали съ нихъ денегъ. Становой и посредникъ насядутъ на нихъ, они со страхомъ и трепетомъ выберутъ перваго попавшагося и назвавшагося попечителя. Попечителемъ останется или мировой посредникъ, или будетъ выбранъ, почти всегда, первый помѣщикъ, живущій въ селѣ, и потому попечительство его будетъ или забава, или ерничество, т. е. занятіе серьезнѣйшимъ дѣломъ въ мірѣ, какъ игрушкой, или средствомъ для осуществленія тщеславныхъ прихотей. Посреднику же, при теперешнемъ положеніи, нѣтъ физической возможности исполнять и прямыя свои обязан-

Digitized by Google

ности. Быть же представителемъ общества, въ отношеніи контроля этого общества надъ училищемъ, есть дѣло чрезвычайно трудное и требующее большого знанія и добросовѣстнаго труда. Большинство попечителей будутъ заходить раза два въ мѣсяцъ въ училище, подарятъ, можетъ быть, въ него доску, сдѣланную домашнимъ столяромъ, по воскресеньямъ позовутъ къ себѣ учителя (и это самое лучшее), и въ случаѣ надобности учителя—отрекомендуютъ своего крестника, выгнаннаго изъ богословіи сына священника, или своего бывшаго конторщика.

„Построивъ училище и заплативъ деньги, общества подумаютъ, что теперь отдохнули отъ училищныхъ налоговъ,—не тутъ то было. Становой объявитъ имъ, что они должны еще отрѣзать полдесятины коноплянниковъ учителю. Опять станутъ собираться сходки, опять слова училище и насильственное отчужденіе сольются въ одно нераздѣльное понятіе. Пойдутъ мужики ходить по огородамъ размѣривать землю, переругаются, пересорятся, нагрѣшатъ, по ихъ выраженію, соберутся другой и третій разъ и какъ-нибудь, исполняя приказаніе начальства, оторвутъ отъ себя кусокъ драгоцѣнной для нихъ огородной земли. И это еще не все, собирай сходку еще,—какъ разложить по приходу отсыпное учителю? (Натуральныя повинности—самыя нелюбимыя крестьянами). Наконецъ, училище построено и содержаніе учителю готово. Ежели помѣщикъ или посредникъ не рекомендовали своего конторщика, или крестника, директоръ училищъ долженъ назначить своего учителя. Выборъ для директора училищъ будетъ или очень легокъ, или очень труденъ, ибо тысячи учителей, выгнанныхъ изъ писцовъ и изъ семинарій, будутъ каждый день стоять въ его передней, подпаивать его письмоводителя и поддѣлываться къ нему со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Директоръ, бывшій учитель гимназіи, ежели онъ вполнѣ добросовѣстный и осторожный человѣкъ, будетъ руководиться въ выборѣ учителей только одною степенью образованія, т. е. предпочитать кончившаго некончившему курсъ, и вслѣдствіе этого будетъ безпрестанно ошибаться. Большинство же директоровъ, не такъ строго смотрящихъ на свои обязанности, будутъ руководиться филантропическими рекомендаціями и своимъ добрымъ сердцемъ: отчего не дать кусокъ хлѣба бѣдному человѣку—и, вслѣдствіе того, будутъ точно такъ же ошибаться, какъ и первые. Я не вижу для директора болѣе справедливаго основанія выбора, какъ жребій.

„Такъ или иначе—учитель назначенъ. Обществамъ объявляется, что они могутъ безплатно посылать своихъ дѣтей въ ту самую школу, которая досталась имъ такимъ сокомъ. Большинство крестьянъ вездѣ отвѣтятъ одно на такое предложеніе: чортъ съ ней, съ этой школой,—ужъ она намъ, вотъ гдѣ, сидитъ. Жили столько лѣтъ безъ школы и еще проживемъ, а захочу малаго выучить, какъ къ дьячку отдамъ. То ученіе я уже знаю, а

Digitized by Google

это еще, Богъ знаетъ, что будетъ,—пожалуй, выучатъ малаго, да и совсѣмъ отъ меня возьмутъ. Положимъ, такое мнѣніе будетъ повсемѣстнымъ, разсѣится современемъ, и глядя на успѣхи тѣхъ дѣтей, которыя поступятъ сначала, и другіе захотятъ отдавать; и въ этомъ, недопускаемомъ мною, случаѣ, отдадутъ въ школу только живущіе въ селѣ, въ которомъ устроено училище. Никакая безплатность не приманитъ учениковъ, во время зимы, изъ деревень, находящихся на версту отъ школы. Это физически невозможно. Среднимъ числомъ въ школѣ будетъ человѣкъ 15. Остальныя дѣти прихода будутъ учиться у частныхъ людей по деревнямъ, или вовсе не будутъ учиться, а будутъ числиться въ школѣ и вписываться въ отчетъ. Успѣхъ въ училищахъ будетъ точно такой же, ежели не хуже, чѣмъ успѣхъ у частныхъ учителей,—дьячковъ и солдатъ. Учители будутъ люди того же самаго разбора, семинаристы, ибо другихъ еще нѣтъ, только въ первомъ случаѣ, не связанные никакими стѣснительными условіями и находящіеся подъ строгимъ контролемъ родителей, требующихъ успѣховъ, соотвѣтственныхъ платимымъ деньгамъ,—въ правительственномъ же училищѣ, подчиняясь методамъ, руководствамъ, ограниченію числа часовъ въ день и вмѣшательствамъ попечителей и директоровъ, успѣхи, навѣрное, будутъ хуже. Директоръ будетъ получать огромное содержаніе, будетъ ѣздить, изрѣдка мѣшать добросовѣстнымъ, хорошимъ учителямъ, назначать дурныхъ учителей и смѣнять хорошихъ, ибо знать условія школъ на цѣлую губернію невозможно, а управлять ими онъ долженъ, и будетъ, въ извѣстные сроки, представлять вѣдомости, столь же невольно ложныя, какъ и тѣ, которыя теперь представляются. Частныя школы будутъ существовать точно такъ же, какъ и теперь существуютъ, не заявляя о своемъ существованіи, и никто не будетъ знать о нихъ, несмотря на то, что въ нихъ-то и будетъ происходить главное движеніе народнаго образованія.

„Все это еще не такъ дурно и не такъ вредно. Многое ошибочное и неприложимое проекта, скажутъ мнѣ, будетъ обойдено, многое же осуществится и принесетъ свою пользу. Проектомъ, по крайней мѣрѣ, положено начало системы народнаго образованія и хорошая или дурная, малая или большая, но будетъ хоть одна школа на каждую тысячу душъ въ русскомъ народонаселеніи. Это было бы совершенно справедливо, ежели бы учрежденіе школъ вполнѣ и откровенно, въ административномъ и финансовомъ отношеніи, было взято правительствомъ на себя, или нежели бы это учрежденіе было вполнѣ откровенно передано обществу. Въ настоящемъ же проектѣ общество заставляютъ платить, а правительство беретъ на себя организацію школъ, и изъ этого-то естественно должно вытекать огромное, хотя и не всѣмъ, можетъ быть, очевидное, моральное зло, которое надолго подо-

Digitized by Google

рветъ развитіе образованія въ русскомъ народѣ. Потребность образованія только что начинаетъ свободно зарождаться въ народѣ. Народъ, послѣ манифеста 19 февраля, вездѣ выразилъ убѣжденіе, что ему необходима теперь большая степень образованія, что для пріобрѣтенія этого образованія онъ готовъ дѣлать извѣстныя пожертвованія. Онъ выразилъ это убѣжденіе фактомъ: вездѣ въ огромномъ количествѣ возникаютъ и возникли свободныя школы...

„И вдругъ, налагая стѣсненіе на свободныя школы, налагая на всѣхъ обязательный училищный налогъ, правительство не только не признаетъ прежнее движеніе образованія, но какъ будто отрицаетъ его; оно какъ будто накладываетъ на народъ обязательство другого, чуждаго народу образованія, устраняетъ его отъ участія въ своемъ собственномъ дѣлѣ и требуетъ не руководства и обсужденія, и только покорности. Не говоря уже, что опытъ показалъ мнѣ это въ частныхъ случаяхъ, исторія и здравый смыслъ указываютъ намъ на возможные результаты такого вмѣшательства: народъ сочтетъ себя мученикомъ насилія. Старыя дьячковскія школы покажутся ему святынею, всѣ новыя правительственныя школы представятся грѣховными нововведеніями, и онъ съ озлобленіемъ отвернется отъ того самаго дѣла, которое самъ съ любовію началъ прежде, и только потому, что поторопились, не дали ему додумать свое дѣло, не дали ему самому выбрать дорогу, а насильно повели его по той дорогѣ, которую онъ еще не считаетъ лучшею.

„Осуществленіе проекта, кромѣ всѣхъ недостатковъ въ сущности его, о которыхъ говорено было выше, породитъ одно неизмѣримое зло—расколъ образованія, молчаливое отрицательное противодѣйствіе школѣ и фанатизмъ невѣжества или стараго образованія“ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Замѣчанія... Т. 6, стр. 553—584. Перепечатано съ полн. собр. соч., т. 4.

Digitized by Google

Общественныя работы въ Петербургѣ въ 1906—1907 гг.

I.

Весной 1906 г. петербургскимъ рабочимъ удалось вырвать у городской думы цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ къ организаціи широкой помощи безработнымъ. Дума учредила смѣшанную подготовительную комиссію о безработныхъ, открыла для безработныхъ многочисленныя столовыя, отпустила довольно большія суммы на удовлетвореніе квартирной нужды безработныхъ, предоставила имъ льготы при взиманіи съ нихъ %% по ломбардным квитанціямъ, а также сборовъ адреснаго и больничнаго. Но важнѣе всего было то, что дума подъ давленіемъ рабочихъ согласилась открыть для безработныхъ общественныя работы.

Долгое время, впрочемъ, это обѣщаніе оставалось дѣйствительнымъ только на бумагѣ. Подготовительная комиссія разрабатывала себѣ планы общественныхъ работъ, а городская управа постарому сдавала имѣющіяся у города работы подрядчикамъ. Но въ концѣ концовъ думѣ пришлось все же выполнить свое обѣщаніе. Съ лѣта 1906 г. начала дѣйствовать учрежденная думой „Исполнительная Комиссія для организаціи и завѣдованья общественныхъ работъ", и дума поручила ей выполненіе силами безработныхъ цѣлаго ряда разнообразныхъ сооруженій. Тогда же дума приняла чрезвычайно существенное постановленіе: впредь до 15-го ноября передавать безработнымъ *всѣ* новыя работы, которыя только могутъ потребоваться въ городскомъ хозяйствѣ.

Осенью 1906 г., послѣ разгона первой Государственной Думы и установленія въ Россіи военно-полевого режима, отношеніе петербургской городской думы къ безработнымъ рѣзко перемѣнилось. Чрезвычайная охрана въ Петербургѣ и бѣшеный разгулъ реакціи по всей Россіи дѣлали для думы нестрашнымъ рабочее движеніе, и позволяли ей относиться съ равнодушнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ требованіямъ безработныхъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы дума стала выпол-

Digitized by Google

нять свое обѣщаніе передавать безработнымъ *всѣ* свои работы. Но къ этому времени работы, переданныя задолго передъ тѣмъ въ комиссію общественныхъ работъ, были уже въ ходу. Прекращать ихъ, отнимать ихъ отъ безработныхъ было крайне неудобно, да и не вполнѣ безопасно—несмотря даже на чрезвычайную охрану въ Петербургѣ. И потому Дума оставила эти работы за безработными.

Такимъ образомъ, несмотря на рѣзкій поворотъ настроенія въ петербургской городской думѣ, безработнымъ удалось удержать въ своихъ рукахъ свое главное завоеваніе—общественныя работы. И именно во вторую половину 1906 г., когда всякая другая помощь безработнымъ прекратилась, и городская дума прямо издѣвалась надъ приходившими къ ней депутаціями отъ рабочихъ, именно въ это время общественныя работы достигли въ Петербургѣ наибольшаго развитія.

Въ концѣ 1906 г. составъ думы обновился. На новыхъ городскихъ выборахъ прошли сплошь черносотенные кандидаты. Вопросъ объ уничтоженіи общественныхъ работъ былъ выдвинутъ черносотенцами на первый планъ. На собраніяхъ союза русскаго народа въ Михайловскомъ манежѣ развивался флагъ съ надписью „Долой общественныя работы!“ Уничтоженіе этихъ работъ было однимъ изъ главныхъ обѣщаній, которое давали кандидаты въ Думу своимъ избирателямъ. И обновленная дума съ начала 1907 г. дѣятельно принялась за ликвидированье общественныхъ работъ. Но одно случайное обстоятельство заставило думу отступить отъ своего плана. Въ маѣ 1907 г. при осмотрѣ общественныхъ работъ были убыты неизвѣстными 2 городскихъ инженера. Это убійство дума приняла за грозное предзнаменованіе начинающейся анархіи, начинающихся проявленій мести со стороны безработныхъ всѣмъ тѣмъ, кого они считаютъ виновниками закрытія работъ. И подъ вліяніемъ страха дума отпустила новыя довольно крупныя суммы на продолженіе и окончаніе работъ, начатыхъ безработными.

Но тогда же Дума приняла оффиціальное постановленіе о томъ, что больше никакихъ работъ безработнымъ передано не будетъ. И дѣйствительно, сколько ни было въ 1907 г. различныхъ работъ у петербургской городской думы, всѣхъ ихъ она передавала уже не безработнымъ, а подрядчикамъ. Лишь въ концѣ 1907 г. ей пришлось ассигновать новыя суммы на общественныя работы, но эти суммы предназначались на покрытіе расходовъ по уже произведеннымъ безработными такъ называемымъ „дополнительнымъ работамъ“, т. е. работамъ, не предусмотрѣннымъ смѣтой, но технически необходимымъ въ силу условій, выяснившихся въ самомъ ходѣ работъ.

Такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ петербургская городская дума, несмотря на своей черносотенный составъ и крайне

Digitized by Google

враждебное отношеніе къ безработнымъ, отпустила довольно крупныя суммы на производство общественныхъ работъ. Вотъ сводка всѣхъ открытыхъ ею на этотъ предметъ кредитовъ.

Время ассигнованія.	НАИМЕНОВАНІЕ РАБОТЪ.	Сумма.
9 и 21 іюня 1906 г. .	На предварительные расходы по организаціи Общественныхъ работъ	Руб. 50.000
Старое постановленіе .	На постройку Пантелеймонскаго моста.	419.000
7 іюня 1906 г.	На постройку Михайловскаго моста.	123.046
7 іюня 1906 г.	На постройку Введенскаго моста. .	156.914
Старое постановленіе. .	На постройку Аларчина моста. . .	102.652
9 іюня 1906 г.	На защиту Галерной Гавани отъ наводненій.	450.000
21 іюня 1906 г.	На перестройку деревянныхъ мостовъ Силина, Строганова и Каменноостровскаго.	91.363
Старое постановленіе .	На постройку Лоцманскаго рынка.	46.232
Старое постановленіе .	На постройку Биржи Труда. . .	50.000
Старое постановленіе .	На работы въ Галерной Гавани . .	575
6 декабря 1906 г. . . .	На устройство мостковъ черезъ Неву	56.458
29 декабря 1906 г. . .	На работы въ Галерной Гавани . .	50.000
26 февраля 1907 г. . .	На работы въ Галерной Гавани . .	40.000
25 апрѣля 1907 г. . .	На постройку временнаго Лештукова моста.	30.000
29 мая 1907 г.	На работы въ Галерной Гавани . .	418.000
29 мая 1907 г.	На покрытіе расходовъ на устройство мастерскихъ.	240.000
29 мая 1907 г.	На покрытіе расходовъ на произведенныя дополнительныя работы.	36.000
Втеченіе нояб. 1907 г.	На покрытіе расходовъ на произведенныя дополнительныя работы около.	300.000
За 1906—1907 гг. . . .	Итого около .	2.660.000

Уже по одному этому перечисленію работъ, переданныхъ городской думой петербургскимъ безработнымъ, можно судить о крупномъ значеніи петербургскихъ общественныхъ работъ, какъ *соціальнаго опыта*.

Вопросъ о мѣрахъ борьбы съ безработицей до сихъ поръ такъ мало выясненъ, что, собственно говоря, на всѣ предпринимавшіяся до сихъ поръ общественныя работы можно смотрѣть, какъ на *опыты*.

Обширными опытами были и національныя мастерскія въ Парижѣ въ 1848 г., и дренажныя и дорожныя работы, устроенныя въ 60-хъ гг., для безработныхъ въ Англіи. Опытами были и тѣ общественныя работы для крестьянъ, которыя предпринимались въ Россіи въ голодные годы при Николаѣ I и позже. И германскіе города, которые за послѣднее десятилѣтіе чуть ли не всѣ устраивали работы для безработныхъ, смотрятъ на эту свою

Digitized by Google

дѣятельность, какъ на опыты. Такими же опытами являются и тѣ общественныя работы, которыя все чаще и чаще предпринимаются за послѣдніе годы муниципалитетами Швейцаріи, Англіи, Франціи. Наконецъ, и тѣ общественныя работы, которыя были открыты въ 1906 г. въ Петербургѣ, а затѣмъ—по примѣру Петербурга—въ Москвѣ, Тифлисѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ Россіи, были и для органовъ самоуправленія всѣхъ этихъ городовъ, и для мѣстныхъ рабочихъ организацій лишь первыми опытами въ данной области.

И въ ряду всѣхъ этихъ опытовъ петербургскія общественныя работы занимаютъ, несомнѣнно, выдающееся положеніе и *по размѣрамъ*, и *по разнообразію*, и, главнымъ образомъ, по *демократичности организаціи*.

По *размѣрамъ* петербургскія общественныя работы уступаютъ лишь знаменитымъ національнымъ мастерскимъ, которыя стоили 5.250.000 р., и англійскимъ работамъ 60-хъ гг., на которыя правительство втеченіе ряда лѣтъ издержало около 15.000.000 р. Но эти оба опыта носили не мѣстный, муниципальный, а общегосударственный, національный характеръ: въ Парижѣ въ 1848 г. стекались безработные изъ различныхъ концовъ Франціи, а англійскія работы 60-хъ гг. были разсѣяны по цѣлому ряду графствъ. Поэтому къ этимъ работамъ непримѣнимъ тотъ масштабъ, которымъ необходимо измѣрять петербургскія общественныя работы, на которыя въ теченіе 2 лѣтъ было издержано около 2.660.000 р. Эту сумму интересно сопоставить съ размѣрами городскихъ работъ во Франціи или въ Германіи.

Во всѣхъ городахъ Франціи вмѣстѣ взятыхъ на общественныя работы расходовалось за срокъ 1890—1895 гг. въ среднемъ по 367.780 р. ежегодно, въ 1899 г. — 385.202 р., въ 1902 г. — 625.000. А расходы германскихъ городовъ на общественныя работы выражались такими цифрами: Аахенъ—11.500 р., Барменъ—37.700 р., Бильфельдъ—12.500 р., Вормсъ—3.300 р., Гамбургъ—42.000 р., Ганноверъ—34.000 р., Галле—22.400 р., Мангеймъ—33.500 р., Мюльгаузенъ—35.000 р., Нюрнбергъ—15.000 р., Шарлоттенбургъ—2.000 р., Эрфуртъ — 4.750 р., Эссенъ — 54.000 р. и т. д.

Въ ряду всѣхъ этихъ опытовъ устройства городскихъ общественныхъ работъ петербургскій опытъ уже по своимъ размѣрамъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе.

Но еще большее значеніе имѣетъ *разнообразіе* и *техническая сложность* петербургскихъ общественныхъ работъ. Парижскія работы 1848 г. относились къ числу земляныхъ работъ простѣйшаго типа, и только незначительное число парижскихъ безработныхъ получило занятія въ организованныхъ Луи-Бланомъ кооперативныхъ мастерскихъ, изготовлявшихъ платье и аммуницію національныхъ гвардейцевъ. Англійскія работы 60-хъ гг. носили еще

Digitized by Google

болѣе однообразный и примитивный характеръ. Что же касается общественныхъ работъ, предпринимаемыхъ германскими городами, то оффиціальная статистика даетъ намъ подробныя свѣдѣнія объ ихъ характерѣ: въ 40 городахъ Германіи были предприняты земляныя работы (работы по насыпкѣ земли, по проведенію дорогъ и улицъ, по регулированію и проводкѣ каналовъ, канавъ и водопроводовъ, по добыванію песка и гравія, а также черныя работы); въ 25 случаяхъ безработнымъ была предоставлена работа по разбиванію камня; въ 11 случаяхъ—работы по очисткѣ снѣга, сколкѣ льда и уборкѣ улицъ; 5 городовъ дали безработнымъ занятіе по разломкѣ старыхъ зданій; 3 города дали безработнымъ колоть дрова; два города открыли работы по древонасажденію; 1 городъ далъ безработнымъ мостовыя работы; 1—переписку; 1—плетеніе циновокъ. Между тѣмъ, въ спискѣ петербургскихъ общественныхъ работъ мы находимъ слѣдующіе виды работъ: земляныя, канализаціонныя, свайныя, бетонныя, мостовыя (въ Галерной Гавани), по разборкѣ старыхъ желѣзныхъ, каменныхъ и деревянныхъ строеній (на мостахъ), бутовыя, каменныя и гранитныя (на постройкѣ береговыхъ устоевъ мостовъ), плотничныя самаго различнаго вида (на деревянныхъ мостахъ, въ Галерной Гавани, на Биржѣ Труда и т. д.), малярныя, кровельныя и водопроводныя (на Биржѣ Труда, Лоцманскомъ рынкѣ и при постройкѣ мастерскихъ) и, наконецъ, различныя металлическія работы (верхнія строенія мостовъ, стропила для Лоцманскаго рынка и мелкія поковки для прочихъ сооруженій).

Такія сложныя и разнообразныя общественныя работы до сихъ поръ нигдѣ не устраивались, и въ этомъ отношеніи опытъ, продѣланный въ 1906—1907 гг. въ Петербургѣ, является первымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

Не меньшее значеніе имѣетъ и *демократичность организаціи* общественныхъ работъ въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ организаціи рабочихъ на общественныхъ работахъ, вопросъ, который очень остро стоялъ при устройствѣ національныхъ мастерскихъ 1848 г., послѣ этого какъ-то ни разу не подымался. Въ западно-европейскихъ городахъ общественныя работы открываются не подъ давленіемъ рабочаго движенія, а подъ вліяніемъ либеральныхъ соціалъ-реформаторскихъ стремленій буржуазныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Согласно съ этимъ, общественныя работы носятъ тамъ полублаготворительный характеръ, въ устройствѣ ихъ рабочія организаціи не принимаютъ никакого участія, а условія, въ которыхъ находятся занятые на ихъ рабочіе, представляютъ собою нѣчто среднее между условіями „свободнаго труда“ у частнаго подрядчика и условіями „принудительнаго труда“ въ рабочемъ домѣ. Въ Петербургѣ, напротивъ того, рабочіе вырвали отъ думы общественныя работы чуть ли не силой, и эти работы были настолько ненавистны Думѣ, что она какъ

Digitized by Google

бы нарочно устранялась отъ руководства ими, ограничиваясь лишь спорадической посылкой на нихъ „карательныхъ экспедицій“ въ видѣ ревизоровъ. Непосредственное руководство общественными работами петербургская черносотенная дума предоставила своимъ либеральнымъ членамъ—со спеціальной цѣлью скомпрометтировать ихъ, возложивъ на ихъ плечи завѣдомо невыполнимую задачу. Но думскіе либералы оказались—за немногими исключеніями — людьми совершенно неработоспособными, людьми, не умѣющими ни шагу сдѣлать самостоятельно. И это дало возможность Совѣту безработныхъ утвердить свое вліяніе на общественныхъ работахъ значительно прочнѣе и распространить его значительно шире, чѣмъ желала бы этого не только черносотенная дума, но и либеральная комиссія, руководившая общественными работами. Такимъ образомъ на петербургскихъ общественныхъ работахъ не только были осуществлены всѣ требованія рабочей программы-минимумъ, но кромѣ того, здѣсь былъ произведенъ опытъ работъ при условіяхъ широкаго самоуправленія рабочихъ на демократическихъ началахъ. Разнообразіе работъ позволило поставить этотъ опытъ примѣнительно къ различнымъ условіямъ производства. Мѣстами результаты опыта оказались неудачными, мѣстами опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

И при крайней сложности вопроса о наилучшихъ формахъ организаціи труда въ производствѣ опытъ демократической организаціи общественныхъ работъ имѣетъ крупное соціалистическое значеніе независимо отъ его не вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ.

Такимъ образомъ, какъ это ни странно съ перваго взгляда, общественныя работы, предпринятыя въ 1906 — 1907 гг. черносотенной петербургской думой, предсѣдателемъ которой состоялъ не кто иной, какъ гр. А. А. Бобринскій, эти работы являются *крупнымъ соціальнымъ опытомъ*, далеко превосходящимъ по своему значенію всѣ городскія общественныя работы, которыя устраиваются за послѣдніе годы соціалъ-реформаторами и либералами въ безчисленныхъ муниципалитетахъ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи!

И потому опытъ петербургскихъ общественныхъ работъ заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія. Въ рамкахъ журнальной статьи я не надѣюсь, разумѣется, дать исчерпывающее представленіе о результатахъ этого опыта. Я ограничусь здѣсь лишь указаніемъ наиболѣе существенныхъ его сторонъ [1]).

---

[1]) Подробное изображеніе движенія безработныхъ въ Петербругѣ за 1906—1907 гг. и полное описаніе петербургскихъ общественныхъ работъ я постараюсь дать въ подготавливаемой мною къ печати книгѣ „Хлѣба и работы!“ Настоящая статья представляетъ собою сокращенное изложеніе IX главы этой книги. С. П.

Digitized by Google

II.

Для болѣе полнаго усвоенія тѣхъ уроковъ, которые можно вынести изъ опыта петербургскихъ общественныхъ работъ, необходимо установить, какое значеніе имѣли различные типы этихъ работъ.

Изъ приведеннаго выше перечня кредитовъ, отпущенныхъ петербургской думой на общественныя работы, видно, что всѣ эти работы могутъ быть раздѣлены на 2 части: *земляныя работы въ Галерной Гавани*, съ одной стороны, и разнообразныя *строительныя работы*, съ другой стороны.

На работы въ Галерной Гавани пошло 450.000 р.+575 р.+ 50.000 р.+ 40.000 р.+ 418.000 р.+ часть суммъ, отпущенныхъ на предварительные расходы и на покрытіе дополнительныхъ работъ, а всего свыше 1.000.000 р. Работы, которыя были выполнены на эту сумму, составляли приблизительно $^1/_4$ болѣе обширныхъ работъ, давно ужъ задуманныхъ петербургской думой для защиты низменной части Васильевскаго Острова, прилегающей къ взморью, отъ наводненій. Въ планъ работъ, наряду съ земляными въ узкомъ смыслѣ работами, входили и всякія другія работы. Но въ общемъ въ этой части общественныхъ работъ преобладалъ грубый, неквалифицированный трудъ, при простѣйшихъ техническихъ пріемахъ приложенія рабочей силы. Работы начались здѣсь съ іюля 1906 г. и шли непрерывно, развиваясь до ноября. Въ это время въ Галерной Гавани было занято свыше 2.000 человѣкъ. Затѣмъ, это число начало слегка уменьшаться. Къ 20 января 1907 г. въ гавани уже работало не больше 1.800 человѣкъ. 20 января работы неожиданно прекратились, такъ какъ у комиссіи общественныхъ работъ вышли всѣ деньги, отпущенныя думой на Галерную Гавань. Вслѣдствіе различныхъ проволочекъ, выдуманныхъ думскими черносотенцами, перерывъ въ работахъ тянулся больше 4 мѣсяцевъ. Только въ іюнѣ работы возобновились, но и то число занятыхъ на нихъ рабочихъ не было доведено до прежней высоты. Съ іюня до октября 1907 г. эти работы велись при участіи 1.000—1.100 человѣкъ безработныхъ, а затѣмъ снова стали сокращаться. Въ качествѣ *трудовой помощи* гаваньскія работы имѣли для петербургскихъ безработныхъ наибольшее значеніе.

Всѣ остальныя работы могутъ быть названы *„строительными“* въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ техническое назначеніе всѣхъ ихъ заключалось въ различныхъ постройкахъ. Сюда входили: постройка мастерскихъ, постройка 4 металлическихъ мостовъ (Пантелеймонскаго, Михайловскаго, Аларчина, Введенскаго), постройка 2 временныхъ деревянныхъ мостовъ (Введенскаго и Лештукова), перестройка 3 деревянныхъ мостовъ (Силина, Строганова и Каменностровскаго), постройка деревянныхъ мостовъ черезъ Неву и, наконецъ, постройка 2 гражданскихъ сооруженій

Digitized by Google

(Лоцманскаго рынка и Биржи Труда). На всѣ эти работы было издержано свыше 1.600.000 р. Но хотя эта сумма въ $1^1/_2$ раза превосходила стоимость работъ въ Галерной Гавани, число занятыхъ на этихъ работахъ рабочихъ было все же значительно меньше числа гаваньскихъ рабочихъ, такъ какъ значительная часть издержекъ на строительныхъ работахъ, какъ всегда, поглощалась стоимостью матеріаловъ.

Въ постройкахъ, переданныхъ безработнымъ, заключались работы 3 родовъ: каменныя, деревянныя и металлическія. По первоначальнымъ проектамъ, которые впослѣдствіи претерпѣли довольно значительныя измѣненія, эти работы на каждой постройкѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

НАИМЕНОВАНІЕ РАБОТЫ.	Общая стоимость.	СТОИМОСТЬ каменныхъ работъ.	деревян. работъ.	металлическ. работъ.	Колич. метал. раб. въ пудахъ
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Пуд.
Михайловскій мостъ. . .	59.000	24.000	4.000	31.000	7.500
Пантелеймонскій мостъ.	396.000	201.000	75.000	120.000	29.000
Введенскій мостъ. . . .	144.000	66.000	40.000	38.000	9.000
Аларчинъ мостъ	100.000	45.000	20.000	35.000	6.000
Силинъ мостъ	7.200	—	6.000	1.200	160
Каменноостров. мостъ. .	31.300	9.000	15.000	13.300	2.600
Строгановъ мостъ. . . .	50 000	—	36.000	14.000	1.800
Лештуковъ мостъ. . . .	30.000	—	30.000	—	—
Лоцманскій рыновъ. . .	46.000	9.000	—	37.000	6.000
Биржа Труда.	50.000	10.000	40.000	—	—
Мостки черезъ Неву . .	56 000	—	56.000	—	—
Всего . .	969.500	358.000	322.000	289.500	62.060

Такимъ образомъ въ постройкахъ больше всего было каменныхъ работъ, меньше всего—металлическихъ работъ. Но металлическія работы представляли въ ряду прочихъ строительныхъ работъ одну очень существенную особенность: онѣ выполнялись не на мѣстѣ постройки, но въ особыхъ „общественныхъ мастерскихъ", выстроенныхъ спеціально съ этой цѣлью на Гагаринскомъ Буянѣ. Было, конечно, безсмыслицей затрачивать около 24.000 р. на постройку и оборудованіе мастерскихъ, которымъ предстояло всего на всего выполнить заказовъ на 62.000 п. металла стоимостью въ 289.500 р. Но возникли эти „общественныя мастерскія" вполнѣ естественно.

Безработица въ 1906 г. была всего сильнѣе въ металлообрабатывающей промышленности. Съ другой стороны, въ это время у города было на очереди множество металлическихъ работъ: перестройка 22 мостовъ для трамвая, постройка 2 металлическихъ рынковъ, поставка новыхъ металлическихъ пожарныхъ крановъ, наконецъ, постройка 2 огромныхъ мостовъ черезъ Неву. И при первыхъ шагахъ движенія безработныхъ перепуганная и

Digitized by Google

растерявшаяся городская дума проявила такую готовность идти на уступки рабочимъ, что можно было ожидать, что безработнымъ будутъ предоставлены, если не всѣ эти работы, то, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ. Комиссія общественныхъ работъ и строила мастерскія на Гагаринскомъ Буянѣ, разсчитывая на полученіе отъ думы 22 мостовъ. А затѣмъ... затѣмъ времена перемѣнились, и дума рѣшила, что лучше ужъ потерпѣть 240.000 р. убытку на мастерскихъ, чѣмъ продолжать давать работу безработнымъ.

Какъ бы то ни было, въ 1906—1907 г. часть безработныхъ была занята въ „общественныхъ мастерскихъ" привычной работой по металлу. Работа въ этихъ мастерскихъ, представлявшихъ собою небольшой, но довольно хорошо оборудованный заводъ, достигла наибольшаго развитія въ февралѣ-мартѣ 1907 г., когда въ мастерскихъ работало до 700 человѣкъ. Къ ноябрю 1907 г. работа въ мастерскихъ почти закончилась. И обстановка работъ въ мастерскихъ настолько отличалась отъ работъ въ Галерной Гавани и на постройкахъ, что общественныя мастерскія все время стояли совершенно особнякомъ въ ряду прочихъ общественныхъ работъ.

Такимъ образомъ въ петербургскихъ общественныхъ работахъ нужно разсматривать не 2, а 3 вида:

1) Земляныя работы въ Галерной Гавани.

2) Строительныя работы.

3) Металлическія работы въ общественныхъ мастерскихъ.

Эти три вида работъ были непохожи другъ на друга и каждый изъ нихъ имѣлъ значеніе самостоятельнаго опыта.

Собственно говоря, только *земляныя* работы могутъ быть признаны вполнѣ подходящимъ матеріаломъ для организаціи *трудовой помощи* населенію при *массовой* безработицѣ, обусловленной кризисомъ. Только земляныя работы допускаютъ почти въ неограниченномъ количествѣ приложеніе неквалифицированнаго труда. Только на земляныхъ работахъ большая часть издержекъ идетъ на оплату рабочей силы. Только земляныя работы могутъ быть организованы въ короткое время и сразу развернуты на значительное число рабочихъ. Наконецъ, только земляныя работы занимаютъ въ муниципальномъ ховяйствѣ такое мѣсто, что ихъ легко предпринять въ любое время, независимо отъ разсчитанной заранѣе хозяйственной программы.

Поэтому, если подъ „общественными работами для безработныхъ" понимать такія работы, которыя являются экстренной мѣрой трудовой помощи при массовой острой безработицѣ, то подъ это понятіе подойдутъ *вполнѣ* только земляныя работы.

Работы въ Галерной Гавани и были опытомъ такой трудовой помощи безработнымъ, и именно съ этой точки зрѣнія необходимо оцѣнивать ихъ результаты.

Digitized by Google

Что касается *строительныхъ* работъ, то врядъ ли ихъ можно считать цѣлесообразной формой трудовой помощи. Такъ можно было смотрѣть на строительныя работы въ Аѳинахъ при Периклѣ или въ древнемъ Римѣ, когда вслѣдствіе слабаго развитія обмѣна и раздѣленія труда въ число строительныхъ работъ входила и доставка матеріаловъ, такъ что вся или почти вся стоимость работы ложилась на оплату рабочей силы, а для выполненія работы требовалось огромное число рабочихъ рукъ — и только. Но при нынѣшнихъ техническихъ условіяхъ на строительныхъ каменныхъ и деревянныхъ работахъ почти $^2/_3$ издержекъ идетъ на покупку матеріаловъ и только $^1/_3$—на оплату рабочей силы. Но и этой послѣдней $^1/_3$ безработные не всегда могутъ воспользоваться въ полной мѣрѣ, такъ какъ большая часть ея приходится на представителей квалифицированнаго труда различныхъ цеховъ архитектурно-строительнаго дѣла.

При такихъ условіяхъ совершенно безсмысленно было бы перемѣщать на нѣсколько лѣтъ выполненіе общественно-необходимыхъ построекъ ради того, чтобы доставить во время кризиса заработокъ нѣсколькимъ десяткамъ безработныхъ. Но органъ городского самоуправленія можетъ передавать свои строительныя работы безработнымъ, приноравливая время ихъ выполненія къ *мертвому сезону года*, напр., къ поздней осени, когда замѣчается наибольшій избытокъ въ предложеніи рабочихъ рукъ, особенно среди архитектурно-строительныхъ рабочихъ. И такая передача городскихъ работъ безработнымъ, мимо всевозможныхъ пауковъ-подрядчиковъ, имѣетъ большое значеніе и для общаго развитія борьбы рабочихъ за улучшеніе условій ихъ труда и, въ частности, какъ постоянная мѣра противъ текучей и сезонной безработицы.

Именно это значеніе могли бы имѣть—при иной постановкѣ—тѣ общественныя работы, которыя за послѣднее время производятся муниципалитетами различныхъ городовъ и городковъ Западной Европы.

И выполненныя постройки въ Петербургѣ безработными нужно разсматривать именно съ этой точки зрѣнія, какъ опытъ такого способа выполненія городскихъ работъ, который былъ примѣненъ здѣсь совершенно случайно, подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, но который долженъ быть превращенъ въ общую норму, въ постоянно дѣйствующее правило.

Для третьяго вида петербургскихъ общественныхъ работъ, для *металлическихъ работъ* въ общественныхъ мастерскихъ, эта точка зрѣнія точно такъ же непримѣнима, какъ непримѣнимъ взглядъ на нихъ, какъ на экстренную мѣру трудовой помощи. Дѣло въ томъ, что металлическія заводскія работы требуютъ настолько значительной спеціализаціи труда, что вести ихъ короткими урывками или съ постоянно измѣняющимся со-

Digitized by Google

ставомъ рабочихъ технически невозможно. Съ другой стороны, въ металлообрабатывающей промышленности почти не существуетъ *сезонной* безработицы, отъ которой такъ тяжело приходится рабочимъ архитектурно-строительнаго дѣла. Наконецъ, большое значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что въ мелкихъ металлическихъ работахъ развитое городское хозяйство нуждается постоянно, а крупныя металлическія работы, которыя могли бы занять значительное число рабочихъ (какъ въ Петербургѣ въ 1906—1907 гг.), могутъ потребоваться ему лишь въ связи съ другими работами (строительными, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова).

Со всѣмъ тѣмъ для рабочихъ имѣетъ большое значеніе, если городъ выполняетъ свои металлическія работы въ собственномъ заводѣ, на которомъ устанавливаетъ всѣ условія труда по соглашенію съ рабочими организаціями. Такое положеніе имѣетъ для рабочихъ большое значеніе, такъ какъ въ классовой борьбѣ всякая *частная* побѣда таитъ въ себѣ сѣмя *общей* побѣды.

Но общественныя мастерскія на Гагаринскомъ Буянѣ заслуживаютъ вниманія еще и съ другой стороны. Благодаря нормальной заводской внѣшней обстановкѣ труда, здѣсь удалось добиться несравненно лучшихъ результатовъ въ дѣлѣ демократическаго самоуправленія рабочихъ, чѣмъ на какихъ бы то ни было другихъ работахъ. Здѣсь удалось установить демократическую заводскую конституцію, которая, ничуть не притупляя классовыхъ противорѣчій и не создавая иллюзій соціализма въ рамкахъ капиталистическаго строя, избавляла въ то же время рабочихъ отъ унизительной мелочной опеки администраціи. И важнѣе всего то, что опытъ общественныхъ мастерскихъ на Гагаринскомъ Буянѣ неопровержимымъ образомъ доказалъ, что такая конституція возможна, и что она отнюдь не приводитъ къ пониженію производительности труда.

И именно съ точки зрѣнія достигнутыхъ положительныхъ результатовъ въ дѣлѣ организаціи труда, именно съ этой точки зрѣнія и приходится прежде всего и главнымъ образомъ оцѣнивать опытъ металлическихъ работъ въ общественныхъ мастерскихъ.

Опытъ работъ *въ Галерной Гавани*, въ силу многихъ условій, оказался не вполнѣ удачнымъ. Многія изъ причинъ этой неудачи были внѣ власти рабочей организаціи, но другія причины заключались въ допущенныхъ ею ошибкахъ при постановкѣ новаго для нея дѣла. И эти ошибки необходимо освѣтить возможно ярче, чтобы предостеречь отъ подводныхъ камней будущія попытки организаціи общественныхъ работъ.

Результаты *строительныхъ* общественныхъ работъ тоже не вполнѣ удовлетворяли рабочую организацію. Но они доказали право рабочихъ добиваться того способа выполненія городскихъ строительныхъ работъ, о которомъ я говорилъ выше.

Digitized by Google

Наконецъ, опытъ работъ *общественныхъ мастерскихъ*, какъ я указывалъ, даетъ цѣнные матеріалы по вопросу о нормальной демократической заводской конституціи.

Ознакомившись съ значеніемъ различныхъ видовъ общественныхъ работъ, которыя производились петербургскими безработными въ 1906—1907 гг., перейдемъ къ описанію наиболѣе характерныхъ особенностей этихъ работъ.

Остановимся прежде всего на органахъ, руководившихъ работами со стороны городской думы и со стороны рабочихъ, и на ихъ взаимоотношеніи.

III.

Во главѣ рабочаго движенія, принудившаго петербургскую городскую думу открыть общественныя работы, стоялъ „Петербургскій Совѣтъ безработныхъ". Это была своеобразная полу-легальная организація, включавшая въ себѣ депутатское представительство отъ безработныхъ всѣхъ районовъ и отъ рабочихъ большинства фабрично-заводскихъ предпріятій. Совѣтъ безработныхъ функціонировалъ, главнымъ образомъ, порайонно, а въ полномъ составѣ собирался въ среднемъ 1—2 раза въ мѣсяцъ. Текущую работу выполнялъ его Исполнительный Комитетъ, состоявшій изъ представителей районныхъ ячеекъ Совѣта безработныхъ, общественныхъ работъ и профессіональныхъ союзовъ, и собиравшійся въ составѣ 20—25 человѣкъ не рѣже 1 раза въ недѣлю.

Дума со своей стороны поручила веденіе общественныхъ работъ особой Исполнительной Комиссіи, первымъ предсѣдателемъ которой былъ П. Н. Исаковъ. Эта комиссія правильно функціонировала почти до самаго конца 1906 г., причемъ засѣданія ея были 2 родовъ: 1) вопросы, затрагивающіе интересы безработныхъ, комиссія обсуждала въ присутствіи 12 представителей Совѣта безработныхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса; 2) вопросы чисто-хозяйственные и техническіе комиссія рѣшала безъ присутствія рабочихъ. Эта комиссія, состоявшая наполовину изъ октябристовъ, наполовину — изъ лѣвыхъ, организовала работы и пустила ихъ въ ходъ. Но съ начала 1907 г. руководство работами перешло въ руки новой комиссіи текучаго, но неизмѣнно черносотеннаго состава, съ ежедневно мѣняющимися предсѣдателями. Впрочемъ, этой комиссіи никто не видѣлъ, никто не слышалъ, въ значительной степени она существовала только на бумагѣ и время ея дѣятельности было для общественныхъ работъ періодомъ „междуцарствія". Во время этого „междуцарствія" работы шли по инерціи, разъ заведеннымъ порядкомъ. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ мая 1907 г. эта комиссія была распущена и руководство общественными работами дума поручила гласному И. И. Перцову на правахъ „завѣдующаго управленіемъ общественныхъ работъ". Хотя въ 1907 г. никакихъ постоянныхъ

Digitized by Google

организованныхъ сношеній между Совѣтомъ безработныхъ, съ одной стороны, и „работоспособной“ черносотенной комиссіей или управленіемъ общественныхъ работъ, съ другой стороны, уже не поддерживалось, общій духъ общественныхъ работъ, ихъ конституція отъ этого почти не измѣнились.

Поэтому для выясненія взаимоотношеній между органами, руководившими общественными работами со стороны городской думы и со стороны рабочихъ, всего характернѣе первый годъ существованія работъ, пока Совѣтъ безработныхъ имѣлъ возможность поддерживать организованныя сношенія съ думской комиссіей.

Еще при подготовительной комиссіи о безработныхъ, до учрежденія исполнительной комиссіи общественныхъ работъ Совѣту безработныхъ пришлось выбирать между 2 способами веденія работъ, — *артельно-подряднымъ* и *хозяйственнымъ*. При *первомъ* способѣ Совѣтъ безработныхъ долженъ былъ сорганизовать особыя артели изъ рабочихъ инженеровъ, которыя и взяли бы на себя выполненіе городскихъ работъ на правахъ подрядчиковъ. Думскіе органы при такой постановкѣ дѣла играли бы на общественныхъ работахъ роль заказчиковъ и пріемщиковъ, но ни въ коемъ случаѣ не хозяевъ. При *второмъ* способѣ—полнымъ хозяиномъ на работахъ оставалась дума, а Совѣтъ безработныхъ сохранялъ за собой характеръ представителя рабочихъ въ ихъ борьбѣ за хлѣбъ и работу, — безъ какихъ бы то ни было предпринимательскихъ или хозяйственныхъ функцій.

Послѣ обстоятельнаго обсужденія обоихъ плановъ Совѣтъ рѣшительно остановился на *хозяйственномъ* веденіи работъ. Въ мотивировкѣ своего рѣшенія Совѣтъ заявилъ, что онъ считаетъ свою борьбу съ городской думой еще далеко не законченной, что достигнутые результаты и обѣщанныя думой работы еще далеко не удовлетворяютъ его, и что онъ не желаетъ брать на себя отвѣтственности за исходъ общественныхъ работъ, которыя, на лучшій конецъ, могутъ доставить хлѣбъ лишь незначительному меньшинству безработныхъ.

И впослѣдствіи, при существованіи общественныхъ работъ Совѣтъ безработныхъ все время оставался на этой позиціи, устраняя отъ себя всякое участіе въ хозяйственно-техническомъ веденіи работъ, подчеркивая, что работы ведутся думой и ея исполнительной комиссіей, что хозяевами на работахъ являются представители Думы, и что задача рабочихъ — вырывать у нихъ новыя уступки такъ же, какъ вырвали они у думы самыя общественныя работы.

Основные взгляды, которыхъ придерживался Совѣтъ безработныхъ на общественныя работы, и которыми онъ руководствовался въ сношеніяхъ съ думской исполнительной комиссіей, могутъ быть сведены къ 8 положеніямъ.

Digitized by Google

1) Общественныя работы — не богадѣльня и не благотворительное учрежденіе, а обыкновенныя *работы*, на которыхъ рабочіе получаютъ не милостыню, не пенсію, а *заработанную ими плату*.

2) Общественныя работы ведутся на городскія деньги и *хозяиномъ* на нихъ является городская дума и ея исполнительная комиссія. Она отвѣтственна за всю хозяйственную и техническую постановку работъ и она распоряжается *вполнѣ* этой стороной дѣла.

3) Общественныя работы вырваны у городской думы рабочей организаціей, являются плодомъ ея побѣды, и потому эта организація, Совѣтъ безработныхъ, вѣдаетъ на работахъ всѣ вопросы, *касающіеся рабочей силы, внутренняго распорядка труда* и т. п.

4) Совѣтъ безработныхъ не вмѣшивается въ кругъ *хозяйственно-техническихъ* дѣлъ комиссіи, за результаты которыхъ онъ не отвѣчаетъ. Комиссія не имѣетъ права вмѣшиваться въ вопросы *внутренней жизни рабочихъ*, которые подлежатъ исключительному вѣдѣнію Совѣта безработныхъ.

5) По вопросамъ, которые затрагиваютъ единовременно и хозяйственно-техническую сторону работъ, и интересы рабочихъ и которые, слѣдовательно, входятъ единовременно въ кругъ вѣдѣнія Комиссіи и въ кругъ вѣдѣнія Совѣта безработныхъ, по этимъ вопросамъ необходимо *соглашеніе между обѣими организаціями*.

6) Если комиссія упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи, нарушающемъ интересы рабочихъ, и не принимаетъ предлагаемыхъ Совѣтомъ безработныхъ способовъ соглашенія, Совѣтъ считаетъ, что ему руки развязаны и самъ рѣшаетъ спорный вопросъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ рабочимъ не подчиняться соотвѣтствующему рѣшенію комиссіи.

7) Въ общемъ, характеръ отношеній между рабочими и комиссіей тотъ же, что обыкновенно между *рабочими* и *предпринимателемъ*, съ тою лишь особенностью, что между ними установлены *организованныя* сношенія, и за рабочими закрѣплены извѣстныя права, вытекающія изъ того, что данныя работы— *общественныя*. Но во всякомъ случаѣ, гг. гласные не являются здѣсь въ роли благодѣтелей, а рабочіе—въ роли облагодѣтельствованныхъ; такъ же, какъ не являются тѣ и другіе участниками какого-то *общаго* кооперативнаго предпріятія и т. п.

8) Изъ особаго характера *общественныхъ* работъ вытекаетъ право Совѣта безработныхъ требовать: 1) чтобы на этихъ работахъ было занято *возможно больше* народу; 2) чтобы на этихъ работахъ не было тѣхъ проявленій эксплоатаціи, противъ которыхъ борются рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, и чтобы на нихъ безработные были поставлены въ *нормальныя, среднія* условія труда.

Digitized by Google

Эти 8 положеній, какъ я сказалъ, регулировали взаимоотношенія между Совѣтомъ безработныхъ и комиссіей общественныхъ работъ. Нѣкоторыя изъ этихъ положеній признавались комиссіей, другія оспаривались ею, на почвѣ толкованія третьихъ положеній она рѣзко расходилась съ Совѣтомъ безработныхъ. И хотя эти положенія не были оффиціально признаны, ихъ можно все же считать основными и наиболѣе характерными особенностями организаціи петербургскихъ общественныхъ работъ.

Въ рамкахъ журнальной статьи я не имѣю возможности остановиться на обоснованіи правильности такой именно постановки общественныхъ работъ, на обоснованіи того, что только такая постановка дѣла допустима съ с.-д. точки зрѣнія. Соціалисты-революціонеры въ своемъ проектѣ, прочитанномъ 15 марта во второй Государственной Думѣ, стояли, какъ извѣстно, на діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія, отстаивая такой планъ общественныхъ работъ, при которомъ *рабочіе* были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и *хозяевами*. Совѣтъ безработныхъ считалъ подобный планъ при петербургскихъ условіяхъ вредной утопіей.

IV.

Изъ тѣхъ взглядовъ на общественныя работы, которыхъ придерживался Совѣтъ безработныхъ, съ необходимостью вытекало, что онъ долженъ былъ сохранить за собой право *пріема и увольненія* рабочихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, комиссія общественныхъ работъ, со своими *хозяйственно-техническими* соображеніями, могла лишь опредѣлить *число* требующихся ей рабочихъ рукъ. Но будетъ ли въ числѣ поступающихъ на работы Иванъ, или — нѣтъ, войдетъ ли Сидоръ въ число увольняемыхъ рабочихъ, или онъ останется работать и при сокращенномъ штатѣ,—это уже *внутренніе рабочіе* вопросы, входить въ разсмотрѣніе которыхъ комиссія не имѣла права.

Были еще и другія вѣскія соображенія, въ силу которыхъ Совѣтъ безработныхъ не могъ допустить, чтобы наборъ и увольненіе рабочихъ находились въ рукахъ думской комиссіи общественныхъ работъ или думскаго техническаго надзора.

Какъ извѣстно, фабрично-заводская администрація пользуется обыкновенно правомъ безъ всякаго контроля со стороны рабочихъ принимать на работу и выкидывать за ворота всякаго, кого ей вздумается. Именно это право администраціи всего сильнѣе деморализуетъ рабочихъ, дѣлаетъ ихъ положеніе на фабрикѣ или на заводѣ безправнымъ, лишаетъ ихъ спокойной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Рабочіе мало-по-малу стараются урѣзать это право администраціи,—протестуютъ противъ произвольныхъ расчетовъ, при наборѣ новыхъ рабочихъ предлагаютъ администраціи

Digitized by Google

прежде всего принять обратно мѣстныхъ безработныхъ и т. д. Иногда, какъ это было, напр., на Семянниковскомъ заводѣ въ 1907 г., при массовыхъ увольненіяхъ рабочіе по соглашенію между собой предлагаютъ администраціи въ первую голову выдать расчетъ тѣмъ, у кого есть домъ въ деревнѣ и т. п. Въ дни свободъ въ 1905 г. на нѣкоторыхъ заводахъ (напр., у Сименса-Гальске) рабочіе шли дальше этого и старались взять цѣликомъ въ свои руки пріемъ и увольненіе товарищей. Такимъ образомъ, требуя предоставленія рабочей организаціи исключительнаго права набора и увольненія рабочихъ, Совѣтъ безработныхъ выражалъ лишь одно изъ *общихъ* требованій рабочаго движенія.

Но при данныхъ условіяхъ это требованіе имѣло для Совѣта безработныхъ и непосредственное практическое значеніе. Безработица 1906 г. носила ясно выраженный политическій характеръ. Тысячи рабочихъ попали въ черные списки. При такихъ условіяхъ было болѣе, чѣмъ рисковано, сохранить право набора и увольненія рабочихъ за представителями петербургской городской думы, избранной тѣми же самыми промышленниками, которые обрекли рабочихъ на безработицу и голодъ.

Итакъ, за комиссіей и техническимъ надзоромъ общественныхъ работъ было сохранено лишь право опредѣлять при расширеніи работъ число требуемыхъ новыхъ рабочихъ, — при сокращеніи работъ — число рабочихъ, подлежащихъ увольненію. Именные списки составлялись въ томъ и другомъ случаѣ Совѣтомъ безработныхъ.

Наборъ рабочихъ на общественныя работы производился черезъ посредство Исполнительнаго Комитета и районныхъ ячеекъ Совѣта безработныхъ, списки увольняемыхъ опредѣлялись мѣстными депутатскими организаціями на общественныхъ работахъ, а иногда и общими собраніями рабочихъ. И, можетъ быть, въ числѣ функцій Совѣта безработныхъ не было другой, такой тягостной и неблагодарной, какъ эти два дѣла, — наборъ и увольненіе рабочихъ.

Всего за $1^1/_2$ года Совѣтъ безработныхъ помѣстилъ на общественныя работы около 5.000 человѣкъ. Число же зарегистрированныхъ имъ за тотъ же срокъ безработныхъ (считая и архитектурно-строительныхъ рабочихъ, запись которыхъ велась профессіональнымъ союзомъ) было не меньше 25.000. Такимъ образомъ на одного, получившаго работу, въ среднемъ оставалось 4 человѣка неудовлетворенныхъ. Но временами положеніе становилось еще болѣе безотраднымъ. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ оказывалось возможнымъ поставить на работы нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ числа нѣсколькихъ тысячъ, ожидающихъ очереди. И при страшной остротѣ нужды, когда газеты ежедневно сообщали о самоубійствахъ отъ голоду, объ ужасныхъ случаяхъ голодной смерти, при условіяхъ безработицы 1906 — 1907 гг.

Digitized by Google

было мучительно трудно изъ *тысячи* выбрать *десять* человѣкъ, которые имѣли бы неоспоримо больше права поступить на работы, чѣмъ остальные девятьсотъ девяносто кандидатовъ...

Совѣтъ безработныхъ отдавалъ, разумѣется, преимущество тѣмъ, которые пострадали и лишились работы за участіе въ общей борьбѣ. Но и такихъ было слишкомъ много. Да кромѣ того, почти каждый безработный, уволенный съ завода во время ноябрьскихъ локаутовъ 1905 г., былъ жертвой репрессіи, направленной противъ него, какъ участника общаго рабочаго движенія.

При необходимости сокращенія числа рабочихъ положеніе Совѣта безработныхъ оказывалось еще болѣе невыносимымъ. Ему приходилось увольнять товарищей, при полномъ сознаніи безвыходной нужды, которая ждетъ уволенныхъ. А между тѣмъ, предоставить увольненіе рабочихъ администраціи работъ Совѣтъ не могъ, такъ какъ администрація была иной разъ не прочь воспользоваться этимъ правомъ для удаленія съ работъ черезчуръ неспокойныхъ, съ ея точки зрѣнія, элементовъ.

Будучи порой не въ состояніи справиться со своей тяжелой и отвѣтственной задачей, Совѣтъ безработныхъ былъ принужденъ вторгаться въ кругъ хозяйственно-экономическихъ вопросовъ, которые онъ самъ относилъ къ вѣдѣнію комиссіи общественныхъ работъ: при расширеніи работъ онъ ставилъ иногда *больше* рабочихъ, чѣмъ требовала комиссія, при распоряженіи техническаго надзора объ увольненіи части рабочихъ онъ выполнялъ это распоряженіе лишь послѣ тщательной провѣрки того, насколько диктуется оно технической необходимостью. Но вмѣшиваясь въ опредѣленіе числа рабочихъ, Совѣтъ долженъ былъ вслѣдъ затѣмъ вмѣшаться и въ цѣлый рядъ другихъ чисто техническихъ и хозяйственныхъ вопросовъ, отъ того или другого разрѣшенія которыхъ зависѣло расширеніе или сокращеніе общественныхъ работъ. А это нерѣдко отзывалось и на стройности хода работъ и на чистотѣ позиціи Совѣта безработныхъ. Особенно значительное смѣшеніе чисто-пролетарскихъ функцій съ функціями хозяйственно-техническаго характера получилось у Совѣта безработныхъ на работахъ въ Галерной Гавани. Но если ему и удалось такой цѣной достигнуть увеличенія числа занятыхъ на общественныхъ работахъ рабочихъ въ $1^1/_2$—2 раза, это лишь въ незначительной степени облегчало его положеніе при распредѣленіи билетовъ на общественныя работы между безработными или при составленіи списковъ рабочихъ, подлежащихъ увольненію съ общественныхъ работъ.

Но отказаться отъ этихъ тяжелыхъ обязанностей Совѣтъ безработныхъ не могъ, такъ какъ они съ необходимостью вытекали изъ его взгляда на свою роль въ общественныхъ работахъ.

Точно такъ же, при опредѣленіи условій труда на обществен-

Digitized by Google

ныхъ работахъ Совѣтъ безработныхъ не могъ отказаться отъ центральнаго пункта рабочей программы - минимумъ,—отъ 8-часового рабочаго дня. На всѣхъ работахъ былъ установленъ 8-часовой рабочій день съ сокращеніемъ на 1 часъ работы въ субботу. Совѣтъ безработныхъ требовалъ сперва, чтобы субботняя работа была ограничена 6-ю часами, но это послѣднее требованіе до того возмутило не только либераловъ, но даже народныхъ соціалистовъ въ думской комиссіи, что Совѣту пришлось отъ него отказаться. Такимъ образомъ работа на всѣхъ постройкахъ, въ Галерной Гавани и въ общественныхъ мастерскихъ, была ограничена 47-ю часами въ недѣлю.

Гораздо сложнѣе оказался вопросъ о формахъ заработной платы. Сперва Совѣтъ безработныхъ считалъ, что на общественныхъ работахъ принципіально недопустимы никакія другія формы оплаты труда, кромѣ *поденной платы*. Представители техническаго надзора, напротивъ того, категорически заявляли, что работы можно вести только при *сдѣльной платѣ*. Что касается комиссіи общественныхъ работъ, то не имѣя собственнаго взгляда на дѣло и будучи совершенно одинаково невѣжественна въ вопросахъ соціальныхъ, политическихъ, техническихъ и административно-хозяйственныхъ, она становилась въ этомъ спорѣ то на сторону рабочихъ, то на сторону инженеровъ.

Сперва было принято предложеніе Совѣта безработныхъ: на всѣхъ работахъ была установлена *поденная* плата. Затѣмъ, въ концѣ 1906 г. комиссія стала на точку зрѣнія инженеровъ: постановила перевести всѣхъ рабочихъ на *сдѣльную* плату. Но на практикѣ оказалось, что ни чистая поденная плата, ни чистая сдѣльная плата не были примѣнимы на всѣхъ работахъ и при всевозможныхъ условіяхъ.

За $^1/_2$ года на общественныхъ работахъ были испробованы всевозможные способы оплаты труда, и въ результатѣ Совѣту безработныхъ пришлось значительно измѣнить свой взглядъ на поденную и сдѣльную плату. Особенно интересно разнообразіе формъ оплаты труда, примѣненныхъ въ Галерной Гавани. Здѣсь были испытаны и чистая поденная плата, и поденная работа съ урокомъ, и поденная плата при работѣ артелями, и сдѣльная плата съ гарантіей минимума заработка, и сдѣльная плата съ установленіемъ нормы выработки. При поденной платѣ здѣсь были испытаны различные способы учета рабочаго времени, при сдѣльной — различные способы учета выполненной работы. Но подробно останавливаться на всѣхъ этихъ опытахъ я не буду. Укажу лишь тѣ практическіе выводы, къ которымъ привели они руководителей общественныхъ работъ изъ состава Совѣта безработныхъ.

1) Чистая поденная плата оказалась примѣнимой и наиболѣе соотвѣтствующей духу общественныхъ работъ лишь въ тѣхъ

Digitized by Google

случаяхъ, когда рабочіе работали по своей спеціальности или были заняты работой, которая обыкновенно оплачивается поденно (всѣ архитектурныя работы, мелкія такъ называемыя черныя работы на постройкахъ и большая часть металлическихъ работъ).

2) Чистая поденная плата оказалась совершенно непригодна тамъ, гдѣ цеховые рабочіе были заняты черной работой, для которой нормы производительности не были заранѣе установлены. Въ этихъ случаяхъ (какъ, напр., въ Галерной Гавани) начиналось такое паденіе интенсивности труда, что работа вскорѣ теряла всякій смыслъ и принимала характеръ благотворительности, а на свою заработную плату рабочіе начинали смотрѣть, какъ на милостыню.

3) Чистая сдѣльная плата оказалась совершенно непригодной, такъ какъ повсюду она приводила либо къ чрезмѣрной эксплоатаціи труда, либо къ совершенно неравномѣрному и несправедливому повышенію заработка однихъ рабочихъ въ ущербъ другимъ. Повсюду чистая сдѣльная плата вызывала справедливыя нареканія наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, хотя инженеры и были вполнѣ довольны достигаемыми при помощи ея результатами.

4) Наиболѣе соотвѣтствующими духу общественныхъ работъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рабочимъ приходилось работать не по своей спеціальности, оказались 2 формы оплаты труда: 1) *поденная плата съ опредѣленіемъ минимума выработки*, 2) *сдѣльная плата съ опредѣленіемъ максимума заработка*— не свыше двойной поденной платы — и съ гарантіей цехового жалованья. Въ обоихъ случаяхъ оказалось вполнѣ цѣлесообразнымъ не фиксировать рабочаго времени 8-ю часами, предоставляя рабочимъ заканчивать свою работу и въ болѣе короткій срокъ (хотя бы въ 4 — 5 часовъ) и воспрещая лишь сверхурочныя работы.

Послѣдній способъ оплаты труда съ большимъ успѣхомъ примѣнялся въ теченіе 1907 г. въ Галерной Гавани. Рабочіе находили для себя выгоднымъ и удобнымъ, работая съ усиленной энергіей, оканчивать ту же работу въ болѣе короткій срокъ. Норма эксплоатаціи труда вслѣдствіе этого ничуть не повышалась. А сокращеніе срока дневной работы позволяло увеличить число смѣнъ рабочихъ и занять такимъ образомъ на прежней работѣ большее число безработныхъ.

Но, какъ выяснилось изъ опыта, необходимымъ условіемъ, безъ котораго данная система работы была бы совершенно невозможна, является *правильное* опредѣленіе высоты заработной платы, съ одной стороны, *правильный* учетъ выполненной работы, съ другой стороны. При этомъ, само собой разумѣется, рабочая организація должна принять мѣры къ тому, чтобы уве-

Digitized by Google

личеніе интенсивности труда рабочихъ и сокращеніе ихъ рабочаго времени не было использовано администраціей работъ для повышенія дневного урока или пониженія нормы заработной платы.

Что касается до вопроса о томъ, какая форма оплаты труда всего лучше соотвѣтствовала каждому изъ 3 видовъ общественныхъ работъ, бывшихъ въ 1906—1907 гг. въ Петербургѣ, то на этотъ вопросъ на основаніи данныхъ опыта можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ:

1) На работахъ, предпринимаемыхъ въ качествѣ экстренной мѣры трудовой помощи при массовой острой безработицѣ (земляныя работы въ Галерной Гавани) всего лучше поденная плата съ минимумомъ выработки или сдѣльная плата съ максимумомъ заработка.

2) На городскихъ строительныхъ работахъ, выполняемыхъ безработными, примѣнимы и чистая поденная плата, и въ извѣстныхъ случаяхъ сдѣльная плата съ опредѣленіемъ максимума заработка.

3) При металлическихъ работахъ въ городскихъ общественныхъ мастерскихъ безусловнаго предпочтенія заслуживаетъ чистая поденная плата.

V.

Не останавливаясь на подробностяхъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и отъ болѣзни на общественныхъ работахъ, на правилахъ вознагражденія рабочихъ за дождливые и морозные дни, на срокахъ выдачи заработной платы рабочимъ, и пр., и пр., не останавливаясь на всѣхъ этихъ мелкихъ чертахъ, характеризующихъ петербургскія общественныя работы, обратимся къ болѣе подробному описанію внутренней организаціи рабочихъ, занятыхъ на этихъ работахъ.

На различныхъ видахъ общественныхъ работъ, въ зависимости отъ внѣшней обстановки труда, организація рабочихъ принимала различныя формы. На постройкахъ, гдѣ было занято отъ 50 до 100 человѣкъ, требовалась, разумѣется, совершенно иная организація рабочихъ, чѣмъ въ Галерной Гавани, гдѣ число рабочихъ доходило порой до 2.000. Въ мастерскихъ, при сложной технической работѣ, требовался сотвѣтственно болѣе сложный типъ организаціи, который въ Галерной Гавани или на мостахъ оказался бы совершенно безполезнымъ. Отмѣчу лишь тѣ черты, которыя были общими организаціямъ рабочихъ на всѣхъ работахъ.

На всѣхъ общественныхъ работахъ рабочіе избирали своихъ депутатовъ, которые входили въ Совѣтъ безработныхъ и являлись въ немъ представителями работъ. Черезъ посредство Исполнительнаго Комитета Совѣта безработныхъ депутаты съ общественныхъ ра-

Digitized by Google

ботъ сносились съ думской комиссіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый депутатъ на общественныхъ работахъ считался отвѣтственнымъ не только передъ своими избирателями, но и передъ Совѣтомъ безработныхъ: на своихъ работахъ депутаты являлись представителями Совѣта безработныхъ съ обязанностью проводить въ жизнь всѣ его рѣшенія и директивы.

Эта организація должна была сочетать принципъ *федераціи* самостоятельныхъ группъ рабочихъ на отдѣльныхъ пунктахъ общественныхъ работъ съ *демократическимъ централизмомъ*. Но фактически въ этой организаціи *федеративный* принципъ сильно преобладалъ надъ *централизмомъ*, и нежелательныя послѣдствія этого явленія вскорѣ сказались на общественныхъ работахъ съ полной силой.

Каждое мѣсто работъ представляло изъ себя въ техническомъ смыслѣ какъ бы цѣлый замкнутый въ себѣ организмъ, въ которомъ постоянно возникали различнѣйшіе вопросы чисто мѣстнаго характера, для разрѣшенія которыхъ не было нужды (а порою и не было возможности) обращаться въ Исполнительный Комитетъ Совѣта безработныхъ или думскую комиссію. Эти вопросы должны были разрѣшать сейчасъ же мѣстныя депутатскія организаціи, которыя привыкали такимъ образомъ дѣйствовать самостоятельно, силой только *своего* авторитета. Такимъ образомъ отъ центральныхъ учрежденій Совѣта безработныхъ исходили лишь общія нормы, общія распоряженія, а депутаты, которые должны были проводить ихъ въ жизнь на общественныхъ работахъ, были въ глазахъ рабочихъ не столько представителями Совѣта, сколько представителями данныхъ работъ.

Между тѣмъ Совѣту безработныхъ въ интересахъ *общаго* дѣла нерѣдко приходилось принимать рѣшенія, которыя рѣзко расходились съ желаніемъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, но которыя были безусловно необходимы и требовали неукоснительнаго проведенія въ жизнь. Таковы были, напр., рѣшенія Совѣта безработныхъ объ искорененіи пьянства и прогуловъ на общественныхъ работахъ, объ уничтоженіи вреднаго обычая „авансовъ", объ удаленіи съ работъ всѣхъ хулиганствующихъ элементовъ, объ отчисленіи всѣми работающими на общественныхъ работахъ 3% въ пользу безработныхъ и т. п. Для проведенія подобныхъ рѣшеній въ жизнь необходима была наличность на всѣхъ общественныхъ работахъ достаточно авторитетныхъ органовъ, которые были бы не только номинально подчинены центральнымъ учрежденіямъ Совѣта безработныхъ, но фактически дѣйствовали бы постоянно его авторитетомъ и его именемъ. Но именно этому условію и не удовлетворяли мѣстныя депутатскія организаціи на общественныхъ работахъ.

Дѣйствуя постоянно самостоятельно, депутаты общественныхъ работъ должны были такъ же самостоятельно, при поддержкѣ

Digitized by Google

лишь своего собственнаго авторитета, и вести борьбу съ пьянствомъ и прогулами, и удалять съ работъ хулиганствующіе элементы, и вообще слѣдить за поддержаніемъ на общественныхъ работахъ необходимаго порядка. Но при выполненіи этихъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ Совѣтомъ безработныхъ, депутаты нерѣдко наталкивались на довольно упорную оппозицію въ средѣ избравшихъ ихъ рабочихъ. Такая оппозиція проявлялась сперва въ еле замѣтныхъ формахъ, но затѣмъ она росла и крѣпла, принимая тѣмъ большія размѣры, чѣмъ добросовѣстнѣе относился депутатъ къ своимъ обязанностямъ. На борьбу съ этой оппозиціей уходила, въ концѣ концовъ, вся энергія лучшихъ депутатовъ, и въ результатѣ—у депутатскихъ организцій не хватало силъ для выполненія своихъ чисто-мѣстныхъ обязанностей, ихъ авторитетъ и вліяніе среди рабочихъ подтачивались, а наиболѣе важныя рѣшенія Совѣта безработныхъ все же оставались „бумажными резолюціями“.

Въ этомъ заключался главный недостатокъ мѣстныхъ депутатскихъ организацій на общественныхъ работахъ. Отъ него не ушли ни постройки, ни Галерная Гавань и только „Мѣстный Комитетъ депутатовъ“ въ общественныхъ мастерскихъ на Гагаринскомъ Буянѣ, въ силу совершенно исключительныхъ условій, въ которыя онъ былъ поставленъ, сумѣлъ успѣшно справиться со всѣми своими обязанностями, совмѣстивъ строгое выполненіе всѣхъ рѣшеній Совѣта безработныхъ съ удачнымъ обслуживаньемъ всѣхъ мѣстныхъ нуждъ и запросовъ.

И эта внутренняя слабость депутатскихъ организацій большинства мѣстъ общественныхъ работъ, ихъ безсиліе передъ лицомъ наиболѣе сложныхъ ихъ обязанностей,—это явленіе настолько характерно, что необходимо подробнѣе выяснить его причины.

Какъ было указано выше, Совѣтъ безработныхъ, организуя общественныя работы, устранилъ съ себя всякую отвѣтственность за ихъ техническіе и финансовые результаты. Въ своемъ стремленіи сохранить вполнѣ чистоту своей классовой позиціи, не желая затемнять ее какими бы то ни было хозяйскими функціями, онъ отказался даже отъ контроля хозяйственно-экономическихъ распоряженій комиссіи и ограничилъ свое вмѣшательство въ ея распоряженія лишь тѣми случаями, когда они прямо и непосредственно шли вразрѣзъ съ интересами рабочихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ безработныхъ лишилъ комиссію чуть ли не самаго главнаго права хозяина-предпринимателя, того права, на которомъ больше всего держится его власть въ производствѣ, — права набора и увольненія рабочихъ.

Съ перваго взгляда сохраненіе этого права за Совѣтомъ безработныхъ не возлагало на него никакой отвѣтственности за исходъ работъ и ничуть не ограничивало отвѣтственности

Digitized by Google

комиссіи, въ рукахъ которой оставались и денежныя средства общественныхъ работъ, и техническій надзоръ. Но городская управа еще задолго до открытія общественныхъ работъ совершенно вѣрно предвидѣла, что это отступленіе отъ обычныхъ нормъ пріема и увольненія рабочихъ поставитъ комиссію общественныхъ работъ въ совершенно исключительное положеніе. „Избранной думой исполнительной комиссіи,—писала управа,—придется имѣть дѣло съ заранѣе опредѣленнымъ и не подлежащимъ измѣненіямъ контингентовъ зарегистрированныхъ рабочихъ, и это условіе можетъ существеннымъ образомъ измѣнить все направленіе и результаты работъ, тѣмъ болѣе, что такое условіе появляется въ городской предпринимательской дѣятельности впервые и никакого опыта въ этомъ отношеніи у города еще не было".

Комиссія общественныхъ работъ, вопреки опасеніямъ управы, что веденіе работъ при данной особенности ихъ организаціи окажется невозможнымъ, согласилась тѣмъ не менѣе на предоставленіе Совѣту безработныхъ исключительнаго права набора и увольненія рабочихъ, но при этомъ она предоставила ему ультимативное требованіе: Совѣтъ безработныхъ долженъ поручиться за то, что поставленные имъ на работы рабочіе будутъ подчиняться всѣмъ правиламъ, выработаннымъ комиссіей при участіи рабочихъ представителей, что на работахъ не будетъ прогуловъ, пьянства и т. п. безобразій.

Могъ ли Совѣтъ отказаться отъ *этой* отвѣтственности? Легко, разумѣется, говорить, что рабочая организація не должна принимать на себя *никакихъ* функцій, которыя могутъ поставить ее въ положеніи надсмотрщика надъ рабочими. Но при данныхъ условіяхъ отказъ отъ отвѣтственности за соблюденіе порядка на работахъ означалъ бы для Совѣта безработныхъ одно изъ двухъ: либо отказъ отъ права набора и увольненія рабочихъ, либо отказъ отъ самыхъ общественныхъ работъ. Предложеніе комиссіи:—„примите на себя наблюденіе за порядкомъ" — прямо вытекало изъ требованія Совѣта: — „предоставьте намъ опредѣлять составъ рабочихъ на общественныхъ работахъ". Это предложеніе было вполнѣ логично. Возражать противъ него было нечего. И Совѣтъ принялъ его.

Но больше того. Совѣтъ принялъ это предложеніе съ полной готовностью. Ему казалось, что отсутствіе мелочнаго контроля и унизительнаго надзора на работахъ будетъ облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на рабочихъ. Рабочимъ представлялась возможность показать свою способность къ свободному труду. Этимъ случаемъ необходимо было воспользоваться.

А принявъ на себя обязательство слѣдить за соблюденіемъ порядка на общественныхъ работахъ, Совѣтъ долженъ былъ отнестись къ этому своему обязательству съ необходимой серьез-

Digitized by Google

ностью. На общественныхъ работахъ, наряду съ выдающимися сознательностью рабочими-соціалистами, было подавляющее большинство рабочихъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ со всей рабочей массой Петербурга,—со всѣми ея достоинствами и недостатками. Здѣсь проявлялись въ полной мѣрѣ всѣ свѣтлыя черты петербургскаго пролетаріата,—его способность къ дружнымъ, солидарнымъ дѣйствіямъ, его готовность къ самоотверженнымъ жертвамъ ради общаго дѣла, всѣ тѣ черты, безъ которыхъ былъ бы немыслимъ въ Россіи 1905 годъ. Но за то здѣсь же, на общественныхъ работахъ, не менѣе ярко проявлялись и типичные недостатки петербургскихъ рабочихъ—отсутствіе привычки къ внутренней дисциплинѣ и къ продолжительной прочной организаціи, недостатокъ самоуваженія, склонность къ пьянству. Эти средніе рабочіе-массовики, привыкшіе къ заводскимъ порядкамъ, къ заводской палочной дисциплинѣ, послѣ продолжительной безработицы, которая, какъ извѣстно, дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ даже на вполнѣ сознательныхъ рабочихъ,—оказались вдругъ поставлены на общественныхъ работахъ въ совершенно новыя, непривычныя для нихъ условія.

На работу ихъ приняла не заводская администрація, а своя рабочая организація. Мастеръ или инженеръ уже не могутъ, какъ бывало на заводѣ, выкинуть ихъ за ворота, не могутъ даже подвергнуть ихъ какому бы то ни было взысканію. За спиною у нихъ уже нѣтъ обычныхъ надсмотрщиковъ и погонялъ. Съ нихъ никто не высчитываетъ за упущенія въ работѣ...

Справедливость требуетъ сознаться, что съ первыхъ недѣль существованія общественныхъ работъ выяснилось, что эти новыя условія труда *не соотвѣтствуютъ* уровню сознательности массы, что при этихъ новыхъ условіяхъ труда работы *не пойдутъ*... Съ первыхъ же недѣль существованія работъ на нихъ сталъ проявляться упадокъ дисциплины, появилось пьянство, стали замѣчаться случаи хулиганства, уклоненіе отъ добросовѣстной работы стало принимать опасные размѣры.

Тогда, въ исполненіе своего обязательства слѣдить за соблюденіемъ порядка на общественныхъ работахъ, Совѣтъ безработныхъ сдѣлалъ крайне любопытную попытку замѣнить всѣ тѣ средства угрозъ и насилія, которыми дисциплинируютъ предприниматели своихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, весь ихъ арсеналъ штрафовъ, всѣ ихъ поощрительныя награды, всѣ ихъ угрозы увольненіемъ, замѣнить всѣ эти средства буржуазіи однимъ пролетарскимъ средствомъ—*соціалистической агитаціей*. Совѣтъ началъ устраивать на общественныхъ работахъ общія собранія рабочихъ. На этихъ собраніяхъ ораторы-соціалъ-демократы говорили рабочимъ о значеніи общественныхъ работъ, объ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены они на этихъ работахъ; о томъ, что буржуазія смотритъ

Digitized by Google

на эти работы съ злорадной надеждой, заранѣе предвкушая ихъ неизбѣжный, по ея мнѣнію, провалъ; о томъ, что, разрушивъ эти надежды, безработные отблагодарятъ этимъ товарищей рабочихъ, благодаря дружной поддержкѣ которыхъ они заставили черносотенную петербургскую думу идти на уступки. И эта агитація первое время имѣла несомнѣнный успѣхъ. Подъ вліяніемъ ея на работахъ исчезало пьянство, исчезали прогулы, исчезали всѣ признаки деморализаціи.

Но такъ успѣшно шло дѣло лишь первое время. А затѣмъ передъ Совѣтомъ стала необходимость какими-нибудь средствами закрѣпить свое моральное вліяніе на работахъ. Не отступая отъ своей задачи создать на общественныхъ работахъ условія „свободнаго труда", Совѣтъ безработныхъ пришелъ къ выводу, что на первое время ему придется все же сохранить на работахъ систему репрессивныхъ мѣръ — вплоть до устраненія съ работъ тѣхъ элементовъ, поведеніе которыхъ будетъ признано несоотвѣтствующимъ духу общественныхъ работъ.

Увы! Это былъ совершенно правильный выводъ, и съ этого положенія, собственно говоря, слѣдовало бы и начать.

Но примѣняя этотъ вполнѣ правильный взглядъ, Совѣтъ безработныхъ сдѣлалъ большую ошибку. *Онъ долженъ былъ создать центральный, непосредственно ему подчиненный органъ, который слѣдилъ бы за соблюденіемъ выработанныхъ имъ правилъ на всѣхъ общественныхъ работахъ и подвергалъ бы установленному взысканію нарушителей этихъ правилъ.* Этотъ органъ долженъ былъ стоять всецѣло на защитѣ *общихъ* требованій, на защитѣ интересовъ *общаго* дѣла, противополагая ихъ въ случаѣ надобности *мѣстнымъ* интересамъ и *частнымъ* требованіямъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ. Вмѣсто этого, Совѣтъ безработныхъ рѣшилъ передать всѣ функціи надзора за соблюденіемъ порядка на работахъ и за исполненіемъ установленныхъ для этихъ работъ правилъ самимъ рабочимъ, занятымъ на общественныхъ работахъ, — въ лицѣ ихъ мѣстныхъ депутатскихъ организацій и особыхъ „товарищескихъ судовъ".

Въ этихъ видахъ Совѣтъ обнародовалъ на всѣхъ общественныхъ работахъ слѣдующее „объявленіе".

„Петербургскими безработными достигнуто установленіе на „общественныхъ работахъ 8 часового рабочаго дня. Это тотъ „нормальный рабочій день, котораго добиваются повсюду проле„тарскія организаціи. И для того, чтобы не бросить тѣни на „собственное дѣло, безработные должны *сами* принять на себя „обязанность слѣдить за правильной и добросовѣстной работой „въ теченіе положенныхъ 8 часовъ.

„Безобразія, которыя производились бы на работахъ отдѣль„ными лицами, нарушали бы интересы всей массы. И *вся масса* „должна быть готова противодѣйствовать имъ.

Digitized by Google

„Исполнительный Комитетъ Совѣта безработныхъ предлагаетъ „товарищамъ, занятымъ на общественныхъ работахъ, учредить „товарищескіе суды. Стоя на стражѣ общихъ интересовъ и чести „рабочихъ, эти суды должны искоренять на работахъ пьянство, „прогулы и прочія безобразія.

„Для того, чтобы не было на эти суды нареканій за лице-„пріятіе, за строгость къ однимъ и за излишнюю снисходитель-„ность къ другимъ, Исполнительный Комитетъ предлагаетъ имъ „руководствоваться такими правилами:

„1) За первую небольшую провинность (приходъ на работу „въ пьяномъ видѣ и т. п.) виновный исключается съ работъ „на 1 день.

„2) За вторую провинность виновный исключается съ работъ „на три дня.

„3) За третью провинность виновный исключается съ работъ „навсегда и вмѣстѣ съ тѣмъ вычеркивается изъ списковъ без-„работныхъ.

„4) За болѣе серьезныя провинности виновные исключаются „съ работъ сразу безъ предупрежденія“.

Все это объявленіе проникнуто опасеніемъ, какъ бы не навязать рабочимъ *насильственно* такихъ правилъ, которымъ они не желали бы подчиниться *свободно*, добровольно. И не менѣе ярко проявилась въ этомъ объявленіи вѣра въ то, что „вся масса“ „сама“ можетъ за чѣмъ-то слѣдить, что-то предупреждать и пр. и пр. и пр. Это была, разумѣется, утопія. А утопіи никогда не доводятъ до добра.

„Масса“ на всѣхъ работахъ единогласно приняла предложенныя ей Совѣтомъ безработныхъ правила, единогласно признала, что „товарищескіе суды“ дѣйствительно необходимы, что съ хулиганствомъ слѣдуетъ бороться самымъ энергичнымъ образомъ и т. д. и т. д. Но нужно ли говорить, что „вся масса“ „сама“ ничего не могла сдѣлать для этой борьбы, и что вся тяжесть ея пала на мѣстныя депутатскія организаціи на общественныхъ работахъ, которыя вовсе не были приспособлены къ этому дѣлу?

Вопросъ о судѣ, о дисциплинѣ, о принудительномъ подчиненіи извѣстнымъ правиламъ съ самаго начала былъ поставленъ въ Совѣтѣ безработныхъ *неправильно:* вмѣсто *соціалистическаго* „принципа авторитетнаго и дѣеспособнаго центра“ въ основаніе рѣшенія этого вопроса въ Совѣтѣ безработныхъ былъ положенъ *анархическій* „принципъ ничѣмъ неограниченнаго самоуправленія и самоопредѣленіе небольшихъ ячеекъ“, какими являлись отдѣльныя общественныя работы. Въ результатѣ и проявилась на работахъ анархическая распущенность вмѣсто соціалистической организованности.

Депутатскія мѣстныя организаціи, какъ я говорилъ выше, оказались неспособными справиться съ возложенными на нихъ

Digitized by Google

новыми задачами. Тогда Совѣтъ безработныхъ предпринялъ шагъ, который, на первый взглядъ, нѣсколько противорѣчилъ его демократическимъ принципамъ, но по существу вносилъ лишь соціалистическую поправку въ его первоначальное черезчуръ грубое, черезчуръ примитивное пониманіе демократизма. Въ Комитеты депутатовъ на болѣе крупныхъ общественныхъ работахъ онъ сталъ делегировать постоянныхъ представителей Исполнительнаго Комитета. Послѣдніе, въ рукахъ которыхъ фактически сосредоточились всѣ „административно-судебныя" функціи, опираясь на авторитетъ и власть центральной организаціи Совѣта безработныхъ, могли выполнять эти функціи несравненно успѣшнѣе, чѣмъ дѣйствовавшіе до нихъ мѣстные депутаты. Вообще постоянное представительство Исполнительнаго Комитета на общественныхъ работахъ оказалось полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: оно улучшало всю постановку работъ, давало рабочимъ защиту отъ многихъ придирокъ и притѣсненій со стороны администраціи, укрѣпляло мѣстную организацію рабочихъ и увеличивало ея трудоспособность, усиливало авторитетъ Совѣта безработныхъ, прививало рабочимъ болѣе правильное представленіе о значеніи всего движенія безработныхъ и объ ихъ роли въ этомъ движеніи. Въ частности, именно присутствіе представителя Исполнительнаго Комитета на работахъ въ общественныхъ мастерскихъ съ самаго перваго дня ихъ существованія облегчило созданіе въ этихъ мастерскихъ блестящей организаціи, которой впослѣдствіи гордился весь Совѣтъ безработныхъ.

Позже Совѣтъ безработныхъ выработалъ еще болѣе цѣлесообразную мѣру для обезпеченія соблюденія на общественныхъ работахъ выработанныхъ правилъ. Была учреждена особая центральная комиссія, которая должна была періодически объѣзжать всѣ мѣста работъ, выясняя рабочимъ и депутатамъ ихъ обязанности и, въ случаѣ обнаруженія на работахъ какихъ-нибудь безобразій, подвергая виновныхъ установленнымъ взысканіямъ вплоть до изгнанія съ работъ. Рабочіе сперва называли въ шутку эту Комиссію „карательной экспедиціей", но затѣмъ стали относиться къ ней болѣе сочувственно, и жалѣли только о томъ, что съ самаго начала Совѣтъ не принималъ достаточно энергичныхъ мѣръ для поддержанія порядка и такимъ образомъ „запустилъ" дѣла.

Вообще, нужно отмѣтить, что рабочіе на общественныхъ работахъ крайне чутко относились къ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, которые замѣчались порой въ ихъ средѣ, и не только не сочувствовали анархической снисходительности, которую первое время проявлялъ въ этомъ отношеніи Совѣтъ безработныхъ, но прямо винили его въ попустительствѣ „хулиганамъ, которые стараются только сорвать общественныя работы". А попустительство это, какъ мы видѣли, заключалось въ томъ, что Совѣтъ безработныхъ

Digitized by Google

предоставилъ *мелкимъ самоуправляющимся единицамъ, каковыми являлись отдѣльныя мѣста общественныхъ работъ, самимъ, своими средствами, бороться съ разлагающими ихъ явленіями.* По самому существу, эта задача была имъ не по силамъ. И именно эта ошибка Совѣта безработныхъ явилась первоисточникомъ слабости мѣстныхъ депутатскихъ организацій на общественныхъ работахъ.

Между тѣмъ для того, чтобы справиться со своими чисто мѣстными функціями, эти организаціи должны были обладать значительной прочностью, значительнымъ авторитетомъ въ массахъ.

Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, перечислить лежавшія на этихъ организаціяхъ обязанности.

1) Депутаты должны были слѣдить за *правильностью поступленія рабочихъ на общественныя работы*, за тѣмъ, чтобы Исполнительный Комитетъ былъ своевременно извѣщенъ о каждой открывавшейся на работахъ вакансіи, чтобы техническій надзоръ не принималъ на работы никого помимо Совѣта безработныхъ, чтобы всѣ присланные на работы Совѣтомъ были бы немедленно поставлены на дѣло и внесены въ табели и т. д. и т. д.

2) Второй обязанностью депутатовъ было слѣдить за *правильностью распредѣленія работъ между рабочими*, за соблюденіемъ очереди на болѣе выгодныхъ и болѣе тяжелыхъ работахъ и т. д. Обязанность эта была нелегкая, такъ какъ рабочіе въ массѣ часто требовали, чтобы „уравнительный" принципъ былъ проведенъ и на такихъ работахъ, на которыхъ это было невозможно по чисто-техническимъ условіямъ.

3) Депутаты завѣдовали *сборами* на общественныхъ работахъ въ пользу безработныхъ, передавали эти сборы въ кассу Совѣта безработныхъ, а позже производили изъ этихъ сборовъ, по постановленію общаго собранія рабочихъ, выдачу пособій.

4) Депутаты обслуживали всѣ вообще *экономическія нужды* рабочихъ на своихъ работахъ и выступали *представителями рабочихъ* во всѣхъ возникающихъ на работахъ недоразумѣніяхъ и конфликтахъ. Такая роль была признана за депутатами оффиціальными правилами, утвержденными думской комиссіей, и фактически улаживанье всевозможныхъ недоразумѣній поглощало большую часть времени депутатовъ на общественныхъ работахъ.

VI.

Мы познакомились съ наиболѣе характерными особенностями петербургскихъ общественныхъ работъ. Посмотримъ теперь, какъ сказались эти особенности на *результатахъ* работъ, на ихъ стоимости, технической производительности и на положеніи занятыхъ на нихъ рабочихъ.

Говоря о хозяйственно-техническихъ результатахъ обществен-

Digitized by Google

ныхъ работъ, мы должны отдѣльно коснуться Галерной Гавани, построекъ и металлическихъ работъ въ общественныхъ мастерскихъ.

Земляныя работы въ Галерной Гавани обошлись городу значительно дороже, чѣмъ это было предусмотрѣно смѣтой положеннаго въ основаніе ихъ проекта Палашковскаго. Особенно великъ былъ перерасходъ на работахъ, которыя производились въ теченіе 1906 г. Послѣ возобновленія гаваньскихъ работъ въ іюнѣ 1907 г. въ основаніе ихъ была положена уже новая смѣта, составленная комиссіей Общественныхъ работъ примѣнительно къ выяснившимся на этихъ работахъ за 1906 г. условіямъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на работахъ были введены нѣкоторыя техническія улучшенія (напр., конная тяга), то *формально* стоимость этихъ работъ въ 1907 г. оказалась какъ бы *ниже* смѣты. Но сравнительно съ первоначальной смѣтой проекта Палашковскаго, работы въ Галерной Гавани и въ 1907 г. шли съ нѣкоторымъ перерасходомъ.

Отчасти этотъ перерасходъ былъ неизбѣженъ. На гаваньскія работы даже и сама городская дума смотрѣла не какъ на обычныя хозяйственныя работы, но какъ на экстренную мѣру трудовой помощи безработнымъ. И это давало комиссіи общественныхъ работъ основаніе производить эти работы въ-ручную, хотя примѣненіе на нихъ механической тяги могло бы сократить ихъ стоимость. Съ другой стороны, на стоимости работъ въ Галерной Гавани отразилось и то, что Совѣтъ безработныхъ помѣстилъ на нихъ *больше* рабочихъ, чѣмъ допускали того техническія условія. Наконецъ, и работоспособность безработныхъ, непривычныхъ къ земляному дѣлу и обезсиленныхъ продолжительной нуждой, голодовками и болѣзнями, была ниже нормальной.

Но, какъ правильно указала городская ревизіонная комиссія, не въ этомъ заключалась *главная* причина чрезмѣрной дороговизны работъ въ Галерной Гавани. Перерасходъ на этихъ работахъ зависѣлъ больше всего отъ неумѣлаго веденія ихъ городской комиссіей общественныхъ работъ, отъ отсутствія у нея какого бы то ни было общаго плана развитія работъ, отъ ея неумѣнья воспользоваться довольно элементарными техническими пріемами, удешевляющими производство, отъ плохой постановки отчетности и администраціи на работахъ и т. д. и т. д.

Отъ неумѣлыхъ дѣйствій комиссіи общественныхъ работъ зависѣло и то обстоятельство, что въ теченіе 1906 г. работы въ Галерной Гавани велись не только слишкомъ *дорого*, но и въ *техническомъ* смыслѣ плохо. Улицы были разрыты и перекопаны во всѣхъ направленіяхъ, проѣздъ и проходъ въ районѣ работъ былъ затрудненъ до крайности, работы въ теченіе ихъ производства не улучшали, но ухудшали положеніе Галерной Гавани.

Такимъ образомъ, гаваньскія работы дали и въ хозяйствен-

Digitized by Google

номъ, и въ техническомъ отношеніи *неблагопріятные* результаты. Но если разсматривать эти работы, какъ *опытъ* трудовой помощи безработнымъ, то придется признать, что этотъ опытъ доказалъ, что *трудовая помощь безработнымъ въ формѣ массовыхъ земляныхъ работъ съ соблюденіемъ на нихъ всѣхъ требованій рабочей программы - минимумъ и съ предоставленіемъ рабочимъ широкаго самоуправленія на демократическихъ началахъ вполнѣ возможна и сопряжена съ весьма незначительнымъ перерасходомъ при условіи только, чтобы техническое руководство работами находилось въ умѣлыхъ рукахъ.* Характерно, что именно къ такому приблизительно выводу пришла и городская ревизіонная комиссія, которой дума поручила представить отзывъ о работахъ въ Галерной Гавани!

Что касается *строительныхъ работъ*, выполненныхъ безработными, то они нигдѣ не вышли изъ смѣты, а мѣстами обошлись даже дешевле смѣтныхъ назначеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ выполненныя безработными постройки оказались удовлетворяющими всѣмъ техническимъ требованіямъ и при испытаніи дали отличные результаты. Въ частности, каменныя и гранитныя работы, на которыхъ были заняты безработные члены профессіональныхъ союзовъ, по отзыву экспертовъ, оказались не только вполнѣ удовлетворительными, но даже изящными.

Между тѣмъ, въ числѣ построекъ, переданныхъ въ 1906—1907 г. петербургскимъ безработнымъ, были работы, которыя считаются весьма сложными и тонкими и которыя выполняются обыкновенно лишь опытными спеціалистами. Таковы были деревянныя работы по перестройкѣ мостовъ Силина, Строганова и Каменноостровскаго. Таковы были и работы въ котлованахъ при сооруженіи береговыхъ устоевъ мостовъ Пантелеймонскаго, Аларчина и Введенскаго. Трудность работъ увеличивалась тѣмъ, что новыя постройки приходилось производить на мѣстѣ старыхъ, выполненныхъ думой традиціоннымъ подряднымъ способомъ, а всѣ эти старыя постройки развалились при первомъ къ нимъ прикосновеніи. Старыя балки въ деревянныхъ мостахъ оказывались такой же трухою, какъ бутовая кладка въ береговыхъ устояхъ старыхъ желѣзныхъ мостовъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко въ ходѣ работъ приходилось измѣнять ихъ планъ, вмѣсто мелкой починки стараго сносить это старое до основанія и передѣлывать все съ начала. Какъ извѣстно, подобныя измѣненія въ планѣ работы обыкновенно очень тяжело отзываются и на стоимости ея, и на ея технической доброкачественности. Между тѣмъ судить о качествѣ выполненныхъ безработными строительныхъ работъ приходилось представителямъ городской думы, которые на общественныя работы вообще смотрѣли съ нескрываемымъ предубѣжденіемъ и, больше того,—съ явной враждебностью. И если они принуждены были признать эти работы во

Digitized by Google

всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительными, значитъ, дѣйствительно придраться было здѣсь не къ чему.

Такимъ образомъ можно считать, что общественныя строительныя работы, производившіяся въ Петербургѣ въ 1906—1907 гг., доказали, что *городскіе органы самоуправленія имѣютъ полную возможность всѣ свои строительныя работы, не исключая и наиболѣе сложныхъ изъ нихъ, передавать безработнымъ, минуя подрядчиковъ.*

Металлическія работы въ общественныхъ мастерскихъ тоже дали вполнѣ удовлетворительные результаты. Правда, сама постройка мастерскихъ оказалась затѣей совершенно нелѣпой въ хозяйственномъ отношеніи, и выполненіе переданныхъ въ мастерскія ничтожныхъ заказовъ не могло окупить крупныхъ расходовъ, произведенныхъ на ихъ оборудованіе. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ „первородный грѣхъ" общественныхъ мастерскихъ, и прикидывая къ стоимости обработки въ нихъ каждаго пуда желѣза обычный *нормальный* % на погашеніе капитала, мы убѣждаемся, что городскія общественныя мастерскія и по качеству своихъ издѣлій, и по ихъ дешевизнѣ были вполнѣ способны выдерживать конкурренцію большинства солидныхъ петербургскихъ заводовъ. Ни 8-ми часовой рабочій день, ни полное самоуправленіе рабочихъ не привели, слѣдовательно, къ паденію производительныхъ силъ предпріятія!

Что касается вліянія, которое оказало на рабочихъ пребываніе на общественныхъ работахъ, то относительно этого вопроса лица, принимавшія близкое участіе въ организаціи работъ и, въ частности, руководившіе ими рабочіе, высказывали порой самыя противоположныя мнѣнія. Тѣ изъ нихъ, которымъ пришлось ближе всего соприкасаться съ общественными мастерскими, склонны были чрезмѣрно восхищаться соціалистическимъ воспитаніемъ, которое получали безработные на общественныхъ работахъ. Другіе, имѣя передъ собой, главнымъ образомъ, примѣръ Галерной Гавани, напротивъ того, готовы были отрицать какое бы то ни было положительное вліяніе общественныхъ работъ на рабочихъ.

Истина лежитъ, вѣрнѣе всего, по серединѣ между этими противоположными утвержденіями. Въ общемъ и цѣломъ, пребываніе на общественныхъ работахъ несомнѣнно повышало политическую и соціалистическую сознательность рабочихъ, хотя во многихъ случаяхъ (какъ, напр., и въ Галерной Гавани) оно вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживало неподготовленность петербургской рабочей массы къ условіямъ труда, слишкомъ рѣзко отличающимся отъ обычной фабрично-заводской казармщины. Въ *положительномъ* воспитательномъ значеніи общественныхъ работъ для рабочихъ можно убѣдиться хотя бы изъ того, какъ тонко чувствовали даже средніе рабочіе-массовики, пробывшіе на этихъ работахъ годъ

Digitized by Google

или больше, какъ тонко чувствовали они тѣ ошибки въ организаціи работъ, которыхъ въ началѣ не замѣчали руководители Совѣта безработныхъ, принадлежавшіе по большей части къ числу наиболѣе развитыхъ рабочихъ-соціалистовъ Петербурга.

Намъ могутъ возразить, что не трудно было замѣтить эти ошибки послѣ того, какъ сказались на дѣлѣ ихъ послѣдствія, что масса не усвоила здѣсь никакого соціалистическаго воспитанія, а учла только прошедшій передъ ея глазами опытъ. Но что такое „соціалистическое воспитаніе пролетаріата", какъ не *коллективное накопленіе рабочей массой опыта*, опыта того, какъ можно добиться улучшенія своей жизни, опыта того, какъ можно освободиться отъ опеки буржуазіи, опыта того, какъ можно работать въ условіяхъ „свободнаго труда", опыта того, какъ должны строиться рабочія организаціи?

VII.

Для того, чтобы закончить нашъ бѣглый очеркъ общественныхъ работъ въ Петербургѣ, мы должны коснуться еще отношенія къ нимъ петербургской городской думы.

Въ самомъ началѣ мы отмѣтили, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ дума согласилась въ 1906 г. на открытіе общественныхъ работъ и почему въ теченіе всего 1907 г. она никакъ не могла отъ нихъ отдѣлаться. Затративъ крупныя суммы на организацію общественныхъ работъ, дума относилась къ этимъ работамъ, какъ къ вынужденной уступкѣ рабочимъ, и, понятно, что работы безработныхъ были для нея предметомъ самой искренней ненависти. Нельзя было придумать клеветы настолько явной и глупой, чтобы дума съ восторгомъ не подхватила ея. „Безработные только лѣнтяйничаютъ и ничего не дѣлаютъ,—говорили въ думѣ, — Комиссія общественныхъ работъ занимается не работами, а игрой въ популярность и соціализмомъ. Безработные раскрадываютъ и пропиваютъ городское имущество". Въ подтвержденіе этихъ обвиненій одинъ изъ гласныхъ высчиталъ, что безработные на общественныхъ работахъ трудятся какъ слѣдуетъ всего лишь часъ и десять минутъ въ сутки. Другой гласный привелъ какія-то цифры въ доказательство того, что въ Галерной Гавани работаетъ лишь $^1/_4$ записанныхъ тамъ рабочихъ, а остальныя $^3/_4$ все время пьянствуютъ. Но всего любопытнѣе были разоблаченія *хищеній* на общественныхъ работахъ, сдѣланныя однимъ гласнымъ. „Я собственными глазами видѣлъ,—заявлялъ этотъ гласный въ думѣ,—какъ 4 безработныхъ везли вагонетку съ землей, на которой лежали 3 лопаты. Но вѣдь лопаты были выданы имъ всѣмъ 4-емъ! Гдѣ 4-я лопата? Ясно, господа, что одинъ изъ безработныхъ свою лопату *укралъ*"!

По мѣрѣ того, какъ стали выясняться *благопріятные* резуль-

Digitized by Google

таты общественныхъ работъ, отношеніе къ нимъ гг. гласныхъ становилось все болѣе и болѣе *враждебнымъ*. И это вполнѣ понятно. Общественныя работы, если бы они утвердились въ обиходѣ городского хозяйства, должны были вытѣснить старый обычай сдачи работъ съ подряда. А этимъ обычаемъ, какъ извѣстно, кормятся не только подрядчики, но и тѣ, отъ кого зависитъ сдача подряда, и тѣ, отъ кого зависитъ пріемка работы, провѣрка и испытаніе матеріаловъ. Съ другой стороны, съ нѣкоторыми порядками, введенными на общественныхъ работахъ, дума могла кое-какъ мириться, пока она надѣялась, что эти порядки приведутъ къ *провалу* работъ: именно эта надежда заставила думу промолчать при установленіи на общественныхъ работахъ 8-ми часового рабочаго дня, при предоставленіи на нихъ права самоуправленія рабочимъ. Но когда оказалось, что всѣ эти „затѣи" не приводятъ все же къ провалу работъ, дума потеряла терпѣніе.

Представители промышленниковъ открыто и вполнѣ оффиціально требовали отъ думы, чтобы она „не забѣгала впередъ и не предрѣшала вопросовъ", которые могутъ быть разрѣшены лишь въ законодательномъ порядкѣ. Они указывали думѣ на преступность введенія 8-часового рабочаго дня и предоставленія рабочимъ участія въ управленіи производствомъ въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, который и безъ того испыталъ столько потрясеній и волненій со своимъ 300-тысячнымъ рабочимъ населеніемъ...

И могла ли петербургская дума, избранная землевладѣльцами, рантьерами и промышленниками, противостоять этимъ доводамъ и убѣжденіямъ?

Разумѣется, нѣтъ!

Дума должна была закрыть общественныя работы,—иначе она обманула бы довѣріе своихъ избирателей.

Уже самое существованіе общественныхъ работъ въ Петербургѣ въ 1906—1907 гг. было какимъ-то историческимъ недоразумѣніемъ. Если бы дума примирилась съ этими работами и не пыталась прекратить ихъ, это было бы уже не недоразумѣніемъ, а чудомъ.

Сергѣй Петровъ.

Digitized by Google

Эстетизмъ и эротика.

Предисловіе.

Задача настоящей работы — прослѣдить въ творчествѣ ряда художниковъ и поэтовъ соединеніе, неразрывное и гармоничное, двухъ идей: идеи красоты, эстетизма, и идеи жизненной полноты и подъема, — идеи Эроса. Своеобразный синтезъ этихъ идей въ художественномъ творчествѣ является отправной точкой въ разсмотрѣніи литературнаго матеріала, и такимъ образомъ нижеслѣдующія страницы на полноту и цѣльность литературныхъ характеристикъ не претендуютъ. Огромный художественный матеріалъ не могъ быть исчерпанъ въ поставленныхъ рамкахъ; бралось лишь наиболѣе характерное и яркое, причемъ и изъ вошедшаго матеріала многое могло быть лишь кратко и конспективно намѣчено.

Содержаніе, вкладываемое мною въ понятіе „эротика", заставляетъ оставить за бортомъ обзора тѣ произведенія, въ которыхъ художественный рисунокъ не освѣщается и не пронизывается лучами идейности, сливающей яркое проявленіе растительности съ зенитомъ духовности.

И потому исключены изъ обзора не только примитивы—реалисты, дававшіе грубую схему явленій и фактовъ, какъ Рабле или Боккачіо, но даже искушенные въ тонкихъ пріемахъ художественнаго письма беллетристы, какъ Зола или Гонкуры. Потому что въ мертвой объективности натуралистическихъ воспроизведеній тяжелая и грубая похоть, замѣняющая свѣтлый и музыкальный Эросъ, рисуется, какъ нѣчто самодовлѣющее, отдѣльное, очерченное на фонѣ страшной обыденщины, въ общей скудости душнаго и мертваго прозябанія. Здѣсь нѣтъ души художника и его личнаго чувства жизни.

Обиліе и пестрота именъ не уничтожаютъ согласованности и связи. Широкій и пестрый матеріалъ уложился въ рамки выработаннаго нижеслѣдующаго плана, такъ что въ общемъ, при всей

Digitized by Google

разнохарактерности именъ, они составляютъ звенья единой цѣпи. И если близость, напр., Лохвицкой и библейской „Пѣсни пѣсней", или—Щербины и Гамсуна—можетъ показаться парадоксальной, то именно здѣсь, гдѣ прослѣживается единая нота творчества—Эросъ, — открывается глубокая связь всѣхъ художниковъ міра, какъ бы ни разнились они по величинѣ и характеру таланта. Въ концѣ концовъ, — дѣло художниковъ — дѣло единое. Жизнь милліонами разнообразнѣйшихъ голосовъ говоритъ объ одной себѣ—о жизни.

Вотъ въ общихъ чертахъ схема работы (въ предѣлахъ трехъ ея помѣщаемыхъ здѣсь главъ):

I) „Лирика Эроса" — чистое воспѣваніе переживаній, непроизвольное, какъ соловьиная пѣсня. Эхо чувствъ, отзывъ весенняго празднества жизни. Здѣсь объединены рядомъ съ экзотическими—Китсомъ, Россети, Уайльдомъ, Шелли—русскіе экзотики—Лохвицкая, Бальмонтъ, Бунинъ. Здѣсь же библейскій гимнъ жизни и страсти, пѣсня тѣлу. Одна особенность сводитъ все разнообразіе этихъ творчествъ къ единству: — лирика, непроизвольность откликовъ на чувства міра, непосредственность лирическихъ отраженій.

II) „Творчество жизни". Отраженіе въ искусствѣ чего-то вродѣ проповѣди новыхъ началъ существованія, освобождающихъ и проникнутыхъ красотой и стихійностью. Здѣсь не одинъ лишь лирическій откликъ, а сознательное *строительство*, творческая идеологія, звучащая въ полотнахъ Беклина, въ пантеистическихъ строкахъ Гете, въ новомъ пантеизмѣ Гамсуна, въ прославленіи стихійности и красоты у русскаго поэта—Щербины. Здѣсь кличъ къ человѣку: „Строй домъ своей жизни вотъ на этомъ мощномъ основаніи".

III) Художники Эроса. Здѣсь рядъ мастеровъ, задачей которыхъ былъ—рисунокъ самыхъ ощущеній, то въ чистомъ видѣ, то въ связи съ переживаніями религіозными, эстетическими, моральными. Что касается Пшибышевскаго съ его ярко выраженной идеологіей, построенной на новомъ отношеніи къ проблемѣ пола, то мнѣ кажется болѣе значительнымъ самый рисунокъ эротическихъ переживаній у него, чѣмъ его идеологія. Впрочемъ, при бѣглости разбора автору „Homo sapiens" пришлось удѣлить лишь небольшое мѣсто, какъ и нѣкоторымъ другимъ авторамъ.

Порой подробно прослѣженная, порой лишь намѣченная, тема наша должна опредѣлиться въ своемъ отраженіи въ разнообразномъ творчествѣ поэтовъ. Ярко отраженная въ искусствѣ, она должна играть мощную роль и въ самой жизни, и въ этомъ—смыслъ и оправданіе цѣлей, поставленныхъ настоящей работой.

Digitized by Google

Глава I-ая.

О творчествѣ лирическомъ.

Джонъ Китсъ.—Д. Г. Россети.—О. Уайльдъ.—„Пѣсня Пѣсней".—Лохвицкая.—Шелли.—К. Бальмонтъ.—Ив. Бунинъ.—Бор. Зайцевъ.

I.

Эросъ—какъ тема—колоссальна. Ее исчерпывали величайшіе поэты міра. И до конца его геніями величайшей творческой напряженности и красоты исчерпана не будетъ. Безгранично творчество самой природы, чистой стихіи жизни, заставляющей разъ данную полноту существованія переживать въ безконечномъ своеобразіи индивидуальныхъ особенностей человѣческаго „я".

Міръ снова и снова возрождается въ первой свѣжести и мощи существованія въ откликахъ каждаго новаго, входящаго въ міръ, поэта. И снова въ неисчислимомъ количествѣ разъ ставится тема—Эросъ.

Существуетъ понятіе простонародной Афродиты. Богиня символизируется въ образѣ убогой, грязной и пьяной проститутки. Налетъ пыли, покрывало непроницаемой пошлости окутываетъ здѣсь жизнь чувствъ, рождаемыхъ Эросомъ. Существованіе въ самой его сердцевинѣ, въ заповѣдной рождающей и творящей глубинѣ забрасывается тиной, грязью, принимаетъ постылый, мертвенно-скучный обликъ однообразной и надоѣдливой пустоты.

Поэтъ не знаетъ въ Эросѣ постылости и скуки. Онъ наклоняется надъ тайнымъ потокомъ жизни въ грохочущемъ движеніи большихъ городовъ, какъ въ заповѣдной глубинѣ дремучаго лѣса, между гигантскими колоннами деревьевъ, надъ чистой влагой лѣсного ручья.

Во всѣхъ проявленіяхъ Эроса, отъ кошмарныхъ безумствъ Вавилона и Парижа, до благоухающаго счастья первой весенней юношеской любви, для поэта существуетъ одна изъ темныхъ космическихъ тайнъ жизни, разгадку которой ищетъ онъ въ отраженіяхъ собственныхъ образовъ.

Поэтъ прославляетъ любовь и сладострастіе музыкой словъ и музыкой чувствъ, какъ Россети, какъ Сафо, какъ авторъ „Пѣсенъ пѣсней", не оскверняя невинную радость чувствъ грубымъ осужденіемъ, фальшивой номенклатурой, страхомъ утайки, но возводя эти ощущенія къ чистой основѣ жизни, къ весеннему трепету ея творческаго рождающаго начала, къ силѣ, раскрывающей зеленые листья изъ почекъ и наливающей сокомъ гибкую весеннюю вѣтку.

Поэтъ въ образахъ своихъ вымысловъ, созерцаній и представленій мыслитъ силу Эроса въ ея основной мощи вѣчнаго, какъ міръ вожделѣнія, страшнаго хмѣля сладострастія, хаотическаго начала, въ которомъ мракъ и солнечность слились. Таковы—Ропсъ, Малларме, Петроній, Уитманъ.

Digitized by Google

Удивительные экзотическіе цвѣты, родившіеся на почвѣ утонченной сенсуалистики, рисуютъ Бодлеръ, Гюисмансъ.

Эросъ, какъ основной черноземный пластъ, рождающая сила котораго предопредѣляетъ всѣ уклоны душевнаго пути, въ которомъ узелъ всѣхъ жизненныхъ нитей—Пшибышевскій, Розановъ.

„Новая жизнь", сотканная изъ единой жизненной лирики, звучащая утренней солнечной музыкой, лейтъ-мотивъ, въ которой Эросъ,—П. Альтенбергъ, Гофмансталь, Д'Аннунціо. Они не только прославляютъ Эросъ. Нѣтъ, они строютъ на немъ изящный, мраморный, полный воздуха, храмъ для жизни,

Языческое богослуженіе Эросу, цвѣтущему тѣлу, опьяненной растительностью землѣ, садамъ и женщинамъ, водѣ и воздуху, закату и любви, волосамъ и кожѣ дѣвушки, деревьямъ и травамъ—совершаютъ Гете, Беклинъ, Щербина, К. Гамсунъ, Рих. Вагнеръ, Ванъ Лербергъ.

Сладкую остроту и ароматную пряную ѣдкость Эроса въ его легкихъ и нарядныхъ одеждахъ воспѣваютъ—Гейне, Пушкинъ, Парни, Батюшковъ, Овидій.

Эросъ—какъ живая правда жизненной полноты, какъ основа новыхъ „нагорныхъ проповѣдей" дается въ творчествѣ западныхъ нео-романтиковъ.

Я оставляю не упомянутыми еще нѣсколько группъ поэтовъ, у которыхъ тема Эроса развертывается въ сложной и темной глубинѣ полу-стихійныхъ, полу-сознательныхъ переживаній.

Много областей, много сторонъ, много путей и развѣтвленій главной дороги даетъ творчеству необъятная тема Эроса.

II.

Джонъ Китсъ въ потокѣ своей поэзіи, который былъ чистъ и ясенъ, какъ голубой воздухъ дня, непроизвольно отразилъ вѣчное сочетаніе въ жизни духовно-чувственности и чувственно-духовности.

Это не было теоретикой у англійскаго поэта. Чуткій къ психологіи творческихъ проявленій, онъ зналъ ихъ полную непроизвольность и существенный признакъ поэзіи выразилъ слѣдующимъ образомъ: „если поэзія не является столь же естественно, какъ листья на деревѣ, то ей не слѣдуетъ совсѣмъ являться".

Было ли у Китса свое точно опредѣленное міросозерцаніе? Несмотря на полное отсутствіе теоретизированія, а можетъ быть, и благодаря этому—было живое, широкое и сложное, какъ жизнь опредѣлившееся не въ отвлеченной работѣ ума надъ сухими понятіями, а въ самой непосредственности острыхъ, утонченныхъ и интенсивныхъ переживаній поэта-сенсуалиста.

Китсъ въ немногихъ тщетныхъ теоретическихъ попыткахъ самоопредѣленія приходилъ къ полному отрицанію у себя инди-

Digitized by Google

видуальности, опредѣленнаго живого „я“ замкнутаго въ своеобразныя формы человѣческаго уникума. Брандесъ считаетъ это драгоцѣнной чертой поэта-пантеиста, обладающаго даромъ безконечнаго перевоплощенія во все живое міра, служащаго музыкальнымъ и безличнымъ эхо всего живущаго.

Но безличность и творчество—два понятія несовмѣстимыя, ибо творчество предполагаетъ нѣчто созданное самимъ поэтомъ, музыку его собственной души, потому что божественнѣйшая пѣсня о жизни цвѣтущей земли, ея облаковъ, ея птицъ, ея воздуха, ея травъ, есть пѣсня только лишь о томъ, какъ почувствовалъ эту землю поэтъ, какъ онъ воспринялъ ее; внѣ своей единственной индивидуальности поэтъ ничего не даетъ.

Съ другой стороны, творческая самость поэта не служитъ препятствіемъ для той всеобъемлющей впечатлительности его, которая становится подобной музыкальному эхо всего міра.

И у Китса эта самость очень ясно опредѣлялась въ его творчествѣ, служа основой индивидуальнаго поэтическаго міросозерцанія.

Его можно было бы назвать „*Аполлоническимъ*“, построеннымъ на гармоничномъ созвучіи всѣхъ жизненныхъ полно осуществляющихся влеченій. Міръ—какъ цвѣтникъ, отягощенный бутонами; первый ударъ солнечнаго луча—и чаши раскрываются въ ароматѣ и жизненной жаждѣ.

Божественный ритмъ, осознанный въ жизни древнимъ Эллиномъ, былъ внятенъ и чуткому уху англійскаго поэта, сына извозчика, аптекарскаго ученика. Этотъ ритмъ, это гармоническое равновѣсіе, все возводило къ великому единству красоты.

Нѣтъ ни одного движенія юныхъ рукъ и шеи, всего полнаго жизни тѣла, въ которомъ не говорила-бы взгляду о жизни душа. Тамъ, гдѣ жизнь,—тамъ чувственность и духовность въ ихъ непостижимо-прекрасной связи.

Въ центрѣ всего, что дышитъ и живетъ, наслаждается движеніемъ, видитъ небо и солнце, любитъ и жаждетъ,—золотая лира золотоволосаго и мощнаго бога. Ритмъ ея звуковъ движетъ міръ и потокъ жизни—въ единствѣ красоты.

Нѣтъ человѣческой души, которая могла бы противостоять звучащему голосу бога, не открывшись въ болѣзненной жаждѣ гармоніи. Если лазурь неба глубока и бездонна, если безконечное море движется волнами подъ солнцемъ, если любимая женщина необъяснимо-прекрасна, если наступающая весна дышитъ въ сердце свѣжимъ очарованіемъ,—то не ясно-ли, что богъ музыки и солнца движетъ жизнь вселенной, стоя въ центрѣ ея?... Аполлонъ—все, и все—Аполлонъ.

Богиня Климена въ „Гиперіонѣ“ въ тихомъ вѣяніи приморскаго утра слышитъ сладкій голосъ бога изъ рощи и бросаетъ въ море раковину, такъ же быстро наполняющуюся, какъ ея

Digitized by Google

сознаніе тайнымъ очарованіемъ звуковъ. И вотъ раздается голосъ. Онъ называетъ юнаго, какъ утро, радужно-свѣтлаго Аполлона.

И это постиженіе вѣчнаго Аполлоническаго строя вселенной возможно только лишь однимъ путемъ: широко открытаго во всей своей оправданной и прекрасной обнаженности ощущенія, путемъ непосредственной переживаемости. И только такъ.

Ощущеніе—какъ мостъ къ познанію. Познаніе—на днѣ ощущенія, въ глубинѣ его.

Китсъ даже формулировалъ идею ощущеній, какъ рычага всего. Онъ сказалъ: „Жизнь ощущеній выше, чѣмъ жизнь мыслей".

Его первая книга стиховъ являлась какъ бы первымъ творческимъ трактатомъ на тему объ Аполлонической истинѣ. Ея эпиграфъ взятъ изъ книгъ автора „Царицы фей" Спенсера: „величайшее счастье—свободное утоленіе жажды наслажденій".

Входите въ звучащую сферу аполлоническаго вліянія и слѣдуйте въ жизни согласно тѣмъ влеченіямъ, которыя живутъ въ васъ и ищутъ мучительно осуществленія и находятъ всю божественную полноту его. Срывайте покровъ съ души и тѣла и смотрите ослѣпительной истинѣ въ глаза. Путь Аполлона—это свободный ростъ жизненности, достигающей такой же напряженности, страстной мощи, своего Эроса, какъ все растущіе звуки аполлоновой лиры.

Чувствовать жизнь—это все.

„Я чувствую,—писалъ Китсъ,—какъ надо мной растутъ травы".

Поэтъ былъ весь—какъ инструментъ тончайшей чуткости. Его внѣшнія ощущенія—зрительныя, обонятельныя, осязательныя, слуховыя и вкусовыя—были развиты богато и остро. И онъ вносилъ въ одно общее ощущеніе жизни вмѣстѣ—и ароматную сладость персика, и лѣтній агатъ вишенъ, и безумное очарованіе любви, и тайну всего міра, всей жизни, и мучившую его любовь... Все это было—подъ стройной и мускулистой рукой солнечнаго бога, и если поэтъ умѣлъ такъ непроизвольно облагораживать жизнь, беря ее всю въ красотѣ, всю въ музыкѣ, то это потому, что онъ былъ истинный сынъ Аполлона и жилъ въ сферѣ его вліянія.

Величайшаго грѣха противъ Аполлона—оторванности отъ земли, отъединенія отъ общаго жизненнаго цвѣтенія въ ней и съ нею—Китсъ не зналъ. Пока онъ ступалъ по зеленой землѣ, онъ жилъ весь въ ней и съ дѣтской радостью хвалилъ дары ея мгновеній.

„Ахъ, если бы мнѣ дали глотокъ вина, долгіе годы охлаждавшагося въ глубинѣ земли, отдающагося запахомъ цвѣтовъ и травъ, танцами и пѣснями Прованса и радостью, расцвѣтшей подъ знойными лучами солнца. Ахъ, если бы мнѣ дали кубокъ, полный влагой горячаго юга, алаго Ипокрскаго, съ жемчужными пузырьками на поверхности и ярко-пурпуровыми устами, чтобы

Digitized by Google

я могъ пить, оставить невидимымъ міръ и исчезнуть съ тобой въ мглистомъ лѣсу" („Ода къ соловью").

Этотъ отрывокъ вылился изъ его души, когда въ темную душистую ночь пѣснь соловья зажгла его страстнымъ желаньемъ жизни. Въ немъ вспыхнула жажда всего, что даютъ ея мгновенія, и эта жизненная страсть непроизвольно перерождалась у поэта въ вдохновеніе. Онъ начиналъ пѣть, когда его касалась своимъ крыломъ аполлоническое влеченіе, безумное влеченіе къ гармоніи, къ стихійному жизненному осуществленію, къ расцвѣту. Подъ вліяніемъ этихъ проявленій красоты, когда пѣлъ соловей, когда море шумѣло у береговъ, когда въ двери дома „входила дѣвушка съ граціей и хищной силой леопарда", когда во всемъ этомъ сверкали своимъ золотымъ блескомъ солнечныя струны аполлоніевой лиры,—сознаніе поэта пронизывала красота иного чистаго, какъ золотой звонъ, строя жизни, его охватывалъ трепетъ перерожденія въ новую жизнь. Онъ стоялъ у порога ея и былъ дѣйствительно подобенъ „сіяющей птицѣ, которая высоко поднялась надъ старымъ широколиственнымъ дубомъ старой англійской поэзіи". Біографъ Китса сказалъ, что поэтъ обладалъ собственнымъ царствомъ. Это царство все купалось въ лучахъ солнца. Сознаніе его всегда жило въ поэтѣ и страстно воспламенялось при каждомъ пережитомъ моментѣ красоты. Вся „Ода къ соловью"—чувство такого сознанія, тоска по родинѣ, по своему царству.

„Я не вижу цвѣтовъ, но въ душистой тьмѣ угадываю запахи травы, чащъ, дикихъ плодовъ, бѣлаго боярышника, благоухающаго шиповника, быстро увядающихъ фіалокъ и послѣдняго дитя мая—раскрывшуюся чашу мускусной розы, полную росой и роемъ жужжащихъ мушекъ въ теплотѣ лѣтняго вечера...

...Пить и оставить невидимымъ міръ и исчезнуть съ тобою въ мглистомъ лѣсу".

Поэтъ-сенсуалистъ, для котораго „только лишь въ видимомъ есть невидимое", Китсъ женщину любилъ во всемъ очарованіи ея стихійныхъ силъ, въ ея животной граціи, въ ея природной цѣльности, сочетающей утонченность съ стихійностью; хищная гибкость леопарда, мощная грація змѣи. Китсъ спѣлъ влюбленный гимнъ этой женщины-змѣѣ въ поэмѣ „Ламія". И хотя самъ, трепещущій отъ воспоминаній о возлюбленной при взглядѣ на алый шелкъ, котораго она касалась, хотя самъ онъ невыносимо страдалъ отъ дисгармоніи своихъ влеченій и фактовъ дѣйствительности, но съ очарованіемъ истиннаго сына Аполлона описалъ красоту женственности, заключенную въ гибкое и яркое тѣло змѣи:

„Она была чудовищной змѣей, многоцвѣтной пурпурной, золотистой, зеленой и голубой, какъ зебра полосатая, какъ леопардъ пятнистый.

Digitized by Google

„Въ темно-красныхъ кольцахъ, въ лунныхъ серебряныхъ пятнахъ, которыя при дыханіи ея расплывались и сіяли и сливались... На змѣиной головѣ былъ нѣжный дѣтскій ротъ, съ жемчужными полосками зубовъ, и прозрачные глаза были полны слезъ“...

Ламія — полу-женщина, полу-змѣя, очаровываетъ Коринѳскаго юношу Ликія и, поселяясь съ нимъ въ роскошномъ дворцѣ, окружаетъ его волшебнымъ богатствомъ и красотой. Неудовлетворенный одиночествомъ, Ликій добивается устройства празднества, на которомъ философъ Аполлидоръ уничтожаетъ чары обольщенія Ламіи и убиваетъ ее. Но Ликій не радуется освобожденію отъ чаръ женщины-змѣи, а, наоборотъ, въ бѣшенствѣ проклинаетъ философа за гибель существа, полнаго волшебнаго очарованія, и въ отчаяніи умираетъ.

Такъ поэтъ возстаетъ противъ разсудочныхъ требованій теоретиковъ и моралистовъ во имя нетронутости той стихійной красоты, въ которой самая бѣшеная жизненная страстность впадаетъ въ русло, движимое аполлоновымъ закономъ красоты.

Поэтъ самъ былъ близокъ къ стихійности и красотѣ, недаромъ другъ его, критикъ и поэтъ, Ли Гентъ находилъ отличительной чертой Китса—женственность; именно женственность—глубокая и нѣжная сенсуальность натуры поэта обусловила его поэтически-чувственное воспринятіе міра. Пятна цвѣтовъ, красокъ, свѣта; запахи, прикосновенія, всѣ раздраженія тончайшихъ чувствъ таили въ себѣ для него острую и благоуханную каплю высочайшаго наслажденія, которое въ этомъ своемъ яркомъ видѣ являлось уже какъ бы интимно-пантеистическимъ чувствомъ міра, чувствомъ Всего и непроизвольно перерабатывалось въ творчество. Глазъ поэта слишкомъ воспринималъ лазурность неба и воздуха, гибкую тонкость и нѣжный трепетъ вѣтвей, лицо его слишкомъ ощущало успокоительныя прикосновенія полевого вѣтра, небо было слишкомъ воспріимчиво къ ощущеніямъ нѣжности плодовъ и ягодъ, весь онъ былъ слишкомъ чуткимъ инструментомъ, непрерывно вибрирующимъ отъ слитныхъ прикосновеній всѣхъ ощущеній жизни, чтобы не дать откликъ на все это струей поэзіи. Онъ былъ какъ бы воплощеніемъ сладострастія міра, „сладострастіемъ, облеченнымъ въ плоть“, по выраженію Н. Минскаго. Чѣмъ выше по опредѣленности и яркости его образъ, тѣмъ чувственнѣе, значитъ, было воспринято то, что послужило объектомъ для воспроизведенія въ этомъ образѣ. Онъ говоритъ о „сочныхъ грушахъ“; о тающихъ въ деснахъ младенца сливахъ; о глоткѣ охлаждавшагося подъ землею вина, пахнущаго зеленью и солнцемъ; о ткани шарфа, пропитанной благоуханіями; о тѣлѣ дѣвушки, гибко-хищномъ и звѣрино-граціозномъ, какъ у леопарда; о женщинѣ, чувство которой вылилось въ кошмарно-обольстительной формѣ змѣи, блистающей гармоничными красками своего сгибающагося въ кольца гибкаго тѣла.

Digitized by Google

И эта стихійная близость къ чистому источнику жизни, къ яркой непосредственности переживаній привела Китса къ гармоническому синтезу понятій — жизни, какъ свѣтлаго потока ощущеній—и красоты.

„Красота—правда, правда—красота,—вотъ все, что человѣкъ знаетъ на землѣ“ (Китсъ).

Поэтъ въ этой красотѣ жилъ на землѣ; послѣ его смерти объ этомъ благоговѣйно разсказывалъ Шелли:

Съ природой онъ сливался воедино
Во всѣхъ ея напѣвахъ—звукъ его,
Отъ громкихъ гуловъ грома властелина,
До пѣнья соловья; среди всего,
Въ лучахъ, во тьмѣ, вліянье своего
Присутствія сознанью онъ являетъ,
Въ цвѣтахъ, въ камняхъ—путь жизни для него.
Та Власть любви его съ собой сливаетъ,
Что держитъ міръ внизу, а сверху зажигаетъ.

(*Перев. К. Бальмонта*).

III.

Уайльдъ теоретически отвергъ ту полную и таинственную согласованность двухъ началъ — духовно-человѣческаго и общеприроднаго, которую въ образахъ своего творчества, вопреки собственной же теоретикѣ, блестяще утвердилъ.

Въ его „Замыслахъ“ („Intention“) упорно, путемъ художественно-убѣдительныхъ и тонкихъ по мысли парадоксовъ, проводится теза, что безграничность творческихъ проявленій человѣческаго интеллекта выше застывшей въ опредѣленныхъ берегахъ производительности природы. Гармонія человѣческой жизни заключается въ себѣ самой. Она отрывается отъ всего непосредственнаго, стихійнаго. Между жизнью и творчествомъ утверждается разрывъ. Однообразная, разъ навсегда застывшая правда дѣйствительности мертвенно скучна, въ ней можно задохнуться. Художники! Создавайте новый міръ, тотъ, котораго нѣтъ, тотъ, который есть сонъ, греза, сказка, ложь. Искусство лжи — вотъ что такое творчество. Глубоко враждебны—правда бытія и ложь творчества. Одно дано — какъ твердыня заключившихъ насъ тюремныхъ стѣнъ. Другое рождается изнутри насъ — какъ непроизвольный взлетъ вверхъ изъ этихъ стѣнъ тюрьмы, какъ освобожденье. Освобожденье въ вымыслѣ, въ томъ, чего нѣтъ.

Но весь этотъ тонкій и стильный замокъ теоріи расплывается при свѣтѣ слѣдствій, вытекающихъ изъ положеній самого Уайльда. Если вся дѣйствительность, вся правда текущихъ дней и ночей—это душная тюрьма, то самыя творческія побужденія въ душѣ художника — что онѣ, какъ не факты той же тюремной дѣйствительности? Не коренятся ли стимулы творчества въ томъ, что дано, что существуетъ, какъ эта неподвижно окружающая насъ

Digitized by Google

дѣйствительность, и что обусловило собой и творческую ложь художника, и его самого? Не восходятъ ли побѣги и ростки творчества, будучи укрѣпленными въ той же тучной почвѣ дѣйствительнаго и—значитъ—тюремнаго бытія?

Уайльдъ отрываетъ интеллектъ человѣка отъ этой обусловленности его дѣйствительностью и даже больше: въ яркихъ парадоксахъ указываетъ на обусловленность обратную: дѣйствительности отъ человѣка, забывая только прибавить, что лишь для послѣдняго и существуетъ эта обратная обусловленность. Ему скучно видѣть, какъ „каналъ у Гастингса принимаетъ тона картинъ Генри Моора, сѣро-жемчужный, съ желтыми бликами; какъ женщины Англіи, посѣщающія выставки картинъ, становятся подобными женщинамъ Россети, съ ихъ мистическими глазами, длинной шеей слоновой кости и всѣмъ очарованіемъ существъ, созданныхъ творческой фантазіей художника, наперекоръ и вопреки всему, что существуетъ".

Мертвая дѣйствительность обладаетъ способностью лишь *отраженія*, но не самостоятельнаго созданія; она движется вслѣдъ за искусствомъ, *повторяя* его, искусство же даетъ все новое и новое... И „по мѣрѣ развитія культуры и роста личности, резюмируетъ Уайльдъ эти доводы, избранные умы каждаго вѣка будутъ все меньше интересоваться дѣйствительной жизнью и будутъ стараться получать свои впечатлѣнія почти всецѣло отъ того, къ чему прикоснулось искусство".

Но что же такое искусство? Развѣ понятіе его само по себѣ не предполагаетъ той конкретности, реальности, тѣлесности жизненнаго матеріала, работа надъ которымъ и есть творчество, и есть искусство? И развѣ замыселъ художника не появляется въ образахъ данной дѣйствительности, внѣ которыхъ ничего нѣтъ, внѣ которыхъ пустота, отсутствіе формъ, явленій, плоти и крови, которыми только и живо искусство?

Но, конечно, не самую дѣйствительность отрицалъ Уайльдъ, а лишь формы жизнепроявленія въ ней. Самостоятельность художественнаго творчества онъ, очевидно, полагалъ не въ матеріалѣ, взятомъ „по ту сторону дѣйствительности", ибо таковаго и нѣтъ, а только лишь въ личныхъ *соединеніяхъ* уже данныхъ „правдой бытія" явленій. Созданныя художественной фантазіей *комбинаціи* этихъ явленій превратятъ мертвую правду бытія въ живую ложь искусства. И, по Уайльду, только это и сможетъ удовлетворить утонченную и богатую жажду жизни.

Художникъ долженъ пересоздать жизнь съ имѣющимся въ ней матеріаломъ. Сообразуясь съ красотой своего вымысла, онъ вновь по-своему соединитъ разрозненные элементы дѣйствительности и внесетъ въ это нѣжное зданіе неуловимое, но ярко-жизненное дыханіе творческаго духа и живой индивидуальности самого художника.

Digitized by Google

Но это необходимое ограниченіе смываетъ ранѣе утверждавшійся разладъ между жизнью и искусствомъ. Ибо, оказывается, что не сама жизнь противорѣчитъ искусству, а лишь *формы* ея проявленій, т. е. нѣчто случайное, не связанное цѣпью вѣчной необходимости съ основами жизни. Уайльдъ же противоставляетъ искусству на текущую дѣйствительность, т. е. не формы данныхъ проявленій жизни, а самую жизнь и самую природу въ ихъ вѣчныхъ основахъ.

Вотъ почему, когда онъ, проводя параллель между жизнью и искусствомъ, говоритъ о „страшно несовершенныхъ формахъ жизни, объ ея уродливыхъ катастрофахъ, происходящихъ съ уродливыми людьми, о безобразныхъ ужасахъ ея комедій, о томъ, что всегда дѣлается больно, когда подходишь къ жизни", то невольно напрашивается возраженіе. Потому что уродливыя катастрофы и безобразныя комедіи жизни вовсе не есть результатъ ея стихійнаго теченія, будто бы предопредѣляющаго именно такую кошмарно-уродливую комбинацію явленій, а носятъ такой же характеръ искусственности, какъ картины или поэмы, будучи случайнымъ послѣдствіемъ случайнаго соединенія человѣческихъ воль, идей и хотѣній. Не сама жизнь, въ основномъ законѣ ея пребываемости, а уродливое и мѣщанское творчество жизненныхъ формъ людей — вотъ что опредѣлило „безобразіе ея комедій". Вѣдь самъ же Уайльдъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ повторяетъ свою знаменитую фразу: „Жизнь есть величайшее искусство" (относя это, конечно, къ человѣку). И, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, въ лицѣ указанныхъ Уайльдомъ безобразныхъ комедій жизни, передъ нами не что иное, какъ показатель той степени искусства людей въ ихъ творчествѣ жизни, до какой они могли возвыситься.

Фатальная стезя этихъ умозаключеній приводитъ къ тому единству искусства и дѣйствительности, объединяемыхъ полно и неразрывно въ жизни, которое обнаружилъ и самъ Уайльдъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ.

Великолѣпно противорѣча себѣ, Уайльдъ при первомъ же прикосновеніи къ плотскимъ образамъ жизни, уже не только не отрывалъ искусство отъ дѣйствительности, интеллектуальнаго начала отъ стихійнаго, растительнаго, — но, наоборотъ, искусство дѣлалъ орудіемъ открытія „истинной природы чувствъ", въ которой оба эти начала слиты. „Ложь искусства", оказывается, возвѣщала истинную природу чувствъ, которая, какъ говоритъ художникъ въ „Доріанѣ Греѣ", еще не была понятна. И далѣе Уайльдъ прямо утверждаетъ синтезъ духа и тѣла въ эстетикѣ: „Ихъ (чувства) надо сдѣлать составными элементами новаго спиритуализма, въ которыхъ тонкій инстинктъ красота являлся бы господствующимъ... Долженъ появиться новый гедонизмъ и возродить жизнь. Онъ долженъ научить человѣка исчерпать полноту мгновенія".

Digitized by Google

Мы снова встрѣчаемся съ Апполоническимъ строемъ Китса. Законъ гармоніи Уайльдъ обосновываетъ строго и полно. Это именно то, что изъ отдѣльныхъ сентенцій и образовъ укладывается въ стройную и глубокую схему.

Онъ имѣетъ въ виду этотъ законъ гармоніи, эту религію гармоніи, когда, разсказывая объ Уэнрайтѣ, упоминаетъ: „онъ боялся страданій, какъ вещи, которая уродуетъ и искажаетъ человѣческую жизнь".

Та религія гармоніи, которую исповѣдовалъ Уайльдъ до знакомства съ каторгой и Евангеліемъ, не осиливала страданій путемъ принятія ихъ въ себя. На порогѣ міра солнечной ясности, передъ тьмой тоски и боли, человѣкъ новаго гедонизма останавливается смущенный темной пустотой этого міра страданій. Потому что въ этотъ первый періодъ жизни Уайльдъ не вкладывалъ въ глубь страданій того жизненнаго содержанія, которое вкладывалъ потомъ. Тамъ, гдѣ не было ощущеній жизненнаго расцвѣта и яркой полноты ощущеній, тамъ была одна лишь глухая пустота. И въ страданіяхъ для Уайльда временъ „Замысловъ" и „Доріана Грея" была именно такая пустота, „черныя мертвыя воды жизни". И только тогда, когда гармонія радостной ясности была разбита, когда „мертвыя воды" влились въ существованіе Уайльда, онъ вмѣстилъ ихъ въ новомъ міросозерцаніи, въ которомъ тьма залила живое и ликующее солнце.

Но въ исповѣданіи новаго эллинизма мѣста страданію не было. Культъ этотъ исповѣдуется людьми, ничѣмъ не придавленными,— ни ужасомъ, ни страданіями. И Уайльдъ развиваетъ даже цѣлую эстетико-педагогическую систему для созданія людей новаго культа. Нужно культивировать „человѣка красоты", ставя его съ дѣтства въ условія, при которыхъ возможны—сила, сложность и утонченное богатство воспріятій. Платоновская теорія воспитанія возводится Уайльдомъ въ принципъ, съ ея цѣлью жизненной гармонизаціи. Прекрасное тѣло и обогащенное сознаніе. Острота воспріятій и одухотворенность чувствъ. Это обогащаетъ жизнь и ведетъ или къ творчеству—или почти то же—къ созерцанію, которое ждетъ насъ, какъ высочайшая точка достиженій. Это завершительная цѣль богатѣйшей жизненной культуры, приходящей въ лицѣ утонченнаго и мощнаго поэта-созерцателя къ неподвижной ясности всеобъявшаго самосозерцанія.

Путь къ цѣли—жизнь въ красотѣ. „Эстетика выше этики. Уразумѣть красоту вещи—высшее, что мы можемъ достигнуть". Красота могла бы служить мѣриломъ поступковъ и душевныхъ движеній, если бы оказалось возможнымъ подвергать оцѣнкѣ частности жизни, всецѣло пронизанной свѣтомъ красоты. Но принципъ красоты отрицаетъ оцѣнку; она вся одухотворяетъ. „Когда мы придемъ къ истинной культурѣ, мы достигнемъ того совершенства, о которомъ мечтали святые, совершенства тѣхъ, для

Digitized by Google

кого грѣхъ невозможенъ не потому, что бы они служили отреченію, какъ аскеты, но потому, что они могутъ дѣлать все, что захотятъ, не оскорбляя души"... Живая, все осиливающая, всегармонизирующая собою душа—дѣйствія, для пошлыхъ—низкія, для заурядныхъ—постыдныя, можетъ сдѣлать „элементами болѣе глубокаго опыта, болѣе тонкой отзывчивости, болѣе свободнаго и новаго способа мыслить"... („Замыслы").

Это то же, что въ „Доріанѣ Греѣ" Уайльдъ говоритъ объ „одухотвореніи инстинктовъ", о томъ абсолютномъ обогащеніи своего „я" жизненнымъ содержаніемъ, въ которомъ исчезла бы всякая грань высокаго и низкаго, тѣла и духа, ибо „тонкое естество—душа" все приняла бы въ свое личное содержаніе, все взяло бы въ единой жизненной гармоніи, тѣло—какъ духъ и духъ—какъ тѣло. Разрозненные сознаніемъ элементы дѣйствительности поглощаетъ и растворяетъ въ себѣ великій синтезъ жизни, раскрывающей свои удивительныя тончайшія крылья надъ всѣмъ, въ чемъ зрѣетъ и бродитъ сила бытія, все претворяющей въ себя, изъ всего выпивающей душистый и сладостный сокъ, колеблющейся въ высотѣ надъ потокомъ существованій, какъ солнечный воздухъ надъ расцвѣтомъ весеннихъ луговъ.

Быть открыто свободнымъ по отношенію къ безконечной полнотѣ жизнеощущеній—вотъ чего намъ недостаетъ. „Самый смѣлый изъ насъ боится самого себя. Уродство дикаря сохранилось въ трагическомъ пережиткѣ чувства самоотреченія, пятнающаго жизнь. Мы сами создаемъ кару за наши отреченія. Каждое задушевное побужденіе бродитъ въ мозгу и отравляетъ его". Освобожденіе достигается осуществленіемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и крылья жизни. „Если бы кто-нибудь жилъ полной и совершенной жизнью, давая форму каждому своему чувству, выраженіе каждой своей мысли, дѣйствительность каждому сновидѣнію, міръ получилъ бы такой свѣжій импульсъ къ радости,—что мы забыли бы всѣ недуги средневѣковья и возвратились бы къ эллинскому идеалу, даже, можетъ быть, къ чему-то болѣе тонкому и пышному, чѣмъ идеалъ Эллина" („Дор. Грей").

„Тѣло и душа, душа и тѣло,—восклицаетъ Уайльдъ,—какъ они таинственны! Въ душѣ таятся животные инстинкты, а въ тѣлѣ минутами свѣтится одухотворенность. Кто въ состояніи указать, гдѣ кончается тѣлесный импульсъ и начинается психическій? Разграниченіе духа и матеріи непостижимо, какъ непостижимо и ихъ сліяніе".

Уайльдъ былъ слишкомъ человѣкомъ мысли, чтобъ преодолѣть соблазнъ тонкой и глубоко вмѣщающей образъ и идею формулировки своихъ представленій и взглядовъ. Но еще въ большей степени былъ онъ художникомъ, который ловитъ въ зеркалѣ сознанія не точность отвлеченнаго вывода, а ту непосредственность переживаній, на днѣ которыхъ онъ прозрачно свѣтится. И

Digitized by Google

въ образахъ художественныхъ отраженій Уайльдъ еще глубже и ярче раскрылъ тайну великаго жизненнаго синтеза, соединенія. Когда писались страницы „Дор. Грея", „Саломеи" и сказокъ, онъ былъ на прямой дорогѣ въ этотъ удивительный міръ.

Юноша Доріанъ, красота тѣла котораго пробуждаетъ совершенно стихійный, животно-непосредственный, идущій изъ глубины жизнеощущеній, откликъ на это гармоническое очарованіе,—есть самъ по себѣ нѣчто столь же самоцѣнное и самоцѣльное, какъ отдѣльный звукъ аполлоновой лиры. Красота—это убѣдительно, это несомнѣнно. Этотъ цвѣтокъ изъ плоти и крови одинъ открываетъ намъ, что есть душа, сознаніе, отвлеченность, спиритуальность. Мы ничего бы не знали о душѣ, если-бы не было прекраснаго тѣла.

Но Уайльдъ не сдѣлалъ здѣсь удара, не обозначилъ утвержденія. Будетъ ли воплощеніе юношеской красоты человѣка—Доріанъ носитъ изящный лондонскій костюмъ, съ особеннаго цвѣта перчатками и гвоздикой въ петлицѣ, будетъ ли портретъ отражать искривленность его жизненныхъ линій, но одна секунда пребываемости Доріана—есть пребываемость красоты, несомнѣнности, истины. Создавъ обликъ Доріана, Уайльдъ далъ образъ своей идеи синтеза.

Одухотворенный сенсуализмъ Доріана—все далѣе и далѣе ведущій къ синтезу и гармоніи путь. Въ одеждахъ міра свѣтится ему его цвѣтущее и полное свѣжести и нѣжности тѣло; въ тѣлѣ—его богатая душа. Мистика религіи и вся глубина и острота ея переживаній мыслится ему въ предметахъ, символизирующихъ образы и чувства религіи. Изъ прошлаго онъ окружаетъ себя тканью цвѣтовъ, запаховъ, красокъ, звуковъ, всѣхъ расширявшихъ и утончавшихъ жизнь чувствъ: ароматы, музыка, драгоцѣнные камни, ткани, одежда, церковныя облаченія, обстановка, украшенія, пиры, яды—во все погружается тонкое жало чувствъ, извлекая каплю ощущенія. „Плоды всѣхъ деревьевъ хочетъ вкусить онъ".

Но въ еще болѣе удивительномъ по ясности образѣ дана идея гармоніи въ лицѣ молодой артистки Сибиллы Венъ, которую любилъ Доріанъ. Въ ней была огромная творческая сила, и этой силой руководила жизненная жажда. До пробужденія личной полноты переживаній, еще во тьмѣ неопредѣленныхъ влеченій, Сибилла давала выходъ своей жаждѣ жить въ процессѣ творческихъ воплощеній. „Она вкушала плоды чужихъ деревьевъ жизни", сливаясь съ жизнью женщинъ шекспировскаго театра. Но въ первый же моментъ пробужденія ея подлиннаго „я" жизни, когда блеснула синева ея открывшихся далей, когда она полюбила, безсознательнымъ чутьемъ отгадала она ту новую роль, которая требуетъ всей полноты творческихъ силъ, которая исчерпываетъ ее, въ которую нести всю силу и всю душу — то же, что ды-

Digitized by Google

шать... Сибиллу призывало творчество ея единственной и расцвѣтшей жизни. И вотъ — для искусства меньшаго не остается ничего; для искусства величайшаго — жизни — приносится все. Творчество для жизни — это одна изъ завѣтнѣйшихъ темъ Уайльда, ибо—„жить"—вотъ основное его утвержденіе. Уайльдъ самъ о себѣ сказалъ: „моей жизни я отдалъ геній, моимъ твореніямъ—только талантъ".

Въ Сибиллѣ блекнетъ сценическое творчество. Она говоритъ Доріану: „Ты принесъ нѣчто высшее, чего искусство можетъ служить лишь отраженіемъ".

Жизнь требуетъ всего. Отдайте ей все: душу и тѣло, интеллектъ и животность. Она знаетъ тайну загадочнаго соединенія ихъ въ одну гармонію, передъ которой художникъ будетъ вѣчно стоять съ удивленіемъ и которая носитъ ея имя—жизнь.

Женщина ближе къ такому синтезу и она яснѣй слышитъ его гармонію. Ей понятнѣй, что „тѣло—это душа". Страстью этого чувства проникнуты страницы „Саломеи" Уайльда. Въ этой драмѣ Іоканааннъ, пророкъ пришествія Христа, есть голосъ сознательнаго разрыва; Саломея—безсознательной гармоніи.

Съ совершенной полнотой всѣ частности замысла „Саломеи" обнаруживаютъ художественное раскрытіе этой идеи гармоніи. Какимъ яркимъ влеченіемъ зажжена женщина, лелѣявшая утонченную красоту своего тѣла въ роскоши восточнаго дворца, къ худому, загорѣлому, пыльному пророку глухихъ морскихъ побережей, пустынь Мертваго моря. Его сухое, обвѣтренное, выжженное солнцемъ, аскетически презираемое тѣло, въ которомъ каждый фибръ зажженъ страстью духа, его исканій и протестовъ, — кажется Саломеѣ сказочно-прекраснымъ садомъ немыслимыхъ по зною и глубинѣ наслажденій. Это тѣло именно потому такъ бѣшено, такъ мучительно влечетъ ея любовную мечту, что въ немъ гораздо больше души, чѣмъ тѣла. Восторженная, вырывающаяся взрывами экстазовъ, громомъ и пламенемъ гнѣва, сила духовной напряженности — есть одна изъ тѣхъ силъ, которыя обаятельны. И непобѣдимое очарованіе заключается еще въ томъ, что эта страстность духа безнадежно запечатлѣваетъ всѣ родники прекрасной плотскости, будя въ Саломеѣ неутолимую и все разгорающуюся въ этой неутолимости жажду. Если бы тѣло, въ которомъ такъ страстно и бурно живетъ душа, раскрыло такую же полноту силъ и сочетало ихъ съ экстазомъ души! Это такъ бездонно открываетъ „сады жизни", что Саломея видитъ свою любовь сильной, какъ смерть. Жажда ея безмѣрна. Она подсказываетъ ей слова о тѣлѣ пророка, отливающія кровью и огнемъ. Его глаза, его волосы, его ротъ, все его тѣло — она говоритъ объ этомъ съ изступленной образностью, которую рождаетъ великій пламень крови, воспламенившій все прекрасное тѣло царицы, и которую подсказываетъ огромная напряженность

Digitized by Google

всей ея жизненности. Этотъ осыпающій ее бранью и хулой заточенный пророкъ такъ необходимъ для жизни, для пламени, для вихря ея жизни, что величайшимъ утоленіемъ является единственно возможное утоленіе поцѣлуемъ въ мертвыя губы отрубленной головы пророка.

Трагедія этой уайльдовской несчастной и прекрасной Саломеи, мощной въ своей скорби,—въ томъ, что жизнь ею, Саломеей, утверждала единый законъ своей гармоніи, разорванной бѣшеной страстностью экстатика-пророка. Саломея приняла то, что есть, то, что единственно было,—мертвыя губы пророка.

Сказки Уайльда, утонченно-прекрасныя, написанныя съ высокимъ совершенствомъ художественности о „Рыбакѣ и его душѣ", о „Прекрасномъ Принцѣ", раскрываютъ ту же гармонію.

IV.

Совершенно иныхъ воплощеній пробуждавшихся новыхъ чувствъ искалъ въ срединѣ 40-хъ годовъ въ Лондонѣ другой геніальный юноша—Данте Габріель Россети. Смутно, въ темныхъ поискахъ изнутри себя шелъ онъ къ открывающемуся просвѣту. Чуть пріоткрывалась дверь въ освѣщенную смутнымъ свѣтомъ даль.

Формы, которыя художникъ нашелъ для своего новаго, въ первый разъ идущаго въ міръ творческаго содержанія, какъ это указываютъ теоретики искусствъ, были заимствованы; у Россети онѣ являлись поддѣлкой. Онъ сдѣлался главой художественнаго братства, имя котораго указывало на преемственность въ области формъ и идей.

Но если считаться съ тѣмъ, что далъ Россети міру — какъ творчество, т. е. какъ нѣчто свое, связанное со всѣми корнями индивидуальности поэта, то придется увидѣть заимствованнымъ у примитивовъ—дорафаэлитовъ, кромѣ стороны внѣшней, технической, только лишь принципъ той интимной непосредственности творчества, которая форму дѣлала исключительно прозрачнымъ и яснымъ воплощеніемъ содержанія, а самое творчество въ силу этого превращало въ благоговѣйное таинство молитвы: ясное и полное раскрытіе живущей души.

Что же касается содержанія творчества самого Россети, то, связанное съ индивидуальностью поэта, оно носитъ на себѣ также черты эпохи, давшей міру Уайльда, По, Бодлера и др. То, что выражено авторомъ „Beata Beatrix" въ его полотнахъ и страницахъ, разсказываетъ совершенно иную душу, иную воспріимчивость, иную жизненную жажду, иныя влеченія и созерцанія, чѣмъ у современниковъ фра Беато, Ботичелли и др. Въ весенней чувственности образовъ, подобныхъ тѣмъ, что даны Ботичелли, и въ бѣлоснѣжной мистикѣ отраженныхъ Россети любовныхъ созерцаній Данта, живутъ не души авторовъ „Primavera" и „Ада", а иная,

Digitized by Google

еще болѣе страстная въ своемъ жизненномъ трепетѣ надломленная и ослабленная душа, черпающая въ этой надломленности новую остроту знойныхъ, горящихъ красками и жизненнымъ экстазомъ ощущеній.

Какъ у истиннаго художника, у Россети путь творческихъ осуществленій былъ единымъ и цѣльнымъ. Смутные просвѣты въ юности, все большее проясненіе по мѣрѣ роста силъ и наконецъ— полдень, зенитъ, осуществленіе. То, что было блѣднымъ зародышемъ, пустило ростокъ и потомъ выравнялось въ экзотическое дерево поэзіи Россети, съ одуряющимъ благоуханіемъ расцвѣта.

Блѣдный зародышъ будущаго—основа всей поэзіи Россети: мистика видимаго, мистика на днѣ чувственно-воспринимаемаго... Это не какъ теоретика, а какъ чувство, мучило Россети. И уже волнуясь смутной глубиной открывающагося въ этой красотѣ міра, но еще не въ силахъ раскрыть идею того, что живетъ въ священной мистической чувственности, въ прекрасной тѣлесности образовъ, онъ ищетъ выраженія этой идеи—въ теоретикѣ. Онъ пишетъ очеркъ „Рука и душа", гдѣ форма — беллетристическая, но гдѣ идея выражена чисто-теоретически. Въ этомъ очеркѣ разсказано, какъ средневѣковому художнику явилась во снѣ его душа въ образѣ женщины въ сѣро-зеленомъ одѣяніи, съ золотистыми волосами, и, явивъ конкретный, тѣлесный образъ себя художнику, потребовала такого же точнаго и жизненно-опредѣленнаго воспроизведенія. Не внѣ жизни, не въ абстрактной чистотѣ и обособленности, а въ потокѣ всѣхъ жизненныхъ вліяній, въ которыхъ душа живетъ.

Душа—это не то, что пребываетъ въ покоѣ и вѣчности, одухотворяя тѣло и въ тоже время самоопредѣляясь и въ самой себѣ. Душа—это то, что живетъ; то, что волнуется въ потокѣ ощущеній, просвѣтляясь и затемняясь. Ибо величайшая тайна—не чистая пребываемость сознанія, а жизнь, ея потокъ, загадочное согласіе въ немъ души и тѣла, столь тѣсное, что въ живомъ тѣлѣ нѣтъ ничего, что не было и его душой.

Вся тайна дана землею и тѣломъ. Высочайшія вершины сознанія, красоты, экстаза духа — здѣсь на землѣ. Россети все свое творчество посвятилъ обнаруженію этой идеи. Вслѣдъ за очеркомъ „Рука и душа" появились два его произведенія на одну и ту же тему, дающія уже образное раскрытіе этой идеи. Это „Blessed Damozel"—картина и поэма.

Умершая дѣвушка, уже пріобщенная къ мистической вѣчности, уже—бѣлоснѣжный ангелъ возлѣ чистаго престола Бога, тоскуетъ по живущемъ возлюбленномъ. Жизнь неба не исключила, не уничтожила собой жизнь земли. Потокъ существованія въ вѣчности лишь пространственно отдѣлилъ влюбленныхъ. Но ихъ влюбленность, жизненный трепетъ ихъ душъ и тѣлъ—это нѣчто одинаковое прекрасное и священное на небѣ и на землѣ. Это

Digitized by Google

соединяетъ небо и землю; землю приближаетъ къ небесности, небо къ тѣлесности. Облокотившись на золотыя перила небеснаго чертога, дѣвушка стоитъ надъ бездной, „въ которой зарождаются пространства". И на этомъ ангелѣ, на созданіи, окунувшемся въ океанѣ безсмертія, поэтъ отмѣчаетъ черты земли, тѣлесности: у нея волосы цвѣта созрѣвшихъ колосьевъ, на платьѣ— красная роза, въ рукахъ лиліи. Склонившись надъ бездной, она въ тоскѣ всматривается въ туманную землю и ищетъ облика возлюбленнаго. И золотой барьеръ теплѣетъ отъ ея тѣла. И живущій на землѣ юноша видитъ ее, стоящую у чертога Бога, и попрежнему влюбленные — ангелъ и смертный юноша—ведутъ бесѣду.

Очаровательно тонкое личико земной женщины, глядящей на землю изъ мистической бездны, и дышащей тоской и жаждой любви. Тонкое тѣло ея и длинная благородная шея и темное облако густыхъ волосъ — красивы одухотворенно-чувственной, нѣжной и призывной красотой.

Живымъ воплощеніемъ этой идеи мистической чувственности была жена Россети—Елизавета Сиддаль.

„Пышные, тяжелые волосы съ матово-краснымъ оттѣнкомъ; они спускались двумя суживающимися полосами низко къ затылку, свѣтлые въ концахъ, завивавшіеся въ крупные кудри. Глаза имѣли неопредѣленное выраженіе—ничего мечтательнаго, подвижного—они казались неестественно-бодрствующими, непоработимыми и загадочными. Все выраженіе сосредоточивалось въ нижней части лица, въ ноздряхъ, губахъ и подбородкѣ. Особенно выразителенъ былъ ея ротъ съ глубоко врѣзывающимися углами, рѣзко и властно очерченными губами, обаятельными, говорящими о безпощадной волѣ. Она была высока и въ своей стройности сильна, строгими линіями тѣла походила на стебель или на стройнаго юношу. Но пышность стана придавала ей нѣчто вызывающее, и впечатлѣніе усиливалось блестящей бѣлизной лица и, какъ кровь, красными губами. Она была музой Россети и его вампиромъ" (Р. Мутеръ).

Въ неистощимой полнотѣ впечатлѣній, замкнувшись отъ міра въ себѣ и въ „Домѣ жизни"—творчествѣ, Россети и Елизавета Сиддаль прожили въ прекрасной и жизненно-полной близости девять лѣтъ. На десятомъ она умерла, увеличивъ смертью очарованіе своего облика для Россети до безумія. Въ гробъ ея онъ положилъ томъ рожденныхъ жизнью съ нею стихотвореній, пролежавшихъ тамъ нѣсколько лѣтъ.

Послѣ смерти ея Россети продолжалъ еще творить вмѣстѣ съ нею, воплощая образы-грезы, которыми они вмѣстѣ жили, рисуя въ Астартѣ, „Beata Beatrix", Прозерпинѣ и др. умершую возлюбленную.

Это необычайно—такое единство, такое согласіе женщины, въ

Digitized by Google

красотѣ ея тѣла и сознанія, съ творческой грезой и всѣмъ творческимъ содержаніемъ художника. Однако, эта фантастическая сказка осуществилась въ жизни Россети. Въ ихъ бѣломъ „Домѣ жизни“ они вмѣстѣ творили и удивительное тѣло красавицы; разсказывающія фантастическую поэму линіи ея тѣла; холодный мистицизмъ глазъ и тонкая сенсуальность очертаній лица: нѣжныя ткани, облекавшія это благородное тѣло—вызывали страстный импульсъ творчества у художника. Это то, что онъ долженъ былъ воплотить. Опіуматическая мечта По о женщинѣ призрачно-земной красоты и мощной воли осуществилась для Россети.

Такъ совершилась „живопись души тѣломъ“, цвѣтущимъ и прекраснымъ, въ которомъ движется, живетъ и которымъ проявляется душа. Она видима въ движеніяхъ, въ жизни тѣла, въ рисункѣ головы, шеи, рукъ и ногъ, во всѣхъ проявленіяхъ чувства, въ каждомъ моментѣ впиванія жизни, ибо тѣломъ пьетъ жизнь душа.

Новалисъ говорилъ о божественности тѣла. Художникъ интуитивно—въ откровеніи красоты позналъ, что жизнь тѣла: эти открытые глаза, эта льющаяся въ жилахъ подъ кожей горячая кровь, эти движенія печали, свободы и страсти, этотъ рисунокъ тѣла, говорящій объ индивидуальности склада и сознанія человѣка,—что все это въ одно и то же время и плоть души, и душа плоти. Но у нѣмецкаго мистика и романтика не было въ образахъ и въ творческой грезѣ этого цвѣточно-живущаго, тонкаго и жаждущаго, нѣжнаго и страстнаго, живого женственнаго тѣла, которое цвѣтетъ и дышитъ экстазомъ души и страстью жизни у Россети. А только лишь тѣмъ, что оно живетъ, своей пребываемостью—оно открываетъ глубокій замыселъ художника: „не говоритъ, не плачетъ, не смѣется, а выражаетъ свои чувства только спокойными руками, живыми одухотворенными руками и прозрачно-властными глазами“.

Какъ было не повѣрить въ прекрасную мистику реальности, мистику плоти, дѣйствительныхъ, конкретныхъ явленій жизни, когда ихъ созданность, ихъ ограниченность формой, данность ихъ линій, цвѣтовъ и положеній на землѣ, выразительность всего этого—открываетъ глубочайшую глубь для познанія. Обусловленная содержаніемъ и наполненная имъ форма—вся открываетъ его и свѣтится имъ и есть само оно. Взглядъ Елизаветы Сиддаль, бодрствующій, непоработимый, загадочный, взглядъ живыхъ глазъ, смотрящихъ въ глаза другому, въ этой своей пребывающей въ дѣйствительности таинственности, въ этой тайнѣ, которая смотритъ прямо въ глаза, есть источникъ молчаливо-живущей и всѣмъ открытой тайны.

Эти глаза, эта душа, нарисованная тѣломъ, они во всѣхъ образахъ Россети. Жизнь и смерть, осыпанная цвѣтами яблони,

Digitized by Google

и бѣлый ангелъ смерти съ золотистыми крыльями, и тончайшій ядъ жизненныхъ влеченій въ нѣжномъ тѣлѣ дѣвушки, и затуманившее ея лицо созерцательное предчувствіе смерти—сливаются въ „Фіаметтѣ". Смерть подходитъ не къ тѣмъ, въ чьемъ тѣлѣ потухла жизненная жажда, нѣтъ, холодный призракъ входитъ въ самые цвѣтущіе сады юности. И передъ лицомъ мистической вѣчности юное тѣло гордо и невинно цвѣтетъ своей прекрасной наготой. На грани, отдѣляющей землю отъ неба,—не холодная отрѣшенность умершаго душой аскета, а все та же прекрасная страсть земли въ образѣ юной дѣвушки, надъ которой склоняются черныя вѣтви, осыпанныя бѣло-розовыми цвѣтами.

„Лилитъ"—олицетвореніе той вѣчной женственности, которую Россети мыслилъ не въ образѣ безтѣлеснаго, призрачнаго очарованія, застывшаго въ мистической холодной непостижимости. Нѣтъ, неутомимое, полное дурманящаго зноя влеченіе; миражъ умирающаго отъ зноя; лживый, но облеченный въ обольстительную конкретность формъ обликъ творческой грезы—вотъ страшная сила, чье имя—женственность. Она возникла не сама по себѣ, а лишь жаждою и влеченіемъ мужчины. И самая мощь этой жажды, этихъ желаній создаетъ и мощь женственности. Она сильна силой жизненной жажды и очаровательна очарованіемъ этой жажды. Ея сердцевина, ея основа—ложь, змѣиная ложь, являющаяся неразрывной частью этого очарованія. И золотой пряжей лживаго обольщенія она опутываетъ бьющіяся въ тонкихъ сѣтяхъ сердца. Женщина, каждый фибръ тѣла которой—призывъ, обѣщаніе красоты; женщина, какъ олицетвореніе цвѣтущей энергіи, вся горящая солнечной чувственностью и сулящая мистическую глубину ощущеній: зовущая и отдаляющаяся, тѣлесная и призрачная, вся—какъ эротическая, опутывающая сердца золотая сѣть—вотъ Лилитъ Россети, муза и вампиръ художника.

„Astarte Syriaca"—еще болѣе мощное воплощеніе той же силы. Во весь ростъ изобразилъ ее художникъ въ серебристой ткани. И ей—богинѣ земного пламени жизне-священнаго сладострастія—прислуживаютъ два ангела. Она—величайшая изъ силъ,—она сама тайна бытія. Въ ней начала божественности и чувственности сливаются. Въ лонѣ ея жизненной силы покоится весь человѣкъ, съ его зажженнымъ сладострастіемъ тѣломъ, его сознаніемъ, умомъ и душой. И величайшіе подъемы человѣка въ духовность и глубочайшія паденія его же въ плотскость—объемлются ею; она знаетъ всего человѣка—и на вершинѣ и въ паденіи, знаетъ и любитъ его душу, эта богиня, съ „губами, отягощенными любовью", съ экстазомъ жизненной страсти въ лицѣ и скорбными глазами глядящаго туманнымъ мистическимъ взглядомъ въ вѣчность.

И тамъ,—гдѣ только поэзія болѣзненныхъ грезъ, лишенныхъ единой надежды на осуществленіе и прекрасныхъ въ своей бе-

Digitized by Google

зумной безцѣльности, какъ тоска Данта по Беатриче,—и тамъ живая основа этой мистической прелести—та же священная чувственность, та же стихійная жажда духовно-чувственной полноты жизни. „Видѣніе Данта“ сквозь тонкое покрывало мистики обнаруживаетъ въ еще большей силѣ обаяніе земли: весна, primavera въ комнатѣ, усѣянной маками и бѣлыми розами, подъ похороннымъ покрываломъ спящая мертвенно Беатриче. Ея неживое тѣло въ самомъ ужасѣ вѣчнаго безмолвія прекрасно, какъ бѣлыя розы и вѣнчики мака, какъ расцвѣтъ земли весной, видимый изъ окна и какъ флорентійское небо. И вся красота картины—въ чувствѣ земли и ея жизни передъ лицомъ смерти, которая оковала сномъ благоухавшее жизнью юное тѣло.

Чѣмъ сильнѣй стремишься разгадать тайну любви, говоритъ Россети въ сонетѣ „Упованіе сердца“, тѣмъ яснѣй открываешь полную сліяность души и прекраснаго тѣла, нераздѣлимыхъ въ возлюбленной поэта, какъ нераздѣлимы любовь на землѣ и сама цвѣтущая земля.

Небесное не оскверняется земнымъ, и сама Мадонна у Россети—тоже женщина, ибо нѣтъ ничего мистичнѣе земной красоты; онъ вкладываетъ въ обликъ Мадонны „пламя экстатическаго упоенія, въ которомъ слитно горитъ и огонь земного сладострастія“.

Въ чертахъ земной страстности, воспроизведенныхъ у Россети, чувствуется сама тайна бытія, въ этихъ воспѣтыхъ имъ „губахъ, которыя сжимаются и кусаютъ, пока пѣна не пропитывается кровью“, въ „жестокомъ красномъ ртѣ, подобномъ ядовитому цвѣтку“, въ самомъ рисункѣ женскаго тѣла: рѣзко очерченная головка на мощной шеѣ, полныя узорныя губы и густыя спутанныя кудри волосъ; длинное, волнистое, мощное и гибкое тѣло; огромная сила жизненности въ „ослѣпительно бѣлыхъ рукахъ и дышащихъ страстью плечахъ“, сила древнихъ стихійныхъ людей-полубоговъ. Эта жизненная мощь прекрасныхъ женщинъ Россети говоритъ о безумныхъ оргіяхъ—грезахъ любви. Объятья этихъ женщинъ должны быть полны сказочно-красивой мощью; ихъ зажженное красной и горячей кровью тѣло въ прикосновеніи къ тѣлу возлюбленнаго должно поднять до предѣльнаго экстаза, до изнеможенія силъ жизненное опьяненіе, являя въ этомъ чувственномъ расцвѣтѣ жизнь какъ какой-то огненно-цвѣтущій, изнемогающій отъ пышности своего цвѣтенія садъ, въ зноѣ и благоуханіи котораго человѣкъ умираетъ. Это садъ древняго рая, созданнаго Іеговой, въ которомъ Ева познала мудрость очарователя—змія.

Но этотъ садъ Россети далекъ отъ плотски-тяжелаго „сада любви“ Рубенса, потому что міръ творчества главы прерафаэлитовъ создавался въ упоеніи, въ боли и счастіи красоты, въ опіуматической радужности и духовной страстности воспріятій міра. Какъ въ огромныхъ стеклахъ изысканно-нѣжныхъ и зага-

Digitized by Google

дочныхъ цвѣтовъ, Россети отразилъ міръ въ своемъ творчествѣ. Острота и сила его жизненныхъ воспріятій усиливали краски, утончали тона, обостряли благоуханія, и изъ „Дома жизни“ поэта вѣетъ на насъ густая цвѣточная волна запаховъ цвѣтущей земли, отрава нѣжной и творчески-волшебной чувственности. Поэтъ взялъ у земли, у жизни все самое живое и яркое, что у нихъ есть; вершину стихійной слитности живущаго тѣла и живущей души,—душу, которая приняла тѣло и сдѣлала тѣло собой и богатство его чувства до безконечности углубила своей глубиной.

V.

„Рано утромъ пойдемъ въ виноградники: посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись-ли цвѣты, расцвѣли ли гранаты? Тамъ подарю я тебѣ ласки мои... Уже благоухаютъ плоды мандрагоры и двери обвиты плодами и вѣтвями“...

Нѣжное и глубокое дуновеніе изъ внезапно открывшихся горныхъ чащъ вѣетъ въ строфахъ библейской хвалы любви. Сбрасывая мертвую одежду схоластической символики, въ которую облекла „Пѣснь пѣсней“ церковная ученость, мы находимъ подъ ней цвѣтущую и торжественную въ своей красотѣ—весеннюю наготу земныхъ чувствъ, ту же, что воспѣвали всѣ художники міра.

Библія—книга земли, книга бытія человѣка подъ небомъ—на землѣ. Чудесно - созданная мощью Бога и служащая ему подножіемъ, какъ звено въ неразрывной цѣпи твореній, земля надѣляетъ человѣка той полнотой и силой душевно-плотскихъ чувствъ, которыя невинно и самоцѣльно переживаетъ онъ передъ лицомъ открытаго неба и Бога. Библія не открываетъ небесной пелены и не показываетъ престола Бога, окруженнаго сіяніемъ ангельскихъ сонмовъ. Древняя книга евреевъ обнажаетъ мистику плоти, по волѣ Бога цвѣтущей на землѣ, мистику самой земли, мистику тѣхъ мгновеній, которыя текутъ здѣсь въ мукахъ жажды или въ блаженствѣ утоленія и впадаютъ въ вѣчность.

Юный царственный еврей въ женщинѣ, которую онъ полюбилъ, поетъ стихійную жизнь тѣла и стихійную красоту ея. То, что свободно и таинственно, какъ вѣтеръ, какъ солнце, какъ травы, что неопредѣлимо, что влечетъ силой смутной и непобѣдимой, — говоритъ о величайшей безднѣ мистики, открывая ее въ яркомъ очарованіи формъ, движеній и чувственныхъ влеченій. Не мысли, не формулы чувствъ, а самый родникъ ихъ — живое цвѣтущее тѣло и первая непроизвольность въ немъ жизненныхъ движеній. Поэтъ „Пѣсни пѣсней“ не стремился перенести обликъ своей возлюбленной на свѣжій фонъ садовой и горной жизни. Онъ взялъ ее, эту восточную красавицу, *вмѣстѣ* съ освѣщенными солнцемъ горами, *вмѣстѣ* съ наливающимся сокомъ винограда,

Digitized by Google

сливается съ пахучими и прохладными вѣтрами садовъ. Возлюбленная неотдѣлима отъ природы, и нѣжное тѣло ея расцвѣтаетъ такъ же, какъ гранаты и мандрагоры. Золотой отливъ ея кудрей далъ ей лучъ, зарумянившій и яблоко гранаты; смуглый бархатъ ея тѣла возникъ такъ же, какъ и нѣжность лепестковъ лиліи. Люди, юные и зажженные любовью, это—цвѣты, это цвѣты земли. Поэтъ говоритъ: „Я нарцисъ Саронскій, лилія долинъ". У нихъ свѣжее и полное чувство своей красоты.

Ни одинъ поэтъ міра не былъ въ силахъ дать такую радостно-цвѣтущую „оправданность" своего бытія, своего тѣла, своей любви, своей жажды наслажденій. Ни одинъ поэтъ не отражалъ такой цвѣточно-невинной красоты своего жизненнаго становленія въ жаждѣ любимой жизни, любимаго тѣла, въ сверканіи лучей жизненной, душевно - тѣлесной напряженности. Никто не въ силахъ былъ чувствовать себя до такой степени „цвѣткомъ Бога", перворайскимъ созданіемъ, выросшимъ въ долинѣ, откуда открываются дали только лазури и свѣта.

Пришла весна и „въ веснѣ" взялъ въ свое чувство жизни библейскій поэтъ свою возлюбленную:

„Цвѣты показались на землѣ: время пѣсенъ наступило, и голосъ горлицы слышенъ уже въ землѣ нашей. Ягоды смоковницы созрѣли и виноградныя лозы благоухаютъ, расцвѣтая"...

Земля развертываетъ въ цвѣтеніи тайну бытія, открываетъ мгновеніемъ нѣчто идущее къ перво и вѣчно-созданному. Сладкіе запахи земли и буйный расцвѣтъ ея весеннихъ силъ кружатъ голову мистическимъ опьяненіемъ, и тайна развертывается въ пышный мистическій цвѣтокъ земли — любовь тѣла къ тѣлу и любовь души тѣломъ къ тѣлу. Въ зеленомъ, солнечномъ саду, въ пахучихъ чащахъ его—льется „запечатлѣнный источникъ"— расцвѣтаетъ Суламита.

„Сестра моя невѣста, садъ запертый, колодезь замкнутый, источникъ запечатлѣнный... Ты садъ гранатовый, съ плодами душистыми, съ деревьями благоуханными, съ нардомъ и шафраномъ, съ миррою и алоемъ. Источникъ садовый, колодезь водъ живыхъ, текущихъ съ Ливана. О, повѣй вѣтеръ, на садъ мой — пусть польются ароматы"...

Непонятно, какъ и все на землѣ, расцвѣло юношеское мощное тѣло и въ стихійномъ потокѣ весенняго разлива жизни зажигается непонятнымъ влеченіемъ къ юношескому и мощному тѣлу Суламиты. Узелъ всѣхъ тайнъ бытія связывается въ ней, въ ключѣ жизни, бьющемъ въ ея тѣлѣ. Не знаю, почему: но только въ тебѣ— красота. Не знаю, почему: но только тебя хочу. Не знаю, почему: но все сливается въ тебѣ и съ тобой.

Постигнутый загадочнымъ закономъ бытія, „Саронскій Нарцисъ" непроизвольно, какъ цвѣтокъ, исполнилъ законъ, осуществленный стихійнымъ началомъ его жизни, его тѣла и души, и

Digitized by Google

въ „Пѣснѣ пѣсней“ далъ прозрачное отраженіе этой жизни цвѣтка-человѣка.

Тѣло ея, жизнь ея прекрасна для глазъ и для всѣхъ чувствъ его болѣе, чѣмъ небо и цвѣты. И самъ Богъ, который сдѣлалъ такъ, что одно тѣло стихійно зажигается другимъ, меньше для него, чѣмъ Суламита.

„Оглянись, Суламита, и мы посмотримъ на тебя. О, какъ прекрасны ноги твои, въ сандаліяхъ. Округлость бедръ твоихъ—какъ ожерелье работы художника. Станъ твой похожъ на пальму и груди на виноградныя кисти. Уста твои, какъ вино, и оно течетъ и услаждаетъ губы возлюбленнаго“.

„Какъ алая лента—губы твои; какъ кожура граната—виски твои подъ кудрями“.

„Ласки твои хмѣльнѣй вина и благоуханія твои слаще всѣхъ ароматовъ“.

Избытокъ цвѣтущей чувственности въ этихъ образахъ, насыщенныхъ ароматами, красками, наслажденіями земли. Нужно огромно чувствовать землю, небо, воздухъ, горы и деревья, чтобы принести въ даръ своей возлюбленной эту царственную мощь чувствъ, увеличивающихъ красоту Суламиты и блаженство ея красоты до зенита, до возможнаго.

Изъ мощныхъ и многокрасочныхъ чувствъ библейскаго царя вылилась поэма напряженной, полной блеска и силы, поэмы жизни, ставшей „неподвижной въ вѣкахъ“.

Царь поэтовъ, онъ въ законѣ Бога отразилъ самого Бога, ибо далъ самый пламень той тайны, что зовутъ любовью, и далъ живое горѣніе этой тайны на землѣ въ человѣческомъ тѣлѣ.

„Положи меня, какъ печать, къ сердцу твоему, потому что сильна, какъ смерть, любовь“.

„Она—пламень Бога“.

Идея „Пѣсни пѣсней“, музыка этой библейской поэмы явилась содержаніемъ всего творчества Мирры Лохвицкой, въ молодости умершей поэтессы, въ лирикѣ которой былъ настоящій огонь жизни.

Она шла по тому же пути въ лирическомъ отраженіи своихъ переживаній, что и библейскій поэтъ, явившись въ своемъ творчествѣ прежде всего, да, пожалуй, и единственно—женщиной. Поверхъ всѣхъ отличій вѣка и культуры, она выставила то вѣчноживое стихійное начало жизни, которое является единственно-мощнымъ содержаніемъ поэзіи. Подобно Антею, поэтесса оставалась на землѣ и въ мѣру этого была поэтомъ по природному призванію. Она оставалась на землѣ и была женщиной. Она выразила въ стихійной глубинѣ и съ яркостью самой жизни, самыхъ переживаній—многосложный и многокрасочный путь отъ ранняго дѣвичьяго, отроческаго полурасцвѣта до пышнаго и знойнаго цвѣтенія.

Digitized by Google

Поэтессой именно съ такимъ даромъ рождена была Лохвицкая—и было бы безуміемъ слать ей упреки за это, потому что то, что она сдѣлала, было огромно и даже исключительно. Сохранить себя въ поэзіи „цвѣткомъ земли", дать частицу жизненной стихійности, быть въ лирикѣ не выдуманной, не затянутой въ модный нарядъ идей и образовъ, а существомъ во плоти и крови, осуществляющимъ въ прекрасной полнотѣ вѣчный законъ любви и расцвѣта—это можетъ сдѣлать только поэтъ—это и прекрасно и таинственно.

И недаромъ Лохвицкая тяготѣла и къ поэмѣ, и къ образамъ библейской любовной лирики. Въ ней была кровь Востока, и насыщенная зноемъ восточная образность и, царственно-пышный расцвѣтъ человѣческихъ жизней, символизирующійся въ образахъ Соломона и Суламиты, царя Соломона и царицы Балкисъ, казался ей зенитомъ жизненной гармоніи.

Божественность тѣла, его таинственно-художественное совершенство, тайна горящаго въ его крови Эроса, полная гармонія тѣломъ со всѣмъ земнымъ: съ травой, водой, солнцемъ, деревьями и воздухомъ,—вотъ схема философскаго міросозерцанія, диктуемая этой лирикой. Оно покоится на богатѣйшей жизненности, углубляющей каждое ощущеніе до таинственной и яркой полноты. Здѣсь ощущеніе—все. Здѣсь отвлеченности нѣтъ мѣста. Поэтесса твердо стоитъ на землѣ. Ея женственная натура вся соткана изъ прозрачнаго пламени чувствъ, настроеній и ощущеній. Ея умъ не отвлекался отъ непосредственности чувствъ, онъ былъ подчиненъ имъ, проникался ими, и вся интеллектальная энергія поэтессы вылилась въ ту же живую стихію движенія и переживаній. Въ этомъ показатель гармонической цѣльности натуры Лохвицкой. Она была цѣльной и сильной, какъ всѣ люди, близкіе къ землѣ. Въ ней не было робкой граціи сѣверянки, дѣтской прелести ея наивной безпомощности. Наоборотъ, въ лирикѣ Лохвицкой чувствуется властность развернувшагося для жизни цвѣтка, который жадно пьетъ ее, въ опьяненіи и страсти. Это та жажда жизненныхъ осуществленій, которая звучитъ въ каждомъ обликѣ, чарующемъ силой вѣчной женственности: въ Саломеѣ, въ Суламитѣ, въ Балкисъ, въ Сафо, въ женщинахъ Бернъ-Джонса и Россети. Онѣ—живое воплощеніе стихійной жизненности, и ключъ жизни бьетъ въ нихъ съ безумной яркостью и силой. Жизнь онѣ пьютъ, беря ее собственной рукой.

Если бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Если бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ...

поэтесса заставила бы его упасть къ ея ногамъ, сразивъ мѣткой стрѣлой; жемчужину—счастье она бы достала съ подводной глубины; цвѣтокъ—съ дикой крутизны горъ.

Она не воспѣвала томленія и жажды, какъ тысячи поэтовъ.

Digitized by Google

Она пѣла осуществленіе и зной. „Красный шмель“ изъ ея прекрасныхъ строфъ звенѣлъ надъ ней, какъ у героини Гамсуна пѣлъ въ душѣ „красный пѣтухъ“. Она дала поэму осуществленій, мощный трепетъ желаній, музыкально и глубоко насыщенныхъ. То, какъ она перечувствовала жизнь, было передано ею съ искренностью и правдой поэта. Въ русской литературѣ красоту и силу этой натуры понялъ одинъ Бальмонтъ, посвятившій Лохвицкой нѣсколько красивыхъ стихотвореній. Но строки Бальмонта кажутся водянистыми и слабыми послѣ густого и полнаго звона стиховъ Лохвицкой, дышащихъ запахами и цвѣтами земли.

Дыханіе ранней весны, въ которомъ свѣжесть воздуха сливается съ тонкимъ ароматомъ только что распустившихся первыхъ цвѣтовъ; горячій зной лѣта, опьяняющій душистый золотой зной, раскрывающій вѣнчики ирисовъ, лилій, розъ, златоцвѣтовъ, туберозъ; прозрачная ясность воздуха осеннихъ аллей и рѣзкій запахъ лиственнаго увяданія, рождающій нѣжно-ядовитыя грезы осенняго остраго сладострастія,—все это дышитъ изъ раскрытыхъ страницъ книгъ Лохвицкой. Могучій избытокъ ея жизненныхъ силъ перерождался въ прозрачную струю поэзіи. Она наслаждалась и утромъ, и полднемъ, и ночью. Былъ моментъ предощущенья расцвѣта, когда все открытое и бездонно-лазурное еще за полупрозрачной дымкой ожиданій. И вотъ послышалось нѣжное и мучительное благоуханіе раскрывающагося вѣнчика. Утро приводитъ день. Лохвицкая символизируетъ эти моменты жизни въ лицѣ всадниковъ въ одномъ изъ стихотвореній: первый—всадникъ весенняго расцвѣта, весь—роса, сіяніе и свѣжесть; второй—знойнаго полдня; третій—тихаго вечера, когда отъ вѣтра въ прохладѣ качаются и пахнутъ цвѣты.

Жизнь для жизни. Земля для земли. Но эта земля и жизнь въ ней брались во всей роскоши и красотѣ цвѣтенія. Въ русской лирикѣ ни у кого такъ не дышатъ и не живутъ махровыя алоогненныя чаши розъ, какъ въ стихахъ Лохвицкой, и блескъ лѣтняго зноя и буйный расцвѣтъ лѣтнихъ травъ данъ ею съ острой силой иллюзіи; дано не въ объективномъ рисункѣ, а въ передачѣ ощущеній, чувствъ расцвѣта. Глубокая и живая сенсуальность помогли поэтессѣ. Она самостоятельно выдвигаетъ новые рисунки воспріятій: вполнѣ своеобразный, въ нашей поэзіи сенсуалистъ, она въ гибкомъ и чувственно-нѣжномъ стихѣ говоритъ объ экстазѣ глазъ въ мгновенія власти Эроса, о трепетѣ рѣсницъ, объ оттѣнкахъ розово-атласной кожи тѣла, о безконечной сложности и утонченной остротѣ чувствъ прикосновеній. Эллинскій культъ красоты сочетался въ ней съ свободой восточной царственной оргійности. Аполлону и Діонису служила она. И, какъ будто отдѣленная воздухомъ древней поэтической царственности отъ современности, была до дерзости смѣла въ открытой искренности своей лирики. Она воспѣвала сладострастіе, экстазъ тѣла, интимную нѣжность

Digitized by Google

и знойность переживаній, перелагая все, что заключало въ себѣ мгновеніе, въ превосходно звучащій стихъ. Жизнь живого и прекраснаго тѣла на землѣ въ его красивой стихійности—вотъ что заключаютъ въ себѣ лучшіе—2-й, 3-й и 4-й—томы лирики Лохвицкой.

VI.

Въ безконечномъ разнообразіи творчества генія всѣхъ странъ и временъ поютъ одну и ту же пѣсню земной стихійности. Высшая культура въ лицѣ художниковъ, удаляясь, по видимости, отъ первоначальной непосредственности, совершаетъ кругъ и, возвращаясь къ ней, утверждаетъ гармонію стихійной полноты жизни.

И даже „духи поэзіи", какъ Шелли, съ плотью „преображенной" до степени эфирной одухотворенности существъ воздуха и свѣта, говорившій, что „съ дѣйствительной плотью и кровью онъ не имѣетъ ничего общаго", именно въ своемъ гимнѣ сверхчувственной любви, поетъ пѣснь, возвышенную и нѣжную, стихійности и тѣлу.

Въ строфахъ „Эпипсихидіона" ясно чувствуется, что окрыленность духовнаго экстаза сообщается тѣмъ чисто-земнымъ тѣлеснымъ созерцаніемъ, въ которомъ Эросъ очаровываетъ именно тѣломъ души, гармонической оболочкой плотскихъ формъ, въ которыхъ свѣтится и которыя пронизываютъ сознаніе, жизнь.

Волнуетъ и очаровываетъ и является таинственнымъ и мистическо-стихійнымъ живущее прекрасное тѣло, своеобразіе сознанія котораго неотдѣлимо отъ своеобразія самого тѣла. Чувство было-бы въ пустотѣ, если бы оно не приковывалось къ частному осуществленію и воплощенію идеи красоты. И то, что связываетъ и опутываетъ сѣтью обольщенія и очарованія, есть только и только частность воплощенія, въ которой горитъ тайна—Эросъ. Онъ горитъ только въ воплощеніи, являя тѣлесность больше и таинственнѣй, чѣмъ абстракцію, чистую идею. Тайна только въ живомъ дуновеніи жизни, и вся духовность, вся религіозность, вся мистика—въ тѣлѣ, въ живущемъ тѣлѣ, которое питаетъ красная кровь. И высшій зенитъ жизни, глубочайшій экстазъ ея, ощущеніе въ ней глубины и высоты, далей и лазурности, данъ въ Эросѣ тѣломъ.

Поэтъ приходитъ въ отчаяніе, когда на крыльяхъ экстаза, какъ въ струяхъ музыки, стремится подняться все выше и выше, чтобъ дать рисунокъ своего яркаго подъема, своего экстаза, чтобы найти выраженіе своихъ нѣжныхъ, какъ эѳиръ, чувствъ въ запредѣльномъ, въ сверхчувственномъ, — и камнемъ падаетъ внизъ снова и снова къ тому, что является центромъ и источникомъ самыхъ его чувствъ—къ тѣлу возлюбленной. Законъ неизбѣжнаго тяготѣнія возвращаетъ его къ землѣ, къ воплощеніямъ изъ сферы

Digitized by Google

чистыхъ идей. Повинуясь чутью художника, которому нужно выразить въ живыхъ образахъ свой восторгъ, онъ обращается къ формамъ, цвѣтамъ и чувствамъ земли. И гимнъ мистическаго обожанія превращается въ восторженную пѣснь тѣлесной страсти.

Страсть подымала его на своихъ могучихъ крыльяхъ въ высоту и заставила его спуститься внизъ—къ землѣ. Поэтъ покидаетъ абстракцію для образа и красокъ. Онъ говоритъ о сходствѣ зари, скользящей румянцемъ по воздушно снѣжнымъ высотамъ горъ, съ алой кровью, краснѣющей въ женственномъ и нѣжномъ тѣлѣ возлюбленной. О воздушныхъ очертаніяхъ ея облика. О тепломъ ароматѣ ея одеждъ. О блеснувшей надъ лбомъ пряди волосъ, взвѣянной влюбленнымъ вѣтромъ. О томъ очарованьи ея, которое есть жизнь и въ которомъ тѣла отъ души не отдѣлить.

„Эпипсихидіонъ"—это лирическій трактатъ о любви, дающій чувство жизненной тайны—Эроса. Въ особенности ощутительно это въ драгоцѣнныхъ строкахъ Шелли о первыхъ юношескихъ вспышкахъ зноя.

„На утрѣ первоначальныхъ лѣтъ" обликъ неопредѣленной живой красоты являлся какъ бы во снѣ, сіяя смутнымъ очарованіемъ сквозь дымку невѣдомаго. Первые лучи Эроса озаряли весь міръ, озарили природу, дали предощущеніе могучаго чувства жизни, въ центрѣ котораго сіяло магическимъ блескомъ влеченіе къ женственности. Спадаетъ пелена лазурнаго утренняго дѣтскаго созерцанія и Эросъ открываетъ дали жизни и ея цвѣтущіе алыми цвѣтами сады. Неопредѣленное влеченіе проснувшейся чувственности звучитъ среди смутной симфоніи грезъ, неотдѣлимо отъ нихъ. На днѣ эѳирныхъ крылатыхъ мечтаній, въ чащѣ каждаго цвѣтка грезъ таится желтый огонекъ зажженнаго сладострастія. Прозрачное пламя этой жизненной жажды свѣтится въ лирикѣ въ снахъ, въ видѣніяхъ и въ самой явѣ, въ самой дѣйствительности. Шелли говоритъ о томъ, какъ въ дни первыхъ сіяній Эроса туманно-волшебный обликъ этихъ сновъ являлся ему среди лѣсныхъ прогалинъ, дикихъ горъ, унылыхъ руинъ и воздушныхъ замковъ. „Мѣняясь въ очертаніяхъ и тканяхъ сновъ", обликъ являлся изъ воздушныхъ далекихъ береговъ, изъ тихихъ морскихъ острововъ, созданныхъ одинокимъ и страстнымъ созерцаніемъ, въ лѣтній ликующій день. Было что-то сверхчувственное въ обаяньѣ этого облика-грезы. И юноша трепеталъ отъ невыносимой остроты блаженства, мистика котораго озарялась „земнымъ огнемъ". И сама природа, таинственный потокъ ея жизни: тучи, воздухъ, вѣтеръ, теплый дождь,—все, что звучитъ, живетъ и дышитъ, вѣяло этой тайной, говорило о красотѣ иного могучаго и прекраснаго начала, могучаго въ своей иллюзорности, въ своей лживости,—женственнаго.

Вслѣдъ за обликомъ раннихъ грезъ, не перешедшихъ въ

Digitized by Google

реальность, поэтъ грезитъ о жизненномъ осуществленіи. Въ странѣ подъ Іоническимъ небомъ, гдѣ—какъ взлелѣянная моремъ жемчужина цвѣтетъ островъ; гдѣ золотистый песокъ у прибрежья ласкаетъ Эгейская волна, а пещеры береговъ загадочно-мглисты и исполнены тишиной воспоминаній; гдѣ въ ясной лазури воздуха изъ тишины возникаютъ смутныя мелодіи и вьются смѣной сновъ, красокъ и видѣній; гдѣ надъ затонами, мшистыми тропами, ароматными чащами острова въ смѣнѣ дней и ночей въ выси спадаетъ какъ-бы вуалью за вуалью и небо—все лазурнѣй и расцвѣтъ — все пышнѣй, — тамъ стоитъ „зданіе изъ камня и мечты“ — пріютъ отъединившихся влюбленныхъ. Вся красота жизни входитъ въ поэму ихъ юнаго существованія, охваченнаго огнемъ Эроса,—солнце, вѣтеръ, волны, травы, бури, громы, цвѣты, облака и человѣческое творчество: поэзія и музыка. Все должно войти въ эту дышащую наслажденіемъ и стройную, какъ шедевръ художника, жизнь. Изъ двухъ юныхъ человѣческихъ жизней создается космическая поэма полноты существованія, гармонія началъ стихійнаго и духовнаго. Исчезаетъ грань узко-человѣческаго и обще-природнаго: они во всемъ въ одномъ живомъ потокѣ: слѣдятъ полетъ облаковъ, дышатъ вѣтромъ, живутъ, какъ травы, какъ волны, какъ лань, прибѣжавшая къ ихъ порогу; цвѣтутъ у моря двумя цвѣтками природы и въ гимнѣ любви сливаются юностью тѣлъ и душъ „грудь къ груди, уста къ устамъ“.

Образъ эѳирнаго Шелли не чуждъ земной сенсуальности: онъ сравниваетъ островъ, развернувшій всю свою мощь лиственнаго и цвѣточнаго расцвѣта, съ бѣлой наготой возлюбленной, зажженной страстью.

Греза сіяющей и нѣжной женственности дышитъ у Шелли въ строкахъ „Волшебницы Атласа“, „Милюзы“, въ поэмѣ „Аласторъ“, въ драмѣ „Ченчи“.

Русскій переводчикъ Шелли и „утонченникъ“ русскаго стиха — музыкальный Бальмонтъ много воспринялъ и усвоилъ отъ англійскаго пантеиста-художника и многое, какъ содержаніе, какъ образы или какъ внѣшніе пріемы, перенесъ въ свою поэзію. Но Эросъ Шелли, то воздушное и неуловимо-индивидуальное, что было связано съ самими глубокими корнями личности поэта, Бальмонтъ ни усвоить, ни перенести не могъ. Эротика Бальмонта совершенно иного характера, иной окраски.

Прежде всего Бальмонта увлекло смѣлое новаторство. Ввести въ русскую поэзію цѣлую область чувствъ, которая считалась у насъ какъ-бы „по ту сторону поэзіи“, отразить свое жизненно-индивидуальное „хочу“ во всей многогранности переживаній, утвердить въ поэзіи переживаній „я“ тѣла, какъ и „я“ души,— таковъ былъ замыселъ Бальмонта еще задолго до того, какъ въ нашей литературѣ поднялась такая волна поэзіи Эроса.

Digitized by Google

Въ русской поэзіи это въ дѣйствительности было ново. Та эротика 30-хъ годовъ, образцы которой оставилъ въ юношескихъ произведеніяхъ Пушкинъ, какъ-то замерла и оскудѣла. Кровавые цвѣты Эроса на русской почвѣ не росли. Въ поэзіи Майкова, Полонскаго, Тютчева, Ал. Толстого, Мея, Огарева, Фета, Надсона, Плещеева — жизнерадостной и яркой чувственности нѣтъ. Единственное у Полонскаго „Тѣни ночи“ (съ неопредѣленнымъ и вялымъ рисункомъ), переводъ „Пѣсни пѣсней“ Мея, да цвѣтущая и холодная нагота въ двухъ-трехъ стихотвореніяхъ Фета—это все, что можно найти въ этомъ отношеніи.

Страннымъ исключеніемъ является поэтъ и поэтесса, звучные голоса которыхъ одиноко и чуждо звучали въ хорѣ русской поэзіи: это—Щербина и Лохвицкая, поэты тѣла и солнца.

Бальмонтъ не столько давалъ непосредственные отклики жизнерадостной стихійности, подобно Щербинѣ и Лохвицкой, сколько утверждалъ въ поэзіи свободу жизненныхъ хотѣній. Онъ пробивалъ дорогу идеѣ полновластія и самосвятости живущаго въ огнѣ влеченій и желаній тѣла. И за пафосомъ его восклицаній чувствуется теоретика. За поэтомъ стоитъ проповѣдникъ. Онъ поучаетъ, онъ мечомъ теоретическаго „дерзанія“ разрѣшаетъ жизненные узлы. Въ образахъ переживаній слышится крикъ учителя: смотрите, какъ надо жить! Живите свободно! Будьте, какъ солнце.

И въ стихахъ Эроса, занимающихъ большую часть всего написаннаго Бальмонтомъ, нѣтъ радостнаго чувства открывшихся ярко озаренныхъ глубинъ жизни, въ которыхъ тѣло—тотъ прозрачный родникъ пѣвучихъ и солнечныхъ чувствъ, какимъ является оно въ „Эпипсихидіонѣ“ Шелли или у Китса. У Бальмонта — нагая чувственность; дерзость бросить яркій рисунокъ чувственности въ музыкальный и звонкій стихъ. Въ потокѣ этихъ стиховъ зыблются образы и краски сладострастія, и самый внѣшній рисунокъ тѣла, вродѣ „бѣлыхъ ногъ, предавшихся мечтамъ“, отдаетъ тѣмъ „разорваннымъ Эросомъ“, о которомъ упоминаютъ поэты „Оръ“. Чрезвычайно выразительной является здѣсь параллель эротики Бальмонта съ чувственно-лирическими созерцаніями М. Лохвицкой. У послѣдней въ сонно-призрачныхъ поэмахъ средневѣковья, съ ихъ густыми и темными красками, эротическій зной, жажда тѣла сливается съ мрачными и полубезумными грезами демонической очаровывающей музыки. Чувствуется безумное дерзаніе средневѣковой души, отдающейся „въ дьяволѣ“ полнотѣ земли и тѣла. И въ одинаковыхъ штрихахъ рисунка М. Лохвицкая даетъ почувствовать глубину переживаній, какихъ нѣтъ у Бальмонта. Въ осенней грезѣ, погруженная въ призрачную, роящуюся образами смутныхъ вожделѣній, отдаленность созерцаній, поэтесса видитъ въ пѣнѣ

...Потока пурпурнаго
Мраморныхъ ногъ красоту.

Digitized by Google

И въ оправѣ образныхъ и страстныхъ строфъ, повторяя упомянутый терминъ, передъ нами не разорванный, а слитный Эросъ. Здѣсь чувственность слита съ той созерцательностью грезящаго поэта, которой нѣтъ у Бальмонта.

Какая откровенная теоретика „дерзанія" слышится въ этомъ выкрикѣ:

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Хочу одежды съ себя сорвать,
Хочу упиться атласнымъ тѣломъ... и пр.

Здѣсь только рядъ выкриковъ, но нѣтъ той густой насыщенности стиховъ сенсуальностью, той личной окраски чувствъ, того непроизвольно-интимнаго ихъ проявленія, какое слышится, напр., въ строфахъ Лохвицкой, начинающихся строками:

Осенній дождь затихъ...
Я слышу листьевъ тлѣнье.

И хотя поэтъ самъ говоритъ о томъ, что у другихъ лириковъ читатель чувствуетъ въ ихъ строкахъ,—о божественной легкости и красотѣ чувства жизни, но автору „Литургіи красоты" трудно повѣрить, ибо за голословными утвержденіями:

Я—весь весна, когда люблю,
Я—свѣтлый богъ, когда цѣлую,

нѣтъ того оправданія, которое заключается въ самой поэзіи строкъ и при которомъ являются излишними подобныя признанія.

VII.

Легкая свѣжесть полевого вѣтра чувствуется на лицѣ, когда подходишь къ строкамъ столь-же мало оцѣненнаго, какъ и Лохвицкая, художника, имѣющаго больше правъ на это имя, чѣмъ многіе и многіе...

У Бунина есть Эросъ. Этотъ поэтъ, равнодушный ко всѣмъ новѣйшимъ философскимъ, мистическимъ и религіознымъ исканіямъ, равнодушный и къ поэзіи гражданской борьбы, является по милости природы, создавшей эту организацію, тончайшимъ инструментомъ, чувствительнымъ для воздушно-легкихъ вѣяній поэзіи міра. Не обнаруживающій въ своемъ творчествѣ ни широты, ни глубины развитія, Бунинъ вмѣстѣ съ тѣмъ по чисто художественнымъ особенностямъ своей натуры, по благородству натуры поэта и художника однороденъ съ такими людьми жизненной музыки, какъ Бодлеръ или Вилье де Лиль Аданъ. Въ Бунинѣ эта художественность натуры — безсознательна, стихійна, и оттого у него есть такіе грубые срывы въ плоскость и даже пошлость, какъ стихотворенія „Мистику" и нѣсколько другихъ.

Но чувство жизни у него—эта правда поэзіи; чувствуется, что эту душу ласкаютъ тончайшія крылья жизненныхъ дуновеній, что въ прозрачности его сознанія отражается поразительный по

Digitized by Google

свѣту, лазурности и глубинѣ потокъ жизни. Волна интимнаго, глубоко личнаго пантеистическаго восторга бьетъ въ немъ при соприкосновеніи съ открытой и цвѣтущей грудью жизни. Въ стихотвореніи „Затрепетали звѣзды въ небѣ“ сверкаетъ этотъ прибой жизни. Одинокій, оторванный для созерцаній, онъ никогда не насытится, никогда не упьется жизнью, — ея вѣтромъ, далью, любовью къ женщинѣ и восторгомъ жизненнаго трепета. Упоенный, поэтъ въ смерти найдетъ только лишь отдыхъ сна отъ мощной напряженности переживаній, чтобы вновь войти въ просторы жизни.

И снова, гдѣ бы ни былъ я,
Я буду жить и сладко плакать,
И славить радость бытія.

Почувствуйте его Эросъ жизни въ стихотворенія „Розы“,— облака „въ лазури пламеннаго дня“; двѣ „полныя огня“ чаши розъ; звучный и тяжелый громъ; звонъ пчелъ; звонъ мухъ; сіянье дня; пробѣгающіе потоки ливней и въ ихъ зеркально-зыбкомъ блескѣ трепетъ лазури и солнца... Это чувство лѣтняго дня, переданное со всей роскошью слова художника, дающаго въ тонкой работѣ вѣяніе стихійности.

И въ этой оправѣ общаго широкаго, всезахватившаго жизнеощущенія—любовь. Она—въ центрѣ чувствъ міра въ тѣхъ, очень немногихъ, произведеніяхъ Бунина, гдѣ есть любовь.

Порой это только мучительная въ своемъ очарованіи греза, одинокое и пустынное созерцаніе, сковывающее въ тишинѣ и грусти болѣзненный трепетъ жизненной жажды. Такое созерцаніе вылилось въ торжественномъ и нѣжномъ стихотвореніи, полномъ вечерней тишины и думъ у моря, начинающемся строфой:

Вечерняя безмолвная аллея
Ведетъ меня какъ будто въ небосклонъ,
Тамъ море подымается, синѣя,
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Поэтъ видитъ на скамьѣ у моря, какъ въ беклиновскомъ замыслѣ, обликъ своихъ грезъ — женщину, и у него выливается страстно: „Я ль не любилъ. Я-ль не мечталъ мятежно“ слить свою жизнь съ другой и душу съ „душою страстной, женственной и нѣжной“... И снова вечерній задумчивый рефренъ: „Пустынная, безмолвная аллея“...

Быть можетъ, тоже греза одинокихъ и страстныхъ созерцаній, быть можетъ, очеркъ дѣйствительнаго—маленькій въ прозѣ шедевръ—„Осенью“. Здѣсь власть грезы-женщины ярче и обаятельнѣй и проявляется въ живыхъ, реальныхъ очертаніяхъ. Не смутная греза, а обликъ, очерченный въ живой опредѣленности и обаятельный именно живыми очертаніями тѣла и горящей въ немъ жизни. Тонко и нѣжно намѣчается нить чувствъ, связывающая болѣзненной и радостной связью два тѣла и два сознанія—его и

Digitized by Google

ея. Опутанные золотой сѣтью очарованія, они ѣдутъ къ морю, чувствуя въ первый разъ новыми землю и міръ. И въ свѣжести, въ цвѣтоносности, въ вѣчной веснѣ міра чувствуется близкое тѣло, въ которомъ горитъ любимая жизнь. Бунинъ даетъ это почувствовать однимъ штрихомъ: онъ касается атласной ткани одеждъ на ея тепломъ и нѣжномъ колѣнѣ, и очарованіе весны и тѣла чувствуется прекраснѣй всего прекраснаго. Въ свѣжихъ волнахъ вѣтра, въ шумѣ и грохотѣ деревьевъ, листьевъ, вѣтра и морскихъ волнъ, они дышатъ соленой прохладой моря. И колоссальный прибой, разбившійся у берега и оросившій ихъ свѣжимъ дождемъ пѣнныхъ брызгъ, былъ символомъ прекрасной весенней страсти, мучительнаго и безумнаго влеченія къ жизни.

Эту музыку и тоску влеченья даетъ стихотворенье „Зной". У моря, ласково плещущаго подъ прозрачнымъ зноемъ хрустальной водой о песокъ, лежитъ поэтъ, „упоенный зноемъ". Въ очарованіи неподвижнаго пахучаго тепла, заставляющаго тяжелѣй биться кровь въ вискахъ и тяготѣющаго, какъ колоссальное дыханіе лѣтней истомы и жажды, поэтъ погружается въ грезы. И снится ему „садъ и прохладный гротъ,—кипарисы неподвижнымъ строемъ—стерегутъ тамъ звонкій водометъ.—Старый мраморъ подъ вѣтвями тисовъ—молодыми розами обвитъ.—И горитъ заливъ межъ кипарисовъ,—точно синимъ пламенемъ налитъ".

А вокругъ—истома сладострастья,
И подъ шумъ фонтановъ запахъ розъ
Мучитъ душу красотою счастья,
Красотою сонно-знойныхъ грезъ.

Въ очеркѣ „Любовь" дѣвушка лѣтней ночью въ саду останавливается въ первый разъ передъ открывшейся дверью новой жизни расцвѣтшаго тѣла и созрѣвшей души и въ свѣтлой жаждѣ жизни готова съ невинной стихійностью отдаться расцвѣту и зною. Садъ, его черныя ночныя гущи, принимаетъ грезы и трепетъ дѣвушки, и во имя чистой мощи этихъ грезъ дѣвушка на другой день, въ обнажающемъ свѣтѣ буденъ, отказываетъ „жениху", который далекъ былъ отъ нея въ эту ночь призыва и расцвѣта. Поразительно то, что разсказъ этотъ ведется отъ перваго лица. Поэтъ совершилъ чудесное перевоплощеніе, причемъ отражена психологія момента экзотическаго, исключительнаго по яркости и полнотѣ.

Характеренъ для Бунина прекрасный разсказъ „Перекати поле", полный юношескимъ жуткимъ и тоскливымъ чувствомъ жизненной жажды и какого-то лирическаго, красиво-созерцательнаго безсилія. Любимая дѣвушка отдаетъ свою жизнь, свое тѣло и душу другому. На югѣ, жаркіе и пыльные дни, герой очерка переживаетъ въ какомъ-то страстно-тоскливомъ кошмарѣ. И описанія не только самыхъ переживаній, но и входящихъ въ нихъ—пустынной, мертвой улицы, стѣнъ комнаты, спутника скитаній—

Digitized by Google

чемодана, о которомъ такъ трогательно говорится въ разсказѣ, все это полно лиризмомъ жизненной жажды и ноющей горькой тоски ожиданія осуществленій.

Эта пѣвучая прекрасная лирика, въ которой звенитъ одна ноющая, нѣжно-скорбная нота, слышится въ разсказахъ „Въ іюлѣ"; о дѣвочкѣ цыганкѣ; въ стихотвореніи—„Кольцо".

Поэтъ задремалъ у плеса, надъ Днѣпромъ и вѣтеръ повѣялъ на него „прохладой и запахомъ свѣжаго теса" и вдругъ въ водѣ блеснуло золотое кольцо. Волны его вымыли точно къ вѣнчанію. А на берегу—„искрился солнечный блескъ",

Видѣлъ я плахты, сорочки и смуглое тѣло...
...Жадной толпою сошлись онѣ къ отмели бѣлой.
Жадно дыша, одѣвались онѣ на пескѣ,
Лоснились косы и карія очи смѣялись,
Съ звонкими пѣснями скрылись онѣ вдалекѣ,
Звонко о берегъ прозрачныя волны плескались...
Чье-то кольцо золотится въ горячемъ пескѣ.
О, красота, тишина и раздолье Днѣпра.
Помню, какъ вѣтеръ въ лугахъ серебрилъ верболозы.

Свѣжая волна вѣтра бьетъ здѣсь тѣмъ же восторгомъ и счастьемъ жить, полнотою чувствъ, ихъ яркостью и силой... Но лирика тоски продолжаетъ неуловимо звучать и здѣсь. Поэтъ объясняетъ ее, эту свирѣль тоски: „Помню о счастьи безумныя сладкія грезы... Знойные полдни на бѣлыхъ прибрежьяхъ Днѣпра".

И въ сравненіи съ этимъ лирическимъ жаждущимъ безсиліемъ такъ поразительно глубокая и прозрачно-спокойная радость внутренне-цѣльной удовлетворенности въ страницахъ другого лирика—Бор. Зайцева. Поразительна потому, что тихая лирика этого послѣдняго кажется какой-то фарфорово-хрупкой, нѣжной, почти призрачной. И въ то же время въ ней есть глубокая полнота, замкнутая цѣльность и спокойная сила утвержденія. Такъ прозрачно-худой, бѣлый и изможденный пустынножитель сохраняетъ въ лицѣ и во всей фигурѣ тихое спокойствіе разъ навсегда принятой въ душу радости и ясную силу этого своего тихаго самоутвержденія.

Эросъ Бор. Зайцева—бѣлый, сіяющій, пронизанный тонкимъ свѣтомъ „Золотого бога". Въ его міроощущеніи — земля тиха и священна, отъ нея къ небу прямо ведетъ голубая дорога эѳира и по ней опускаются и „послѣ полудня надъ жатвой пролетаютъ наши ангелы, особые, таинственные русскіе ангелы". Золотой зной въ тонкихъ сіяющихъ крупинкахъ свѣта разсѣиваетъ по землѣ искры вліянія Эроса, и отъ нихъ „яблони въ золотистомъ воздухѣ несутъ прозрачный теплѣющій грузъ" плодовъ; отъ нихъ „прозрачно наливается яблоко и свѣтлѣетъ съ краевъ, точно живительная сила размягчила его, и кажется, что скоро въ этихъ любовныхъ лучахъ сверху весь этотъ драгоцѣнный плодъ истаетъ, обратится въ свѣтлую стихію и уплываетъ — радостно, кверху,

Digitized by Google

какъ солнечный призракъ". Отъ этихъ солнечныхъ искръ Эроса нагрѣтыя желтыя дыни „теплѣютъ, струятъ сладкій запахъ" подъ ласковымъ колыханьемъ зноя. Въ самомъ воздухѣ отъ нихъ „какъ бы безмолвное цвѣтеніе... точно все наполнено тихимъ дрожаніемъ". А „большое тѣло лисички" „въ этихъ ласково воз душныхъ поцѣлуяхъ" кажется „обаятельной свѣтло-солнечной рыбой"; въ немъ должна быть сіяющая влага и кораллово-розовая кровь, тоньше и легче настоящей. Подъ „маленькими жалкими пушинками въ лицѣ, что отливаютъ теплымъ золотомъ, ходитъ и играетъ кровью нѣжно-розовая кожица, какъ живодышащее существо; и мельчайшія родинки, поры, жилки пронизаны теперь какою-то особенной жизнью". Эросомъ пронизанъ весь міръ и все цвѣтетъ и дышитъ въ его легкихъ золотыхъ струяхъ, тонкихъ „свѣтовыхъ паутинкахъ". И подъ этой золотой нѣжностью солнечной сѣти проплываютъ густыя струи опьяненія. Онѣ кружатъ голову, заставляютъ еще блаженнѣй и жаднѣе „дышать лицомъ къ солнцу", задыхаться въ странномъ дивномъ блескѣ и виться въ легкомъ танцѣ солнечнаго безумія, какъ Лисичка изъ „Миѳа".

Эросъ, падающій золотымъ дождемъ съ неба на землю, опутывающій ихъ одной солнечной сѣтью,—это—прошлое, настоящее и будущее земли. „Ангелу не трудно пролетѣть вонъ по той лазури, а людямъ незачѣмъ становиться безплотными духами, они будутъ одѣты роскошнымъ, плывучимъ и нѣжнымъ тѣломъ", безсмертнымъ. Возникаетъ стройный замыслъ міра, преображающій сладострастіе жизни въ мистику, въ религіозность, сливающій цвѣтеніе долинъ и взлетъ духовности въ высь, въ одинъ золотой и чистый потокъ существованья. „Тихіе березовые стволы" надъ озеромъ „блѣдно-зеленой майолики" даютъ автору (или герою разсказа) созерцаніе древнихъ христіанъ, „успокоенно-бѣлѣющаго хора". Свѣтлое существованіе въ „свѣтоносномъ тѣлѣ", радостно пьющемъ изъ всѣхъ ключей жизнь, подъ солнцемъ.

Это прекрасное „пріятіе"—жизни, какъ золотого сна, пріятіе земли и всего, что растетъ и дышитъ на ней. Любовная и нѣжная гармонія человѣка со всѣмъ живущимъ. Какая любовь къ живому и прозрачность взгляда на все: къ человѣку приближается все живущее,—любовныя, полныя жизненной теплоты сравненія берутся изъ него. Возлюбленная носитъ имя „рыжевато-сіяющей Лисички"; она доносится, какъ „милый страусъ", ея тѣло кажется „свѣтло-солнечной рыбой"; она кладетъ на плечо Миши голову, какъ „привѣтливый жеребенокъ". Рано утромъ къ шалашу плетется древній Климъ, „какъ старый, бѣлый, утренній пѣтелъ".

Въ этомъ мироощущеніи—вся земля такая тихая и отъ солнца золотая. Человѣкъ простъ и свѣтоносенъ, и ангелъ слетитъ къ нему по синевѣ и пойдетъ по травѣ, какъ на полотнахъ Бернъ-Джонса, и отъ солнечной ярко-веселой плотскости совершенно ровный переходъ къ вечерней ясно-созерцательной безтѣлесности,

Digitized by Google

отъ пламеннаго солнца „Миѳа“ къ „успокоенно-бѣлѣющему“ созерцанію „Тихихъ зорь“.

Совершенно ясно, что Зайцевъ долженъ былъ написать оба эти разсказа: сквозь нихъ змѣится одна и та же дорожка въ ясную даль.

Прозрачно-ясное созерцаніе жизни и успокоительно-нѣжная примиренность свѣтится въ „Тихихъ зоряхъ“. Смерть прошла, какъ тихая гостья по комнатамъ пустыннаго домика въ старомъ переулкѣ дорогою на кладбище. И послѣ ухода смерти и друга глаза обращаются снова на жизнь къ облакамъ, озеру, дѣтямъ, дѣвушкамъ въ свѣтлыхъ платьяхъ, ребячьимъ головкамъ въ зелени, сумеркамъ, ткущимъ паутину среди бѣлыхъ березъ... Струи жизни льются и льются, и сама смерть—одна изъ этихъ струй. Быть въ дрожи, въ колыханьи, въ трепетѣ этихъ струй, легко и вольно чувствовать ихъ—вотъ стихійная правда жизни. „Кто-то могучій и безымянный... затопилъ все своей безмѣрною силой; онъ выдавливаетъ изъ мозга мысли, онъ заливаетъ все своей отвѣчной прозрачной зеленью; и небо, и воды послушны ему“. И та же ясность правды въ грубой „земляной“ жизни деревни, гдѣ—мощные и, какъ дѣти, наивные люди работаютъ, ѣдятъ, пьютъ, любятъ и умираютъ, гдѣ въ сырыхъ мѣстахъ „осинничкахъ“ дрожатъ фіаловыя головки, гдѣ въ прудѣ дремлютъ карпіи и плотички, а изъ клевера выбѣгаетъ зайченокъ и „высоко подбрасываетъ задомъ на фонѣ блѣдно-прозрачнаго неба“.

Льется теплая, живая, дрожащая струя жизни.

Н. Я. Абрамовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Львовская государственная библиотека

Изъ пережитого.

(Къ характеристикѣ внѣдумской жизни рабочаго депутата).

Когда произносятъ слово „депутатъ“, то у слушателей возникаетъ вполнѣ опредѣленное привычное представленіе. Рисуется парламентская трибуна и на ней „народный представитель“, критикующій или защищающій политику правительства, обсуждающій законопроекты, дѣлающій министрамъ запросы и т. д. Или представляется парламентская комиссія, гдѣ онъ разбираетъ параграфъ за параграфомъ законодательные акты, долженствующіе явиться „правовымъ“ выраженіемъ реальныхъ общественныхъ отношеній данной страны.

Но это привычное и ходячее представленіе далеко неисчерпываетъ всей политической дѣятельности депутата, — особенно же недостаточнымъ и неполнымъ кажется оно мнѣ по отношенію къ россійскому депутату, положеніе котораго существенно отличается отъ положенія его европейскихъ коллегъ. Опытъ двухъ Думъ показалъ, что именно тѣ функціи законодательства и контроля, которыя въ странахъ съ парламентарнымъ режимомъ являются главнымъ содержаніемъ дѣятельности депутатовъ, у насъ пока оказываются величиной совершенно ничтожной, если не мнимой.

Еще болѣе своеобразнымъ и оригинальнымъ является положеніе россійскаго депутата *внѣ* „парламента“, — тѣ отношенія, въ какихъ онъ находится со своими избирателями и вообще съ различными элементами россійской общественности. Вотъ съ этой внѣдумской жизнью депутата мнѣ и хочется немного познакомить читателей. За недолгое пребываніе мое въ составѣ 2-ой Думы у меня накопилось не мало чрезвычайно цѣннаго и интереснаго матеріала, характеризующаго внѣдумскую жизнь члена россійскаго „парламента“. Само собою разумѣется, что я не могу, да и не задаюсь цѣлью исчерпать весь имѣющійся у меня матеріалъ въ рамкахъ статьи русскаго журнала. Я сознательно ограничиваю содержаніе настоящихъ очерковъ лишь бытовой стороной дѣла, тѣмъ болѣе, что эта сторона очень любопытна и весьма мало освѣщена.

Digitized by Google

I.

Чуть не съ перваго же дня послѣ выборовъ меня въ депутаты отъ Петербурга, ко мнѣ стали приходить различныя лица, какъ изъ среды товарищей-рабочихъ, такъ изъ другихъ слоевъ питерскаго населенія по всякаго рода дѣламъ. Кромѣ питерскихъ обывателей пріѣзжали нерѣдко и изъ другихъ мѣстностей, иногда очень издалека. А почта каждый день приносила цѣлые вороха писемъ съ разныхъ концовъ Россіи, причемъ многія изъ нихъ, разумѣется, носили на себѣ слѣды перлюстраціи. Черезъ недѣлю-полторы квартира, гдѣ я жилъ съ двумя своими товарищами по фракціи, превратилась въ „проходной дворъ", какъ, шутя, выражались мои пріятели, и въ ней съ ранняго утра до поздняго вечера находилось множество народу, имѣвшаго то или иное дѣло къ „депутату".

Очень часто и очень регулярно приходили рабочіе съ приглашеніями на митингъ или на какое-нибудь иное собраніе. Рабочій Петербургъ, замѣтно, интересовался тѣмъ, что происходило въ Думѣ и, въ особенности, дѣятельностью своей с.-д. фракціи, и заводъ за заводомъ, фабрика за фабрикой наперерывъ требовали, чтобы члены фракціи являлись на митинги и собранія для докладовъ о Думѣ. Мнѣ, какъ петербургскому депутату, особенно часто приходилось получать такія приглашенія—письменно и устно. Но, къ сожалѣнію, выполнять ихъ можно было далеко не всегда. Во-первыхъ, иногда абсолютно не хватало времени. Просидѣвши день въ Таврическомъ дворцѣ, приходилось вечеромъ, до 12 или до часу ночи быть на засѣданіяхъ фракціи, такъ что только ночью или раннимъ утромъ можно было готовиться къ выступленіямъ въ Думѣ. Кромѣ того, и самыя посѣщенія митинговъ и собраній были крайне затруднены.

Послѣ выборовъ меня въ депутаты, я считалъ безполезнымъ просить разрѣшеній на легальныя собранія и, по мѣрѣ возможности, посѣщалъ митинги въ заводахъ, а то и прямо на улицѣ. Громадныя собранія, по нѣскольку тысячъ человѣкъ, удалось, между прочимъ, провести на Семянниковскомъ заводѣ, на сапожной фабрикѣ (за Московской заставой) и на резиновой мануфактурѣ. Чтобы пройти въ заводъ, приходилось дѣйствовать или хитростью, пользуясь билетомъ какого-нибудь изъ рабочихъ, или прямо „нахрапомъ". Когда, напримѣръ, рабочіе позвали меня на сапожную фабрику, то я явился къ часу окончанія работъ прямо къ воротамъ фабрики. Рабочіе, выходившіе съ работы, увидавъ меня, окружили меня толпой, вошли назадъ въ ворота, заперли ихъ, чтобы полиція и казаки не могли войти и тутъ же на дворѣ былъ устроенъ митингъ.

На Семянниковскомъ заводѣ я былъ съ другимъ депутатомъ, тов. Митровымъ. Намъ удалось проникнуть въ одну изъ мастер-

Digitized by Google

скихъ еще до окончанія работъ. Рабочіе, узнавъ, что пришли соц.-дем. депутаты, сейчасъ же оставили станки и собрались въ одну громадную мастерскую. На импровизированной трибунѣ изъ досокъ дѣлали мы докладъ о всемъ, что происходило въ Думѣ и тысячная толпа слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Во время моей рѣчи изъ толпы подаютъ мнѣ записку, присланную изъ заводской конторы. Читаю: *„Прошу прекратить собраніе, такъ какъ извѣщена полиція. Иначе слагаю съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія“*. Подписана была, насколько помнится, фамилія: *Гиппіусъ*. Оказалось, что это г. директоръ завода „заботится“ о рабочихъ и во избѣжаніе „послѣдствій“ отъ прибытія войскъ и полиціи, предлагаетъ намъ разойтись. Единогласно рѣшили кончить доклады о Думѣ и собраніе продолжалось. По окончаніи его, когда рабочіе съ пѣніемъ „Варшавянки“ и рабочей „Марсельезы“ выходили изъ мастерской насъ встрѣтилъ строй солдатъ въ „боевой готовности“. Но столкновенія, къ счастью, не было и рабочіе благополучно вышли толпой на Шлиссельбургскій трактъ провожать депутатовъ. Паровая конка уже далеко увозила насъ отъ завода, а товарищи все еще стояли на тракту среди мрачныхъ заводскихъ зданій и долго провожали насъ прощальными криками.

На резиновой мануфактурѣ митингомъ была, какъ передавали, очень изумлена администрація мануфактуры и мѣстная полиція. И та и другая знали, что предстоитъ „митингъ съ депутатами“ и приняли мѣры предосторожности, чтобы депутатъ не проникъ къ рабочимъ. И дѣйствительно, когда я проходилъ туда, мнѣ пришлось итти сквозь рядъ сторожей, только слѣдившихъ за всѣми входящими и выходящими изъ воротъ. Надо замѣтить, что входить на фабрики и заводы Петербурга вы можете только черезъ такъ называемыя „проходныя конторы“, гдѣ всѣхъ посѣтителей фильтруютъ, а подозрительныхъ тутъ же задерживаютъ. Но благодаря хитроумной уловкѣ одного изъ товарищей-рабочихъ, шедшаго со мной, вся эта стража и охрана преспокойно пропустила меня внутрь фабрики, и не подозрѣвая, очевидно, что это и есть та зловредная личность, за появленіемъ которой приказано слѣдить строжайшимъ образомъ. И митингъ-таки состоялся во дворѣ мануфактуры. Я какъ сейчасъ помню удивленные и испуганные, вытаращенные глаза фабричной и полицейской администраціи, безпокойно устремленной изъ оконъ конторы на меня и на собравшихся вокругъ меня рабочихъ.

Впрочемъ, митинги въ мастерской и на фабричномъ дворѣ, это еще сравнительно роскошь: приходилось давать отчетъ своимъ избирателямъ иногда прямо на улицѣ.

На десятокъ моихъ заявленій я только разъ получилъ согласіе полиціи на собраніе, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ собранія запрещались, причемъ полиція даже не трудилась соблюдать пра-

Digitized by Google

вила и извѣщать о запрещеніи заблаговременно; иногда случалось, что рабочіе теряли понапрасну вечеръ, собираясь съ дальнихъ концовъ Петербурга къ назначенному для собранія мѣсту и находили запертыя двери и нарядъ полиціи и казаковъ передъ дверями.

Единственный разъ, когда мнѣ было „разрѣшено" собраніе, оно состоялось въ большомъ залѣ народнаго театра за Невской заставой. Присутствовало нѣсколько тысячъ рабочихъ, передъ которыми я и тов. Петровъ, депутатъ отъ Петербургской губ., сдѣлали докладъ о Думѣ. Собраніе продолжалось нѣсколько часовъ и носило очень оживленный характеръ. Съ полиціей инцидентовъ не было. Полицейскій, присутствовавшій на собраніи, не мѣшалъ говорить ораторамъ и только разъ, когда я говорилъ о пролетарской борьбѣ, вдругъ задалъ предсѣдателю вопросъ: „Какую борьбу имѣетъ въ виду ораторъ"? — Полицейскій получилъ отвѣтъ, что „ораторъ имѣетъ въ виду классовую борьбу пролетаріата и удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, смолкъ до конца собранія.

Но послѣ этого собранія снова систематически запрещались (конечно, намъ, соц.-демократамъ, тогда какъ кадеты ихъ постоянно устраивали), и намъ опять пришлось вернуться къ прежнему способу ихъ устройства.

Градоначальникъ, желая прекратить митинги на заводахъ, вывѣсилъ объявленіе, что тѣ предпріятія, на которыхъ будутъ происходить неразрѣшенныя собранія, будутъ закрыты на основаніи положенія объ охранѣ. Но это не остановило рабочихъ, и собранія продолжались, хотя и съ большимъ рискомъ.

Что касается самихъ кадетовъ, то они, разумѣется, и мечтать не могли о томъ, чтобы выступать на настоящихъ *народныхъ* митингахъ, а тѣмъ болѣе на чисто-рабочихъ собраніяхъ: настолько подорванъ былъ ихъ престижъ среди низовъ, въ особенности, среди пролетаріата. Вообще, кромѣ соціалъ-демократическихъ депутатовъ никто изъ членовъ Думы не пытался пріобрѣсти вліяніе на петербургскихъ рабочихъ и болѣе или менѣе прочно связаться съ ними. Курьезно окончилась предпринятая было въ этомъ направленіи попытка истинно-русскаго епископа Евлогія: онъ явился на одну изъ петербургскихъ фабрикъ и хотѣлъ было сказать рабочимъ „слово", но пролетаріи и пролетарки встрѣтили его такимъ дружнымъ отпоромъ, что почтенный отецъ духовный долженъ былъ моментально обратиться вспять, не доведя до конца своей душеспасательной миссіи.

Опытъ митинговой кампаніи, которую мы, правда, могли вести далеко не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ этого хотѣли бы, показалъ въ концѣ концовъ, что какъ бы то ни было, связь лѣвой части Думы съ пролетаріатомъ столицы осуществлялась исключительно черезъ соц.-дем. депутатовъ.

Digitized by Google

II.

Составъ лицъ, обращавшихся ко мнѣ за недолгое время моего депутатства, былъ крайне разнообразенъ и очень интересенъ въ своемъ разнообразіи: очень большое число рабочихъ, главнымъ образомъ, изъ Петербурга и окрестностей, ихъ женъ и родственниковъ, крестьяне,—крестьянскіе ходоки, пріѣзжавшіе иногда изъ отдаленныхъ губерній. И, кромѣ этихъ двухъ категоріи, разношерстная и неопредѣленная масса обывателей, отъ босяка до чиновника. Дѣла и нужды, съ которыми шли всѣ эти люди къ депутату, были столь же разнородны и разнокалиберны, какъ и они сами.

Старый режимъ, который въ литературѣ и политической борьбѣ обрисовывается передъ нами въ своихъ массовыхъ и общихъ проявленіяхъ, не менѣе тяжелъ и жестокъ въ тѣхъ отдѣльныхъ и частныхъ вторженіяхъ, какія совершаются имъ въ индивидуальную, личную жизнь гражданъ. Море обидъ и насилій, разбитыхъ существованій, слезъ, раздраженія и отчаянія накопилось въ россійской современности. И всѣ эти униженные и оскорбленные, придавленные тяжелой рукой стараго режима, ищутъ выхода, хватаются за каждое средство спасенія, за все, что кажется имъ такимъ средствомъ. Въ революціонные дни конца 905 года, въ дни всеобщей стачки и послѣдующихъ выступленій пролетаріата, они обращали свои взоры къ новымъ, дотолѣ невиданнымъ, органамъ народнаго движенія,—къ стачечнымъ комитетамъ, Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ и пр., шли туда съ своими обидами и нуждами, съ сѣтованіями и жалобами на тотъ обветшавшій „порядокъ", который исковеркалъ ихъ существованіе. Въ свое время печатью не разъ сообщались факты, какъ относились широкіе слои населенія къ этимъ новымъ органамъ народной власти, какъ они иногда ждали отъ нихъ разрѣшенія чисто-личныхъ, домашнихъ дѣлъ и вопросовъ.

Нѣчто подобное же повторилось и по отношенію къ лѣвому крылу Гос. Думы. Значительная часть населенія перенесла на Думу,—въ ея революціонной, конечно, части,—всѣ свои общественныя и личныя упованія и надежды, противопоставляя народныхъ представителей приказной бюрократіи и обращаясь къ нимъ въ поискахъ за защитой отъ притѣсненій и насилій со стороны слугъ стараго режима. У значительной части населенія, несомнѣнно, существовало преувеличенное представленіе о роли и могуществѣ Думы и о правахъ депутатовъ. Это преувеличенное представленіе было политически очень вредно, такъ какъ оно содѣйствовало пассивности и инертности самого населенія. Но какъ бы то ни было, оно было несомнѣннымъ фактомъ и выливалось иногда въ очень курьезныхъ формахъ. Обращается, напримѣръ, къ соц.-дем. депутату обижанная судьбой и людьми гражданка и проситъ: „арестуйте такого-то!" (къ просьбѣ приложенъ

Digitized by Google

адресъ обидчика, котораго необходимо арестовать, такъ какъ онъ утащилъ у гражданки 500 руб.). А въ объясненіе этой странной просьбы прибавляется: „я и къ полиціи обращалась и въ судъ—ничего не вышло“.—Одинъ, значитъ, выходъ остался: итти къ соц.-дем. депутату—можетъ быть, онъ поможетъ!

Или, напримѣръ, свѣтская дама обращается къ тому же с.-д. депутату съ просьбой уладить ея семейныя дѣла: „злые люди“ разлучили, видите ли, ее съ супругомъ и кто же, какъ не рабочій депутатъ можетъ защитить ее и возстановить ея семейное счастье?

Съ этимъ наивнымъ взглядомъ на права и обязанности „народнаго представителя“ каждому изъ насъ постоянно приходилось сталкиваться. Къ депутатамъ обращались не только взрослые, но дѣти съ своими жалобами и просьбами. Я получилъ однажды письмо изъ Сѣверо-Западнаго Края отъ маленькаго мальчика. Онъ писалъ мнѣ, что такъ какъ онъ знаетъ, что соціалъ-демократическіе депутаты заботятся объ удовлетвореніи нуждъ всего народа, то онъ и рѣшился обратиться ко мнѣ съ своей просьбой: ему очень хочется прочесть интересную книгу Тарханова „Гипнотизмъ и внушеніе“, но у него нѣтъ денегъ, чтобы купить ее; поэтому, онъ проситъ меня помочь ему въ его бѣдѣ и прислать эту книгу. Въ концѣ письма была приписка, что, когда у него будутъ деньги, онъ непремѣнно вернетъ мнѣ долгъ, такъ какъ „соціалъ-демократы не хотятъ пользоваться чужимъ“. Само собой разумѣется, что я сейчасъ же поспѣшилъ оправдать эту дѣтскую надежду на помощь соц.-дем. депутата. Другой парнишка обратился ко мнѣ съ обстоятельнѣйшимъ посланіемъ такого рода:

„Милостивый Государь, господинъ членъ Госуд. Думы Алексинскій! Первымъ долгомъ обязанъ попросить у васъ извиненія, потому что я пишу вамъ, тогда какъ вы о мнѣ и не слышали.

Я просто реалистъ 2—3 класса. Я къ вамъ обращаюсь, какъ къ свѣдующему человѣку. Я хочу просить васъ дать мнѣ источникъ полезныхъ научныхъ (въ томъ числѣ и политическихъ наукъ) книгъ“.

Дальше слѣдуетъ жалоба на „родителей нашихъ, которые большей частью безучастны къ нашему молодому жаждущему образованія міру“, и благодаря которымъ иногда „зародившаяся у дѣтей любовь къ литературѣ умираетъ послѣ долгихъ страданій“.

„Я прошу у васъ,—продолжаетъ авторъ,—матеріала къ развитію чувства къ литературѣ. Я прошу дать источникъ политическихъ книгъ, которыя могли бы заложить фундаментъ для построенія идеи о „россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ и всѣхъ остальныхъ противоположныхъ ей партіяхъ. Укажите мнѣ такія книги“.

Въ заключеніе реалистъ, видимо, сконфузился и добавилъ post-scriptum: „Извините, можетъ быть, это чепуха“.

Малолѣтніе работники-ученики Юрьевскаго завода (станція

Digitized by Google

Алчевская) написали соц.-дем. депутатамъ письмо, въ которомъ говорили между прочимъ:

„Мы, молодое поколѣніе Россіи, видя темноту нашихъ дѣдовъ не хотимъ быть такими же. У насъ есть желаніе и усердіе учиться, но бюрократическій строй не даетъ возможности намъ, дѣтямъ бѣдныхъ тружениковъ, развивать наши умственныя способности и намъ въ удѣлъ поставлено съ самыхъ малыхъ лѣтъ не учиться, а глотать угольную пыль и газъ. Мы протестуемъ противъ этого и требуемъ, чтобы не одни дѣти капиталистовъ имѣли возможность учиться, но чтобы и мы такъ же, какъ и они, могли развивать свои умственныя способности“.

Иной разъ это довѣрчивое отношеніе гражданъ-дѣтей къ рабочимъ депутатамъ принимало очень оригинальную форму. Одинъ изъ соц.-дем. депутатовъ получилъ на Пасху поздравительную открытку: на голубомъ фонѣ съ незабудками и еще какими-то цвѣтами изображены были двѣ руки, протянутыя другъ къ другу, а подъ этимъ трогательнымъ изображеніемъ крупнымъ ребяческимъ почеркомъ было выведено: „Шлю сердечный привѣтъ. Поклонъ лѣвымъ. Ученица Зина“.

Большинство обращавшихся ко мнѣ лицъ искали, обыкновенно, защиты отъ насилія и произвола всевозможнаго „начальства“. Жалобы на слугъ и агентовъ власти были наиболѣе частымъ мотивомъ письменныхъ и устныхъ заявленій, которыя десятками приходилось прочитывать и выслушивать ежедневно. При этомъ защиты у рабочаго депутата просили такія лица, которыя по ихъ общественному положенію, казалось бы, иногда очень далеки были отъ соціалъ-демократіи. Однажды явился ко мнѣ отставной жандармскій унтеръ съ жалобой на какую-то „особу“, у которой онъ состоялъ на службѣ и которая вышвырнула его на мостовую, не выполнивъ заключеннаго договора. Другой разъ пришелъ городовой петербургской полиціи, чтобы повѣдать исторію эмеритальной кассы, которая была устроена для низшихъ полицейскихъ чиновъ на вычеты изъ ихъ жалованья и отъ которой они, городовые, не видѣли ни копейки. Являлись служащіе петербургской таможни, служителя и курьеры сената и министерства внутрен. дѣлъ, принесшіе цѣлый ворохъ документовъ въ доказательство того, какъ тяжела ихъ служба, какъ низокъ ихъ заработокъ и какъ вообще „заботливо“ относится къ нимъ ихъ начальство.

Начальникъ почтово-телеграфной конторы въ длинномъ письмѣ разсказываетъ мнѣ о томъ, какъ онъ послѣ двухъ съ половиной десятковъ лѣтъ службы живетъ съ семьей на 36 руб. 75 коп. жалованья въ мѣсяцъ: „Наши высшіе заправилы,—пишетъ онъ,— не заботятся о насъ, грѣшныхъ, такъ необходимо бы теперь въ Думѣ о насъ заговорить“.

Эта наивная вѣра въ то, что если „разсказать въ Думѣ“, такъ ужъ обязательно будетъ возстановленно попранное право,

Digitized by Google

присуща не только самымъ „маленькимъ людямъ“. Иногда и болѣе крупные слуги стараго режима обращались за защитой противъ него къ тѣмъ же представителямъ пролетаріата.

Съ жалобами на произволъ и съ просьбами о заступничествѣ обращалось также много родственниковъ политическихъ заключенныхъ. За найденную при обыскѣ „нелегальную“ брошюру, которую, кстати сказать, зачастую можно было купить въ любомъ магазинѣ, за старый, полуизломанный револьверъ („ношеніе оружія!“), за раздачу избирательныхъ бюллетеней, за пѣніе революціонныхъ пѣсенъ попадаетъ человѣкъ въ тюрьму и находится тамъ безъ суда и слѣдствія нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ. Родственники, жены, матери, дѣти, оставшіеся безъ хлѣба послѣ ареста того, кто иногда былъ ихъ единственнымъ кормильцемъ, обиваютъ пороги участковъ, охранныхъ отдѣленій и ниоткуда не получая отвѣта, идутъ къ депутату—быть можетъ, онъ поможетъ! Положеніе депутата въ этомъ случаѣ крайне двойственное. Съ одной стороны сознаешь, что существенной помощи твое вмѣшательство въ большинствѣ случаевъ не принесетъ, а иногда даже пожалуй и ухудшитъ положеніе арестованнаго, съ другой отказаться „похлопотать“ неловко, когда объ этомъ просятъ родственники заключенныхъ. Скрѣпя сердце, приходилось не одинъ разъ отправляться для объясненій къ тѣмъ, „кому сіе вѣдать надлежитъ“.

III.

Выше я сказалъ, что главную массу обращавшихся лично и письменно къ депутатамъ составляли крестьяне и рабочіе. Это вполнѣ понятно, ибо главная тяжесть теперешняго положенія вещей ложится цѣликомъ на эти два нижнихъ этажа удивительнаго зданія, именуемаго россійскимъ государствомъ. Естественно, что послѣ созыва Думы,—въ особенности, когда въ ней оказалось значительное крестьянское и рабочее представительство,—крестьяне и рабочіе хотѣли видѣть въ ней противовѣсъ старому режиму и противопоставлять депутата чиновнику и эксплоататору. Очень важно было вліяніе Думы также въ томъ отношеніи, что крестьянство совершенно безсознательное въ области политики стало разбираться въ политическихъ группировкахъ и противопоставлять „лѣваго“ революціоннаго депутата реакціонеру. Дѣло доходило до того, что крестьяне, разочаровавшись въ „правомъ“ депутатѣ изъ своей губерніи, обращались къ рабочему депутату съ жалобой на „своего“ депутата. Изъ Калужской губерніи мною была получена отъ крестьянъ такая жалоба на обманувшаго ихъ надежды „праваго“ представителя:

„Дорогой депутатъ Алексинскій!—писала группа крестьянъ.—Покорнѣйше просимъ васъ прочесть прилагаемое при семъ письмо депутату отъ Калужской губерніи Игнату Сорокину, но

Digitized by Google

въ руки ему не отдавать, и потомъ предать гласности черезъ печать, въ печати же имена наши не подписывать. Это мы просимъ потому, что если узнаетъ Сорокинъ наши имена, то онъ насъ затиранитъ. Онъ намъ надѣлалъ ужасъ сколько горя. Мы просили у него хлѣба, земли и воли, а онъ насъ обвинилъ въ отступничествѣ и въ томъ, что мы желаемъ убійцевъ и грабителей выпустить. Сейчасъ насъ хотятъ всѣхъ суду предать. Земскій начальникъ Запольскій и полиція заѣли. Учителя заподозрили въ составленіи приговора и уволили отъ должности, а теперь высылаютъ въ дальніе края. Заступитеся за насъ, скажите объ этомъ Государственной Думѣ".

Далѣе слѣдовало *„Открытое письмо члену Госуд. Думы отъ Калужской губерніи Игнату Сорокину"*. Въ письмѣ говорилось:

„Въ мартѣ мѣсяцѣ крестьяне села Устовъ Козельскаго уѣзда обратились къ тебѣ, какъ къ земляку, похлопотать о продовольственномъ хлѣбѣ, ты же придрался къ слову „воля" и обвинилъ насъ, Богъ знаетъ, въ чемъ,—будто мы и царя не признаемъ и грабителей желаемъ выпустить. Что это съ тобой,—или ты съ ума спятилъ? Мы только отъ тебя перваго слышимъ такое объясненіе воли. Ужъ больно ты сталъ ученъ, да только ученье то отдаетъ тухлинкой. Намъ нужно законной воли,—вотъ чтобы земскій начальникъ Запольскій не стѣснялъ бы нашу волю въ выборѣ волостныхъ старшинъ, судей и другихъ лицъ. А то вотъ ходилъ 12 лѣтъ противъ нашей воли старшина Поляковъ, другъ земскаго начальника,—ужъ сколько онъ натворилъ дѣловъ, только одинъ Богъ знаетъ. Этотъ старшина и волостныя и страховыя деньги всѣ порастратилъ, а теперь съ насъ взыскиваютъ, а мы откуда денегъ возьмемъ?—мы сами нищіе. А вотъ былъ у насъ въ волостномъ судѣ судья Кирюшка, другъ по охотѣ земскаго начальника. Если ты не принесешь ему бутылку водки, то все дѣло пропало. Я,—говоритъ Кирюшка,—сужу по 45-ой статьѣ (цѣна бутылки водки). Да и другіе судьи точно такъ же судили. Земскій начальникъ все это зналъ,—сколько разъ жаловались. Вотъ и сейчасъ старшина ходитъ противъ нашей воли. Онъ ничего въ дѣлахъ крестьянскихъ не понимаетъ, просто, какъ пень; зачѣмъ къ нему ни обратишься, ничего не добьешься,—совсѣмъ малоумный и только тѣмъ и занимается, что слѣдитъ за дичью: куда она перелетаетъ и гдѣ она будетъ находиться, когда земскій начальникъ будетъ охотиться,—чтобы прямо навести его на дичь. Вотъ, какой это старшина, и мы же не можемъ проявить свою законную волю.

Игнатъ Васильевъ! Скажи, за что ты намъ, мирнымъ крестьянамъ, надѣлалъ столько дѣловъ, что до сихъ поръ мы ихъ не распутаемъ? Что мы тебѣ плохого сдѣлали? Къ намъ вотъ съ самой страстной недѣли до сихъ поръ каждый день ѣздитъ полиція и дѣлаетъ вопросы. Ты хвалишься о своей принадлежности

Digitized by Google

къ правой партіи. *Теперь мы знаемъ, что это за партія.* (Курсивъ мой. *Г. А.*) Она, должно быть, только волнуетъ народъ и сочиняетъ кляузы на мирныхъ жителей. Вотъ, у насъ до твоего письма все было спокойно; хоть и трудно было жить, все терпѣли, трудились и добывали хлѣбъ въ потѣ лица, и благодать божія почивала на насъ, и вообще у насъ царствовала тишь, гладь, да Божья благодать. Ты же ложно обвинилъ насъ, поселилъ смуту и волненія въ нашемъ селѣ. Неужели ты за тѣмъ и пришелъ въ Думу, чтобы писать доносы на крестьянъ? Всѣ крестьяне въ нашемъ Козельскомъ уѣздѣ тобою страшно недовольны, потому что ты занялся сыскомъ. Да будетъ тебѣ стыдно".

Письмо это было отправлено мнѣ 20 мая, и я получилъ его уже послѣ разгона Думы, такъ что, къ сожалѣнію, не могъ тогда же исполнить просьбу крестьянъ объ опубликованіи ихъ письма [1]). Очень радъ, что могу сдѣлать это хоть теперь заднимъ числомъ.

Сильное впечатлѣніе производили на меня крестьянскіе ходоки. Обыкновенно, это бывалъ уже пожилой мужикъ (молодымъ въ деревнѣ такого отвѣтственнаго дѣла не довѣряютъ), съ жилистыми руками, долгіе годы копавшимися въ пашнѣ, съ измученнымъ лицомъ, похожимъ на глыбу земли. Съ неимовѣрнымъ трудомъ, таясь отъ зоркихъ глазъ начальства, выбрался онъ изъ деревни и на собранные міромъ гроши добрался до Питера, чтобы узнать, что въ Думѣ, и поговорить съ депутатомъ о дѣлѣ. Дѣла эти были однообразны: многолѣтняя тяжба съ сосѣднимъ помѣщикомъ, отобравшимъ у мужиковъ землю, несмотря на то, что у мужиковъ есть на эту землю всѣ „права", подтверждаемыя „плантомъ" или старой „грамотой"; жалоба на желѣзную дорогу, „отчудившую" крестьянскую землю чуть не задаромъ; споръ съ ближнимъ монастыремъ о какихъ-то покосахъ или заливныхъ лугахъ, безъ которыхъ крестьянамъ „жить никакъ невозможно" и которыя необходимы монахамъ для спасенія души. Словомъ, всегда почти это — дѣло о землѣ. Земля — вотъ главная, а порою и единственная тема всѣхъ разговоровъ этихъ людей деревни. Въ памяти моей, какъ живая, стоитъ фигура одного ходока, пріѣхавшаго изъ Владимирской губ. къ моему пріятелю деп. Жиделеву и ко мнѣ. Старый — престарый старикъ, худой, больной, плохо двигавшійся, онъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца приходилъ къ намъ каждое утро, разсказывалъ одно и то же объ одномъ и томъ же дѣлѣ, ради котораго его послали къ намъ земляки, и когда мы отправлялись на засѣданіе Думы, провожалъ насъ неизмѣнной просьбой: ужъ ты, батюшка, похлопочи тамъ о насъ то! А послѣ засѣданія или на другой день онъ всегда спрашивалъ съ напряженнымъ ожиданіемъ,

---

[1]) „Пожалуйста, пропечатайте Сорокина,—добавляли они въ припискѣ къ письму, — и не забудьте прислать намъ номеръ газеты, гдѣ вы его отпечатаете: очень будемъ рады; ждемъ.

Digitized by Google

не разобрала ли Дума ихъ дѣло. И сколько мы съ Жиделевымъ ни объясняли ему, что, если Дума вынесетъ рѣшеніе о землѣ, такъ общее, для всѣхъ крестьянъ сразу и что, если это будетъ, то не такъ скоро, онъ снова и снова просилъ „похлопотать", говорилъ о своемъ дѣлѣ и все ждалъ и ждалъ...

Ходоки очень рады бывали, когда намъ удавалось доставать для нихъ билеты на засѣданіе Думы. Оживленный и заинтересованный, обыкновенно, возвращался мужикъ изъ Думы, особенно довольный тѣмъ, что видѣлъ среди депутатовъ своихъ людей, такъ же почти одѣтыхъ, какъ онъ самъ, и такъ же, какъ онъ, не любящихъ „господъ".

Кромѣ вопроса о землѣ въ рѣчахъ ходоковъ и въ крестьянскихъ письмахъ часто фигурировалъ другой острый вопросъ— о хлѣбѣ. Обострившаяся голодовка во многихъ губерніяхъ и скверно поставленная продовольственная помощь заставляли крестьянъ постоянно обращаться къ депутатамъ съ многочисленными просьбами и жалобами по поводу этого: тамъ не даютъ ссуды, несмотря на полный неурожай и голодъ, здѣсь задержали на станціи продовольственный хлѣбъ, тутъ прислали хлѣбъ или зерно, никуда не годные и т. д. до безконечности.

Часто, впрочемъ, крестьянскія письма, приходившія ко мнѣ, не содержали въ себѣ никакихъ конкретныхъ требованій или просьбъ; въ нихъ просто описывалось существованіе деревни, разсказывалась несложная, но тяжелая исторія крестьянской жизни отъ начала до конца. А въ заключеніе неизмѣнный, какъ стонъ, припѣвъ: разскажите о насъ Государственной Думѣ! Изъ одной деревни мнѣ прислали цѣлую рукопись, озаглавленную „Наша жизнь", и въ ней, дѣйствительно, описывалась вся жизнь этой деревушки, — нескладнымъ и труднымъ для чтенія языкомъ, но съ удручающей силой.

„...Земля, на которой мы расположены въ количествѣ тридцати пяти дворовъ на сорока пяти надѣлахъ съ большими семьями, плоха и недостаточна; такъ что если семьи наши раздѣлить, то на каждаго домохозяина придется не болѣе $^1/_3$ надѣла, на которомъ существовать невозможно".

„...Надѣльная земля наша имѣетъ курганистый видъ, на срединѣ котораго расположена наша деревня, и мы не имѣемъ рѣчной воды, а пользуемся выкопанной своими средствами сажелкой, которая въ лѣтній сезонъ полна разныхъ гадъ и нечистотъ и дѣлается вредной не только пьющимъ животнымъ, но вліяетъ отъ испаренія и на дыханія человѣка".

Рядомъ есть и двѣ рѣчки, и луга, по берегамъ ихъ, и лѣсъ, но все это во владѣніи помѣщика: „это здоровые края печенки, а намъ дано больное мѣсто, котораго ѣсть не возможно, а хотя и возможно, такъ потребуется много приправы".

Ради этой „приправы" (воды, лѣса и покоса) приходится ит-

Digitized by Google

ти въ кабалу къ помѣщику, платя ему арендную плату и работая на него, сколько онъ потребуетъ.

„... Мы просили нашихъ господъ нѣсколько разъ продать намъ эту отрѣзку въ собственность, но ни въ коемъ случаѣ не уступалась, потому что такъ доходу она даетъ громадно больше: кромѣ общаго платежа за аренду, присчитывается порабощеніе человѣческихъ рукъ съ лошадьми,—требуется поработать за ловлю рыбы въ сихъ рѣкахъ, за сборъ ягодъ и грибовъ".

„... Изъ этого видно, что помѣщикъ награжденъ всѣмъ. У него все растетъ и родится, какъ-то: рыба, ягоды, грибы; много имѣетъ въ лѣсахъ своихъ дичи и звѣрей, вообще, волковъ, которыхъ бить строго воспрещается: онъ овцами нашими питается, а помѣщикъ, какъ на своего животнаго, на него смотритъ, да улыбается."

„... Такъ мы, несчастные, куда ни кинь, въ какую сторону, а все-таки отъ рукъ помѣщика не избавишься; и всего за свои послѣднія копейки приходится у помѣщика купить,—не только грибовъ, ягодъ, но даже воды. И чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе крестьянинъ ослабѣваетъ и дыханіе тяжелѣетъ, но, вѣрно, приходится у помѣщика купить и воздуху для дыханія".

Дальше тянутся обычныя сѣтованія на чудовищную черезполосицу. Крестьянская земля вся „изуродована" — разорвана на жалкіе клочки, по которымъ иногда „скотину не прогонишь", и кругомъ обложена тучными барскими полями.

Съ другой стороны крупный капиталъ уже начинаетъ накладывать свою тяжелую руку, подчинять своему прихотливому вліянію деревню, живущую еще въ полу-феодальныхъ условіяхъ, втягиваетъ ее въ безпокойную сферу отношеній рынка, обмѣна и спекуляціи.

„... Мы хотѣли бы просить, нельзя ли походатайствовать, чтобы цѣна хлѣба была одна. А то у насъ происходитъ такъ: сегодня одинъ рубль тридцать копеекъ, а завтра одинъ рубль тридцать пять коп.; хлѣбъ одинъ и тотъ же, а за одну ночь онъ почему-то подорожалъ, — вотъ это удивительно".

Очень часто политика почти отсутствуетъ въ крестьянскихъ письмахъ и обращеніяхъ, которыхъ я получилъ довольно значительное количество. Вопросъ о землѣ и хлѣбѣ заслоняетъ собой всѣ другіе вопросы.

Въ этомъ отношеніи рабочіе, конечно, рѣзко отличаются отъ крестьянъ.

Для рабочихъ вопросъ о хлѣбѣ тоже стоитъ очень остро. Во время 2-ой Думы (какъ и теперь) въ Петербургѣ и другихъ городахъ насчитывалось громадное количество безработныхъ. Отъ предсѣдателя петербургскаго совѣта безработныхъ мною была получена (для доклада думской комиссіи о помощи безработнымъ) очень обстоятельная записка о размѣрахъ безработицы въ Петербургѣ и о положеніи безработныхъ.

Digitized by Google

„Самая ужасная черта нынѣшней безработицы, — говорилось въ этой запискѣ, — ея необыкновенная интенсивность, упорность, продолжительность“. Общее число безработныхъ въ Петербургѣ (записка написана въ началѣ апрѣля 907 г.) колеблется между 15 и 20 тыс. человѣкъ. Причина обостренія безработицы—не только промышленный кризисъ, но и политическія условія. „Политиковъ среди петербургскихъ безработныхъ не менѣе 60%“, причемъ они „мучаются безработицей уже годъ, полтора года и больше“.

„Въ Нарвскомъ районѣ (гдѣ Путиловскій заводъ) можно встрѣтить десятки семействъ, кормильцы которыхъ приносили домой послѣднюю получку передъ 9 января 1905 г. и съ тѣхъ поръ не имѣли заработка. Больше всего между безработными разсчитанныхъ послѣ ноябрьской забастовки. Можно представить себѣ положеніе людей, пробывшихъ въ когтяхъ безработицы 10 — 15 — 25 мѣсяцевъ!.. Все, что можно продать — продано, что можно заложить — заложено. Въ квартирѣ остаются голыя доски. Часто одна пара сапогъ, одно верхнее платье на цѣлое семейство... Квартиры, комнаты, углы безработныхъ не оплачены за многіе мѣсяцы... Мировые судьи завалены просьбами о выселеніи. Ежедневно сотни семействъ *буквально* выбрасываются съ уцѣлѣвшимъ еще скарбомъ на улицу. Безработныхъ мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей подымаютъ на улицахъ умершими отъ истощенія... Безработные мужчины и женщины, старики и подростки бросаются въ воду, принимаютъ ядъ, накидываютъ петлю себѣ на шею для того, чтобъ избѣжать мучительной смерти отъ голода, спастись отъ которой другими путями они не могутъ“.

За время депутатства мнѣ пришлось имѣть очень много дѣла съ петербургскими безработными. Въ большинствѣ случаевъ это были озлобленные, доведенные до отчаянія люди. Съ ранняго утра и до поздняго вечера посѣщали они по одиночкѣ и цѣлыми группами квартиру, гдѣ я жилъ, и немногословно разсказывали о своей нуждѣ. Просили они чаще всего, найти имъ работу, за деньгами обращались лишь въ исключительныхъ случахъ, когда въ рукахъ уже была повѣстка о вызовѣ къ мировому по дѣлу о выселеніи изъ квартиры. Пришелъ одинъ разъ рабочій съ просьбой дать денегъ на покупку гроба для своего ребенка — похоронить было не на что. Иногда съ дальнихъ окраинъ столицы пѣшкомъ добирался безработный, пришедшій къ „товарищу-депутату“, чтобы занять нѣсколько грошей на покупку хлѣба. Приходили жены арестованныхъ и высланныхъ рабочихъ съ маленькими дѣтьми. Цѣлыя вереницы голодныхъ людей, желающихъ работать и ненаходящихъ *никакого* заработка въ громадной богатой столицѣ, проходили за день.

Помощи организованной почти не было. Городская Дума бросала кое-какія подачки разъ въ полгода, совѣтъ безработныхъ помогалъ, но помощи его въ виду недостатка средствъ и работы

Digitized by Google

хватало лишь очень немногимъ. Безработные цѣлыми толпами собирались у дверей бюро совѣта безработныхъ и не находя помощи, озлоблялись. Въ раздраженіи нѣкоторые доходили до несправедливыхъ заподазриваній и обвиненій по адресу совѣта, и часто шли жаловаться на него депутату. Съ большимъ иногда трудомъ удавалось мнѣ объяснить имъ, что совѣтъ безработныхъ тутъ не причемъ и что, если кто-нибудь что-либо дѣлаетъ для помощи безработнымъ, то это именно совѣтъ, который является ихъ собственной организаціей.

Для характеристики того, какъ относились нѣкоторые изъ безработныхъ къ своему положенію и чего они ждали иногда отъ депутатовъ, приведу выдержку изъ одного письма, присланнаго мнѣ для передачи въ с.-д. фракцію:

„Когда мы выбирали васъ, вы клялись, что въ первую очередь поставите рабочій вопросъ, что вы ни на одну минуту не забудете, что безработные умираютъ отъ голода, что дѣти ихъ превратились въ уличныхъ хулигановъ, что жены и дочери изъ продаютъ свою честь, чтобы не умереть съ голода... И вотъ, скоро два мѣсяца, какъ вы засѣдаете въ Таврическомъ дворцѣ, а для безработныхъ рѣшительно ничего не сдѣлали... Мы знаемъ: одно засѣданіе члены Государственной Думы посвятили вопросу о безработныхъ и, поговоривъ, сдали въ комиссію. Но развѣ вы забыли, что мы не можемъ сдать наши желудки въ комиссію и что единственное мѣсто, куда мы ихъ сдаемъ, — могила... Неужели вы думаете, что можно изжить нашу бѣду, голодъ и холодъ, если вы заставите правительство ассигновать деньги для раздачи безработнымъ? Это ни къ чему не поведетъ, да мы и не хотимъ, мы не нищіе, чтобы получать подачки... Нѣтъ, насъ спасти можетъ только одна работа и мы просимъ, требуемъ, — да, требуемъ! — дайте намъ эту работу!“

Что могъ отвѣтить депутатъ на такое письмо? Снова и снова указать лишь на безсиліе демократической части Думы, трагически противорѣчившее тѣмъ преувеличеннымъ надеждамъ на депутатовъ, которыя возлагались людьми, подобными автору этого письма...

Но наиболѣе сознательная часть пролетаріата, конечно, понимала дѣйствительное положеніе вещей и не требовала ни отъ Думы, ни отъ депутатовъ того, что они не могли дать. Поддерживать это здоровое скептическое отношеніе къ Думѣ я считалъ своей главной обязанностью...

IV.

Передо мной толстая тетрадь, состоящая изъ трехъ частей. Первая часть — нижеслѣдующее письмо, написанное безжизненнымъ, ровнымъ, однообразнымъ почеркомъ:

Digitized by Google

„Милостивый Государь, Господинъ Алексинскій! Посылаю вамъ рукопись свою по *„аграрному вопросу“*, отправленную уже 28 апрѣля за № 51 въ Государственную Думу, прошу васъ обратить на этотъ матеріалъ *особое вниманіе* (курсивъ подлинника).

Не имѣя положительно никакой возможности огласить ее печатнымъ путемъ за отказомъ печатанія со стороны многихъ газетъ, не исключая и столичныхъ,—во имя всенароднаго интереса, прошу васъ, доведите до всеобщаго свѣдѣнія Думы рукопись мою даже при самыхъ невыгодныхъ обо мнѣ мнѣніяхъ и сужденіяхъ, которыя я игнорирую на время правильнаго разрѣшенія мною „аграрной задачи“.

За правильность основной идеи моей, разрѣшающей эту міровую земельную болячку, я отвѣчаю головой.

Въ данный моментъ мнѣ нужна реальная поддержка Государственной Думы, какъ могучаго проводника мысли моей среди народа и къ этому проводнику я обращаюсь.

Не имѣя „неприкосновенности личности“, я не могу даже огласить идею свою печатно на счетъ собственнаго изданія, вотъ почему и прибѣгаю къ Думѣ, подъ ея высокое покровительство, хотя бы въ качествѣ „свѣдующаго лица“.

Еще разъ прошу васъ, прочтите рукопись мою повнимательнѣй, она по духу своему такова, что говорить о ней возможно лишь съ трибуны Таврическаго Дворца, иначе участь Коперника будетъ участью неизбѣжной и дѣло не двинется ни на шагъ впередъ.

Уважающій васъ В. И—въ, 1907, 5 мая“.

За этимъ письмомъ слѣдуетъ рукопись, переписанная на Ремингтонѣ, въ 15 страницъ большого формата, съ заглавіемъ „По аграрному вопросу,—въ Государственную Думу“.

Въ рукописи излагаются взгляды г. И—ва на аграрный вопросъ. Дѣло начинается съ „философскаго“ обоснованія [1]).

„Вообще и въ частности „земельный вопросъ“, по существу, такъ же старъ и дряхлъ, какъ ветхъ и хилъ міръ Божій...

Они суть дѣти одной матери — „вселенной“, попрежнему — таинственной и неразгаданной и одного отца *„закона міровой эволюціи“*, всегда суроваго и молчаливаго, какъ бездна...

Такимъ образомъ, *„космическое единство“* поднебесныхъ фактовъ—*„несомнѣнно“*.

Какъ нельзя отнять отъ міра его отдѣльныхъ жизненныхъ элементовъ, питающихъ цѣлое, безъ нарушенія жизненной гармоніи, — *„необъятнаго“*, такъ нельзя отказать и людямъ, какъ части „мірозданія“, — въ землѣ, въ этомъ *„непреложномъ свѣточѣ ихъ бытія“*.

---

[1]) Сохраняю орѳографію подлинника. *А. Г.*

Digitized by Google

Человѣкъ и все живущее на землѣ родится на ней и отъ нея и, умирая, превращается въ ту же землю, прахъ ея...

Земля и жизнь—*„синонимы“*: онѣ однозначущи.

Она—начало этой жизни и ея конецъ.

Оторвать человѣка отъ земли—равносильно тому, что отдѣлить голову его отъ туловища...

Матерія земли—матерія людей, животныхъ и растеній. Приподнимите человѣка отъ земли, хотя бы на аршинъ, и онъ заоретъ—„разбой“...

Земная жизнь—это *„законъ абсолютныхъ истинъ“*... основа—незыблемая, устои нерушимые.

Это—„лозунгъ вселенной“...

Вотъ почему *„вопросъ земельный“*, какъ нераздѣльно связанный съ жизнію; прежде всего—вопросъ не *„русской жизни“*,—мужиковъ, баръ и разночинцевъ... а вопросъ—*„общенародной жизни“*, міровой...

...Такъ смотритъ природа на дѣло своего творчества и такъ познали эти „міровые дары“ древніе, мудрые народы, свободно и вольно кочующіе со своими стадами на землѣ и ею питающіеся...

Но не такъ глядитъ на дѣло *„природнаго землеустройства“* злая, бездарная и безнравственная кучка „интеллигентныхъ гунновъ“ изъ новаго поколѣнія ветхозавѣтныхъ предковъ, алчно впившаяся въ земляное тѣло и, по волѣ низкихъ побужденій, вмѣшавшаяся въ *„естественные законы отправленія земли“* (sic).

...Пользуясь невѣжествомъ людей, ихъ косностью и тьмою, земельные „торгаши“ всѣхъ государствъ по праву сильнаго захватили въ руки свои *„весь шаръ земли“*, объявивъ его *„священною собственностью“*, наравнѣ съ личнымъ капиталомъ и прочимъ „благопріобрѣтеннымъ“ добромъ и скарбомъ, не желая даже знать, что земля—*„не рукъ творенье“*, а... „жизненный элексиръ“, тотъ же воздухъ, вода, свѣтъ и теплота...

Владычествомъ надъ самими собою и царствомъ надъ землею они накинули на шею *„милліарднаго“* трудового класса сельскихъ работниковъ хлесткій арканъ: *„священныхъ правъ на землю“* и захлестнули его туго мертвою петлею.

Источникъ земельной жизни, какъ таковой,—*„угасъ“*...

Такова аграрная философія землемѣра И—ва. Переходя къ аграрной политикѣ, онъ указываетъ, что всѣ эти плачевныя явленія, общія „всему міру“, особенно сильно даютъ себя знать въ Россіи, гдѣ происходитъ, по его выраженію, „распаденіе страны на аграрной почвѣ“.

Авторъ находитъ нужнымъ, открывая свой секретъ рѣшенія аграрнаго вопроса, получить предварительно гарантіи неприкосновенности своей личности и матеріальнаго вознагражденія. Первая нужна ему потому, что онъ уже умудренъ опытомъ исторіи:

„Исторія имѣетъ безпредѣльный позорный фактъ съ Копер-

Digitized by Google

никомъ, который, открывъ *„законъ вращенія земли“*, тѣмъ не менѣе былъ сожженъ на кострѣ, какъ отчаянный соціалистъ, утопистъ и еретикъ...

Великій человѣкъ погибъ и только потому, что не догадался испросить у своихъ палачей предварительной индульгенціи, въ видѣ *„современной неприкосновенности“* [1]).

Поэтому г. И—въ и не желаетъ повторять ошибки Коперника, предупреждая, впрочемъ, что неприкосновенность ему „нужна не для повседневнаго обихода (о такой роскоши онъ, очевидно, и мечтать не рѣшается! *Г. А.*), а на время сношеній его съ Госуд. Думой“.

Что же касается вознагражденія за рѣшеніе „аграрной задачи“, то оно должно быть проведено черезъ Думу законодательнымъ путемъ.

„Такъ какъ земельнымъ вопросомъ заинтересованъ всякъ и каждый, то я хочу, чтобы *„каждый“* принялъ участіе въ такомъ вознагражденіи.

Большой платы я не требую, она будетъ равняться *„одной копейкѣ“* съ души мужескаго и женскаго пола, не исключая и дѣтей какъ будущихъ гражданъ.

На случай, если людямъ вознагражденіе это покажется обременительнымъ, я согласенъ получить — *„полкопейки“* и даже— *„одну четверть“*.

Ручаясь и „давая подписку“, что „ни Дума, ни правительство, ни самый народъ не разрѣшатъ этой земельной задачи никогда“, г. И—въ и предлагаетъ свои услуги. Вся суть дѣла, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы поставить этотъ вопросъ „не въ личныхъ выгодахъ и узко-эгоистическихъ интересахъ Россіянъ, а съ точки зрѣнія общенародной пользы всего человѣчества“.

Для обсужденія же этого вопроса въ такомъ широкомъ, всечеловѣческомъ масштабѣ — „безспорное мѣсто... Гаагская конференція“ (sic).

„Тутъ въ центрѣ этомъ, гдѣ звонко журчитъ ручей творческой мысли, не стѣсненной смрадомъ застѣнковъ,—онъ можетъ разрѣшиться мгновенно“.

Таково содержаніе письма г. И—ва. Я цитировалъ его такъ обстоятельно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мнѣ хотѣлось возможно нагляднѣе представить читателямъ трагикомическое положеніе депутата, получающаго такія посланія (не въ единичномъ притомъ количествѣ) и становящагося объектомъ подобныхъ „міровыхъ“ изліяній. А, во-вторыхъ, все это произведеніе, несом-

---

[1]) Подъ „современной неприкосновенностью“ авторъ подразумѣваетъ ту, какой обладаютъ по закону члены Г. Думы. По этому поводу я могу завѣрить досточтимаго автора, что, сиди Коперникъ на скамьяхъ нашей фракціи Г. Думы, онъ обязательно попалъ бы, хоть и не на костеръ, а на каторгу въ силу „современной неприкосновенности“.

Digitized by Google

нѣнно, больной мысли показываетъ, что вопросы, поставленные передъ нашей страной ходомъ исторіи настолько огромны и жгучи, что они неудержимо приковываютъ къ себѣ не только здоровую, но и больную психику.

Разставаясь съ г. И—мъ и его удивительнымъ проектомъ, остается добавить лишь, что къ его рукописи прибавленъ еще печатный текстъ письма его къ гр. Витте. Изъ этого письма вы узнаете, что авторъ „ни соціалистъ, ни революціонеръ, ни террористъ, ни соціалъ-демократъ", что онъ „въ личной жизни самый несчастный человѣкъ", что „несчастіе его началось со дня болѣзни любимой жены, какъ рѣдкаго человѣка и достигло предѣла со смертію этой женщины отъ неудачной операціи разрѣза нарыва на пальчикѣ руки". А изъ заглавія письма вы увидите, что предлагаемое авторомъ правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса „не требуетъ ни купли и ни продажи земли, ни ея отчужденія, ни дарственныхъ записей, ни выкупныхъ платежей, ни маіоратовъ, ни посессій, ни банковъ, ни принудительной экспропріаціи, ни ссоръ, ни захватовъ, ни меліоративныхъ кредитовъ, ни террора, ни насилій, ни революціи, ни забастовокъ, ни вооруженнаго возстанія, ни тяжелыхъ формъ подавленія, ни военнаго положенія и чрезвычайныхъ мѣръ охраны, ни даже—денегъ и размежеванія".

Словомъ, чудодѣйственный проектъ и нѣтъ сомнѣнія, что гаагская конференція ухватилась бы за него обѣими руками!

Авторы нѣкоторыхъ другихъ проектовъ, подобно г. И—ву, задаются цѣлью излечить всѣ „міровыя болячки". Г-жа М. С—ва видитъ причину всѣхъ бѣдствій человѣчества въ „металлической валютѣ". (Свои проекты,—ихъ получилъ я цѣлыхъ четыре—г-жа М. С—ва пишетъ красными, какъ кровь, чернилами). Зло въ томъ, что деньги нынѣ „обезпечены металлами", а такъ какъ металловъ ограниченное количество, то и денегъ „не хватаетъ на потребности рабочихъ силъ". Чтобы исправить дѣло, нужно металлическую валюту замѣнить „рабочей валютой", т. е. ввести „обезпеченіе денегъ работой".

Г-жа М. С—ва видитъ только одно препятствіе осуществленію своей идеи: это—національная разобщенность людей и политическая обособленность народовъ. Поэтому она пишетъ другой проектъ, обращая его къ „господамъ соціалистамъ" и предлагая имъ прежде всего добиться уничтоженія національной розни, „устроивъ завоеваніе какой-либо страной всѣхъ остальныхъ".

Кромѣ такихъ и подобныхъ имъ проектовъ въ коллекціи моей имѣется много другихъ, разсматривающихъ различные вопросы въ болѣе узкой, не столь „всеобъемлющей" постановкѣ. Одинъ авторъ хочетъ придумать мѣры къ упорядоченію финансоваго дѣла, другой реформируетъ школу, третій пишетъ проектъ отдѣленія церкви отъ государства, четвертый высказываетъ свои

Digitized by Google

соображенія насчетъ уменьшенія пенсій и прогоновъ для генераловъ и т. д. Но въ большинствѣ этихъ проектовъ,—здравомыслящихъ или сумасбродныхъ, все-таки видна бываетъ живая человѣческая мысль: больная или здоровая, мелкая или большая, она страдаетъ и ищетъ выхода. Видно, что событія, переживаемыя страной, великія бѣдствія народа, тяжело отозвались въ душахъ этихъ людей, вырвали ихъ изъ недавняго, безмятежнаго обывательскаго житія, заставивъ ихъ задуматься надъ многомъ.

Но среди проектовъ, присылавшихся депутатамъ, вы встрѣтите не мало произведеній совсѣмъ другого сорта, написанныхъ щедринскими „охочими людьми“ и носящихъ на себѣ печать той лакейской угодливости и „готовности“, которую такъ долго прививалъ россійскимъ обывателямъ старый режимъ

Получаешь, напримѣръ, печатный листокъ подъ заголовкомъ: „Откуда взять денегъ для чрезвычайныхъ нуждъ Государственнаго Казначейства“? (слово „Казначейство“ для почтительности напечатано съ прописной буквы). Авторъ пишетъ: „благоволите прочесть и обратить Ваше вниманіе“.

„Благоволю“ и читаю: „Наше дорогое отечество“... „внутренніе безпорядки“... „злые геніи и враги Россіи“... „время ужъ намъ (?) оградить свое Правительство (П—большое) древнею русскою славой“ и т. д. Суть же проекта въ томъ, что предлагается выпустить внутренній съ выигрышами заемъ, „на 7 милліардовъ рублей и болѣе, смотря по надобности, и на срокъ, какой найдетъ нужнымъ правительство“. Билеты не дороже 25 рублей, что дастъ возможность „людямъ, имѣющимъ у себя излишекъ въ 25 руб.“, купить выигрышный билетъ. На такой заемъ, по словамъ автора, можно будетъ „устроить безплатныя, общедоступныя учебныя заведенія для воспитанія вѣрныхъ и честныхъ слугъ нашему самодержавному царю и отечеству, воскресить нашъ флотъ“ и пр. Авторъ проекта, оказывается, уже обращался съ нимъ въ редакцію казеннаго „Сельскаго Вѣстника“, но даже тамошніе гурлянды признали его „положительно неосуществимымъ“, хотя и очень патріотическимъ. Даже гурлянды при всемъ ихъ смѣломъ полетѣ мысли отступили передъ этимъ патріотическимъ планомъ. Но авторъ несогласенъ съ гурляндами изъ „Сельскаго Вѣстника“:

„Они говорятъ,—полемизируетъ онъ съ гурляндами,—что русскій народъ настолько бѣдный, что изъ 140 милліоннаго населенія не найдется и половины жителей, которые могли бы купить даже по одному билету. Какая грубая ошибка: у насъ свободно (!) могутъ купить 20 милліоновъ человѣкъ по 10 билетовъ, а 40 милліоновъ по 2 билета и заемъ покрытъ; если мы проведемъ такой внутренній заемъ, тогда весь міръ скажетъ,—крѣпка и сильна Русь своимъ народомъ“.

Другой прожектеръ придумываетъ рабочіе дома съ принудительнымъ трудомъ для безработныхъ и т. п. Наибольшей рѣши-

Digitized by Google

тельностью, въ полицейскомъ смыслѣ, отличаются тѣ проекты, которые относятся къ „внутреннимъ“ дѣламъ. Авторъ одного изъ этихъ произведеній, находя, что виною всѣмъ неурядицамъ „жиды“ и „чухны“ (финны) говоритъ: „Чухны всегда были свободны. Такъ издайте же чухнамъ крѣпостное право“. (Для „жидовъ“ даже она не проситъ новаго крѣпостного права, полагая, вѣроятно, что и того, которое имѣется у нихъ теперь, вполнѣ достаточно).

„Чухны“ до сихъ поръ не закрѣпощены,—такъ пусть Госуд. Дума скуетъ и для нихъ цѣпи, которыхъ не сумѣлъ сковать департаментъ полиціи, — такова логика черносотенной мысли. Истинно-русскій духъ „рабства“ и черносотенства вѣетъ изъ этихъ проектовъ.

V.

Съ черносотенствомъ и черносотенцами мнѣ, какъ и другимъ представителямъ лѣвой части Думы, пришлось очень близко познакомиться за время своего депутатства. Мы не только могли внутри Думы наблюдать великолѣпные экземпляры черносотенной породы, въ родѣ Пуришкевича и Келеповскаго, но и внѣ Думы намъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ этой породой. Черная сотня внимательно слѣдила за каждымъ выступленіемъ лѣвыхъ депутатовъ и немедленно отзывалась на эти выступленія не только порнографическими передовицами „Русскаго знамени“, но и другими проявленіями своихъ взволнованныхъ чувствъ. У дверей своей квартиры мнѣ и жившимъ со мной товарищамъ-депутатамъ постоянно приходилось наблюдать весьма гамзѣистыя физіономіи, дѣлившіе скуку наблюденія съ своими собратьями изъ охранки. И г. Пуришкевичъ, вѣроятно, не очень лгалъ, когда заявлялъ на думской трибунѣ, что у него имѣются свѣдѣнія о моемъ образѣ жизни и дѣятельности. Среди посѣтителей, являвшихся ко мнѣ, нерѣдко попадались несомнѣнные шпіоны и союзники. Нѣкоторые изъ этихъ посѣщеній были очень интересны.

Вскорѣ же послѣ избранія моего въ депутаты и послѣ перваго выступленія въ Думѣ является ко мнѣ субъектъ, „не внушающій довѣрія“ и, отрекомендовавшись лицомъ, занимающимъ отвѣтственный постъ въ „союзѣ активной борьбы съ крамолой и революціей“, предлагаетъ открыть мнѣ „важную тайну“, касающуюся меня лично. Я былъ въ это время занятъ другимъ болѣе важнымъ дѣломъ и сказалъ ему, что не могу предоставить ему на раскрытіе „тайны“ больше трехъ минутъ времени. Субъектъ обидѣлся и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого посѣщенія раннимъ утромъ приходитъ еще субъектъ такого же типа. Требуетъ свиданія съ депутатомъ по экстренному дѣлу. Въ чемъ дѣло? Оказывается онъ пришелъ предупредить, что охрана выслѣдила „ре-

Digitized by Google

волюціонеровъ", работающихъ въ войскѣ и поѣхавшихъ будто бы этой ночью въ Кронштадтъ, чтобы „устроить" тамъ возстаніе. Онъ просить дать ему немедленно связи съ военной организаціей и т. д. Разумѣется, вмѣсто „связей", онъ получаетъ соотвѣтствующую отповѣдь и ретируется.

Явленіе номеръ третій: поздно ночью, когда случайно я еще не вернулся съ собранія фракцій, на квартиру мою врывается человѣкъ стонущій, хватающійся за ногу. Товарищамъ, которые вышли къ нему, онъ заявляетъ, что его „прислали съ Обуховскаго завода за депутатомъ Алексинскимъ. На Обуховскомъ заводѣ забастовка, у рабочихъ идетъ перестрѣлка съ солдатами, онъ самъ раненъ въ ногу, рабочіе хотятъ, что депутатъ немедленно пріѣхалъ на заводъ". По словамъ товарищей, онъ разыгрывалъ комедію очень натурально и возможно, что будь я дома, я повѣрилъ бы и поѣхалъ съ нимъ, чтобы быть ухлопаннымъ въ какомъ-нибудь переулкѣ за нарвской заставой. Но меня какъ разъ не было, ему сказали это и предложили подождать. Но онъ, очевидно, боясь быть уличеннымъ во лжи, заявилъ, что ждать не можетъ, что ему надо итти на перевязку и удралъ. Къ сожалѣнію, товарищи мои не рѣшились его задержать. Нечего и говорить, что все разсказанное имъ оказалось наглымъ враньемъ, ни забастовки, ни перестрѣлки никакой на Обуховскомъ заводѣ не было, и рабочіе за мной не посылали.

Помимо этихъ провокаторскихъ выходокъ, послѣ каждой рѣчи произнесенной въ Думѣ, приходилось получать черносотенныя письма съ руганью и угрозами. Характерно, что авторы этихъ писемъ никогда не рѣшались подписываться своими именами, а предпочитали вымышленныя фамиліи или псевдонимы. Подписи отличались большимъ разнообразіемъ: „кандидатъ университета"; „не товарищъ"; „не жидъ"; „отставной"; „всѣ запорожцы"; „тѣнь крѣпостника-помѣщика" и т. п.

Когда наша фракція воздержалась отъ участія въ оффиціальной церемоніи открытія Думы и не присутствовала на молебнѣ и во время рѣчи Голубева, мною было получено письмо отъ какого-то черносотенца, съ нравственными назиданіями по поводу с.-д. тактики, которая,—пишетъ авторъ,—„вызываетъ сложное чувство—не то изумленіе и разочарованіе не то злобу и негодованіе, не то отчаяніе и страстную ненависть".

„Представители религіознаго народа демонстративно не идутъ на молебенъ. Можете не вѣрить, но во имя чести страны вы обязаны были свершить установленное... Посмотрите, какъ открываются парламенты на западѣ: лойяльность всюду—признакъ умственной и нравственной зрѣлости".

Въ заключеніе авторъ письма рекомендуется, что онъ не крайній реакціонеръ, а „либералъ" и заканчивая словами: „эво-

Digitized by Google

люція, но не революція!"—дѣлаетъ приписку: „Все, что угодно, но жидовъ удалить изъ Россіи".

Послѣ одной изъ рѣчей Евлогія, оправдывавшаго военно-полевые суды, я заявилъ въ Думѣ, что мы, с.-д. не заражены религіозными предразсудками, и что не будучи религіознымъ человѣкомъ, я тѣмъ не менѣе долженъ рѣшительно протестовать противъ того толкованія сущности христіанства, какое дается Евлогіемъ,—немедленно же я получилъ письмо отъ „честнаго православнаго русскаго гражданина, крестьянина". Православный крестьянинъ, обладающій почеркомъ участковаго паспортиста, или писаря изъ жандармскаго управленія, пишетъ мнѣ:

„Не русскій Вы человѣкъ, не печальникъ вы русскаго народа, ты—отвратительная колбаса, начиненная жидовскимъ фаршемъ".

„Помни, что глубокое и разностороннее знаніе приводитъ къ Богу (*а также, вѣроятно, и въ союзъ русскаго народа? Г. А.*), а поверхностное, да односторонее къ той выходкѣ, которую ты... (слѣдуетъ крѣпкое слово) позволилъ себѣ... Ты убогій начинился Марксомъ, Бебелемъ и проч., а попробуй прочитать св. евангеліе? Тебя послали въ Думу не для оскорбленія русскихъ святынь, не для того, чтобы ты..... предъ всѣмъ міромъ заявлялъ о своемъ безбожіи. Образумься, несчастный! Продавши Бога, ты, конечно, продашь жидамъ и родину, и разумѣется, дешево. Іуда ты христопрадавецъ"!

„Кандидатъ университета" высказываетъ свое просвѣщенное мнѣніе о Думѣ:

„Составъ всей думы, за исключеніемъ правой, сплошь либо кретины, либо подлецы. Первая Дума была хулиганская, а вторая архихулиганская.

„Всі запорожці" пишутъ по-малороссійски печатнымъ шрифтомъ (чтобы судебный слѣдователь не могъ опредѣлить автора по почерку):

„Слухай, Подлицинскій, скажы своимъ думскімъ жыдамъ и всімъ лівымъ, що якъ тількі вы будете требовать амнистю мошенькамъ, и заразъ якъ не объявите всенародно, щобъ заразъ препынылись грабежи и убійства, и якъ будыте итты проті Царя, то тебѣ жідівскаго купленыка и Караваева[1]) зо всімі лівымы мы выріжымъ до тла и будемо прохаты царя—бильшъ паскудной Думы не сбырать. Послідній амінь! Всі запорожці".

„Отставной" пишетъ по поводу бюджетныхъ преній:

„Вотъ тебѣ сказъ, Алексинскій. Ты трогаешь армію и пенсіи—нашъ кусокъ хлѣба, потомъ и кровью заслуженный, то смотри, не подливаешь ли керосину въ огонь... Берегись, за Іоллосомъ не уйти бы тебѣ скоро".

Иногда черносотенныя посланія отличались еще большей

---

[1]) Екатеринославскій депутатъ, трудовикъ.

Digitized by Google

краткостью. Получаешь, напримѣръ, чертежъ висѣлицы и къ ней на ниточкѣ подвѣшена за шею моя голова, вырѣзанная изъ портрета. Или получаешь письмо такого рода:

„Жидовское отродье, жди!“

Эти угрозы не оставались вполнѣ платоническими. Я уже разсказывалъ о провокаторскихъ посѣщеніяхъ и выходкахъ, имѣвшихъ, конечно, очень опредѣленную цѣль. Кромѣ того, были и попытки нападеній, правда, очень плохо поставленныя въ техническомъ отношеніи и потому неудачныя. Однажды только чуть-чуть не пострадалъ одинъ изъ моихъ товарищей, ночевавшій въ моей комнатѣ во время моего отсутствія: его угостили черезъ окно здоровымъ булыжникомъ, предназначавшимся, очевидно, по моему адресу.

Все это, разумѣется, заставляло сохранять извѣстную осторожность, приходилось избѣгать ходить одному по улицѣ, выходить къ подозрительнымъ посѣтителямъ и пр.

Рабочіе, узнававшіе о черносотенныхъ угрозахъ, конечно, не оставались равнодушными и на цѣломъ рядѣ рабочихъ собраній были вынесены по этому поводу соотвѣтствующія резолюціи. Группа рабочихъ обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ организовать у меня на квартирѣ дежурства для охраны. Но воспользоваться этимъ предложеніемъ было нельзя, такъ какъ невооруженная охрана была бы почти безполезна, а вооруженную держать въ квартирѣ, которая находилась подъ бдительнымъ надзоромъ и посѣщалась провокаторами,—значило бы облегчить возможность какой-либо провокаціи.

Изъ писемъ, полученныхъ мною отъ рабочихъ, особенно памятно мнѣ одно,—отъ группы плотниковъ:

„Мы услышали,—писали они,—что злые люди хотятъ тебя убить за то, что ты идешь по Божьимъ стопамъ и стоишь за рабочій народъ. Мы бы стали сами тебя охранять, да не можемъ этого сдѣлать, потому что мы цѣлый день на работѣ, а коли оставимъ работу, такъ наши семьи будутъ безъ хлѣба. А потому просимъ тебя нанять себѣ стражу, чтобы она тебя всегда оберегала. Найми ее на тѣ деньги, которыя мы тебѣ посылаемъ и которыя собрали въ послѣднюю получку“.

Digitized by Google

Къ письму было приложено нѣсколько цѣлковыхъ, собранныхъ по копейкамъ.

Надо сказать, что вообще жалкія черносотенныя проклятія, брань и угрозы совершенно терялись въ той массѣ привѣтствій и выраженій сочувствія, которыми встрѣчалось каждое удачное выступленіе соціалъ-демократическаго депутата со стороны рабочихъ, крестьянъ, солдатъ и прочихъ слоевъ демократіи. Въ итогѣ черная сотня лишь констатировала передъ нами, помимо своего качественнаго убожества и свою количественную слабость—тѣмъ болѣе, что всѣ черносотенныя посланія всегда были „индивидуальными“ и подъ ними мы никогда не находили тѣхъ сотенъ и тысячъ подписей, которыми сопровождались наказы рабочихъ и крестьянскіе приговоры. И если бы за неоффиціальнымъ черносотенствомъ не стояли поощряющія его иныя силы, то оно было бы совершенно ничтожной величиной, по сравненію съ прогрессивными стремленіями колоссальныхъ народныхъ массъ.

Г. Алексинскій.

Digitized by Google

Что такое воля и цѣль личности?

(Опытъ построенія матеріалистической теоріи воли).

I.

Въ самыя отдаленныя времена человѣкъ—первобытный человѣкъ—зависѣлъ только отъ внѣшней природы. Въ настоящее время онъ въ значительной степени находится въ зависимости отъ того, что создано его собственными руками. Формы бытія опредѣляютъ собою формы сознанія; человѣчество ставитъ себѣ почти всегда исполнимыя задачи. Люди становятся другъ къ другу въ опредѣленныя, отъ ихъ воли не зависящія отношенія. Тѣмъ не менѣе сами формы бытія, та или иная организація ихъ и производственныя отношенія—суть продуктъ дѣятельности человѣка.

Существуя при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, человѣкъ въ своей производственной дѣятельности не можетъ поступать иначе, чѣмъ такъ, какъ ими диктуется. Тѣмъ не менѣе—только дѣятельность человѣка прибавляетъ нѣчто къ этимъ условіямъ, измѣняетъ ихъ, и только она является тѣмъ факторомъ, который для всякаго слѣдующаго поколѣнія дѣлаетъ условія его существованія нѣсколько измѣненными по отношенію къ условіямъ существованія предыдущаго. Только люди, хозяева фабрикъ и мануфактуръ, могли примѣнить машины въ производствѣ; ихъ поступокъ былъ подсказанъ условіями производства, но въ свою очередь онъ превратился въ условія производства для слѣдующаго поколѣнія, жизнь котораго отъ этого весьма существенно измѣнилась. Условія существованія ринули германскія племена изъ Азіи въ Европу; но совершенный ими походъ и конечныя завоеванія явились новымъ условіемъ существованія для обитателей Европы, навсегда измѣнившимъ всѣ прежніе порядки и толкнувшимъ развитіе жизни въ совсѣмъ иную сторону.

Такимъ образомъ, человѣкъ, его поступокъ, является началомъ и концомъ въ историческомъ процессѣ развитія человѣчества; звеномъ, связующимъ внѣшнія условія съ тѣмъ, что прибавляется къ нимъ дѣятельностью человѣка; символическимъ настоящимъ, въ которомъ встрѣчаются прошедшее и будущее; средой, въ которой преломляются внѣшнія условія,

Digitized by Google

кристаллизуясь въ направляющую поступокъ волю. Но если такъ, то изслѣдованіе этой среды, опредѣленіе того, что такое воля и цѣль личности, является одною изъ основныхъ задачъ *теоретической исторіи.*

Въ основаніе дальнѣйшихъ разсужденій мы положимъ фактъ, который въ настоящее время кажется несомнѣннымъ и чрезвычайно простымъ, но научная незыблемость котораго установлена лишь изслѣдованіями Дарвина. Фактъ этотъ—происхожденіе человѣка отъ болѣе простого животнаго, въ конечномъ счетѣ отъ стоящаго на той низшей ступени развитія, на какой животное съ трудомъ можетъ быть отличено отъ растенія. Если бы мы захотѣли представить себѣ такое животное теперь, то едва ли не лучшимъ образцомъ для этого была бы амёба, въ частности тѣ разновидности ея, которыя извѣстны подъ именемъ протамёбъ.

Для нашей цѣля жизнь амёбы представляетъ чрезвычайно много интереснаго. Амёба самымъ несомнѣннымъ образомъ отправляетъ тѣ функціи, которыя необходимы для поддержанія жизни, въ которыхъ выражается сама жизнь животнаго и которыя отправляются всѣми—и высшими—животными. Тѣмъ не менѣе, если сравнить существо амёбы съ организмомъ высшаго животнаго, напримѣръ, собаки или кошки, то огромное различіе въ отправленіи этихъ функцій сразу бросается въ глаза. Оно заключается прежде всего въ томъ, что тогда какъ высшее животное является аппаратомъ чрезвычайно сложнымъ и отправляетъ всѣ свои функціи при помощи цѣлой системы спеціальныхъ органовъ, амёба, животное низшаго порядка, отличается поразительной простотой. Все тѣло ея, на первый взглядъ, представляется совершенно однороднымъ, и свои жизненныя функціи она отправляетъ *всѣмъ тѣломъ.* Если мы примемъ во вниманіе, что есть животныя еще болѣе простыя, чѣмъ амёба, и что видъ протамёбъ не обнаруживаетъ даже и тѣхъ слабыхъ намековъ на существованіе особой части тѣла, вѣдающей усвоеніе пищи, какія можно усмотрѣть въ обыкновенной амёбѣ; если мы посчитаемся и съ тѣмъ, что столь же существенная, какъ и функція питанія, функція размноженія осуществляется простымъ дѣленіемъ, иными словами—въ ней участвуетъ *все тѣло* амёбы, такъ какъ дѣленіе можетъ произойти въ любомъ мѣстѣ,—то само собою напрашивается слѣдующее опредѣленіе простѣйшаго животнаго: *простымъ животнымъ является такое, всѣ функціи котораго отправляются всѣмъ организмомъ, организмъ котораго еще не дифференцировался по функціямъ.* Теперь намъ необходимо отвѣтить на вопросъ, какія именно функціи простое животное выполняетъ, въ чемъ выражается его жизнь.

Общепринято мнѣніе, что животныя живутъ подъ вліяніемъ двухъ инстинктовъ: инстинкта самосохраненія и инстинкта продолженія вида. На самомъ дѣлѣ, мы должны признать такой взглядъ вѣрнымъ, потому что ничего иного—у простыхъ по крайней мѣрѣ животныхъ—не замѣчается, и потому,

Digitized by Google

что инстинктъ самосохраненія и продолженія вида достаточны, чтобы объяснить существованіе простыхъ животныхъ. Въ сущности, здѣсь мы, очевидно, встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ. Инстинктъ самосохраненія есть активная сила, поддерживающая существованіе индивидуума; но если мы отрѣшимся отъ такой „индивидуалистической" точки зрѣнія и индивидуумъ будемъ разсматривать, какъ часть, дифференціалъ, вида,—а таковымъ онъ является уже въ силу своего происхожденія отъ другихъ особей,—то намъ станетъ ясно, что существованіе вида обезпечивается стремленіемъ индивидуума къ размноженію. Инстинктъ продолженія вида у индивидуума есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ инстинктъ самосохраненія вида. Итакъ, мы могли бы сказать, что инстинктъ самосохраненія—вида и индивидуума—составляетъ активную жизненную силу, ту силу, которая, какъ одна посылка, соединяясь съ другою, внѣшними условіями, составляетъ мудреный силлогизмъ, именуемый жизнью. Такъ какъ высшія животныя, и въ частности человѣкъ, произошли отъ простѣйшихъ, то въ отношеніи къ нимъ мы вправѣ выразиться по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, что *въ той суммѣ ощущеній, какая обусловливаетъ желаніе жить*, радость жизни и у нихъ,—*нѣтъ рѣшительно ничего, что не было бы развитіемъ этого основного инстинкта*. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что и вся ихъ жизнь составляетъ точно также развитіе элементарной потребности питаться и размножаться, свойственной элементарной амёбѣ.

Ни одно явленіе не исчезаетъ раньше, чѣмъ исчерпаетъ всѣ свои силы. Это одинаково справедливо, какъ въ примѣненіи къ самымъ сложнымъ явленіямъ человѣческой жизни, такъ и, къ болѣе простымъ на первый взглядъ, явленіямъ существованія животныхъ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣненій этого принципа въ жизни животныхъ является тенденція къ существованію каждаго даннаго вида, тенденція, настолько сильная, что всякій видъ обладаетъ огромной способностью размноженія. И чѣмъ проще видъ, чѣмъ болѣе коротка, слѣдовательно, исторія его существованія, тѣмъ сильнѣе, больше его способность размноженія. Всѣмъ извѣстны примѣры одуванчика, который въ нѣсколько лѣтъ покрылъ бы земной шаръ, если бы этому не мѣшали другіе претенденты на почву изъ растительнаго міра; или инфузорій и бациллъ, размножающихся съ не менѣе чудовищною быстротой. Способность размножаться амёбы также очень велика и, въ сущности, ничѣмъ не ограничена. Если принять во вниманіе, что у амёбы смерть, какъ естественное и необходимое періодическое явленіе, отсутствуетъ — то легко представить себѣ безконечную жизнь этого существа, — въ томъ случаѣ, если ему ничто не мѣшаетъ. А изъ того факта, что никакое измѣненіе въ организаціи животнаго не происходитъ безъ внѣшней причины, ибо даже ростъ есть результатъ усвоенія пищи, мы вправѣ заключить, что такое

Digitized by Google

вѣчное существованіе амёбы могло бы и не сопровождаться замѣтными измѣненіями въ ея строеніи. Да и на самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, что амёбъ не было тысячу или двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; наоборотъ, очень вѣроятно, что существующія теперь амёбы произошли отъ нихъ, хотя, съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что подавляющее большинство видовъ, аналогичныхъ по своей примитивности амёбамъ, уже многіе милліоны лѣтъ тому назадъ измѣнились и превратились постепенно въ животныхъ, совершенно иныхъ.

Мы знаемъ, какимъ образомъ это произошло. Мы знаемъ, что земля въ извѣстный моментъ была населена многочисленными видами, изъ которыхъ каждый обладалъ большой тенденціей къ размноженію. Но размноженіе было возможно лишь для тѣхъ особей, которыя сумѣли обезпечить себѣ существованіе, которыя болѣе или менѣе нормально удовлетворяли своей потребности питанія. Какъ общее правило, мы можемъ высказать положеніе, что существованіе вида наиболѣе обезпечено именно тогда, когда наилучшимъ образомъ удовлетворяются потребности индивидуума. Слѣдовательно, интересы индивидуума и вида, поскольку они направлены на продукты питанія, совпадаютъ. Слѣдовательно, изъ того обстоятельства, что виды размножаются до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится этому внѣшнее препятствіе, а въ продуктахъ питанія именно по этой причинѣ черезъ нѣкоторое время наступаетъ недостатокъ, вытекаетъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, борьба между особями и видами, *борьба за существованіе*. Борьба за существованіе открываетъ широкій просторъ естественному подбору, и подъ вліяніемъ послѣдняго животныя начинаютъ измѣняться. Присмотримся нѣсколько внимательнѣе къ тому, какъ эти перемѣны происходятъ и въ чемъ, въ сущности, онѣ заключаются.

Если мы остановимся на нашей амёбѣ, то намъ трудно будетъ представить себѣ борьбу между двумя амёбами вродѣ той, какая происходитъ между кошками или собаками. Точно также борьба между амёбой и представителемъ какого-либо иного столь же простого вида очень мало будетъ напоминать собою стычку между львомъ и слономъ или быкомъ и тигромъ. Еще меньше къ этимъ формамъ борьбы приближается борьба въ растительномъ царствѣ, которая составляетъ тѣмъ не менѣе несомнѣнный фактъ. Очевидно, борьба существъ, столь слабо развитыхъ, будетъ носить гораздо болѣе пассивный характеръ и сводится чаще всего къ простой конкурренціи и безсознательному оттягиванію—другъ у друга, видъ у вида—питательныхъ веществъ. А если послѣднихъ все меньше и меньше, то выживаютъ тѣ особи, которыя лучше умѣютъ утилизировать то немногое, что имъ перепадаетъ, тѣ, слѣдовательно, организаціи которыхъ лучше

Digitized by Google

приспособлены къ усвоенію питательныхъ матеріаловъ. Какія же это особи, въ чемъ заключается тотъ признакъ, какой сообщаетъ ихъ организаціямъ большее совершенство и развивается, слѣдовательно, вліяніемъ естественнаго подбора?

Для отвѣта на этотъ вопросъ отрѣшимся отъ нашей амёбы и воспользуемся тѣмъ общимъ принципомъ, какой можно считать установленнымъ для всего живущаго—съ одной стороны, великими открытіями Дарвина и Спенсера, съ другой—всѣмъ тѣмъ, чему учитъ политическая экономія. Принципъ этотъ извѣстенъ подъ разными именами и въ различныхъ опредѣленіяхъ, но сущность его всегда одна и та же. Стремленіе къ достиженію даннаго результата, чѣмъ больше трудности при этомъ, тѣмъ больше ведетъ къ *экономіи* силъ. Экономія силъ всегда и повсюду, въ жизни индивидуума и въ жизни общества, ведетъ къ организаціи, а однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ послѣдней является раздѣленіе труда. Чрезвычайно интереснымъ показателемъ общности этого принципа являются тѣ опредѣленія науки и научности, какія сдѣланы Авенаріусомъ и Махомъ и которыя въ концѣ концовъ именно *вслѣдствіе своей общности съ обнимающимъ всю жизнь явленіемъ*, гораздо болѣе опровергаютъ эмпиріокритическія и эмпиріо-монистическія построенія, чѣмъ ихъ подтверждаютъ. Указывая на полную зависимость формъ сознанія отъ формъ бытія—даже въ области отвлеченныхъ принциповъ, въ сущности, отражающихъ лишь законы природы,—они сообщаютъ совершенно новое и вполнѣ реалистическое значеніе извѣстному положенію „Cogito ergo sum“. И это изреченіе становится дѣйствительнымъ указаніемъ на способъ развязыванія гордіева узла проблемы познанія, а не его разрубываніемъ. Какъ бы то ни было, въ примѣненіи къ простѣйшему животному, принципъ раздѣленія труда превращается въ принципъ дифференціаціи, столь блестяще развитый Спенсеромъ [1]). Поставленное въ тиски, простѣйшее животное вынуждено довольствоваться меньшимъ. Если какая-либо часть комочка слизи, образующаго его тѣло, лучше усваиваетъ тѣ продукты, какіе составляютъ его пищу, то естественный подборъ сохранитъ къ жизни именно тѣ особи, которыя обладаютъ этой особенностью. Въ слѣдующемъ поколѣніи между особями природа произведетъ выборъ, и наилучше выживающими окажутся тѣ, обозначившаяся часть тѣла которыхъ въ еще большей степени обладаетъ столь полезнымъ, какъ указанное, свойствомъ. Ясное дѣло, что, дѣйствуя все въ томъ же направленіи, по извѣстнымъ законамъ, естественный подборъ создаетъ въ концѣ концовъ существа съ ясно выраженнымъ желудкомъ, слѣдовательно, уже не столь однороднымъ, а дифференцированнымъ организмомъ.

---

[1]) Я позволю себѣ сослаться на Спенсера, несмотря на то, что трактую этотъ предметъ нѣсколько иначе.

Digitized by Google

До сихъ поръ, говоря о наиболѣе важной потребности животнаго, потребности въ питаніи, мы имѣли въ виду послѣднее въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Если подъ питаніемъ разумѣть вообще притокъ новыхъ веществъ къ организму, составляющій его активъ, одну часть обмѣна веществъ, символизируемаго понятіемъ „жизнь", то сюда придется отнести и дыханіе, задача котораго у всѣхъ животныхъ заключается въ доставленіи организму кислорода, а у всѣхъ индивидуумовъ природы организованной (включая растенія)—вообще въ доставленіи газообразныхъ тѣлъ. Отсюда мы заключаемъ, что дыханіе исполняетъ роль вполнѣ аналогичную роли пищеваренія; въ смыслѣ отбрасыванія организмомъ негодныхъ газовъ—оно даже обнаруживаетъ съ этимъ послѣднимъ полный параллелизмъ. Этими обстоятельствами мы уже заранѣе подготовлены къ тому, въ чемъ убѣждаютъ непосредственныя наблюденія. Съ дыханіемъ происходитъ точь-въ-точь то же самое, что и съ пищевареніемъ. Самое простое животное не обладаетъ отдѣльными органами для дыханія, очень вѣроятно, что дыханіе не являлось даже неизбѣжнымъ признакомъ жизни. Постепенно, однако, подъ давленіемъ борьбы за существованіе, подъ вліяніемъ конкурренціи изъ-за пищи, животное измѣняется такимъ образомъ, что у него появляется спеціальный органъ, завѣдующій притокомъ кислорода къ организму. Организмъ, слѣдовательно, еще больше дифференцируется. Самосохраненіе вида для индивидуума превращается въ размноженіе. Размноженіе—точно такъ же одна изъ сторонъ жизни животнаго, какъ и пищевареніе и дыханіе. И въ явленіяхъ размноженія мы замѣчаемъ ту же послѣдовательность, что и въ послѣднихъ двухъ. Амёба размножается простымъ дѣленіемъ. Потребность отправляется всѣмъ организмомъ. Но подъ вліяніемъ естественнаго подбора прогрессируетъ дифференціація и, подобно специфическимъ органамъ пищеваренія и дыханія, постепенно вырабатывается органъ размноженія, половая система животнаго. Въ дальнѣйшемъ намъ придется говорить о другихъ потребностяхъ животныхъ. Предшествовавшее же разсмотрѣніе основныхъ процессовъ, на какіе распадается жизнь животнаго, даетъ намъ право на слѣдующій общій выводъ:

Главнымъ признакомъ простого животнаго, его философской сущностью является то обстоятельство, что свои жизненныя функціи оно отправляетъ всѣмъ тѣломъ, всѣмъ организмомъ. Усложненіе животнаго совпадаетъ съ прогрессирующей дифференціаціей его организма. *Сложнымъ высшимъ животнымъ мы должны будемъ, слѣдовательно, считать такое, жизненныя функціи котораго распредѣлены между отдѣльными органами.* Животное тѣмъ сложнѣе, а, слѣдовательно, если помнить, что эта сложность есть результатъ вліянія естественнаго подбора, тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ выше, чѣмъ дальше эта дифференціація пошла. Этимъ выводомъ мы воспользуемся при дальнѣйшемъ изложеніи.

Digitized by Google

II.

Только что было установлено, что естественный подборъ дѣйствовалъ у высшихъ животныхъ въ сторону все возрастающей сложности ихъ организаціи. А такъ какъ естественный подборъ сохраняетъ особи, наиболѣе приспособленныя къ даннымъ условіямъ, а слѣдовательно съ точки зрѣнія этихъ условій наиболѣе совершенныя,—то отсюда неизбѣженъ выводъ, что сложность и прогрессивность организаціи въ данномъ случаѣ совпадаютъ. Но этимъ вопросъ не исчерпывается. Остается неяснымъ, почему на землѣ создались такія условія существованія, которыя дѣлали наиболѣе прогрессивной сложность организаціи и въ чемъ именно эти условія заключались. Нетрудно, однако, убѣдиться, что явленіе все возрастающей сложности находится въ самой тѣсной связи съ общей эволюціей доступнаго изученію человѣка міра и что непосредственной причиной является все та же борьба за существованіе. Коснуться этихъ обстоятельствъ мы можемъ лишь въ самой короткой формѣ. Мы постараемся при этомъ въ нашихъ разсужденіяхъ примкнуть къ тому, о чемъ говорилось выше. А именно, выше мы установили, что общимъ принципомъ, всюду и вездѣ означающимъ улучшеніе въ работѣ, всюду и вездѣ знаменующимъ движеніе впередъ, является принципъ раздѣленія труда. Но на дифференціацію организма нѣтъ никакой возможности смотрѣть иначе, чѣмъ какъ на раздѣленіе труда,—то раздѣленіе труда, которое вырабатывается чудовищно медленнымъ процессомъ постояннаго отбора склоняющихся въ своей организаціи въ эту сторону индивидуумовъ,—то раздѣленіе труда, которое какъ *планъ устройства организма*, точно также подлежитъ вліянію естественнаго подбора, какъ и тотъ или иной отдѣльный органъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что дифференцированный организмъ гораздо совершеннѣе отправляетъ жизненныя функціи, чѣмъ простой, ибо не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ немъ та же цѣль достигается съ гораздо большей *экономіей средствъ*. Но именно экономія является мѣриломъ прогрессивности и именно она должна была вырабатываться естественнымъ подборомъ. Если мы сравнимъ первобытные способы передвиженія съ современными желѣзными дорогами, то мы увидимъ, что все значеніе послѣднихъ сводится къ огромной экономіи силъ человѣка, экономіи, которая достигается въ каждую единицу времени, и экономіи, которая является слѣдствіемъ сокращенія времени, потому что трудовой теоріей стоимости незыблемо установлена пропорціональность труда и времени. Если мы сравнимъ строеніе костей низшихъ животныхъ съ таковыми у высшихъ, то мы увидимъ, что усовершенствованіе у послѣднихъ достигается экономіей костнаго вещества. Тотъ же результатъ получится и отъ сравненія желѣзныхъ построекъ прежде и теперь, отъ сравненія первой паровой машины съ современной, отъ сравненія вида, начинающаго приспособляться къ но-

Digitized by Google

вымъ условіямъ жизни, съ такимъ, который къ нимъ уже приспособился. Повсюду, всю жизнь, всю природу обнимаетъ собою этотъ великій принципъ, и въ концѣ концовъ законъ какого-либо явленія есть не что иное, какъ выраженіе той зависимости между причиной и послѣдствіемъ, которая устанавливается при наименьшей затратѣ энергіи, которая равнозначуща поэтому закону сохраненія энергіи. Уже изъ этихъ разсужденій видно, что естественный подборъ не только въ томъ или иномъ случаѣ приспособленія къ даннымъ условіямъ долженъ былъ вліять въ сторону созданія организаціи болѣе экономной и совершенной, но и вообще долженъ былъ постоянно въ борьбѣ видовъ между собою создавать преимущество для тѣхъ, организація которыхъ больше удовлетворяла этому принципу. Это вытекаетъ изъ общности послѣдняго и изъ тѣхъ отвлеченныхъ соображеній, какія могутъ быть сдѣланы на основаніи закона сохраненія энергіи. Но мы не будемъ держаться все время въ этихъ высотахъ и обратимся къ болѣе детальному и конкретному способу обосновать то же самое. Мы знаемъ, что безграничная способность видовъ размножаться вызвала ожесточенную борьбу за существованіе. Борьба за существованіе загоняла виды въ самыя разнообразныя условія, земныхъ животныхъ дѣлала водяными, тѣхъ и другихъ превращала путемъ естественнаго подбора въ летающихъ по воздуху. Если тотъ или иной видъ долженъ былъ, такимъ образомъ, пріобрѣтать въ поискахъ за пищей и въ стремленіи избѣгнуть или побѣдить враговъ какой-либо новый органъ или совершенно измѣнять свою организацію, то къ этому безусловно прибавлялось каждый разъ и то, что являлось послѣдствіемъ не перемѣны качества, *а уменьшенія количества* пищи. Борьба за существованіе не могла не дѣйствовать въ этомъ направленіи, не могла не вліять по крайней мѣрѣ относительно (съ точки зрѣнія отдѣльнаго индивидуума) на уменьшеніе продуктовъ питанія. Но если количество пищи, приходящееся на долю индивидуума, уменьшается то, несомнѣнно, улучшеніе пищеварительнаго аппарата является тѣмъ обстоятельствомъ, которое одно въ состояніи вліять въ сторону сохраненія или даже увеличенія нужныхъ организму элементовъ питанія. Все усиливающаяся борьба за существованіе должна была, слѣдовательно, вліять такимъ образомъ, что *вырабатывался все болѣе и болѣе экономный типъ организаціи.* Въ этомъ кроется главная причина раздѣленія труда въ организмѣ, его дифференціаціи. Вліяніе этой причины было такъ велико, что въ настоящее время высшія животныя представляютъ собою существа съ дифференціаціей, зашедшей чрезвычайно далеко. Не только питаніе въ тѣсномъ смыслѣ, дыханіе и отправленіе половыхъ функцій сосредоточились каждое въ отдѣльной системѣ, но и самыя системы разбились на цѣлый рядъ болѣе мелкихъ системъ, какъ желудокъ, кишечникъ, кровеносные сосуды, сердце, внутренніе и внѣшніе половые органы и т. д. и т. д.

Digitized by Google

Выше мы упомянули, что два инстинкта—самосохраненія и продолженія вида—составляютъ активную силу, побуждающую животное къ тому, чтобы отправлять тѣ функціи, изъ какихъ состоитъ его жизнь. Если бы мы могли въ настоящее время вполнѣ объективно взглянуть на весь міръ, то намъ ясно стало бы, что подобно тому, какъ всякая ничтожнѣйшая часть земного тѣла является необходимой для его равновѣсія, и всѣ перемѣны въ этой области неизбѣжно компенсируются тѣмъ или инымъ путемъ,—подобно этому и жизнь того или иного вида съ тѣмъ или инымъ направленіемъ его развитія является неизбѣжной частью гармоніи вселенной. Съ *этой* точки зрѣнія можно сказать, что развитіе живыхъ существъ по опредѣленному закону составляетъ одно изъ служащихъ высшей цѣли направленій развитія. Несомнѣнно, обладая даромъ охватить пониманіемъ жизнь вселенной, человѣкъ ясно понялъ бы и то, какому конечному результату служитъ его развитіе, ради какой цѣли онъ переживаетъ всѣ свои радости и горести. То, что человѣкъ уже узналъ о жизни вообще, во всемъ ея грандіозномъ цѣломъ, уже даетъ возможность и создаетъ обязанность понимать, что существованіе и развитіе цѣлой вереницы видовъ есть совершенно опредѣленная струя жизни вообще, играющая по отношенію къ ней служебную роль. Для нашей цѣли не нужно знать, какова именно эта роль. Намъ важно установить, что такая роль—какова бы она ни была—существуетъ. Намъ важно сдѣлать отсюда неизбѣжное заключеніе, что субъективная цѣль индивидуума и вида—продолжать свое существованіе—вполнѣ совпадаетъ съ этой объективной цѣлью природы, какъ цѣлаго. Матеріалистически-философски, матеріалистически-исторически инстинктъ продолженія существованія индивидуума и вида только такъ и можетъ быть обоснованъ. Въ дальнѣйшемъ, послѣ того, какъ мы разсмотримъ подробнѣе, что такое инстинктъ, намъ это сдѣлается еще яснѣе.

Если животное, своимъ движеніемъ затрачивая энергію, изнашивая различными путями свое тѣло, не получаетъ того, что ему необходимо для возстановленія всего этого, то равновѣсіе его организма нарушается. Если это равновѣсіе должно быть возстановлено усвоеніемъ пищи, то животное испытываетъ голодъ или жажду; если для этого необходимъ притокъ кислорода, то, задыхаясь тамъ, гдѣ этого элемента мало, животное испытываетъ потребность попасть въ среду, гдѣ его много. Обладая организмомъ съ развитой половой системой, когда питаніе распредѣляется такимъ образомъ, что половые органы нормально развиваются, животное испытываетъ потребность въ функціонированіи ихъ—въ половыхъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ, всякій разъ, когда нарушается равновѣсіе въ обмѣнѣ веществъ, въ количествѣ получаемой и отдаваемой энергіи—въ какую бы сторону это ни произошло—для жизни организма необходимо его возстановленіе. *Но то, что объективно обозначаетъ такую необходимость, субъективно ощущается животнымъ, какъ потребность.* Очевидно,

Digitized by Google

что въ томъ случаѣ, когда организмъ превратился въ сумму дифференцированныхъ органовъ, когда вслѣдствіе этого жизнь его распалась на рядъ отдѣльныхъ процессовъ, связанныхъ съ функціонированіемъ органовъ,—тогда и каждая изъ основныхъ потребностей распалась на рядъ частныхъ дифференцированныхъ потребностей.

Отправленіе питанія, дыханія etc. всѣмъ тѣломъ—амебы было у нея одною потребностью питанія. У дифференцированнаго, сложнаго животнаго потребность питанія разбилась на потребность въ пищѣ въ тѣсномъ смыслѣ—голодъ, на потребность въ водѣ—жажду, на потребность въ воздухѣ для дыханія и т. д. и т. д... Точно то же произошло и съ потребностью размноженія, которая дифференцировалась по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, что у мужского пола высшихъ животныхъ она превратилась въ потребность половыхъ отношеній, сохраняя свое прежнее значеніе по преимуществу въ инстинктѣ материнства у женскихъ особей. И чѣмъ сложнѣе, дифференцированнѣе животное, тѣмъ больше число потребностей, на которыя разбился прежній основной инстинктъ продолженія жизни—индивидуума и вида. Прогрессирующая организація создала извѣстную градацію въ дифференцированныхъ потребностяхъ; однѣ изъ нихъ, какъ потребность въ пищѣ, водѣ и воздухѣ, сдѣлались основными,—другія, какъ потребность въ извѣстной температурѣ, періодическомъ (ночномъ) отдыхѣ,—второстепенными. Но все это разнообразіе потребностей представляетъ собою не что иное, какъ только дифференціацію инстинкта продолженія жизни. Являясь, слѣдовательно, простымъ развитіемъ этого инстинкта, потребности эти не заключаютъ въ себѣ ничего, что не было бы въ зародышѣ уже въ этомъ могучемъ, всеобъемлющемъ инстинктѣ.

Если потребности простого, элементарнаго животнаго удовлетворены, оно безпечно существуетъ; если онѣ не удовлетворены, оно умираетъ. Такъ проста его жизнь. Иначе обстоитъ дѣло у животныхъ сложныхъ. Основная потребность у нихъ разбита. Не удовлетворена одна ея часть, удовлетворена другая. Если животное и не спасено такимъ образомъ отъ смерти, то послѣдняя оттянута; затѣмъ можетъ подвернуться удобный случай, и та часть организма, которая была поставлена въ необходимость ждать съ удовлетвореніемъ присущей ей потребности, снова приходитъ въ нормальное состояніе. Сравнительно рѣдки случаи, когда сложное животное оказывается въ состояніи сразу удовлетворить всѣ свои потребности. Когда передъ нимъ стоитъ необходимость сдѣлать это, оно по необходимости направитъ свои усилія въ сторону удовлетворенія самой настоятельной потребности, которою безспорно явится самая существенная для его жизни. Ибо нарушеніе равновѣсія въ этой послѣдней, нарушеніе, слѣдовательно, правильнаго функціонированія самаго важнаго органа всего организма и объективно, и субъективно будетъ наиболѣе ощутимо. Субъективно оно доставитъ животному наиболѣе интенсивное болѣзненное ощущеніе. Фактъ

Digitized by Google

направленія вниманія животнаго именно въ эту сторону является, такимъ образомъ, несомнѣннымъ въ томъ случаѣ, если животное должно удовлетворить всѣ свои потребности. Но въ обыденной жизни такіе случаи, повторяю, бываютъ рѣдки и чаще всего потребности напоминаютъ о себѣ и удовлетворяются съ той непослѣдовательностью и съ той кажущейся случайностью, какія присущи обыденной жизни. Какую перемѣну вноситъ это обстоятельство въ жизнь животнаго?

Выше было сказано, что животное сосредоточитъ—при одинаковой возможности удовлетворить всѣ потребности въ гипотетическомъ случаѣ абсолютнаго „голода", абсолютнаго состоянія неудовлетворенія ни одной изъ нихъ — свое вниманіе на той, какая является для его жизни наиболѣе существенной, потому что неудовлетвореніе ея будетъ сильнѣе всего ощущаться. Но если удовлетворена эта потребность совершенно, то для даннаго момента она можетъ считаться не существующей. Вполнѣ сытое животное въ рѣдкихъ случаяхъ потянется за пищей; сытые волки, говорятъ, совершенно безопасны. Слѣдовательно, наиболѣе настоятельной будетъ слѣдующая по важности потребность. Слѣдовательно, жизненныя усилія животнаго будутъ направлены въ эту сторону. Эти же разсужденія мы можемъ повторить и относительно третьей по важности потребности, четвертой и т. д.,—сколько бы ихъ ни было. Очевидно, весьма часты въ жизни такіе случаи, когда та или иная потребность удовлетворена лишь частью. Очевидно, въ такомъ случаѣ для того, чтобы получить степень напряженія данной потребности у животнаго,—отъ напряженности ея въ состояніи полнаго неудовлетворенія нужно отнять часть напряженности, уничтоженную, погашенную удовлетвореніемъ.

Какъ бы то ни было, при нормальныхъ жизненныхъ условіяхъ сложное животное ощущаетъ рядъ потребностей, далеко не въ одинаковой степени напряженныхъ. Если наиболѣе напряженной въ общемъ является самая существенная потребность, связанная съ самымъ важнымъ органомъ всего организма,—то вслѣдствіе неправильностей при удовлетвореніи—въ каждый данный моментъ наиболѣе сосредоточивающей на себѣ вниманіе животнаго является иная потребность. *Если теперь мы то, что происходитъ въ ощущеніяхъ животнаго передъ совершеніемъ поступка, направленнаго къ удовлетворенію потребности, назовемъ его волей, то, дѣлая выводъ изъ всего предыдущаго, мы не можемъ опредѣлить воли высшаго животнаго иначе, какъ называя этимъ именемъ отношеніе между его потребностями.* То, что въ математикѣ есть большая или меньшая величина элементовъ отношенія, то въ нашемъ случаѣ есть большее или меньшее *напряженіе* потребности. Послѣднее зависитъ, какъ мы видѣли, и отъ степени важности, и отъ степени удовлетворенности потребностей. Характерно, что и здѣсь мы можемъ указать на весьма существенное различіе между простымъ и сложнымъ

Digitized by Google

животнымъ. Тогда какъ воля послѣдняго есть *отношеніе* между потребностями, волей перваго является *сама* потребность; она у него едина, потому что питаніе и размноженіе—при размноженіи дѣленіемъ у идеальныхъ простыхъ животныхъ— въ концѣ концовъ должны сливаться въ одномъ процессѣ, слѣдовательно, совпадать. Дѣленіе происходитъ тогда, когда тѣло животнаго въ процессѣ питанія увеличилось.

III.

Теперь намъ необходимо опредѣленнѣе разобраться въ понятіяхъ ощущеніе, инстинктъ и т. п.

Когда простѣйшее животное — наша амёба—встрѣчается съ какимъ-либо комочкомъ, способнымъ служить ему пищей, то оно обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ, и здѣсь начинается тотъ химическій процессъ взаимодѣйствія между тѣломъ животнаго и комкомъ, который заканчивается разложеніемъ послѣдняго и усвоеніемъ его первымъ. Очевидно, что имѣя дѣло съ идеально-простымъ животнымъ и представляя себѣ самые первые шаги его на жизненномъ пути, мы должны процессъ усвоенія пищи считать вполнѣ механическимъ, а встрѣчу животнаго съ годнымъ въ пищу, способнымъ къ разложенію, комочкомъ — случайной. То животное, которое нападало на пищу, жило; то, которому не везло въ этомъ отношеніи, погибало. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлая группа этихъ примитивныхъ существъ попадала въ мѣстность, бѣдную пищей, видъ вымиралъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстность изобиловала годными къ усвоенію комками, видъ быстро размножался. Очевидно, развитіе вида, измѣненіе организаціи индивидуума, возможно было лишь въ послѣднемъ случаѣ. Однако, обиліе пищи должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ настолько интенсивное размноженіе, что благопріятныя въ этомъ отношеніи условія въ концѣ концовъ должны были превратиться въ неблагопріятныя. Чѣмъ больше индивидуумовъ,—тѣмъ больше ртовъ, если дѣло идетъ о высшихъ животныхъ, тѣмъ больше усваивающихъ тѣлецъ, если имѣть въ виду простѣйшихъ. Обиліе пищи является толчкомъ къ развитію, создаетъ необходимую почву для дѣйствія естественнаго подбора, потому что такимъ образомъ обезпечивается быстрое увеличеніе количества индивидуумовъ, а вслѣдствіе этого въ моментъ наступленія недостатка въ пищѣ появляется борьба за нее, борьба за существованіе. Какое же свойство должно развиваться въ этомъ случаѣ у тѣхъ животныхъ, какихъ мы выше назвали идеально-простыми?

Борьба, въ буквальномъ смыслѣ слова, между ними, какъ мы видѣли, не происходитъ. Слѣдовательно, развитіе спеціальнаго органа, являющагося оружіемъ, было бы для животнаго пока безполезно. А такъ какъ борьба въ этомъ случаѣ есть конкурренція, и побѣду одерживаетъ тотъ, кто лучше питается, то, очевидно, естественный подборъ будетъ дѣйствовать въ сто-

Digitized by Google

рону усовершенствованія питанія. Выше мы говорили, что это въ концѣ концовъ ведетъ къ дифференціаціи животнаго, но въ настоящій моментъ насъ гораздо больше интересуетъ другое послѣдствіе того же самаго факта, которое также представляется не чѣмъ инымъ, какъ усовершенствованіемъ процесса питанія.

Мы видѣли, что встрѣча идеально-простого животнаго съ предметомъ, служащимъ ему пищей, происходитъ случайно. Очень вѣроятно, что причина тѣснаго сближенія обоихъ, ихъ тяготѣнія другъ къ другу въ томъ случаѣ, если разстояніе между ними очень невелико, есть не что иное, какъ стремленіе къ равновѣсію того химическаго процесса, какимъ является усвоеніе животнымъ пищи [1]). Но какъ бы то ни было, естественный подборъ долженъ сохранить тѣхъ индивидуумовъ, у которыхъ выборъ среди массы окружающихъ предметовъ именно тѣхъ, которые годны для усвоенія, происходитъ болѣе безошибочно, чѣмъ у другихъ. Даже растенія, какъ, напримѣръ, кувшинка, мухоловка и т. д., обладаютъ способностью извѣстнымъ образомъ реагировать въ случаяхъ прикосновенія къ нимъ животныхъ, годныхъ въ пищу. Нисколько не должно насъ, слѣдовательно, удивлять, если одна амёба лучше и совершеннѣе реагируетъ соотвѣтственнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается съ пищей, чѣмъ другая. Естественный подборъ сохранитъ въ такомъ случаѣ первую. Очевидно, эта способность лучше реагировать составляетъ уже важное преимущество съ точки зрѣнія питанія. То обстоятельство, что способность лучше реагировать означаетъ на первыхъ порахъ не усложненіе лишнимъ органомъ организаціи, а лишь ея нѣсколько большее совершенство, заставляетъ думать, что первымъ шагомъ къ усовершенствованію питанія было именно развитіе способности реагировать при встрѣчѣ съ годными въ пищу предметами, а не дифференціація, которая была уже вторымъ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшее развитіе животнаго можно представить себѣ лишь, допустивъ и то, и другое.

Такимъ образомъ, естественный подборъ вырабатываетъ у простѣйшаго животнаго способность лучше реагировать при встрѣчѣ съ предметами, годными для усвоенія ихъ въ цѣляхъ питанія. Но эта способность вполнѣ аналогична со способностью *выбирать*. Такъ какъ выше мы предположили, что эта способность вытекаетъ изъ тенденціи къ сохраненію равновѣсія химическаго процесса, то намъ нѣтъ нужды на первыхъ порахъ считать ее *сознательной*. Наоборотъ; все говоритъ за то, что эта свойственная нѣкоторымъ растеніямъ и простѣйшимъ животнымъ особенность на первыхъ порахъ совершенно безсознательна. Относительно животнаго идеально-простого и даже относительно амёбы необходимо отмѣтить, что *и эта функція выбора пищи совершается всѣмъ ихъ организмомъ*. Ясно, что при послѣдующей дифференціаціи, въ которой выразился переходъ отъ простого животнаго къ сложному, эта функція должна была сосредоточиться въ отдѣльномъ органѣ, въ отдѣльной „системѣ“.

[1]) Вродѣ магнитнаго притяженія.

Digitized by Google

Точно такъ же, какъ способность „выбирать“ пищу мы предположили развившеюся изъ механическаго стремленія къ равновѣсію химическаго процесса,—мы можемъ предположить, что изъ тѣхъ нарушающихъ жизнь простого животнаго процессовъ, какіе неизбѣжны, если животное попадаетъ въ невозможныя для его жизни условія, постепенно выработалась способность замѣчать опасность. Эта способность на первыхъ порахъ была безусловно вполнѣ механической. Если способность выбирать пищу, стремиться къ ней можно въ ея элементарнѣйшей формѣ сравнить съ притяженіемъ между различными полюсами магнита, то способность избѣгать опасность, уходить отъ нея, продолжая то же сравненіе, можно считать аналогичной отталкиванію одинаковыхъ полюсовъ. Оба эти дѣйствія, въ ихъ элементарнѣйшей формѣ, у простѣйшихъ животныхъ, являются вполнѣ механическими актами, и тѣмъ не менѣе, естественный подборъ въ концѣ концовъ совершенствуетъ животныхъ въ этомъ направленіи, развивая обѣ способности,—а усиливающаяся борьба за существованіе, заставляя все чаще и чаще прибѣгать къ дѣйствію этихъ способностей, относительно второй изъ нихъ приводитъ въ концѣ концовъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, что и относительно первой; она концентрируется въ одномъ органѣ при наступающей и продолжающейся дифференціаціи.

Такимъ образомъ, мы установили, что у элементарнѣйшихъ животныхъ вслѣдствіе борьбы за существованіе, помимо функцій питанія и размноженія, появляется нѣкоторая совершенно особая функція, которая, на первыхъ порахъ, подобно первымъ двумъ, отправляется *всѣмъ тѣломъ* животнаго. Эта функція заключается въ „оцѣнкѣ“ внѣшнихъ условій существованія животнаго, но въ оцѣнкѣ безсознательной, ибо у элементарнаго животнаго нѣтъ органа сознанія; она заключается въ постоянномъ полученіи „представленій“ о внѣшнемъ мірѣ, но представленій, ему самому неясныхъ, ибо оно не обладаетъ также органами, нужными для этого. Давно извѣстный принципъ естествоиспытателей—„органъ вызываетъ функцію, а функція вызываетъ органъ“—своимъ авторитетомъ всецѣло присоединяется къ результатамъ сдѣланнаго выше анализа и дѣлаетъ совершенно неоспоримымъ тотъ дедуктивный выводъ, что дальнѣйшее развитіе животнаго должно было выработать для этой специфической функціи специфическій органъ. Жизнь и наблюденія надъ нею подтверждаютъ этотъ выводъ; такимъ специфическимъ органомъ является *нервная система*. Элементарнѣйшая нервная система, у простѣйшихъ животныхъ потенціально заключающаяся въ общей массѣ ихъ тѣла, есть не что иное, какъ специфическій органъ, при помощи котораго животное производитъ оцѣнку внѣшняго міра. Естественно, что, при жизни втеченіе долгаго времени въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, у отдѣльныхъ представителей даннаго вида создается чрезвычайное накопленіе совершенно одинаковыхъ актовъ поглощенія пищи и уклоненія отъ опасности. Миріады животныхъ изъ поколѣнія въ поколѣ-

Digitized by Google

ніе поглощаютъ одну и ту же пищу; изъ поколѣнія въ поколѣніе же опасность для ихъ жизни представляютъ одни и тѣ же живые или неживые предметы. Одно и то же дѣйствіе приходится повторять такое нескончаемое количество разъ, что оно становится, наконецъ, второю природою животнаго. Естественно, что при прогрессирующей дифференціаціи, въ созданной при вліяніи этого дѣйствія рудиментарной нервной системѣ появляется часть, строеніе которой вполнѣ приноровлено къ регулированію этого дѣйствія, къ обезпеченію возможно болѣе правильнаго функціонированія тѣхъ частей организма, которыя въ немъ участвуютъ. Такимъ образомъ, внѣшнія условія, заставляя животное совершать извѣстныя дѣйствія, въ то же самое время накладываютъ печать на строеніе той части появляющейся вслѣдствіе дифференціаціи нервной системы, какая съ этими дѣйствіями связана. *Но это не означаетъ ничего иного, какъ то, что извѣстная послѣдовательность внѣшнихъ условій жизни создаетъ извѣстную находящуюся въ прямой отъ нея зависимости послѣдовательность въ структурѣ нервной системы.* Не останавливаясь на этомъ чрезвычайно важномъ выводѣ, выводѣ, который имѣетъ огромное значеніе для построенія матеріалистической теоріи познанія,—мы отмѣтимъ пока лишь тотъ связанный съ нимъ фактъ, что повторяемость извѣстныхъ дѣйствій въ концѣ концовъ приноравливаетъ къ нимъ организацію нервной системы и дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ не только нормальными съ точки зрѣнія удовлетворенія потребностей животнаго, но и наиболѣе легко, рельефно *познаваемыми*. Если функція познанія внѣшняго міра вначалѣ является совершенно механической, то постепенно она становится тѣмъ не менѣе все болѣе и болѣе утонченной, входитъ въ число всѣхъ жизненныхъ функцій организма и сосредоточивается въ особомъ, созданномъ для нея и ради нея естественнымъ подборомъ, органѣ. Съ теченіемъ времени (милліоновъ вѣковъ!!!) организація нервной системы все больше и больше усложняется, совершенствуется, и въ концѣ концовъ получается аппаратъ чрезвычайно точный, аппаратъ, который чрезвычайно ясно показываетъ даже сравнительно простому животному все то, что клонится къ его благу и что направлено ему во вредъ. Этотъ въ высшей степени чувствительный аппаратъ, сложившійся подъ вліяніемъ обычнаго, до такой степени рельефно показываетъ всѣ отступленія отъ обычнаго, полезнаго,—что намъ нетрудно представить себѣ моментъ, когда его показанія перестаютъ быть просто механическими и превращаются въ тѣ утончившіяся явленія, какія мы называемъ *ощущеніями*. А такъ какъ цѣлый рядъ дѣйствій является обычнымъ, то обычными являются и ощущенія. При наступленіи необычнаго происходитъ дисгармонія ощущеній. *Ощущеніе этой дисгармоніи, стремленіе организма къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія и есть инстинктъ.* Мы могли бы опредѣлить его и такимъ образомъ, что *инстинктъ есть субъектив-*

Digitized by Google

ное ощущеніе того ряда дѣйствій, какой запечатлѣнъ въ нервной системѣ вслѣдствіе того, что для удовлетворенія потребностей даннаго животнаго онъ является обычнымъ. Неудовлетворенный инстинктъ есть стремленіе къ такимъ обычнымъ дѣйствіямъ, удовлетворенный—ощущеніе того равновѣсія, какое является въ результатѣ удовлетворенія потребностей. Естественно, что инстинктъ, коренящееся въ нервной системѣ ощущеніе нарушеннаго равновѣсія, направляетъ и регулируетъ жизнь животнаго, заставляетъ его активно стремиться къ удовлетворенію потребностей и указываетъ путь, какимъ послѣднее можетъ быть достигнуто. Выше мы опредѣлили волю животнаго, какъ *отношеніе между его потребностями.* Ощущаются эти потребности при посредствѣ нервной системы. Въ нервной же системѣ запечатлѣны тѣ обычные пути, какими основныя потребности животнаго наилучшимъ образомъ удовлетворяются. *Нервная система животнаго не имѣетъ, такимъ образомъ, самостоятельнаго значенія.* Даже у высшихъ животныхъ, какъ четвероногія млекопитающія, ея роль сводится къ тому, чтобы помогать наилучшему удовлетворенію основныхъ потребностей—питаться и размножаться. Дальше мы увидимъ, что *единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила является человѣкъ,* но предварительно намъ необходимо подробнѣе разсмотрѣть, во что превращается созданная для оріентированія животнаго система органовъ у высшихъ животныхъ вообще.

IV.

Изъ исторіи видовъ мы знаемъ, что борьба за существованіе была всегда въ высшей степени ожесточенной. Припомнимъ здѣсь, что мало по малу изъ простой конкурренціи она превратилась въ борьбу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Она стала индивидуальной борьбой отдѣльныхъ животныхъ, а съ теченіемъ времени и борьбою отдѣльныхъ группъ, въ которыхъ индивидуумы вступали въ оборонительный и наступательный союзъ. Я не буду утомлять вниманія читателей ни иллюстрирующими этотъ процессъ развитія формъ борьбы примѣрами, ни картиной всѣхъ тѣхъ выводовъ, какіе могутъ быть изъ этого чрезвычайно важнаго обстоятельства сдѣланы. Для моей цѣли достаточно указать на фактъ все большаго *ожесточенія* борьбы за существованіе, ибо изъ него съ желѣзной необходимостью логики природы вытекаетъ то послѣдствіе, что организація животнаго, направленная къ удовлетворенію его потребностей, должна была все болѣе и болѣе совершенствоваться. Исторія видовъ вполнѣ подтверждаетъ этотъ дедуктивный выводъ, и мы уже имѣли случай говорить о томъ, какую степень дифференціаціи и какое совершенство организаціи въ соотвѣтствующихъ органахъ это обстоятельство вызываетъ. Но не менѣе интересны и тѣ перемѣны, какія происходятъ вслѣдствіе этого въ нервной системѣ. Подъ нервной системой я разумѣю въ настоящемъ случаѣ не только нервную систему въ тѣсномъ смыслѣ, какою она представляется анатому,

Digitized by Google

если онъ думаетъ о высшемъ животномъ. Нервной системой—въ широкомъ смыслѣ—я называю всю ту совокупность органовъ, какіе, какъ сказано выше, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а играютъ при удовлетвореніи животнымъ основныхъ его потребностей служебную роль. Уже примѣненный нами историческій методъ мы примѣнимъ и здѣсь. Первыя нервныя функціи низшее животное — напримѣръ, амёба — могло отправлять прежде всего, очевидно, внѣшними частями своего тѣла. Только то или иное раздраженіе внѣшней части его тѣла—передаваемое или непередаваемое внутрь—могло дать ему возможность двинуться въ сторону пищи или въ сторону, противоположную той, гдѣ была опасность. Насъ, опять, нисколько не должно удивлять это обстоятельство. Явленія магнетизма и электричества даютъ массу примѣровъ такого именно значенія поверхности тѣлъ. Но уже это одно обстоятельство говоритъ чрезвычайно много. Намъ уже становится яснымъ, что дальнѣйшее развитіе того аппарата, который мы назвали общимъ именемъ нервной системы, должно было происходить прежде всего такимъ образомъ, что развивалась способность наружныхъ частей животнаго, его периферіи, ощущать внѣшніе предметы. Самый поверхностный анализъ того, какимъ образомъ животныя получаютъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ, убѣдитъ насъ въ томъ, что эта специфическая особенность внѣшнихъ частей тѣла, кожи, составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ вѣтвей развитія животнаго. Въ самомъ дѣлѣ, *непосредственныя* представленія о такихъ свойствахъ тѣлъ, какъ твердость, мягкость, текучесть, проницаемость, тотъ или иной вкусъ, та или иная температура—получаются при помощи простого прикосновенія. Способность кожи ощущать, резюмируемая нами въ одно понятіе осязанія, играетъ въ высшей степени важную роль и въ тѣхъ процессахъ, какими подготовляется размноженіе. Простое треніе у сравнительно низко стоящихъ животныхъ превращается въ треніе половыхъ частей у стоящихъ болѣе высоко. Дифференціація создаетъ половую систему, но ощущенія осязанія продолжаютъ играть въ инстинктахъ животнаго выдающуюся роль. Еще интереснѣе то, что мы наблюдаемъ у высшихъ животныхъ, четвероногихъ и обезьянъ. Здѣсь развитіе внѣшнихъ частей организма и дифференціація пошли такъ далеко, выразились въ такихъ поразительныхъ результатахъ, что предъ волшебствомъ естественнаго хода развитія блѣднѣетъ все то, что создавалось волшебствомъ фантазіи сказочниковъ всего міра. Что такое запахъ? Мы знаемъ, что мельчайшія частицы издающаго запахъ вещества раздражаютъ органы обонянія. Органы обонянія раздражаются, такимъ образомъ, механически; явленіе въ данномъ случаѣ вполнѣ аналогично, слѣдовательно, ощущенію твердости при прикосновеніи какою-либо частью тѣла. Но однородная нѣкогда внѣшняя часть тѣла животнаго въ тотъ или иной моментъ его существованія обнаружила въ какомъ-либо мѣстѣ бо́льшую воспріимчивость къ исходящимъ отъ внѣшняго предмета

Digitized by Google

мелкимъ частицамъ, эта особенность оказалась полезной, была подхвачена недремлющимъ естественнымъ подборомъ, и въ результатѣ—спеціальный, специфическій органъ обонянія. Что такое звукъ? Мы знаемъ, что колеблющіяся частицы воздуха колеблютъ нашу мембрану, и мы получаемъ впечатлѣніе звука. Очевидно, здѣсь произошло то же самое, что и въ случаѣ обонянія. Сначала колебанія воспринимало все тѣло, но вліяніе естественнаго подбора создало способность воспринимать болѣе тонкія колебанія и сосредоточило эту способность въ образовавшемся вслѣдствіе дифференціаціи органѣ слуха. А зрѣніе? Не произошло ли и здѣсь то же самое? Развѣ мы не знаемъ, что свѣтъ—гораздо болѣе тонкія и быстрыя, чѣмъ въ случаѣ звука и воздуха, колебанія свѣтового эфира? Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что впечатлѣніе свѣта можно вызвать въ темнотѣ давленіемъ на глазъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ не произошло ничего иного, какъ постепенное сосредоточеніе—подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ—способности ощущать тонкія колебанія свѣтового эфира въ одномъ органѣ. Среди существующихъ видовъ можно найти много переходныхъ формъ, ярко иллюстрирующихъ все сказанное нами.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ тѣ органы—обонянія, слуха, зрѣнія—какіе составляютъ столь сложный и столь могущій аппаратъ, при помощи котораго животное составляетъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ,—образовались изъ простой воспріимчивости внѣшнихъ частей тѣла простого животнаго къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Но до сихъ поръ мы разсматривали лишь внѣшнюю часть этого аппарата, теперь намъ необходимо обратиться къ внутренней.

Внутренняя часть этого аппарата состоитъ изъ безчисленнаго множества нитей и комочковъ такъ называемаго нервнаго вещества. Всѣ нити сходятся въ концѣ концовъ въ центрѣ, образуемомъ спиннымъ, шейнимъ и головнымъ мозгомъ. Изъ изслѣдованій физіологовъ мы знаемъ, что одна часть нервныхъ нитей связана со спиннымъ мозгомъ, какъ центромъ, другая—съ головнымъ. Мы знаемъ также и то, какъ этотъ мудреный аппаратъ дѣйствуетъ. Самымъ простымъ дѣйствіемъ его является такъ называемый простой рефлексъ. Внѣшній міръ, внѣшній предметъ, раздражаетъ ту или иную часть периферіи животнаго,—одинъ изъ тѣхъ безконечно сложныхъ и волшебно организованныхъ воспріемниковъ, о которыхъ мы говорили выше. Раздраженіе—въ видѣ ли ряда колебаній, въ видѣ ли простого давленія—воздѣйствуетъ на примыкающую ниточку-нервъ, иногда на безконечное множество ихъ, и по нервнымъ нитямъ, черезъ промежуточныя клѣтки, токъ направляется къ центру. Въ центрѣ происходитъ нѣкоторый, не вполнѣ еще ясный въ деталяхъ, процессъ, который внѣшнимъ образомъ выражается въ движеніи частичекъ мозга, и затѣмъ изъ центра исходитъ импульсъ, который по нервнымъ нитямъ же передается мускуламъ животнаго, и въ результатѣ получается дѣйствіе, action. Въ этомъ простомъ рефлексѣ воплощается всякое дѣйствіе животнаго. Въ сущности,

Digitized by Google

къ такимъ рефлексамъ можетъ быть сведена вся жизнь животнаго. Мы можемъ себѣ представить такой рефлексъ усложненымъ, но въ концѣ концовъ дѣятельность нервной системы, того аппарата, который, какъ мы резюмировали выше, помогаетъ животному лучше удовлетворять его потребности, можетъ быть сведена къ типу рефлекса—простого или сложнаго. Такъ организована и такъ функціонируетъ нервная система сложнаго животнаго. Эта сложность—результатъ борьбы за существованіе; у простого животнаго организація нервной системы гораздо проще, у простѣйшаго—лишь однородное тѣло, которое временами функціонируетъ, какъ нервная система. Отъ установленнаго типа рефлекса—въ особенности у высшихъ животныхъ—существуетъ преимущественно два рода уклоненій. Вторая половина, токъ отъ центра къ периферіи, можетъ отсутствовать. Кромѣ того, между токомъ первичнымъ—отъ периферіи къ центру—и вторичнымъ, обратнымъ, можетъ быть довольно продолжительный промежутокъ. Послѣднее обстоятельство очень важно, потому что иной разъ можетъ казаться, что импульсъ исходитъ отъ центра безъ предварительнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ физіологи утверждаютъ, что это невозможно, что, напротивъ того, благодаря способности задерживать въ центрѣ энергію обратнаго тока могутъ въ центрѣ же комбинироваться нѣсколько различныхъ по времени первичныхъ (отъ периферіи къ центру) токовъ, и обратный можетъ быть для всѣхъ ихъ одинъ, результирующій. Какъ бы то ни было, у самыхъ высшихъ животныхъ получаютъ значеніе тѣ процессы, которые происходятъ въ центральной части нервной системы, по преимуществу въ головномъ мозгу. Здѣсь мы не можемъ касаться этого вопроса подробно. Это одинъ изъ самыхъ интересныхъ и въ то же время наименѣе изслѣдованныхъ вопросовъ физіологіи. Такъ какъ мы видѣли уже, что вся нервная система выработалась путемъ естественнаго подбора подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, такъ какъ необходимымъ началомъ функцій нервной системы всегда является внѣшнее впечатлѣніе, то, очевидно, *послѣдовательность въ отдѣльныхъ частяхъ процесса функціонированія нервной системы будетъ вполнѣ соотвѣтствовать той послѣдовательности, какая царитъ во внѣшнемъ мірѣ.* Слѣдовательно, и та часть этого процесса, какая происходитъ въ центральной части нервной системы въ случаѣ задерживанія вторичнаго тока (отъ центра къ периферіи) объективно должна соотвѣтствовать процессамъ внѣшняго міра, должна въ здоровомъ, нормальномъ состояніи быть отраженіемъ той послѣдовательности, той связи между явленіями, какая господствуетъ въ объективной природѣ. *Но эта часть процесса есть не что иное, какъ то, что мы называемъ—по субъективному ощущенію его—размышленіемъ.* Слѣдовательно, законы мышленія являются лишь субъективнымъ ощущеніемъ того объективнаго процесса, который является отраженіемъ процессовъ внѣшняго міра. Слѣдовательно,

Digitized by Google

логическіе законы повторяютъ лишь ту послѣдовательность, какая присуща явленіямъ объективной природы. Мы должны ограничиться указаніемъ этого факта, оставляя развитіе его до будущаго случая. Для нашей цѣли—уясненія конструкціи и функціонированія нервной системы—достаточно и сказаннаго. Если кому-либо все это покажется неубѣдительнымъ, то онъ можетъ представлять себѣ процессъ дѣятельности нервной системы по своему. Конечные выводы нашей статьи отъ этого нисколько не измѣнятся. Въ примѣненіи къ предыдущему мы можемъ, однако, теперь утверждать слѣдующее. Воспринятое внѣшнее впечатлѣніе оріентируетъ животное. Если оно голодно, то впечатлѣніе отъ предмета, годнаго для пищи, вызоветъ сейчасъ же рефлективное тяготѣніе къ нему. Если одновременно животное будетъ видѣть въ томъ же направленіи и опасность для жизни его, то оно испытаетъ рефлекторное движеніе въ обратномъ направленіи. Неизбѣженъ моментъ, когда оба импульса равняются вмѣстѣ нулю, или же отношеніе между ними равно единицѣ. Если животное находится сразу подъ вліяніемъ нѣсколькихъ имѣющихъ разнообразное значеніе внѣшнихъ впечатлѣній, то вторичный нервный токъ, отъ центра къ периферіи, будетъ непремѣнно сложнымъ и конечный результативный импульсъ будетъ алгебраической суммой элементарныхъ вторичныхъ импульсовъ, онъ будетъ отношеніемъ между этими послѣдними. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе того, что представляетъ изъ себя нервная система въ широкомъ смыслѣ, привело насъ къ тому же выводу, который мы сдѣлали уже выше: воля животнаго есть отношеніе между его потребностями. Будемъ продолжать нашъ анализъ нервной системы—въ ея наиболѣе совершенной формѣ—въ той формѣ, въ какой она существуетъ у самаго сложнаго изъ всѣхъ животныхъ—человѣка.

V.

Выше мы указали, что въ конечномъ счетѣ человѣкъ происходитъ отъ самыхъ простыхъ, одноклѣтныхъ животныхъ. Тѣмъ легче намъ представить себѣ тотъ моментъ въ эволюціи человѣка, когда онъ стоялъ на ступени развитія, приравнивающей его къ другимъ высшимъ животнымъ. Естественно, что воображеніе рисуетъ въ этомъ случаѣ существо, чрезвычайно напоминающее современныхъ намъ обезьянъ.

Если мы начнемъ присматриваться къ организаціи высшихъ животныхъ, то она намъ будетъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ понятной, какъ сложный механизмъ, созданный для удовлетворенія основныхъ потребностей,—потребностей, безъ удовлетворенія которыхъ невозможна жизнь. Такъ какъ мы уже знаемъ, что нѣкоторыя части организма служатъ этой цѣли не прямо, а косвенно, то насъ не удивитъ присутствіе какого-либо органа, который на первый взглядъ кажется не несущимъ этой службы. Съ другой стороны, по той же причинѣ, намъ не покажется страннымъ, если мы подмѣтимъ развитіе какого-либо органа столь значительное, что

Digitized by Google

оно должно превышать непосредственную нужду въ этомъ съ точки зрѣнія питанія. Какое отношеніе къ питанію или размноженію имѣютъ рога быка или оленя, клыки слона, страшныя челюсти и когти льва? Развѣ при питаніи подножнымъ кормомъ помогаютъ рога? Развѣ для того, чтобы одержать побѣду надъ мирными животными, какими питаются преимущественно хищники кошачьей породы, необходима чудовищная сила льва или ловкость тигра? Мы никогда не могли бы удовлетворительно отвѣтить на эти вопросы, если бы имѣли въ виду только непосредственную нужду и непосредственное удовлетвореніе потребностей. А отвѣтъ, между тѣмъ, чрезвычайно простъ и напрашивается самъ собою.

Выше мы говорили о примитивной формѣ борьбы между примитивными животными. Борьба эта носитъ настолько пассивный характеръ, что къ ней гораздо больше примѣнимо названіе конкурренціи. Но развивающееся животное становится все болѣе и болѣе сложнымъ, все болѣе и болѣе активнымъ. Вытекающая изъ факта растущаго ожесточенія борьбы за существованіе активность эта заставляетъ животное на извѣстной ступени его развитія употреблять усилія не только для того, чтобы усвоить пищу, но и для того, чтобы ею овладѣть. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о хищникахъ, завязывается настоящая битва между животнымъ, желающимъ овладѣть другимъ, и тѣмъ, которое отстаиваетъ свою жизнь. Но бываетъ и такъ, что недостатокъ въ пищѣ заставляетъ двухъ представителей одного и того же вида броситься въ одномъ и томъ же направленіи, въ погонѣ за однимъ и тѣмъ же кускомъ. Между ними неизбѣжна въ такомъ случаѣ борьба, какъ она неизбѣжна и тогда, когда два самца стремятся къ обладанію одной и тою же самкой. Если въ данной мѣстности живетъ нѣсколько видовъ, питающихся одинаково, то неизбѣжны столкновенія между отдѣльными представителями ихъ, и къ той причинѣ войны, какая создается вслѣдствіе желанія одного вида употреблять въ пищу другой, прибавляется еще соревнованіе между двумя или нѣсколькими видами — конкуррентами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ столкновеній побѣда, очевидно, остается за тѣмъ, кто обладаетъ какой-либо особенностью, какимъ-либо преимуществомъ передъ своимъ соперникомъ. Такимъ преимуществомъ въ равной степени можетъ быть, какъ большая силъ мышцъ, такъ и индивидуально нѣсколько болѣе развитые зубы; имъ является въ особенности какой-либо такой признакъ, который увеличиваетъ силу удара или дѣлаетъ послѣдній особенно болѣзненнымъ вслѣдствіе механическихъ — часто даже химическихъ—законовъ. Небольшое возвышеніе въ верхней части головы, на лбу, нѣсколько болѣе обильное содержаніе въ слюнѣ какого-либо раздражающаго, ѣдкаго вещества, не будучи нисколько полезными непосредственно, во всѣхъ случаяхъ борьбы могутъ оказаться большимъ преимуществомъ, потому что могутъ быть пущены въ ходъ, какъ *ей угодно*. Мы не разъ говорили уже о томъ, что борьба за существованіе

Digitized by Google

неизбѣжно и постоянно ожесточалась. Этотъ фактъ—одинъ изъ тѣхъ, которые совершенно непоколебимо установлены и являются прочнымъ основаніемъ для всяческихъ выводовъ. Но ко всей совокупности извѣстныхъ доказательствъ можно было бы прибавить еще и то обстоятельство, что формамъ борьбы за существованіе свойственна, какъ и всему въ мірѣ, извѣстная эволюція, что борьба изъ элементарной ковкурренціи, черезъ стадію индивидуальныхъ активныхъ стычекъ, развилась въ борьбу группами и въ концѣ концовъ приняла ту форму, какая сосредоточиваетъ въ настоящее время на себѣ вниманіе, какъ борьба классовъ. Ясное дѣло, что этотъ циклъ развитія не могъ бы быть продѣланъ, если бы не существовала постоянная причина, дѣлающая борьбу все болѣе ожесточенной. Эта причина заключается въ тенденціи видовъ къ безконечному размноженію. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ значеніе тѣхъ органовъ, которые играютъ для животнаго роль его оружія въ борьбѣ за существованіе, все увеличивается. Несомнѣнно, что все, въ чемъ проявляется жизнь, существуетъ лишь въ томъ случаѣ, если существуетъ прежде всего сама эта жизнь. Слѣдовательно, первоначальное, гипотетически установленное положеніе, что *живетъ* та особь, то животное, которое удовлетворяетъ свои потребности, осложняется еще однимъ положеніемъ: живетъ, а слѣдовательно и удовлетворяетъ свои потребности то животное, которое *сумѣло* обезпечить себѣ жизнь. Но мы видѣли, что наилучшимъ образомъ это удается тѣмъ счастливцамъ, которымъ судьба дала что-либо такое въ ихъ организаціи, чѣмъ они могутъ воспользоваться, какъ оружіемъ, отстаивая себя отъ враговъ. Само собою разумѣется, что столь полезная особенность тотчасъ же подпадаетъ вліянію естественнаго подбора, и въ концѣ концовъ возникаютъ такія украшенія, какъ рога, клыки, когти и т. д. и т. д. Если мы обратимъ теперь вниманіе на то обстоятельство, что всякая борьба состоитъ изъ двухъ элементовъ, элемента защиты и элемента нападенія, если мы припомнимъ всѣ тѣ извѣстные случаи изъ жизни птицъ, лягушекъ и т. д., когда строеніе, окраска и т. д. становятся такими, какія необходимы, чтобы какъ можно лучше избѣгать враговъ, то мы вправѣ будемъ сдѣлать слѣдующій общій выводъ, имѣющій для насъ огромное значеніе: *съ извѣстнаго момента земной жизни у всѣхъ животныхъ получаетъ совершенно исключительный импульсъ къ развитію тотъ органъ, который является оружіемъ животнаго въ борьбѣ за существованіе.* Съ этимъ обстоятельствомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало считались послѣдователи Дарвина при своихъ біологическихъ изслѣдованіяхъ.

Если мы теперь снова обратимся къ человѣку, то самъ собою напрашивается вопросъ: въ чемъ же заключалось его оружіе въ борьбѣ, какой органъ развивался для этого назначенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень значительно придвинетъ насъ къ рѣшенію основного, интересующаго насъ

Digitized by Google

вопроса. Какъ мы знаемъ изъ изслѣдованій Дарвина и его послѣдователей, тотъ видъ обезьяноподобныхъ существъ, въ которомъ слѣдуетъ предполагать предковъ человѣка, кромѣ умѣнья лазить по деревьямъ, не обладалъ никакимъ особеннымъ преимуществомъ въ борьбѣ за существованіе со столь же большими животными. У него не было ни когтей льва или тигра, ни роговъ быка, ни ослѣпительной изворотливости и ловкости пантеры, ни клыковъ или хобота слона. Нѣкоторые виды человѣкоподобныхъ обезьянъ, какъ, напримѣръ, горилла, обладаютъ, правда, весьма большой мускульной силой, но какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, въ этомъ какъ разъ обстоятельствѣ нужно предполагать тотъ признакъ, какой отличалъ эту разновидность отъ развившейся въ человѣка— такъ что горилла и человѣкъ представляютъ два полюса развитія по принципу расхожденія признаковъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ выдающимися естествоиспытателями, мы можемъ считать, что въ извѣстный періодъ своего существованія человѣкъ отличался сравнительной безпомощностью. Сейчасъ мы увидимъ, что какъ разъ эта слабость превратилась для него въ источникъ силы.

Находясь среди болѣе сильныхъ соперниковъ, человѣкъ долженъ былъ гораздо больше усилій направлять къ тому, чтобы удовлетворить свои потребности. Согласно установленному выше, мы уже a priori должны будемъ предположить, что его нервная система сдѣлалась вслѣдствіе этого нѣсколько болѣе совершенной, потому что болѣе целесообразной должна была стать его общая организація. Но къ тому же самому выводу мы придемъ и путемъ непосредственнаго анализа. Очевидно, болѣе слабый — человѣкъ долженъ былъ чаще прислушиваться, болѣе внимательно всматриваться, совершеннѣе комбанировать внѣшнія впечатлѣнія, чѣмъ это дѣлали другія животныя. Ему чаще приходилось прибѣгать ко всякаго рода уловкамъ, въ которыхъ выражаются *способы* борьбы; его нервный аппаратъ чаще функціонировалъ, а слѣдовательно, становился болѣе развитымъ. Сравнительнымъ же развитіемъ нервной системы подготовлялся слѣдующій чрезвычайно важный шагъ. Могло случиться, что обезьяноподобный предокъ человѣка въ моментъ нападенія на него врага держалъ въ рукѣ камень или палку. Могло случиться, что рефлекторный жестъ удара въ направленіи врага совершился прежде, чѣмъ камень или палка были выпущены. Судорожно сжатые пальцы или крючокъ на палкѣ могли быть причиной этого. Какъ бы то ни было, отъ удара въ этомъ случаѣ получился чрезвычайный эффектъ. *Случайно вооруженная рука* служила защитѣ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ невооруженная. Такіе случаи могли повториться. Они даже неизбѣжно повторялись, потому что извѣстная привычка обезьянъ становиться на заднія руки-ноги объясняется не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что переднія употребляются для держанія какихъ-либо предметовъ. И, быть можетъ, тысячи лѣтъ прошли прежде, чѣмъ ударъ вооруженной рукой запечатлѣлся, какъ полезный поступокъ въ нервной системѣ, и животное вос-

Digitized by Google

пользовалось этимъ способомъ борьбы съ такою ясностью инстинкта, какую мы можемъ считать сознаніемъ. Но разъ такой способъ борьбы былъ пущенъ въ ходъ сознательно, дѣло было сдѣлано. У человѣка было оружіе въ борьбѣ за существованіе, хотя оно и было не тѣмъ или инымъ органомъ его организма, а внѣшнимъ предметомъ. Но можемъ ли мы сказать, что въ организмѣ человѣка не произошло никакой перемѣны, что все дѣло ограничилось механическимъ прибавленіемъ къ его рукѣ палки или камня? Очевидно, мы этого сказать не можемъ. Намъ вполнѣ ясно даже, что, несмотря на чрезвычайный эффектъ именно этого—дѣло вовсе не въ палкѣ или камнѣ. *Существенная сторона дѣла заключается въ той перемѣнѣ въ нервной системѣ, въ томъ ея усовершенствованіи, какое сдѣлало возможнымъ сознательное употребленіе внѣшняго предмета.* Какой же выводъ мы сдѣлаемъ изъ этого? Тотъ, что фактически *специфическимъ оружіемъ человѣка въ борьбѣ за существованіе сдѣлалась его нервная система.* Мы знаемъ, что изъ простыхъ камня и палки оружіе принимало все болѣе цѣлесообразныя формы. То, что бралось въ руку, такимъ образомъ постоянно мѣнялось. Неизмѣннымъ, однако, оставалось то, что руководило этими дѣйствіями, неизмѣнно завѣдывала этимъ нервная система. Мы не можемъ останавливаться на этомъ еще подробнѣе. Во всемъ предыдущемъ заключается, однако, обоснованіе того моего взгляда, по которому человѣкъ прежде всего воспользовался внѣшними предметами, какъ *оружіемъ* и затѣмъ уже перешелъ къ тому, чтобы употреблять ихъ, какъ *орудіе*—фактъ, о которомъ мало думали историки такъ называемой „культуры" человѣка. Во всякомъ случаѣ, съ этого момента жизнь человѣка радикально измѣняется. Изъ существа, въ значительной степени беззащитнаго, онъ превращается въ сильнаго врага своихъ враговъ. Въ борьбѣ за существованіе—въ той борьбѣ, въ какой онъ одержалъ въ концѣ концовъ побѣду надъ всѣми остальными видами, населявшими землю,—все больше совершенствовалось его специфическое оружіе.

Мы можемъ все сказанное резюмировать такъ: къ тѣмъ причинамъ, какія вліяли на нервную систему такимъ образомъ, что она достигла, наконецъ, степени развитія, наблюдаемой у высшихъ животныхъ,—у человѣка присоединилась еще та, что нервная система сдѣлалась его специфическимъ оружіемъ. *Вслѣдствіе этого нервная система человѣка достигла чрезвычайнаго развитія,* какого она не могла достигнуть ни у какого другого вида. Уже a priori надо предположить, что это внесло существенныя перемѣны въ жизнь человѣка. Въ этомъ слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, искать тотъ признакъ, какой, отдѣляя человѣка отъ животнаго, даетъ основаніе для конструкціи соціологическаго понятія „человѣкъ". Но рѣчь объ этомъ впереди.

К. Вейдемюллеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Государственная Дума и рабочій вопросъ.

I.

Въ правительственной декларацiи 16 ноября м. г. предсѣдатель совѣта министровъ П. Столыпинъ, между прочимъ, заявилъ, что правительство предложитъ Госуд. Думѣ „введеніе цѣлаго ряда усовершенствованій въ строѣ мѣстной жизни, между которыми государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, страхованіе ихъ и обезпеченіе имъ врачебной помощи останавливаютъ теперь особенное вниманіе правительства". Этими немногими общими словами и ограничивается вся программа соціальныхъ реформъ бюрократіи въ сферѣ рабочаго вопроса. А, между тѣмъ, еще такъ недавно государственная проблема законодательной охраны труда пользовалась исключительнымъ вниманіемъ правительства. Послѣ „кроваваго воскресенья" 1905 года комитетъ министровъ, настойчиво взывая къ великой тѣни Бисмарка, вполнѣ опредѣленно высказался за неотложную необходимость коренной реформы русскаго рабочаго законодательства съ цѣлью улучшенія производственно-экономическихъ условій жизни и труда рабочихъ. „Послѣдствіемъ задержки въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства,—заявилъ комитетъ министровъ,—было то, что рабочее наше движеніе, не будучи удерживаемо въ теченіи своемъ опредѣленными рамками положительнаго закона, уклонилось со свойственнаго ему пути экономическаго характера и подпало подъ вліяніе политической агитаціи и полицейскаго воздѣйствія", въ то время, какъ „исторія фабричнаго законодательства, напримѣръ, Германіи показываетъ, что государственные люди страны и, во главѣ ихъ, кн. Бисмаркъ, своевременно оцѣнили значеніе рабочаго вопроса и, настоявъ на изданіи наиболѣе существенныхъ по нему законовъ (о государственномъ страхованіи рабочихъ, о союзахъ ихъ, стачкахъ и т. д.), взяли рабочее движеніе въ свои руки". Съ цѣлью осуществить послѣднюю задачу и наше правительство съ неслыханной для бюрократіи быстротой образовало цѣлый рядъ комиссій и совѣщаній по рабочему вопросу (комитета министровъ, т. е. Шидловскаго, министра финансовъ Коковцова, отдѣла промышлен-

Digitized by Google

ности, министерства промышленности и торговли), которые въ конечномъ результатѣ и выработали законопроекты: 1) правила о наймѣ рабочихъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, 2) о рабочемъ времени лицъ, не достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста, женскаго пола и взрослыхъ рабочихъ, 3) о страхованіи рабочихъ въ случаяхъ болѣзни и отъ несчастныхъ случаевъ, 4) о сберегательныхъ кассахъ обезпеченія отъ старости и инвалидности, 5) о мѣрахъ поощренія строительства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ, 6) о промышленной инспекціи, 7) объ окружныхъ промышленныхъ присутствіяхъ и 8) объ учрежденіи промысловыхъ судовъ.

Всѣ эти законопроекты, выработанные непосредственно подъ напоромъ рабочаго движенія, были окончательно приготовлены къ Госуд. Думѣ второго созыва, но наканунѣ внесенія ихъ въ Думу послѣдняя была распущена. Политическая реакція, пройдя по всей линіи освободительнаго движенія, существенно отражается въ настоящее время не только на содержаніи законопроектовъ по рабочему вопросу, но и на самой постановкѣ проблемы рабочаго законодательства въ Россіи. Волна забастовокъ и стачечной борьбы упала, грозный потокъ рабочаго движенія затихъ и, въ зависимости отъ этого, тѣни государственныхъ людей, которые „своевременно оцѣнили значеніе рабочаго вопроса“, разсѣялись. Бюрократія не намѣрена теперь спѣшить съ реформой рабочаго законодательства: всѣ отмѣченные выше законопроекты вновь перерабатываются въ министерствѣ торговли и промышленности и внесеніе ихъ въ Госуд. Думу отсрочено на неопредѣленное время. Вмѣсто этихъ законопроектовъ, которые до извѣстной степени затрагивали всѣ стороны производственно-экономической жизни рабочихъ и могли лечь въ основу общаго имперскаго законодательства объ охранѣ труда, правительство ограничилось только внесеніемъ въ Госуд. Думу законопроектовъ: „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ“ и „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ“, предложенныхъ Госуд. Думѣ для санкціи соотвѣтствующихъ временныхъ правилъ отъ 15 ноября 1906 г., изданныхъ въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ.

Никто не сомнѣвается, конечно, что объективныя условія общественно-экономической жизни Россіи весьма скоро побудятъ правительство въ направленіи рабочей политики снова призвать на помощь тѣнь кн. Бисмарка и туманныя общія фразы о „государственномъ попеченіи“ замѣнить опредѣленными и конкретными законопроектами, всесторонне реформирующими русское рабочее законодательство. Пока же на очереди законодательной дѣятельности депутатовъ Госуд. Думы стоитъ вопросъ о регламентаціи рабочаго времени приказчиковъ, торгово-служащихъ и ремесленниковъ. Думская рабочая комиссія уже разсматриваетъ эти законопроекты и есть

Digitized by Google

основаніе предполагать, что къ концу текущей сессіи они будутъ обсуждаться Госуд. Думой. На ряду съ этимъ, конституціонно-демократическая партія уже выработала самостоятельный „проектъ закона объ обезпеченіи отдыха торговыхъ служащихъ". Соціалъ же демократическая фракція, до выработки общаго законодательства объ охранѣ труда, рѣшила ограничиться внесеніемъ къ правительственному законопроекту поправокъ по пунктамъ, которыя и разработаны рабочей комиссіей при фракціи. Такимъ образомъ, по вопросу о регламентаціи рабочаго времени приказчиковъ и торгово-служащихъ имѣется три проекта закона, которые лежатъ передъ депутатами Думы и на которые со всѣхъ сторонъ необъятной Россіи обращены тревожные взоры многочисленной арміи тружениковъ, кровно заинтересованныхъ въ правильномъ и немедленномъ разрѣшеніи своихъ насущныхъ нуждъ и интересовъ.

Провести между этими законопроектами сравнительную параллель и подвергнуть ихъ критическому анализу, съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ труда, составляетъ задачу нашей статьи.

II.

Законопроектъ „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ" затрагиваетъ интересы $1^1/_2$ милліонной арміи приказчиковъ и служащихъ, въ сферѣ взаимоотношеній труда и капитала которыхъ до самаго послѣдняго времени господствовали дореформенныя, патріархальныя отношенія. Русская экономическая литература почти совсѣмъ не удѣляла вниманія ихъ жизни и лишь въ беллетристикѣ „молодцы" въ типахъ Островскаго противопоставлялись „Китъ Китычамъ". Но съ ростомъ соціалъ-политическаго сознанія классовая борьба рабочихъ вовлекла и приказчиковъ въ сознательное движеніе. На смѣну „молодцовъ" выступили люди труда, сознающіе свое человѣческое достоинство и протестующіе противъ гнета матеріальной и правовой эксплоатаціи.

Производственно-экономическія условія жизни и правовое положеніе этой категоріи пролетаріата очень тяжелы и крайне безотрадны. Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту само министерство торговли и промышленности констатируетъ, что средняя продолжительность рабочаго дня приказчиковъ колеблется отъ 12,66 час. (торговля мѣховыми товарами) до 16,25 час. (смѣшанная торговля) и 17,7 час. (съѣстные припасы). По даннымъ изслѣдованія московскаго отдѣленія И. Р. Т. О., которое располагало 3.254 отвѣтами изъ 26 большихъ торговыхъ городовъ, средній рабочій день приказчиковъ составляетъ: въ Елизаветградѣ—$17^1/_2$ час., въ Новочеркаскѣ—16 час., въ городахъ Поволжья—16 час., въ Одессѣ—колеблется отъ 13 до 19 час. и для большей половины превышаетъ 16 час.

Digitized by Google

Колебаніе рабочаго дня приказчиковъ до 19 час. въ сутки наблюдается, особенно въ торговлѣ съѣстными припасами, почти повсемѣстно и весьма нерѣдко, но московская анкета отмѣчаетъ также случаи 20 — 21 час. рабочаго дня.

Если къ этому прибавить, что почти треть всѣхъ приказчиковъ и торгово-служащихъ составляютъ малолѣтніе и подростки, которые, какъ общее правило, обязаны являться на работу раньше и уходить позже, обязаны заниматься уборкой магазиновъ, разносить припасы и исполнять домашнія работы у хозяевъ,—то станетъ вполнѣ понятно, почему приказчики въ 40 — 50 лѣтъ являются больными и изломанными инвалидами.

Мнѣніе, что трудъ торгово-служащихъ значительно легче труда фабрично-заводскихъ рабочихъ, поскольку оно продиктовано изъ чистаго источника, очевидно, основано на недоразумѣніи, такъ какъ даже министерство торговли признаетъ, что „положеніе служащихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ не только не легче, но даже въ иныхъ случаяхъ и хуже положенія рабочихъ на высшихъ ступеняхъ машиннаго производства“ [1]). Приказчики почти $^2/_3$ сутокъ проводятъ на ногахъ въ душныхъ и затхлыхъ помѣщеніяхъ лѣтомъ, а зимой—большею частію въ холодныхъ и сырыхъ; они, какъ общее правило, не имѣютъ опредѣленнаго времени для обѣда и отдыха, а принимаютъ пищу „на ходу“, „смотря по дѣлу“. По свѣдѣніямъ [2]) д-ра Гудвана, $^3/_4$ всѣхъ одесскихъ приказчиковъ 6 дней въ недѣлю обѣдаютъ за прилавкомъ и питаются колбасой, селедкой и т. п. продуктами. Заработная плата ихъ весьма незначительна: средній мѣсячный заработокъ одесскихъ приказчиковъ, напр., равенъ 34 руб.; приказчицъ—14 р. и торговыхъ учениковъ—11 р.; въ Петербургѣ средній заработокъ приказчика составляетъ 35 р. въ мѣсяцъ.

Чрезмѣрно продолжительный рабочій день, тяжелая обстановка санитарно-гигіеническихъ условій труда, отсутствіе праздничнаго отдыха, низкая заработная плата,—все это является слишкомъ благопріятной почвой для физическаго, умственнаго и нравственнаго вырожденія этой категоріи тружениковъ. По показанію даже заинтересованной стороны, елизаветградскаго биржевого комитета, „приказчики, совершая тяжелый трудъ безъ всякаго отдыха при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, рѣдко могутъ прослужить болѣе 20 лѣтъ“ [3]). Изъ 25.876 чел. одесскихъ приказчиковъ числится: дѣтей до 15 лѣтъ — 21,2%, подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ — 11,4%, взрослыхъ отъ 18 до 30 л. — 13,1%, отъ 30 до 40 л. — 14,8%, отъ 40 до 50 л. — 4,5% и свыше 50 лѣтъ — 1,0%.

---

[1]) „Объяснительная записка“, стр. 16.

[2]) А. Гудванъ. „Приказчичій вопросъ“. Од. 1905 г.

[3]) М. Розенъ. „Очерки положенія торгово-промышленнаго пролетаріата въ Россіи“. Спб. 1907 г., стр. 16.

Digitized by Google

Анализируя эти цифры, невольно возникаетъ вопросъ: куда дѣваются всѣ эти сотни и тысячи послѣ 40 лѣтняго возраста? Опять-таки даже заинтересованная сторона, въ лицѣ министерства торговли, заявляетъ, что „значительную убыль лицъ свыше этихъ лѣтъ приходится приписать или инвалидности, или смерти, явившихся послѣдствіемъ ненормальной жизни, которая ведется приказчиками съ самыхъ юныхъ лѣтъ“ [1]). Дѣйствительно, болѣзни свирѣпствуютъ среди приказчиковъ, особенно ревматизмъ и катаръ желудка: 64% всѣхъ одесскихъ приказчиковъ больны этими болѣзнями; многіе изъ нихъ имѣютъ по двѣ и больше болѣзней. „Такъ, у приказчиковъ мануфактурныхъ магазиновъ насчитывается на сто человѣкъ: 212 болѣзней, у приказчиковъ галантерейныхъ — 294, бакалейныхъ — 233, желѣзно-москательныхъ — 112, обуви — 112, готоваго платья—370 [2]).

Поскольку тяжелы производственно-экономическія условія труда и жизни торгово-служащихъ, постольку же безотрадно ихъ правовое и юридическое положеніе. Существующее законодательство ставитъ приказчиковъ въ полную зависимость отъ хозяевъ. Договоръ о наймѣ редактированъ такъ: „срокъ служащихъ приказчиковъ, ихъ жалованье или рядная плата, также жилище и содержаніе зависитъ отъ взаимнаго ихъ съ хозяевами условія и опредѣляется письменнымъ о наймѣ договоромъ“ (ст. 7 уст. торг.), но если такого письменнаго договора заключено не было, или если въ немъ насчетъ рядной платы ничего не сказано, „то приказчики не вправѣ того законно требовать“ (ст. 8). Вполнѣ естественно, что письменный договоръ существуетъ, какъ рѣдкое исключеніе. При полномъ отсутствіи законодательной охраны труда малолѣтнихъ, законъ предоставляетъ хозяевамъ право наказывать ихъ розгами. „Малолѣтніе сидѣльцы за шалости наказываются розгами при хозяинѣ или ихъ родныхъ въ домѣ“ —гласитъ примѣчаніе къ ст. 37, т. XI св. зак., причемъ малолѣтними наши гражданскіе законы считаютъ дѣтей до 17 лѣтняго возраста. Этотъ анахронизмъ распространяется и на взрослыхъ: „приказчика, — говорится въ 18 ст. XI т.,—ведущаго безпорядочную и развратную жизнь, дозволяется унимать домашней строгостью, а если тѣмъ не исправится, то хозяинъ можетъ приносить на него жалобу въ судъ, гдѣ по розысканію подвергается наказанію, смотря по степени безпорядка и развратности“.

Такимъ образомъ, съ ранняго дѣтства обрекается торгово-служащій на безусловное подчиненіе власти хозяина и на нѣкоторую крѣпостную отъ него зависимость. Изо дня въ день, съ утра до поздняго вечера, безъ отдыха и перерыва, безъ права на обѣдъ въ опредѣленное время, стоитъ

---

[1]) „Объяснительная записка“, стр. 15.

[2]) А. Гудванъ. „Приказчики въ Одессѣ“, стр. 41.

Digitized by Google

приказчикъ за прилавкомъ, весь поглощенный хозяйскими интересами, обязанный соблюдать предупредительность и не обнаруживать усталости. Культурно-просвѣтительныя и общественныя развлеченія ему недоступны, нѣтъ времени и возможности заниматься образованіемъ и просвѣщеніемъ. По приблизительному подсчету, изъ 150 тыс. приказчиковъ Петербурга — 25% неграмотныхъ, 45% „умѣющихъ только читать и писать; изъ 3.254 приказчиковъ, приславшихъ московскому техническому обществу отвѣты, 67,8% обучались въ низшей школѣ, 20,4% учились дома, 10,7% окончили курсъ въ среднихъ и 0,9%—въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; всѣ одесскіе мануфактурные приказчики грамотны, но 51% изъ нихъ умѣютъ только читать и писать, 46%—кончили народныя училища и лишь 3% получили среднее образованіе.

Всѣ эти тяжелыя производственно-экономическія условія жизни и труда приказчиковъ, ихъ личная зависимость и правовое безправіе меньше всего способны, конечно, содѣйствовать росту сознательности, активности и самодѣятельности. И дѣйствительно, вся общественная энергія торгово-служащихъ, весь ихъ протестъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ шли по линіи наименьшаго сопротивленія и направлялись исключительно въ сторону установленія воскреснаго отдыха. Руководствуясь тѣмъ, что городовое положеніе 1892 г. предоставляетъ городскимъ думамъ право издавать обязательныя постановленія о воскресномъ отдыхѣ, приказчики различныхъ городовъ Россіи въ продолженіе 30-ти послѣднихъ лѣтъ непрерывно возбуждали соотвѣтствующія ходатайства. Ихъ позицію правильно опредѣлилъ неизвѣстный поэтъ-приказчикъ въ формѣ молитвы передъ думскимъ засѣданіемъ:

„Боже всемогущій!
. . . . . .
Размягчи хозяевъ
Черствыя сердца,
Сдѣлай человѣкомъ
Русскаго купца,—
Пусть, спасая душу
Грѣшную свою,
Онъ, несчастный, вспомнитъ,
Заповѣдь Твою.
Дастъ всѣмъ намъ возможность
Въ праздникъ видѣть храмъ
И воскресный отдыхъ
Установитъ намъ“.

Но россійскіе „Китъ Китычи“ стойко боролись противъ всѣхъ этихъ ходатайствъ, настойчиво и съ успѣхомъ отстаивая право безграничной эксплоатаціи труда и рабочаго времени торгово-служащихъ. Лишь Сибирь въ этомъ отношеніи значительно опередила метрополію. Здѣсь полный воскресный отдыхъ, начиная съ 1888 года, былъ послѣдовательно установ-

Digitized by Google

ленъ почти во всѣхъ губернскихъ и уѣзныхъ городахъ. Въ Евр. же Россіи узкіе своекорыстные интересы хозяевъ тѣсно переплелись съ бюрократической волокитой и воскресный отдыхъ—даже неполный—являлся рѣдкимъ исключеніемъ въ немногихъ городахъ.

Въ такомъ положеніи застали „красные дни“ 1905 года торгово-служащихъ. Медленно, робко и зигзагами развивалось ихъ классовое сознаніе. Но подъемъ волны освободительнаго движенія этихъ историческихъ дней, когда чистый весенній воздухъ свободы пахнулъ надъ Россіей и яркое солнце государственнаго обновленія нашей родины властно звало всѣхъ къ творчеству новыхъ формъ жизни, вовлекъ въ движеніе и приказчиковъ, ускорилъ процессъ ихъ самосознанія, познакомилъ съ новыми методами и формами борьбы. На-ряду съ общими демократическими требованіями, торгово-служащіе начали образовывать профессіональные союзы, вмѣсто ходатайствъ—выставлять требованія о сокращеніи рабочаго дня, повышеніи заработной платы и подкрѣплять эти требованія стачками и забастовками.

Это массовое движеніе приказчиковъ—съ одной стороны, и законъ о выборахъ въ Госуд. Думу, который предоставилъ имъ избирательныя права, съ другой,—побудили бюрократію, вопреки всѣмъ ея традиціямъ и всей ея исторіи, издать въ порядкѣ 87 ст. осн. зак. „временныя правила 15 ноября 1906 г. объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ“, которыя не только устанавливаютъ воскресный отдыхъ, но до извѣстной степени предоставляютъ возможность регламентировать рабочій день несовершеннолѣтнихъ и взрослыхъ. Эти „правила“, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, и внесены теперь въ Госуд. Думу въ формѣ соотвѣтствующаго законопроекта.

III.

Сущность правительственнаго законопроекта „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ“ заключается въ слѣдующемъ: торговля изъ всякаго рода торговыхъ заведеній, постоянная, на базарахъ и ярмаркахъ, разносная и развозная, равно какъ и занятія служащихъ въ конторахъ и складахъ, связанныхъ съ торгово-промышленной дѣятельностью, не могутъ производиться болѣе 12 часовъ въ сутки, исключая торговыхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью продажу кушаній и напитковъ для потребленія на мѣстѣ, и разносной торговли мелкими простонародными галантереями, печатными произведеніями, табакомъ и пр., въ которыхъ торговля не можетъ производиться болѣе 15 час. въ сутки. Во всѣхъ этихъ видахъ торговыхъ заведеній, въ складахъ и конторахъ допускаются сверхурочныя работы, которыя состоятъ изъ обязательныхъ и добровольныхъ: къ первой категоріи относятся неограниченныя по времени работы при несчастныхъ случаяхъ,

Digitized by Google

угрожающихъ товару или торговому помѣщенію, и во избѣжаніе порчи товаровъ, и, сверхъ того, по 2 часа въ сутки, но въ теченіе не болѣе 40 дней въ году; ко второй категоріи относятся работы по взаимному соглашенію сторонъ, за особую плату, которыя не могутъ продолжаться болѣе 2 час. въ сутки. Перерывы на принятіе пищи устанавливаются по соглашенію хозяевъ со служащими: въ предпріятіяхъ, открытыхъ болѣе 8 часовъ, общая продолжительность ихъ не должна быть меньше 2 час., а въ остальныхъ—не менѣе $^1/_2$ часа. Трудъ женщинъ приравненъ законопроектомъ къ труду взрослыхъ мужчинъ, трудъ же малолѣтнихъ и подростковъ, не достигшихъ 17-лѣтняго возраста, ограничивается тѣмъ, что въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ, открытыхъ не менѣе 8 час. въ сутки, ихъ обязаны ежедневно въ будніе дни отпускать на 3 часа для посѣщенія школъ въ періодъ торговыхъ часовъ.

Праздничный отдыхъ регламентируется такъ: въ первый день Пасхи, Рождества и день Троицы торговля и занятія служащихъ вовсе не допускаются; въ воскресные дни и двунадесятые праздники торговля и занятія служащихъ, вообще, не могутъ производиться, но обязательными постановленіями могутъ быть, однако, допущены отступленія, съ тѣмъ, чтобы торговля въ эти дни не превышала 5 час. въ сутки. Эти обязательныя постановленія издаются общественными городскими и губернскими земскими учрежденіями или замѣняющими ихъ установленіями, а при отсутствіи послѣднихъ—губернской администраціей, въ сферу компетенціи которыхъ входятъ: установленіе времени начала и конца торговли и времени ея продолжительности; опредѣленіе условій обязательныхъ сверхурочныхъ работъ; ограниченіе торговли въ дни, которые по мѣстнымъ условіямъ имѣютъ значеніе праздниковъ; установленіе часовъ для посѣщенія школъ несовершеннолѣтними служащими. Для разработки этихъ обязательныхъ постановленій образуются смѣшанныя комиссіи, въ составъ которыхъ входятъ: $^1/_3$ представителей приказчиковъ и торгово-служащихъ, $^1/_3$ представителей торгующихъ и $^1/_3$ представителей городскихъ управленій или земствъ, а гдѣ послѣднія отсутствуютъ—по назначенію губернской администраціи. Правила о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ правительственный законопроектъ не распространяетъ на ярмарки, продолжающіяся не болѣе семи сутокъ, на базары, читальни, библіотеки, выставки, увеселительныя заведенія, торговлю погребальными принадлежностями, съѣстными припасами и напитками для потребленія на мѣстѣ, на конторы и склады, соединенные рельсовыми путями съ желѣзнодорожными станціями, и на склады при промышленныхъ предпріятіяхъ, а также регламентація торговаго времени не распространяется вообще на буфеты и торговлю при желѣзнодорожныхъ станціяхъ и пристаняхъ, на гостиницы, постоялые дворы и т. п. заведенія, съ ограниченіемъ лишь въ нихъ продажу крѣпкихъ напитковъ въ продолженіе не болѣе 15 час. въ сутки.

Digitized by Google

Надзоръ за исполненіемъ этихъ правилъ законопроектъ возлагаетъ на городскія и земскія управы, а также на полицію, причемъ первымъ предоставляется право избирать участковыхъ попечителей. Дѣла объ ихъ нарушеніи разсматриваются мировыми судьями или уѣздными членами окружныхъ судовъ. Виновные (владѣлецъ или управляющій) въ неисполненіи закона или обязательныхъ постановленій относительно продолжительности и распредѣленія времени торговли и занятій служащихъ подвергаются: аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше ста рублей; при нарушеніи закона или обязательнаго постановленія относительно посѣщенія служащими, недостигшими 17-ти лѣтняго возраста, школъ,—виновные подвергаются: денежному взысканію не свыше ста рублей.

Вотъ содержаніе правительственнаго законопроекта о нормировкѣ рабочаго дня и праздничнаго отдыха торгово-служащихъ и приказчиковъ.

Разсматривая послѣдній, нельзя не признать, что эта категорія пролетаріата попрежнему остается пасынкомъ рабочаго законодательства и правительство не имѣетъ намѣренія распространить на нихъ даже существующіе фабрично-заводскіе законы. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ русское фабричное законодательство запрещаетъ, однако, работу малолѣтнихъ до 12 лѣтъ (законъ 1 іюня 1882 г.), регламентируетъ женскій трудъ (законъ 3 іюня 1885 г.) и нормируетъ до извѣстной степени договоръ о наймѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ (законъ 3 іюня 1886 г.). Защита труда малолѣтнихъ торгово-служащихъ и женщинъ въ періодъ беременности диктуется не только соображеніями соціальной справедливости, но и интересами государственности. Министерству финансовъ уже въ началѣ 80-хъ годовъ м. ст. было ясно, что безъ соотвѣтствующаго законодательства не можетъ быть рѣчи о здоровыхъ молодыхъ поколѣніяхъ населенія, такъ же какъ безъ регламентаціи договора о наймѣ нельзя устранить кабальную, полукрѣпостническую зависимость рабочихъ отъ предпринимателей. Поэтому въ отказѣ министерства торговли и промышленности распространить на приказчиковъ и торгово-служащихъ это законодательство отсутствуютъ не только уважительные мотивы, но нѣтъ и элементарной логики. Въ этомъ—основной недостатокъ правительственнаго законопроекта.

Законопроектъ устанавливаетъ для различныхъ отраслей торговли двѣ нормы рабочаго дня: 12 и 15 часовъ съ двухъ часовымъ перерывомъ. Слѣдовательно, только для части, отнюдь не большой половины, всѣхъ приказчиковъ и торгово-служащихъ проектируется 10-часовой рабочій день.

Послѣднее можно было бы, тѣмъ не менѣе, признать значительнымъ прогрессивнымъ шагомъ на пути охраны ихъ труда, если бы положеніе о сверхурочныхъ работахъ фактически не сводили бы этотъ пунктъ до уровня платоническаго пожеланія. Въ сферѣ взаимоотношеній капитала и

Digitized by Google

труда нѣтъ и не можетъ быть мѣста маниловщинѣ и благодушію. Одно изъ двухъ: либо законодатель принимаетъ точку зрѣнія экономическаго либерализма и тогда регламентація рабочаго времени приказчиковъ излишня, либо, съ цѣлью государственной защиты слабѣйшей стороны—труда, она необходима и тогда не можетъ быть рѣчи о такъ назыв. „добровольныхъ“ сверхурочныхъ работахъ. Въ условіяхъ русской дѣйствительности „добровольность“ послѣднихъ есть фикція, и министерство, допуская эти работы до 2-хъ часовъ въ сутки, фактически устанавливаетъ для доброй половины торгово-служащихъ 17—18 часовой рабочій день съ двухъ часовымъ перерывомъ на ѣду. Ясное дѣло, что говорить при такихъ условіяхъ „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха“ этихъ тружениковъ можно только съ глубокой ироніей. Но и для остальныхъ приказчиковъ обязательныя и добровольныя сверхурочныя работы удлинняютъ ихъ рабочій день до 14—15 часовъ, что нельзя не признать также чрезмѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что само время перерыва на ѣду устанавливается по добровольному соглашенію сторонъ. Такой продолжительности рабочій день приказчиковъ наблюдается въ настоящее время въ большинствѣ торговыхъ предпріятій, и министерство, отмѣчая это въ своей „объяснительной запискѣ“, вполнѣ резонно признаетъ подобный порядокъ ненормальнымъ, въ законопроектѣ же оно фактически предлагаетъ Госуд. Думѣ санкціонировать закономъ ненормальную практику безобразной и жестокой эксплоатаціи труда торгово-служащихъ.

Допущеніе обязательными постановленіями 5-ти часового рабочаго дня въ воскресные дни и двунадесятые праздники возможно также только по недоразумѣнію признать праздничнымъ отдыхомъ. Положеніе, что эти обязательныя постановленія вырабатываются смѣшанными комиссіями, въ составъ которыхъ входятъ представители труда, не можетъ служить коррективомъ. Вѣдь городскія общественныя управленія находятся почти всецѣло въ рукахъ представителей торговаго капитала, а слѣдовательно $^2/_3$ состава смѣшанныхъ комиссій стоятъ на сторонѣ интересовъ капитала, а не труда.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали правительственный законопроектъ „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ“, какъ со стороны его объема, такъ и содержанія, приходится категорически признать, что этотъ законопроектъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ интересамъ и нуждамъ приказчиковъ и торгово-служащихъ. Но, несмотря на то, что правительственный законопроектъ меньше всего заботится объ интересахъ труда, торгово-промышленники крайне имъ недовольны и ведутъ противъ него усиленную агитацію. На недавно состоявшемся съѣздѣ представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства громко раздавались голоса, что правила 15-го ноября и самый законопроектъ изданы и выработаны „подъ вліяніемъ освободительнаго движенія“, какъ уступка времени. Теперь же

Digitized by Google

это „время“ прошло, пора, слѣдовательно, „постараться о полной отмѣнѣ этого разорительнаго для торговцевъ закона“. По мнѣнію съѣзда, министерство въ своемъ законопроектѣ смѣшало два различныхъ понятія: „обезпеченіе торгово-промышленныхъ служащихъ отдыхомъ“ и „время торговли“. Категорически протестуя противъ ограниченія свободы торговли, секція съѣзда высказалась за проектъ закона о продолжительности занятій торгово-служащихъ, выработанный фруктовой и чайной биржей. Въ этомъ проектѣ устанавливается 12-ти час. рабочій день и неограниченное право сверхъурочныхъ работъ „по взаимному съ хозяиномъ соглашенію и за особую плату“. Нѣкоторые изъ членовъ съѣзда правильно замѣтили, что пунктъ о сверхурочныхъ работахъ даетъ хозяевамъ безграничную возможность эксплоатировать трудъ своихъ служащихъ.

Домогательства торгово-промышленниковъ идутъ весьма успѣшно и новый министръ торговли и промышленности, г. Шиповъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты „Рѣчь“ прямо заявилъ, что „мои личныя симпатіи въ этомъ вопросѣ на сторонѣ свободы труда: никому нельзя препятствовать работать возможно больше и когда угодно, какъ нельзя запретить работать вообще. Стремленія воздвигнуть въ этомъ вопросѣ препоны доходили,—по словамъ г. Шипова,—одно время до того, что по праздникамъ запрещалось, напр., пахать и т. п. Это нежелательно. Такой взглядъ свой я всегда развивалъ и въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Еще болѣе я въ немъ укрѣпился во время моей послѣдней поѣздки на Д. Востокъ, наблюдая, какъ много работаютъ въ Китаѣ и Японіи“ [1]).

Взоры бюрократіи обращены, такимъ образомъ, на Д. Востокъ, гдѣ ихъ плѣняетъ трудъ китайскаго кули, этого приниженнаго до роли вьючнаго животнаго пролетарія. Торгово-промышленники же, напротивъ, обращаютъ взоры на Западъ и указываютъ, что въ европейскихъ странахъ съ развитымъ фабрично-заводскимъ законодательствомъ отсутствуютъ, однако, законы, спеціально регламентирующіе трудъ приказчиковъ и торгово-служащихъ. Этотъ доводъ они считаютъ главнымъ своимъ аргументомъ и отсюда дѣлаютъ тотъ выводъ, что и въ Россіи въ области торгово-промышленной дѣятельности законодательная охрана труда является излишней. Но это мнѣніе основано на сознательномъ или безсознательномъ незнакомствѣ съ жизнью Зап. Европы и даже фактически оно невѣрно.

Германскій законъ 30 іюня 1900 г. и норвежскій 31 мая 1900 г. опредѣляетъ непрерывный ежедневный отдыхъ торгово-служащихъ въ размѣрѣ 11 часовъ и, запрещая ночную торговлю отъ 8—9 час. вечера до 5—7 час. утра, устанавливаетъ для нихъ 11—11½ рабочій день. Англійскій законъ 1904 г. предоставляетъ общественнымъ управленіямъ

---

[1]) „Рѣчь“. 1908 г. отъ 3 февраля.

Digitized by Google

кормировать продолжительность рабочаго дня торгово-служащихъ по своему усмотрѣнію.

Въ Швейцаріи охрана закона распространяется, кромѣ дѣтей, также и на женщинъ, рабочій день которыхъ опредѣляется въ 11 часовъ.

Воскресный же отдыхъ торгово-служащихъ установленъ закономъ: во Франціи, Бельгіи, Германіи, Голландіи, Даніи, Швеціи и, въ силу обычая, въ Англіи.

Но если, такимъ образомъ, дѣйствительно, во многихъ западно-европейскихъ государствахъ отсутствуетъ законодательная регламентація труда торгово-служащихъ, то отсюда „нельзя, конечно, вывести заключеніе, чтобы положеніе торгово-служащихъ за границей было такое же, какое наблюдается у насъ. Въ государствахъ Зап. Европы высокъ общій уровень культурнаго развитія всѣхъ общественныхъ классовъ, и хозяева торговыхъ заведеній, несомнѣнно, вносятъ въ отношенія къ своимъ служащимъ болѣе мягкости и просвѣщеннаго вниманія, чѣмъ у насъ, какъ въ силу присущаго имъ большаго пониманія правъ служащихъ, такъ и подъ давленіемъ распространенной тамъ дѣятельности корпорацій, въ которыя организованы служащіе и которыя съ успѣхомъ отстаиваютъ интересы отдѣльныхъ своихъ сочленовъ, въ случаѣ ихъ нарушенія руководителями торговыхъ предпріятій“ [1]). Эти слова принадлежатъ министерству торговли и промышленности, которое въ пристрастіи къ интересамъ труда и въ одностороннемъ освѣщеніи вопроса врядъ ли заподозрятъ и наши торгово-промышленники. Продолжая развивать свою мысль относительно роли обычнаго права въ охранѣ труда торгово-служащихъ въ странахъ Зап. Европы, министерство вполнѣ правильно отмѣчаетъ, что „условія труда служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ сихъ странъ, въ смыслѣ продолжительности рабочаго дня, сложились для послѣднихъ, въ силу обычая, довольно благопріятно и, въ общемъ, настолько устойчиво, что санкціонированіе ихъ спеціальнымъ закономъ представляется, повидимому, излишнимъ“ [2]). Къ этому слѣдуетъ, однако, добавить, что западно-европейскіе торгово-служащіе, съ своей стороны, ведутъ настойчивую и упорную борьбу за законодательную охрану ихъ труда.

IV.

Думская оппозиція относится отрицательно къ министерскому законопроекту „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ“. Какъ с.-д. фракція, такъ и кадеты

---

[1]) „Законопроектъ объ обезпеченіи нормальнаго отдыха торгово-служащихъ“, стр. 16.

[2]) Ibidem, стр. 16.

Digitized by Google

прежде всего подчеркиваютъ неполноту объема и содержанія этого законопроекта, въ дополненіе котораго первая вноситъ поправки: трудъ малолѣтнихъ до 16 лѣтъ въ торговыхъ предпріятіяхъ не допускается вовсе, рабочій день подростковъ съ 16 до 18 лѣтъ ограничивается 6 часами въ сутки и женщины за 4 недѣли до и за 6 недѣль послѣ родовъ освобождаются отъ работъ съ сохраненіемъ содержанія; въ „проектѣ же закона объ обезпеченіи отдыха торгово-служащихъ" к.-д. партіи работа малолѣтнихъ запрещается до 14 лѣтъ, подростки съ 14 до 17 лѣтъ работаютъ 6 часовъ и беременныя женщины освобождаются отъ работъ за 2 недѣли до и на 4 недѣли послѣ родовъ.

Ихъ аргументація необходимости этихъ законодательныхъ мѣръ охраны труда одинакова: задача соціальной политики—воспитывать не только здоровыя поколѣнія людей, но и развитыхъ гражданъ, что немыслимо безъ предоставленія малолѣтнимъ реальной возможности правильно и свободно заниматься образованіемъ; затѣмъ, разъ предприниматели находятъ для себя выгоднымъ эксплоатировать трудъ женщинъ, то они должны считаться съ неудобствами, проистекающими отъ естественной природы женскаго организма. Противъ этой аргументаціи можетъ протестовать либо тьма невѣжества, либо узкій классовой эгоизмъ капиталистовъ.

Но этихъ поправокъ и дополненій къ министерскому законопроекту недостаточно. И, въ частности, разъ с.-д. фракція встала на путь поправокъ, расширяющихъ законодательную компетенцію послѣдняго, то нѣтъ никакихъ основаній ограничиваться при этомъ только охраной труда несовершеннолѣтнихъ торгово-служащихъ и женщинъ, а необходимо ввести основныя положенія, нормирующія договоръ о наймѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и торгово-служащихъ. Иначе говоря, вмѣсто поправокъ къ министерскому законопроекту, фракція должна внести свой проектъ закона объ охранѣ труда торгово-служащихъ, всесторонне регламентирующій всѣ стороны производственно-экономической жизни послѣднихъ, за исключеніемъ обязательнаго страхованія отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности, которое должно обнимать всѣ отрасли и категоріи промышленности и промысловъ. Въ ка-детскомъ „проектѣ закона" нормировка договора о наймѣ также отсутствуетъ, по какимъ соображеніемъ—намъ неизвѣстно, но какъ показалъ 3-ій всероссійскій съѣздъ представителей частнаго служебнаго труда (въ іюнѣ 1906 года), въ этомъ ощущается такая же неотложная необходимость, какъ и въ законодательной регламентаціи рабочаго времени.

При нормировкѣ послѣдняго законодатель, по мнѣнію думской оппозиціи, долженъ исходить изъ 8 час. рабочаго дня. Всѣ возраженія русскихъ промышленниковъ противъ „трехъ восьмерокъ" фактически сводятся къ указанію на „разорительное" пониженіе нормы прибыли и на иностранную конкурренцію. Не касаясь вопроса, насколько эти возра-

Digitized by Google

женія соотвѣтствуютъ дѣйствительности [1]), отмѣтимъ только, что для торговцевъ и эти аргументы противъ немедленнаго введенія 8 час. рабочаго дня отсутствуютъ. Къ сожалѣнію, ка-детскій „проектъ закона" дѣлаетъ для торговли съѣстными припасами отступленіе отъ этой нормы на два часа, которое тѣмъ болѣе непонятно и безосновательно, что въ торговыхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью продажу кушаній и напитковъ для потребленія на мѣстѣ, въ баняхъ и купаньяхъ, торговый день которыхъ опредѣляется въ 16 часовъ, а также въ непрерывныхъ торговляхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ буфетовъ и бюро похоронныхъ процессій—„проектъ закона" устанавливаетъ двухъ и трехъ смѣнный рабочій день, по 8 часовъ каждый. Къ слабымъ мѣстамъ ка-детскаго законопроекта слѣдуетъ отнести также пункты объ обѣденномъ перерывѣ и воскресномъ отдыхѣ. Устанавливая 10 час. торговый день при 2-хъ часовомъ перерывѣ на принятіе пищи, ка-деты смѣшиваютъ торговый день съ рабочимъ и предоставляютъ хозяевамъ широкую возможность злоупотребленій. Выходъ изъ положенія единственный—необходимо установить обязательный и единовременный перерывъ, съ закрытіемъ торговаго помѣщенія, что и предлагаетъ с.-д. фракція. Еженедѣльный праздничный отдыхъ устанавливается сообразно религіознымъ воззрѣніямъ большинства торгово-служащихъ. Это правильно, но этого недостаточно. Необходимо конкретизировать понятіе для еженедѣльнаго отдыха и установить, что продолжительность его должна равняться 42 часамъ. Затѣмъ, въ практикѣ торгово-служебнаго труда существуютъ отпуски черезъ нѣсколько лѣтъ на „побывку" въ деревню. Этотъ обычай необходимо законодательно регламентировать и с.-д. фракція предлагаетъ „побывки" превратить въ ежегодный мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Этотъ отпускъ, при 8 час. рабочемъ днѣ и при еженедѣльномъ отдыхѣ въ продолженіе 42 часовъ, создастъ, дѣйствительно, нормальный отдыхъ для торгово-служащихъ.

Еще болѣе слабымъ пунктомъ „проекта закона" к.-д. партіи слѣдуетъ признать кардинальный вопросъ объ организаціи учрежденій, которыя путемъ обязательныхъ постановленій нормируютъ примѣненіе закона къ мѣстнымъ условіямъ и наблюдаютъ за его исполненіемъ. Смѣшаннымъ комиссіямъ министерскаго законопроекта ка-деты противопоставляютъ общественныя городскія и земскія управленія, на которыя и возлагаютъ всѣ функціи первыхъ. При современномъ составѣ органовъ городского и земскаго самоуправленія это значитъ, что, до извѣстной степени, практическое примѣненіе закона объ охранѣ труда торгово-служащихъ передать въ руки

[1]) При введеніи 8 час. рабочаго дня въ русской текстильной промышленности норма прибыли, по разсчету инж. Саввина, понизится до 7 — $7^1/_2$%, а въ производствахъ по обработкѣ металловъ средняя прибыль предпринимателей понизится до $3^1/_2$—$4^1/_2$%, т. е. до размѣровъ процента госуд. банка („Св. и Кул.", № отъ 7 мая 1906 г.).

Digitized by Google

хозяевъ и капиталистовъ. Надѣяться же на полную и коренную демократизацію земствъ и городскихъ управленій пока нѣтъ основаній. Поэтому, органами, издающими соотвѣтствующія обязательныя постановленія, могутъ, по мнѣнію с.-д. фракціи, быть только смѣшанныя комиссіи, состоящія изъ представителей торгово-служащихъ и хозяевъ въ равномъ числѣ, причемъ нечетный членъ комиссіи избирается представителями сторонъ. Предложеніе же, впредь до изданія особаго положенія о торговой инспекціи, функціи надзора за соблюденіемъ закона и обязательныхъ постановленій передать временнымъ инспекторамъ торговли, по существу правильно, но только послѣдніе должны избираться не городскими думами и земскими собраніями, какъ предлагаютъ ка-деты, а противоположной изъ заинтересованныхъ сторонъ—торгово-служащими.

Подводя итоги сравнительному анализу законопроектовъ объ охранѣ труда торгово-служащихъ, представленныхъ въ Госуд. Думу министерствомъ торговли и промышленности, к.-д. партіей и с.-д. фракціей, нельзя не признать, что только послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ резолюціямъ 3-го всеросс. съѣзда представителей частнаго служебнаго труда. Въ немъ слышится голосъ жизни представителей торгово-служебнаго труда, онъ отражаетъ біеніе сердца, желаній, надеждъ и упованій сотенъ тысячъ тружениковъ. Поэтому, какая бы участь ни постигла этотъ законопроектъ въ Госуд. Думѣ, одно ясно: только законъ о 8-ми час. рабочемъ днѣ, при еженедѣльномъ 42 час. отдыхѣ и при ежегодномъ мѣсячномъ отпускѣ, только при охранѣ труда малолѣтнихъ и женщинъ и при нормировкѣ договора о наймѣ, возможенъ, дѣйствительно, нормальный отдыхъ торгово-служащихъ и создаются условія для роста не только здоровыхъ, но культурныхъ и просвѣщенныхъ поколѣній этой категоріи пролетаріата.

Д. Зайцевъ.

Digitized by Google

Книга о Новомъ Театрѣ.

I.

Геліотропизмъ.

Книгоиздательство „Шиповникъ“ выпустило въ свѣтъ большую книгу, посвященную вопросу о театрѣ. Въ ней имѣются статьи Сологуба, Бѣлаго, Брюсова, Мейерхольда и др. Въ ней читатель найдетъ также и мою статью.

Въ концѣ этой статьи моей я писалъ: „Мнѣ неизвѣстны тенденціи статей моихъ случайныхъ товарищей по этому сборнику. Быть можетъ, мои идеи стоятъ къ ихъ идеямъ въ рѣзкомъ непримиримомъ контрастѣ. Это было бы печально, но не очень удивительно. Но, можетъ быть, съ нѣкоторыми изъ нихъ у насъ получается не совпаденіе, не думаю, а что-нибудь вродѣ аккорда. Это было бы болѣе удивительно, но весьма отрадно. Я оставляю за собой право, или пріятную обязанность, высказаться объ этомъ сборникѣ во всемъ его цѣломъ по выходѣ его въ свѣтъ“.

Теперь я хочу воспользоваться этимъ правомъ, исполнить эту пріятную обязанность.

Книга представляетъ большой интересъ. Какъ симптомъ, она еще значительнѣе, чѣмъ какъ собраніе руководящихъ мыслей. Мысли эти достаточны разнорѣчивы. Ничего другого нельзя было и ждать, конечно. Я встрѣтилъ въ статьяхъ моихъ „случайныхъ товарищей“ и идеи, стоящія съ моимъ взглядомъ въ непримиримомъ контрастѣ, и идеи, находящіяся съ нимъ въ нѣкоторомъ аккордѣ. Почти всѣ, какъ я и думалъ, подняли вопросъ о театрѣ до высоты вопроса общеэстетическаго, философскаго, культурнаго, даже религіознаго. И несмотря на большую неполноту сборника въ томъ смыслѣ, что въ немъ не представлены мнѣнія многихъ лицъ, послушать которыхъ было бы очень интересно [1]), мнѣнія, въ немъ выра-

---

[1]) Было бы, напримѣръ, очень важно узнать мнѣніе о театрѣ будущаго г. Немировича-Данченко, если не самого Станиславскаго, такихъ выдающихся драматурговъ, какъ Горькій и Андреевъ, такого интереснаго и много думавшаго о театрѣ, всѣхъ въ сборникѣ безпокоящаго мысли-

Digitized by Google

женныя, какъ бы вытянулись въ линію и представляютъ собою любопытную градацію отъ чистаго декадентизма до позиціи соціалъ-демократической [1]).

Интереснѣе всего сборникъ, какъ симптомъ настроеній въ современной интеллигенціи.

Въ слабоватой, хотя написанной съ самыми лучшими намѣреніями статьѣ г. Рафаловича есть такая любопытная фраза:

„Геніальный Толстой съ особой чуткостью, присущей ему, почувствовалъ то, что пока только смутно намѣчается, уловилъ новое направленіе, зарождающееся въ глубинахъ человѣческаго духа, творящаго культуру. Предчувствуя, осязая необходимость сліянія, онъ рѣзко ощутилъ отличительное свойство современной культуры—ея обособленность. Но вмѣсто того, чтобы признать ея историческую необходимость и, начертивъ ея прошлый путь, указать дальнѣйшее ея направленіе, онъ въ своемъ нетерпѣніи и въ своей непримиримости предпочелъ сразу и цѣликомъ отвергнуть ее во имя иной“.

Это новое направленіе, долженствующее покончить съ присущей нашей культурѣ „обособленностью“, уловилъ не одинъ Толстой,—вся пишущая братія его уловила и вся безпокоится, волнуется и мятется.

Для современнаго художника, этого вполнѣ индивидуалистическаго типа, „культура сліянія“ съ трудомъ можетъ показаться желанной. Но онъ чутко слышитъ ростъ новыхъ растеній, приближающіеся шаги. Пролетарій, пока почти безмолвно, стоитъ въ сторонѣ, и какое волненіе вызываетъ его наличность въ общественномъ мірѣ въ туманностяхъ нашего „культурнаго верха“! Словно гдѣ-то мимо этой туманности пронеслось огромное небесное тѣло, совсѣмъ къ другой системѣ принадлежащее, но дѣйствующее на разстояніи и взмутившее отстоявшуюся было легкую и подвижную полуматерію.

Одни, совершенно неприспособленные къ новому мірочувствованію, злобно запираются и отгораживаются, стремясь передѣлать свой индивидуализмъ въ законченную религію. Какихъ только фокусовъ ни выкидываютъ при этомъ! Я жалѣю, что оптимистическій индивидуализмъ, чистый и безпримѣсный, не представленъ въ сборникѣ. Но гдѣ найти его? У г-на Арцыбашева, провозгласившаго „новое ученіе“, являющееся слабой отрыжкой 60-хъ годовъ и базаровщины? Но новый „Асмодей нашего времени“,

---

теля, какъ В. Ивановъ. Возьму на себя смѣлость прибавить къ этому, что можно было бы обойтись безъ статьи Чулкова, отъ котораго нельзя же ждать въ самомъ дѣлѣ чего-либо серьезнаго, и статьи Аничкова, который, вѣроятно, могъ бы дать что-нибудь интересное, но не захотѣлъ.

[1]) Я полагаю, что выражаю соціалъ-демократическую точку зрѣнія на театръ, хотя въ соц.-дем. существуетъ философское дѣленіе и наши quasi-консерваторы, весьма возможно, имѣютъ и на этотъ предметъ какія-нибудь свои, отличныя отъ нашихъ, воззрѣнія.

Digitized by Google

развеселый пивопійца и ходокъ по женской части—Санинъ, хотя и отвергаетъ пролетарское міровоззрѣніе съ легкомысліемъ и злобой, равняющими его съ его антиподомъ—Юріемъ Сварожичемъ, тѣмъ не менѣе, съ плохо скрытымъ ужасомъ, говоритъ о предстоящей ему старости и смерти. При такихъ данныхъ, его врядъ ли можно считать побѣдителемъ. „Лови моментъ", „пользуйся молодостью". Болѣе того: отрыжка свободноразумнаго нигилизма стала еще гораздо менѣе питательной, чѣмъ самъ зеленый индивидуализмъ Асмодеевъ, пугавшихъ культурные верхи полъ вѣка тому назадъ [1]).

И хоть бы Санинъ искалъ спасенія въ „розовомъ безсмертіи" г. Розонова. Нѣтъ! Его „здоровый человѣкъ" питаетъ отвращеніе къ дѣторожденію. Это индивидуализмъ отчаянія послѣднихъ людей, и сколько ихъ къ солнцу ни пускай—они остаются птицами, вылетающими въ сумерки. Искать ли этого оптимистическаго, побѣдно-самоутверждающагося индивидуализма у г. Бердяева? Но философія (?) г. Бердяева сплетена изъ столь сверхразумныхъ противорѣчій, она столь далеко вышла за предѣлы бѣднаго разсудка, что съ нею совершенно перестали считаться.

Ужъ что, кажется, лучше для защиты индивидуализма, какъ не мистическій анархизмъ! Но онъ раздѣлился на ся, и безличный индивидуалистъ Чулковъ начинаетъ бормотать что-то невразумительное о „коммунистической драмѣ".

Г. Чулковъ симптоматиченъ съ этимъ своимъ эклектическимъ и нечленораздѣльнымъ лепетомъ: всякій индивидуализмъ идетъ на уступки „соборности" и старается создать нѣкую амальгаму, сколько-нибудь пріемлемую для „одинокихъ", для „единственныхъ" нашихъ.

Но для пролетарскаго коллективизма наиболѣе характерна его активность, любовь къ жизни, вѣра въ прогрессъ, именно, какъ результатъ активности человѣческой. Поэтому самымъ радикальнымъ методомъ самозащиты противъ новаго міра является пессимизмъ, полное отрицаніе свободы воли, борьбы, преклоненіе передъ рокомъ, или, еще хитрѣе, провозглашеніе прогресса мистическаго, дѣла рукъ Божіихъ, въ отличіе отъ неразумной самонадѣянности и реалистическаго кропанія позитивистовъ. Оба эти вида декадентизма, съ прибавкой хорошей доли заматорѣлаго индивидуализма, находимъ мы у Сологуба. По правдѣ сказать, занимая крайнюю правую декадентскую позицію, г. Сологубъ достаточно замѣняетъ собою всѣ разновидности упадочнаго и мистическаго индивидуализма.

Амальгама г. Сологуба—самая отравленная, самая отдаленная отъ положительнаго полюса нашей культуры.

---

[1]) Я не отрицаю, однако, и нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ въ тенденціяхъ послѣдняго романа Арцыбашева. Въ общемъ, я раздѣляю мысли, высказанныя по его поводу г-жей Колтоновской въ № 1 „Образованія" за настоящій годъ.

Digitized by Google

Амальгама г. Мейерхольда менѣе самосознательна. Но несмотря на рядъ уступокъ, которыя дѣлаетъ, какъ мнѣ кажется, опальный режиссеръ своимъ критикамъ, онъ остается адептомъ, очевидно, декадентскаго, антипрогрессивнаго театра, что я старался доказать въ своемъ мѣстѣ и чему приведу новыя доказательства.

Мысль Бенуа сбивчива, спутана, ничего онъ не додумалъ. Мелькаютъ вліянія и сторонниковъ чистаго искусства, этого сейчасъ, повидимому, совершенно оставленнаго, слишкомъ небоевого метода сопротивленія новымъ силамъ, и вліянія В. Иванова съ его теургическими теоріями, представляющими собою въ туманную фразеологію одѣтую и сомнительно пріемлемую уступку духу соціализма.

Вал. Брюсовъ захотѣлъ ограничиться узкими рамками, не далъ въ своей статьѣ никакого абриса своей культурфилософіи. За то онъ высказалъ нѣсколько положеній общей эстетики. Положенія эти свидѣтельствуютъ, какъ мнѣ кажется, о томъ, что Брюсовъ все еще идетъ куда-то по путямъ и перепутьямъ, больше по перепутьямъ, къ сожалѣнію, чѣмъ по путямъ. При всей холодной сдержанности, граничащей съ пессимизмомъ, которую онъ старается сохранить, Брюсовъ, очевидно, отводитъ искусству и театру серьезную культурную роль и, настаивая, какъ увидимъ, на томъ, что театръ долженъ намъ дать портативное познаніе чистаго дѣйствія,— онъ отдѣляется безповоротно отъ сологубовско-мейерхольдовскаго театральнаго декаданса.

Статья Бѣлаго представляетъ собою безусловно наибольшій интересъ. Его амальгама состоитъ на большую половину изъ элементовъ новой культуры. Его, словно бабочку, тянетъ къ разгорающемуся огню пролетарскаго мірообновленія. Повернетъ ли онъ круто во тьму ночную у самаго огня? Или впорхнетъ въ него и погибнетъ въ этой притягивающей, но чуждой ему, элементарной стихіи? Или, наконецъ, найдутся въ немъ живыя силы, чтобы, сгорѣвши, возродиться изъ пепла, подобно Фениксу?

Повторяю, одни ограждаются отъ солнца, другіе рвутся къ нему. Замѣтно дѣйствіе геліотропизма, часто обратнаго. По поводу театра всѣ явно или тайно говорятъ о кризисѣ нашей культуры.

А солнце всходитъ.

II.

Нѣкто въ черномъ.

Г. Сологубъ написалъ романъ „Навьи Чары“ или „Творимая легенда“. Распространяться объ этой вещи мнѣ здѣсь не къ чему. Скажу только, что вещь эта мнѣ кажется не только безстыдной, но и неумной и неталанливой до послѣдней степени. Удивительно, что критика и публика, повидимому, не замѣчаютъ, что „дьяволоподобный схимникъ“ (выраженіе

Digitized by Google

Бальмонта) попросту издѣвается надъ ними. Не допускаю мысли, чтобы самъ авторъ не понималъ издѣвательскаго характера своего произведенія. Но, подобно многимъ „модернистамъ", Сологубъ такъ привыкъ кривляться, что минутами, вѣроятно, не умѣетъ разобрать, гдѣ кончаются его скоморошьи „личины" и гдѣ начинается его больной „ликъ".

Много кривлянья и въ статьѣ „Театръ одной воли". Нѣтъ въ ней, конечно, и никакой философской выдержанности. Самъ Сологубъ говоритъ, что „философствуетъ, какъ поэтъ", т.-е., очевидно, плохо. Да еще надо прибавить, какъ поэтъ, много читавшій и склонный къ эклектизму. Но, за всѣмъ тѣмъ, статья автора неумной и бездарной „Творимой легенды" интересна, по-своему очень умна, и ужъ, несомнѣнно, написана, особенно мѣстами, съ большимъ литературнымъ блескомъ, — чернѣетъ „эбеновымъ блескомъ", какъ сказалъ кто-то о латыни Тертуліана.

Г. Сологубъ старается намѣтить въ своей статьѣ цѣлое міросозерцаніе. И хотя оно 1) во всѣхъ своихъ элементахъ не ново и 2) построено изъ элементовъ разнорѣчивыхъ, но это не мѣшаетъ ему быть психологически очень цѣннымъ. Отъ человѣка, который „философствуетъ, какъ поэтъ", мы не вправѣ требовать чего-нибудь объективнаго, научно-цѣннаго; за то философствующій поэтъ даетъ почти всегда преинтересные документы души.

Въ центрѣ міра г. Сологуба стоитъ одинокое таинственное „Я". Драма служитъ для того, чтобы „привести человѣка ко Мнѣ". „Всякое единеніе людей имѣетъ значеніе только постольку, поскольку приводитъ человѣка ко Мнѣ—отъ суетно-обольщающаго разъединенія къ неземному единству".

Итакъ „Я"—это „неземное единство", лежащее въ основѣ „Айсы—міра странныхъ и смѣшныхъ случайностей". „Я"—эта Брама, Діонисъ, Воля, великій Ноуменъ, мимолетными акциденціями котораго являемся и мы и все вокругъ насъ.

Очень старо. Это не значитъ еще плохо.

Философскія міровоззрѣнія, кладущія въ основу міра Единаго, раздѣляются на три важнѣйшіе типа.

Можно предположить, что это Единое есть хаотическая субстанція. Нѣчто абсолютно безсмысленное, несчастное, страдающее въ своей нелѣпой разрозненности, созидающее изъ пучины своихъ неизмѣримыхъ силъ и слѣпо разрушающее созданное. Къ этой точкѣ зрѣнія примыкаютъ многіе матеріалисты (галозоисты), а также пессимисты Шопенгауеровскаго толка, въ томъ числѣ Ницше „Происхожденія трагедій".

Казалось бы, нѣтъ и не можетъ быть болѣе безотраднаго міровоззрѣнія? Однако, это не такъ. Фактъ наличности Космоса, живыхъ организмовъ и культурнаго прогресса, говоритъ за то, что изъ хаотическаго нестроенія, слѣдуя имманентному тяготѣнію и внутреннимъ возможностямъ, строится

Digitized by Google

свѣтлый и разумный порядокъ. До этой мысли доходили нѣкоторые матеріалисты. Но съ особенною силою ее выразили, хотя и въ поставленной на голову формѣ, Шеллингъ и Гегель. Отъ необходимости — къ свободѣ, отъ стихійности—къ разуму и т. д. При этомъ наша жизнь получаетъ огромный смыслъ, а также и наша активность: мы—активное звено въ цѣпи божественнаго развитія Εν καί πκν'α! Марксизмъ вновь поставилъ на матеріальныя ноги Гегелево міросозерцаніе. Онъ исходитъ изъ той же на видъ безотраднѣйшей идеи о „безумной", „безсердечной" сущности вселенной и о случайности, преходящести, смертности всего индивидуальнаго, въ томъ числѣ и насъ съ вами. И, однако, рядомъ, невольно, подъ диктовку объективныхъ фактовъ, признается чудесная возможность истиннаго, активнаго прогресса.

Бездонный пессимизмъ указаннаго типа положительно не съ руки пессимистамъ во что бы то ни стало. Даже изъ Шопенгауера соціалистъ можетъ сдѣлать неожиданные для учителя выводы.

Другая точка зрѣнія признаетъ „Единаго" за существо разумное, не злое, или по меньшей мѣрѣ безжалостное по отношенію къ намъ, людямъ. Это не то играющій во вселенную—игрушку богъ-младенецъ, богъ-обезьяна Гераклита, не то просто дьяволъ.

Это, дѣйствительно, хорошенькая крѣпость для пессимистовъ во что бы то ни стало. Но это, пожалуй, ужъ черезчуръ страшно?

Повидимому, даже нашъ „дьяволоподобный схимникъ" не рѣшается цѣликомъ утвердиться на этой идеѣ.

Есть и третья разновидность философіи Единаго. Это—преутѣшительная, прямо лучезарная разновидность. Богъ, въ сущности, только забавляется, надѣвая на себя милліарды личинъ бездушныхъ, растительныхъ, животныхъ, людскихъ и полубожескихъ. Онъ разыгрываетъ раздирательную трагикомедію. А потомъ, въ одинъ прекрасный день — время прекращается, пространство падаетъ, какъ размалеванная декорація, Діонисъ приходитъ въ себя и отдыхаетъ. Всѣ мы, какъ индивиды, и исчезаемъ, и воскресаемъ всѣ въ Единомъ, въ Богѣ, всѣ мы—Богъ! Развѣ это не великолѣпно? Дивный „Отдыхающій Вакхъ" несравненнаго Леонардо да Винчи (столь искаженнаго, даже... оскверненнаго г. Мережковскимъ) символически изображаетъ подобный антрактъ въ буйномъ бѣснованіи Пандіониса.

При всемъ кажущемся оптимизмѣ своемъ—міросозерцаніе это ядовито и антипрогрессивно. Оно убиваетъ активность, оно дѣлаетъ безсмысленной забавой жизнь, отнимаетъ у нея трагическую ея серьезность, уничтожаетъ чувство отвѣтственности. Опираясь на это міросозерцаніе, можно все оправдать, самому совершенно разнуздаться, и великое—„это все ты же" индійской философіи, которое, при другомъ освѣщеніи, приводитъ къ любви, превратить въ источникъ свирѣпой эксплоатаціи ближняго: я насилую, убиваю, мучу, что жъ такое? Все это игра Моя со Мною!

Digitized by Google

Собиратель ядовъ, декадентъ Сологубъ, не заботясь о логикѣ, смѣшиваетъ и первую, и вторую „теорію“. Ему все хорошо, что антиактивно, что убиваетъ живую любовь къ живой жизни. Онъ и не замѣчаетъ, что, смѣшивая два яда, онъ ихъ нейтрализуетъ. Однимъ изъ нихъ онъ, пожалуй, при своемъ странномъ, паталогическомъ талантѣ, и отравилъ бы кого-нибудь, а такъ, сдается, и ребенокъ увидитъ, что говоритъ съ нимъ не дьявольски-страшный колдунъ, а просто желчный и кѣмъ-то разъ навсегда обиженный декадентъ, философствующій, какъ поэтъ, т.-е. кое-какъ и сякъ и эдакъ!

Все это мы подтвердимъ цитами.

Сначала все сводится къ „единой безсмыслицѣ“:

„Никакого нѣтъ быта, и никакихъ нѣтъ нравовъ,—только вѣчная разыгрывается мистерія. Никакихъ нѣтъ фабулъ, интригъ, и всѣ завязки давно завязаны, и всѣ развязки давно предсказаны, — и только вѣчная совершается литургія.

„Нѣтъ разныхъ людей,—есть только одинъ человѣкъ, одинъ только Я во всей вселенной, вопящій, дѣйствующій, страдающій, горящій на неугасимомъ огнѣ, и отъ неистовства ужасной и безобразной жизни спасающійся въ прохладныхъ и отрадныхъ объятіяхъ вѣчной утѣшительницы – Смерти“.

Тутъ какъ будто „Я“ и „міръ“ вполнѣ отожествляются, но нѣтъ, вотъ они и противополагаются: богъ становится демономъ—режиссеромъ драматургомъ, міръ—театромъ безвольныхъ маріонетокъ:

„Мы не знаемъ, что самобытной нашей воли нѣтъ, что всякое наше движеніе и всякое наше слово подсказаны и даже давно предвидѣны въ демоническомъ творческомъ планѣ всемірной игры разъ навсегда, такъ что нѣтъ намъ ни выбора, ни свободы, нѣтъ даже милой актерской отсебятины, потому что и она включена въ текстъ всемірной мистеріи какимъ-то невѣдомымъ цензоромъ; и тотъ міръ, который познаемъ,—не иное что, какъ дивная на видъ декорація, а за нею закулисная неряшливость и грязь. Играемъ, какъ умѣемъ, подсказанную роль, актеры и въ то же время зрители, попеременно апплодирующіе другъ другу, или освистывающіе другъ друга, приносимые въ жертву, и въ то же время приносящіе жертву“.

И тутъ Сологубъ пишетъ свои лучшія строки. Если бы онъ умѣлъ мыслить сосредоточенно и серьезно [1])—эти строки были бы не просто талант-

---

[1]) Отсутствіе всякой серьезности и словно преднамѣренное желаніе кокетливо кувыркаться отъ парадокса къ парадоксу и путаться въ пестромъ тряпьѣ губитъ нашихъ „философовъ“ декаданса: Мережковскій, Ивановъ, Бѣлый гораздо умнѣе, чѣмъ они кажутся. Впрочемъ, профаны разѣваютъ ротъ именно передъ ихъ фокусами, а не передъ ихъ мыслями. Всѣ они твердятъ о культурѣ, но нельзя придумать ничего болѣе варварскаго, какъ напряженная, вымученная темнота, или распутная неряшливость ихъ мышленія и формы ихъ изложенія.

Digitized by Google

ливой гримасой трагикомика, а хорошей поэзіей пессимизма à la Леопарди. Послушайте, какъ хорошо, зло и заунывно поетъ нашъ авторъ:

„Почему же, однако, и не быть актеру, какъ маріонетка? Для человѣка это не обидно. Таковъ незыблемый законъ всемірной игры, чтобы человѣкъ былъ, какъ дивно устроенная маріонетка. И нельзя ему уйти отъ этого, и даже нельзя ему забыть это.

„Настанетъ назначенный для каждаго часъ, и каждый изъ насъ, зримо для всѣхъ, обратится въ неподвижную и бездыханную куклу, уже неспособную болѣе никакой исполнить роли...

„Вотъ она, кукла изжитая и уже никому ненужная, лежитъ на холстѣ для послѣдняго омовенія,—и руки у нея сложены, какъ ихъ сложили,—и ноги у нея протянуты, какъ ихъ протянули,—и глаза у нея закрыты, какъ ихъ закрыли,—бѣдная маріонетка для одной только трагической игры! Оттуда, изъ-за кулисъ, кто-то равнодушный дергалъ тебя за незримую веревочку, кто-то жестокій питалъ тебя огненною мукою страданія, кто-то злой пугалъ тебя блѣдными ужасами ненавистной жизни, къ кому-то безпощадному обращала ты въ предсмертномъ томленіи тоскующіе взоры. А здѣсь, въ партерѣ, кого то забавляли твои неловкія движенія, — подъ подергиванія страшной веревочки, — твои сбивчивыя слова, — такъ тихо подсказывалъ притаившійся суфлеръ,—и твои ненужныя слезы, и твой одинаково, какъ и слезы, жалкій смѣхъ. Довольно, — всѣ слова твоей роли какъ-нибудь сказаны, всѣ ремарки исполнены довольно точно,—сматывается веревочка,—и напрасно твои изсохшія губы хотятъ сказать новое слово, — разомкнулись, сомкнулись механически,—и затихли навѣки. Спрячутъ, зароютъ, забудутъ“.

Хорошо вѣдь. Но это все... не серьезно. Простое собираніе ядовъ. Я не хочу сказать этимъ, чтобы Сологубъ просто манерничалъ, траурничалъ, нѣтъ. Онъ дѣлаетъ по-своему серьезное дѣло, — борется съ растущимъ міромъ пролетарскимъ, заражаетъ его старательно гноемъ язвъ своихъ. Но умѣетъ только дѣлать это серьезное и нужное для его класса дѣло сосредоточенно и выдержанно.

Свое міросозерцаніе Сологубъ какъ будто резюмируетъ въ фразѣ: „Немыслима и борьба съ рокомъ, — есть только демоническая игра, забава рока съ его маріонетками“.

Онъ прибавляетъ: „Нѣкто въ сѣромъ“ еще ни отъ кого не принялъ вызова на поединокъ. Дѣвочка не дерется со своими куклами,—она ихъ рветъ и ломаетъ, а сама смѣется или плачетъ—по настроенію“.

И вдругъ опять — играющій нами чортъ и мы сами, мы — маріонетки—отождествлены: „Играя, играю куклами и личинами,—и зримо для міра спадаютъ личины и покровы,—и таинственно открывается единый Мой ликъ, и, ликуя, торжествуетъ единая Моя воля. Моя роковая ошибка завязываетъ всѣ узлы, и бьюсь въ сжимающихся путахъ земныхъ неисходныхъ противорѣчій,—и разрѣзываетъ роковые узлы острый стилетъ,

Digitized by Google

пронзающій Мое сердце. Веселою игрою воздвигъ Я міры,—и Я жертва, и Я жрецъ. Утѣшаетъ горящая любовь, и сгарая сгараетъ,—и послѣдняя утѣшительница—Смерть".

Еще путается здѣсь къ чему-то подъ ногами „Единаго Я" какая-то Смерть, которая вѣдь только „истлѣваніе личинъ" и къ Лику никакого отношенія не имѣетъ, являясь тоже миражемъ. Но все равно, уже весело становится. Уже видно, что съ рокомъ не только нельзя, но и не для чего бороться. Онъ—это мы. Мы—свои собственныя маріонетки.

Пойдемъ дальше: „Весь міръ—только декорація, за которою таится творческая душа,—Моя душа. Всякое земное лицо и всякое земное тѣло—только личина, только маріонетка для одной каждая игры, для земной трагикомедіи,—маріонетка, заведенная на слово, жестъ, смѣхъ и слезы. Но приходитъ трагедія, истончаетъ декораціи и обличья, и сквозь декораціи просвѣчиваетъ преображенный мною міръ, міръ Моей души, исполненіе единой Моей воли,—и сквозь личины и обличія просвѣчиваетъ единый Мой ликъ и единая Моя преображенная плоть. Плоть прекрасная и освобожденная".

Вотъ и поздравляю васъ. Благополучно прибыли послѣ утомительнаго путешествія на станцію „Блаженная". И къ чему жъ было насъ чертами пугать, рокомъ, смертью? а? г. Сологубъ? Шутникъ. Все такъ хорошо. „Пляшущій зритель и пляшущая зрительница придутъ въ театръ и у порога оставятъ свои грубыя, свои мѣщанскія одежды. И въ легкой пляскѣ помчатся".

Ну, вотъ! Вотъ, для чего былъ весь пессимизмъ. Борьба съ рокомъ, т. е. активность во имя прогресса немыслима, ибо мы жалкія маріонетки и „Нѣкто въ сѣромъ" даже вызова нашего не приметъ. Да и не нужно этого, ибо „все прахъ, все тлѣнъ, все тѣнь" въ дѣйствительномъ мірѣ. Къ тому же „Нѣкто въ сѣромъ" не только дьяволъ, но и кто-то намъ близкій и добрый и что-то хорошее приготовилъ на дессертъ... А потому восплящемъ, братіе... „Весело ли? Не знаю, но неистово, во всякомъ случаѣ". Гей, музыки! пѣнія!

„Но кому жъ на умъ пойдетъ на желудокъ пѣть голодный?"—раздается голосъ.—„Нѣтъ, иди, пляши! Не можешь, не хочешь? Не для тебя и пишутъ. Утилитаризма хочешь? борьбы со зломъ? стимуловъ къ этой борьбѣ? А вонъ Нѣкто въ сѣромъ стоитъ, его ты видалъ? Вонъ съ розгой стоитъ въ углу, онъ тебя ужо!"

Ахъ, г. „Нѣкто въ черномъ", какъ все-таки прозрачны ваши личины. Мы видимъ сквозь черный крепъ ваше буржуазное чрево. Скидывайте вашъ трауръ вмѣстѣ съ „мѣщанскими одеждами" вашихъ зрителей и зрительницъ; пляшите голымъ вашъ „танецъ живота" прямо, откровенно. Всѣ фіоритуры пессимизма и мистицизма ведутъ тутъ сознательно, или, въ лучшемъ случаѣ, полусознательно—къ оправданію сладкаго прожиганія жизни подъ громкимъ именемъ оргіазма и пр.

Digitized by Google

Теперь нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Узнавая въ Сологубѣ сознательнаго или инстинктивнаго, но несомнѣннаго идеолога безыдейной, упадочной буржуазіи, мы вправѣ ожидать, что и его требованія къ театру будутъ отражать собою его общую жизнеотравляющую тенденцію. Такъ оно и есть.

Впрочемъ, театральная программа Сологуба такъ же сбивчива и эклектична, какъ его религіозная философія.

Приходится отнестись, какъ къ простой гримасѣ, къ его суфлеру, громко читающему пьесу и лишь дополняемому сценическимъ представленіемъ.

Болѣе интересенъ Сологубъ тамъ, гдѣ онъ оправдываетъ декадентскія тенденціи Мейерхольда: „Не должно быть на сценѣ игры. Только ровная передача слова за словомъ, спокойное воспроизведеніе положеній, картина за картиною. И чѣмъ меньше этихъ картинъ, чѣмъ медленнѣе смѣняются онѣ, тѣмъ яснѣе выступаетъ передъ очарованнымъ зрителемъ трагическій замыселъ. Пусть не старается и не ломается трагическій актеръ,— чрезмѣрность жеста и напыщенность декламаціи приходится оставить на долю шута и скомороха. Актеръ долженъ быть холоденъ и спокоенъ, каждое слово его должно звучать ровно и глубоко, каждое движеніе его должно быть медленно и красиво“.

Подобныя требованія выставляетъ актеру и Мейерхольдъ. Мейерхольдъ даетъ путанныя объясненія тому, почему ему не нужно настоящей, широкой, энергической, жизнью кипящей игры на сценѣ. Онъ не понимаетъ, сюда толкаетъ его просто его декадентскій инстинктъ. Сологубъ понимаетъ и объясняетъ: „Трагедія срываетъ съ міра его очаровательную личину, и тамъ, гдѣ чудилась намъ гармонія, предуставленная или творимая, она открываетъ передъ нами вѣчную противорѣчивость міра, вѣчное тождество добра и зла и иныхъ полярныхъ противоположностей. Она утверждаетъ всякое противорѣчіе всякому притязанію жизни, правому ли, нѣтъ ли, одинаково говоритъ ироническое да! Ни добру, ни злу не скажетъ лирическаго нѣтъ! Трагедія—всегда иронія, и никогда не бываетъ она лирикою. Такъ и надо ее ставить“.

Въ трагедіи не должно быть лирики, она иронична, т. е. равнодушна. Равнодушное отношеніе къ жизни, безразличіе такъ называемаго чистаго эстетика, а на дѣлѣ увядшей, пассивной души—вотъ что надо сохранить Сологубу. Лиризмъ вѣдь это тутъ значитъ—тенденція, негодованіе, протестъ, надежда, игра человѣческихъ чувствъ, воспринимаемая и творимая не какъ игра и только, а какъ нѣчто глубоко серьезное, важное, волнующее, „всамдѣлишное“. Лирическая драма въ данномъ случаѣ означаетъ драму, кровно заинтересованную въ какомъ-то исходѣ, драму по сю сторону добра и зла. Но по сю сторону добра и зла лежатъ область страсти и побѣды новаго міра надъ старымъ. Этого не хочетъ Сологубъ. Пусть драма отражаетъ борьбу, но пусть она иронизируетъ

Digitized by Google

надъ нею, а посему она не должна увлекать ею, напротивъ - расхолаживать зрителя. Поэтому актеръ, полный темперамента, актеръ-лирикъ— это „скоморохъ“! И Сологубъ понимаетъ, что этотъ „скоморохъ“ есть, въ сущности, настоящій трагическій актеръ, но... другого класса: „Для насъ уже становится смѣшною всякая слишкомъ усердная актерская игра, и великолѣпная декламація, и величественный жестъ, и чрезмѣрная добросовѣстность въ передачѣ бытовыхъ особенностей,—отъ всѣхъ этихъ прелестей намъ становится даже нѣсколько неловко. Какъ бываетъ неловко, когда въ обществѣ чинномъ вдругъ кто-нибудь заговоритъ громко и взволнованно и начнетъ жестикулировать. Не стоитъ играть очень усердно. Только раекъ хохочетъ и плачетъ отъ того, что представляется на сценѣ,— партеръ слегка улыбается, иногда грустно, иногда почти весело, всегда иронически. Для него не стоитъ играть“.

Вѣрно, вѣрно! Трагическій актеръ, комикъ-реалистъ должны будутъ уйти отъ публики партера въ публикѣ райка. Ужъ подлинно не стоитъ играть для избранныхъ Сологубовскихъ. Пусть для нихъ играютъ „новые актеры“ изъ новой школы Мейерхольда. Ихъ ждетъ большой успѣхъ,— Сологубъ такъ изображаетъ его: „Въ трагическомъ театрѣ каждый зритель долженъ чувствовать себя этимъ безумнымъ королемъ, утаившимся отъ всѣхъ. И если онъ задремлетъ и даже совсѣмъ заснетъ,—искусство же— золотой сонъ — и почему драмѣ не быть ритмическимъ сновидѣніемъ? Никто не посмѣется надъ нимъ, и никого не обезпокоитъ и не шокируетъ его внезапный въ самомъ патетическомъ мѣстѣ храпъ“.

Я готовъ быть благодаренъ Сологубу. Старый паяцъ не могъ удержаться, чтобы не дать пинка въ брюхо тому господину, которому онъ служитъ. Его иронія иногда спасаетъ его и онъ показываетъ намъ, кривляясь, кончикъ ослинаго уха изъ-за короны своего „безумнаго короля“— пресыщеннаго мѣщанина-индивидуалиста. Тотъ не замѣчаетъ. Шутъ у него на службѣ, ему не приходитъ въ голову, что онъ можетъ быть достаточно уменъ, чтобы минутами хохотать презло и надъ господиномъ своимъ, и надъ звенящимъ колпакомъ своимъ.

Есть среди модернистовъ интересный человѣкъ, которому ужасно скучно въ буржуазномъ мірѣ. Мнѣ кажется, что ему скучно хорошей скукой. Скучно ему одиночество художника нашихъ дней, убогій, мѣщанскій укладъ жизни, всеобщая растерянность и несерьезность. Грезится ему что-то очень торжественное, радостное, какая-то всечеловѣческая, творческая соборность. До ясныхъ идей онъ не то не можетъ, не то не хочетъ подняться. Да и слишкомъ прочно сидитъ въ немъ „милый либералъ“. Еще прочнѣе художникъ, которому надо быть оригинальнымъ и выспреннымъ. Я говорю о Вячеславѣ Ивановѣ. Его жаль.

Гонимый скукою и одиночествомъ, онъ прославился прославленіемъ оргіастическаго начала въ человѣкѣ.

Digitized by Google

Личность страдаетъ своею оторванностью. Ей хочется соединиться съ цѣлымъ, изъ котораго она вышла: съ соціальнымъ коллективомъ, а черезъ него (иногда, впрочемъ, и помимо него)—съ природой. Но разумная личность есть весьма цѣнный шагъ впередъ по сравненію съ первоначальнымъ коммунизмомъ, съ протосоціальной плазмой орды. Медленно шелъ процессъ дифференціаціи этой плазмы и привелъ къ индивидуалистическому обществу. До предѣла въ этомъ направленіи общество въ цѣломъ не дошло, ибо оно перестало бы тогда быть обществомъ. Этотъ путь указуютъ лишь дикія мечтанія крайнихъ индивидуалистовъ. Личность выросла и обогатилась за этотъ антитэтическій періодъ, но она потеряла громадныя цѣнности, она, эта развитая клѣтка соціальнаго организма, страдаетъ именно негармоничностью своего сожительства съ соклѣтками. Развитіе элементовъ нарушило гармонію цѣлаго. Но эти развитые элементы несутъ въ себѣ возможность синтетическаго періода, возстановленія единства при сохраненіи богатства и свободы индивидуальности.

Поэтому для личности, страдающей своею уединенностью, есть два склона — вниз ъ, угашая острое самосознаніе, притупляя его, понижая себя до животнаго путемъ опьяненія, т. е. возбужденія инстинктивной жизни и помутненія жизни разумной, и вверхъ черезъ экстазъ наиболѣе обостренной мысли, наиболѣе тонкихъ чувствъ, провидящаго, предвкушающаго сознательную, если хотите сверхчеловѣческую любовь, долженствующую спаять вновь распавшуюся коллективную психею. Есть, такимъ образомъ, два оргіазма: одинъ, подъ видомъ мнимаго возвышенія — возвращаетъ назадъ къ дикимъ экстазамъ сатира, центавра, полузвѣря, цѣликомъ звѣря,—другой дѣйствительно является энтузіастическимъ и просвѣтленіемъ и знаменуется актами творчества. И въ немъ тоже сознаніе какъ будто теряется, но теряется лишь сознаніе своего Я, но результатомъ творческихъ экстазовъ—мы видимъ, какъ утонченно работала въ это время молодая стихія—сверхсознанія.

Пока довольно этихъ замѣчаній, такъ какъ у насъ будетъ возможность весьма обстоятельно освѣтить вопросъ объ индивидуальномъ самосознаніи и коллективности въ отдѣльномъ трудѣ.

Вяч. Ивановъ даетъ великій соблазнъ. Ибо его оргіазмъ имѣетъ неясное лицо. И интересно отношеніе къ нему Сологуба. Съ одной стороны, его, индивидуалиста, коробитъ идея коллективнаго творчества, реальнаго и сладостнаго сліянія воедино — многихъ, поэтому онъ разражается такой тирадой: „Не только высшій родъ общественнаго дѣянія, мистерія, но и все вообще общественное совершеніе въ то же время совершенно индивидуально. Всякое общее дѣло дѣлается по мысли и плану одного, всякій парламентъ слушаетъ оратора, а не галдитъ соборно, соборуясь въ соборномъ весёломъ гамѣ. „На сосудѣ печать, на печати — имя; что таится въ сосудѣ, знаютъ запечатавшій и посвященный“. Храмъ открытъ для каждаго, но

Digitized by Google

имя строителя врѣзано на камнѣ. Приходящій же къ алтарю долженъ оставить свою злобу за порогомъ. И потому толпа—зрители—не иначе можетъ быть пріобщена къ трагедіи, какъ только посредствомъ сожиганія въ себѣ своихъ ветхихъ и плоскихъ словъ. Только пассивно. Исполняющій же дѣйствіе всегда одинъ".

Тутъ говоритъ индивидуалистическій „аристократизмъ", отрицающій творческія способности коллектива. Но Сологубу милъ оргіазмъ оскотевающаго самозабвенія. Это ли не желанное состояніе для безыдеальнаго буржуа? Поэтому нѣсколькими страницами дальше онъ уже принимаетъ Иванова, отнюдь, однако, не въ его демократической тенденціи, а въ его тенденціи „пьянственной". „Если современный зритель только тѣмъ можетъ участвовать въ театральномъ зрѣлищѣ, что узнаетъ себя въ подставляемыхъ ему со сцены болѣе или менѣе кривыхъ зеркалахъ, то слѣдующею ступенью его участія въ трагическомъ дѣйствѣ должно быть его участіе въ трагической пляскѣ. Хорошо, что пляшетъ Айседора Дунканъ, обнаженныя окрыляя пляскою ноги—

„Такъ мило знать, что съ нами вмѣстѣ жизнь иная есть!"
(Валерій Брюсовъ).

„Но скоро и мы всѣ заразимся этою „иною жизнью", и какъ хлысты, хлынемъ на сцену и закружимся въ неистовомъ радѣніи.

„Дѣйствіе трагедіи будетъ сопровождаться и перемежаться пляскою. Веселою? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе неистовою. Потому что пляска и есть не что иное, какъ ритмическое неистовство души и тѣла, погружающихся въ трагическую стихію музыки".

Итакъ, Сологубовскій избранный зритель то храпитъ въ театрѣ, то „ритмически неистовствуетъ". Мнѣ кажется, что онъ близокъ къ идіотизму. На вратахъ театра Сологуба напишутъ: „Мѣсто отдохновенія и пляски для желающихъ похрапѣть или попрыгать идіотовъ".

Тамъ Сологубъ съ едва замѣтной усмѣшкой подъ сѣдыми усами, глядя на свою публику прищуренными, колючими глазами, будетъ всласть дурачить ихъ, звеня бубенцами своей... короны.

Говорятъ, что въ „Навьихъ чарахъ" онъ сдѣлалъ шагъ навстрѣчу соціалъ-демократіи!! Полноте. Онъ сложилъ свои хитрыя уста лишь для Іудина поцѣлуя, желая, чтобы на высокомъ челѣ красавицы остался черный слѣдъ грязнаго лобзанія. Мы знаемъ этотъ пріемъ. Хватаютъ за ногу божество, якобы желая поцѣловать „воскрыліе одеждъ", и потомъ стараются стащить его половчѣе въ грязь съ пьедестала [1]). Сладострастно хихикая, мѣшаетъ дьяволоподобный схимникъ „дѣловые соціалъ-демократическіе разговоры" съ холоднымъ развратомъ и садическими облизываніями. Но это даже не хитро. Все это для всхрапывающихъ и подпрыги-

[1]) Пріемъ, безсознательно излюбленный Мережковскимъ,

Digitized by Google

вающихъ идіотовъ, для специфической публики, для баронессы Журъ-Фиксъ, для дѣвицы Скандуліи...

Я знаю, что въ душѣ Сологуба много горечи. И все-таки, когда онъ выступаетъ, какъ „Нѣкто въ черномъ", ему хочется сказать: не приличнѣе ли вамъ выступить, какъ „Нѣкто въ пестромъ", и Сологубъ, по правдѣ, любитъ показывать имѣющимъ глаза платье арлекина подъ мантіей философа скорби, жреца великаго Я.

III.

Заблудившійся искатель.

Въ г. Мейерхольдѣ поистинѣ нѣтъ лукавства. У него узкій умъ, онъ легко проникается идейками, зажигается оригинальностью той или другой концепціи и начинаетъ ее фанатически проводить въ жизнь, словно у него наглазники. Онъ не сознаетъ, что буржуазный инстинктъ, декадентское настроеніе имъ владѣетъ,—онъ пресерьезно думаетъ, что служитъ прогрессу, ведетъ кого-то впередъ.

Во всякомъ случаѣ читатель можетъ быть благодаренъ г-ну Мейерхольду за его статью, не столько потому, что она служитъ связнымъ и довольно яснымъ изложеніемъ его художественнаго credo, сколько ради интересныхъ, до сихъ поръ мало извѣстныхъ данныхъ по исторіи Художественнаго Театра и Театра-Студіи. Правда, въ оцѣнкѣ Художественнаго Театра г. Мейерхольдъ допускаетъ фактическія неточности. Напримѣръ, перечисляя репертуаръ театра, онъ раздѣляетъ его на такія рубрики: натуралистическій: Самоуправцы, Шейлокъ, Геншель, Стѣны, Дѣти Солнца; и театръ настроеній: пьесы Чехова. Невольно спрашиваешь себя, почему не упомянуты такія постановки, какъ Потонувшій Колоколъ, Снѣгурочка, Двѣнадцатая ночь? И отвѣчаешь себѣ: да потому, что это испортило бы Мейерхольду его построеніе, его увѣренія, что только Чеховъ личнымъ вліяніемъ внесъ теплую струю настроенія въ дорогой сердцу Станиславскаго „натурализмъ". Между тѣмъ, перечисленныя пьесы были поставлены не только съ настроеніемъ, но и съ цѣлымъ рядомъ пріемовъ такъ называемаго условнаго театра. Изъ нихъ прямымъ путемъ вышли такія „условныя" постановки, какъ Жизнь Человѣка и Драма Жизни. Постановокъ этихъ я не видалъ, но компетентная критика утверждаетъ, что закоснѣлый натуралистъ, Станиславскій, вступивъ на дорогу стилизаціи, сразу оставилъ за собою все ученическое кропанье г. Мейерхольда.

Все же факты интересны, и нельзя не рекомендовать всякому, интересующемуся театромъ, прочесть статью Мейерхольда. Что касается исканій самого Мейерхольда, то мы узнаемъ, что г. Ремизовъ былъ первый, „который толкалъ работу въ новыя бездны", и, наконецъ, Театръ-Студія

Digitized by Google

„стремглавъ бросился въ бездну“. Толкали „въ бездну“, вслѣдъ за Ремизовымъ, г на Мейерхольда Валерій Брюсовъ, художники Сапуновъ и Судейкинъ и Вяч. Ивановъ. Того же, кто хотѣлъ помочь Мейерхольду вылѣзть изъ бездны,—онъ не слушалъ.

Сапуновъ и Судейкинъ, слѣдуя инстинкту живописца, „разрѣшили“ постановку Смерти Тентатиля на плоскостяхъ. Для этой пьесы, которую самъ авторъ относилъ къ пьесамъ для маріонетокъ, и какъ единичный оригинальный пріемъ, это было недурно придумано. Но Мейерхольдъ, съ его фанатизмомъ и наглазниками, сдѣлалъ себѣ надолго конекъ изъ плоскости и плоско поставилъ всѣ пьесы у Коммиссаржевской. Теперь онъ, слава Богу, кается. Другія вліянія уравновѣсили случайное вліяніе живописцевъ. Г. Мейерхольдъ заявляетъ, слѣдуя, быть можетъ, внушеніямъ Брюсова: „Декоративное панно, какъ симфоническая музыка, имѣетъ свою спеціальную задачу, и если ему, какъ картинѣ, необходимы фигуры, то лишь на немъ написанныя, или, если это театръ, то картонныя маріонетки, а не воскъ, не дерево, не тѣло. Это оттого, что декоративное панно, имѣющее два измѣренія, требуетъ и фигуръ двухъ измѣреній“.

Пріятно слышать. Наконецъ-то, Мейерхольдъ разстался съ однимъ изъ своихъ предразсудковъ. Но это для того, чтобы задержаться на другомъ: „Тѣло человѣческое и тѣ аксессуары, которые вокругъ него — столы, стулья, кровати, шкафы—всѣ трехъ измѣреній, поэтому въ театрѣ, гдѣ главную основу составляетъ актеръ, надо опираться на найденное въ пластическомъ искусствѣ, а не въ живописи. Для актера должна быть основой пластическая статуарность“.

Когда Мейерхольдъ прочтетъ статью Брюсова въ томъ же сборникѣ, то увидитъ, что опять „отсталъ“: отъ живописи онъ перешелъ къ скульптурѣ, изъ одного рабства въ другое, а Брюсовъ заявляетъ, что театръ есть искусство чистаго дѣйствія, и рабство скульптурѣ отвергаетъ, какъ и рабство живописи. Поссориться со скульптурой Мейерхольду будетъ, однако, труднѣе, такъ какъ брюсовскій театръ чистаго дѣйствія уже противорѣчитъ самому принципу буржуазно-декадентскаго театра, который боится движенія.

Величайшимъ представителемъ „неподвижнаго театра“ является Метерлинкъ перваго періода. Онъ—главный учитель Мейерхольда. Метерлинкъ далъ теорію декадентскаго театра. Мейерхольда восхищаетъ, что Метерлинкъ требуетъ отъ театра почти маріонеточности! Странно, что онъ, теоретически признавая этотъ принципъ, въ своемъ отвѣтѣ на самодурское письмо г-жи Коммиссаржевской чуть не со слезами обиды отвергалъ свои маріонеточныя тенденціи. Послушайте теперь квинтэссенцію мейерхольдовской премудрости: „Нуженъ Неподвижный Театръ. И онъ не является чѣмъ-то новымъ, никогда небывалымъ. Такой театръ уже былъ. Самыя лучшія изъ древнихъ трагедій: Эвмениды, Антигона, Электра, Эдипъ

Digitized by Google

въ Коловнѣ, Прометей, Трагедія Хоэфоры—трагедіи неподвижныя. Въ нихъ нѣтъ даже психологическаго дѣйствія, не только матеріальнаго, того, что называется „сюжетомъ". Вотъ образцы драматургіи Неподвижнаго Театра. А въ нихъ Рокъ и положеніе Человѣка во вселенной—ось трагедіи. Если нѣтъ движенія въ развитіи сюжета, если вся трагедія построена на взаимоотношеніи Рока и Человѣка, нуженъ Неподвижный Театръ и въ смыслѣ его неподвижной техники, той, которая разсматриваетъ движеніе, какъ пластическую музыку, какъ внѣшній рисунокъ внутренняго переживанія (движеніе—иллюстраторъ), и потому она, эта техника Неподвижнаго Театра, предпочитаетъ не жестъ, чѣмъ жестъ общаго мѣста, жестъ вообще. Техника Неподвижнаго Театра та, которая боится лишнихъ движеній, чтобы ими не отвлечь вниманія зрителей отъ сложныхъ, внутреннихъ переживаній, которыя можно подслушать лишь въ шорохѣ, въ паузѣ, въ дрогнувшемъ голосѣ, въ слезѣ, заволокнувшей глазъ актера".

Никогда ни Брюсовъ, ни Ивановъ, на которыхъ ссылается Мейерхольдъ, не подпишутся подъ подобнымъ profession de foi.

Неужели Мейерхольду неизвѣстно, что Аристотель, опираясь какъ разъ на тѣ трагедіи, которыя Мейерхольдъ считаетъ неподвижными, установилъ свою теорію трагедіи, согласно которой необходимыми условіями драмы онъ считаетъ конфликтъ, перипетіи и катастрофу? Неужели ему неизвѣстно, что то, что онъ называетъ трагедіями, суть части трагедій, акты трилогій, въ которыхъ, въ ихъ цѣломъ, всегда есть единое и важное дѣйствіе? Неужели онъ не понимаетъ, что если жестъ есть иллюстрація внутренняго движенія, то театръ тѣмъ и отличается отъ книги, что онъ передаетъ внутреннія движенія, ихъ непосредственно иллюстрируя, что въ иллюстраціи-то этой (жестомъ, мимикой, интонаціей)—весь смыслъ лицедѣйства, что это-то и есть область актера, то, что онъ прибавляетъ къ драмѣ, какъ литературѣ? Неужели онъ не понимаетъ, что шорохи и слезы, заволакивающія глазъ,—нетеатральны, потому что неслышны и незамѣтны зрителю, что театръ есть мѣсто массового наслажденія искусствомъ, и все въ немъ должно быть относительно монументально, обще, широко, а не миніатюрно?

Все это увидѣлъ бы Мейерхольдъ, если бы въ немъ не жилъ декадентскій инстинктъ жизнебоязни!

Послушайте ту культурфилософію, которая скрывается за этой программой: „Авторъ не хочетъ производить на сценѣ ужасъ, не хочетъ волновать и подвергать зрителя въ истерическій вопль, не хочетъ заставить публику бѣжать въ страхѣ передъ ужаснымъ, а какъ разъ наоборотъ: влить въ душу зрителя хоть и трепетное, но мудрое созерцаніе неизбѣжнаго, заставить зрителя плакать, страдать, но въ то же время умиляться и приходить къ успокоенію и благостности. Задача, которую ставитъ себѣ авторъ, основная задача—„утолить наши печали", посѣявъ среди нихъ

Digitized by Google

то потухающую, то вновь вспыхивающую надежду. Жизнь человѣческая потечетъ вновь со всѣми ея страстями, когда зритель уйдетъ изъ театра, но страсти болѣе не покажутся тщетными, жизнь потечетъ съ ея радостями и печалями, съ ея обязанностями, но все это получитъ смыслъ, ибо мы обрѣли возможность выйти изъ мрака или переносить его безъ горечи. Искусство Метерлинка здорово и живительно. Онъ призываетъ людей къ мудрому созерцанію величія Рока, и его театръ получаетъ значеніе храма. Другіе драматурги старались пугать зрителя, а не примирять его съ роковой неизбѣжностью. Метерлинкъ показываетъ намъ, какъ могущественъ тотъ Рокъ, который управляетъ нашей судьбой".

Какая путаница! Но и какая мертвящая тенденція!

Вдумайтесь только въ это противопоставленіе: „не хочетъ повергать въ истерическій вопль и бѣжать въ страхѣ передъ ужаснымъ", а... вы ждете настоящей антитезы: мужественно бороться съ этимъ ужаснымъ— ни чуть не бывало: плакать, страдать и... умиляться! трепетно созерцать неизбѣжное!

Но гдѣ же, скажите, та трагедія, которая заставляла публику бѣжать въ страхѣ? Я такой не знаю. Я знаю лишь трагедію, учившую, какъ отмѣтилъ Аристотель, очищать душу отъ страха и состраданія, показывая трагическую красоту конфликта. Теперь мы имѣемъ новую трагедію, которая научаетъ „переносить мракъ жизни безъ горечи". Это, назвите меня, рабья трагедія. И такъ аттестовалъ ее не кто иной, какъ самъ Метерлинкъ. Храмъ, въ которомъ молятся року,—это мерзость запустѣнія. Метерлинкъ въ цѣломъ рядѣ книгъ, особенно же въ „Le temple enseveli", зоветъ къ активности и борьбѣ и осуждаетъ свой первоначальный театръ, дорогой Мейерхольду Правда, у грековъ была тенденція доказывать силу рока гибелью заносчивыхъ героевъ, но силу трагическаго эллинизма доказываетъ именно бунтовская страсть, могучее самовозвеличеніе, сверхчеловѣческая гордость Прометеевъ, Креоновъ, Эдиповъ, Медей. Греческая культура имѣла подъ ногами вулканъ страстей растущаго индивида, повсюду стремившагося разбить связи и равновѣсіе общины и стать тираномъ. Ненависть къ тиранія, этому высшему проявленію возгордившейся личности, заставила великихъ представителей эллинскаго политическаго начала—трагиковъ—геніально бороться съ пламенемъ страсти. Есть ли излишекъ страсти у маріонетокъ Метерлинка перваго періода? Это все портреты малюсенькихъ, безвольныхъ незрастениковъ, тутъ нѣтъ борьбы за вѣчную справедливость противъ чужеядной клѣтки соціальнаго организма, своей непомѣрной величиной вредящей ему,—тутъ просто констатированіе безсмысленной и безысходной слабости жизни. Напрасно старается Мейерхольдъ увѣрить насъ, что „искусство Метерлинка здорово и живительно". Есть одинъ авторитетъ, который отвергаетъ это мнѣніе. Это... самъ Метерлинкъ. Невозможно не привести здѣсь здороваго

Digitized by Google

сужденія созрѣвшаго поэта надъ своими незрѣлыми произведеніями: „Я написалъ нѣсколько мелкихъ драмъ,—пишетъ учитель г. Мейерхольда,—въ которыхъ отразилось безпокойство мистически-настроеннаго ума. Это безпокойство, быть можетъ, извинительно, но во всякомъ случаѣ не благотворно и къ нему не слѣдуетъ привыкать. (Слушайте, г. Мейерхольдъ!) Главною пружиною этихъ драмъ былъ страхъ передъ неизвѣстнымъ (страхъ, г. Мейерхольдъ). Я вѣрилъ тогда въ неизвѣстныя, неизбѣжныя фатальныя силы, намѣреній которыхъ открыть невозможно, но которыя явно намъ враждебны. Можетъ быть, онѣ и справедливы, но гнѣвны, и наказуютъ тайными, подземными путями; онѣ никогда не награждаютъ, и таинственное вмѣшательство ихъ выростаетъ передъ нами, какъ необъяснимый актъ произвола. Здѣсь идея христіанскаго бога была смѣшана съ идеей античнаго фатума, скрытаго въ непроницаемой ночи природы, и оттуда съ удовольствіемъ измышляющаго, какъ разрушить наши планы, какъ погубить людское счастье“.

Знаете, какъ цитируетъ это мѣсто Мейерхольдъ? А вотъ какъ: „Въ основаніе моихъ драмъ положена идея христіанскаго бога вмѣстѣ съ идеей древняго фатума“... и только, остальное было не ко двору Мейерхольду. Ахъ, г. Мейерхольдъ, надо быть мужественнымъ до конца: декадентскій театръ есть декадентскій театръ, такимъ считалъ его и Метерлинкъ, а вы стыдитесь себя и навязываете Метерлинку... „гармонію, возвышающую покой, радость, какая можетъ быть только экстатической!“ Помилуйте!

Но послушаемъ дальше Метерлинка: взглядъ безысходно-пессимистическій, который Метерлинкъ выразилъ, по собственнымъ словамъ, въ своихъ драмахъ до „Синей Бороды“: „Есть, пожалуй, глубокая, но пассивная истина, передъ коей можетъ мимоходомъ преклоняться поэтъ, но на коей не можетъ останавливаться человѣкъ, который живѣе поэта и имѣетъ передъ собой великія задачи... Вѣдь мы не знаемъ цѣлей природы, не знаемъ, интересуется ли она судьбами нашего вида, слѣдовательно, безполезность нашего бытія есть истина, строго говоря, недоказуемая. Но мы имѣемъ другую истину, которая внушаетъ намъ увѣренность въ значительности жизни нашей. Мы будемъ неправы, если преклонимся предъ чуждой намъ истиной. Въ концѣ концовъ возникаетъ молчаливое соглашеніе ставить на первое мѣсто, поддерживать и возглашать тѣ истины, которыя продолжаютъ спокойно работать въ то время, какъ другія лишь опутываютъ человѣка: наистиннѣйшая истина та, которая направляетъ ко благу и даетъ самыя широкія надежды“.

И въ другомъ мѣстѣ поэтъ-философъ говоритъ: „Сильный человѣкъ прекрасно сознаетъ, что надо познать силы, противящіяся его планамъ, и, познавъ, бороться съ ними, что зачастую приводитъ къ побѣдѣ. Будемъ твердо вѣрить, что выростутъ наша вѣра въ себя, нашъ миръ и

Digitized by Google

наше счастье, когда апатія и невѣжество перестанутъ называть фатальнымъ (рокомъ) *А. Л.*) то, что наша энергія и нашъ разумъ найдутъ, быть можетъ, естественнымъ и человѣческимъ".

Читайте Метерлинка, г. Мейерхольдъ: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись!

Г. Мейерхольдъ заявляетъ: „Новый театръ снова тяготѣетъ къ началу динамическому (понимая это начало, конечно, какъ нѣчто внутреннее)".

Конечно, это дѣло. Театръ есть искусство дѣйствія, и „внутренній динамизмъ", т. е., очевидно, энергія въ ея потенціальной формѣ, или въ формѣ рудиментарной: чувство, греза, идея, внѣшне еще невыраженная, ничего общаго съ театромъ не имѣютъ; это противоположный театру полюсъ. Но, можетъ быть, вы думаете, что Мейерхольдъ говоритъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, о психической жизни въ противовѣсъ внѣшнимъ ея проявленіямъ? Нѣтъ, мысль его идетъ дальше: туда, гдѣ отрицается не только театръ, но и всякое искусство. „Дѣйствіе внѣшнее въ новой драмѣ, выявленіе характеровъ—становится ненужнымъ". Мы хотимъ проникнуть за маску и за дѣйствіе въ умопостигаемый характеръ лица и прозрѣть его „внутреннюю маску".

Быть можетъ, Мейерхольдъ (или В. Ивановъ, котораго онъ, кажется, цитируетъ здѣсь) думаетъ, что они идутъ по стопамъ Шопенгауера? Но Шопенгауеръ признавалъ за одною лишь музыкой возможность прямо выражать „не внутреннюю маску" (безсмысленное выраженіе), а полнное лицо Воли. Да и то при этомъ надо представлять себѣ какую-то абстракцію музыки, такъ какъ каждая данная музыкальная фраза выражаетъ волю въ ея частной акциденціи. Остальныя искусства изображаютъ лишь маски воли, и чѣмъ ярче эти маски, чѣмъ выявленнѣе именно характеры — тѣмъ легче зрителю самому обобщить свои впечатлѣнія и узнать волю, узнать Рока, узнать себя и всякаго за маской. Если же эту работу за зрителя хочетъ продѣлать актеръ или драматургъ и, вмѣсто того, чтобы стремиться къ полнотѣ и яркости индивидуализаціи художественнаго образа—заставляетъ вылинять индивидуальное и подмѣняетъ его абстрактнымъ, — то это просто головной суррогатъ искусства, монотонная канитель на постномъ маслѣ, повторяющая: „все сіе суета, типовъ нѣтъ, быта нѣтъ, а одна совершается вѣчно равная себѣ драма". Это гибель живого искусства. Такъ оно, исходя даже изъ Шопенгауеровой эстетики, которая вся базируетъ на отрицаніи движенія поступательнаго, прогресса, желчномъ, полномъ страха и ненависти, филистерскомъ отрицаніи. Кто не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, тому противны разсужденія о внѣшнемъ и внутреннемъ, надъ которыми издѣвался еще Гете. Was ist drinnen, das ist draussen! Все феноменально. Сильно, важно лишь то, что, переливаясь черезъ край центровъ, воспринимающихъ и обрабатывающихъ, и переходитъ въ центры двигательные, запечатлѣвается въ

Digitized by Google

„мистерія“, т. е. творчески измѣняетъ, всесохраняющее лицо бытія. Люди, не обладающіе активной энергіей, слабодушные, робкіе—это люди второго сорта, жизнь ихъ—полужизнь, они воспринимаютъ, жуютъ воспринятое, какъ жвачку, и это называютъ своей внутренней жизнью: завидуя активнымъ и ненавидя ихъ, они переоцѣниваютъ цѣнности, они объявляютъ внутреннее, т. е. недоросшее, рудиментарное, за нѣчто болѣе важное, нежели внѣшнее, т. е. актъ. Но „вначалѣ было дѣло“, дѣло всегда есть и будетъ, все для него, къ нему, черезъ него, что не дѣло, то только тѣнь дѣла. Вашъ внутренній театръ есть тѣнь театра.

Мейерхольдъ ушибся не объ одного Метерлинка, но и объ В. Брюсова. Можетъ быть, и тутъ онъ можетъ лечиться тѣмъ, чѣмъ ушибся?

Я читаю у Мейерхольда: „Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что у насъ въ Россіи Валерій Брюсовъ первый заговорилъ о ненужности той „правды“, какую всѣми силами старались воспроизвести на нашихъ сценахъ за послѣдніе годы; онъ также первый указалъ иные пути драматическаго воплощенія. Онъ призываетъ отъ ненужной правды современныхъ сценъ къ сознательной условности“.

Правда. Но понялъ ли Мейерхольдъ Брюсова до конца? Такъ, у Брюсова и читаю: „Современный „условный“ театръ по самому прямому пути ведетъ къ театру маріонетокъ“.

„Чѣмъ условная постановка будетъ послѣдовательнѣе, чѣмъ полнѣе будетъ она совпадать съ механическимъ театромъ, тѣмъ менѣе будетъ она нужной. Шагъ за шагомъ отнимая у артиста возможность игры, возможность художественнаго творчества, театральная условность, наконецъ, уничтожитъ сцену, какъ искусство. Читая драматическія произведенія, мы силой воображенія, конечно, представляемъ дѣйствіе совершающимся. „Условный“ театръ будетъ только немного помогать этому воображенію въ его исполненіи, какъ и при простомъ чтеніи книги, самое дѣйствіе будетъ только подразумѣваться. Если утвердится условный театръ, посѣщать его придется лишь людямъ съ слабымъ воображеніемъ, которымъ книги недостаточно: для людей, обладающихъ фантазіей, театръ окажется излишнимъ“.

Это убійственная критика всей мейерхольдовщины.

Я читаю еще у Брюсова:

„Трагедія“—сказалъ Аристотель—есть подражаніе единому, важному, въ себѣ замкнутому дѣйствію—и этими словами, съ поразительной точностью, отдѣлилъ искусство театра отъ другихъ видовъ искусства. Какъ скульптурѣ—формы, а живописи—линіи и цвѣта, такъ дѣйствіе, непосредственное дѣйствіе принадлежитъ драмѣ и сценѣ. Драматургъ хочетъ, чтобы артистъ своею игрою воплощалъ передъ зрителями развивающееся дѣйствіе, подобно тому, какъ скульпторъ хочетъ въ мраморѣ или бронзѣ явить зрителямъ неподвижныя формы тѣлъ“.

Digitized by Google

Что станетъ съ вашимъ принципомъ внутренняго и неподвижнаго театра? Вотъ еще одинъ „учитель“, который отвергаетъ вашу премудрость!

Читайте, читайте Брюсова, г. Мейерхольдъ: „Та сторона видимости, на которой преимущественно сосредоточено вниманіе даннаго искусства, должна быть воплощена со всѣмъ доступнымъ ему реализмомъ. Реалистичной должна быть и игра артистовъ, воплощающая сценическое дѣйствіе, только реализмъ этотъ не долженъ переходить въ натурализмъ. Игра артистовъ должна быть реалистичной въ томъ смыслѣ, что должна являть намъ дѣйствія возможныя, хотя бы и преувеличенныя въ ту или иную сторону: въ комедіи—въ сторону пошлости, въ сторону величія—въ трагедіи“.

Требуется не только реализмъ, но еще и преувеличеніе въ сторону величія или въ сторону пошлости!

Вы щеголяете въ обносахъ,—вотъ бѣда, г. Мейерхольдъ.

Г. Мейерхольдъ ищетъ. Это хорошо. Но найдя какой-нибудь пустякъ, онъ ставитъ его въ красный уголъ и начинаетъ стукать лбомъ передъ малюсенькимъ фетишемъ. Старый сапогъ Метерлинка, пуговица отъ панталонъ Шопенгауера, оброненные Брюсовымъ на перепутьяхъ клочки черновокъ—вотъ чѣмъ снабдилъ свой музей нашъ передовой режиссеръ.

Сжечь этотъ хламъ надо!

По какому-то недоразумѣнію г. Мейерхольдъ пишетъ: „Борьба съ натуралистическими методами, какую взяли на себя театры исканій и нѣкоторые режиссеры—Театръ-Студія въ Москвѣ, Станиславскій („Драма жизни“), Gordon Graig (Англія), Reinhard (Берлинъ), я (Петербургъ)“. Словомъ, какъ говоритъ хохолъ-старшина въ анекдотѣ: „Зибралося усе наше начальство: Ваше величество, становый та я“.

Мнѣ довелось видѣть постановки Рейнгарда въ Берлинѣ, въ Deutscher Theater. Они близки къ моему идеалу: это картины, полныя жизни, поэзіи, красоты. Отличіе отъ Мейнингенцевъ одно: широкій импрессіонизмъ вмѣсто детализаціи, прежде всего общее впечатлѣніе. Декораціи и группы напоминаютъ насыщенностью красокъ и свободной пластичностью Арнольда Бёклина. Игра—реалистическая, но широкая, совершенно безъ миніатюры. Масса страсти и движенія, подчасъ бурнаго [1]). Ничего похожаго на худосочныя, увядшія, плоскія постановки Мейерхольда.

IV.

Мистическій балетоманъ.

Коробитъ странный тонъ г. Бенуа. Онъ нашелъ нужнымъ объяснить свои выспренныя идеи о балетѣ какому-то сановному старичку, любителю побаловаться балетомъ послѣ административныхъ трудовъ. И, говоря съ

[1]) Нельзя вообразить себѣ большей бури движенія на сценѣ, чѣмъ въ сценѣ дуэли Тибальда и Меркутезіо и послѣдующихъ (Ромео и Джульетта).

Digitized by Google

подобнымъ „эстетомъ“, г. Бенуа мечетъ горстями бисеръ самыхъ „наирелигіознѣйшихъ“ словесъ. Сравните въ самомъ дѣлѣ:

„Балетоманъ: вы знаете, какъ я преданъ балету, но я долженъ сознаться, что настоящее существованіе его представляется мнѣ прямо чудомъ. Какое отношеніе имѣетъ эта тонкая, аристократическая забава ко всѣмъ серьезнымъ вопросамъ, поставленнымъ нашемъ временемъ. И какіе тамъ боги въ нашей мрачной и темной, все болѣе и болѣе грубѣющей жизни. Въ балетѣ я признаю улыбки балеринъ, но ей-ей мнѣ нѣтъ дѣла до улыбки божества и до литургіи“.

Это весьма опредѣленный тонъ довольно типичнаго балетомана. А вотъ „бисеръ“ г-на Бенуа: „Приступимъ къ дѣлу реформы съ молитвой и энтузіазмомъ, преисполненные глубокаго благоговѣнія къ балету; перестанемъ на него смотрѣть, какъ на забаву, какъ на какой-то компромиссный, вздорный родъ искусства, а увѣруемъ въ то, что балетъ можетъ возродить самую сцену, онъ ей можетъ дать тотъ таинственно-литургическій характеръ, по которомъ мы томимся“.

Мнѣ хочется противопоставить этому смѣшному метанью религіознаго бисера, который такъ возмутительно подешевѣлъ у насъ, что серьезнымъ людямъ начинаетъ быть совѣстно говорить на религіозныя темы по серьезнымъ поводамъ,—замѣчаніе г. Философова, критика, пользующагося вѣсомъ среди нашихъ „эстетовъ“. Вотъ что пишетъ г. Философовъ:

„Не о томъ я „скорблю“, что публика „безрелигіозно“ увлекается игрой Дузе, а о томъ, что досужіе эстеты дѣлаютъ изъ этого увлеченія какое-то общественное событіе, религіозный культъ. Вѣдь надо же соблюдать чувство мѣры! Нельзя говорить о „храмѣ“, „алтарѣ“ и т. п. à propos de bottes! Здѣсь нестерпимая распущенность языка. Люди идутъ въ театръ. Имъ нравится игра геніальной (дѣйствительно геніальной!) артистки. Что жъ тутъ дурного? И отлично, пусть себѣ наслаждаются. Дурно то, что изъ самаго обыкновеннаго явленія жизни, какъ-никакъ, а культурнаго и европейскаго города, наши эстеты сдѣлали какое-то мистическое событіе, и ни къ селу, ни къ городу приплели массу жалкихъ словъ. Словечки изъ мистическаго словаря стали той бутафоріей, безъ которой не можетъ теперь обойтись ни одинъ эстетъ, а эстетами теперь хоть прудъ пруди. И въ этой бутафоріи я вижу просто дурной вкусъ, а отнюдь не „культурную работу“, „пересмотръ устоевъ“ и т. п.“.

Намотайте это себѣ на усъ, гг. эстеты.

Однако, г. Философовъ, который такъ ужасно домократизировался и полѣвѣлъ за послѣднее время, что смотритъ прямо въ Базаровы, „перескочилъ черезъ лошадь“. Между театромъ и религіей связь есть. Надо только подходить къ этой связи серьезно, а не сыпать высиженными словесами, мѣшая ихъ со вздоромъ.

Долго останавливаться на самомъ Бенуа не стоитъ. Но замѣтно у

Digitized by Google

него одно характерное противорѣчіе, на которомъ слѣдуетъ остановиться, потому что оно приводитъ къ разсмотрѣнію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ эстетики.

Почему балетъ нравится Бенуа больше оперы и трагедіи? Почему отъ него ждетъ онъ обновленія театра?

„Драма, даже самая отвлеченная и возвышенная, всегда отягчена утилитаризмомъ. Въ большинствѣ случаевъ въ ней сокрыта (иногда очень искусно) дидактическая утилитарность, или же въ самыхъ перипетіяхъ драмы отражается наша суетная возня, наши исканія, ухищренія, подножки, карабканья и захваты. Въ драматическомъ театрѣ можно только плакать или смѣяться".

Въ балетѣ же Бенау ищетъ улыбки.

Самая возвышенная драма отражаетъ нашу „суетную возню". Иными словами, самыя возвышенныя усилія ума и чувства—суета. Истинное, обновленное искусство тамъ, гдѣ нѣтъ усилія, нѣтъ активности.

„Балетъ есть культъ божества радости", говоритъ нашъ мистическій балетоманъ. Запомнимъ.

Дальше г. Бенуа заявляетъ: „Именно важно, чтобы заговорили о театрѣ вообще и о балетѣ въ особенности, какъ о литургіи. Мнѣ кажется совершенно возможнымъ, и даже въ высшей степени желательнымъ появленіе въ балетѣ настоящихъ религіозныхъ мистерій".

Повидимому, г. Бенуа совершенно не понимаетъ, въ какое ужасающее противорѣчіе онъ попадаетъ. Мистеріи, литургія—да вѣдь это и есть возвышенная драма! Да вѣдь въ религіозныхъ мистеріяхъ всегда и всюду плакали, часто хохотали и прежде всего призывали къ усиліюволи, къ очищенію души, оправданью жизни, борьбѣ со зломъ, искупленью подвигомъ, часто мученичествомъ. Вѣдь въ идеѣ активнаго самоискупленія (хотя бы и при помощи божества или богочеловѣка)—вся суть драматической стороны религіи. А у Бенуа понятіе о балетѣ, какъ объ „аристократической забавѣ", хочетъ сочетаться незаконнымъ бракомъ съ понятіемъ театра самаго трагическаго.

Г. Бенуа, повидимому, не считаетъ, что утилитаризмъ равняется пользѣ для желудка, иначе онъ не назвалъ бы утилитарными „самыя возвышенныя драмы" (т. е., напримѣръ, Эдипа, Лира, Фауста, Кольцо Нибелунговъ). Но вѣдь въ такомъ случаѣ все религіозное есть максимально-утилитарное. Какая же это религія, которая считаетъ свое служеніе безполезнымъ? которая ни къ чему не зоветъ? Это не религія, а баловство. Если корень эстетики ея—„посторонность всякому утилитаризму"—то, значитъ, и религіозному утилитаризму, ибо онъ—вершина и обобщеніе всего утилитарнаго; полезное—благо, религія открываетъ высшее благо, высшую пользу.

Для того, чтобы слить безплодную балетную улыбку и религіозный

Digitized by Google

экстазъ, надо признать единственнымъ божествомъ—какое-то божество радости. Но вѣдь это божество безпримѣсной, безпричинной радости можетъ быть богомъ только идіотовъ или старичковъ на пенсіи, устранившихся отъ жизни и ея задачъ. Помилуйте, какая же радость! Можно тянуться къ радости, можно проходить къ ней черезъ море страданій, предугадывая ее, какъ Бетховенъ въ девятой симфоніи, но это лучъ свѣта среди мрака, это вѣнецъ мученичества, или иногда мимолетный отдыхъ среди трудовъ.

Религія всегда сочетаетъ страданіе и радость, борьбу и побѣду или предчувствіе побѣды, а божество радости безпримѣсной, балетной—самое низшее божество, которому никогда не воздастъ культа современный человѣкъ, настоящій человѣкъ современности. И еще упоминается воистинѣ всуе „страдающій Діонисъ". Вообразите балетное изображеніе Голгоѳы и радостно-безмятежно улыбающіяся физіономіи балетомана мистическаго и балетомана административнаго! Фу, какая пошлость!

Если вы хотите, чтобы балетъ былъ „аристократической забавой", отдыхомъ, феерией, смотря которую можно было бы ни о чемъ не думать, а такъ себѣ ухмыляться или дремать,—то не произносите же рядомъ религіозныхъ формулъ. Это же стыдно. А если вы хоть на секунду поняли, что такое духъ религій, настоящихъ, не выдуманныхъ пустопорожними эстетами, а народныхъ религій, владѣвшихъ милліонами сердецъ,—тогда устыдитесь вашей эстетики, „чуждой всякой утилитарности", т. е. абсолютно ненужной для живой жизни.

Какъ своеобразно путаются и сочетаются въ головахъ нашихъ сконфузившихся „побѣдителей" недавнія идеи чистаго искусства и новыя вѣянія—выдумыванія религіозныхъ суррогатовъ, которые модернистъ тщится противопоставить грядущей истинной религіи, подлинному глубокому подъему, близящемуся вмѣстѣ съ торжествомъ пролетарской идеологіи! Какая мѣшанина въ ихъ бѣдныхъ головахъ!

А. Луначарскій.

Digitized by Google

Изъ жизни и литературы.

Сатиры и нимфы [1]).

(Окончаніе).

Въ первой части нашей статьи мы видѣли, что буревѣстника-пророка побѣды смѣнилъ на время зловѣщій воронъ, каркающій надъ „черной дырой“ могилы, а бурю и сѣдое отъ пѣны море замѣнили роскошества владѣльческаго замка и тайны лиловаго дома-особняка. Мы слышали вмѣсто топота коня Ильи Муромца изступленныя вопли „коннаго стражника“, вопли сѣкущихъ и сѣкомыхъ. Мы говоримъ, что историческіе дни уступили мѣсто истерическимъ припадкамъ.

Но рисуя эту картину, мы отнюдь не пришли къ печальному заключенію. Наоборотъ: собственное признанье представителей крайняго индивидуализма, ихъ поворотъ отъ обособленности къ „соборности“, анализъ міроощущенія, желаній и думъ героя эротической беллетристики, анализъ той соціальной среды, которая породила Штруповъ и Мятлевыхъ, Триродовыхъ и Переяшиныхъ, привели насъ къ выводу, что торжество побѣдителей оказалось тризной крайняго индивидуализма.

Самъ собою, однако, напрашивается вопросъ, едва намѣченный нами раньше: отчего ихъ раньше не слышали и не слушали, а послѣ возвѣщеннаго „пораженія демократіи“ они стали какъ бы властителями думъ? Чѣмъ объяснить тотъ хаосъ и ту растерянность, которые послѣднее время царили въ нашей литературѣ?

Вѣдь на нашихъ глазахъ искусство смѣшивалось съ порнографіей, „страна терній“—съ оранжереей изъ экзотическихъ орхидей; на нашихъ глазахъ безстрашное отрицанье прогнившаго мѣщанскаго уклада затемнялось безстыдною, хулиганскою проповѣдью 48 способовъ человѣческихъ соединеній.

Былъ моментъ, когда нѣкоторые изъ критиковъ отрицали существованіе этого хаоса. Въ потокѣ эротической беллетристики и поэзіи они видѣли „дешевую искусственность“ и не усматривали подлинности разложенія. Это явленіе „частное, не широкое, не соціальное“, говорили намъ они и просто предлагали заглянуть въ петербургскій трактиръ „Вѣну“, посѣ-

---

[1]) См. „Образ.“ № 1, 1908 г.

Digitized by Google

шать тамъ кучку представителей „вѣнской школы“. Насъ увѣряли, что мы наблюдаемъ „не зараженіе крови, не гангрену, охватившую душу интеллигенціи, а просто маленькій дрянный, зловонный вередъ, вскочившій на немногихъ совершенно приватныхъ физіономіяхъ“.

Теперь тѣ же критики перегибаютъ палку въ обратную сторону и признаютъ „сдвигъ *живого* искусства въ сторону навьихъ чаръ декадентства“.

Во всякомъ случаѣ, не приходится заглядывать въ трактиръ „Вѣну“ и говорить о совершенно *приватныхъ* физіономіяхъ. Необходимо считаться съ физіономіей *соціальной*.

Не въ цензурѣ тутъ, разумѣется, сила и главная вина, не въ цензурѣ, которая возстановлена для произведеній соціальныхъ и политическихъ и тенденціозно-снисходительна къ тайнамъ пола; не въ томъ, что россійскіе писатели поторопились использовать эту единственную область, доступную имъ и въ силу непривычки къ свободѣ хватили черезъ край.

Пора-бы давно перестать все сваливать на будочника и на наше варварство!

Развѣ во Франціи, Англіи, Италіи не отмѣнена цензура одинаково по всѣмъ вопросамъ, развѣ культурная Европа не привыкла къ свободѣ? А раскройте романъ Габріэля Анвунціо „Сладострастіе“ или Гюисмана „Наоборотъ“ или, наконецъ, новеллу Обри Бердслея „Исторія Венеры и Тангейзера“—въ каждомъ изъ этихъ произведеній вы найдете самое кропотливое описаніе утонченностей въ области эротики.

Луврскую Венеру Милосскую, эту богиню, „выпрямившую“ измученную душу Глѣба Ивановича Успенскаго „культурная“ Европа превращаетъ въ „блудницу“. Эта богиня и блудница „очаровательная и обаятельная“ лежитъ съ Тангейзеромъ на розовомъ атласѣ. Богиня, не чувствовавшая наготы въ воображеніи художника-декадента, рисуется блудницей въ „изысканныхъ панталончикахъ“, а Тангейзеръ, блѣдный и онѣмѣвшій отъ возбужденія, грубо водитъ пальцами въ перстняхъ по божественному тѣлу, срывая сорочку, панталоны и чулки... [1])

Русскаго „варвара“ Венера *выпрямила*—онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ видѣлъ въ богинѣ *человѣка*; перекультурившагося европейца Венера заставила вспомнить о „панталончикахъ“ и создать изъ богини блудницу.

А загляните въ библіотеку къ маркизу Мауницъ Еджкэмбу, поучитесь умѣнью пользоваться свободой! Этотъ маркизъ, у котораго подпрыгивающая и неувѣренная походка, какъ у человѣка, близкаго къ параличу, съ начавшейся болѣзнью спинного мозга, показываетъ графу Сперелли, расточителю жизни, ведущему свой родъ отъ 1466 года, свою библіотеку.

---

[1]) См. „Вѣсы“, 1908 г., 1 кн. Обри Бердслей „Исторія Венеры и Тангейзера“.

Digitized by Google

Въ этой библіотекѣ современнаго намъ европейца, носителя культуры выродившагося класса, вы найдете „все, что только человѣческое воображеніе создало утонченнаго и безстыднаго въ теченіе столѣтій“. Тутъ сочиненія Петронія, вся французская литература „рококо“, пріапеи, идилліи, романы, новеллы. Тутъ знаменитый переводчикъ Марціалъ и комментаторъ 328 непристойностей и маркизъ Садъ съ рисунками. Виньетки въ роскошно изданныхъ книгахъ изображаютъ неподдающіяся описанію положенія тѣлъ. Рисунки Редгрева, умершаго въ домѣ умалишенныхъ, кажутся „сновидѣніями человѣка, страдающаго сатиріазисомъ“ и „проходятъ передъ глазами, какъ пріапическая пляска смерти“.

Библіотека другого утонченнаго европейца, потомка древнихъ рыцарей, Дез'Эссента, составлена въ томъ же духѣ („Наоборотъ“ Гюисманса). Правда, она отличается большимъ разнообразіемъ и вкусомъ, но любимый авторъ—тотъ же Петроній и женщина во всѣхъ позахъ встаетъ, по контракту, въ воображеніи Дез' Эссента даже въ тѣ часы, когда онъ читаетъ „слишкомъ чистыя“ произведенія Диккенса.

Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно, и всѣ они свидѣтельствуютъ, что ссылки на русскую цензуру и на европейскую культуру не имѣютъ серьезнаго значенія.

Наша „наполеонствующая“ цензура шла на встрѣчу уже родившемуся спросу. Она только расширила рынокъ и способствовала предложенію.

Мы оставимъ въ сторонѣ всякія „Тайны блондинки“, ставшія явными, пройдемъ мимо Коки и Бобы, у которыхъ портсигары съ непристойными картинками, пройдемъ мимо книгъ, похожихъ на эти портсигары,—вѣдь не на удочку же явныхъ пошлостей устремились широкіе круги „общества“.

Нѣсколько намековъ для отвѣта на поставленные вопросы даетъ намъ романъ Арцыбашева „Санинъ“, къ которому мы уже подходили. Эта книга, мѣстами художественно и ярко написанная, въ особенности, тамъ, гдѣ авторъ рисуетъ пейзажъ, одно время была чуть не настольной книгой студентовъ и курсистокъ. Она несомнѣнно отмѣчаетъ опредѣленный этапъ въ исторіи интеллигентскихъ настроеній.

Много этаповъ уже прошла наша скитальческая интеллигенція, и „Санинъ“ является символомъ этихъ скитаній: отъ увлеченія къ повороту, отъ поворота къ увлеченіямъ.

Этотъ жизнерадостный на видъ человѣкъ—родной братъ того чеховскаго интеллигента, который вѣчно былъ „*въ пути*“ и вѣчно пребывалъ подъ знакомъ новыхъ увлеченій. Когда-то чеховскій герой сливался съ „народомъ“, еще вчера онъ былъ толстовцемъ, а ужъ сегодня онъ преклоняется передъ женщиной, при этомъ любитъ ее, надо замѣтить, совершенно платонически. Что будетъ съ нимъ завтра—неизвѣстно: „нынче не знаетъ, что завтра пожнетъ“.

„Санинъ“—также *въ пути*, и мы ни на одну минуту не сомнѣваемся

Digitized by Google

что тотъ жалкій городишка, куда онъ попадаетъ въ концѣ концовъ послѣ того, какъ „сжегъ все, чему поклонялся и поклонился всему, что сжигалъ“,— только станція въ его скитаніяхъ, да и не станція, а просто разъѣздъ.

По нѣкоторымъ, случайно брошеннымъ то здѣсь, то тамъ замѣчаніямъ, вы можете прослѣдить этапы въ эволюціи этого типичнѣйшаго русскаго интеллигента изъ дворянъ [1]).

„Были времена [2]),—разсказываетъ Санинъ,—когда я переживалъ самыя разнообразныя сомнѣнія. Были времена, когда я самъ серьезно мечталъ объ идеалѣ христіанскаго житія... Я тогда былъ на первомъ курсѣ и былъ у меня товарищъ студентъ-математикъ *Иванъ Ланде*. Это былъ удивительный человѣкъ непобѣдимой силы и христіанинъ не по убѣжденію, а по природѣ. Въ своей жизни онъ отразилъ всѣ критическіе моменты христіанства: когда его били, онъ не защищался, прощалъ врагамъ, шелъ ко всякому человѣку, какъ брату, „могій вмѣстити“, вмѣстилъ отрицаніе женщины, какъ самки“.

Это упоминаніе въ романѣ „Санинъ“ имени студента Ланде—интересная черточка въ творчествѣ самого художника...

Для насъ, однако, важна духовная эволюція его героя.

„Добровольный нищій и фантастъ“ Ланде-толстовцевъ былъ лишь эпизодомъ въ жизни Санина. Моментъ толстовства, какъ и въ жизни чеховскаго героя изъ очерка „Въ пути“, продолжался недолго. Около этой станціи поѣздъ простоялъ одну минуту по указанію историческаго „расписанія поѣздовъ“.

Отъ христіанскаго идеала, отъ всепрощенія и непротивленія Санинъ перешелъ къ революціонной дѣятельности. Онъ голодалъ, „бродилъ, принималъ рискованное участіе въ политической борьбѣ и бросилъ это дѣло, когда оно ему надоѣло“.

Мы застаемъ его въ тотъ моментъ, когда онъ возвращается къ род-

---

[1]) Мы должны заранѣе отмѣтить, что романъ Арцыбашева помѣченъ 1901—1907 г., т. е. въ теченіе шести лѣтъ постепенно развивался вмѣстѣ съ развитіемъ ультра-индивидуалистическаго теченія въ средѣ интеллигенціи. Интересно еще отмѣтить, что съ 1900—1901 г. въ поколѣніи девяностыхъ годовъ уже обнаружился поворотъ отъ марксизма къ идеализму. П. Струве, Булгаковъ, Бердяевъ начинали борьбу противъ революціонно-демократической интеллигенціи.

Фабула романа задумана въ 1901 г., пріурочивается къ моменту послѣ-декабрьскихъ дней.

Послѣдніе годы дали художнику послѣдніе штрихи, послѣдніе же годы дали возможность выпустить въ свѣтъ этотъ романъ. Этотъ романъ появился тогда, когда „кровавое пятно“ революціи было занесено метлами реакціи.

„Конецъ Ланде“, быть можетъ, уже былъ началомъ „Санина“.

[2]) 228—229 «Совр. Міръ», 1907 г. Май.

Digitized by Google

нымъ и посвящаетъ себя женщинамъ, мѣняя ихъ еще чаще, чѣмъ свои религіозныя и политическія симпатіи.

Въ послѣднихъ страницахъ романа предчувствуется перемѣна. Недаромъ Санинъ наскоро собираетъ пожитки, покидаетъ тихое пристанище, покидаетъ сестру, Карсавину, внучку огородника и отправляется въ путь.

Онъ снова въ пути—это знаменательный фактъ. Будемъ ждать новаго романа, гдѣ увидимъ новаго героя. Этотъ герой скажетъ, что когда-то онъ увлекался студентомъ Ланде, потомъ обольстителемъ провинціальныхъ красавицъ Санинымъ... а теперь...

„Теперь ужъ я не тотъ!“

Процитируемъ отъ Грибоѣдова.

Во всѣхъ своихъ скитаніяхъ Санинъ невримыми путями привязанъ къ колесу исторіи. Это колесо то поднимаетъ его вверхъ, то опускаетъ внизъ. Послѣднее „превращеніе“ Санина, свидѣтелемъ котораго является читатель, происходитъ *послѣ* декабрьскихъ событій, когда „перманентная“ революція заблудилась въ непроходимой чащѣ штыковъ и не дождалась поддержки всего народа. Это необходимо имѣть въ виду.

Народъ не оправдалъ надеждъ. Это чувствуется въ „озлобленномъ отношеніи“ къ мужикамъ со стороны обычно равнодушнаго „Санина“ и въ истерическихъ воплях его антипода Юрія Сварожича, подъ конецъ убившаго себя: „Можно ли страдать и жертвовать собой за это звѣрье?“—восклицаетъ вѣрный рабъ революціоннаго долга. Въ этомъ отношеніи къ народу сошлись и „утверждающій“ жизнь Санинъ, и отрицающій наслажденіе жизнью Сварожичъ.

Наступилъ моментъ пересмотра, переоцѣнки, какъ и послѣ событія 1-го марта 1881 года, когда начались жалобы на мужицкій лапоть, раздавившій интеллигентскій порывъ. Наступилъ поворотъ, какъ и въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда марксизмъ былъ загнанъ въ подполье и авторъ „Credo“ нашумѣвшаго въ свое время, отрицалъ политическое значенье за пролетаріатомъ.

Санинъ для нашего времени, для эпохи „политической ликвидаціи“, является тѣмъ же, чѣмъ толстовскій Нехлюдовъ для восьмидесятыхъ годовъ, вересаевскій Токаревъ для конца девяностыхъ и начала девятисотыхъ годовъ.

Каждая изъ этихъ фигуръ—„на поворотѣ“, только каждый разъ *остановки* на разъѣздѣ все короче и короче, а вмѣшательство народа, „мужиковъ, живущихъ, какъ скоты“, вмѣшательство „звѣрья“,—все замѣтнѣе въ медленный ходъ историческихъ событій.

Нехлюдовъ, Токаревъ, Санинъ знаменуютъ стремленіе интеллигента отъ „бурь и битвъ“ уйти въ себя, отъ политическаго подполья уйти въ подполье собственнаго духа.

Личное самоусовершенствованіе и непротивленіе толстовства, сліяніе

Digitized by Google

съ массами и самоотверженная борьба, озлобленіе противъ „инертной“ массы и проповѣдь личнаго наслажденія—развѣ это исторія только одного Санина или чеховскаго „Неизвѣстнаго человѣка“, или интеллигента „въ пути“? Это исторія многихъ тысячъ кающихся дворянъ и кающихся буржуа, это исторія огромнаго интеллигентскаго слоя, неустойчиваго и колеблющагося, легкимъ вѣтромъ переносимаго, какъ „перекати-поле“, съ этапа на этапъ.

Этотъ бродяга „непомнящій родства“ вѣчно переходитъ отъ признанія безсилія собственнаго „я“—къ преклоненію передъ массами и отъ признанія безсилія массъ—къ преклоненію передъ собственнымъ „я“.

Такимъ преклоненіемъ передъ массами, особенно рѣзко замѣтнымъ, былъ періодъ отъ 9 января до декабрьскихъ дней.

Такимъ преклоненіемъ передъ „я“ отличается эпоха послѣ подавленія революціи.

Вспомнимъ въ самомъ дѣлѣ октябрьскіе дни 1905 года. Не о себѣ тогда говорилъ человѣкъ „въ пути“, а о „буйствѣ своеволій толпы“.

Все воплощалось для интеллигенціи въ величественный образъ побѣдоноснаго народа, не знали иного обращенія, кромѣ всѣмъ любезнаго слова „товарищъ“.

А потомъ... Потомъ слово „товарищъ“ стало такимъ же ругательнымъ, какъ „нигилистъ“ шестидесятыхъ годовъ, а вчерашній революціонеръ облекается въ одежды декадентства.

„Въ морѣ волненій, въ волнахъ бытія... я поднимаюсь... я опускаюсь“.

Въ этихъ волнахъ въ октябрѣ декадентъ становился революціонеромъ, а черезъ годъ революціонеръ становится декадентомъ.

Подъ политическимъ прессомъ реакціи силы взаимнаго сцѣпленія рушатся, интеллигентскій слой распыляется, наступаетъ періодъ крайняго индивидуализма въ средѣ Саниныхъ, растерянность среди Сварожичей, отчаянье среди Соловейчиковъ.

Тѣ самые люди, которые только что были объединены вѣрой въ торжество массъ, горѣли революціоннымъ пламенемъ, потерявъ эту вѣру и погаснувъ, снова представляютъ разсыпанную храмину, множество выбитыхъ изъ колеи единицъ.

Одни не находятъ въ себѣ силъ „такъ жить“, въ нихъ давно уже утрачена личность и они кончаютъ съ собой, какъ Юрій Сварожичъ или Соловейчикъ, другіе становятся племянниками „Дяди Вани“ и привыкаютъ ныть... Третьи, повернувшись спиной къ массамъ, отдаются удовлетворенію своихъ инстинктовъ.

Сколько этихъ третьихъ уже знала исторія русской общественности! „Мнѣ было 20 лѣтъ тогда. Лукаво жизнь впередъ манила и ласково любовь сулила мнѣ блага лучшія свои. *Я отступилъ*“—говорилъ одинъ изъ „рыцарей на часъ“ у Н. А. Некрасова.

Digitized by Google

Такихъ отступившихъ было много и въ шестидесятые, и въ семидесятые, и въ девяностые годы. Но такъ какъ всегда „отступали въ порядкѣ", то и отступленіе это по-куропаткински облекалось въ самыя воинственныя и побѣдоносныя одежды.

Абрамовщина 80-хъ годовъ, Токаревщина легальнаго марксизма („На поворотѣ" Вересаева), Санинцы—любители „милаго тѣла"—все это „поумнѣвшіе" и „поправѣвшіе", крѣпко вросшіе корнями въ почву буржуазнаго общества.

Въ моменты побѣдъ массы они принимаютъ окраску демократизма, они—народники съ народовольцами, они—марксисты съ соціалъ-демократами, иногда они въ своихъ выводахъ „максималисты", но всегда они въ области революціонной работы—пассивны.

Въ моментъ политической и общественной реакціи они начинаютъ быстро линять и стремятся свою буржуазную сущность выдать за самое послѣднее слово реальной политики. Въ своемъ стремленьи окрасить буржуазною идеологіею истинные демократическіе элементы они проявляютъ огромную активность. Они уже перестаютъ говорить „*вашъ* гимнъ мое сердце поетъ". Поютъ они тѣ гимны, которые нашептываетъ имъ торжествующая буржуазія.

Что подѣлаете? Вѣдь большинство „рыцарей на часъ" занимаютъ позицію между двухъ огней, между двумя враждебными классами, а кормятся они отъ стола господъ.

За послѣднее время примѣровъ такой эволюціи—сколько угодно.

Въ № 21 „Пролетарія", въ отдѣлѣ хроники, имѣется маленькая замѣтка: „Сокращеніе партійныхъ работниковъ въ полномъ ходу даже въ Петерѣ. А съ наступленіемъ реакціи изъ районовъ бѣжала масса тѣхъ выходцевъ изъ буржуазной среды, которые только и работали въ партіи, пока это ничѣмъ имъ почти не грозило".

Но отступать нужно всегда въ порядкѣ, и вотъ появляются вмѣсто оправдательныхъ документовъ обвинительные акты противъ народа, который отступилъ, и проповѣдь самаго революціоннаго отрицанія всего, разрушенія всего міра во имя гордаго, непреклоннаго „я".

Вы только послушайте М. Энгельгарда, бывшаго эсера-максималиста. Теперь уже онъ не тотъ! А кто виноватъ? Разумѣется, народъ, не оправдавшій надеждъ: „Онъ показалъ себя въ этомъ покушеніи на революцію не Ильей Муромцемъ и не сильнымъ Самсономъ, а всего Поприщинымъ, который вообразилъ себя Фердинандомъ VII... Мы думали: передъ нами вулканъ—онъ оказался пузырь. Пнулъ его носкомъ господскій сапогъ—и весь революціонный духъ изъ пузыря вонъ"... „Провалившаяся революція не только не привела къ обновленію, но и не вывела на путь къ обновленію. Передъ нами длинный, черный зловонный корридоръ. По этому корридору поведетъ насъ исторія... Строителемъ жизни выступаетъ торже-

Digitized by Google

ствующій клопъ изъ союза русскаго народа. Впрочемъ, русская исторія издавна клопомъ пахла" [1]).

Бывшій соціалъ-демократъ Изгоевъ впалъ давно ужъ въ кадетство, да и въ кадетствѣ онъ изъ реалистовъ реалистъ, подобно П. Б. Струве. И онъ, разумѣется, проливаетъ слезы о „темной, несчастной странѣ", и онъ усталъ отъ „смуты", заигрываетъ со Столыпинымъ и мечтаетъ о томъ, чтобы „появился, наконецъ, у насъ *свой* Бисмаркъ и вывелъ Россію изъ поглощающей ее смуты".

Не такъ давно появился въ печати „Альманахъ индивидуальнаго искусства и индивидуальной мысли", „Бѣлый Камень". Не думайте, что на *этомъ* камнѣ созиждется церковь будущаго, этотъ камень—результатъ болѣзни и это видно изъ манифеста одного изъ „бѣлокаменныхъ": „Моя душа ждетъ чего-то. Не могу пристать ни къ тому, ни къ другому берегу. *Я уже прошелъ удушливое горнило соціалистическаго позитивизма и научился презирать его.* Я купался уже въ мигающей пустынѣ новаго искусства и пожелалъ ему тихой кончины. Я всѣмъ этимъ уже *давно „поужиналъ"* и преспокойно лечу въ пролетѣ двухъ стульевъ. Встрѣчу ли кого по дорогѣ, или самолично буду летѣть въ еще незаполненное пространство—*все равно*"... Не довольно ли этихъ перловъ!

Саниинъ съ его формулой „какъ-нибудь", Бѣлокаменный съ его откровеннымъ „все-равно", Энгельгардъ съ его Поприщинымъ-народомъ и тысячи интеллигентовъ „въ пути"—очень похожи другъ на друга въ своемъ презрѣніи къ массамъ, въ своемъ индивидуализмѣ и равнодушіи къ тѣмъ вопросамъ, которыми они „давно поужинали". Для каждаго изъ нихъ отъ соціализма и максимализма до Бисмарка, клопа и пролета между двухъ стульевъ—всего одинъ шагъ, да и шагъ-то нечеловѣческій, а воробьиный.

Полетъ между двухъ стульевъ въ незаполненное пространство не можетъ не знаменовать просто паденія, а для рыцарей такого паденія литература упадка какъ разъ по плечу.

„Человѣкъ взбѣсился отъ страха и оголилъ въ себѣ животное"—пишетъ М. Горькій въ своей статьѣ „Цинизмъ".

Это оголѣніе привело къ тому, что экзотическіе цвѣты, пышно распустившіеся въ оранжереяхъ московскихъ милліонеровъ, попали въ петлицу къ вчерашнему врагу буржуазно-капиталистическихъ отношеній, врагу буржуазной идеологіи.

Позвольте—скажутъ читатели—причемъ же тутъ литература упадка и поумнѣвшіе? Развѣ вся почти русская литература въ лицѣ цѣлаго ряда художниковъ реалистовъ не удѣляетъ тайнамъ пола большое вниманіе и развѣ „ранніе всходы" интеллигенціи, почти вся молодежь, еще не по-

---

[1]) Заимствуемъ цитату изъ „Русскаго Богатства" 1908 г. 1 янв. „Два кающіеся литератора" Петрищева (отд. „Случайныя замѣтки").

Digitized by Google

навшая подъ перекрестный огонь классовой борьбы, развѣ революціонно-демократическая интеллигенція не интересуется половымъ вопросомъ? Да, интересуется, но идеаломъ ея вовсе не являются ни гнилообразный Волошинъ, этотъ разслабленный эротоманъ изъ романа „Санинъ", ни самъ Санинъ, принизившій женщину до положенія кобылы и отвернувшійся отъ „мужиковъ, живущихъ, какъ скоты".

Молодежь ищетъ, но не нашла въ современной беллетристикѣ желаннаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ, „подруга" идейнаго чистаго юноши напоминаетъ „возлюбленную" изъ очерка Леонида Андреева „Проклятье Звѣря", а не женщинъ, на которыхъ охотился „человѣкъ въ котелкѣ".

Подобно тому, какъ 40 лѣтъ тому назадъ эпоха великихъ реформъ встряхнула старое общество, „темное царство" выдвинуло вопросъ „*что дѣлать*" въ области отношенія мужчины къ женщинѣ и заставило Чернышевскаго отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ и теперь только что пережитая революція расшатала старый укладъ и пришла къ тому же вопросу. Не *упадкомъ*, а *возрожденіемъ* нужно назвать этотъ огромный интересъ революціонной интеллигенціи къ указанному вопросу. Этихъ смѣлыхъ борцовъ противъ стараго уклада не слѣдуетъ, разумѣется, смѣшивать съ эротоманами и хулиганами-„максималистами" въ области любви.

Что общаго имѣли 40 лѣтъ тому назадъ всѣ эти „Собакевичи нигилизма", которые подхватили въ шестидесятыхъ годахъ лозунги Чернышевскаго и смѣлыхъ отрицателей?! Развѣ не писалъ о нихъ Н. К. Михайловскій: „Пришлые люди, подобравъ наши краткія и ясныя формулы, уединивъ ихъ отъ процесса ихъ выработки, навѣсили на нихъ всевозможныя грязныя поползновенія, всяческую низость"?

Такими же пришлыми людьми оказались тѣ, которые стали писать примѣчанія къ 328 непристойностямъ подъ флагомъ революціонности. Быть можетъ, *идеализированная* эротика крайнихъ индивидуалистовъ и всевозможныхъ Сабакевичей анархизма, прикрывая виноградным листкомъ свободы голый развратъ, нѣкоторое время вводила въ заблужденіе довѣрчивую юность, но между „*ранними* всходами" и *увядшими* эстетами нѣтъ ничего общаго.

Одни ведутъ свою родословную отъ „Что дѣлать". Они идутъ къ Венерѣ-человѣку. Другіе продолжаютъ завѣты героя „Наоборотъ", того героя, который, будучи мужчиной, чувствовалъ себя женщиной, а съ дѣтства страдалъ золотухой...

Одни борются противъ прогнившаго мѣщанскаго уклада, другіе борются за аристократически-изысканный утонченный развратъ; въ жилахъ этихъ золотушныхъ и слабосильныхъ донъ-жуановъ течетъ кровь Венеры-блудницы.

Говоря о прогнившемъ укладѣ, мы разумѣемъ современный буржуазный бракъ по разсчету, фактическое разрушеніе когда-то патріархальной семьи, превращеніе женской ласки въ товаръ.

Digitized by Google

Если прежде буржуазная семья являлась какъ бы освѣщеніемъ вѣчнаго и наслѣдственнаго владѣнія накопленнымъ добромъ и „мѣщанская добродѣтель“ украшала вѣрныхъ другъ другу супруговъ, теперь, когда колоссальныя богатства создаются и рушатся съ какою-то головокружительной быстротой, теперь съ торжествомъ крупнаго капитала и гибелью мелкихъ и среднихъ предпринимателей, отошло въ область золотыхъ сказокъ воспоминаніе о вѣчномъ и наслѣдственномъ владѣніи. „Хоть день, да мой“, а „послѣ насъ—хоть потопъ“. Эти фразы аристократіи перешли къ буржуазіи отъ господствовавшихъ прежде владѣльческихъ замковъ къ господствующимъ нынѣ торговымъ домамъ, перешли вмѣстѣ съ распутствомъ потомковъ рыцарей.

Естественно, что героиню „Перчатки“, „Одну за многихъ“ замѣнили „Нана“, Венера-блудница, куртизанка и кокотка.

Хранители „семьи“ давно уже разрушили душу семьи.

Нужно-ли говорить, что пролетарій, съ шести до шести работающій въ мастерскихъ и приходящій только спать въ свой уголъ,—не знаетъ семейнаго очага? А его же дочь, чтобы не голодать, идетъ на улицу.

Таковъ современный укладъ.

Объ одномъ изъ представителей этого прогнившаго уклада говоритъ Леонидъ Андреевъ въ своемъ разсказѣ „Проклятье Звѣря“.

Въ тотъ моментъ, когда сынъ природы, сынъ лѣсовъ и моря, прижалъ къ своему сердцу „возлюбленную“, онъ услышалъ шорохъ и за деревьями зеленаго лѣса увидѣлъ сгорбленную фигуру господина въ котелкѣ: „Это былъ одинъ изъ тѣхъ отвратительныхъ, жалкихъ, полусумасшедшихъ эротомановъ, которыхъ всюду и всегда, днемъ и ночью преслѣдуютъ грязные, сладострастные образы. *Ихъ доводилъ до сумасшествія, въ полнаго скотства городъ,* полный красивыхъ, но чужихъ и недоступныхъ женщинъ. Да, городъ создалъ „человѣка въ котелкѣ“ и „картины гнуснѣйшаго фантастическаго разврата, передъ которымъ цѣломудріемъ и святостью кажется наивный правдивый развратъ древнихъ“.

Но наряду съ „человѣкомъ въ котелкѣ“, гнуснѣйшимъ развратомъ и лицемѣрной лживой моралью въ томъ же городѣ незримо для художника пессимиста живетъ юноша-революціонеръ съ чистой-свободной любовью и благородно-человѣческимъ отношеніемъ къ женщинѣ, нисколько не загрязняющимъ радости полового общенія.

Такой юноша ничего не имѣетъ общаго ни съ Юріемъ Сварожичемъ, ни съ Санинымъ.

Юноша и возлюбленная—предвѣстники той любви и того прекраснаго, чистаго, некупленнаго брака, который осуществится вполнѣ только въ будущемъ обществѣ, гдѣ будетъ разрѣшенъ вопросъ о дѣтяхъ.

Женщина—не только возлюбленная, но и мать и больше мать, чѣмъ возлюбленная. Этой матери грозитъ буржуазный строй нищетой и голодомъ ея ребенка.

Digitized by Google

Санинъ проповѣдуетъ умерщвленіе плода, революціонеръ-юноша—уничтоженіе отжившаго буржуазнаго уклада.

Лицемѣрная мораль грозитъ свободной любви своимъ презрѣніемъ, отлученіемъ отъ огня и воды, молодость смѣется надъ этимъ презрѣніемъ распутниковъ, покупающихъ любовь и прежигающихъ жизнь съ „дѣвами радости".

Революціонная молодежь теперь, въ моментъ пересмотра больше, чѣмъ прежде, отдается любви. Но развѣ революціонеръ—схема, развѣ онъ—Юрій Сварожичъ, рабъ долга и аскетъ, резонирующій тамъ, гдѣ живой человѣкъ отдается живому хорошему чувству?

У Юрія Сварожича нашлась сила умереть, убить себя, но не было силъ жить и быть самимъ собой.

Не слишкомъ ли поздно собрались наши художники хоронить аскетизмъ?

И Юрій Сварожичъ, и бомбистъ Леонидъ Андреевъ, желающій идти „дальше Христа" въ своемъ чисто-толстовскомъ отреченіи отъ себя,—образы мертвые, уже давно пройденные жизнью. И когда М. Горькій въ своей „Матери", написанной какъ бы въ посрамленіе эротическихъ увлеченій [1]), заставляетъ революціонера Павла уходить отъ любви и заставляетъ Андрея Находку, подъ вліяніемъ Павла, тоже устыдиться этого возрождающаго къ жизни чувства, мы замѣчаемъ тенденцію, подмѣняющую жизнь; мало того, мы видимъ, что Максимъ Горькій отрекается отъ самого себя.

Вѣдь девяностые годы тѣмъ и отличались отъ семидесятыхъ, что они покончили съ аскетизмомъ. И въ этой борьбѣ противъ умерщвленія плоти творчеству М. Горькаго принадлежало первое мѣсто.

Молодость, скупая на цвѣты, съ проповѣдью аскетизма отошла въ область исторіи.

„Долгъ нашъ—на страсть ополчиться сурово"... „О, сердце, не бейся въ груди порой такъ мучительно страстно!"—говоритъ юноша-революціонеръ въ стихотвореніяхъ П. Я.

Но уже въ 1883 году поэтъ пишетъ въ своемъ „*Возмущеніи*

---

[1]) Въ 1893 году появляется А. П. Чехова „Изъ записокъ неизвѣстнаго человѣка", произведеніе, въ которомъ бывшій революціонеръ-террористъ, не знавшій личной жизни, стоя на краю могилы, говоритъ: „Будемъ жить. Солнце не восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды".

Въ томъ же 1893 г. въ стихотвореніи „Мой другъ", написанномъ въ эпоху крушенія надеждъ, поэтъ П. Я. обращается со словами очень знаменательными къ любимому человѣку:

„О, для чего, зачѣмъ, за что въ порѣ разсвѣта
Должна угаснуть ты *восторгомъ* не согрѣта
Весталка бѣдная... Къ чему огень блюсти,
Когда алтарь разбитъ и брошенъ при пути?
Смотри, какъ крестъ тяжелъ, измѣны всюду"...

Digitized by Google

любви" о сердцѣ, просившемъ любви безъ конца и о силахъ, *разбитыхъ* „долгой борьбой".

Девяностые годы согрѣты этимъ восторгомъ. Художникъ, пришедшій изъ пролетарской среды, и критикъ соціалъ-дем. говоритъ о *полнотѣ жизни*.

„Весталку бѣдную" замѣняетъ Наташа Вересаева и Соня М. Горькаго въ „Дачникахъ".

Соня—*не одна*: она *рядомъ съ юношей*-студентомъ и сколько восторга, сколько силы и смѣлости черпаютъ они въ своей красивой и смѣлой любви!

Въ разгаръ революціи и Наташѣ, и Сонѣ было не до любви, не до личной жизни. Они жили „внѣ себя", не помня себя, въ восторгѣ общественной жизни. Но развѣ они боролись съ собой тогда, развѣ говорили о долгѣ—они жили всѣмъ своимъ существомъ. И теперь они живутъ, не отрекаясь отъ революціи и народа, но... и, не ополчаясь сурово на страсть.

Право, это куда красивѣе самоубійства и разумнѣе пытья!

Юноши аскеты надѣвали покаянную власяницу, спали на гвоздяхъ и

„Разогнавъ туманъ горячей страсти,
„*Нѣтъ и нѣтъ*" безжалостно твердили".

Юноша, пережившій карательныя экспедиціи, висѣлицы и разстрѣлы, твердитъ жизни свое „да и да". Онъ не хочетъ идти путемъ отреченія отъ себя, идти „дальше Христа", не хочетъ онъ идти и путемъ разрушенія другого „я", „дальше сатаны".

Онъ утверждаетъ жизнь, онъ любитъ свою любовь и радуется своей страсти. Революціи нужна не умерщвленная плоть, а живой человѣкъ, не разбитый борьбою съ собой.

Въ своей небольшой [1]) интересной брошюрѣ, напоминающей, къ сожалѣнію, наскоро набросанный конспектъ, Войтоловскій пишетъ о текущемъ моментѣ слѣдующее:

„Самъ по себѣ наплывъ эротическихъ представленій—совершенно чистый источникъ, въ которомъ крѣпнетъ и обновляется энергія *наиболѣе дѣятельныхъ группъ населенія*. И тамъ, гдѣ онъ свѣтелъ и чистъ, тамъ свѣтла и чиста его органическая, а вмѣстѣ съ ней нравственная и общественная жизнь человѣка. Чистота же дается тѣмъ порывомъ сердца и чувства, который является во всей своей святой наготѣ при сліяніи идеальныхъ психическихъ элементовъ любви съ ея органической основой. И въ то же время въ этомъ открытомъ и свободномъ проявленіи чувственности происходитъ бытовое обновленіе жизни, происходитъ бунтъ противъ тѣхъ моральныхъ и юридическихъ путъ и обязательствъ, на которыхъ построенъ былъ старый порядокъ. Такъ что изъ того же источника—развитія чувственности—грядетъ какъ бы двойное освобожденіе"...

---

[1]) „Текущій моментъ и текущая литература".

Digitized by Google

Загрязненіе же этого источника, замѣна соціальной основы любви, т. е. жажды органическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ моральнаго обновленія и продленія своей жизни въ потомствѣ путемъ наиболѣе интиманаго и глубокаго общенія съ избраннымъ лицомъ другого пола—простымъ размѣромъ чувственныхъ наслажденій неминуемо связано съ превращеніемъ эротики въ тотъ порнографическій ядъ, которымъ въ изобиліи насыщена вся декадентская литература.

И въ этомъ—другая сторона всѣхъ эпохъ возрожденій, которыя рядомъ съ развитіемъ чувственности знаютъ и паденіе нравовъ времени послѣдняго царствованія Наполеона III, питаемое, конечно, совершенно *другими группами населенія.*

Это разграниченіе очень цѣнно: оно помогаетъ въ томъ хаосѣ, который до послѣдняго времени смѣшивалъ самые разнородные элементы, смѣшивалъ Триродовыхъ и Алкиныхъ, самозванныхъ соціалъ-демократовъ, смѣшивалъ отживающія группы населенія съ группами, исполненными живой, творческой страсти, группами дѣятельными.

Впрочемъ, хаосъ уже *былъ*, а теперь на нашихъ глазахъ происходитъ размежеваніе. Отовсюду несутся голоса возмущенія по поводу загрязненія русской литературы порнографіей.

Сами авторы повѣстей и романовъ, проникнутыхъ чувственнымъ характеромъ, спѣшатъ избавиться отъ возможности обвиненія въ порнографіи. Они даютъ самое добродѣтельное толкованіе своимъ произведеніямъ. Автоматизму городской любви съ машиннымъ производствомъ они противопоставляютъ любовь великаго культа, торжествующимъ жеребцамъ и кобыламъ—свѣтлый образъ женщины-возлюбленной... Они увѣряютъ публику, что ихъ не поняли. Что они какъ реалисты подходятъ къ половому вопросу и въ частности любви безъ всякаго смакованія, съ объективной точкой зрѣнія, *освѣщая* всѣ ея стороны, ничего не скрывая. Не рекомендуютъ они, а только освѣщаютъ [1]).

Цѣлый рядъ писателей демократіи выступилъ дружно противъ царившаго хаоса: М. Горькій со статьею „Цинизмъ", Луначарскій, Войтоловскій Невѣдомскій.

Наконецъ, мы указывали уже не разъ, что сами крайніе индивидуа-

---

[1]) Въ „Одесскихъ Новостяхъ" была напечатана изъ кіевскихъ газетъ бесѣда А. Каменскаго съ сотрудникомъ „Посл. Нов.". Вотъ любопытный отрывокъ:

— Съ порнографіей васъ связали послѣ появленія «Четырехъ»?

— Въ „Четырехъ" я изобразилъ автоматизмъ городской любви, вѣрнѣе, низведеніе *любви великаго культа на степень* машиннаго производства, психологію патентованнаго автомата въ образѣ гвардейскаго офицера. Это произведеніе написано мною въ элегическомъ настроеніи. Читатель долженъ чувствовать жалость къ женщинѣ, оказывающей непротивленіе „торжествующему кобелю".

Digitized by Google

листы начали походъ противъ „оргіастовъ, педерастовъ и эстетовъ, что не мѣшаетъ имъ печатать на страницахъ своихъ журналовъ рисунки Феоктистатова и произведенія, посвященныя гомосексуальной любви.

Размежеваніе все рѣзче будетъ намѣчаться въ жизни. Пріапическая пляска смерти, произведенія, навѣянныя сатиріазисомъ и нимфоманіей будутъ существовать, пока гніетъ буржуазное общество.

Но по мѣрѣ того, какъ городъ будетъ вызывать „Проклятье Звѣря", городъ съ его бѣшеной погоней за наживой, городъ съ его отвратительнымъ распутствомъ вырожденія—обликъ будущаго все яснѣе и яснѣе станетъ вырисовываться въ голубой дали.

Тамъ воскресеніе пана, тамъ веселая и радостная пляска сатировъ и нимфъ.

О сатирахъ и нимфахъ много говорятъ Дез'Эссенты, Штрупы, Сперелли. Въ ихъ салонахъ на стѣнахъ вы увидите и Фавна и Нимеъ. Но куда же угнаться за нимеами золотушному и параличному потомку отжившей феодально-капиталистической эпохи? Ихъ пляска сатировъ и нимфъ такъ и останется на стѣнахъ салоновъ.

Два прекрасныя произведенія двухъ истинныхъ художниковъ рисуютъ „Пана". Ихъ панъ не похожъ на Штрупа или Триродова.

Мы говоримъ о бывшемъ рабочемъ Кнутѣ Гамсунѣ и о недавно скончавшемся Шарлѣ Ванъ Лербергѣ.

Интересно, что „Панъ" Лерберга былъ напечатанъ въ тѣхъ же „Вѣсахъ", гдѣ были напечатаны „Крылья" и произведенія Лерберга. Это—смертный приговоръ надъ дѣтьми упадка.

Панъ этого художника приходитъ не къ представителямъ господствующихъ, которые обрушиваются на него, какъ на смутьяна, приходитъ онъ къ пастухамъ, къ людямъ труда, къ тѣмъ, кто дѣйствительно близокъ землѣ, лѣсу и морю.

„Я васъ избралъ,"—говоритъ онъ въ своей „нагорной проповѣди", обращаясь къ людямъ земли, — потому что вы *простодушны и чисты сердцемъ* и потому что въ васъ болѣе, чѣмъ въ комъ-либо другомъ, *сохранилось сердце древнихъ*".

Торжествующее мѣщанство враждебно Пану. Оно создало городъ, но оно убило Пана. Оно создало пляску вокругъ золотого тельца, но убило пляску сатировъ и нимеъ. И только, когда умретъ буржуазно-мѣщанскій строй съ его „Проклятьемъ Звѣря", тогда Панъ воскреснетъ...

Снова начнутъ свою пляску сатиры и нимеы... Исчезнетъ „человѣкъ въ потелкѣ"... Радостно обниметъ свою возлюбленную борецъ-побѣдитель.

...И услышатъ лѣса и безмѣрное море *благословеніе* человѣка.

В. Львовъ.

Digitized by Google

Среди журналовъ.

Какъ извѣстно, кромѣ людей партійныхъ и безпартійныхъ, существуетъ еще одна категорія: „сочувствующихъ“. Сочувствовать, въ этомъ особомъ смыслѣ, значитъ: понимать, но не примѣнять, одобрять, но не оказывать поддержки, принимать нѣкую новую и *дѣйственную* идею, но оставлять безъ перемѣны прежній обывательскій строй своей жизни.

Не надо думать, что такое рѣзкое различіе между кругами партійными и сочувствующими наблюдается только среди общественныхъ направленій, преисполненныхъ всевозможныхъ опасностей. Какъ примѣръ обратнаго, отмѣтимъ это явленіе въ нашемъ журнальномъ либерализмѣ.

Было время, когда всякому прогрессивному журналу какъ бы по штату полагалось быть внѣ интересовъ собственной страны, внѣ всякой „политики“—въ томъ широкомъ смыслѣ, какой придавался тогда этому слову. Солидный объемъ толстаго журнала наполнялся поэтому матеріаломъ, по возможности, нейтральнымъ, „неотносящимся“: выручала беллетристика, иностранныя дѣла, историческій и архивный матеріалъ, а затѣмъ обсужденіе скромныхъ интеллигентскихъ „малыхъ“ дѣлишекъ: всевозможныхъ „симпатичныхъ“ начинаньицъ, библіотечекъ, трудовыхъ артелей, кустарныхъ успѣховъ и т. д.; наконецъ, осторожный, очень осторожный разборъ текущихъ мѣропріятій правительства.

Стиснутый этими узкими рамками, обложенный со всѣхъ сторонъ разными предупрежденіями и пресѣченіями, либерализмъ тосковалъ и высыхалъ. Все живое, активное постоянно вытравлялось изъ него. Для анемичной и безплодной работы среди „независящихъ“ обстоятельствъ подбирались особые, болѣе приспособленные типы. Въ журналистикѣ съ ея кабинетностью это было еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ практикѣ „симпатичныхъ“ начинаній; толстые журналы приняли поэтому тотъ мертвый, рутинный характеръ, который отличалъ тогда всю общественную жизнь.

Казалось бы, съ пробужденіемъ этой жизни въ 1904 году должна была начаться новая эра и въ мірѣ журнальнаго либерализма.

Но это случилось лишь съ очень большимъ опозданіемъ и не во всѣхъ литературныхъ кругахъ. Здѣсь-то и проявилось различіе между „партійными“ и „сочувствующими“.

Возьмемъ, напримѣръ, „Вѣстникъ Европы“. Это—несомнѣнно либерализмъ „сочувствующій“: со временъ Плеве—ни шагу впередъ, къ пере-

Digitized by Google

стройкѣ своей внутренней жизни, къ освѣженію своего матеріала, интересовъ. Возьмите книжку 1900, 1905 и 1908 года: вы едва замѣтите разницу. Все тѣ же мемуары, старыя хроники, безконечные (и очень безвкусные) салонные романы; та же осторожная, „дѣловая" критика казенной „закономѣрности". Попрежнему журналъ стоитъ гдѣ-то внѣ жизни, на недосягаемыхъ олимпійскихъ высотахъ. Точно ничто кругомъ не измѣнилось; точно анемія, развитая самодержавіемъ, стала здѣсь хронической болѣзнью.

Къ какой партіи примыкаетъ журналъ?

Сначала (1905 г.) къ к.-д., потомъ (1906) поправѣе: къ партіи „демократическихъ реформъ"; а потомъ... потомъ уже ни о комъ болѣе не упоминается. Журналъ просто сталъ „сочувствовать"—и кадетамъ, и партіи дем. реформъ, и прогрессистамъ вообще; сочувствуетъ и... живетъ себѣ по-старому.

Значитъ—просто просвѣщенные буржуа?

Нѣтъ, и этого не значитъ. Буржуазіи у насъ даже и совсѣмъ нѣтъ; это настолько очевидно для журнала, что онъ лишь мимоходомъ бросаетъ это категорическое утвержденіе, отмѣчая какъ-то въ обозрѣніи „недовѣріе рабочихъ къ состоятельнымъ классамъ общества, приравниваемымъ къ несуществующей у насъ, на самомъ дѣлѣ, буржуазіи" [1]).

Вотъ подите же, какія бываютъ странности у почтенныхъ людей... Помню, былъ такой дѣдушка, съ которымъ случались подобные же казусы: ходитъ, бывало, цѣлыми часами и ищетъ свои очки—а они у него на лобъ закинуты!

На старости лѣтъ всякое бываетъ; а вѣдь журналу сорокъ третій годъ—возрастъ болѣе, чѣмъ почтенный для журнала!

Но, хотя у насъ нѣтъ буржуазіи, все же, какъ видно изъ приведенной выдержки, имѣются у насъ „рабочіе" (работающіе на „состоятельные классы"); а ужъ извѣстно, гдѣ есть рабочіе, тамъ водится и соціализмъ. Всего этого не отрицаетъ и журналъ. Это, конечно, великодушно—великодушно тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о явленіи, которому по-настоящему не надлежало бы и существовать. А это послѣднее соображеніе несомнѣнно таится въ мысляхъ почтеннаго органа „состоятельныхъ классовъ", на что слѣдуетъ примѣръ.

Въ февральской книжкѣ журнала помѣщена статья П. А. Тверского „Ремесленные союзы и соціализмъ въ Америкѣ". Это письмо изъ Америки нашего соотечественника имѣетъ двѣ неоспоримо похвальныхъ черты: во-первыхъ, своимъ страстнымъ, полнымъ негодованія тономъ оно нѣсколько будоражитъ черезчуръ покойный, застоявшійся воздухъ редакціи; ибо иначе—когда же мы, мертвые, пробуждаемся? Во-вторыхъ,—и это важнѣе—письмо продиктовано очень добрымъ намѣреніемъ: наглядѣвшись на ужасы соціа-

---

[1]) „В. Е." 1907, мартъ, „Внутр. обозр.".

Digitized by Google

лизма въ Америкѣ, авторъ, какъ хорошій гражданинъ, хочетъ предостеречь отъ подобныхъ же напастей и свое отечество.

Однако, говорятъ, весь адъ вымощенъ добрыми намѣреніями; и мы, граждане, цѣня добрыя побужденія, все же должны посмотрѣть, что именно намъ преподносятъ. Боюсь, что ближайшее разсмотрѣніе заставитъ отнести и это благое намѣреніе... на мостовую преисподней.

Г. Тверской сдѣлался жертвой одной весьма ясной и примитивной ошибки. Что бы вы сказали, читатель, о человѣкѣ, который по наблюденіямъ надъ политической свободой Турціи сталъ бы критиковать политическую свободу вообще?

Вы, несомнѣнно, назвали бы его чудакомъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ весьма тенденціознымъ.

Но именно такъ и критикуетъ г. Тверской: по наблюденіямъ въ Америкѣ, странѣ наименѣе типичной въ отношеніи соціализма, онъ судитъ о соціализмѣ вообще. И еще какъ судитъ! Его письмо—это нѣчто вродѣ обвинительнаго акта—только написаннаго рукой очень недалекаго и неумѣлаго прокурора.

Авторъ разсказываетъ намъ о трехъ американскихъ рабочихъ движеніяхъ подъ руководствомъ соціалистовъ: въ штатѣ Айдано, шт. Колорадо и городѣ С.-Франциско. Всѣ они оказались весьма неудачными, а главное были переполнены всевозможными ужасами: подкупами, бомбами, убійствами.

Ужъ это послѣднее обстоятельство покажется довольно страннымъ европейскому соціалисту. Но пусть! Повѣримъ автору и послѣдуемъ далѣе. Далѣе онъ обобщаетъ выводы изъ этихъ фактовъ на всю Америку... Пусть и это! Мы же не знаемъ Америки такъ хорошо, какъ авторъ; и опять же все-таки—вѣдь это Америка... ужъ какой тамъ соціализмъ!.. Итакъ, опять за авторомъ. Но тутъ онъ начинаетъ дѣлать что-то ужъ совсѣмъ невѣроятное: безъ доказательствъ распространяетъ свою мысль на соціализмъ вообще!

„Германская соціалъ-демократія *тоже* [1]) пыталась въ послѣднее время обратить нѣмецкія рабочія массы на насильственный путь"... А далѣе: «Не важно то, что онъ (соціализмъ) пишетъ о своей тактикѣ въ публикуемыхъ для общественнаго потребленія платформахъ—важно, какъ онъ дѣйствуетъ. На мой взглядъ, это *доказано безусловно всюду*, гдѣ онъ выступалъ активно въ послѣднее время".

Итакъ, обыкновенная демонстрація въ пользу реформы избирательнаго права приравнивается къ террору, и послѣдній такимъ образомъ ставится въ вину всему соціализму!

Нѣтъ, сердце г. Тверского положительно сыграло съ нимъ злую шутку.

Еще пикантнѣе положительная часть филиппики автора:

---

[1]) Курсивъ въ этой части рецензіи вездѣ нашъ.

Digitized by Google

„Борьба общества съ соціализмомъ не только стоитъ народамъ разныхъ странъ съ каждымъ годомъ все большихъ и большихъ расходовъ, но и задерживаетъ все чувствительнѣе развитіе общаго благосостоянія. Я имѣю въ виду не одни матеріальные убытки, а и тѣ *огромныя умственныя силы, которыя уходятъ на эту борьбу совершенно непроизводительно.* Мнѣ кажется, что совокупности всѣхъ цивилизованныхъ странъ міра было бы гораздо дешевле и цѣлесообразнѣе доставить соціалистамъ возможность продѣлать гдѣ-нибудь на практикѣ предлагаемый ими золотой вѣкъ. Пусть они устроятъ тамъ на полной свободѣ свой милленіумъ и докажутъ міру практичность и цѣлесообразность новаго порядка вещей».

Здѣсь все интересно: и вниманіе къ „расходамъ" „народовъ", и горькое сожалѣніе о непроизводительной затратѣ собственныхъ умственныхъ силъ, и это—„*продѣлать* золотой *вѣкъ*"!

Прямо трогательна эта цѣльность стиля: и малограмотно, и младенчески-наивно. А проектъ—точь въ точь какъ у „истинно-русскихъ" въ еврейскомъ вопросѣ: выселеніе ненавистныхъ и образованіе особаго палестинскаго царства!

Статья подписана „гор. Лосъ-Анжелесъ. Калифорнія". Вотъ ужъ поистинѣ: стоило такъ далеко пересылать!

Описанный инцидентъ знакомитъ насъ кстати съ новой чертой почтеннаго журнала. Солидный и авторитетный въ области тѣхъ архивно-академическихъ интересовъ, коимъ онъ преданъ вотъ уже болѣе 40 лѣтъ, онъ оказывается удивительно наивнымъ и безпомощнымъ всякій разъ, какъ пытается вмѣшаться въ текущіе соціальные вопросы нашей жизни. Такъ человѣкъ, подолгу сидящій въ темнотѣ, плохо оріентируется, выходя на дневной свѣтъ.

Помнится, въ 1906 г. журналъ въ случайной статьѣ [1]) сдѣлалъ вдругъ экстравагантное предложеніе: отрѣшиться отъ всѣхъ этихъ капитализмовъ, условій рынка и всяческихъ экономическихъ законовъ—и по-своему организовать производство на народныхъ началахъ. Сдѣлать это очень просто: привлечь всѣхъ рабочихъ и безработныхъ, вооружить ихъ средствами труда и направить на разработку нашихъ неистощимыхъ естественныхъ богатствъ.

„Задача нашей общественной мысли заключается поэтому въ устраненіи этого посредствующаго звена (рынка спроса) въ процессѣ удовлетворенія народныхъ нуждъ и въ изысканіи формъ удовлетворенія послѣднихъ путемъ планомѣрной организаціи производства въ прямой связи съ потребленіемъ" и т. д.

А теперь—вотъ этотъ новый проектъ палестины для соціализма... Нѣтъ, положительно, сова не можетъ летать при свѣтѣ дня...

Надо ли говорить теперь, что дѣло либерализма было бы давно проиграно, если бы у него были только эти защитники? Вѣдь либерализмъ теперь—занятіе вполнѣ дневное!

---

[1]) „В. Е." 1906, январь. „Рабочія силы Россіи и ихъ примѣненіе» В. В.

Digitized by Google

Его выручаютъ другіе, болѣе жизнеспособные круги. Мы говоримъ о „партійномъ“ либерализмѣ, овладѣвшемъ съ 1907 года „Русской Мыслью“.

До этого времени журналу грозила та же печальная участь: остаться послѣ самодержавія съ одной хроникой... въ медицинскомъ смыслѣ. Но пришли мужественные и дѣятельные варяги и спасли; надъ журналомъ взвился кадетскій флагъ.

Для журналистики—нечего и говорить—времена теперь очень плохи; однако, не для всѣхъ въ равной мѣрѣ. Въ то время, какъ подъ давленіемъ новыхъ „независящихъ“ обстоятельствъ, слѣва остались, можно сказать, одни междометія,—либерализмъ еще имѣетъ возможность высказываться, и высказывается довольно обстоятельно. Это объясняетъ намъ отчасти сравнительное богатство и интересъ его литературы.

Январская книжка „Русской Мысли“ прямо блещетъ разнообразіемъ содержанія: здѣсь и легкій, подчасъ легкомысленный г. Изгоевъ, и тяжелая артиллерія г-на П. Б. Струве, и г. Кауфманъ съ дѣловой аграрной проблемой, и Розановъ, Бердяевъ, Мережковскій со своимъ потустороннимъ мистицизмомъ. Словомъ, чего хотите: „и черти, и любовь“.

Мы, разумѣется, ограничимся посюсторонней частью книжки. Это тѣмъ болѣе необходимо, что религіозная „поэзія“ отнюдь не является характерной для кадетства, какъ-то оговариваетъ и редакція, помѣщая эти „вѣсти иноткуда“. Нѣтъ, кадеты, конечно, всецѣло живутъ на землѣ.

Это справедливо даже и тогда, когда они становятся на свою „внѣклассовую“ точку зрѣнія, возносятся мыслью къ небесамъ и всего менѣе склонны замѣчать въ себѣ это „человѣческое, слишкомъ человѣческое“.

Вотъ, напр., статья г. Гредескула: „Патріотизмъ и конституція“. „Сладко и почетно умереть за отечество“—таково торжественное исходное положеніе; это ли не небеса?

Но вотъ дальше идетъ анализъ: что именно такое есть отечество и его власть, и при какихъ условіяхъ бываетъ сладко и почетно умирать за нихъ. При какихъ же?

Оказывается—исключительно при кадетскихъ: ни меньше и ни въ какомъ случаѣ не больше. Видите ли: старая власть не заслуживала того, чтобы за нее умирали (хотя и заставляла дѣлать это въ очень большихъ дозахъ). Нужна была государственная перестройка, чтобы дать основаніе новому патріотизму: манифестъ 17 октября и былъ какъ разъ тѣмъ, что нужно „народу“ (удивительное совпаденіе!). „Народъ“ „понялъ“, что не можетъ жить при старой власти, онъ „стремится“ къ установленію конституціи и именно конституціи; онъ „хочетъ“ ея—и только ея: онъ „со всей силой своего сознанія и воли отвергаетъ какъ планы революціонеровъ, такъ и планы контръ-революціонеровъ“. Словомъ, „народъ“ думаетъ какъ разъ по-кадетски. Поэтому горе и юнкерамъ, и лѣвымъ!

Digitized by Google

Къ послѣднимъ г. Гредескулъ относится особенно сурово: „Революціонныя партіи совершили свое, нужное когда-то для Россіи дѣло, и исторія отодвинула ихъ въ сторону. Онѣ теперь внутренне разложились и нравственно дезорганизовались, онѣ не знаютъ, что имъ дѣлать“.

Къ юнкерамъ же помягче. Въ лойяльныхъ краткихъ выраженіяхъ онъ аппелируетъ даже къ ихъ патріотизму: „патріотическій долгъ“ бюрократіи и октябристовъ—дать дорогу конституціоннымъ стремленіямъ народа: „Въ заботливости о быстротѣ этой послѣдней стадіи перехода скажется патріотизмъ“ нынѣшнихъ хозяевъ положенія“. Итакъ, лѣвые—да погибнутъ, а правые—хозяева положенія—тѣ... да проникнутся патріотизмомъ. Такъ думаетъ „народъ“.

Ну, что бы не сказать, хоть средній слой городского населенія? Нѣтъ, именно „народъ“.

Признаться, теперь люди стали уже настолько серьезны, что какъ-то стыдятся прибѣгать къ этимъ наивнымъ пріемамъ старой идеологіи: отождествлять себя и свою партію со всѣмъ народомъ. Это стало уже смѣшнымъ и даже довольно пошлымъ анахронизмомъ. Пусть гг. Дубровины благодарятъ на съѣздахъ своихъ министровъ отъ имени „всего русскаго народа“; пусть гг. министры именуютъ благомъ народа свою жвводержцу: въ „просвѣщенной“ партіи это не у мѣста—даже и при такой торжественной темѣ.

Вообще государственные вопросы первенствуютъ въ журналѣ. Партія — первый кандидатъ на политическую власть, завтрашній хозяинъ государства. Поэтому она зорко слѣдитъ за всей политикой теперешнихъ хозяевъ, подвергаетъ ее непрестанной критикѣ во всѣхъ деталяхъ и по всѣмъ вопросамъ устанавливаетъ собственные принципы: свой патріотизмъ, свою аграрную политику, свои правовыя понятія и даже свою внѣшнюю политику. Совсѣмъ какъ ближайшіе наслѣдники.

Но и выясняя такъ подробно и всесторонне свои „государственныя“ воззрѣнія, нельзя не открыть волей-неволей и своей соціальной физіономіи. Особенно драгоцѣнный матеріалъ для этого послѣдняго даютъ статьи г. Струве („Р. М.“ 1907, 1, 8, 1908, 1); мы остановимся на той, которая помѣщена въ разсматриваемой книжкѣ журнала.

Это—очень торжественная статья: „Великая Россія“. Въ подзаголовкѣ ея стоитъ: „Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества. Посвящается Николаю Николаевичу Львову“.

„Изъ размышленій“ — обычное наименованіе политическихъ статей г. Струве за послѣднее время. И философскій складъ ума, и несчастный складъ политическихъ условій—все влечетъ его къ размышленію. Посмотримъ же, о чемъ и какъ онъ размышляетъ.

Рѣчь идетъ объ условіяхъ внѣшняго могущества государства.

„Обычная, я бы сказалъ, банальная точка зрѣнія благонамѣреннаго, корректнаго радикализма разсматриваетъ внѣшнюю политику и внѣш-

Digitized by Google

нюю мощь государства, какъ досадныя осложненія, вносимыя расовыми, національными или даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни, въ политику внутреннюю, послѣдующую истинное существо государства, его внутреннее благополучіе".

Такова точка зрѣнія „революціи". По принятому у к.-д. обычаю къ ней приравнивается не менѣе „банальная" точка зрѣнія реакціи, которая вѣдь также разсматриваетъ внѣшнюю политику не какъ самоцѣль, а лишь, какъ средство для поддержанія внутреннихъ устоевъ. Рѣшительно отвергая обѣ точки зрѣнія, авторъ устанавливаетъ свою собственную, — очевидно, уже не банальную. Въ ней „мощь" государства занимаетъ настолько исключительное мѣсто, что

„Осевкомъ и мѣриломъ всей т. н. „внутренней" политики какъ правительства, такъ и партій долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ эта политика содѣйствуетъ такъ назыв. внѣшнему могуществу государства".

Да, передъ такой „директивой" невольно остановишься... Значитъ— громъ побѣды раздавайся? Но кто же такъ говоритъ: интеллигентъ, философъ или бригадный генералъ, искренне любящій свое дѣло? Ибо, если эта точка зрѣнія является новой, небанальной въ культурныхъ кругахъ, то въ бригадныхъ она несомнѣнно уже давно усвоена. Стоило такъ долго и такъ тяжело „размышлять"... не проще ли было просто сходить въ офицерское собраніе и послушать?

И откуда это, подумаешь, у серьезнаго писателя можетъ взяться этакая... идея! Если бы еще дѣло шло только о *самостоятельномъ* значенія внѣшней политики, *наряду* съ другою; но откуда эта nota gloriosa о первенствѣ, о мѣрилѣ? Ни историческій опытъ, ни анализъ человѣческихъ интересовъ какъ будто не говорятъ ничего подобнаго; да авторъ и не ссылается на нихъ, онъ просто декретируетъ, становится на нормативную точку зрѣнія.

Но почему же мы *должны* подчинять соображенія внутренней политики отношеніямъ внѣшней? Потому ли, что съ послѣдней связаны интересы *всего государства*, т. е. всѣхъ общественныхъ классовъ? Но вѣдь въ такомъ же точно смыслѣ и всякая внутренняя реформа объективно связана съ прогрессомъ *цѣлаго*, хотя и кажется затрагивающей положительно или отрицательно лишь извѣстную *часть* населенія. Такъ, прогрессивная соціальная реформа, благопріятная развитію производительныхъ силъ, есть интересъ всего государства, хотя конкретно она выглядитъ лишь интересомъ передового класса и поражаетъ отсталыя, отжившія группы [1]). Въ чемъ же разница?

[1]) Сошлемся въ данномъ случаѣ хотя на Зомбарта—писателя, достаточно „уважаемаго" и для кадетства (см. „Идеалы соціальной политики").

Digitized by Google

Можетъ быть, она состоитъ въ томъ, что успѣхи внѣшней политики всегда нѣчто прибавляютъ къ общему національному достоянію—землю, рынки, деньги, чего нельзя сказать про внутреннюю политику. Но такъ ли это? развѣ развитіе производительныхъ силъ своей страны не есть такое же пораженіе?

Но, скажутъ, эти производительныя силы, это національное богатство надо охранять отъ захвата другими. Конечно, только изъ этого положенія никакъ не выведешь „подчиненія", какъ нормы постоянной. Что оно должно быть въ минуты внѣшней опасности—это несомнѣнно; но вѣдь и обратно, въ минуты остраго внутренняго кризиса, интересы внѣшней политики оказываются неизбѣжно подчиненными интересамъ внутреннимъ. Такое случайное подчиненіе отнюдь не означаетъ различія цѣнностей: здѣсь *интенсивность* одного изъ двухъ порядковъ потребностей замѣняетъ его *важность*. Никакого принципіальнаго вывода въ духѣ г-на Струве изъ этого опять же не выведешь.

Вообще же въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ извѣстными групповыми человѣческими интересами. Почему *національные* первенствуютъ хотя бы передъ *классовыми*? Потому, что нація больше? или потому, что національный антагонизмъ—явленіе болѣе жизнеспособное и творческое, чѣмъ классовый? Ни то, ни другое невѣрно или, по крайней мѣрѣ, никѣмъ не доказано, и еще лучше—никѣмъ и не доказывалось.

Итакъ, почему же все-таки *должно* быть по г. Струве? А Богъ его знаетъ: говоритъ „должно", да и только. Очевидно, какія-нибудь государственныя соображенія. Не знаю, склонна ли говорить это и его партія. „Исполнительная власть да подчинится власти законодательной" — вотъ это мы отъ нея слышали; а „политика внутренняя да подчинится внѣшней" — это... кажется... въ первый разъ... Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ утвержденіе г-на Струве дѣйствительно не „банально".

Но мы не для того останавливаемся на патріотической статьѣ г-на Струве, чтобы констатировать бригадные мотивы его философіи. Не станемъ искать и соціальной подкладки подобнаго патріотизма, его безсознательныхъ общественныхъ тенденцій. Какъ ни вѣроятны онѣ для насъ, для сторонняго читателя это были бы все же лишь предположенія. Зачѣмъ же прибѣгать къ нимъ? мы находимъ здѣсь же и болѣе прямыя свидѣтельства.

Г. Струве особенно противопоставляетъ свою точку зрѣнія „революціонерамъ". Послѣдніе вѣдь совсѣмъ не были склонны къ его просвѣщенному алармизму [1]) и, затѣвая политическую борьбу, мало думали о нашихъ задачахъ на Ближнемъ Востокѣ. Даже болѣе того: ихъ дѣятельность

---

[1]) Ибо есть еще и непросвѣщенный—такъ сказать, нахалъ-алармизмъ, какой свойственъ „союзникамъ", „Новому Времени" и т. п.

Digitized by Google

была прямо „направлена на подрывъ государственной мощи ради извѣстныхъ цѣлей внутренней политики“.

Это звучитъ уже совсѣмъ государственно. Правда, какъ свидѣтельствуетъ въ той же книжкѣ г. Гредескулъ, государству въ это время не угрожали никакія опасности, и революція неповинна въ непатріотическомъ поведеніи. Но то г. Гредескулъ. Съ философской же точки зрѣнія дѣло обстояло гораздо хуже: „Стали параличъ хозяйственной жизни упражнять, какъ тактическій пріемъ. Что означала эта „тактика“? Что средствомъ къ борьбѣ съ правительствомъ можетъ быть разрушеніе народнаго хозяйства“.

Горестно, конечно. Только какъ же иначе-то? Вотъ если бы гг. кадеты показали намъ во времена Плеве, какъ это дѣлается безъ „паралича“, тогда мы охотно согласились бы съ г. Струве. А то вѣдь эти разговоры... одно празднословіе; а почему, молъ, женщина рожаетъ съ этакими муками? Какъ это нехорошо, какъ досадно...

Идемъ далѣе. Всѣ эти пріемы „революціи“ не были только ошибками; напротивъ, они возводились въ систему, „они были проникнуты духомъ *враждебнымъ государству, какъ таковому*“.

Это—еще болѣе государственно; но уже менѣе логично—можно сказать даже—совсѣмъ нелогично. Ибо по правиламъ логики изъ мысли самого г. философа можно вывести только: они, пріемы, были проникнуты духомъ предпочтенія интересовъ соціальныхъ въ ихъ острой фазѣ интересамъ внѣшняго могущества (которому не грозили въ данный моментъ внѣшнія опасности). Только; все остальное—отъ излишняго глубокомыслія...

Но все приведенное празднословіе заслуживаетъ вниманія и съ другой стороны. Вѣдь принципъ г-на Струве примѣнимъ не только къ прошлому и не только къ революціи. Далеко нѣтъ: ибо всякій трудящійся, всякій рабочій, услышавъ эту отповѣдь „параличу“, тотчасъ подумаетъ: „э-ге, здѣсь гляди шире: вѣдь и забастовка, и вся наша повседневная борьба за себя—это тоже все связано съ „параличами“; значитъ, какъ же намъ жить-то? г. Струве не велитъ“.

И этотъ рабочій не ошибется: г. Струве дѣйствительно не велитъ жить; ибо дальше читаемъ: „Эти дѣйствія и лозунги были внушены духомъ, враждебнымъ культурѣ, ибо они подрывали самую основу культуры—*дисциплину труда*“. Ну, такъ чего же: такъ бы сразу и говорили, о чемъ вы хлопочете; теперь, по крайней мѣрѣ, откровенно.

„Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!“ — подумаетъ, пожалуй, иной читатель: „вы приписываете г-ну Струве буржуазныя тенденціи; но вѣдь то, что онъ сказалъ своей фразой,—развѣ это, въ сущности, не вѣрно? неужели вы станете это отрицать?“

Нисколько. Но, господа, все на свѣтѣ относительно; въ томъ числѣ и правильность утвержденій. Мы, вотъ, не слышали, чтобы г. Струве особенно распинался противъ гг. владѣльцевъ и всякаго рода „нетруди-

Digitized by Google

щихся"; но мы не въ первый разъ слышимъ, какъ онъ сурово диктуетъ другой сторонѣ дисциплину труда. Развѣ мы не вправѣ дѣлать отсюда наши выводы?

Положимъ, нѣкто встрѣчаетъ въ приличномъ обществѣ двухъ некорректно одѣтыхъ людей; но одинъ изъ нихъ почти совсѣмъ безъ костюма, а другой только безъ галстука. Несмотря на это, какъ разъ на послѣдняго и набрасывается „нѣкто" съ выговоромъ за неприличіе. Развѣ вы не найдете его пристрастнымъ и тенденціознымъ? А вѣдь онъ тоже говоритъ правду, такъ какъ костюмъ второго субъекта тоже неисправенъ... Все на свѣтѣ относительно: относительно правъ и г. Струве, бранящій за разрушеніе дисциплины труда и молчащій о людяхъ, съѣдающихъ этотъ трудъ...

Однако, пора и кончать съ г. Струве. Итакъ, политика внутренняя да подчинится политикѣ внѣшней, и трудъ да смирится предъ капиталомъ. Таковы итоги „размышленій".

И все это полно глубокомыслія, претенціозности. Г. Струве не говоритъ, а изрекаетъ, подобно тому, какъ пишетъ не просто статьи, а „изъ размышленій". Разумѣйте, языцы: это не все, это только случайные наброски, отрывки „изъ"; и если они такъ поразительно содержательны и оригинальны, то кольми паче должна быть глубока и интересна картина *полныхъ* размышленій философа!

Нѣтъ, даже Мережковскій, маститый г. Мережковскій, далеко не обладаетъ такою самоувѣренностью. Не потому ли, что иначе относится къ „революціи", чѣмъ г. Струве?

«Религія и революція—не причина и слѣдствіе, а одно и то же явленіе въ двухъ категоріяхъ: религія—не что иное, какъ революція въ категоріи Божескаго; революція—не что иное, какъ религія въ категоріи человѣческаго. Религія и революція—не два, а одно» [1]) и т. д.

Допустимъ. Но г. Мережковскій, какъ извѣстно, очень любитъ религію: слѣдовательно... Бдите, г. Струве!

Правда, г. Мережковскій любитъ революцію по-своему; онъ навязываетъ этому земному явленію, такъ сказать, вторую, небесную ипостась. Но... велика-ль бѣда? Вѣдь онъ самъ не вѣритъ въ успѣхъ этой послѣдней проповѣди своей:

«Увы, я все это пишу, какъ на тонущемъ кораблѣ пишутъ письмо, чтобы запечатать въ бутылку и бросить въ море: авось, доплыветъ до земли, и кто-нибудь прочтетъ, когда писавшаго уже не будетъ въ живыхъ».

И это, конечно, совершенно вѣрно.

В. М—чъ.

---

[1]) „Въ обезьяньихъ лапахъ". „Р. М." 1908, 1.

Digitized by Google

Отклики русской жизни.

Бюрократическія предначертанія.

I.

Въ то время, какъ Дума все не можетъ „настроить свой инструментъ“, по выраженію ея предсѣдателя, расплываясь въ болтовнѣ своихъ двадцати шести комиссій, изъ которыхъ одни ничего не дѣлаютъ, потому что цѣль ихъ существованія въ томъ и состоитъ, чтобы толкаться на одномъ мѣстѣ, другія, наоборотъ, потому, что слишкомъ много надо дѣлать,—бюрократія все становится положительнѣе и производительнѣе. Къ худу ли это, или къ добру, но фактъ тотъ, что года полтора тому назадъ премьеръ увѣрялъ, что онъ такъ быстро, твердо, неуклонно возстановляетъ порядокъ, пресѣкая революціонные замыслы всѣми законными средствами, единственно для того, чтобы расчистить почву для реформъ, и что объ этомъ сейчасъ вспомнили. Правда, о либерализмѣ уже можно было и забыть, такъ какъ хотя г. Столыпинъ благополучно здравствовалъ на своемъ посту, вопреки всѣмъ кознямъ его правыхъ враговъ, но ни переговоры съ общественными дѣятелями, ни проекты, предназначенные для того, чтобы показать, что сферы не менѣе либеральны, чѣмъ сами либералы,—вообще вся программа не повторялась; тѣмъ не менѣе, „сначала успокоеніе, а затѣмъ реформы“—развѣ это не основной мотивъ, на которомъ построено убѣжденіе премьера въ томъ, что комиссія государственной обороны должна дать деньги на флотъ немедленно... [1])

Теперь уже рѣшеніе Думы „свободно“, и онъ отнюдь не говорилъ для того, чтобы „создать съ нею конфликтъ“ даже въ томъ случаѣ, если бы она нанесла ему „ударъ“. Россія успокоилась, и взошло, наконецъ, солнце надъ Таврическимъ дворцомъ: онъ окруженъ лучами начальственнаго вниманія; онъ застрахованъ отъ тѣхъ тучъ, которыя носились надъ нимъ въ годы революціи; безчисленныя добродѣтели этого учрежденія, по самой своей природѣ призваннаго вершать реформы, оцѣнены, а

---

[1]) Отъ 3-го марта „Отчеты“. Изд. „Рѣчи“, стр. 300.

Digitized by Google

вмѣстѣ съ тѣмъ настало время и просить деньги на реформы. Вспомнили и о реформахъ, „давно глубоко сознанныхъ правительствомъ“.

Такъ, реформа морского дѣла—вѣдомства, надъ которымъ, по собственному признанію г. Столыпина, тяготѣетъ „весь одіумъ прошлаго“, не только задумана, но и близка къ осуществленію, и отъ осуществленія этой реформы „насъ отдѣляютъ, быть можетъ, не мѣсяцы, а недѣли“. Съ этой именно цѣлью государь и повелѣлъ сосредоточить реальное созданіе обороны государства и проведеніе ея въ жизнь въ совѣтѣ министровъ, т. е. придать работѣ общій планомѣрный характеръ. Правда, реформа, вопреки всей ея важности, вызываетъ, какъ будто, недоумѣнія. Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ будетъ построена реформа. Министръ ссылался на то, что правительство можетъ дѣлиться съ законодательнымъ учрежденіемъ лишь финансовыми разсчетами, но отнюдь не стратегическимъ его исполненіемъ. Затѣмъ, если мысль о реформѣ такъ давно и такъ глубоко понята, то отчего она стала на очередь только сейчасъ? Выходитъ, какъ будто, дѣло въ томъ, что „дайте денегъ“, „окажите довѣріе“; когда нужны деньги, ожиданіе—не стимулъ для „одушевленной работы“, а „угашеніе новаго духа“, препятствіе къ дѣятельности и пр. На то вѣдь и воспоминаніе...

Гораздо уже конкретнѣе та работа, которую начало правительство посредствомъ своихъ законопроектовъ. Послѣдній мѣсяцъ можно, по всей справедливости, назвать мѣсяцемъ выступленій разныхъ вѣдомствъ въ Думѣ. Тутъ и морское вѣдомство, и министерство торговли, и министерство юстиціи. Не было засѣданія, чтобы мы не слышали оффиціальныхъ ораторовъ. Правда, чинъ ихъ съ каждымъ днемъ замѣтно убываетъ и недаромъ въ кулуарахъ въ шутку говорятъ, что скоро отъ имени вѣдомства будутъ выступать передъ Думой младшіе дѣлопроизводители, тѣмъ болѣе, что во многихъ изъ нихъ это, въ самомъ дѣлѣ, единственно освѣдомленные люди, но дѣло, конечно, не въ дѣлопроизводителяхъ, а въ тѣхъ предначертаніяхъ, орудіемъ которыхъ они являются. А всѣ думскія предначертанія этого мѣсяца, можно безошибочно сказать, имѣли чисто вѣдомственное происхожденіе.

Таковыхъ было три: докладъ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, представленіе министерства иностранныхъ дѣлъ о преобразованіи нашей миссіи въ Токіо въ посольство и законопроектъ о досрочномъ освобожденіи преступниковъ, внесенный министерствомъ юстиціи. Правда, иниціатива возбужденія вопроса о борьбѣ съ пьянствомъ не принадлежала непосредственно правительству [1]), но министерство, правда, не совсѣмъ послѣдовательно, не только признало „всѣ основныя и принципіальныя положенія“ комиссіи пріемлемыми, но даже объявило своей привилегіей составленіе аналогичнаго законопроекта, въ основаніе котораго легли бы „тѣ же прин-

---

[1]) Это звучало бы прямой обидой прежде всего г. Челышеву.

Digitized by Google

циніальныя мысли и принципіальныя положенія", своей привилегіей. Такимъ образомъ и это предначертаніе должно быть разсматриваемо, какъ правительственное.

Всѣ эти вѣдомства, разумѣется, не менѣе далекія отъ конфликта съ Думой, чѣмъ самъ П. А. Столыпинъ, подчеркивали то, что можно прочесть въ любой передовицѣ оффиціоза, что въ эти дни правительственныхъ гастролей врагомъ „народнаго представительства" являлись не правые, а оппозиція. Правда, съѣздъ союза русскаго народа, т. е. главнымъ образомъ должностныхъ лицъ и дворянъ въ своемъ недавнемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ заявилъ, что Дума не въ силахъ уяснить себѣ состояніе Россіи, а тѣмъ болѣе взыскать мѣры къ прекращенію революціонной смуты, что она даже поколебала авторитетъ церкви и требовалъ, чтобы власть, твердая и сильная, та, что сокрушитъ смуту, вернетъ православной вѣрѣ господствующее положеніе, внесетъ въ учебныя заведеніе порядокъ и разслѣдуетъ дѣйствія судебныхъ властей, оправдывающихъ революціонеровъ, была вручена имъ, русскимъ людямъ. Но эта же нота вызвала и расколъ въ рядахъ союза. „Самъ" Дубровинъ назвалъ ее революціонной. Значитъ, въ Думѣ чего-чего, а „законности" достаточно.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно даже сказать, кто „работаетъ" въ ней— народные представители или... правительство. Даже болѣе того, если считать послѣдній мѣсяцъ началомъ положительной работы, то піонерами ея являются именно министры.

Итакъ, правительство за работой. Земля русская „успокоилось" и хотя, по мнѣнію гг. Маркова и Шечкова, „по взбаломученному морю народной жизни идетъ еще, несомнѣнно, огромная мертвая зыбь, угрожающая государственному кораблю" [1]), но пора показать, что и бюрократія не хуже Думы, что и бюрократическому сердцу присуща та же любовь къ отечеству, тѣ же заботы о несчастныхъ и обездоленныхъ, когда-то орошавшихъ своею кровью далекія поля Манчжуріи, что и представительному учрежденію. Это еще не тѣ „давно и глубоко назрѣвшія" предначертанія (вродѣ реформы морского вѣдомства, которую Дума должна лишь оплачивать, но ни въ коемъ случаѣ не обсуждать), но, тѣмъ не менѣе, одни изъ тѣхъ, которыя, безъ сомнѣнія, лелѣялись и полтора года тому назадъ...

II.

Прежде, чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, какъ правительство намѣрено бороться съ пьянствомъ, исправлять преступниковъ, возвышать нашу миссію въ Токіо и пр.—всему тому, что сейчасъ волнуетъ такъ мысли нашихъ дѣлопроизводителей, бьющіяся въ тактъ съ пульсомъ думскаго большинства, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ можетъ

---

[1]) Отчеты, засѣданіе 33-е

Digitized by Google

быть бюрократическое творчество вообще, въ условіяхъ момента, переживаемаго страной, въ частности.

Это измѣненіе, прежде всего, не задѣвающее политическаго положенія подданнаго. Бюрократическій строй поддерживаетъ себя именно безчисленнымъ множествомъ политическихъ перегородокъ; расширеніе же правъ народа, во-первыхъ, равносильно ограниченію бюрократическаго самовластія; во-вторыхъ, оно раскрываетъ въ той или иной степени глаза на всю путаницу, сознательно поддерживаемую оффиціальными сферами въ общественныхъ отношеніяхъ. Размахъ долженъ быть, значитъ, крайне узокъ, отнюдь не выходя изъ области прачечныхъ и оранжерей, хотя, конечно, въ этихъ предѣлахъ даже радикализмъ нерѣдко влечетъ за собой достойное возмездіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократизмъ по духу своему патріархаленъ, и, какъ онъ по существу ни безудерженъ въ своихъ инстинктахъ и хаотиченъ въ своихъ проявленіяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, всегда питалъ склонность къ диктатурѣ сердца, къ попечительной внѣшности, разыгрывалъ роль отца, пекущагося о дѣтяхъ своихъ, которымъ на каждомъ шагу грозятъ всяческія опасности и которыя безъ него давнымъ-давно сбились бы съ правильнаго пути. Исходя изъ этого мотива, бюрократизмъ придавалъ своимъ преобразованіямъ возможно болѣе чувствительный характеръ, что, конечно, не мѣшало ему обставлять дѣло матеріально такъ, чтобы казенный сундукъ остался приблизительно такимъ, какимъ онъ былъ до реформы. Таково уже традиціонное убѣжденіе бюрократа, что деньги, собираемыя имъ съ народа, собираются не для того, чтобы вернуть ихъ обратно туда, откуда они взяты, въ видѣ общеполезнаго учрежденія, а для цѣлей „высшихъ", до пониманія которыхъ, понятно, народъ еще не доросъ [1]).

Таковъ характеръ бюрократической реформы вообще. Въ моментъ, какой сейчасъ переживаетъ Россія, здѣсь является, конечно, рядъ привходящихъ чертъ, иногда даже, какъ будто, идущихъ вразрѣзъ съ общей характеристикой. Но такъ только на первый взглядъ можетъ казаться, если бюрократизмъ—самъ себѣ цѣль.

Конечно, манифестъ 17 октября провелъ не менѣе рѣзкую грань между дооктябрьской и послѣоктябрьской Россіи, чѣмъ актъ 19 февраля между пореформеннымъ и дореформеннымъ строемъ. Политическій элементъ, столь противорѣчащій самому существу бюрократической реформы, не могъ не вторгнуться въ нее, не окрасить ее замѣтно въ свой цвѣтъ, не одержать даже побѣду надъ его бюрократической участью, какъ это было послѣ 1861 года съ т. н. „великими" реформами, когда бюрократія вынуждена была дать земское положеніе, судебные уставы, безцензурную печать, университетскую реформу и пр. Для того, чтобы выступило передъ нами соот-

[1]) Яркой иллюстраціей ихъ являются наши бюджетные „излишки".

Digitized by Google

ношеніе силъ, составляющее т. н. текущій моментъ, проведемъ еще дальше аналогію. Развѣ тѣ уступки, которыя отбила у крѣпостническихъ элементовъ волна общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, оказались дѣйствительно „великими", а не тѣми уступками, которыя непріятель дѣлаетъ лишь для того, чтобы, благодаря извѣстной комбинаціи, дать себѣ возможность выждать и затѣмъ съ новой силой прилечь на противника? Это были полуступки половинчатаго свойства, которыя, въ конечномъ счетѣ, не ограничили бюрократизмъ, а укрѣпили его путемъ привлеченія на его сторону части недовольныхъ элементовъ.

Земская реформа на другой день оказалась не выходящей изъ границъ чисто-техническихъ функцій [1]). Для этого и потребовались тѣ кровопусканія, къ которымъ бюрократія готовилась каждую минуту. Еще въ большей степени это относится къ судебнымъ уставамъ или закону о печати—при бюрократическомъ режимѣ всякій уставъ оказывался уставомъ, мало общаго имѣющимъ съ правосудіемъ, всякая свобода печати—свободой отъ печати, какъ всякое земство—не „кусочкомъ конституціи", какъ пытались это представить тогдашніе либералы, а кусочкомъ того же бюрократическаго запустѣнія.

„Великія" реформы, въ началѣ носившія политическій оттѣнокъ, даны были для того, чтобы, разрядивъ накопившуюся въ глубинѣ общественную энергію, тотчасъ же тщательно и очистить ихъ отъ него, воспользовавшись ихъ остатками для вящшаго укрѣпленія тѣхъ же бюрократическихъ началъ.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что приблизительную эволюцію пережили мы и послѣ манифеста 17 октября. Безпримѣрная ликвидація, какую мы наблюдаемъ теперь во всѣхъ сферахъ русской жизни, прежде всего, конечно, была ликвидаціей политической. Ту же Думу, то же народное представительство, которое должно идти вразрѣзъ съ самымъ существомъ бюрократизма, этотъ бюрократизмъ приспособилъ такъ, что они явились его опорой въ критическій моментъ. Свобода печати, свобода собраній, свобода союзовъ и стачекъ—во всѣхъ этихъ актахъ ни тѣни политической самодѣятельности не осталось; ничего, кромѣ чисто-технической формы, т. е. вездѣ возстановлены прежнія бюрократическія перегородки съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что этой свободой формально пользуются теперь тѣ слои, которые раньше пользовались ею лишь фактически—организаціи помѣщичьи-крѣпостническія и крупно-буржуазныя [2]).

Я не задаюсь здѣсь вопросомъ о томъ, насколько дѣйствительно такъ все обстоитъ благополучно, какъ въ этомъ насъ увѣряютъ. Но попятное

---

[1]) Ср. превосходную статью Вл. Ильина „Гонители земства и Аннибалы либерализма" въ „собраніи" его статей „За 12 лѣтъ". Спб. 1908 г

[2]) Только что закончившійся съѣздъ с. р. н., напр., открыто обсуждалъ „назрѣвшіе вопросы" своей погромной политики.

Digitized by Google

движеніе во всякомъ случаѣ несомнѣнно. А если такъ, то можетъ ли даже послѣ всѣхъ бурь, которыя съ такой силой потрясали одно время ветхое зданіе бюрократизма, быть что-либо, кромѣ чисто-бюрократической перемѣны? Моменты, подобные переживаемому, изобилуютъ даже такими твореніями, такъ какъ реакція, надвигающаяся со всѣхъ угловъ и закоулковъ политическихъ, окружаетъ власть атмосферой особаго отчужденія, особаго недовѣрія, и они поневолѣ пытаются хотя бы прачечными и оранжереями смягчить эту атмосферу. Бѣда развѣ та, что—хочешь не хочешь—даже за прачечными и оранжереями сейчасъ нельзя быть гарантированнымъ отъ сюрприза.

Съ такого рода продуктами бюрократическаго „благодушія" мы и имѣли дѣло въ истекшій мѣсяцъ. Могло ли обойтись безъ сюрпризовъ?

III.

Первый сюрпризъ ждалъ нашихъ реформаторовъ уже въ вопросѣ о борьбѣ съ пьянствомъ. Прямымъ олицетвореніемъ его въ Думѣ является г. Челишевъ въ своей патріотической поддевкѣ и классическихъ усахъ. Но я уже сказалъ, что правительство не только пошло навстрѣчу гг. Челышевымъ буквально ринувшимся со своими бѣленькими записками на Н. А. Хомякова („какъ въ монополькѣ въ воскресенье утромъ", сострилъ кто-то [1]), что даже предупредило ихъ инициативу, заявивъ, что право составленія законопроекта, на основаніи статьи учр. Госуд. Думы, принадлежитъ *только* ему, что 59 ст. временнаго наказа создана, въ сущности, лишь для того, чтобы вызвать на практикѣ нежелательныя иренія и недоразумѣнія.

Правда, это уже произошло послѣ того, какъ отношеніе къ „принципіальнымъ мыслямъ и принципіальнымъ положеніямъ" доклада комиссіи, оказалось не столь послѣдовательнымъ.

Чтобы понять, что будетъ проектировать въ области „пьяной конституціи" русская бюрократія, надо прежде всего вспомнить одно: положеніе въ ней самой бюрократіи.

Изслѣдователями установлено, что однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ алкоголизма является величина капитала, вложеннаго въ алкогольное производство—во всѣ эти винокуренные, пивоваренные, трактирные и т. п. предпріятія, уже по самой своей природѣ заинтересованныя не только въ массовомъ распространеніи своихъ продуктовъ, но и въ безпрерывномъ ростѣ ихъ, такъ какъ если спросъ на нихъ расти не будетъ, то въ силу капиталистическихъ законовъ развитіе производства будетъ обречено на гибель. Капиталъ и дѣйствуетъ, не только не давая заглохнуть потребности широкихъ слоевъ въ алкоголѣ, но развивая и разжигая ее всѣми сносо-

[1]) „Отчеты", стр. 269. „Впечатлѣнія" С. Литовцева.

Digitized by Google

бами. Отсюда—рестораны-дворцы, привлекающіе своими театрами, концертами, оркестрами, шансонетками, разбросанные по самымъ разнообразнымъ частямъ городовъ, отсюда техническія усовершенствованія, придающія шумительную легкость и быстроту распространенію алкоголя. Но если такъ дѣйствуетъ частный капиталъ, то въ какой мѣрѣ должно возрасти вліяніе его, когда онъ оказывается въ рукахъ такой могущественной организаціи, какъ государство, въ качествѣ того же средства извлеченія дохода, что и въ рукахъ частнаго предпринимателя. Лучшимъ образчикомъ этого является русское правительство, буквально усѣявшее за короткое время своего существованія всѣ углы рабочихъ кварталовъ и крестьянскихъ поселковъ. Представляя собой сплоченный центръ, оно, конечно, располагаетъ и болѣе систематически утонченными средствами соблазна, чѣмъ отдѣльные капиталисты. Достаточно сказать, что „единственное средство къ ограниченію, въ интересахъ нравственности и народнаго здравія, злоупотребленія спиртными напитками и къ изъятію изъ употребленія съ наибольшимъ успѣхомъ напитковъ, безусловно вредныхъ для здоровья“, дастъ казнѣ, сверхъ акциза, еще значительный добавочный доходъ, превышающій 50 милл. руб. въ годъ. Источникъ его—въ повышеніи продажныхъ цѣнъ сравнительно съ цѣнами, существовавшими при вольной продажѣ вина. Прежде вино стоило шесть рублей за ведро, затѣмъ уже около восьми рублей.

Это-то положеніе правительства, не какъ фактора, стоящаго внѣ „конституціи“, а какъ государственнаго капиталиста-монополиста, и объясняетъ ту особую спѣшность, какую обнаружилъ начальникъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей сенаторъ Новицкій, говорившій отъ лица министерства финансовъ, лишая даже Думу права на собственную разработку вопроса (напр., въ вопросѣ о помощи жертвамъ революціи представитель министерства не только не поднималъ вопроса о законности 59 ст. наказа, но всячески поощрялъ Думу къ разработкѣ проекта [1]). Оно же объясняетъ и тотъ поворотъ, какой онъ обнаружилъ въ разгаръ думскихъ преній, посвященныхъ вопросу.

Изъ самыхъ преній выяснились двѣ точки зрѣнія на возможность борьбы съ пьянствомъ. Тѣ „принципіальныя мысли и принципіальныя положенія“, которыя сразу привлекли всѣ симпатіи г. Новицкаго и развивавшіяся, главнымъ образомъ, докладчикомъ бар. Мейендорфомъ, сводились къ „тремъ мѣрамъ“. Первая мѣра заключалась въ увеличеніи емкости посуды, именно въ уничтоженіи мелкой посуды, въ какой сейчасъ продается водка. Вторая мѣра сводилась къ признанію за сельскими обществами права запрещать продажу крѣпкихъ напитковъ на ихъ территоріи. Третья мѣра—въ сокращеніи времени продажи крѣпкихъ напитковъ. Сто-

[1]) Засѣданіе 27-ое.

Digitized by Google

вомъ, это была запретительно-карательная линія. Къ этому г. Челышевъ прибавлялъ „факультетъ борьбы съ пьянствомъ и даже эмансипацію деревенскихъ бабъ, а г. Ткачевъ—икону Всескорбящей, отъ которой пьяный можетъ получить утѣшеніе. Но въ общемъ линія сводилась все-таки къ карѣ, которая должна быть не менѣе строга, чѣмъ „за поддѣлку кредитныхъ билетовъ“.

Другая точка зрѣнія, рельефно выдвинутая г. Милюковымъ (не упустившимъ случая отмѣтить тѣ „живыя слова и предложенія“, которыя иногда слышатся съ правыхъ скамей), не столько обрушивалась на запрещенія, сколько доказывала, что одни запрещенія, когда само общество путемъ самодѣятельности не выработало извѣстнаго отношенія къ пьянству, мертвы, ибо—какова бы ни была ихъ строгость—въ итогѣ все-таки блюстители порядка будутъ относиться спуста рукава къ ихъ нарушеніямъ, судьи—постановлять ничтожныя наказанія, которыя, въ свою очередь, рѣдко будутъ приводиться въ исполненіе, словомъ, полное игнорированіе—то, что мы видѣли когда-то въ Англіи или въ Америкѣ, пока общественное движеніе само не вступило въ борьбу съ этимъ несомнѣннымъ разрушителемъ общественнаго здоровья. Ораторы не дѣлали какія-нибудь прямыя практическія предложенія, но вопросъ сводился къ „оздоровленію жизни народа“ вообще, безъ котораго разрѣшать вопросъ о пьянствѣ все равно, что мѣрить воду бездоннымъ рѣшетомъ. „Мы должны сказать странѣ,—говорилъ о. Генецкій, что всѣ ограничительныя мѣры только палліативы, мы должны сказать, что Дума вѣритъ, что лишь созданіе лучшихъ условій существованія, проведеніе реформъ въ мѣстную жизнь можетъ служить вѣрнымъ средствомъ для борьбы съ пьянствомъ“ [1]).

Казалось бы, первая позиція именно и должна была удовлетворить министерство до конца. Чисто-канцелярская узость, отсутствіе перспективы самодѣятельности, — если не имѣть въ виду самодѣятельности деревенскихъ кулаковъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ духъ отеческаго попеченія—не характерныя ли это все черты бюрократическаго начинанія? И все же, какъ это ни странно, въ дальнѣйшемъ г. Новицкій подвинулся налѣво, хотя гг. Милюковъ и Генецкій, по его мнѣнію, и вышли „изъ рамокъ тезисовъ этого законопроекта и стали на путь болѣе широкій“. Министерство финансовъ, къ удивленію, на слѣдующемъ же засѣданіи придерживалось того положенія, что „внѣ широкихъ [2]) мѣръ культурнаго развитія уровня населенія нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ къ борьбѣ съ пьянствомъ. Мѣры запретительныя и мѣры регламентаціи торговли, къ числу которыхъ относится проектируемый законъ, суть мѣры палліативнаго характера“, ибо мѣры эти могутъ принести пользу лишь въ томъ случаѣ, „если онѣ не идутъ вразрѣзъ съ привычками и потребностями населе-

[1]) Засѣданіе 30-е.

[2]) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

нія, соотвѣтствуютъ его культурному развитію [1]) и если общество, сознавая потребность такихъ мѣръ, будетъ содѣйствовать тому, чтобы велѣніе закона не обратилось въ мертвую букву". Хотя тутъ же г. Новицкій опять повторялъ свое согласіе съ тезисами законопроекта, но ясно, что подобно тому, какъ министерство г. Столыпина говоритъ: „сперва успокоеніе, а потомъ реформы", такъ министерство г. Новицкаго, въ свою очередь, вторило: сперва „оздоровленіе", а потомъ трезвость. Такого оттѣнка у бар. Мейендорфа, хотя и сознававшаго извѣстную непрочность карательнаго творчества, во всякомъ случаѣ не было.

Въ чемъ же тутъ дѣло? А дѣло въ томъ, что бюрократическая реформа должна быть не только узка, но и дешева. Между тѣмъ, перейди проектъ бар. Мейендорфа при всей его узости и попечительности изъ головы докладчика въ законодательную дѣйствительность, правительство прежде всего лишилось бы 50 милл. въ годъ, не говоря уже о прочихъ доходахъ. Борьба съ пьянствомъ—мѣра, столь мало угрожающая общественному порядку и спокойствію, невыгодна ему совсѣмъ съ другой стороны: это была бы борьба съ казеннымъ карманомъ. Совсѣмъ иное вытекаетъ для министерства финансовъ изъ разглагольствованій П. Н. Милюкова—не потому даже, что „изложеннымъ имъ принципамъ идея казенной винной монополіи не противорѣчитъ", что, наоборотъ, даже „она сочувственно имъ удовлетворяетъ" [2]), а потому, что это та же сказка про бѣлаго бычка, лучшій способъ увильнуть даже отъ тѣхъ канцелярскихъ мѣропріятій, которыя обычно бюрократической мудростью признаются и одобряются для ублаготворенія обывателя.

Въ самомъ дѣлѣ, какое нужно „оздоровленіе" для того, чтобы всѣ послѣдствія для нея алкоголизма отошли въ область прошлаго? Существеннымъ недостаткомъ думскихъ рѣчей является то, что ни одинъ изъ ораторовъ не пытался дать чисто-соціальное объясненіе алкоголизму. Тогда бы мы увидѣли, что если въ имущихъ классахъ онъ развивается вслѣдствіе отсутствія необходимости трудиться и сытой праздности, связанной съ неизмѣнной потребностью какъ-нибудь убить время, создать себѣ какую-нибудь видимость дѣятельности, т.-е., если въ обезпеченныхъ кругахъ еще можно говорить объ этомъ „оздоровленіи" въ его отвлеченномъ смѣслѣ, то совсѣмъ не то на другомъ полюсѣ общества — среди трудящихся массъ, гдѣ причины распространенія алкоголизма въ самыхъ его хроническихъ формахъ прямо противоположны только-что указаннымъ. Здѣсь, гдѣ алкоголизмъ и сказывается съ особой силой, здѣсь, можно сказать, причины его неотдѣлимы отъ соціально-экономическаго положенія.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Характерно, что эта часть рѣчи г. Милюкова отсутствуетъ въ „Отчетахъ" газеты „Рѣчь".

Digitized by Google

Требуя отъ рабочаго огромной затраты нервной энергіи, оно уже тѣмъ самымъ приводитъ его организмъ въ такое состояніе, когда требуется искусственное возбужденіе. Однообразные, монотонные пріемы труда, полутемныя казарменныя помѣщенія, ненормальная температура и пыль, вызывающая чувство сухости слизистыхъ оболочекъ,— все это притупляющее дѣйствіе рядомъ съ сознаніемъ непрочности и необезпеченности положенія, безправіемъ, безвыходностью изъ первой жизненной неудачи такъ же толкаютъ рабочаго въ кабакъ, какъ работницу на улицу. Вотъ почему послѣ рабочихъ, непосредственно занятыхъ въ индустріи алкоголя, т.-е. въ пивоваренномъ, винокуренномъ и трактирномъ промыслахъ, алкоголизмъ свилъ себѣ гнѣздо именно въ тѣхъ профессіяхъ, гдѣ работа идетъ при низкихъ температурахъ—у извозчиковъ, матросовъ, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, рыбаковъ и пр. [1]).

Какое же „оздоровленіе" возможно здѣсь въ интересахъ борьбы съ пьянствомъ? Не будемъ говорить о крушеніи капитализма—вѣдь и въ проектѣ не говорится объ уничтоженіи, а объ ослабленіи зла. Но тогда не угодно ли уворотить рабочій день до 8 часовъ, повысить заработную плату до европейской нормы, ввести рядъ мѣропріятій, предупреждающихъ безработицу—страхованіе отъ нея, отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни, инвалидности, старости, измѣненіе правового положенія, наконецъ, жилищный вопросъ, питаніе, измѣненіе всей технической обстановки труда. Это, конечно, было бы тѣмъ „оздоровленіемъ", которое нужно для борьбы съ пьянымъ соблазномъ, но въ томъ-то и дѣло, что обо всемъ этомъ въ нашихъ условіяхъ можно только говорить. Именно поэтому и министерство финансовъ, стремящееся увеличить свои доходы путемъ усиленія потребленія алкоголя, кивало въ ихъ сторону, хотя такое киваніе отнюдь не свойственно бюрократизму. Кивало потому, что отъ этого одинаково не подвинутся впередъ ни дѣло оздоровленіе, ни дѣло трезвости.

Конечно, г. Новицкій хорошо понимаетъ, что и запрещенія останутся на бумагѣ, и что отъ запрещеній казенный сундукъ не такъ уже пострадаетъ, какъ это кажется—однако, комплименты, какіе министерству пришлось выслушать по адресу кабацкой монополіи какъ со стороны лѣвыхъ, такъ и со стороны правыхъ, едва ли открывали ему желательныя перспективы.

IV.

Вопреки всѣмъ краскамъ, въ какихъ изображалась г. Столыпинымъ реформа „цусимскаго вѣдомства", даже глубокое воодушевленіе, осѣнившее послѣднее именно сейчасъ, когда остановка въ деньгахъ есть такой „шагъ назадъ", оказалось, дѣйствительно, „убѣждать людей трудно, переубѣдить

[1]) См. объ этомъ Л. В. Грановскій—„Общественное здравоохраненіе и капитализмъ". Москва. 1908 г.

Digitized by Google

почти невозможно". И хотя рѣшеніе отклонить ассигнованіе средствъ, испрашиваемыхъ правительствомъ на приступъ къ постройкѣ броненосцевъ, было сочтено почти половиной членовъ комиссіи государственной обороны оскорбленіемъ „доблестному русскому флоту, внесшему столь много славныхъ страницъ въ исторію русскаго государства, и которому также впредь суждено защищать достоинство и права имперіи при обстоятельствахъ, сокрытыхъ въ туманѣ будущаго" [1]), тѣмъ не менѣе, оно состоялось. Планомѣрное и цѣлесообразное возсозданіе флота признано было не только возможнымъ, но и необходимымъ, но лишь послѣ реорганизаціи морского вѣдомства, обѣщанной премьеромъ, и при условіи предварительнаго утвержденія въ законодательномъ порядкѣ судостроительной программы.

Зато болѣе повезло другому вѣдомству—министерству иностранныхъ дѣлъ, которому тоже понадобились деньги, правда, на болѣе скромную цѣль, чѣмъ возсозданіе славнаго флота, а именно на преобразованіе миссіи нашей въ Токіо въ посольство. Едва ли нужно доказывать, насколько одно съ другимъ сплетено, одно другое дополняетъ. Какъ и слѣдовало ожидать, и здѣсь, какъ только понадобились именно деньги, такъ оказалось, что реформа вѣдомства не только глубоко сознана, но и уже идетъ—коренная реформа. „Этотъ строй былъ здѣсь охарактеризованъ архаическимъ, и я до извѣстной степени, конечно,—говорилъ министръ,—соглашаюсь съ этимъ, строй этотъ давнишній, его давно не пересматривали, и онъ нуждается, какъ и многія другія части нашего государственнаго управленія, въ коренномъ измѣненіи" [2]). Естественно, и здѣсь можно приступить къ дѣлу лишь съ „извѣстной постепенностью", но—рано или поздно—прежде всего будетъ преобразована центральная организація и затѣмъ уже, въ зависимости отъ этого преобразованія, будетъ приступлено къ реорганизаціи и заграничныхъ дипломатическихъ и консульскихъ установленій. А пока что—не угодно ли 108,300 рублей на переименованіе нашей миссіи въ Токіо, дабы защита русскаго имени въ Японіи была такъ же блестяща, какъ и тонка, такъ какъ жизнь въ Токіо совсѣмъ не дешева, и не всякій дипломатъ имѣетъ собственныя средства.

Конечно, переименованіе миссіи напоминало переименованіе губернаторовъ въ генералъ-губернаторовъ или генералъ-губернаторовъ въ губернаторовъ, но сумма, обозначенная министерствомъ, такъ невелика, если стать на точку зрѣнія Крупенскаго, съ которой 10.000 руб. это „ничто", что даже кадеты могли только наговорить множество любезностей и, привѣтствуя новое посольство, выразить пожеланіе, чтобы оно было достойно представлено въ настоящій столь серьезный для нашихъ отношеній съ Востокомъ моментъ.

Дѣло въ томъ, что правительство на этотъ разъ уже не одними „ре-

---

[1]) „Отчеты", ст. 309.

[2]) Засѣданіе 32-е.

Digitized by Google

формами" заслужило эту сумму. Не даромъ же приподнятость настроенія чувствовалась прежде всего въ ложахъ, полныхъ дипломатовъ и дипломатическихъ дамъ. А. И. Гучковъ, за свои патріотическія заслуги недавно назначенный въ комитетъ государственной обороны, гдѣ онъ благополучно восѣдаетъ рядомъ съ вице и контръ-адмиралами, генералами отъ артиллеріи, инфантеріи и кавалеріи въ качествѣ думскаго тайнаго совѣтника,— видите ли, далъ министру поводъ сдѣлать успокоительное заявленіе о дѣлахъ на Дальнемъ Востокѣ, и послѣ него какъ-то вдругъ даже кадетамъ стало ясно, что даже дипломатическій міръ не гнушается дѣлиться своими мыслями по важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики съ третьей Думой. Такъ, хотя ни для кого не тайна наше положеніе въ Манчжуріи, какъ и успѣхи Японіи въ Кореѣ, которая стала фактически японской провинціей, вообще, насколько прочно то, что „мы сохранили" еще въ предѣлахъ азіатскихъ владѣній, согласно бумажному равновѣсію. Хотя даже чуть ли не сами патріоты на этотъ разъ понимали (какъ показало рѣшеніе комиссіи государственной обороны), чего стоитъ „тотъ здоровый оптимизмъ, который коренится въ глубокой вѣрѣ въ силу, разумъ и патріотизмъ русскаго народа" [1]), но все же торжество, театрально подстроенное, въ такой степени угодно депутатскому самолюбію, что даже „Рѣчь" провозгласила единеніе съ министромъ и правыми... Можетъ ли Дума сказать министру иностранныхъ дѣлъ то, что она сказала г. Столыпину,—„подождите"?..

Между тѣмъ, не безъ сюрприза обошлась и... миссія.

Г-нъ С. Литовцевъ передаетъ такого рода опасеніе, подхваченное имъ между кулуарными разговорами и шутками.

— Знаете, оппозиція, выразивъ замѣтное сочувствіе министру иностранныхъ дѣлъ Извольскому, оказала ему же *медвѣжью* услугу.

— ?

— Да очень просто. Разъ оппозиція сочувствуетъ, значитъ—крамола... [2])

Да, министру была медвѣжья услуга оказана, хотя и не по винѣ оппозиціи. Если бы это было такъ, то и знаменитые аплодисменты г. Милюкова предсѣдателю совѣта министровъ были бы медвѣжьей услугой; но въ дѣйствительности комплименты кадетскаго лидера такъ же мало опасны были тогда, какъ и на этотъ разъ. Если же кто оказалъ министру эту услугу, то это былъ не кто иной, какъ г. Келеповскій, такъ-таки и не успѣвшій сосчитать, сколько инородцевъ вершитъ дипломатическія судьбы Россіи.

Дѣло въ томъ, что этотъ рыцарь, справедливо не сомнѣваясь въ томъ, что отъ одной перекраски дѣятельность нашей дипломатіи не измѣнится, такъ какъ дѣло не въ имени, а въ сути, иллюстрируя свою мысль Цуси-

---

[1]) Слова министра.

[2]) „Отчеты", стр. 286. „Впечатлѣнія".

Digitized by Google

мой, сталъ обвинять гг. дипломатовъ, вѣдавшихъ дѣла въ Японіи въ 1903—904 гг., въ томъ числѣ и самого министра, бывшаго тогда въ числѣ ихъ. Тогда послѣдній довольно „недипломатично“ отвѣтилъ: „Конечно, не время теперь мнѣ выступать съ какими-либо обвиненіями противъ кого бы то ни было; но я обязанъ, однако, сказать, что, если бы когда-либо были опубликованы донесенія нашихъ дипломатическихъ представителей въ Японіи, то, я думаю, что Государственная Дума и Россія убѣдились бы, что ни въ какомъ случаѣ не представители наши дипломатическіе уменьшали значеніе Японіи или писали такія донесенія, которыя бы могли ввести въ этомъ отношеніи въ заблужденіе правительство; напротивъ того, въ послѣдній періодъ передъ войной русскіе представители въ Токіо,—а въ числѣ ихъ былъ и я,—одно время постоянно указывали на ростъ Японіи въ военномъ, морскомъ и культурномъ отношеніи и постоянно высказывались за желательность придти съ Японіей къ прочному соглашенію“ [1]).

Въ чемъ сюрпризъ, очевидно для всякаго, кто отъ ненапечатанныхъ донесеній дипломатическихъ представителей обратится къ документамъ извѣстнаго „малиноваго“ сборника или къ заграничнымъ разоблаченіямъ. Все это, конечно, давно установлено и насколько это такъ, видно изъ отношенія самыхъ умѣренныхъ элементовъ къ заявленію министра. Не устроилъ таки г. Колеповскій сюрпризъ...

V.

На высоту своего положенія бюрократическій духъ поднялся не въ борьбѣ съ пьянствомъ и не въ возвышеніи гг. дипломатовъ. Достигъ онъ ея поистинѣ тогда, когда на очередь выплыло его новое дѣтище—условное досрочное освобожденіе преступниковъ.

Уже съ самаго начала выяснилось, насколько этотъ законопроектъ, взлелѣянный въ тиши кабинетовъ министерства юстиціи, отвѣчаетъ идеалу: во-первыхъ, средствъ для его осуществленія не требуются; тѣ же, которыя понадобятся, должны быть предметомъ обязательной общественной расточительности, для чего и рекомендуется „оживленіе общественной инициативы“ въ области... патріотовъ; во-вторыхъ, это институтъ „чисто юридическій“, не отражающій въ себѣ „никакой политической точки зрѣнія“. Министръ юстиціи давно уже убѣдился въ томъ, какъ „опасно подходить съ точки зрѣнія политики, съ точки зрѣнія политическихъ міросозерцаній къ вопросамъ, которые никакого отношенія къ политикѣ не имѣютъ“ [2]). Наконецъ, ярко представленъ и элементъ попеченія. Называя дѣло исправленія заблудшихъ, сбившихся съ дороги,—„святымъ“ дѣломъ,

---

[1]) Засѣданіе 82-ое, рѣчь мин. иностр. дѣлъ.

[2]) Засѣданіе 33-е. Рѣчь министра юстиціи.

Digitized by Google

„лучомъ свѣта“, министръ заботился о чрезвычайно „мирныхъ“, „спокойныхъ“, „всецѣло проникнутыхъ сознаніемъ тяжести совершеннаго преступленія“, по отношенію къ которымъ было бы прямо „жестоко“ и проч.; напоминалъ объ ихъ семьяхъ, которыя ждутъ-не дождутся своихъ кормильцевъ и пр.

И законопроектъ, какъ таковой, дѣйствительно, былъ немногимъ хуже сотни аналогичныхъ построеній русскаго государственнаго творчества.

Когда аналогичная мѣра проектируется въ европейской странѣ, она имѣетъ, конечно, только благодѣтельныя послѣдствія. Не даромъ же она и существуетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ „принципъ индивидуализаціи наказанія“ давно принятъ. Въ Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ никто не сомнѣвается въ томъ, насколько мало количество времени, проведенное преступникомъ въ тюрьмѣ, вмѣсто того, чтобы оно было посвящено труду, рѣшаетъ вопросъ о борьбѣ съ преступностью, тамъ опытъ давно показалъ, что чѣмъ послѣдовательнѣе проводится „принципъ индивидуализаціи наказанія“, тѣмъ полезность его становится очевиднѣе. Напр., процентъ рецидивовъ до 30, гдѣ не примѣняется вовсе досрочнаго освобожденія, падаетъ до 8 процентовъ въ Англіи, до четырехъ процентовъ въ Пруссіи—какъ разъ обратно увѣреніямъ тѣхъ устрашителей, которые хотятъ надѣть намордникъ на все человѣчество.

Но тутъ и разница между Россіей и Германіей. Г. Щегловитовъ предупреждаетъ, какъ далекъ его законопроектъ отъ „политики“, какъ мало, съ его точки зрѣнія, затрагиваетъ прерогативы бюрократіи, съ одной стороны, права гражданина на иниціативу и самодѣятельность—съ другой. Но что же сообщило смыслъ досрочному освобожденію на Западѣ, какъ не отсутствіе бюрократизма, не та же общественная самодѣятельность? Если Англія не нуждается даже въ особомъ уголовномъ кодексѣ, если тамъ все зависитъ отъ обычая, отъ авторитета суда, то это не зиждительная сила административной опеки, въ которую такъ вѣритъ министръ, а совершенно наоборотъ, вліяніе правовыхъ началъ, свободной общественной иниціативы. Въ Англіи тюремную администрацію не приходится рекомендовать тѣмъ, что имъ причиняются „поврежденія и убійства“ „при ничтожномъ вознагражденіи“, являющіеся „лучшимъ отвѣтомъ“ не только на то, какъ она самоотверженно отправляетъ свои обязанности, умѣя сохранять въ создающейся около нихъ „атмосферѣ произвола“ чувство долга вообще, но и насколько ее можно сдѣлать главнымъ вершителемъ закона о досрочномъ освобожденіи [1]).

И былъ правъ не кто иной, какъ г. Марковъ 2-ой, уподоблявшій жертву министерскаго попеченія клячѣ, которую извозчикъ пересталъ бить кнутомъ, но все еще „помахиваетъ въ воздухѣ, нагибается, дѣлаетъ видъ,

---

[1]) Ibid.

Digitized by Google

что хочетъ ударить, но все же не бьетъ". Надо только представить себѣ для этого самого г. Маркова въ роли земскаго начальника, распоряжающагося судьбой этихъ безчисленныхъ клячъ, которыя будутъ отправляться сыскнымъ отдѣленіемъ „на родину" въ цѣляхъ самоисправленія, или того „бывшаго унтеръ-офицера, случайно попавшаго въ смотрители тюрьмы", который будетъ „освобождать".

„Не развращаете ли вы этимъ законопроектомъ и заключеннаго, и тюремщика?"—патетически потрясалъ кулаками ораторъ. Увы, здѣсь, однако, угрозу г. Марковъ прежде всего направлялъ противъ самого г. Маркова.

Трагикомизмъ казеннаго отношенія къ вопросу состоитъ именно въ томъ, что оно даже не задается вопросомъ о тѣхъ условіяхъ, которыя толкаютъ тысячи здоровыхъ, работоспособныхъ людей на этотъ путь. Наслѣдственныя предрасположенія, злая воля людей-подстрекателей—вотъ кодексъ движущихъ силъ, толкающихъ въ глазахъ казеннаго идеалиста этихъ людей на преступленіе. Потому-то и тѣ мѣры, которыя они принимаютъ для „исправленія" и возбужденія раскаянія въ сердцахъ преступниковъ, бьютъ такъ же мимо цѣли, какъ и репрессіи, т. е. усиленіе наказаній.

Посмотрите, къ чему сводится подавляющее большинство этихъ нарушеній? Это, главнымъ образомъ, нарушенія противъ неприкосновенности собственности, столь любезной сердцу господствующихъ классовъ. Но не ясно ли отсюда, что причины ихъ, причины того, почему воры воруютъ, а убійцы убиваютъ, лежатъ именно въ томъ классовомъ раздѣленіи общества, благодаря которому на одномъ полюсѣ его сосредоточены всѣ блага міра сего, на другомъ—ничего, кромѣ голой рабочей силы, а такъ какъ возможность примѣнить ее не всегда представляется, то естественно, существованіе, сплошь и рядомъ, становится возможнымъ лишь путемъ нарушенія чужой собственности. Многомилліонная необъятная Россія съ ея хроническими голодовками,—настолько хроническими, что трудно даже сказать, нормальное состояніе у насъ урожай или неурожай,—съ одной стороны, и колоссальными кадрами безработныхъ, вотъ уже 9—10 лѣтъ накапливающимися на днѣ народной жизни,—съ другой—является яркой иллюстраціей вопроса. Вотъ, скажемъ, самый „мирный и спокойный", самымъ чистосердечнымъ образомъ „раскаявшійся" грѣшникъ удостоился досрочнаго освобожденія и отправленъ для исправленія подъ надзоръ земскаго начальника на родину, съ которой онъ или связанъ только припиской или, въ лучшемъ случаѣ, клочкомъ неудобной земли, на которой уже и безъ него торчатъ лишніе рты. Спрашивается, на что нужно его раскаяніе, когда ему ѣсть нечего; кому нужны его мирныя наклонности, когда онъ и съ ними завтра же полѣзетъ къ тому же своему „опекуну"? Вотъ, если бы бюрократія разослала такой циркуляръ земскимъ начальникамъ, чтобы они не только „исправляли" воровъ и конокрадовъ, но и обезпечивали имъ сытое

Digitized by Google

существованіе, тогда, можетъ быть, послѣдствія были бы болѣе утѣшительны для казеннаго идеализма [1]).

Ежедневно, ежечасно выбрасываются люди на улицу, безъ права, безъ хлѣба—или умирай съ голоду, или воруй. А разъ тѣ, что идутъ воровать, не имѣя силъ умереть съ голоду, берутся изъ той резервной арміи, которая составляетъ неизбѣжное условіе функціонированія капитализма, то столько же можетъ идти рѣчь объ „исправленіи" и раскаяніи, сколько о борьбѣ съ самымъ зломъ. Это все равно, что проектировать закрытіе домовъ терпимости. Тѣ же столпы отечества, что такъ любятъ говорить о благонравіи, узаконяютъ проституцію въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ, какихъ никогда прежде не было. То же и здѣсь: прямого и рѣшительнаго удара преступленію нанести нельзя, ибо это все равно, что нанести его породившему его соціальному организму.

Отсюда ясно, можетъ ли дѣйствовать проектируемая мѣра и доморализующимъ образомъ. Толстой дѣлитъ составъ арестантовъ въ своемъ „Воскресеніи" на пять разрядовъ: первый разрядъ составляютъ люди совсѣмъ невинные, жертвы судебныхъ ошибокъ; второй—осужденные за поступки, совершенные въ исключительныхъ обстоятельствахъ; третій—такіе, которые совершали, по ихъ понятіямъ, хорошіе поступки, но лишь, по мнѣнію людей, писавшихъ законы, считавшіеся преступленіемъ; четверный разрядъ составляютъ потому только зачисленные въ преступники, что они стоятъ выше уровня общества; наконецъ, пятый—люди, передъ которыми общество больше виновато, чѣмъ они передъ обществомъ, тѣ именно испорченные, ненормальные, озлобленные, которые и считаются въ глазахъ „исправителей" гнѣздилищемъ всѣхъ пороковъ, наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ [2]). Если это такъ, то не говоря, конечно, о четвертомъ разрядѣ, сюда не относящемся, огромное большинство профессіональныхъ воровъ, грабителей и убійцъ дѣлаются таковыми только въ тюрьмѣ. Достаточно присмотрѣться къ тѣмъ отношеніямъ, какія создаются въ любой тюрьмѣ между т. н. тюремной аристократіей и интеллигентами-шулерами, съ одной стороны, и арестантской массой—съ другой, чтобы конкретно представить себѣ этотъ процессъ. Сама пенитенціарная система является не источникомъ чувствъ покаянія, а другихъ, прямо направленныхъ противъ него—что ужъ говорить о досрочомъ освобожденіи!

VI.

Эти соображенія вызываетъ законопроектъ самъ по себѣ. Но ничто само по себѣ не существуетъ, а если и существуетъ, то не только само

---

[1]) Обыкновенно такъ и бываетъ: разъ побывавшій въ тюрьмѣ очень скоро возвращается въ нее назадъ.

[2]) Левъ Толстой. „Воскресеніе", изд. «Свѣта», переп. съ заграничнаго, стр. 263.

Digitized by Google

по себѣ. Бельгія и Франція есть Бельгія и Франція, какъ говорилъ г. Марковъ, а Россія есть страна, именуемая Россіей.

И уже съ этой точки зрѣнія, такъ сказать, a priori, закрадывался вопросъ—если сердце г. Щегловитова такъ мягко, если, дѣйствительно, ему такъ близки страданія мирныхъ и спокойныхъ жертвъ режима, ихъ несчастныхъ семей, то зачѣмъ начинать съ конца—досрочнаго освобожденія уже заключеннаго? Не проще ли начать смягченіе сначала, ну, хотя бы съ реформы самаго суда? Правда, судьи тоже захвачены духомъ крамолы—объ этомъ мы одинаково слышали какъ отъ лидеровъ только что закончившагося съѣзда союза русскаго народа, такъ и изъ устъ г. Столыпина 13 ноября [1]),—но... я говорю лишь о послѣдовательности, такъ какъ если субъективно она нерѣдко у людей отсутствуетъ, то вѣдь въ томъ, что они дѣлаютъ, всегда есть своя логика.

Эту нить и обнаружилъ, наконецъ, все тотъ же г. Марковъ, оказавшій министерству юстиціи ту же услугу, какую г. Келеповскій оказалъ министерству иностранныхъ дѣлъ наканунѣ. И что же? Оказалось, и все „святое дѣло“ понадобилось не для тѣхъ, о комъ говорились теплыя слова, и не въ цѣляхъ исправленія или покаянія тутъ дѣло, а совсѣмъ въ другихъ, такъ сказать, персонажахъ и соображеніяхъ. Но обратимся же къ этому г. Маркову, открывшему глаза министру.

Какъ истинный бѣловѣжскій зубръ, онъ, сразу почуявъ призракъ амнистіи, той, которая носилась еще передъ второй Думой, сразу рѣшилъ поставить вопросъ на „принципіальную высоту“. „Мы теперь уже не довольствуемся указаніемъ на то, что такой-то человѣкъ былъ въ тюрьмѣ,—укорялъ онъ г. Щегловитова,—значитъ, онъ оповоренъ, какъ подразумѣваетъ предложенный намъ законопроектъ; теперь спрашиваютъ, за что человѣкъ былъ въ тюрьмѣ? Мало сказать: „Вотъ этотъ человѣкъ убійца“—теперь спросятъ: „Не убилъ ли онъ ради высокихъ политическихъ цѣлей?“ Недостаточно сказать, что этотъ человѣкъ—разбойникъ; теперь спросятъ: „Можетъ быть, это экспропріаторъ?“ Теперь не скажутъ: „поджигатель“, а скажутъ: „Иллюминаторъ во имя высокой идеи“. Теперь все спуталось, смѣшалось, и поэтому прикладывать старую мѣрку къ новому времени—неумѣстно“ [2]). Указывая, какъ возрасла за послѣднее время преступность, выражающаяся въ поджогахъ, экспропріаціяхъ и убійствахъ, какъ, благодаря этому, стала необезпечена собственность, онъ разсматривалъ уголовное досрочное освобожденіе, какъ уступку революціонерамъ, которая ни въ какомъ случаѣ не придется по сердцу „народу“, насколько онъ ему, г. Маркову, извѣстенъ, такъ какъ это будетъ прежде всего освобожденіе революціонеровъ. Онъ категорически вызывалъ министра на открытое объясненіе.

Въ сущности, уже въ самомъ законопроектѣ предрѣшался отвѣтъ на

[1]) Въ декларацiи третьей Думѣ.

[2]) Засѣданіе 33-е.

Digitized by Google

эти упреки тѣмъ, что онъ примѣнялся лишь къ исправительнымъ домамъ, исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ и новому карательному учрежденію, работнымъ домамъ, но отнюдь не къ наказанію крѣпостью, которому, главнымъ образомъ, подлежатъ политическіе. Въ то время, какъ во всѣхъ странахъ условное освобожденіе примѣняется къ заключеннымъ въ крѣпость, г. Щегловитовъ въ своемъ законопроектѣ ихъ исключилъ, исходя изъ того, что основная задача его системы—исправленіе—непримѣнимо къ политическимъ, что, такимъ образомъ, заключенные въ крѣпости—это просто враждебный лагерь, съ которымъ надо бороться до конца. И эта тенденція была такъ сильна, что ее не смутило даже то, что крѣпостью караются не одни политическія преступленія, напр., дуэль, преступленія должностныхъ лицъ по службѣ, богохульство. Правда, есть статьи, по которымъ политическіе караются и тѣми родами наказанія, къ которымъ примѣнимо досрочное освобожденіе, но достаточно припомнить одну 129 ст., по которой сотни писателей приговорены и ждутъ приговора, чтобы понять, что объ особомъ распространеніи этой мѣры на „убійцъ ради высокой цѣли“ и „иллюминаторовъ рали высокой идеи“ говорить не приходится.

Такимъ образомъ, г. Щегловитовъ „углубилъ“ свое дѣтище еще раньше, чѣмъ пришло въ голову г. Маркову упрекать его—какая же была бы это въ противномъ случаѣ бюрократическая реформа! Но г. Маркову все-таки не по душѣ казалась „чувствительность“ министра—за его „святымъ“ дѣломъ все-таки мерещилась ему уступка революціонерамъ. И такъ какъ за г. Марковымъ стоитъ, если не „народъ, сбившійся съ толку“, по его выраженію, то „народъ, желающій усиленія строгости репрессій“, то сюрпризъ все-таки вышелъ.

Г-нъ Щегловитовъ, буквально вчера собиравшійся внести „лучъ свѣта“ въ семьи узниковъ, исходя лишь изъ гуманныхъ, высокихъ началъ, сегодня, оказывается, уже „пришелъ въ нѣкоторое смущеніе“, которое „еще болѣе усилилось“, когда одинъ изъ ораторовъ упомянулъ о томъ, что и „то освободительное движеніе, которое приводило въ засѣданіяхъ Государственной Думы прежнихъ составовъ къ возгласамъ объ амнистіи, имѣло, между прочимъ, своимъ послѣдствіемъ представленіе въ Государственной Думѣ законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи“. Но неужели же это одно и то же—восклицалъ министръ—неужели это уступка революціонерамъ? И... онъ отвѣтилъ: вспомните положеніе, какое сейчасъ создалось въ борьбѣ за порядокъ.

„Наши мѣста заключенія по числу мѣстъ для арестантовъ разсчитаны на количество ихъ отъ 100 до 110 тысячъ. Между тѣмъ, въ настоящее время въ мѣстахъ заключенія Россійской имперіи болѣе полутораста тысячъ заключенныхъ. Если мы будемъ впредь, для поддержанія строгости репрессіи, точно соблюдать требованіе, чтобы всѣ арестанты—и самые зако-

Digitized by Google

ренѣлые преступники, и тѣ, которые являются лицами, которыя никогда больше въ тюрьму не вернутся,—высаживали въ тюрьмахъ полный срокъ наказанія, то, такъ какъ преступность у насъ за послѣдніе годы страшно увеличилась, мы будемъ имѣть только одинъ результатъ, *намъ скоро некуда будетъ помѣщать лицъ, заслуживающихъ наказанія*". На этомъ основаніи министръ, наоборотъ, увѣрялъ г. Маркова въ томъ, что если ставить вопросъ не теоретически, а практически, примѣнительно къ создавшимся условіямъ, то не онъ, министръ, а именно онъ, г. Марковъ, стремится къ ослабленію репрессіи, такъ какъ, если не будутъ выпускаться одни, а на мѣсто ихъ впускаться другіе, „заслуживающіе наказанія", то можетъ создаться *„серьезное замѣшательство* въ тюремномъ нашемъ дѣлѣ" [1]).

Надо ли повторять, кого министръ подразумѣвалъ подъ „заслуживающими наказанія"? Онъ подчеркнулъ своимъ отвѣтомъ, что институтъ, проектируемый имъ, не только не распространяется на революціонеровъ, но даже и вводится онъ для вящшей борьбы съ ними, для того, чтобы приговоры, тяготѣющіе надъ ними, не оказывались одними приговорами.

Для того, чтобы оцѣнить все значеніе этого указанія, надо очутиться хотя бы въ положеніи осужденнаго редактора. Пока въ атмосферѣ носились слухи объ амнистіи,—конечно, не всеобщей (о ней уже давно никто не мечталъ),—а объ амнистіи по дѣламъ печати, которые тѣмъ упорнѣе держались въ литературныхъ кругахъ что она являлась какъ бы своего рода „досрочнымъ освобожденіемъ" для болѣе серьезныхъ категорій, до тѣхъ поръ братья-писатели не только ждали спокойно своей очереди, но старались всячески затягивать дѣла, не останавливаясь даже передъ переходомъ на нелегальное положеніе. Понятно, разъ проектъ амнистированія редакторовъ „уже готовъ", остается только ждать одного изъ тѣхъ праздниковъ, когда правительство объявитъ свою милость. Но когда и эта иллюзія улетучилась, и братья-писатели стали передъ той стѣной, дальше которой идти некуда,—каждому вдругъ захотѣлось возможно скорѣе освободиться отъ приговора, который, помимо всего прочаго, связываетъ по рукамъ и ногамъ. А такъ какъ приговоренныхъ безконечное множество, и такое же множество предстоитъ впереди, то дошло дѣло до того, что люди являлись въ камеру прокурора, заявляя, что они не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не отправятъ въ тюрьму [2]). Тѣ же, кто не отличается такой рѣшительностью характера, такъ и остаются въ ожиданіи казеннаго хлѣба. И вотъ г. Щегловитовъ придумалъ...

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Газеты передаютъ аналогичный случай съ г. Щеголевымъ.

Digitized by Google

Конечно, это не мѣшаетъ мѣрѣ г. Щегловитова быть въ то же время и попечительно-ограниченной реформой, какъ я характеризовалъ выше. Съ одной стороны—мирной и спокойной части населенія, съ другой—гг. Марковымъ и капиталъ пріобрѣсти и себя соблюсти... Одно только нехорошо. Все-таки сюрпризъ вышелъ, да-все эти сюрпризы. И все—гг. Келеповскіе и Марковы.

VII.

Итакъ, „Россія, русское правительство", сперва стала сильной, а затѣмъ пошли „начала права"—вспомнили таки время, когда дѣло чуть не дошло до „общественныхъ дѣятелей".

Такъ сегодня министры „борются" съ пьянствомъ, „исправляютъ" преступные типы, только производящіе серьезное замѣшательство въ тюремномъ дѣлѣ; возвышаютъ нашу миссію въ Токіо. Завтра будутъ бороться съ аграрнымъ законодательствомъ—недаромъ же, внося всѣ законы, проведенные въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ, правительство предупреждало, что отнюдь не считаетъ ихъ неприкосновенными,—„исправлять" земское положеніе, проектъ котораго оно уже выработало вмѣстѣ съ совѣтомъ объединенныхъ дворянъ, „возвышать" неприкосновенность личности при посредствѣ г. Замысловскаго. Какъ извѣстно, когда правительство вносило свои законопроекты во вторую Думу, то составъ ея оказалъ значительное вліяніе на ихъ характеръ и содержаніе. Какъ же оно поступаетъ съ ними сейчасъ? На этотъ разъ уже, видите ли, оно вноситъ ихъ не кучей, какъ во вторую Думу, а каждый законопроектъ отдѣльно, такъ какъ, молъ, оказывается, что они должны быть вновь проредактированы. Сознавая, что они страдаютъ цѣлымъ рядомъ пробѣловъ и недосмотровъ, оно выражаетъ и надежду, что тѣ изъ нихъ, какіе ему самому „исправить" не удастся, исправятъ гг. Марковы и Замысловскіе. Какъ эта совмѣстная работа исправленія и возвышенія происходитъ, можно судить по первымъ ея шагамъ.

Вопросъ только остается открытымъ о томъ, когда же эта работа перейдетъ отъ частнаго къ общему. Вѣдь не изъ чувства же признанія законодательнаго учрежденія г. Столыпинъ предупреждалъ въ свое время совѣтъ объединенныхъ дворянъ, что „если монархическимъ партіямъ удастся сплотить вокругъ себя народныя массы и составить большинство въ Государственной Думѣ", то „къ измѣненію основныхъ законовъ въ духѣ установленія освященной вѣками идеи русскаго народа врядъ ли встрѣтится препятствіе". Правда, какъ показалъ съѣздъ „русскаго народа", онъ, ставъ на желательную высоту, пошелъ слишкомъ далеко по пути, предначертанному г. Столыпинымъ, оказался даже „революціоннымъ", по опредѣленію дубровинцевъ, но все же это не идетъ вразрѣзъ съ тенденціей, какъ таковой. Сперва успокоеніе, а потомъ реформы.

Digitized by Google

Случилось то, что говорилъ г. Половцевъ во второе междудумье: что правительству нужна такая Дума, которая „критиковала бы его законопроекты справа“ [1]). Какъ мы видѣли, дѣйствительно и министръ иностранныхъ дѣлъ, и министръ юстиціи, и начальникъ департамента неокладныхъ оборовъ—всѣ они такъ или иначе оборонялись отъ нападеній справа. И если правда, что нѣтъ большаго врага для общественнаго самоопредѣленія, чѣмъ двусмысленность, создаваемая сознательно оффиціозами и полуоффиціозами въ интересахъ затемнѣнія народнаго сознанія, то нельзя не привѣтствовать эту ясность. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ничего недоговореннаго.

Л. Клейнбортъ.

---

[1]) „Товарищъ“, № 328, 1907 г. „Передъ выборами“.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Осипъ Дымовъ. *Земля цвѣтетъ.* К—во „Грифъ". М. 1908. Ц. 1. р.

Осипъ Дымовъ—беллетристъ съ небольшимъ, но очевиднымъ дарованіемъ, которое могло бы быть красивымъ, если бы у автора было хоть немного внутренней личной устойчивости и душевнаго равновѣсія. Но все болѣе становящійся „площаднымъ" нашъ модернизмъ вовлекъ О. Дымова въ свой мутноватый потокъ и онъ, какъ щепка въ половодьѣ, безсильно закружился въ струяхъ мелкаго но широкаго теченія.

Дымовъ оказался пассивнымъ ученикомъ нашей модернистской школы. Но художество—именно та область, которая исключаетъ пассивность. Безъ индивидуальной, творческой иниціативы войти въ эту область нельзя. Тѣхъ, кто лишенъ этого, искусство оставляетъ за бортомъ. И литературная судьба Дымова явственно тускнѣетъ.

Онъ поднялся небольшимъ голубымъ фонарикомъ въ нашей текущей литературѣ. И пока у насъ Петера Альтенберга не читали, Дымовъ могъ казаться оригинальнымъ. И основной мотивъ его—вольное чередованіе случайныхъ моментовъ, изъ которыхъ каждый преходящъ и каждый жизненно самоцѣненъ, казался оригинальнымъ. Безцѣльно и вольно бродитъ по міру, ловя въ чуткомъ зеркалѣ художественной впечатлительности драгоцѣнныя черточки то острыхъ, то болѣзненныхъ, то скорбно-музыкальныхъ переживаній, давать океанъ жизни отраженнымъ въ его каплѣ—вотъ своеобразный мотивъ Альтенберга. Дымовъ его повторилъ.

Для многихъ современныхъ беллетристовъ и поэтовъ было бы гораздо лучше, если бы ихъ западные собратья не были переведены. Намъ казался бы больше Брюсовъ, если бы мы не знали Верхарна и Бодлера. Намъ казался-бы великимъ Бальмонтъ, если бы мы не знали Шелли. Что касается Дымова, то онъ сразу сталъ гораздо меньше ростомъ съ тѣхъ поръ, какъ на русскомъ книжномъ рынкѣ появились книжки Альтенберга.

Порой оба они—и оригиналъ Альтенбергъ, и копія—Дымовъ—бываютъ до приторности манерны и фальшивы. До того, что отъ разсказа остается одна лишь ажурная рамочка этой манерности. Но порой Дымовъ

Digitized by Google

даетъ живые и тонкіе штрихи впечатлѣній природы, или черточку своеобразной психологической наблюдательности. И тогда онъ даетъ читателю уже то, что онъ можетъ дать лично отъ себя. Но въ творческой внимательности къ деталямъ жизни и по способности схватить ихъ острымъ глазомъ для разсказа—Альтенбергъ несоразмѣримо больше Дымова.

Томикъ „Земля цвѣтетъ“ очень слабъ, почти весь манеренъ и бѣденъ живымъ творчествомъ. Но кое-что немногое въ немъ есть, а это немногое стоитъ все-же много. Ремесленники слова, убогіе создатели этихъ затасканныхъ, опошленныхъ „Бѣлыхъ лилій“ и т. п., при величайшемъ трудолюбіи ничего подобнаго не дадутъ.

Гдѣ-то очень глубоко и чуть замѣтно просачиваются въ Дымовѣ тоненькіе роднички чистой поэзіи. Но онъ усердно засыпаетъ ихъ мусоромъ модныхъ фразъ литературнаго щеголя и бонвивана, создающаго салонныя новеллы. Та утонченность, для которой такъ старается О. Дымовъ, она—почти площадная, эта утонченность буржуазныхъ гостиныхъ, гдѣ повторяютъ послѣднія мнѣнія о художникѣ, поэтѣ и артистѣ. Къ иной, тихой, но недостижимо-высокой утонченности истиннаго художника, въ уединенномъ творчествѣ подымающагося на свѣтлыя высоты, къ этой утонченности Дымовъ голову не подымаетъ.

Уже большая часть литературнаго пути имъ пройдена и все сдѣланное—пьесы и разсказы—было подчиненіемъ автора публикѣ. Но за это подчиненіе толпа мститъ. Кто разъ опустился, чтобы отвѣтить на существующій спросъ, тотъ уже не подымется.

Печальнымъ обстоятельствомъ для Дымова служитъ также и то, что его „Земля цвѣтетъ“ напоминаетъ по тону и однообразію убогую книжку Нины Петровской — „Sanctus amor“... За это Дымова можно только пожалѣть...

Н. Я. А—вичъ.

Сборникъ т-ва „Знаніе“ (XX). СПБ. 1908. Ц. 1 р.

Сборникъ не можетъ быть дѣломъ механическаго печатанія различныхъ рукописей подъ одной обложкой. Такъ же, какъ и книжка журнала, книга сборника требуетъ живого идейнаго творчества, въ основѣ котораго—самостоятельный литературный планъ. Это сообщаетъ внутреннее единство разнохарактерному матеріалу, печатаемому въ одной книгѣ, а въ самый выборъ матеріала вноситъ живой критеріумъ. Давно пора признать, что редакціонная часть есть тоже творческая часть. Какъ ни самостоятельны и не личны страницы отдѣльныхъ художниковъ, но общимъ ихъ единствомъ редакторъ говоритъ *свое* опредѣленное слово. Въ этомъ—начало литературно, жизненныхъ теченій, составленныхъ изъ отдѣльныхъ волнъ.

Ни тѣни такого творчества въ цѣломъ рядѣ послѣднихъ сборниковъ „Знанія“ уже не чувствуется. Насколько первые отличались опредѣлен-

Digitized by Google

ностью физіономіи, настолько послѣдніе представляются сѣрой массой печатной бумаги. При величайшемъ пристрастіи къ издательству нельзя не видѣть, что отъ послѣднихъ книгъ сборника явственно слышится трупный запахъ литературнаго разложенія. Живая душа отъ нихъ отлетѣла; остался разлагающійся трупъ.

И совершенно непонятно, почему рядомъ съ горьковской пов. „Мать" и записками Чирикова „На войнѣ" помѣщается въ сборникѣ переводъ талантливой пьесы Гауптмана? Почему рядомъ со строками поэта Бунина помѣщаются унылыя вирши Н. Шрейтера? Я не знаю литературной судьбы послѣдняго, но, во всякомъ случаѣ, необходимо въ концѣ концовъ понять, что величайшее благородство убѣжденій и величайшее мученичество за нихъ—одни только—права на художество не даютъ. Ни убѣжденія, ни тюрьма, ни каторга поэтомъ не дѣлаютъ, какъ Шлиссельбургское узничество не сдѣлало ни на іоту поэтами Н. Морозова и другихъ. У насъ это съ трудомъ понимается. И въ результатѣ—такое уродливое совмѣстительство стиховъ и виршей.

Что даютъ теперь сборники „Знанія" читателю? Единственное, на чемъ лежитъ печать художественности—это странички Ив. Бунина, но этотъ послѣдній даетъ „Знанію" теперь очень мало. Все остальное—ремесленническое, убогое, дешевое. Начинается сборникъ „Кровавымъ разливомъ" Д. Айзмана. Какъ собраніе фактическихъ подробностей, холодныхъ репортерскихъ наблюденій—это потрясающе-ужасно. Какъ художественное произведеніе—риторично, сентиментально, грубо. Приводимые факты одинаково вопіютъ—и въ повѣсти, и въ репортерской замѣткѣ. И на нихъ то, на этихъ фактахъ, строится все впечатлѣніе разсказа. Но при чемъ же здѣсь художникъ? Авторъ играетъ на ужасахъ. Но это разсказа не искупаетъ: онъ очень блѣденъ и въ идейно-художественномъ значеніи пустъ.

Также слаба и пуста вещь Чирикова „На порогѣ жизни". Это относится къ области тенденціозно-назидательной литературы, воспитывающей въ „честномъ" направленіи. Но какъ это убого, какъ наивно-сѣро и тускло, какимъ смиреннымъ мѣщанствомъ вѣетъ отъ этого!...

„Разсказы въ стихахъ" Бунина какъ нарочно не выдаются оригинальностью и силой изъ остального матеріала. Кромѣ того, помѣщены продолженія сухихъ и протокольныхъ записокъ о войнѣ Вересаева и сентиментальной, напоминающей длиннотами романы Ричардсона, повѣсти Горькаго „Мать".

Особо стоитъ оригинальная, проникнутая художественнымъ талантомъ пьеса Гауптмана „Заложница Карла Великаго" въ неуклюжемъ переводѣ З. Венгеровой. Лучшее въ пьесѣ—обликъ дѣвушки Герзуинды, въ которой трепещетъ могучая и смѣлая воля къ жизни. Очарованіе, которому поддается старый Карлъ, разгорается отъ дикой воли, упрямства и смѣлости звѣрька—Герзуинды. Послѣдняя сцена смерти—сценически эфектна.

Digitized by Google

Но строить успѣхъ сборника изъ переводной вещи невозможно. XX сборникъ „Знанія“ весь кричитъ о скудости художественнаго матеріала: то, что въ этомъ сборникѣ помѣщено, не достаточно даже для книжки журнала. А къ сборнику, который долженъ быть цѣлостенъ и полновѣсенъ, требованія предъявляются болѣе строгія.

Н. А—вичъ.

Б. П. Никоновъ. *Въ стѣнахъ гимназіи.* (Очерки школьной жизни). С.-Петербургъ. 1907 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Книга г. Никонова не представляетъ цѣльной работы. Таковой можетъ быть названъ лишь первый ея очеркъ, занимающій почти полкниги—„Школьные годы Арнатова“. Остальная часть книги—это рядъ отдѣльныхъ разсказовъ; каждый изъ нихъ читается совершенно самостоятельно, хотя дѣйствіе происходитъ, повидимому, за исключеніемъ одного разсказа („Классная дама“) въ одной и той же гимназіи, съ однимъ и тѣмъ же учительскимъ персоналомъ и учащейся молодежью. Едва ли можно назвать эти очерки и художественнымъ произведеніемъ въ точномъ смыслѣ слова. Это скорѣе впечатлѣнія наблюдателя, который, не мудрствуя лукаво, дѣлится съ читателемъ воспоминаніями о томъ „толстовско-деляновскомъ помраженіи дѣтскихъ мозговъ“, которое называлось у насъ именемъ народнаго просвѣщенія. Недаромъ самъ авторъ признается, что, хотя объектомъ его наблюденій отнюдь не служила одна какая-либо гимназія, а цѣлый комплексъ разныхъ школъ, но „къ сожалѣнію, все это дѣйствительно списано съ натуры“.

Собственно говоря, появись эта книга годъ-полтора тому назадъ, въ одинъ изъ моментовъ освободительнаго движенія, ознаменовавшагося такой безповоротно-рѣзкой критикой школьнаго строя въ цѣломъ рядѣ петицій приговоровъ, резолюцій, рядомъ столькихъ частичныхъ уступокъ со стороны представителей свѣтобоязни, когда начинало казаться, что шансы народнаго образованія стоятъ уже не такъ безнадежно, какъ кажется—появись эти очерки тогда, они едва ли были бы даже замѣчены. Вѣдь, если я не ошибаюсь, очерки эти появлялись впервые (большей частью, на страницахъ „Русскаго Богатства“) давно, въ одно время съ гимнастическими разсказами А. А. Яблоновскаго—въ 1901—902 гг., когда объ органической реформѣ школьнаго дѣла не могло быть и рѣчи, когда даже о частичной реформѣ, не выходящей изъ рамокъ существующаго строя, можно было лишь мечтать въ легальной печати. Но исторія знаетъ свои траги-комедіи и одну изъ такихъ траги-комедій дала намъ русская жизнь послѣдняго времени. Достаточно вспомнить агитацію думской правой противъ нашей университетской „автономіи“, назначеніе г. Шварца на мѣсто Кауфмана, послѣдніе циркуляры учебнаго вѣдомства, чтобы понять, какъ близки мы вновь къ

Digitized by Google

тому разбитому корыту, о которомъ повѣствуетъ авторъ лежащихъ передъ нами очерковъ.

Онъ разсказываетъ въ предисловіи про издателя, отказавшагося выпустить въ свѣтъ его книгу на томъ основаніи, что она страдаетъ утрировкой. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя черты какъ будто преувеличены. Таковъ, напр., очеркъ „Послѣдній ученикъ на экзаменахъ зрѣлости", гдѣ учителя пишутъ вмѣстѣ съ учениками сочиненія на выпускныхъ экзаменахъ, переводятъ латинскій и греческій тексты, рѣшаютъ задачи и—что особенно характерно—подчасъ еще обращаются къ „экстернамъ" за помощью или прячутъ словари за печкой. Таковъ „Буйволъ", только что назначенный новый директоръ гимназіи, переведенный откуда то за то, что онъ собственноручно билъ своихъ учениковъ, который и здѣсь въ устьрѣцкой гимназіи продолжаетъ съ успѣхомъ ту же работу. Однако, едва ли эти преувеличенія значительны. Если типичными подобныя проявленія для гимназическаго режима назвать нельзя, то, во всякомъ случаѣ, они были возможны въ томъ или иномъ учебно-полицейскомъ застѣнкѣ.

Книжка г. Никонова, конечно, значительно уступаетъ аналогичнымъ работамъ гг. Яблоновскаго и Гарина въ художественномъ отношеніи. Какъ типы учителей и учениковъ, такъ и общая канва, на которой складываются ихъ взаимоотношенія, описываются авторомъ трезво и просто. Директоръ съ его латинскими пословицами, вѣчно пьяный грекъ, для котораго нѣтъ большаго удовольствія, чѣмъ выслушать скверный еврейскій анекдотъ, чехъ-латинистъ, для котораго вся революція сосредоточивается около книжки „Вѣстника Европы", случайно найденной имъ у гимназиста, наконецъ, словесникъ, привѣтствующій своихъ воспитанниковъ у подъѣзда публичнаго дома, съ одной стороны, типы учениковъ (вродѣ Арнатова, принимающагося сначала за гимназическую науку съ такимъ усердіемъ, что его огорчаетъ даже четверка, и затѣмъ опускающагося до званія послѣдняго ученика),—съ другой—все это схвачено съ натуры, но мѣтко.

Недостаткомъ автора является недостаточно широкій горизонтъ. Чувствуется, что всего нѣсколько очерковъ написаны недавно... Впрочемъ, такой ли это теперь недостатокъ? Развѣ мы не возвращаемся ко всему этому? Развѣ намъ не предстоитъ новая борьба противъ... древнихъ языковъ?.. и борьба сначала?

Л. Клейнбортъ.

Мих. Лемке. *Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ"*. По неизданнымъ документамъ, съ портретами. Изд. О. Н. Поповой. С.-Петербургъ. 1908 г. 510 стр. Ц. 3 р.

Заглавіе книги не совсѣмъ точно передаетъ ея содержаніе. Во-первыхъ, составленные по неизданнымъ документамъ „очерки" по большей части

Digitized by Google

уже были напечатаны въ журналѣ „Былое“ за 1906 и 1907 годы. Они, какъ объясняетъ въ предисловіи авторъ, „пересмотрены и дополнены подробностями, не вошедшими прежде исключительно благодаря журнальной техникѣ и недостатку мѣста“. Во-вторыхъ, это скорѣе сырой матеріалъ для изученія эпохи, чѣмъ связное и цѣльное ея освѣщеніе. Наличностью неизданнаго матеріала въ рукахъ составителя, а не важностью того или иного явленія для исторіи „шестидесятыхъ годовъ“ опредѣлилось содержаніе книги. Мих. Лемке поясняетъ, что онъ и не задавался цѣлью дать общую картину „освободительнаго движенія“ того времени: онъ считаетъ такую работу несвоевременной въ виду бѣдности опубликованнаго фактическаго матеріала. Съ мыслью о несвоевременности согласиться, конечно, трудно, поскольку вообще трудно отказаться отъ созданія себѣ представленія о предметѣ до „полнаго“ его изученія: абсолютной полноты достичь невозможно.

Въ книгѣ Мих. Лемке главное мѣсто отведено „Процессу 32-хъ“,— (болѣе 200 страницъ изъ 510). Центральная фигура процесса — Н. А. Серно-Соловьевичъ,—„послѣдній маркизъ Поза“, по выраженію Герцена. Въ срединѣ 1862 г. по распоряженію III отдѣленія на границѣ былъ арестованъ нѣкто П. А. Ветошниковъ, везшій въ Россію письма отъ Бакунина, Герцена и другихъ. Н. А. Серно-Соловьевичъ былъ арестованъ, какъ одинъ изъ адресатовъ. Въ сущности, онъ вовсе не былъ политическимъ революціонеромъ. Идеалистически и демократически настроенный, — онъ еще до ареста обращался съ горячо написанными письмами къ Императору Александру II. Онъ думалъ, что императору стоило только захотѣть—и все исполнится; нужно, слѣдовательно, убѣдить прежде всего верховнаго представителя государственной власти. На первый взглядъ эта точка зрѣнія—антиподъ міровоззрѣнію непримиримаго революціонера, анархиста Бакунина, письма котораго, захваченныя у Ветошникова, приведены въ книгѣ М. Лемке. На самомъ же дѣлѣ міровоззрѣніе „послѣдняго маркиза Позы“, съ извѣстной точки зрѣнія, однородно съ міровоззрѣніемъ Бакунина, представляетъ собою лишь оттѣнокъ того, что можно назвать мелко-буржуазнымъ революціоннымъ романтизмомъ, характеризующимъ демократическое настроеніе пореформенной эпохи въ Россіи. Революціонный романтизмъ не признаетъ органической связи политическихъ надстроекъ въ Россіи съ ея экономическими основами, онъ считаетъ исторію русской государственности за исторію непрерывныхъ уклоненій отъ „естественнаго“ пути; политическая задача романтиковъ — освобожденіе народа отъ „противоестественныхъ“ политическихъ наростовъ; ихъ идеалъ — въ прошломъ, когда надъ мелкимъ производителемъ еще не тяготѣло иго государственности. Отсюда— вѣра въ возможность однимъ ударомъ ниспровергнуть старый строй,—у однихъ—путемъ ниспроверженія власти, у другихъ—путемъ ея убѣжденія.

Къ сожалѣнію, русская политическая мысль еще не порвала оконча-

Digitized by Google

тельно съ пережитками политическаго романтизма. Тѣмъ интереснѣе изученіе этого романтизма въ его зародышевой, болѣе наивной формѣ,— какъ онъ проявлялся у Н. А. Серно-Соловьевича, Бакунина и другихъ представителей демократической мысли эпохи реформъ.

Н. А. Серно-Соловьевичъ думалъ, что представитель власти можетъ сдѣлать все, что захочетъ,—и хорошее и дурное. Бакунинъ считалъ власть способной только на дурное. Русское государство, по его словамъ, не что иное, какъ „безобразная, враждебная славянамъ нѣмецко-татарская централизація, навязанная намъ деспотизмомъ Петра В.“. Но съ періодомъ реформъ правительство вступило въ „фазисъ самоуничтоженія“. Поэтому Россія — „наканунѣ радикальной и громадной революціи, которую когда-либо видѣлъ свѣтъ“ [1]). Это писано Бакунинымъ въ 1862 году. Предсказаніе оказалось вопіюще противорѣчащимъ послѣдующей судьбѣ политической власти въ Россіи; и грубая ошибочность предсказанія — лучшій критерій для оцѣнки исходной точки зрѣнія революціоннаго романтизма.

Нужно замѣтить, что попытки освободиться отъ романтизма замѣчаются уже и въ ту эпоху. Онѣ слабы, непослѣдовательны, но ихъ можно найти. Вотъ для примѣра выдержка изъ проекта адреса, предложеннаго редакціей „Великорусса“:

...„Вы, Государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но Ваша власть не такъ велика, чтобы одной Вашей воли было достаточно для устраненія золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ,—то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интриги и обманъ гораздо могущественнѣе Васъ.

„Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, Вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ Вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее наше подчиненіе — чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы“ [2]).

Непослѣдовательность авторовъ проекта адреса очевидна: если достаточно „согласія“ на осуществленіе политической свободы, то его должно быть достаточно и для устраненія золъ, указанныхъ въ первомъ абзацѣ нашей выписки. Если же вопросъ объ устраненіи этихъ золъ не исчерпывается вопросомъ о согласіи или несогласіи, то не исчерпывается послѣднимъ и вопросъ объ осуществленіи въ государствѣ конституціоннаго строя.

---

[1]) Письмо М. А. Бакунина Фрику. Стр. 489—489.

[2]) Процессъ „великоруссцевъ“, стр. 367.

Digitized by Google

Любопытно, что малообразованный П. А. Мартьяновъ, недавній крѣпостной крестьянинъ,—очевидно, въ силу своего сословнаго положенія,—понялъ сущность русскаго государственнаго строя лучше, чѣмъ многоученые демократы, вышедшіе изъ среды правящаго класса. „Подъ словомъ государство,—говоритъ онъ,—я разумѣю не національную или географическую цѣлость, а неотвѣтственное правительство и всѣ правительственныя сословія, господствующія и эксплоатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью. Народъ—это то, что эксплоатируютъ, это—земство, которое гнетется государствомъ“ и т. д. [1]). Впрочемъ, и Мартьяновъ въ дальнѣйшемъ не выдерживаетъ своей точки зрѣнія.

Кромѣ статей, уже упоминавшихся мною, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя. „Къ біографіи Н. А. Серно-Соловьевича“ даетъ нѣсколько интересныхъ штриховъ и фактовъ, касающихся связи русскихъ эмигрантовъ съ „Интернаціоналомъ“. „Молодость отца Митрофана“ (Митр. Дан. Муравскаго, виднаго революціонера-народника 70-хъ гг.) и „Дѣло воскресниковъ“ вводятъ въ кругъ легальнаго и полулегальнаго просвѣтительнаго движенія, участники котораго въ то жестокое время тяжело платились за попытки внести политическое сознаніе въ рабочую среду („Дѣло воскресниковъ“) или въ среду интеллигенціи.

Изъ приложеній къ книгѣ интересны „Записки о петербургскихъ университетскихъ безпорядкахъ“, „Отвѣтъ Великоруссу“ и нѣк. др. Въ текстѣ читатель найдетъ довольно много писемъ М. Бакунина, нѣкоторыя данныя объ И. С. Тургеневѣ, А. Герценѣ, Кельсіевѣ и др. Въ цѣломъ книга М. Лемке представляетъ собою сборникъ матеріаловъ, знакомство съ которыми необходимо каждому, кто интересуется эпохой конца 50-хъ и начала 60-хъ гг. русской исторіи. Цѣна нѣсколько высока.

М. Ольминскій.

А. Н. Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка.* Изд. второе. К—ство „Колосъ“. Спб. 1908. 662 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Извѣстная книга покойнаго А. Пыпина вышла первымъ изданіемъ въ 1876 г. Это изданіе давнымъ давно розошлось и сдѣлалось большою библіографическою рѣдкостью. Между тѣмъ, читательскій спросъ на книгу А. Пыпина, какъ на основной источникъ для знакомства съ жизнью и творчествомъ Бѣлинскаго, былъ очень великъ, и появленіе ея второго изданія надо отъ души привѣтствовать.

Тургеневъ не даромъ назвалъ Бѣлинскаго „центральною фигурою“ нашего умственнаго развитія. Дѣйствительно, кипучее литературное творчество Бѣлинскаго служитъ какъ бы узловою станціей, отъ которой въ

[1]) „Дѣло П. А. Мартьянова“, стр. 350.

Digitized by Google

разныя стороны разошлись вѣтви русскихъ общественныхъ направленій. Въ богатомъ идеями творчествѣ Бѣлинскаго мы находимъ и зародыши народничества, и зародыши славянофильства, и зародыши позднѣйшаго соціальнаго реализма.

И не даромъ, напр., славянофильствующій Аполлонъ Григорьевъ и вслѣдъ за нимъ Достоевскій утверждаютъ, что если бы Бѣлинскій не умеръ такъ рано, онъ сдѣлался бы славянофиломъ, а симпатизирующій народничеству г. Ивановъ Разумникъ доказываетъ въ своей грузной „Исторіи русской общественной мысли", что проживи Бѣлинскій дольше, онъ сдѣлался бы народникомъ. Плехановъ же утверждаетъ, что Бѣлинскій несомнѣнно сдѣлался бы марксистомъ.

Оставляя въ сторонѣ эти, такъ сказать, идеальныя проекціи Бѣлинскаго въ будущее, мы должны лишь отмѣтить, что въ творчествѣ Бѣлинскаго можно указать на чрезвычайно различныя идеологическія напластованія, но несомнѣнно, что онъ шелъ по направленію къ соціальному реализму и всегда къ нему тяготѣлъ.

Любопытно при этомъ, что Бѣлинскій былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, придавшихъ реалистическую постановку вопросу объ исторической роли буржуазіи. О Бакунинѣ Бѣлинскій пишетъ въ 1847 г.: „Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію" (564 стр.).

Въ другомъ поистинѣ замѣчательномъ письмѣ къ Боткину, писанномъ въ декабрѣ 1847 г., Бѣлинскій предвосхищаетъ многія основныя посылки марксизма, хотя и причудливо сплетаетъ ихъ съ утопизмомъ.

По поводу статей Герцена Бѣлинскій пишетъ Боткину:

„Я согласенъ, что одною буржуази нельзя объяснить à fond и окончательно гнуснаго, позорнаго положенія современной Франціи, что это вопросъ страшно сложный, запутанный, и прежде всего и больше всего историческій... Я понимаю, что буржуази—явленіе не случайное, а вызванное исторіей, что она явилась не вчера, словно грибъ выросла, и что, наконецъ, она имѣла свое великое прошедшее, свою блестящую исторію, оказала человѣчеству величайшія услуги".

„Пока буржуази есть,—пишетъ Бѣлинскій въ заключеніи письма,—и пока она сильна—я знаю, что она должна быть и не можетъ не быть. Я знаю, что промышленность—источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же источникъ и великихъ благъ для общества. Собственно, она только послѣднее: зло во владычествѣ капитала, въ его тиранніи надъ трудомъ".

Эти краткія выписки изъ писемъ Бакунина показываютъ, какъ умѣлъ „Неистовый Виссаріонъ" реалистически подходить къ тѣмъ сложнымъ

Digitized by Google

соціальнымъ вопросамъ, которые впослѣдствіи такъ долго и мучительно нарывали въ нашей передовой литературѣ.

Во многомъ Бѣлинскій опередилъ своихъ современниковъ, сумѣвъ ребромъ поставить вопросы, которые едва-едва намѣчались у другихъ русскихъ писателей сороковыхъ годовъ.

Для изученія міросозерцанія Бѣлинскаго, да и вообще людей сороковыхъ годовъ, ихъ переписка представляетъ, пожалуй, болѣе цѣнный матеріалъ, чѣмъ статьи. И въ письмахъ приходилось объ острыхъ вопросахъ говорить „съ опаской", но все-таки можно было свободнѣе говорить, чѣмъ въ печати, крѣпко привязанной короткою цензурною цѣпью. Да и къ тому же, дѣятели сороковыхъ годовъ были большіе мастера и большіе любители писать длиннѣйшія письма, цѣлыя тетради, цѣлыя посланія.

Это еще болѣе усугубляетъ интересъ солиднаго труда А. Пыпина, съ его обширнѣйшими выдержками изъ переписки Бѣлинскаго.

П. Б.

К. А. Пажитновъ. *Положеніе рабочаго класса въ Россіи.* СПБ. 1908 г. 305 стр. Изд. 2-е.

Фактъ, не лишенный симптоматическаго значенія—книжка Пожитнова выходитъ въ короткое время вторымъ изданіемъ (дополненнымъ и исправленнымъ). Много ли еще найдется книгъ и брошюръ, вышедшихъ послѣ 17 октября и потребовавшихъ новаго изданія? Успѣхъ этой книги, я думаю, слѣдуетъ приписать не столько ея внутреннымъ достоинствамъ, сколько интересу къ данному вопросу среди читателей и извѣстной односторонности литературы русскаго марксизма. До сихъ поръ русскіе идеологи пролетаріата слишкомъ исключительно заботились о, такъ называемомъ, вовлеченіи рабочихъ массъ въ политику. Послѣ извѣстной борьбы противъ „экономизма", понимавшаго задачи пролетарской борьбы слишкомъ узко и односторонне, палка была перегнута въ другую сторону: экономическіе вопросы были вовсе заброшены; доходило до того, что вными „марксистами" всякая рѣчь объ экономическомъ положеніи рабочаго класса отвергалась, какъ „экономизмъ", какъ ересь. Русскіе марксисты писали очень много о политикѣ, соціологіи, философіи, не чурались даже эстетики; и менѣе всего оказалось изученнымъ экономическое положеніе Россіи вообще и положеніе рабочаго класса въ Россіи—въ частности. Въ области экономики Россіи вниманіе наше привлекалъ почти исключительно аграрный вопросъ,—что легко объясняется опять таки требованіями политической борьбы,—борьбы противъ народничества. Успѣхъ книги К. А. Пажитнова долженъ обратить на себя вниманіе, какъ явленіе положительнаго характера.

Въ достаточно живо и популярно изложенной формѣ Пажитновъ даетъ

Digitized by Google

общій очеркъ санитарныхъ, жилищныхъ, правовыхъ условій жизни русскаго рабочаго. Далѣе рѣчь идетъ о продолжительности рабочаго дня, заработной платѣ, медицинской помощи, обезпеченіи отъ несчастныхъ случаевъ, о штрафахъ, фабричныхъ лавкахъ, наконецъ, о забастовкахъ, о профессіональныхъ союзахъ и политической борьбѣ. Насколько возможно вообще охватить всѣ эти вопросы въ одной книжкѣ, авторъ сумѣлъ ввести читателя въ кругъ экономическихъ интересовъ жизни русскаго пролетаріата; книга сослужитъ полезную службу, какъ введеніе въ изученіе предмета. Теоретическая сторона вопросовъ выяснена не всегда достаточно,— трудно сказать, почему: въ силу ли недостаточной подготовки автора или вслѣдствіе того, что его мысль въ моментъ составленія книги была слишкомъ поглощена заботой о собираніи и группированіи фактическаго матеріала. Замѣчается также нѣкоторая неопытность въ использованіи статистическаго матеріала. Наконецъ, нельзя считать удачной мысль автора о дѣленіи пореформенной эпохи на періоды,—дѣленіе искусственное: „періодъ свободнаго договора“ и „періодъ бюрократическаго урегулированія рабочаго вопроса“. Легче было бы помириться съ дѣленіемъ (если ужъ оно такъ необходимо) въ зависимости отъ роста промышленности или отъ характера рабочаго движенія: „бюрократическое урегулированіе“ саме было величиной производной, можно даже сказать: явленіемъ поверхностнымъ. Оно вызывалось и входило въ силу въ зависимости отъ другихъ, болѣе существенныхъ, явленій жизни.

Въ первый періодъ „всѣ ужасы первоначальнаго, неурегулированнаго капиталистическаго фазиса нашли себѣ выраженіе“,—оправдываетъ авторъ свое дѣленіе на періоды. На самомъ дѣлѣ эти ужасы были не результатомъ отсутствія регулированія, и отъ „первоначальнаго фазиса капитализма“ слѣдуетъ отличать докапиталистическій періодъ первоначальнаго накопленія,—періодъ отдѣленія работника отъ средствъ производства, эпоху экспропріаціи мелкаго производителя. Указаніе Флеровскаго, не опровергаемое и Пажитновымъ, на то, что рабочій не могъ существовать на заработную плату,—совершенно ясно характеризуетъ эпоху именно первоначальнаго накопленія (см. соотв. главу у К. Маркса „Капитала“, т. I).

Далѣе, говоря о книгѣ Пажитнова, нельзя не остановиться на одномъ ходячемъ среди русскихъ марксистовъ воззрѣніи, которое раздѣляется и нашимъ авторомъ. Вообще, марксизмъ учитъ, что государственная организація представляетъ собою не что иное, какъ организацію экономически господствующаго класса. Русскіе же марксисты, признавая капитализмъ господствующей формой производства въ Россіи, постоянно отдѣляютъ государственную россійскую организацію отъ организаціи экономически-господствующаго общества,—изображаютъ государственную власть только какъ пережитокъ докапиталистической эпохи, противостоящій россійской буржуазіи. Нашъ авторъ вѣренъ этому оффиціальному взгляду россійскаго марк-

Digitized by Google

ризма. Онъ говоритъ о „союзѣ“ самодержавія съ капиталомъ (стр. 178) — союзъ предполагаетъ союзниковъ, какъ отдѣльныя величины; мысль, что рабочіе посмотрятъ на законъ 2 іюля 1897 года, какъ на вынужденную уступку, „отравляла воображеніе бюрократіи“ (стр. 182)—только бюрократіи? Законы составлялись „бюрократіей *и* капиталистами“ (стр. 187); „старый режимъ принималъ близко къ сердцу интересы хозяевъ“ (стр. 261); заявленія капиталистовъ „попадали въ чувствительное мѣсто“ бюрократіи (стр. 175); „старый полицейско-бюрократическій строй... служилъ надежнымъ оплотомъ“ гнету эксплоатаціи (стр. 2) и т. д. и т. п. Не говоря уже о томъ, что не только старый, но и новый, не только русскій, но и французскій, швейцарскій, американскій,—не только полицейско бюрократическій, но и архи-демократическій строй классоваго государства служилъ и служитъ всегда и вездѣ „оплотомъ“,—остановимся на „старыхъ отношеніяхъ между россійской государственной организаціей и владѣльцами капитала.

Послѣ 1861 г. „новая быстро-растущая сила—промышленный капиталъ—расчищалъ себѣ дорогу къ власти“,—говоритъ Пажитновъ. Капиталъ—это вѣрно;—промышленный—это невѣрно: не только промышленный, и даже не столько промышленный, сколько кабацкій, ростовщическій, хищническій,—вообще капиталъ такъ называемаго первоначальнаго накопленія. Расчищалъ дорогу къ власти,—и это вѣрно. Расчистилъ ли?

У насъ еще очень сильны старыя, сословныя и кастовыя представленія о русскихъ общественныхъ отношеніяхъ. „Крестьянинъ работаетъ, купецъ торгуетъ, дворянинъ служитъ“,—этотъ идеалъ Н. Карамзина, идеалъ крѣпостнической касты, былъ даже во времена Карамзина только идеаломъ: на самомъ дѣлѣ и тогда такого рѣзкаго разграниченія не существовало. Но отъ кастовыхъ идеаловъ Карамзина въ насъ твердо засѣла мысль, что бюрократъ—„служитъ“ и только, что онъ только чиновникъ; въ видѣ вынужденной уступки допускается еще мысль, что „бюрократъ“—землевладѣлецъ. Но бюрократъ—заводчикъ, ростовщикъ, кабатчикъ, фабрикантъ, акціонеръ—такое представленіе чуждо нашему сознанію, вопреки очевидности кричащихъ фактовъ. И мы твердимъ: бюрократъ *и* капиталистъ, правительство „опирается“, „помогаетъ“, „подавляетъ“ и т. д. И Пажитновъ, подобно другимъ, жалуется на то, что „инициатива“ у насъ „пришиблена полицейско-бюрократическимъ гнетомъ“, (стр. 216).

Жалуется и самъ же опровергаетъ себя фактами. Фабриканты иногда даютъ полиціи деньги на содержаніе тайныхъ агентовъ, иногда же „содержатъ ихъ непосредственно отъ себя“ (стр. 184); они устраиваютъ при фабрикахъ тюрьмы для рабочихъ, не предусмотренныя закономъ (тамъ же)—развѣ это не политическая инициатива? И посмотрите, какъ бережно относится къ этой инициативѣ „бюрократія“! И какой насмѣшникъ внушилъ русскимъ марксистамъ мысль, будто старый политическій

Digitized by Google

строй былъ „по самой своей природѣ враждебенъ *всякому* общественному движенію“? Конечно, Пажитновъ правъ, говоря, что рабочее движеніе было несогласно съ основами стараго строя (стр. 188). Да, именно рабочее! Но почему же рабочее, а не „движеніе“ фабрикантовъ въ сторону заведенія фабричныхъ шпіоновъ и тюремъ? Отвѣтъ ясенъ, какъ ясно и усиленіе политическихъ репрессій противъ рабочихъ по мѣрѣ роста,— не только рабочаго движенія, но и силы капитала, поскольку эта сила не разбивалась о силу поднимающагося пролетаріата.

Капиталъ, „расчищавшій дорогу къ власти“, сталъ властью. Именно въ этомъ, а не въ мнимой боязни „бюрократіи“ за кого-то другого, лежитъ причина того, что всякое экономическое движеніе рабочихъ переходило въ политическое движеніе противъ правительства, если въ дѣло вмѣшивалась „бюрократія“: это значитъ, что на защиту отдѣльнаго члена класса капиталистовъ выступала организація капиталистовъ,—классъ выступалъ противъ класса, а всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Въ классовомъ государствѣ экономическая борьба неотдѣлима отъ политической,—послѣдняя вырастаетъ изъ первой, экономическіе мотивы борьбы превращаются въ мотивы политическіе; экономическія завоеванія— въ завоеванія политическія. На частномъ примѣрѣ костромского движенія 1905 (стр. 279) Пажитновъ даетъ намъ превосходную иллюстрацію этихъ общихъ положеній. По всей его книгѣ разбросаны свидѣтельства завоеваній рабочаго движенія въ области сокращенія рабочаго дня, уменьшенія штрафовъ, урегулированія расчета, улучшенія быта. Тѣмъ болѣе страннымъ звучитъ его выводъ. Всѣ эти завоеванія онъ считаетъ „жалкими поправками и починками“, „висящими въ воздухѣ“ пока октябрьскія событія 1905 года не дали всѣмъ намъ извѣстныхъ результатовъ въ смыслѣ измѣненія *формы* политическаго устройства, формы организаціи господствующаго класса.

Я не думаю умалять историческое значеніе октябрьскихъ дней; я не закрываю глаза на то, что результатомъ этихъ дней было громадное проясненіе классоваго сознанія русскаго пролетаріата; но чтобы видѣть эти результаты въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ, я хотѣлъ бы, чтобы это проясненіе распространилось и на интеллигентныхъ идеологовъ пролетаріата... И первымъ шагомъ къ проясненію ихъ сознанія я счелъ бы отказъ отъ мысли, что сокращеніе рабочаго дня—жалкая поправка или починка, какъ и отъ мысли о возможности существованія (хотя бы въ видѣ „остатка“) внѣклассовой государственной организаціи въ обществѣ, раздѣленномъ на классы. Если для нихъ была недостаточно убѣдительна одновременность политическихъ и экономическихъ завоеваній пролетаріата, то одновременность усиленія репрессій противъ политическихъ и противъ экономическихъ выступленій рабочаго класса, можетъ быть, окажется убѣдительнѣе...

Digitized by Google

Можетъ быть, тогда будетъ лучше понято и явленіе, слѣдующимъ образомъ формулированное Пажитновымъ: „Подъ вліяніемъ соціалъ-демократіи борьба рабочаго класса еще болѣе усилилась, принимая новыя формы по мѣрѣ того, какъ подымался уровень его сознательности и сплоченности". (стр. 170). Можетъ быть, тогда и Пажитновъ вмѣсто этого или наряду съ этимъ найдетъ возможнымъ сказать: „Подъ вліяніемъ рабочаго класса борьба соціалъ-демократіи еще болѣе усилилась, принимая новыя формы по мѣрѣ того, какъ поднимался уровень ея сознательности и сплоченности".

Надо надѣяться, что настоящее изданіе книжки Пажитнова—не послѣднее. И желательно, чтобы авторъ продолжалъ собирать и систематизировать матеріалы по данному вопросу; но особенное вниманіе должно быть обращено авторомъ на теоретическую сторону дѣла.

М. Ольминскій.

А. Мюллеръ. *Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи.* Съ предисловіемъ и статьей проф. И. Х. Озерова „Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика предпринимателей". Мск. 1907 г. Ц. 1 р.

Книга А. Мюллера представляетъ значительный практическій интересъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ авторъ подробно излагаетъ сущность и значеніе рабочихъ секретаріатовъ въ Германіи—исторію ихъ возникновенія, принципы организаціи, задачи дѣятельности; во второй онъ разсматриваетъ и подвергаетъ критическому анализу практику примѣненія закона о страхованіи рабочихъ въ Германіи по даннымъ отчетовъ рабочихъ секретаріатовъ. Дѣловымъ тономъ, но живымъ и яснымъ языкомъ, знакомитъ книга А. Мюллера не только съ теоретическими основами законодательной охраны труда, но—что особенно цѣнно—здѣсь слышится голосъ жизни рабочихъ массъ, здѣсь выясняются недостатки этого законодательства, приводится его критика, основанная на многолѣтнихъ наблюденіяхъ юридическихъ консультацій для рабочихъ, т. е. органовъ самодѣятельности пролетаріата, которые больше всего приспособлены къ регистраціи дефектовъ закона.

Издательство поступило разумно, что снабдило весьма приличный переводъ книги А. Мюллера приложеніемъ статьи проф. И. Х. Озерова „Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика предпринимателей". Русское рабочее законодательство вообще и государственное страхованіе рабочихъ въ частности идетъ по стопамъ германскаго рабочаго законодательства. Министерство торговли и промышленности выработало восемь законопроектовъ: 1) правила о наймѣ рабочихъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, 2) о рабочемъ времени лицъ, не достигшихъ 17-тилѣтняго возраста,

Digitized by Google

женскаго пола и взрослыхъ рабочихъ, 3) о страхованіи рабочихъ въ случаяхъ болѣзни и отъ несчастныхъ случаевъ, 4) о сберегательныхъ кассахъ обезпеченія, 5) о мѣрахъ поощренія строительства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ, 6) о промышленной инспекціи, 7) объ окружныхъ промышленныхъ присутствіяхъ и 8) объ учрежденіи промысловыхъ судовъ, которые передъ внесеніемъ ихъ въ Госуд. Думу второго созыва обсуждались въ особомъ совѣщаніи министерства, съ участіемъ представителей промышленности и нѣкоторыхъ ученыхъ. Въ числѣ послѣднихъ присутствовалъ проф. И. Озеровъ, который, какъ участникъ и очевидецъ этого совѣщанія, критикуя законопроекты министерства, подробно и мѣтко выясняетъ классовую позицію предпринимателей и эгоистическую подоплеку ихъ оппозиціи къ этимъ законопроектамъ. Въ настоящее время эти законопроекты снова пересматриваются въ комиссіи министерства торговли и промышленности и будутъ внесены въ Госуд. Думу третьяго созыва съ значительными измѣненіями. Всѣ недостатки германскаго рабочаго законодательства въ нихъ сохранены и значительно усилены въ сторону защиты предпринимательскихъ интересовъ. Поэтому критика А. Мюллера недостатковъ германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ сохраняетъ полную силу и для Россіи и представляетъ практическій интересъ и пользу.

Изъ частностей особенное вниманіе слѣдуетъ обратить, напримѣръ, на отвѣтственность предпринимателей при паховой грыжѣ. Германское имперское страховое управленіе раньше считало эту грыжу, выступившую во время работы, слѣдствіемъ увѣчья и назначало въ этомъ случаѣ ренту. Но затѣмъ эта практика подверглась измѣненію и теперь для признанія паховой грыжи слѣдствіемъ увѣчья необходимо представить цѣлый рядъ доказательствъ. Послѣднія, въ силу условій образованія этой болѣзни, настолько затруднительны, что консультаціи и адвокаты по дѣламъ увѣчныхъ рабочихъ въ Россіи, напр., прямо отказываются отъ этихъ дѣлъ. Рабочіе секретаріаты въ Германіи упорно борются за признаніе массового, сильно распространеннаго, заболѣванія рабочихъ грыжей—увѣчьемъ и эта безуспѣшная борьба лишній разъ конкретно подчеркиваетъ, что между застрахованными рабочими и предпринимателями зіяетъ глубокая пропасть, которую нельзя устранить никакой совмѣстной работой въ общихъ учрежденіяхъ и присутствіяхъ, а которая можетъ быть въ данномъ случаѣ сглажена только проведеніемъ въ рабочее законодательство общаго принципа—профессіональной отвѣтственности за увѣчья, смерть и болѣзни. Эти общія учрежденія и присутствія занимаютъ видное положеніе въ нашихъ рабочихъ законопроектахъ, но германская практика исключаетъ относительно нихъ всякія иллюзіи со стороны русскихъ рабочихъ.

Несмотря на вакханалію административно-полицейскаго произвола по отношенію къ профессіональнымъ и т. п. рабочимъ организаціямъ, рабочее движеніе и въ Россіи опрокинетъ полицейскія рогатки, прорветъ бюрокра

Digitized by Google

тическую плотину и производственно-экономическія организаціи рабочихъ создадутъ и въ Россіи на смѣну увѣчнымъ адвокатамъ институтъ рабочаго секретаріата. Рабочей интеллигенціи предстоитъ крупная работа, требуются большія знанія и практическія свѣдѣнія, для полученія которыхъ мы и рекомендуемъ книгу А. Мюллера.

Д. Зайцевъ.

А. С. Шоръ. *Основныя проблемы теоріи политической экономіи.* Стр. XVI+356. Ц. 1 р. 50 к. СПБ. 1907 г.

Въ настоящее время экономическая наука переживаетъ *глубокій кризисъ*, признать который, однако, до сихъ поръ никто не рѣшался. Внѣшнимъ показателемъ такого состоянія экономической науки можетъ служить трудъ г. Шора. Только съ этой точки зрѣнія можно говорить объ „основныхъ проблемахъ теоріи"... Если принять за основную посылку обнаружившееся банкротство школы предѣльной полезности, полный теоретическій разбродъ въ лагерѣ буржуазной политической экономіи, то можно придти къ выводу: необходимо строить новую доктрину. Но *какъ* строить,— вотъ вопросъ. Какова должна быть теоретическая схема новаго ученія? Откуда взять матеріалъ для заполненія этой схемы? Естественно, является необходимость въ коренномъ пересмотрѣ всей исторіи и теоріи политической экономіи, критическое разсмотрѣніе и оцѣнка всего научнаго багажа, который имѣется въ распоряженіи буржуазныхъ экономистовъ. Книга г. Шора какъ бы ставитъ точку надъ *i*, являясь первой попыткой въ проложеніи новыхъ путей среди хаоса отжившихъ экономическихъ доктринъ, попыткой подвести солидный теоретическій фундаментъ подъ разваливающееся убогое зданіе буржуазной политической экономіи.

Само собой понятно, что всѣ попытки подобнаго рода, выражаясь языкомъ юристовъ—покушеніе съ негодными средствами. Вѣдь теоретическое безсиліе буржуазныхъ доктринъ обусловливается не случайными ошибками Германа Шмоллера, К. Менгера etc., а отношеніями буржуазной идеологіи къ пролетаріату. Вѣдь борьба съ соціализмомъ въ плоскости чистыхъ экономическихъ теорій, борьба, которую всегда ведутъ „доктрины", никогда не принесетъ послѣднимъ успѣха, ибо соціализмъ—продуктъ исторіи, а не теоретическая спекуляція. Окиньте взоромъ эволюцію экономической мысли за послѣднія 50 лѣтъ, и вы увидите поразительную картину: на протяженіи полстолѣтія подъ ударами соціализма гибнутъ *три школы* экономистовъ, вооруженныхъ всѣми аттрибутами современнаго человѣческаго знанія! Ясно, теоретически соціализмъ несокрушимъ.

Но вотъ являются господа Шоры и говорятъ: съ соціализмомъ бороться можно, ибо это ученіе въ теоретическомъ отношеніи очень слабо; оно, какъ и доктрина классиковъ, „развиваетъ... нѣсколько апріорныхъ,

Digitized by Google

абстрактныхъ положеній, которыя были уже высказаны физіократами" (стр. 333), а потому необходимо составить надлежащій противовѣсъ этимъ измышленіямъ и т. д., и т. д. Въ результатѣ создается „школа", претендующая на научный пріоритетъ въ политической экономіи. Въ данный моментъ происходитъ тоже самое, что было въ 60-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Съ формальной точки зрѣнія книга г. Шора имѣетъ такое же значеніе, какъ „Рабочія гильдіи" Брентано, или какъ „О методѣ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности" К. Менгера. Но г. Шору не удалось, да и не удастся достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ въ свое время достигли Брентано и К. Менгеръ, ибо для этого требуется сильный теоретическій умъ, а г. Шоръ—экономистъ средней руки, правда, съ большими претензіями на оригинальность.

Г. Шоръ въ своей работѣ не даетъ ничего самостоятельнаго, оригинальнаго. Основная мысль сочиненія такова: найти разумное соотношеніе между существующими политико-экономическими школами, устранить имѣющіяся между ними противорѣчія и эклектически соединить очищенные критикой элементы разнородныхъ ученій въ одно цѣлое и логически законченное. Для этого нашъ авторъ дѣлаетъ скучныя экскурсіи въ области „доктринъ", ища въ нихъ типичность, общность и единство принциповъ. Нужно отдать справедливость, г. Шоръ добросовѣстно изучилъ предметъ, буржуазную политическую эмономію, и въ его критическомъ разборѣ послѣдней мы не встрѣтили ошибокъ. Вотъ, по отношенію къ марксизму авторъ ничего путнаго не сказалъ и его разсужденія на тему о соціализмѣ стоятъ ниже критики.

Удалось ли г. Шору создать собственную „доктрину"?

Нѣтъ, и по той простой причинѣ, что какъ бы ни очищали элементы буржуазныхъ ученій, какія бы средства ни прикладывали къ ихъ оживленію, они все же не станутъ отъ этого лучше, теоретически-обоснованнѣе. Г. Шоръ думаетъ, что негры черны потому, что мало моются. Въ экономической наукѣ это утвержденіе не новое. Когда-то говорили, что ей не достаетъ индукціи, потомъ—этики, потомъ дедукціи, математики, индивидуализма и т. д. Теперь говорятъ, что нужно и то, и другое, и третье, но суть дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась. Сколько бороду ни брейте—она все-таки будетъ расти. Сколько и какъ ни ополчайтесь на соціализмъ,—онъ останется непоколебимымъ.

Итакъ, повторяемъ, книга г. Шора имѣетъ симптоматическое значеніе. И хотя онъ нигдѣ не обмолвился словомъ, что сейчасъ экономическая наука переживаетъ кризисъ, тѣмъ не менѣе, его книга говоритъ объ этомъ ясно. Нужно ожидать, что въ скоромъ времени появится рядъ книгъ подобнаго рода. Такія явленія не могутъ быть долго замалчиваемы.

І. Мукосѣевъ.

Digitized by Google

Текущая жизнь. Сборникъ статей. СПБ. 1908 г. Ц. 70 к.

Въ сборникѣ „Текущая Жизнь“ помѣщены статьи: Н. Рожкова „Третья Государственная Дума за полтора мѣсяца своего существованія“, Вл. Ильина „Идеальная страна“ съ точки зрѣнія противниковъ марксизма въ аграрномъ вопросѣ“, Г. Линдова „Кооперативы и профессіональные союзы“, Ю. Стеклова „Бонапартизмъ безъ Бонапарта“, И. Степанова „Либеральный обыватель и всеобщее избирательное право“, Г. Зиновьева „Экономическая борьба рабочихъ Германіи за 1906 г. и германскіе профессіональные союзы“. Изъ числа этихъ статей особенное вниманіе заслуживаетъ статья Г. Линдова, авторъ которой задался цѣлью проанализировать вопросъ о взаимоотношеніяхъ профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ. Этотъ вопросъ представляетъ злобу дня „текущей жизни“. Производственно-экономическая борьба снова становится во главѣ угла рабочаго движенія, какъ логическій и неизбѣжный выходъ изъ переживаемаго соціаль-политическаго кризиса. Сознательные и активные элементы пролетаріата и интеллигенціи идутъ въ ряды профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ и т. п. рабочихъ организацій, съ цѣлью придать этимъ проявленіямъ самодѣятельности широкихъ рабочихъ массъ планомѣрный и сознательный характеръ. На пути этой дѣятельности приходится преодолѣвать не только подводные камни и мели полицейскихъ репрессій, но и умѣть отличить руководящую звѣзду пролетарскаго классового движенія отъ болотныхъ огней „идеаловъ коопераціи“, миражей „созидательнаго соціализма“ и иллюзій синдикалистовъ, которые въ современной атмосферѣ политической реакціи и общественнаго упадка свѣтятъ слишкомъ ярко. Поэтому, чтобы одухотворить боевой мощью пролетарскаго движенія профессіональные союзы и кооперативы, необходимо согласовать ихъ дѣятельность съ интересами рабочихъ, какъ класса людей труда. Статья Линдова до извѣстной степени удовлетворяетъ этой задачѣ. Написана она весьма содержательно и, что особенно цѣнно, опредѣленно и конкретно выдвигаетъ позицію сторонниковъ Штутгартской и Лондонской резолюцій о профессіональныхъ союзахъ.

Нельзя аналогичнаго сказать относительно статьи Н. Рожкова, который общими мѣстами трактуетъ о не менѣе важномъ вопросѣ „текущей жизни“— о роли и значеніи третьей Государственной Думы. Его отвѣтъ на вопросъ: какъ реагировать на создавшееся положеніе?—„быть твердыми, послѣдовательными, стойкими до конца; не урѣзывать требованій; непреклонно продолжать начатое дѣло“ и пр.—звучитъ для с.-д. фракціи пустой фразой. Вѣдь за полтора мѣсяца Государственная Дума поставила передъ фракціей ряд опредѣленныхъ вопросовъ государственной политики и надо сознаться, что послѣдняя оказалась застигнутой врасплохъ. Намъ нѣтъ основаній закрывать глаза на факты: фракція высказывается противъ ассигнованія средствъ на продовольствіе населенія, но ея докладчикъ, при чтеніи по этому поводу мотивированнаго заявленія, вноситъ поправки къ правитель-

Digitized by Google

ственному распредѣленію ассигнуемыхъ суммъ спеціально для Кавказа; фракція воздерживается отъ голосованія при баллотировкѣ вопроса объ ассигнованіи средствъ на продовольствіе населенію, но она баллотируетъ за ассигнованіе средствъ на постройку моста черезъ р. Великую... Въ этомъ прежде всего нѣтъ, конечно, принципіально выдержанной позиціи и, къ сожалѣнію, статьи, подобныя замѣткѣ Н. Рожкова, меньше всего способны разъяснить это ненормальное противорѣчіе и дать соотвѣтствующія, хотя бы и односторонніе, указанія.

Русскіе публицисты марксистнаго лагеря—большіе любители историческихъ аналогій. Съ тяжелой руки Н. Ленина, мы въ продолженіе двухъ лѣтъ пережевывали вопросъ: переживаетъ ли Россія 1848 и 49 годы? Жизнь показала, что проблемы русской революціи наивно укладывать въ рамки книги Ф. Меринга. Теперь Ю. Стекловъ проводитъ новую историческую параллель между современной русской дѣйствительностью и бонапартизмомъ. Конечно, между „обществомъ 10 декабря" и „союзомъ русскаго народа" можно найти много общаго, но отсюда характеристика русской дѣйствительности, „бонапартизмомъ безъ Бонапарта" не теряетъ всей своей поверхностности и ненаучности. Бонапартизмъ—дѣтище мелкой буржуазіи и „Бонапартъ,—по словамъ К. Маркса,—представитель класса и притомъ самаго многочисленнаго класса французскаго общества, представитель мелкихъ крестьянъ-собственниковъ", тѣхъ крестьянъ, которые воспользовались плодами Великой французской революціи и на развалинахъ феодальнаго строя, путемъ конфискаціи и раздѣла помѣщичьей земли, создали свое имущественное господство. Слѣдовательно, экономическая база бонапартизма діаметрально противоположна русской дѣйствительности и аналогія между ихъ правовыми государственными надстройками можетъ быть лишь по внѣшности, но не по существу.

Въ сборникѣ помѣщена статья Н. Ленина „Идеальная страна съ точки зрѣнія противниковъ марксизма въ аграрномъ вопросѣ". Имя Н. Ленина для распространенія сборника весьма цѣнно, но его статья не имѣетъ прямого отношенія къ „темамъ жизни": она представляетъ одну главу (XII) изъ работы автора—„Аграрный вопросъ" и „критика Маркса", которая, по словамъ редакціи, которая въ силу случайнаго замедленія въ доставкѣ, не вошла въ его недавно появившуюся книгу „Аграрный вопросъ" ч. 1. (Спб. 908 г.).

Непріятное и скучное впечатлѣніе производитъ замѣтка И. Степанова, который „сногсшибательно" полемизируетъ съ И. Чернышевымъ по вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Мы не имѣемъ желанія защищать позицію И. Чернышева, но для читателя и брань И. Степанова—не доказательства, его ругань—не аргументы... Весьма недурно написана замѣтка Г. Зиновьева и весьма интересно съ фактической стороны составлена хроника профессіональнаго движенія въ Россіи и за границей.

Внѣшность изданія прилична. **Д. Зайцевъ.**

Digitized by Google

Очерки всеобщей исторіи И. Н. Бороздина, Е. А. Ефимовой, В. Н. Перцева, В. В. Филатова, Г. А. Штейгера, М. А. Эртеля. Со вступительной статьей С. А. Котляревскаго. Часть I. Древній міръ и средніе вѣка. М. 1908 in 8-vo. 4 нен.+332.

Названная книга составляетъ второй томъ предпріятія московскаго книгоиздательства „Польза" В. Антикъ и К° подъ заголовкомъ „Народный университетъ", имѣющаго выйти въ 12 томахъ (по подпискѣ 13 руб.). Согласно общему плану изданія, предположено посвятить одинъ томъ первобытной культурѣ, два тома—всеобщей исторіи, одинъ томъ—русской исторіи, одинъ томъ—исторіи религіи, по одному тому—исторіи западно-европейской литературы и исторіи русской литературы, по одному тому—географіи всеобщей и русской и, наконецъ, по одному тому на государство, финансы и политическую экономію. Изъ проспекта, очень пестраго именами авторовъ, видно, что отъ изданія нельзя ожидать единства и опредѣленности міровоззрѣнія, ни даже одинаковости научной высоты отдѣльныхъ томовъ. Наша литература опять мало-по-малу вступаетъ въ полосу безразличія и партійнаго индифферентизма. Первый томъ „Очерковъ всеобщей исторіи" снабженъ *введеніемъ* С. А. Котляревскаго (стр. 1—6): бѣглое, блѣдное и неизвѣстно на какого читателя разсчитанное изложеніе г. Котляревскаго не имѣетъ никакого отношенія къ „Очеркамъ". Авторъ высказывается противъ историческаго идеализма и матеріализма; больше достается послѣднему, когда авторъ развязно и смѣло заявляетъ, что односторонность экономики въ исторіи „доводилась иногда до полнаго абсурда: изъ хозяйственныхъ перемѣнъ не только безъ остатка выводились тѣ или другія особенности въ эволюціи общественнаго и политическаго строя, но также различныя своеобразныя теченія въ области религіи, искусства и литературы" (стр. 4). Не будемъ спорить на тему объ исторической грамотности этой фразы, поспѣшимъ къ заявленію г. Котляревскаго, что историческая наука, покончивъ съ идеализмомъ и матеріализмомъ, стремится въ сторону *реализма*... „Нужно ли говорить,—заключаетъ свое введеніе г. Котляревскій, — что этотъ научный реализмъ вполнѣ согласимъ съ одушевленнымъ философскимъ идеализмомъ, съ глубоко прочувственнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, съ неизмѣнной вѣрой въ вѣчныя моральныя цѣнности?" Это заключеніе такъ же плохо вяжется со всѣмъ введеніемъ, какъ само введеніе—со всѣми очерками. И для чего намъ нужно знать, что реализмъ г. Котляревскаго разсыпается въ прахъ предъ велѣніями „одушевленнаго философскаго идеализма"? И что читатель можетъ вынести изъ этого введенія, къ тому же испорченнаго въ началѣ какимъ-то типографскимъ недоразумѣніемъ? Отдѣльные очерки, помѣщенные въ книгѣ, принадлежатъ *М. А. Эртелю* — Древній Востокъ (стр. 7 — 37), *А. Г. Штейгеру* — Древняя Греція, Римъ и германцы на Западѣ до 700 года (стр.

Digitized by Google

38 — 170), *В. В. Филатову* — Арабы и Византія, отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени (стр. 171 — 200, 228 — 324) и *И. Н. Бороздину* — Каролингское возрожденіе и феодализмъ (стр. 201 — 227). Перечисленныя статьи неодинаковаго достоинства и вмѣстѣ интереса. Статья „Древній Востокъ" недостаточно опредѣленна и ясна, грѣшитъ двумя-тремя лишними лирическими отступленіями. Очеркъ „Феодализмъ" едва ли можно признать вполнѣ удачнымъ; авторъ запугиваетъ читателя страшными словами и схематизмомъ, не давая сколько-нибудь яркой характеристики строя. Дать характеристику послѣдняго на 12 страницахъ и безъ того очень трудно, а г. Бороздинъ не избѣгаетъ при этомъ ряда лишнихъ, ничего не дающихъ фразъ. Для научно-популярнаго изложенія игра въ ученость излишня; всего лучше — простота и ясность. Статьи гг. Штейгера и Филатова серьезны и содержательны, но страдаютъ тѣмъ, что на немногихъ сравнительно страницахъ хотятъ охватить или все, или, по крайней мѣрѣ, очень многое. Къ тексту „Очерковъ" приложенъ рядъ рисунковъ.

В. Николаевъ.

Б. Спекторскій. *Очерки по философіи общественныхъ наукъ.* Вып. I. Общественныя науки и теоретическая философія. 1—8+245 стр. Варшава.

Бѣдность русской литературы по вопросу, затронутому г. Спекторскимъ въ его книгѣ, заставляетъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ каждой новой попыткѣ подвести философскій фундаментъ подъ различнаго рода соціологическія построенія. Къ сожалѣнію, лежащій передъ нами трудъ г. Спекторскаго даетъ очень мало новаго въ указанномъ отношеніи и своимъ громкимъ заглавіемъ можетъ обмануть ожиданія неопытнаго читателя.

Какъ заявляетъ въ предисловіи самъ авторъ, его „Очерки" есть не что иное, какъ „обломки иного, несравненно болѣе притязательнаго труда, именно, попытки обосновать общественныя науки на такъ называемой теоріи познанія". Но впослѣдствіи „авторъ совсѣмъ отказался отъ своей задачи и даже сталъ отрицательно относиться къ ней". И вотъ воспользовавшись „обломками" труда, имѣвшаго совершенно иное назначеніе, почтенный авторъ построилъ новое зданіе, онъ постарался доказать „на примѣрѣ наиболѣе типичныхъ попытокъ теоретическаго пересозданія и углубленія нравственныхъ наукъ", что „настоящей философіей общественныхъ наукъ, ихъ настоящей теоріей познанія" является „нравственная философія" (8 стр.)

Обосновывая эту далеко не новую мысль, г. Спекторскій дѣлаетъ бѣглый смотръ „наиболѣе типичнымъ" примѣрамъ изъ исторіи общественныхъ наукъ и съ быстротою военно-полевой юстиціи произноситъ рядъ безапел-

Digitized by Google

ляціонныхъ приговоровъ. Въ оправданіе автора нужно сказать, что ему весьма трудно было бы воздержаться отъ аподиктическихъ сужденій, такъ какъ совершенно невозможно на страницахъ такой сравнительно небольшой книжки подвергнуть тщательному анализу весь тотъ матеріалъ, съ которымъ оперируетъ нашъ изслѣдователь. Естественно поэтому, что историческія экскурсіи автора производятъ впечатлѣніе слабо-обоснованнаго обвинительнаго акта, направленнаго противъ нераздѣляемыхъ авторомъ воззрѣній. Съ особенной строгостью г. Спекторскій отнесся къ марксизму.

Г. Спекторскій сравниваетъ положенія научнаго соціализма съ догматами богословія и находитъ, что въ тонкостяхъ діалектическихъ построеній марксизма разбираются „лишь очень немногіе". Мы очень боимся, что къ числу этихъ „немногихъ" едва ли принадлежитъ нашъ авторъ. По крайней мѣрѣ, въ теоріи классовой борьбы онъ находитъ „фатализмъ или даже квіетизмъ" (стр. 69), а матеріализмъ Маркса-Энгельса отождествляетъ съ наивнымъ матеріализмомъ. И это послѣ рѣзкихъ отзывовъ Энгельса о матеріализмѣ Бюхнера и Фохта! Затѣмъ авторъ утверждаетъ, что „Марксъ проповѣдовалъ близкое наступленіе новаго общества и равнодушно относился къ реформѣ стараго" (стр. 245). Какъ кажется, автору совершенно неизвѣстно отношеніе Маркса къ англійскому фабричному законодательству точно такъ же, какъ, повидимому, для него не существуютъ всѣ новѣйшія попытки связать теорію Маркса съ современными философскими теченіями. Г. Спекторскій собралъ рядъ шаблонныхъ, стертыхъ, какъ старыя монеты, возраженій противъ марксизма и преподнесъ ихъ въ видѣ окончательныхъ приговоровъ, неподлежащихъ никакому обжалованію. Нѣтъ, положительно „лишь немногіе" разбираются въ этой „метафизикѣ голода", какъ презрительно называетъ марксизмъ г. Спекторскій.

Авторъ склоненъ объяснять „неполноту и архитектоническіе недочеты" своей книги тѣмъ, что „этотъ выпускъ появляется на свѣтъ нѣсколько раньше, чѣмъ предполагалъ авторъ". Не зная обстоятельствъ, заставившихъ автора ускорить выходъ его книги, мы все же думаемъ, что для читателей было бы гораздо выгоднѣе, если-бы г. Спекторскій выносилъ свое дѣтище, а не предподносилъ бы такихъ мертворожденныхъ произведеній.

М. В.

Гр. А. К. Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. *Н. Денисюкъ.* М. Изд. А. С. Панафидиной. Ц. 30 к.

Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. *Состав. Н. Денисюкъ.* Вып. I. М. Изд. А. С. Панафидиной. Ц. 1. р.

Г. Денисюкъ во-время поспѣлъ со своими книжками. Теперь, благодаря „Нивѣ", распространяется недорогое собраніе сочиненій Толстого,

Digitized by Google

знакомство съ поэтомъ расширяется въ массѣ. Тутъ невольно вспоминаешь, о томъ, какъ выпукло и жизненно говорилъ Писаревъ объ *умѣньѣ читать*. Будемъ надѣяться, что въ свою мѣру и сборники г. Денисюка поощрятъ такое умѣнье. Самая безполезная часть въ текстѣ г. Денисюка—вступленія, отступленія и разъясненія г. составителя. Благонамѣрены эти разсужденія, но и слишкомъ пухлы, путаны и безсвязны. Г. Денисюкъ то вдругъ у „аскетовъ 60-хъ годовъ" не найдетъ „ни даже нравственныхъ принциповъ". То объявитъ Толстого „продуктомъ культуры общинно-земледѣльческой Руси" съ „патріархальнымъ началомъ въ крови". Или прицѣпляетъ къ поэту мѣрку „чувствительно сангвиническаго типа", соглашаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что „вопросъ о темпераментѣ" слишкомъ „сложенъ и споренъ". Вообще, подчасъ языкъ г. Денисюка — врагъ его. Г. Котляревскій въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки" правильно замѣтилъ, что „наша критика въ долгу передъ Алексѣемъ Толстымъ". Поэтъ писалъ однажды: „Мнѣ больно отъ всѣхъ диссонансовъ жизни — и оттого я и люблю искусство". Такое самочувствіе художника меньше всего досматривалось нашими критиками. У г. Денисюка въ первомъ выпускѣ „Критической литературы" много мѣста удѣлено разборамъ г. Н. Соколова. Послѣдній не доцѣниваетъ, принижаетъ даже творчество Толстого, вноситъ какіе-то архаизмы въ свои толкованія. Но и его критика сравнительно болѣе содержательна: болѣе серьезна, внимательна, планомѣрна. Во всякомъ случаѣ у него именно осязательно оттѣнена черта жизописи и знанія въ поэзіи Толстого. Во второмъ выпускѣ приводятся статьи еще 1862—3 гг. о романѣ „Князь Серебряный". Въ большой публикѣ онъ и доселѣ читается и перечитывается. Въ 60-хъ годахъ къ нему относились иные съ немалою строгостью. Думается, это наименѣе художественная и оригинальная вещь у Толстого. Но историческимъ романамъ изъ русской жизни, можетъ быть, нынѣ только еще откроется должный просторъ. Толстому не въ упрекъ— лучшая повѣсть смѣнитъ „Князя Серебрянаго".

А. Налимовъ.

В. И. Чарнолусскій. *Къ школьной реформѣ.* Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1908 г.

При „Ежегодникѣ внѣшкольнаго образованія" и „Ежегодникѣ народной школы", издаваемыхъ въ Москвѣ товариществомъ И. Д. Сытина подъ редакціей В. И. Чарнолусскаго, стала выходить и „библіотека народнаго образованія". Эта книжка и есть первый выпускъ ея.

Она состоитъ главнымъ образомъ, изъ проектовъ, посвященныхъ дѣлу народнаго образованія, появившихся за тѣ послѣдніе года, когда страна дѣлала такое колоссальное усиліе освободиться отъ цѣпей, давящихъ ее уже столько вѣковъ. Здѣсь вы находите проекты органическаго закона по народному образованію и проекты внутренняго распорядка будущей народной школы; проекты, внесенные министерствомъ народнаго просвѣ-

Digitized by Google

щенія, проекты членовъ Государственной Думы, проекты такихъ учрежденій, какъ лига образованія съ ея отдѣлами и такихъ лицъ, какъ А. В. Овсянниковъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, Я. И. Душечкинъ, Н. В. Чеховъ, В. Самсоновъ, Н. Сторожевъ, Г. А. Фальборкъ. Имѣются проекты партіи народной свободы. Интересенъ отдѣлъ „Народное образованіе въ новыхъ проектахъ мѣстнаго самоуправленія" (проекты мин. внутр. дѣлъ, сибирскаго проекта, проекта городового положенія кадетской партіи И. М. Щепкина, проекта В. Линда). Заканчиваются матеріалы проектами общественной народной школы высшаго типа.

Матеріалы эти, съ удивительной яркостью вызывающіе въ памяти читателя весь тотъ подъемъ, какой общественная мысль пережила за послѣдніе годы, объединенные въ одно цѣлое, представляютъ чрезвычайно цѣльную работу. Она свидѣтельствуетъ съ полной ясностью, что среди нашихъ просвѣтительныхъ круговъ бьется живой общественный пульсъ. Конечно, она производитъ впечатлѣніе и извѣстной непослѣдовательности, и извѣстной незаконченности, но не надо забывать, что весь періодъ то продолжался всего два-три года. Работа вѣдь и оборвалась тогда, когда ей предстояло окончательно вырваться изъ стѣнъ интеллигентскихъ кабинетовъ на тѣ пути, которые прокладываетъ сама масса народная и теперь мы находимся и въ области школы подъ тѣмъ же токомъ возвращенія назадъ, подъ какимъ регрессируетъ вся русская жизнь...

Особый интересъ представляетъ предисловіе, сопровождающее эти проекты. Оно написано В. И. Чарнолусскимъ, расположившимъ самые матеріалы въ извѣстномъ порядкѣ. Характерна та принципіальная позиція, какую онъ занимаетъ. Онъ высмѣиваетъ тѣ куриные шаги, которые всего 4—5 лѣтъ тому назадъ казались блестящими завоеваніями, и категорически заявляетъ, что если бы даже всѣ частности реформы были совершенно выяснены въ народномъ познаніи, то это все же не значило бы, что онѣ имѣютъ хотя бы какой-нибудь шансъ для своей реализаціи въ жизнь сейчасъ. „Прежде всего необходимо признать,—пишетъ онъ,—что практическое осуществленіе органической реформы школьнаго дѣла въ настоящее время совершенно невозможно: попытки такой реформы совершенно безнадежны и, въ концѣ-концовъ, только вредны, такъ какъ могутъ имѣть лишь компромиссный характеръ и являютъ готовность за чечевичную похлебку такихъ компромиссовъ продать великіе принципы образованія, которые выстраданы нами въ прошломъ, и которые, по всѣмъ даннымъ, имѣютъ теперь такую богатую воспріимчивую почву въ народныхъ массахъ". Да, 4—5 лѣтъ тому назадъ и такимъ языкомъ не говорили...

Пожелаемъ успѣха книгѣ г. Чарнолусскаго не только среди дѣятелей народнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и среди самыхъ разнообразныхъ круговъ читателей. Л. К.

Digitized by Google

М. Новорусскій. *Земля и ея жизнь.* Ц. 40 к.

М. Новорусскій предпосылаетъ своей брошюрѣ маленькое, просто написанное предисловіе.

Въ немъ онъ обращается къ дѣтямъ и выражаетъ надежду, что если они со вниманіемъ отнесутся къ его книжкѣ, то „передъ ними оживетъ мертвое царство природы. Они увидятъ смыслъ и интересъ во всемъ, къ чему прежде такъ были равнодушны, и станутъ ко всякому камню относиться съ тѣмъ пониманіемъ, которое требуется отъ разумнаго существа"...

„А если ее удосужится прочесть взрослый самоучка, — прибавляетъ авторъ въ концѣ предисловія,—онъ безъ труда усвоитъ все то, въ чемъ можетъ затрудняться ребенокъ." Авторъ слишкомъ скроменъ. Намъ, кажется, что книга эта и составлена скорѣе именно для „взрослыхъ самоучекъ", а не для дѣтей. Разумѣется, дѣтямъ школьнаго возраста, которые уже знакомятся съ естественными науками, она тоже будетъ интересна. Книга задумана и написана 7 лѣтъ тому назадъ, и автору, можетъ быть, не было тогда возможности знать, сколько народилось въ Россіи такихъ взрослыхъ самоучекъ, какая жажда знанія охватила широкія массы народа, которымъ приходится получать необходимыя имъ знанія, простоявъ цѣлый день за какимъ-нибудь станкомъ или у той или другой машины. Именно такимъ-то самоучкамъ и нужна его книга, такъ какъ въ богато теперь развившейся русской популярной литературѣ чувствуется пробѣлъ какъ разъ по вопросу о происхожденіи земли и ея жизни и какъ разъ недостаетъ „всѣмъ доступнаго изложенія науки о землѣ". Имѣются, правда, хорошія переводныя брошюры, но онѣ недостаточно приспособлены для русскаго читателя и гораздо менѣе популярны. Дѣтямъ же младшаго возраста, къ которымъ авторъ обращается со своимъ предисловіемъ, брошюра его будетъ трудна.

Книга М. Новорусскаго распадается на двѣ части. Въ первой онъ даетъ рядъ подготовительныхъ свѣдѣній относительно различныхъ свойствъ тѣлъ, ихъ растворимости, кристаллизаціи, сродства и окисляемости. Во второй же части онъ переходитъ къ самой темѣ своей брошюры, къ жизни земли.

Намъ кажется, что книга была бы много живѣе, если бы предварительныя свѣдѣнія не были изложены отдѣльно, а сообщались бы постепенно, въ теченіе самого основного изложенія. Но въ общемъ, книжка написана очень живо, просто и вполнѣ доступно для читателя-самоучки. Мы очень рекомендуемъ ее также и учителямъ народныхъ школъ, которые, съ большой пользой для своихъ учениковъ, могутъ продѣлать всѣ указанные авторомъ простые опыты и дѣйствительно оживить для нихъ и заставить говорить „мертвое царство природы".

В. Величкина.

Digitized by Google

Новыя книги поступившія въ редакцію.

Ольга Форшъ. Рыцарь изъ Нюренберга. Ц. 75 к.

Е. Артемьевъ. Фараонъ. Ц. 5 к.

Богданъ Рыкъ. Быль и небылица. (Разсказы). Ц. 50 к.

Н. Гумиловъ. Романтическіе цвѣты. Стихи. Ц. 50 коп.

А. Баулина. Дума и Пѣсни.

Вадимъ Гардиеръ. Стихотворенія. Сборникъ первый. Ц. 75 к.

Alexander. По бездорожью. Стихи. Ц. 50 к.

Евгенія де-Турже-Туржанская. „Отклики". Гимназистка. Ицкина коза. Курсистка. Ц. 10 к.

М. Сасинъ. „Черныя Розы". Стихотворенія. Ц. 25 к.

Александръ Блюменау. «Amores». Стихотворенія. Ц. 1 р.

Владиміръ Голиковъ. Кровь и Слезы. Поэмы. Ц. 75 к.

Н. Лопатинъ. Чума. Романъ. Ц. 85 к.

Леонидъ Билинскій. Обнаженія. Ц. 80 к.

Д. Айзманъ. Враги. Разсказъ. Ц. 5 к.

Евгеній Курловъ. Война. Ц. 50 к.

Левъ Зилова. Стихи. Ц. 65 к.

Альманахъ „Кристаллъ". Харьковъ. 1908 г. Ц. 80 к.

Евгеній Елачичъ. О томъ, какъ дѣти мыли полъ и другіе разсказы. Ц. 30 коп.

Екатерина Энъ. Разсказы. Томъ II. Ц. 80 коп.

Ив. Тхоржевскій. Облака. Лирическая сюита. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. К-во „Грифъ". Ц. 1 р.

Виталій Танскій. Femina Sapiens. К-во «Мысль». Ц. 75 к.

Семенъ Шпицеръ. Разсказы. Книгоизд. „Олимпъ". Ц. 60 к.

А. Вермишевъ. За правдой. Изд. к-ва „Новый Міръ". Ц. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Пять пьесъ. Ц. 1 р. 50 к.

Музинъ. Крахи. Ц. 60 к.

Григорій Новицкій. Зажженныя бездны. Стихи. Ц. 1 р.

Александръ Ярошко. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Николай Карповъ. Риѳмы. Ц. 75 к.

Петръ Кожевниковъ. Разсказы. Изд. к-ва „Метель". Ц. 80 к.

Юлій Журавскій. Разсказы и стихотворенія въ прозѣ. Пер. съ польск. Е. и М. Троповскихъ. Ц. 1 р.

Второй Литературный Сборникъ Сибиряковъ. Разсказы и Стихи. Товарищеское изданіе. Ц. 50 к.

Изданія кн-ва „Шиповникъ".

Е. Чириковъ. Марья Ивановна, комедія въ 4 дѣйств. Ц. 60 к.

Шалонъ Ашъ. Разсказы. Т. I Ц. р.

Изданія А. С. Панафидиной.

Э. С. Вульфсонъ. Какъ живутъ сарты. Ц. 30 к.

Его-же. Эсты, ихъ жизнь и нравы. Ц. 15 к.

В. Ст—въ. Н. И. Новиковъ. Популярный очеркъ. Ц. 10 к.

Ф. Берге. Естественная исторія. Изученіе растеній. Перев. съ нѣмецк. Г. М. Ц. 50 к.

С. Гурвичъ. Записки еврейскаго мальчика.

Литературише Монатешрифтенъ. Изд. Л. А. Шлосбергъ.

Изданія Т-ва „Издательское Бюро".

П. Гиршбейнъ. Одинокіе міра. Драмы. Т. I. Ц. 1 р.

Артуръ Шницлеръ. Маріонетки. Перев. съ нѣм. А. Будкевичъ. Ц. 75 к.

А. Черевкова. Разсказы. Ц. 1 р.

Анатоль Франсъ. Эрнестъ Ренанъ. Пер. съ франц. Е. Гуровой. Ц. 30 к.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

Вас. Немировичъ-Данченко. Незамѣтные герои. Ц. 1 р.

А. П. Нечаева. Великій круговоротъ. Ц. 25 коп

Н. Рубакинъ. На необитаемомъ островѣ. Ц. 40 коп.

Л. Б. Хавкина. Индія. Ц. 80 к.

П. Засодимсій. Наслѣдіе вѣковъ. Ц. 60 коп.

Е. Курлова. За идею, и другіе разсказы. Ц. 50 к.

Г. А. Фальборкъ. Всеобщее образованіе въ Россіи. Ц. 1 р.

Проф. Л. Е. Владиміровъ. Курсъ Уголовнаго Права, ч. I. Ц. 2 р. 50 к.

Ежегодникъ народной школы. Вып. I. Под. ред. В. И. Чарнолускаго. Ц. 1 р. 50 к.

Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи. Книга 1-я. Ц. 2 р.

Изданія Ф. Павленкова.

Научно-популярная библіотека для народа:

В. Лункевичъ. Земля. Ц. 14 к.

Его же. Жизнь въ каплѣ воды. Ц. 8 к.

Его же. Бичи земли и чудеса природы. Ц. 16 к.

Digitized by Google

Его же. Общественная жизнь животныхъ. Ц. 12 к.

Его же. Вода. Ц. 30 к.

Его же. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Ц. 24 к.

Его же. Тайга и тундра. Ц. 14 к.

Его же. Наука о жизни. Ц. 1 р. 25 к.

К. Фламмаріонъ. Общедоступная астрономія. Пер съ франц. В. Черкасова. Ц. 70 к.

Ф. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Пер. съ нѣм. М. П. Іолшина. Ц 40 к.

П. Гере. Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго (въ Германіи). Пер. съ нѣм. Э. Берштейнъ Ц. 1 р.

Д. И. Писаревъ. Собраніе сочиненій. Дополнит. вып. Ц. 35 к.

Семенъ Юшкевичъ. Разсказы и Пьесы. Изд. Т-ва „Знаніе". Ц. 1 р.

Ола Гансонъ. Женщины, какихъ много. Новеллы. Переводъ подъ ред. Н. Кауфмана. Изд. К ва „Пропилеи". Ц. 1 р.

Изданія Н. Глаголева.

Эрнестъ Ренанъ. Жизнь Іисуса. Пер. съ франц. О. А. Крыловой. Ц. 1 р.

Его же. Исторія Израильскаго народа. Т. I. Перев. съ франц. Е. П. Смирнова. Ц. 1 р.

Ж. Сорель. Эрнестъ Ренанъ. Критическій этюдъ. Перев. съ франц. В. И. Иванова. Ц. 80 к.

Максимъ Ковалевскій. Очерки по исторіи политическихъ учрежденій Россіи. Перев. А. Баумштейна, подъ ред. Е. Смирнова. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія Д. И. Тихомирова.

Библіотека для семьи и школы:

Л. Н. Толстой. Первый сборникъ разсказовъ. Ц. 20 к.

Его же. Второй сборн. разск. Ц. 25 к.

А. Сизова. Великій печальникъ земли русской святой Филиппъ, митрополитъ Московскій. Историч. разск. Ц. 10 к.

К. Носиловъ. На дикомъ сѣверѣ. 1-й сборникъ разск. Ц. 40 к.

Его же. 2-й сборникъ разсказовъ. Ц. 40 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Изъ далекаго прошлаго. Воспоминанія. Ц. 1 р.

Ив. Шмелевъ. Въ новую жизнь. Повѣсть. Ц. 50 к.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Что пѣли струны. Разсказы. Ц. 30 к.

Его же. Въ Манчжуріи. Картинки и сценки изъ войны съ Японіей. Ц. 20 к.

Его же. Повѣсть о похожденіяхъ майора Бобкова. Ц. 35 к.

Г. Ф. Лестеръ. Къ свободѣ и порядку. Перев. съ англ. Н. П. Дружинина. Ц. 45 к.

Самородки - пѣвцы народной жизни. А. В. Кольцовъ, И. С. Никитинъ, Т. Г. Шевченко. Ц. 40 к.

Иностранные народные поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. жур. „Юная Россія". Ц. 35 к.

Его же. Служители правды. Ц. 50 к.

Изданія А. Ф. Девріена.

П. Вольногорскій. Въ лѣсу и въ полѣ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Рейли-Ширяевъ. Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

„Серпъ". Сборникъ 1-й. Ц. 50 к. Сборникъ 2-й. Ц. 1 р.

Изданія М. В. Пирожкова.

Вѣчные спутники Д. Мережковскаго. Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ. Ц. 50 к.

Проф. А. Трачевскій. Новая исторія. Томъ II. 1750—1848 гг. Ц. 3 р.

А. П. Щаповъ. Сочиненія. Томъ III. Ц. 3 р.

Изданія С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Бѣлорусовъ. Въ старомъ домѣ. Ц. 1 р.

А. О. Оливети. Проблемы современнаго соціализма. Перев. съ итал. Г. К. подъ ред. В. М. Шулятикова. Ц. 80 к.

Изданія К-ва „Правда".

Кауфманъ, А. Е. Друзья и враги евреевъ. 1) Д. И. Пихно. Ц. 10 к. III) А. С. Суворинъ («Новое Время»). Ц. 20.

Изданія Т-ва М. О. Вольфъ.

З. К. Столица. Очерки по философіи идеализма. Ц. 50 к.

В. Шимкевичъ. Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста. Ц. 30 к.

В. В. Сиповскій. Исторія литературы, какъ наука. Ц. 30 к.

А. С. Догель. Кровь. Ц. 25 к.

Проф. П. И. Ковалевскій. Мірозданіе Ц. 80 к.

Изданія А. Н. Заруднаго.

Беротовъ. Страна свободныхъ земель. Ц. 50 к.

Луи Проаль. Воспитаніе и самоубійство дѣтей. Перев. съ франц. А. Т. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Б. Торгашевъ Потребительныя общества на Западѣ. Ц. 30 к.

Влад. Адам. Скандеръ. Протоевропеецъ и протоаріецъ.

Изданія Акц. О-ва „Брокгаузъ-Ефронъ".

М. А. Курчинскій. Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни.

Эрнестъ Ренанъ. Исторія израильскаго народа, т. I. Вып. 1-й Перев. съ франц. подъ ред. С. М. Дубнова. Ц. 1 р.

Изданія Кн-ва „Просвѣщеніе".

Проф. Ахиллъ Лоріа. Соціализмъ. Соціальный дарвинизмъ. Перев. съ франц. съ предисл. д-ра Е. А. Аркина. Ц. 15 к.

Эд. Доллеанъ. Робертъ Оуэнъ, его жизнь и ученіе. Перев. съ франц. Н. И. Сувирова. Ц. 50 к.

Иванъ Янжулъ. Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Ливерпульская ассоціація. Ц. 1 р. 25 к.

Изданія „Посредника".

А. С. Пругавинъ. Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Ц. 40 к.

Л. Н. Толстой. Недѣланіе. Ц. 5 к.

Его же. Религія и нравственность. Ц 5 к.

Его же. Вѣрьте себѣ. Ц. 4 к.

Эдвардъ Карпентеръ. Я поднимаюсь изъ тьмы. Перев. съ англ. Сергѣя Орловскаго. Ц. 25 к.

Метью Арнольдъ. Въ чемъ сущность Христіанства и Іудейства? Перев. съ англ. Ц. 75 к.

І. Т. Сэндерлэндъ. Библія. Перев. съ англ. подъ ред. В. Черткова. Ц. 50 к.

Адинъ Балу. Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ. Пер. съ англ. съ предисл. И. Горбунова-Посадова. Ц. 45 к.

Е. Чижовъ. Тайны и Чудеса Божьяго міра. Ц. 60 к.

Изданія Дм. Мирина.

Густавъ Френссенъ. Среди дикарей. Перев. съ нѣм. Н. Ш. Ц. 1 р.

Р. В. Трайнъ. Въ Гармоніи съ Безконечнымъ. Перев. С. П. Ц. 1 р.

Изданія Кн—ва „Новыя Силы".

В. Украинскій. Крестьянская община и аграрная реформа. Ц. 50 к.

М. Б. Ратнеръ. Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія. Ц. 1 р. 20 к.

А. Бахъ Экономическіе очерки. Часть 2-я. Ц. 15 к.

Ф. Волховскій. Швейцарская военная система. Ц. 20 к.

Изданія В. Д. Карчагина.

Церковно-славянская азбука и первая книга для церковно-славянскаго чтенія. Ц. 15 к.

М. Юрьева. Товарищи дѣтства. Разсказъ для дѣтей. Ц. 20 к.

С. Макарова. Горемычные. Исторразсказъ для дѣтей изъ русск. жизни. Ц. 45 к.

Оскаръ Уайльдъ. Замѣчательные разсказы и сказки. Излож. для дѣтей И. П. Сахаровымъ. Ц. 50 к.

„Изданіе Библіотеки Общественной Пользы".

А. Писарева. Краткій курсъ русской исторіи для самообразованія. Часть 1 до XIX вѣка. Ц. 40 к.

Сидней Лоу. Государственный строй Англіи. Перев. съ англ. В. И. Браудо. Ц. 1 р. 50 к.

Б. В. Добрышинъ. Задачи современной интеллигенціи. Ц. 25 коп.

П. Милюковъ. Вторая Дума. Ц. 1 р. 50 к.

М. И. Фридманъ. Современные косвенные налоги на предметы потребленія. Том. I. Ц. 3 р.

Петръ Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Том. I. Ц. 2 р. 50 к.

„Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія" (изд. СПБ. Родительскаго Кружка).

Вып. 51) **Пр.-доц. А. Ф. Лазурскій.** О развитіи воли и характера у дѣтей. Ц. 40 к.

Вып. 52) **А. Виреніусъ.** Характеристика ребенка. Ц. 30 к.

Вып. 53) **Проф. П. И. Ковалевскій.** Отсталыя дѣти, причины отсталости и борьба съ нею. Ц. 30 к.

Вып. 54) **Н. С. Карцевъ.** Иностранные языки въ семьѣ. Ц. 40 к.

Вып. 55) **Н. В. Казминъ.** Современное семейное воспитаніе въ Россіи. Ц. 40 к.

Вып. 56) **П. Ѳ. Каптеревъ.** Объ общественно-нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Ц. 30 к.

Критическое Обозрѣніе (изд. комиссіи по организаціи домашняго чтенія).

1907 г. вып. III. Ц. 40 к.; вып. V Ц. 40 к.

1908 г. вып. I (VI) ц. 50 к.; вып. II (VII) ц. 50 к.

1908 г. вып. III (VIII) ц. 50 к.

Е. И. де-Витте. Св. Первоучители славянскіе Кириллъ и культурная

Digitized by Google

роль ихъ въ Славянствѣ и Россіи. Издан. О-ва ревнителей русск. историч. просвѣщ. въ память Импер. Александра III. Ц. 50 к.

А. Покровскій. Хищники. Изд. т-ва М. Д. Орѣховъ и К°. Ц. 10 к.

М. Хотуенъ. Половая жизнь и воспитаніе Ц. 30 к.

Отто Рюле. Объясненіе половыхъ отношеній дѣтямъ. Перев. съ нѣм. М. Тагановскаго. Изд. К-ва „Зерно" Ц. 10 к.

Д-ръ В. В. Гориневскій. Заразы и заразныя болѣзни въ общедоступномъ изложеніи. Изд. журн. „Практическая Медицина". Ц. 2 р.

Д-ръ И. С. Бомштеннъ и д-ръ Р. О. Лунцъ. Вскармливаніе ребенка. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія „Литературно-Медицинскаго журнала" д-ра Окса.

Г. П. Задера. Право фельдшеровъ и фельдшерицъ на высшее медицинское образованіе.

Фельдшеръ А. А. Горбачевичъ. Самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ и необходимость ея узаконенія.

Д-ръ Б. А. Оксъ. Отрытое письмо редактору газеты „Русскій Врачъ" Д-ру С. В. Владиславлеву.

Проф. Г. В. Хлопинъ и пр.-доц. К. Э. Добровольскій. Обезвреживаніе питьевой воды посредствомъ озона.

Инж.-мех. С. Я. Тимоховичъ. Какой системѣ вентиляціи для школъ надо отдать предпочтеніе. Ц. 20 к.

Ш. Лезанъ. Начатки математики. Пер. съ франц. П. Т. Егунова. Изд. В. И. Яковенко. Ц. 70 к.

Л. Никоновъ. Практическія занятія по начальному курсу природовѣдѣнія. Изд. Подвижн. Музея Учебныхъ Пособій. Ц. 50 к.

М. Левинъ. Учебникъ Природовѣдѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

В. Чернышевъ. Педагогическіе взгляды А. Н. Радищева. Ц. 10 к.

М. И. Успенскій. Обществовѣдѣніе въ начальной школѣ. Ц. 10 к.

А. Шейнъ-Фогель. Русская грамматика, обработанная на новыхъ началахъ старо-давняго происхожденія. Ц. 15 к.

А. Морозовъ. Русское правописаніе. Ц. 40 к.

А. Б. Сахаровъ. Ариѳметика. Изд. И. Т. Балашова. Ц. 70 к.

И. С. Штейнгауеръ. Первые уроки географіи. Изд. Н. П. Карбасникова. Ц. 45 коп.

А. Б. Петрищевъ. Триста лѣтъ. (1606—1906). Изд. 2-е. „Оріонъ". Ц. 50 к.

Е. М. Чепурковскій. Элементы общаго землевѣдѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

Петръ Клунный. Окончившіе учительскіе институты стучатся въ закрытую дверь Университета.

Евгеній Елачичъ. Сборникъ программъ лекцій по біологіи. Изд. Спб. О-ва Народн. Университетовъ. Ц. 50 к.

Ив. Абрамовъ. Старообрядцы на Вѣткѣ.

Б. Низе. Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія. Перев. съ нѣм. подъ ред. М. И. Ростовцева. Изд. Т-ва „Общественная Польза". Ц. 3 р.

А. Клоссовскій. Метеорологія. Часть I.

А. И. Богдановичъ. Годы перелома. 1895—1906. Ц. 1 р. 50 к.

Народный Университетъ. Очерки Всеобщей Исторіи. Ч. I. Изд. Кн-ва „Польза" В. Антикъ и К°.

Д-ръ А. Т. Омельченко. Герой нездороваго творчества. („Санинъ", романъ Арцыбашева). Изд. К-ва „Посѣвъ". Ц. 35 коп.

Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. Изд. К-ва „Наша Жизнь". Ц. 1 р.

Алексѣй Мошинъ. Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ. Ц. 60 коп.

П. Е. Стоянъ. Безсмертіе души. Ц. 15 к.

Рейбель. Изнанка германской нравственности. Перев. съ французскаго Ц. 35 коп.

Ѳ. В. Езерскій. Что дѣлаетъ человѣка честнаго нечестнымъ и нечестнаго честнымъ.

Его же. Международная азбука. Цѣна 60 коп.

Дм. Кайгородовъ. На разныя темы. Изд. А. С. Суворина. Ц. 1 р.

В. Н. Кораблевъ. Литературныя замѣтки Ц. 1 р.

А. А. Берсъ. Нравственность, какъ неминуемый продуктъ общественныхъ инстинктовъ. Ц. 40 коп.

Густавъ Френсенъ. „Рукопись". Жизнь Спасителя Ц. 75 к.

А. И. Смирновъ. Цѣль жизни. Ц. 30 к.

И. П. Барановъ. М. Арцыбашевъ, какъ художникъ-психологъ и импрессіонистъ и какъ пѣвецъ смерти стараго и жизни новаго человѣка. Изд. С. И. Иванова. Ц. 35 коп.

Д. А. Деворъ. Наши Шекспиры и Гете. Ц. 60 коп.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Часть V. Эскизы и силуэты. Изд. Б-ки „Свѣточа". Ц. 1 р.

А. Г. Горнфельдъ. Книги и люди. Изд. Кн-ва „Жизнь" Ц. 1 р. 25 к.

Автобіографическія записки Ивана Михайловича Сѣченова. Изд. „Научнаго Слова". Ц. 1 р. 30 к.

Digitized by Google

Словарь литературныхъ типовъ. Тургеневъ. Изд. ред. журн. „Всходы". Ц. 1 р.

Вильгельмъ Оствальдъ. Путеводныя нити въ химіи. Пер. А. Генерозова и Н. Ряховскаго подъ ред. проф. Н. Н. Худякова. Ц. 1 р. 40 коп.

Жоржъ Сорель. Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства. Перев. съ франц. подъ ред. Л. Козловскаго. Изд. В. Иванова. Ц. 1 р. 25 к.

С. А. Зноско-Боровскій. Законовѣдѣніе. Вып. III. Изд. Бр. Башмаковыхъ. Ц. 80 коп.

Ник. Дубровскій. Оффиціальная наука въ Царствѣ Польскомъ. Ц. 45 коп.

І. С. Новоплянскій. Дарвинизмъ или вѣчное упражненіе? Ч. І. Ц. 35 к.

П. Севрукъ. Теорія ренты Карла Маркса. Ц. 30 коп.

А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни Юго-Западнаго Края. Вып. І. Ц. 35 коп.

Ф. Оппенгеймеръ. Отвѣтъ на кн. Ч. Ст. Чамберлена „Основы XIX вѣка" („Евреи"). Пер. съ нѣм. Ц. 15 коп.

Т. В. Локоть. Бюджетная и податная политика Россіи Ц. 1 р.

Выборгскій процессъ. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянская библіотека: изд. Н. Ермина.

А. В. Глѣбовъ. Сельскія потребительныя общества. Ц. 5 к.

Его же. Кредитныя товарищества. Ц. 5 к.

А. Б. Ривлинъ. (Пролетарій). Забытый герой, или Рагешъ, отець іудеевъ. Историч. разск. Изд. Евр. Литер.-Худож. О-ва г. Луганска. Ц. 8 к.

А. Ш—гъ. Трагедія шестимилліоннаго народа. Ц. 10 к.

А. Бюхнеръ. Дарвинизмъ и соціализмъ. Ц. 50 к.

Его же. Сила наслѣдственности. Ц. 60 к.

Первая Дума о евреяхъ. Рѣчи депутатовъ. Ц. 3 к.

О правѣ жительства евреевъ.

Н. Соузгетъ Шэлеръ. Гражданинъ и его отношеніе къ государству. Вып. II. Пер. съ англ. подъ ред. В. В. Лермонтова. Ц. 75 к.

Н. Рах—овъ. Къ философіи марксизма. Изд. ред. журн. „Научная Мысль". Ц. 30 к.

Я. Лещинскій. Еврейскій рабочій въ Лондонѣ. Изд. Кн-ва „Перевалъ". Ц. 20 к.

Протоколы Конференціи Россійскихъ Національно - Соціалистическихъ Партій. 16—20 Апрѣля 1907 г. Изд. Кн-ва „Сеймъ". Ц. 60 к.

Дж. Стюартъ Милль. Представительное Правленіе. Перев. К. И. Дебу. Изд. „Популярно-Научной Библіотеки". Ц. 75 к.

А. А. Николаевъ. Кооперація. Изд. С. В. Бунина. Ц. 30 к.

С. Мельгуновъ. Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Московскомъ Университетѣ. Изд. „Свободной Россіи". Ц. 50 к.

Н. Я. Абрамовичъ. Человѣкъ будущаго. Изд. К-ва „Прометей". Ц. 50 к.

А. Геттнеръ. Европейская Россія. Пер. съ нѣм. Л. Д. Синицкаго. Изд. журн. „Землевѣдѣніе". Ц. 1 р.

М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія. Подъ ред. проф. И. М. Гревса и Б. А. Кастяковскаго. Т. І. Ц. 2 р. 50 к.

П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. І. Ц. 3 р.

Вѣстникъ Теософіи. Религіозно-философско-научный журналъ. 1908 г. № 1. Ц. 50 к.

„Живая Жизнь". № 2. 1908 г. Ц. 25 к.

„Гермесъ", научно-популярный вѣстникъ античнаго міра. Т. 1. 1907 г. Октябрь—Декабрь.

Д. Т. Майдановъ и І. И. Рыбаковъ. Новый карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. Кн-ва М. С. Козмана въ Одессѣ. Ц. 75 к.

Леонид Пахаревський. Нехай живе життя! Пьеса на 4 діи. Кіевъ. Ц. 25 к.

Литературно-научная Библіотека:

№ 1. **Уйлямъ Морисъ.** Новини отъ Никждѣ. Утопиченъ романъ. Перев. Статья Богданова и Г. Базарова Ц. 2. 50. Л. В.

№ 2. **Максимъ Горки.** Моитѣ интервюта и Девети януарий. Перев. Г. Бакалова. Ц. 60 ст.

№ 3. **Емиль Вандервельдъ.—Т. Плехановъ.—А. Луначарски.** Изкуство и Социализъмъ. Пер. Ст. Поповой. Ц. 1 л.

№ 4. **Георги Плехановъ.** Философскитѣ и литературнитѣ възгледи на Бѣлински. Пер. Ст. Поповой и Т. Бакалова. Ц 1. 20 л.

Българска Сбирка XV. 1. Излаги подъ ред. на Ст. С. Бобчевъ. София.

Съврѣменна Хигиена. Годъ. II. Януарий. 1908 г. кн. 1. София.

Дзвінъ. Збірникъ. І. Изд. „Дзвин" въ Кіевѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Dr. Julian Reichesberg. Der internationale Sozialistenkongress in Stuttgart. Red. Prof. Dr. N. Reichesberg in Bern.

Separat-Abdruck aus Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band XXVI, Heft I.

Digitized by Google

Dr. Ahron Eliasberg. Die Bedeutung des Allmendbesitzes in der Gegenwart.

Первое общее собраніе членовъ общества россійскихъ фельдшеровъ.

Вечерніе курсы съѣзда нефтепромышленниковъ для рабочихъ въ 1906—1907 уч. году по даннымъ анкетнаго изслѣдованія.

Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1905 и 1906 годы.

Протоколы учредительнаго съѣзда федераціи національныхъ и территоріальныхъ союзовъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію. Ц. 50 коп.

С. И. Доброскловскій. Опытъ оцѣнки питательнаго достоинства «голодныхъ хлѣбовъ».

Врачебно-санитарная хроника. Годъ 1-й, № 3 и 4, ноябрь—декабрь 1907 г.

Д-ръ Н. А. Кабановъ. О международномъ вспомогательномъ языкѣ Эсперанто и его значеніи для медицинскихъ конгрессовъ. Ц. 10 к.

А. Н. Оппенгеймъ. Два доклада по вопросу объ оздоровленіи города Спб. 1) О городскомъ Преображенск. кладбищѣ. 2) О крематоріумѣ.

Грамотность и земско-школьная дѣятельность въ Тульской г. за десятилѣтіе 1896/7—1905/6 уч. гг. Сост. **Ѳ. И. Сухановъ.** Изд. Тульскаго Губ. Земства.

Отчетъ Общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ Самарской губ. за 1905, 1906 и первую половину 1907 года.

А. А. Валаевъ. Полное счетоводство учрежденій мелкаго кредита. Ц. 75 ъ

Библіографическій сборникъ. подо. ред. И. П. Бѣлоконскаго. № 3-й. Ц. 35 коп.

Отчетъ Библіотеки О-ва Взаимнаго Вспомоществованія Приказчиковъ-Евреевъ г. Одессы имени учредителя С. Л. Бернфельда за 1907 г.

Отчеты санитарныхъ врачей С.-Петербургскаго Губернскаго Земства за 1906 г.

Матеріалы для оцѣнки земель Харьковской губ. Старобѣльскій уѣздъ. Вып. II. Изд. Харьковской Губ. Зем. Управы.

Народный Университ. въ г. Томскѣ.

Капиталъ сельскихъ безплатныхъ библіотекъ въ Сибири.

Изданія Вологодской Губернской Земской Управы.

Матеріалы для оцѣнки земель Вологодской губ. Томъ II. Вологодскій уѣздъ. Вып. 1 и 2. Ц. 2 р.

Основанія оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ обложенію земск. сборами. Вологодскій уѣздъ. Ц. 50 к.

Сельско-хозяйственный Обзоръ Вологодской губ. 1905—1906 сельскохозяйств. годъ (Годъ 5-й) Вып. I—Зима и Весна. Ц. 75 к.

Изданія книжн. магаз. С. Скирмунта „Трудъ".

О дѣтскихъ книгахъ. Ц. 2 р.

Каталогъ книгъ, вышедш. въ 1906 г Вып. VII. Ц. 10 коп.

Отвѣтственный редакторъ **Орестъ Конъ.** Издатель **Ал. Острогорскій.**

Объявленія.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

Руководство къ его изученію въ трехъ выпускахъ

составилъ

А. Острогорскій,

Директоръ Тенишевскаго Училища въ С.-Петербургѣ.

Вышелъ первый выпускъ:

I. Статьи для списыванія.

Въ этомъ изданіи примѣненъ новый педагогическій пріемъ.

Цѣна **15** к., съ перес. **30** к.

Digitized by Google

Изданія редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ“.

Проф. К. Гильти.

СЧАСТЬЕ.

Популярные очерки по нравственной философіи. Переводъ съ нѣмец. Александра Острогорскаго.

5-е изданіе.

Цѣна 50 коп.

Проф. Т. Циглеръ.

Что такое нравственность?

Перев. съ нѣмец. Александра Острогорскаго.

3-е изданіе.

Цѣна 50 коп.

Выписывающіе изъ редакціи (СПБ., Моховая, 33) за пересылку не платятъ.

Популярнѣйшія

велосипедныя марки:

„СВИФТЪ“ мод. „РИМЪ“

„БЛОКЪ-ПІОНЕРЪ“

„РОЙАЛЪ-БЛОКЪ“

ТРЕБУЙТЕ НОВЫЙ КАТАЛОГЪ.

ПРАВЛЕНІЕ Т-ВА

МОСКВА,

Мясницкая, 15.

Отдѣленія и представители повсюду.

Не забудьте сослаться при запросахъ на этотъ журналъ.

Digitized by Google

СТРАН.

. *ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.* Сатиры и эпиграфы **Б. Львова** . . . . . 40—53
. Среди журналовъ **В. М—ча** . . . . . 54—63
. *ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.* Бюрократическія предначертанія **А. Клейнборта** . . . . . 64—84
. *КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.*

1. Осипъ Думпель. Земля пашетъ. **Н. Я. А—вичъ.** 2. Сборникъ Т-ва „Мысль" (XX). **Его же.** 3. Б. П. Никоновъ. Въ стѣнахъ гимназіи. **А. Клейнборта.** 4. Мих. Лемке. Очерки освободительнаго движенія „шестидесятыхъ годовъ". **М. Ольминскаго.** 5. А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. **П. Б.** 6. К. А. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. **М. Ольминскаго.** 7. А. Мехлеръ. Рабочіе спекулянты и стратегіяпа рабочихъ въ Германіи. **Д. Хавцева.** 8. А. С. Шорнъ. Основныя проблемы теоріи политической экономіи. **Его же.** 9. Очерки всеобщей исторіи. **В. Николаева.** 10. П. Сиповскій. Очерки по философіи общественныхъ наукъ. **И. В.** 11. Гр. Л. Н. Толстой. Его драмы, школа и отношенія. **А. Нахимова.** 12. Б. Н. Чичерина. Къ новымъ реформамъ. **Л. К.** 13. М. Покровскій. Земля и ея жизнь. **М. Великовской.** Поэзія такого поступающія отъ радикаловъ . . . . . 85—115
. Объявленіе.

ВЫШЕЛ ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ:

ЖИВОЕ СЛОВО.

Книга для изученія родного языка.

Часть I. Для учениковъ I класса средней общеобразовательной школы

составили:

Александръ Петроговскій.

Директоръ Тенишевскаго Училища въ С.-Петербургѣ.

Матеріалъ для чтенія подобранъ въ книгѣ „Живое Слово" значительному обновленію. Особенное вниманіе также обращено составителемъ на полнѣйшую занятность книги, онѣ отнесенъ на прекрасной бумагѣ и иллюстрирована большимъ количествомъ рисунковъ (свыше 130). Помимо снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, многіе статьи иллюстрированы мастерски выполненными рисунками художниковъ: **Н. Бакшина, Д. Бордоновскаго, Б. Кустодіева, И. Левитовскаго, Н. Рерихъ, Н. Чемберса, С. Чехонина и др.**

Въ книгѣ 368 стр. больш. форм. Цѣна 90 коп. безъ перес.

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1908 г.

на

литературный и общественно-политическій журналъ

„ОБРАЗОВАНІЕ“.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами въ 25 листовъ,

при редакціонномъ участіи:

М. Арцыбашева, Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Особое вниманіе будетъ обращено на развитіе литературнаго и публицистическаго отдѣловъ, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей литературной и общественной жизни.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Въ художественномъ отдѣлѣ: Н. Абрамовичъ, Л. Андрусонъ, М. Арцыбашевъ, К. Бальмонтъ, В. Башкинъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, И. Бунинъ, Л. Василевскій, А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Г. Галина, А. Гольдебаевъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, В. Дмитріева, П. Дмитріевъ, Б. Лазаревскій, О. Дымовъ, Борисъ Зайцевъ, А. Каменскій, А. Крандіевская, Маркъ Криницкій, А. Купринъ, О. Мирскій, В. Муйжель, И. Наживинъ, А. Рославлевъ, И. Рукавишниковъ, А. Серафимовичъ, Сологубъ, Н. Танъ, Е. Тарасовъ, Н. Тимковскій, Е. Чиряковъ, С. Юшневичъ и др.

Въ научномъ отдѣлѣ: С. Ашевскій, В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Бернацкій, А. Богдановъ, М. Бугелъскій, Б. Веселовскій, В. Величкина, Н. Воробьевъ, Г. Гроссманъ, Д. Зайцевъ, П. Звѣздичъ, А. Ершовъ, А. Ельницкій, И. Жилкинъ, Л. Клейнбортъ, В. Коганъ, А. Коллонтай, Е. Колтоновская, А. Лаонцкій, І. Любарскій, А. Луначарскій, В. Львовъ, Л. Мартовъ, В. Мачтенскій, П. Масловъ, П. Мякотевъ, В. Мусосѣевъ, А. Наймовъ, М. Оленовъ, М. Ольшинскій, В. Ольховскій, Б. Орловъ, П. Орловскій, П. Румянцевъ, Е. Смирновъ, И. Степановъ, П. Стрѣльскій, В. Сторожевъ, Ф. Тотоміанцъ, А. Чеботаревская, А. Яблоновскій и др.

Цѣна на годъ 7 рублей съ пересылкой, на полгода—3 руб. 50 к., на мѣсяцъ—60 коп., заграницу—9 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: **СПБ. Моховая, 33.** В Москвѣ—при книжн. магаз. „Трудъ“, „Весна“ и у Н. Печковской, въ Кіевѣ—у А. Соколовскаго, въ Одессѣ—въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ), „Образованіе“ (Ришельевская), „Книжно-Журнальное Дѣло“ (Греческая) и „Трудъ“ (Дерибасовская).

Издатель *Ал. Острогорскій.*

Digitized by Google

ТИП. Б. М. БОЛЬФА. СПБ., НЕВСКІЙ. 126.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google